Отрадненское районное общество
историков-архивистов
во имя святого преподобного Нестора Летописца

Отрадненские
историко-краеведческие
чтения

Выпуск IV

Материалы международной научной конференции,
посвящённой 130-летию
со дня рождения краеведа
Петра Митрофановича Галушко

Научный редактор С.Н. Малахов
Составитель С.Г. Немченко

Армавир – Отрадная
2016

УДК 947.1/9 (470.62)
ББК 63.3 (2 Рос-4Кра)
О 80

Научное издание

Редколлегия:

Малахов С.Н. – кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей и отечественной истории
Армавирского государственного педагогического университета (*науч. редактор*)

Мамиев М.Э. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
зав. отделом истории Института истории и археологии РСО-Алания

Немченко С.Г. – краевед,
председатель Отрадненского районного общества историков-архивистов
во имя святого преподобного Нестора Летописца (*составитель*)

Плотникова В.А. – начальник архивного отдела администрации муниципального образования
Отрадненский район

Рецензенты:

Лоба В.Е. – кандидат юридических наук, доцент, начальник Управления научно-исследовательской деятельности Армавирского государственного педагогического университета

Малахова А.С. – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Армавирского лингвистического социального института

Отрадненские историко-краеведческие чтения. Вып. IV: Материалы международной научной конференции, посвящённой 130-летию со дня рождения краеведа П.М. Галушко [Текст] / Науч. редактор С.Н. Малахов, составитель С.Г. Немченко. – Армавир: Издатель Шурыгин В.Е., 2016. – 326 с., ил.

В четвертом выпуске сборника «Отрадненские историко-краеведческие чтения» публикуются статьи и материалы, посвящённые 130-летию со дня рождения известного краеведа Приурупья Петра Митрофановича Галушко (1886–1972). В статьях участников конференции рассматриваются актуальные и малоисследованные проблемы археологии, истории, лингвокраеведения, культуры, а также церковной истории Кубани. В сборнике содержатся новые археологические и архивные данные, помогающие более полно представить историю Поурупья и сопредельных территорий с древнейших времен до наших дней.

Издание представляет интерес для историков, краеведов, учителей, студентов и всех, кто интересуется историческим прошлым Отрадненского района, Карачаево-Черкесии и Кубани.

Издание осуществлено за счёт средств авторов, при финансовой поддержке администрации Отрадненского района, администрации станицы Отрадной, Отрадненского районного казачьего общества, пожертвований Отрадненского благочиния, целевых взносов членов Отрадненского районного общества историков-архивистов и личных средств казака станицы Отрадной Немченко С.Г.

ISBN 978-5-91153-111-9

© Авторы статей, 2016
© Оформление. Издатель Шурыгин В.Е., 2016

СОДЕРЖАНИЕ

***Немченко С.Г.* От составителя** 5

I. Краевед Пётр Митрофанович Галушко

Заубидова И.Х. Краевед о краеведе 8
Немченко С.Г., Чумаченко В.К. Шевченкиана П.М. Галушко, народного мастера из станицы Отрадной 10
Росликова В.И. Воспоминания о далеких сороковых годах 15
Андреева О.В. Биографическая книга о П.М. Галушко 19

II. Археология Северо-Западного Кавказа

Хачатурова Е.А. Материалы об исследовании Семибратнего городища из архива Н.В. Анфимова 22
Прокопенко Ю.А. Абхазский самшит как товар для местной (северокавказской) и транзитной торговли 31
Малахов С.Н., Пьянков А.В., Завьялов С.Л. Византийская печать с изображением Богоматери из Усть-Лабинска 32
Пьянков А.В., Юрченко Т.В. О номисме Никифора III Вотаниата, найденной на Ильичёвском городище 34
Пьянков А.В. Шестилепестковая фибула из Западной Алании 38
Новичихин А.М. Находка русской монеты XV в. на Северо-Западном Кавказе 41
Малахов С.Н., Симонянц И.В. Газетные публикации как вспомогательный источник по составлению археологической карты микрорегиона 44
Малахов С.Н., Малахова А.С. К истории открытия и археологического исследования Ильичёвского городища Н.В. Анфимовым и М.Н. Ложкиным 46

III. Лингвокраеведение. Книжное дело. Культурология. Музееведение. Архивоведение

Шишканова А.В. О подготовке словаря лексики и фразеологии верхнекубанских казаков Карачаево-Черкесии 54
Пелих В.М. Произведения отрадненских писателей как источник по изучению русской речи 56
Слуцкий А.И. О некоторых возможностях источниковедческого анализа экслибрисов и владельческих знаков 62
Подсвирова Л.Ф. Лев Толстой. Диалоги с русскими писателями 72
Лукаш С.Н. «Артисты войны»: казаки и черкесы в творчестве русских писателей и поэтов 75
Корсакова Н.А. К вопросу об истории Краснодарского краеведческого музея и его роли в сохранении исторической памяти. 1918-1928 гг. 79
Заубидова И.Х. Государственному Карачаево-Черкесскому историко-культурному и природному музею-заповеднику им. М.О. Байчоровой – 100 лет 83
Бамбурина И.В. История Отрадненского района в документах (1920-1935 гг.) 88
Яковлев С.Ю. Из истории и деятельности архивных учреждений в России 90
Фесенко С.А. Комплектование Архивного отдела администрации муниципального образования город Армавир документами организаций и предприятий 92

IV. История

Демидов А.В. О подготовке к взятию Анапы в 1828 г. 98
Пылков О.С. Русские сарбазы в Персии 104
Дозорова Л.В. Особенности эволюции правового статуса российского дворянства на Северном Кавказе 111
Русанов К.В. Материалы к истории военных и войсковых медицинских учреждений Темрюка в XIX в. 113

Кузнецов В.А. Заметки о путевом дневнике венгерской научной экспедиции графа Е. Зичи на Кавказе в 1895 г. ... 117
Матвеев О.В. Из биографии и военно-исторического наследия А.Г. Рыбальченко ... 123
Соловьёва Н.Г. Оружие казаков в конце XIX – начале XX в. ... 137
Сидякина А.Г. Дорожные коммуникации в городской инфраструктуре Причерноморья конца XIX – начала XX в. ... 144
Самовтор С.В. Начальные училища Министерства народного просвещения в казачьих станицах на территории современной Карачаево-Черкесской республики в дореволюционный период ... 146
Ктиторов С.Н. Немецкие адреса на карте Армавира: дом и аптека В.К. Вильде ... 160
Казанков В.И. У кого хлеб – у того власть ... 166
Хабекирова Х.А. Культурные преобразования в жизни женщин-черкешенок в 1920-х–1930-х гг. ... 173
Карданова А.Х. Они защищали Сталинград ... 179
Радичко Л.В. Восстановление промышленности Отрадненского района в 1943–1946 гг. ... 184
Малахов С.Н., Малахова А.С., Немченко С.Г. Краевед М.Н. Ложкин об истории казачьего Приурупья ... 186
Лысенко Н.Ф., Пелих А.Л. Секты на Кубани в XX в. ... 193
Петров В.Н. Внутренняя миграционная мобильность населения: Краснодарский край в общероссийском контексте ... 200

V. История Православия на Кубани

Бабич А.В., Немченко С.Г. Клировая ведомость Свято-Покровской церкви ст. Бесстрашной Кубанской области за 1914 г. ... 202
Гетманская С.Н. Из истории православной жизни станиц Лабинского района (конец XIX – начало XX в.) ... 206
Кияшко Н.В. Армавирское викариатство Кубанской и Краснодарской епархии: динамика институциональных процессов церковной жизни в первые годы советской власти ... 211
Бабич А.В. Православные приходы Краснодарской и Кубанской епархии в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (на примере Лабинского благочиния) ... 217
Нестеркин А.И. Отец Виктор Райш: некоторые вехи жизни ... 248

VI. Казачий архив

Громов В.П. Василий Дмитриевич Коняхин – первый атаман возрожденного Терского казачьего войска ... 254
Храбрых В.К. Только помня и почитая своих старших, вы можете надеяться на уважение своих младших ... 258
Немченко Г.Л. Из документальной повести «Газыри в снегу» *(Шашка и каравай. 1990 год: поздние всходы)* ... 262
Смирнов Н.П. Отрадная – край мельниц и пуганых мельников ... 277
Соколова Л.А. Память и памятники ... 280
Буряк И.И. Долгая дорога к дому ... 282
Подсвиров И.Г. Рыцари ушедшей эпохи ... 290
Немченко Г.Л. Родное гнездо ... 295
Тёр В.В. Лёла и Шунь ... 305

VII. Рецензии и библиография

Голованова С.А. Проблемы интеграции Северного Кавказа в состав России (историографический обзор новейших исследований) ... 309
Карданова А.Х. Новое исследование о русском населении Карачаево-Черкессии ... 316

Список сокращений ... 321

Сведения об авторах ... 322

От составителя

С большой радостью представляю заинтересованному читателю очередной, четвёртый, том «Отрадненских историко-краеведческих чтений», посвященный памяти одного из первых краеведов Приурупья – Петра Митрофановича Галушко. Родом с Полтавщины (Украина), он вырос и прожил всю свою жизнь на Кубани, которая стала для него малой родиной. Учитель по образованию и духовному призванию, Пётр Митрофанович выучил не одно поколение отрадненских ребятишек, прививая им, как художник, через чувство прекрасного любовь к Родине, своей станице, неповторимой природе предгорий Кавказа.

П.М. Галушко был первым в числе тех, чьими усилиями был открыт народный музей в Отрадной, ставший затем богатейшим историко-археологическим музеем во всем Приурупье.

Напомню вкратце основные вехи его биографии, а читателя, желающего узнать о нем подробнее, отсылаю к биографической книге, вышедшей о нем два года назад (см.: Малахов С.Н., Немченко С.Г. Сохранение памяти. Краеведческая деятельность Петра Митрофановича Галушко. Армавир – Отрадная: Издатель Шурыгин В.Е., 2014. – 230 с., ил.).

Пётр Митрофанович Галушко (24.08. 1886, с. Кустолово Кобелякского уезда Полтавской губернии – 21.06.1972, ст-ца Отрадная Отрадненского р-на Краснодарского края) происходил из семьи малороссского казака-бедняка, переселившегося в Отрадную в конце XIX в. Окончил пять классов двухклассного училища и продолжил образование в Баталпашинском городском шестиклассном училище, там же окончил педагогический класс. С 1904 г., получив звание учителя начальных классов, учительствовал в хут. Величковском и ст-це Пензенской до 1 сентября 1918 г. В Гражданской войне участия не принимал, продолжил работать учителем начальных классов в Отрадной, где проживал постоянно с 1918 по 1972 год. В 1920-х гг. был активным деятелем профсоюза учителей (Рабпрос), редактировал и оформлял первую районную газету в период коллективизации. С 1932 г. проявил себя как самобытный самодеятельный художник, начинает преподавать в школе рисование и лепку, занимается до 50-х годов оформительской работой. С конца 1940-х гг. увлекается краеведением, создал первый школьный краеведческий музей в Отрадной (в СШ №1), с 1955 г. назначен райисполкомом руководить Краеведческим районным бюро. Результатом организованной им краеведческой работы стало открытие в мае 1957 г. самостоятельного музея из четырех отделов. Пётр Митрофанович Галушко принял активное участие в подготовке и праздновании столетия основания Отрадной (1957 г.), поддерживал связи с Государственным Историческим музеем в Москве, краеведческими музеями в Краснодаре, Черкесске, Армавире, собирая для них экспонаты. Свои краеведческие работы о прошлом Приурупья публиковал в районной газете «Советское казачество». Стоял у истоков возрождения старинных казачьих песен и их записей, собирал материалы к биографии забытого оперного певца российского масштаба, уроженца Отрадной, Василия Петровича Дамаева. П.М. Галушко написал около 40 заметок и статей на различные темы.

Все его краеведческие заметки изданы в биографической книге о нем. Но не только письменным словом он остался в истории отрадненского краеведения. Наибольший вклад он внес в социальную истории станицы и района – его активная жизненная позиция, непримиримость к несправедливости и соглашательству, требовательность к разного рода «слугам народа», часто забывающих о своей основной задаче – работать на благо народа и своей Отчизны, снискали уважение у отрадненцев; свою позицию он всегда смело оглашал через местную печать. По этой причине Пётр Митрофанович не всегда был «удобен» руководителям разного ранга… Но именно поэтому его высоко ценили и ценят земляки, как настоящего интеллигента, защитника, носителя как новых идей, так и одновременно хранителя исторического прошлого приурупского казачества.

Его главное наследство, оставленное землякам, – историко-археологический музей, который, несмотря на социально-экономические и политические перипетии второй половины XX – начала XXI столетия,

выжил и, будем надеяться, будет развиваться и дальше, как средоточие исторической памяти казачества и других народов, населяющих ныне хлебосольное и гостеприимное Приурупье.

Традиционно в содержании публикуемого сборника чтений представлено несколько рубрик. Новые материалы о жизненном пути отрадненского краеведа можно прочитать в первом разделе «Краевед Пётр Митрофанович Галушко». Здесь рассказывается о революционных связях молодого выпускника Баталпашинского городского училища (И.Х Заубидова), его украинских корнях (С.Г. Немченко, В.К. Чумаченко), жизни в условиях немецкой оккупации (В.И. Росликова). Своими впечатлениями о прочтении биографической книги о П.М. Галушко делится его родственница О.В. Андреева. Надо отметить, что многие стороны жизни отрадненского краеведа ещё не изучены.

Во второй рубрике «Археология Северо-Западного Кавказа» вводятся в научный оборот новые материалы, касающиеся Приурупья и сопредельных территорий периода средневековья (статьи А.В. Пьянкова, Т.В. Юрченко, С.Л. Завьялова, С.Н. Малахова, А.М. Новичихина). В публикациях Е.А. Хачатуровой, С.Н. Малахова, А.С. Малаховой, И.В. Симонянца рассматриваются малоизученные проблемы историографии и истории археологического изучения Приурупья и Таманского полуострова.

Третий раздел объединяет статьи по лингвокраеведению, истории книжного дела, культурологии, музее– и архивоведению. Ученые активно изучают особенности лексики русского языка населения Приурупья (В.М. Пелих, А.В. Шишканова), источниковедческие возможности экслибрисов (А.И. Слуцкий), историю музейного дела на Северном Кавказе и современные выставки (И.Х. Заубидова, Н.А. Корсакова, Л.Ф. Подсвирова), организацию архивного дела (С.Ю. Яковлев, И.В. Бамбурина и др.). С.Н. Лукаш рассматривает отражение образа казака и черкеса в русской прозе и поэзии XIX в.

В четвертом разделе «История» представленные работы охватывают более чем двухсотлетний период. Много нового можно почерпнуть в статьях об истории военного дела (А.В. Демидов, О.С. Пылков, Н.Г. Соловьева, А.Х Карданова), истории медицинских учреждений на Кубани (К.В. Русанов), героях, защищавших Отечество в разные периоды его истории (статьи О.В. Матвеева, А.Х. Кардановой), военной и послевоенной экономике (В.И. Казанков, Л.В. Радичко). Проблемы урбанистики затрагивают статьи С.Н. Ктиторова, А.Г. Сидякиной, истории начального образования в верхнекубанских станицах в начале XX в. – С.В. Самовтора. Культурные изменения в жизни женщин-черкешенок в первые годы советской власти рассматривает Х.А. Хабекирова. В некоторых статьях подводятся итоги научного изучения различных аспектов этнографии и археологии древней и новой истории Кавказа (В.А. Кузнецов, С.Н. Малахов, С.Г. Немченко). В.Н. Петров показывает возможности демографического анализа существующих проблем на Кубани. Причины появления сектантства и чем оно угрожает современному обществу исследуют А.Л. Пелих и Н.Ф. Лысенко.

Проблемы истории Православия на Кубани (Раздел V) рассмотрены на богатом новом архивном материале в статьях и материалах, представленных А.В. Бабичем, С.Г. Немченко, С.Г. Гетманской, Н.В. Киящко, А.И. Нестеркиным.

Современные и исторические проблемы казачества, острые нравственные вопросы, нередко в публицистической форме, поднимаются в разделе VI «Казачий архив». История возрожденного Терского казачества затрагивается в работах В.П. Громова, В.К. Храбрых.

Грустными размышлениями о том, что когда-то с российским казачеством произошло и что происходит нынче делится первый атаман землячества казаков в Москве писатель Гарий Немченко. В его работе «Шашка и каравай» попытка распознать, что это – промысел Божий или очередная ревизия закулисы: живы ли казаки? Кто и сколько?..

О незаурядных личностях с «казачьим» характером, выходцах из Отрадной и тех, кто связал свою судьбу с Кубанью неравнодушно пишут Г.Л. Немченко, И.И. Буряк, И.Г. Подсвиров, В.В. Тёр, Л.А. Соколова.

Завершается публикуемый том разделом «Рецензии и библиография», где даны обзоры новейших исследований, выполненных на стыке истории и этнологии.

Хочется надеяться, что настоящий научный сборник, касающийся различных проблем локальной истории, найдет своего читателя и послужит в дальнейшем основанием для продолжения более углубленного краеведческого изучения Приурупья.

С.Г. Немченко

I. КРАЕВЕД ПЁТР МИТРОФАНОВИЧ ГАЛУШКО

И.Х. Заубидова

Краевед о краеведе

По материалам мемориального дела П.М. Галушко в Государственном Карачаево-Черкесском историко-культурном природном музее-заповеднике им. М.О. Байчоровой

Написать о Галушко Петре Митрофановиче мне предложил Сергей Гариевич Немченко – неутомимый краевед, председатель Отрадненского районного общества историков-архивистов, по чьему предложению, вернее, настоянию я написала две небольшие статьи о краеведах С.Д. Мастепанове и Д.И. Суздальцеве [1].

В октябре 2013 года общественность в станице Отрадной вспоминала своего замечательного земляка, Сергея Даниловича Мастепанова (1913–2002).

В 2016 году исполняется 130 лет со дня рождения другого отрадненца – Петра Митрофановича Галушко (1886–1972).

Я написала первую фразу, а затем решила перечитать статьи сборника и обнаружила, что с такой же фразы или почти с такой же, начинаются статьи О.В. Андреевой «Воспоминания об основателе Отрадненского краеведческого музея П.М. Галушко» – внучки Галушко П.М. и племянника жены П.М. Галушко – В.Н. Канарёва «Воспоминания о П.М. Галушко и его коллегах-учителях».

Огромной теплотой, душевностью и благодарностью пронизаны обе статьи.

Мне, работающей в Карачаево-Черкесском музее-заповеднике уже несколько десятков лет, из всех эпитетов и определений, которыми Ольга Вадимовна Андреева наделяет П.М. Галушко, конечно, ближе всего «истинный краевед». Человек, сделавший столько для родного края, станицы, несмотря на недопонимание, порой на равнодушие (да мало ли еще было преград на его пути для организации и создания музея), достоин уважения и почитания.

В упомянутых воспоминаниях есть сведения о том, что Пётр Митрофанович передал в музей Черкесска экспонаты.

В книгах поступлений 1960-х годов есть несколько записей о фотографиях и их копиях, переданных из Отрадненского музея.

В то время велась работа над новой экспозицией Карачаево-Черкесского областного музея, которая должна была открыться в конце 1960-х годов в историческом здании, на улице Ленина, переданном музею. Музейщики собирали материал по ходу работы над экспозицией. Обращаются они и к коллегам в Отрадненский краеведческий музей, скорее всего к Петру Митрофановичу Галушко с просьбой помочь фотодокументальным материалом о земляках-участниках установления советской власти на территории Баталпашинского отдела, куда входила и станица Отрадная.

Из Отрадной поступил материал о большевике Пузыреве Иване Прохоровиче, уроженце Смоленской губернии. Он в 12 лет начал свою самостоятельную рабочую и «кочевую» жизнь. Работал в кузнице, текстильной фабрике, был слесарем. В Баку работал на нефтепромыслах Нобеля, где познакомился с социал-демократами, познакомился с Серго Орджоникидзе.

Арестовывали И.П. Пузырева несколько раз за участие в освобождении политзаключенных. Работал он и в Георгиевске, и в Армавире, а в 1914 году переехал в станицу Отрадную, где устроился механиком мукомольного производства до Февральской революции. Там организовал ячейку из рабочих мельниц и фронтовиков из бедноты.

Этими же словами из биографии И.П. Пузырева каждый сотрудник Карачаево-Черкесского облмузея (с 1988 года – музей-заповедник) начинал экскурсию по экспозиции советской истории.

В экспозиции была фотография машинного отделения Отрадненской мельницы, где на лестнице справа стоит Пузырев И.П., слева от него двое рабочих, между ними пристроившийся у ног рабочих, щенок.

Вспоминаю свои экскурсии по этому стенду и вопросы детей – почему там сидит щенок; надо полагать, детское внимание было сосредоточено на этой фотографии из-за щенка, больше чем на рассказе о создании большевистских организаций на территории Баталпашинского отдела.

Фотографии большевиков Соломахи Татьяны Григорьевны, Чайкина Якова Игнатьевича, Бережного Изота Васильевича, Белоцкого Кузьмы Лукьяновича и других вошли в экспозицию музея.

В мемориальном деле Галушко П.М. нет, к сожалению, биографической справки с подробностями о жизни его и деятельности. Зато есть три фотографии – это три вехи его жизни.

Галушко Петр Митрофанович – член социал-демократического кружка в 1905–1907 гг. в ст. Баталпашинской

Вот фотография (копия) красивого молодого человека в форме гимназиста-студента с галстуком-бабочкой.

Надпись на обороте фотографии: «Галушко Петр Митрофанович – член социал-демократического кружка в 1905–1907 гг. в ст. Баталпашинской».

Автопортрет. 10.VII – 1911 г., г. Москва, П. Галушко

Вторая фотография сделана с карандашного рисунка; на обороте фотографии надпись: «Автопортрет. 10.VII – 1911 г., г. Москва, П. Галушко».

Третья фотография с надписью «Ст. Отрадная. Курортная, 7 Галушко Пётр Митрофанович 1886 г. рождения». Снимок 21.VI.1959 г.

П.М. Галушко. Учитель рисования СШ № 1 в ст. Отрадной. 1960-е годы

На этой фотографии Пётр Митрофанович, снявшийся, видимо, уже в станице Отрадной, возможно в том самом уютном, красивом и гостеприимном доме, о котором пишет его внучка О.В. Андреева. Все фотографии были подписаны, вероятно, гораздо позднее.

А фотокопия рисунка – подтверждение того, что Пётр Митрофанович великолепно владел карандашом, рисунок сделан вполне профессионально. В мемориальном деле П.М. Галушко есть еще несколько фотографий, подписанных им или с его слов: А.А. Ильина, Д.Д. Гиммера, Л.А. Кудрявцева. Снимки сделаны в декабре 1905 г.

Надписи на фотографиях указывают, что они были членами боевой коллегии при Московском комитете РСДРП, и, вероятно, участвовали в подготовке и событиях известного декабрьского восстания в Москве.

К сожалению, других данных об этих большевиках в фондах музея нет. Возможно, Пётр Митрофанович знал этих людей в юности, строил с ними планы по социалистическому преобразованию общества.

Позднее учитель П.М. Галушко, вероятно, отошел от революционных увлечений молодости, пошел по пути просвещения населения родного казачьего края. В 1920–1950-е гг. он работает учителем рисования, увлекается краеведением, возглавляет Отрадненское краеведческое бюро, активно участвует в создании народного музея.

Сбор материалов о родном крае и его людях, приобщение земляков к истории – это жизненная позиция зрелого Петра Митрофановича Галушко, жившего по принципу: где родился – там и пригодился.

Примечания:

1. См.: Отрадненские историко-краеведческие чтения. Вып. I / Отв. ред. С.Н. Малахов, сост. С.Г. Немченко. Армавир, 2013.

С.Г. Немченко, В.К. Чумаченко

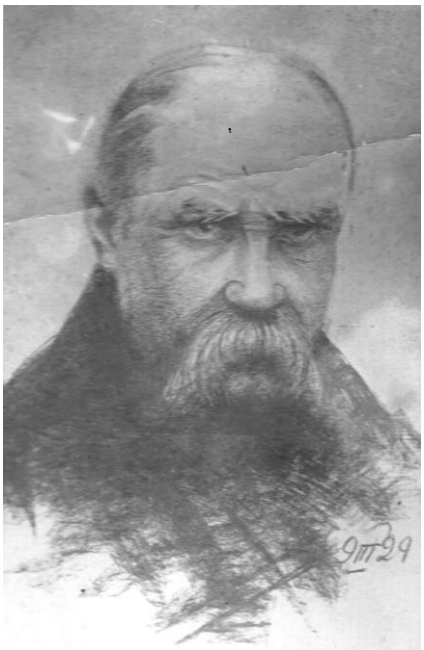
Шевченкиана П.М. Галушко, народного мастера из станицы Отрадной

В год двухсотлетия со дня рождения Кобзаря в фондах Отрадненского историко-археологического музея были выявлены рисунки портретов Т.Г. Шевченко и его кубанского побратима атамана Я.Г. Кухаренко, выполненные местным краеведом, педагогом, самодеятельным художником и скульптором П.М. Галушко. О существовании этой части кубанской шевченкианы мы знали и ранее – из давних небольших публикаций в газете «Советское казачество» [1, 2], но то, что часть работ сохранилась и дошла до наших дней, стало для всех любителей творчества великого украинского поэта сенсацией.

Пожелтевшие от времени газетные заметки об отрадненском летописце никак не подписаны, но мы знаем, что их автором был друг и соратник Петра Митрофановича, известный кубанский краевед и украинист В.Н. Орёл. Первая из публикаций особенно интересна, потому что содержит фото бюста Кобзаря, созданного самодеятельным мастером.

Вновь вспыхнувший интерес к личности кубанского самородка, а также приближающееся 130-летие со дня его рождения побудили руководство Отрадненского районного общества историков-архивистов во имя святого преподобного Нестора Летописца предпринять энергичные поиски новых материалов о замечательном земляке.

Портрет Якова Герасимовича Кухаренко. Карандаш. Рисунок П.М. Галушко



Тарас Григорьевич Шевченко. Карандаш. Рисунок П.М. Галушко

Вскоре были обнаружены его личные и служебные документы, установлены и скопированы публикации в газетах на различные краеведческие темы, заметки о нем самом как о педагоге, журналисте, организаторе краеведческого движения и неугомонном общественнике, записаны

воспоминания родственников и учеников. Итогом этой поисковой работы стала монография С.Н. Малахова и С.Г. Немченко «Сохранение памяти» [4] – весомая, хоть и несколько запоздалая дань уважения отрадненцев человеку удивительной судьбы и разносторонних талантов.

Перечисленные материалы, позволяют нам сегодня рассказать об украинских корнях П.М. Галушко, его преданности родной культуре, не угаснувшем с годами интересе к творчеству Т.Г. Шевченко и Я.Г. Кухаренко и представить кубанскому читателю его художественные работы.

О самых ранних годах жизни и деятельности П.М. Галушко наиболее достоверно свидетельствует его «Автобиография», написанная 2 марта 1951 года. Из неё мы узнаем, что родился он 24 августа 1886 г. (ст. ст.) в селе Кустолово Кобелякского уезда Полтавской губернии в бедной казачьей семье. Безземелье вынудило отца задуматься, по примеру других бедолаг, о переселении на Амур. Но по дороге в чужие края он передумал ехать так далеко и осел на родственной Кубани, в предгорной казачьей станице Отрадной. Произошло это в начале 1890-х годов. Здесь его сын Петр окончил 5 классов двухклассного училища, учителем пения в котором служил знаменитый оперный тенор Василий Петрович Дамаев. Продолжал Пётр Митрофанович образование в Баталпашинском городском шестиклассном училище, которое с отличием окончил в 1903 году. А через год завершил курс своих наук в педагогическом классе при том же учебном заведении. Добывать средства к существованию с 15-ти лет приходилось частными уроками и подработкой в канцелярии, так как несколькими года ранее умер его отец.

Далее в «Автобиографии», коротко излагая основные этапы жизненного пути, он сообщает о себе следующее: «С 1 ноября 1904 года я поступил учителем в начальную приходскую школу в том же Баталпашинске. С 1 сентября 1906 года был назначен завшколой бывшего хутора Величковского (ст. Чепегинская) Кубанской области, а с января 1909 года – завшколой ст. Пензенской Кубанской области (сначала одноклассной школой, а после преобразования – двухклассным училищем)».

В Пензенской в нем вызрело желание лепить и рисовать. В июне 1909 года его направили на месячные курсы лепки и изготовления учебных пособий, а через год туда же – на курсы рисования. Осенью 1910 года изготовленные им учебные пособия были отмечены дипломом и серебряной медалью на знаменитой Кубанской сельскохозяйственной выставке в Екатеринодаре. На той самой, где знаменитый дирижер и собиратель казацких песен Александр Кошиц представил созданный им так и оставшийся рукописным десятитомник кубанских народных песен, а внучка Якова Герасимовича Кухаренко Мария Степановна Хлюстина с большим успехом демонстрировала выращенных ею в своем имении породистых коров.

«В августе 1918 года, – продолжает П.М. Галушко, – при отступлении советских войск, я вынужден был уйти из Пензенского, где мне грозила расправа со стороны белых властей, и вернулся в Отрадную. В 1918-19 годах работал преподавателем рисования в Отрадненской смешанной гимназии, а с 1920 года и по 1932 зав. школами и учителем начальных классов в Отрадной же. В 1932 году перешел на работу учителем рисования в бывшую ШКМ *(школа колхозной молодежи)* ст. Отрадной, преобразованную потом в среднюю школу № 1, где проработал до оккупации в 1942 году. При немцах не учительствовал, средства добывал изготовлением игрушек. После оккупации снова поступил в ту же СШ № 1, на прежнюю должность учителя рисования, где работаю и в настоящее время» [4].

Для полноты картины можно добавить, что в 1947-49 годах он также работал по совместительству директором районной станции юннатов, был членом редколлегии районной многотиражки, руководил райпрофорганизацией Отрадненского района, состоял членом Отрадненского сельского совета и членом его президиума, инициировал районные художественные выставки, обучал желающих приобщиться к искусству игре на скрипке, рисованию и лепке, собирал казачий фольклор.

Он был дважды и счастливо женат, имел детей и внуков. Первая супруга Петра Митрофановича умерла, и большую часть жизни он прожил со второй – учительницей немецкого языка Глафирой Ильиничной Канарёвой (1901–1976), настоящей кубанской казачкой родом из станицы Безскорбной. В этой женщине он нашел по-настоящему

родственную душу. Казалось бы, довольно благополучная для провинциального учителя биография. Из официальных источников следует, что он не подвергался репрессиям в сталинские годы, как его земляк и коллега С. Д. Мастепанов, и не был вынужден уехать за пределы Кубани под натиском местных идеологических ортодоксов, как его младший соратник, тоже учитель и краевед В.Н. Орел. Но благополучие это мнимое, ибо в тех же, на первый взгляд, невинных документах, собранных историками-архивистами, сохранились многочисленные следы давно забытых битв, в которых довелось активно поучаствовать П.М. Галушко. Это были сражения за гуманистические принципы образования и воспитания учащейся молодежи, за создание районного краеведческого музея и станичного парка, за изгнание из него ресторана и утверждении в освободившемся здании книжного магазина.

Примечательны, на наш взгляд, бурные события 1925 года, едва не изменившие его жизнь. В тот год несколько отрадненских учителей (П.М. Галушко, М. Удод и А.А. Гурджий) выступили при поддержке коллег против «курса» нового школьного инспектора на увеличение загруженности классов, изменение школьных программ, методов обучения, а главное – против перевода местной школы второй ступени в ст. Попутную. Противостояние инспектора Вереина, который был представителем официальной власти и «триады» вышеназванных учителей сопровождалось жалобами, коллективными протестами, «подмётными» письмами в партийные и краевые советские органы и грозило вылиться в политический конфликт между «человеком 18 года» – инспектором и новым «демократическим учительством», как этот конфликт трактуется в одном из документов. Галушко считался «заводилой» учительского протеста. Для защиты интересов учительства он всерьез грозился поехать в Москву к самому А.В. Луначарскому. Для прекращения конфликта его предполагалось даже переместить как поборника украинизации Кубани в уже украинизированную школу станицы Новокубанской. Боясь вынести сор из избы руководство в итоге заглушило конфликт, сняв «зачинщиков» с месткомовских должностей, но оставив их в станице Отрадной.

О характере Петра Митрофановича, как он жил, работал и творил лучше всего живо свидетельствуют воспоминания его внучки Ольги Вадимовны Андреевой, написанные по просьбе С.Г. Немченко [5]. Бесхитростный, но сочный, яркий, полный эмоций и трогательных деталей рассказ, создает для нас колоритный и запоминающийся образ настоящего Педагога и Мастера. Нам показалось интересным вместо привычных отзывов о том, каким замечательным человеком был отрадненский летописец, дать в сокращенном пересказе созданный ею цветочный «портрет в интерьере» и через него увидеть интересующего нас человека.

У П.М. Галушко на ул. Курортной была большая усадьба. До сих пор сохранился дом, представлявший собой уютный, полутораэтажный особняк, нижняя часть которого была сложена из блоков местного известняка-ракушечника. Сад и огород выходили к реке Уруп, на берегу которой он искал себе подходящую для лепки глину. Войдя в дом, попадаешь на большую квадратную веранду. В тёплую погоду угловые деревянные щиты на ней поднимались и прикреплялись к потолку. Тогда целый день, от восхода до заката, здесь царило солнце. В один проём был виден чудесный сад, подходящий к самой веранде. Казалось, что гроздья начавшей краснеть калины и ягоды спелой бордовой черемухи сами просятся к тебе в руки. В другом проеме можно было любоваться склоном, любовно засаженным ковром темно-синих мускарей «мышиных гиацинтов»). Среди них живописно располагались пчелиные ульи. Радовали и притягивали взгляд цветочные клумбы, красиво огибающие дом на фоне пышного сада.

На веранде было очень уютно. Стены украшали картины, написанные Петром Митрофановичем (со временем они менялись): портреты М.Ю. Лермонтова, Т.Г. Шевченко, Н.И. Пирогова, здесь же стоял бюст И.А. Крылова его работы. В дальнем углу висела вылепленная объемная цветная геоморфологическая карта. Художник очень любил писать маслом на овальных срезах деревьев миниатюрные пейзажи, которые во множестве украшали дом и веранду. Для отдыха служили широкие лавочки, большие пни, шезлонг из полосатой ткани, кушетка. Над красивым резным комодом висели чучела птиц, искусно изготовленные Петром Митрофановичем: сова, ястреб и

яркая щурка. На полу лежали козьи шкуры.

Летом на веранде принимали гостей. К чете педагогов часто наведывались коллеги и бывшие ученики. Интересные, задушевные разговоры продолжались до вечера. А поздним вечером, после хлопотливого дня, Пётр Митрофанович любил играть на скрипке. Звучали произведения Чайковского, Моцарта, Глинки, чарующие украинские мелодии. Здесь же, на веранде, изготовлялись настойки стручков софоры для лечения суставов. А для поддержания сердца супруги Галушко, поднявшись на высокий правый берег Урупа, собирали цветущий адонис (желтый лазорик).

Через веранду можно было пройти в комнату Глафиры Ильиничны, с печью и большим столом, за которым она много читала, писала письма, вязала кружевные салфетки, накидки на подушки и скатерти. Эти белоснежные ажурные изделия придавали дому особый уют. Над бабушкиной кроватью висела большая красивая картина с видом на предзимние берега Урупа.

В кабинете Петра Митрофановича главенствующее место занимали книги, в солнечные окна заглядывали его любимые розы, а на полках покоились образцы минералов. На рабочем столе почти всегда лежали рукописи. Кабинет украшала любимая его картина «Дорога на УЗОС при закате солнца». От неё веяло теплотой и покоем – цепочка розоватых кучевых облаков, отдыхающая над изумрудными склонами холмов.

Особую прелесть дому придавали яркие натюрморты, любовно написанные Петром Митрофановичем. На них сочными красками пылали каскады спелых вишен, раскалывались арбузы и дыни, фиолетовый туман окутывал пышные кисти сирени, нежились в искусно сделанных им самим деревянных рамках для картин спелые яблоки. Когда в своем кабинете Пётр Митрофанович погружался в свои рукописи, супруга с внучкой старались ему не мешать. Дед этого не любил.

С веранды, по массивной деревянной лестнице обитатели спускались на нижний этаж дома, в кухню и подсобные помещения (кладовки, комната для керогазов с поднимающимся щитом для проветривания). Зимой в кухне топили печь. Иногда её разжигали и летом, когда бабушка пекла свое фирменное печенье на густой сметане. Внучке доверялось рюмочкой вырезать из сдобного теста кружки. Печенье долго не черствело. Всегда было чем угостить гостей во время чаепития. А гости в этом доме бывали всегда. Пётр Митрофанович и Глафира Ильинична отличались искренним гостеприимством. А еще, по воспоминаниям внучки, бабушка варила очень вкусный борщ с фасолью и свеклой, с зажаркой на душистом подсолнечном масле. Фирменным блюдом деда был тушеный кролик с маринованными сливами. Он с удовольствием готовил его сам. Когда у деда на кухне все было готово к обеду, он толстой палкой стучал по балке, и женская половина дома торжественно спускались к столу.

Пётр Митрофанович и Глафира Ильинична были большими тружениками. Супруга больше занималась огородом, хозяин этого большого подворья – садом и кроликами. Он очень любил деревья, виноград, экспериментировал с прививками. Возле колодца с «журавлем» росла груша, привитая на айве – его работа. С северной стороны дома, возле кухни, им были посажены 2 дерева привитого культурного тутовника (шелковицы) с очень крупными фиолетовыми плодами. Их ели и добавляли в компот для цвета.

Пригорок вдоль лестницы, спускающейся к кухне и колодцу, пряталась под вечнозеленым ковром барвинка с нежно-голубыми цветами. Они напоминали ему о любимой Украине. Верхняя площадка двора перед домом вся была засажена цветами. От калитки к дому вела дорожка, окаймленная россыпью белых, розовых и малиновых маргариток. Каждый летний день, перед вечером их поливали бабушка и внучка. Розами во дворе занимался сам Пётр Митрофанович. Их было много, разных и очень красивых. Перед входом на веранду вьющиеся красные и высокие, плетистые белые розы укрывали беседку со столом и лавочками. Это было любимое летнее место отдыха, как хозяев, так и гостей. На лето в беседку выносили «царицу» комнатных растений – веерную пальму (хамеропс) в большой кадке. Было у бабушки, – продолжает рассказ О.В. Андреева, – много других комнатных цветов, за которыми она любовно ухаживала, изучала специальные книги по цветоводству. Тогда только появились разноцветные узумбарские фиалки, много возни было с цикламенами, в феврале всегда цвела изящная оранжевая

кливия, свешивались из красивого керамического горшка глянцевые листья лотосовидной бегонии.

Больше всего гостей привлекала клумба прямоугольной формы, она всех восхищала. Центральная часть клумбы, напоминавшая белую ажурную пену, из густо посаженных изящных белых нарциссов, по краям узкой полосой она оттенялась дикорастущими алыми лазориками с ажурной листвой.

К первомайским праздникам яркое весеннее солнце раскрывало острые бутоны тюльпанов, на высоких кустах сирени густым темно-фиолетовым облаком распускались ароматные кисти цветов. Пётр Митрофанович и Глафира Ильинична для разведения сортовой сирени высаживали семена, так как культурная сирень практически не дает отростков. За цветами, предназначенными для сбора семян, всегда ухаживали особенно тщательно, оберегая их от постороннего опыления.

Глафира Ильинична была общительным и доброжелательным человеком. Выйдя с ней из дома за продуктами в магазин, по пути, ненадолго заходили к знакомым. Во время визита обязательно рассматривались цветы, которые были гордостью каждой хозяйки, шел обмен семенами…

Мы сознательно сохранили в повествовании О.В. Адреевой все приведенные мемуаристкой детали: о цветах и деревьях, птицах и насекомых, потому что всё вместе воссоздает ту картину мира, в которой жил и действовал герой нашего очерка. Эти краски, звуки, блики света определяли их характер, отношение к жизни, окружающему миру, который они увлеченно формировали по законам красоты. Такими были эти замечательные люди. Своими душевными богатствами они щедро делились с окружающими, делали мир вокруг себя добрее и светлее.

В монографии «Сохранение памяти» целая глава посвящена дружбе и сотрудничеству П.М. Галушко с исследователем украинской культуры Кубани (прежде всего, литературы) Василием Николаевичем Орлом. Написана она благодаря тому, что вдова литературоведа Лариса Гавриловна Орёл сохранила копии писем своего мужа, адресованные старшему товарищу. Когда в кругу отрадненских украинофилов созрела мысль достойно отметить столетие со дня смерти Кобзаря, Петр Митрофанович не просто одним из первых откликнулся на неё, но и опубликовал в районной газете большую статью, в которой изложил целый план по пропаганде среди земляков шевченковского наследия [6]. Сетуя на то, что в местных библиотеках не найти книг на украинском языке, он предлагал работникам книжной торговли организовать их завоз и продажу. Работникам клубов и библиотек он советовал приобрести портреты Т.Г. Шевченко, организовать уголки его имени, провести тематические вечера и беседы о жизни и творчестве великого певца Украины. Организаторам культурной работы он напоминал о традиции украинских хоров и драматических коллективов, которые были когда-то на Кубани повсеместно и предлагал возродить их деятельность. Благодаря лично Петру Митрофановичу в районном краеведческом музее был организован небольшой отдел, посвященный Кобзарю, который затем перерос в первый в РСФСР Малотенгинский школьный музей поэта. Этот музей был открыт к 150-летию со дня рождения Тараса Шевченко и закрыт властями уже в 1965 году, несмотря на широкую поддержку и высокую оценку его деятельности в союзной прессе. К сожалению, кубанских коммунистов интересовал тогда скорее «интернационализм на бумаге», а не живая, растущая снизу живая инициатива кубанцев по укреплению дружбы двух братских славянских народов [7].

Публикуемые нами портретные карандашные зарисовки Т.Г. Шевченко [8] и Я.Г. Кухаренко [9], выполнены по мотивам прижизненных портретов двух украинских литераторов. Можно с уверенностью предположить, что за основу изображения Кобзаря взяты его изображения последних лет жизни, предельно заострив в созданном им обобщенном образе черты гневного обличителя и тираноборца. Образ же кубанского атамана, скорее всего, воссоздан на основе его фото в полный рост, выполненного в октябре 1861 – марте 1862 гг. в мастерской известного петербургского мастера С. Левицкого [10]. Только на фото мы видим пожилого седовласого человека за два года до его трагической гибели, а отрадненский художник изобразил его молодым, полным творческих замыслов и сил, которым, к сожалению, не суждено было реализоваться.

Местонахождение погрудного изображения Тараса Григорьевича Шевченко, созданного П.М. Галушко к столетию со дня смерти поэта, сегодня неизвестно. Ценные штрихи о том, как работал над ним народный скульптор, содержатся в воспоминаниях его родственника В.Н. Канарёва. Оказывается, бюст Кобзаря лет 5 стоял на веранде, так как был в постоянной доработке, хотя, как сам признавался мне потом Петр Митрофанович, первый вариант был самым лучшим. Он с большой любовью относился к своему земляку, постоянно был в поисках своего взгляда на этого человека, изучал все репродукции портретов Шевченко, других авторов на открытках, изучал новую литературу о нём [11]. К сожалению, пожелтевшее газетное фото плохо передает нам представление об этом творении мастера, которое, по воспоминаниям современников, производило сильное эмоциональное впечатление на зрителей.

Петра Митрофановича не стало 21 июля 1972 г., и сегодня он живет лишь в памяти своих многочисленных учеников и в своих добрых делах.

Примечания:

1. *Орел В.Н.* [Заметка о П.М. Галушко и о созданном им бюсте Т.Г. Шевченко] // Советское казачество. 1960. 29 мая. № 65. (Автор заметки установлен по гонорарной росписи номера).

2. *Орёл В.Н.* [Портрет Т.Г. Шевченко и заметка о П.М. Галушко, как о живописце] // Советское казачество. 1961. 16 сентября. № 113.

3. *Малахов С.Н., Немченко С.Г.* Сохранение памяти. Краеведческая деятельность Петра Митрофановича Галушко. Армавир – Отрадная, 2014.

4. *Галушко П.М.* Автобиография // Архивный отдел администрации муниципального образования Отрадненский район. Личное дело П.М. Галушко. Фонд № 40 «Отрадненский районный отдел народного образования».

5. *Андреева О.В.* Воспоминания об основателе Отрадненского краеведческого музея П.М. Галушко // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Вып. 1. Армавир – Отрадная, 2015. С. 255–261.

6. *Галушко П.М.* Перед юбилеем Т.Г. Шевченко // Советское казачество. 1961. 10 февр.

7. *Малахов С.Н., Немченко С.Г.* Сохранение памяти… С. 130–140.

8. Там же. О попытке В.Н. Орла опубликовать рисунок П.М. Галушко в Польше смотри с. 137.

9. Там же. Непронумерованный фотоблок-вклейка. Фото № 4.

10. Атрибуция этого фото по месту и дате изготовления проведена львовским литературоведом Олесем Федоруком. См.: *Федорук О.* Пантелеймон Кулиш и Яков Кухаренко // Четвертые кухаренковские чтения / Науч. ред. В.К. Чумаченко. Краснодар, 2010. С. 25–26.

11. *Канарёв В.Н.* Воспоминания о П.М. Галушко и его коллегах учителях // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Вып. 1. Армавир – Отрадная, 2015. С. 267.

В.И. Росликова

Воспоминания о далёких сороковых годах

В Дальневосточном научном центре Российской Академии наук издается журнал «Вестник ДВО РАН», в котором есть рубрика «Знакомьтесь: доктор», где публикуются интервью с молодыми докторами наук. Когда подошла моя очередь на такую публикацию, и корреспондент обратился с неожиданным вопросом: «Какие годы, события оставили наиболее яркий след в вашей жизни, определили судьбу», то сразу ответить на этот вопрос однозначно было очень сложно. Много было событий и немало по-настоящему интересных людей. Я немного подумала и ответила, что сформировало меня как личность. Это, пожалуй, годы моего детства и всё, что с ним связано.

До поступления в Ростовский госуниверситет (теперь – Южный федеральный университет) я жила в большой казачьей станице Отрадной, которая расположена в долине горной реки Уруп. Крутые обрывистые склоны правобережья с мягкими взгорьями, раздольными степными просторами с плодороднейшими почвами – предкавказскими черноземами, а на горизонте – заснеженная вершина седого Эльбруса. Удивительно красивые места! И населяют эти места гордые, независимые, темпераментные, неутомимые труженики – *кубанские казаки*!

Детство было безмятежным. Свою начальную школу я очень любила. Директором школы был строгий, но очень справедливый Александр Порфирьевич (фамилию не помню), классным руководителем Надежда Константиновна Неженцева – мягкая, тонкой души преподаватель. Ее дочь была врачом и работала в нашей районной поликлинике. Красивая, статная, добрая и очень внимательная. В школе дискомфорта мы, дети, не испытывали. Наступил 1941год. Вдруг грянула война.

В Отрадной пришлось изведать и другую сторону жизни: немецко-фашистскую оккупацию, гибель отца на фронте, голод, разруху и даже бомбежку. Наше военное детство скрашивала школьная жизнь. В те времена районная библиотека и школа были всем: домом, другом, наставником, очагом культуры. Так как

книги были в единичных экземплярах, то вечерами мы собирались группой и работники библиотеки и наши учителя организовывали чтение книг с последующим анализом прочитанного. В школе были свои мероприятия, на которые всегда приходили и наши родители. У нас были замечательные учителя, воспитавшие немало достойных людей. В моей детской жизни особое место занимал учитель рисования Пётр Митрофанович Галушко, очень увлеченный человек с проявлением разнообразных талантов: влюбленный в природу, он сочетал в себе таланты музыканта, художника, скульптора, строителя, архитектора, садовода, путешественника. Именно Пётр Митрофанович сумел увлечь меня желанием познавать природу.

При оккупации мы не учились, и наши общения с Петром Митрофановичем отошли как бы на второй план, и этого мне очень не хватало. Жизнь в оккупированной станице продолжалась с тревожным ожиданием чего-то трагического. Радио не было, о телефонах и говорить не приходилось. Прошли слухи, что готовятся списки на очередные расстрелы тех, у кого родственники работали в органах НКВД. У меня дядя (мамин брат) был личным водителем начальника районного отделения, а его жена работала там же делопроизводителем. Дядя был на фронте, а она с ребенком уехала к родственникам в дальний хутор. Нам ехать было некуда.

Чем дальше вглубь времени уходят тяжелые периоды оккупации, тем ярче в памяти выплывают отдельные моменты. Кстати, мужчин в станице было очень мало. У нас на всю улицу Мостовую был один единственный дедушка Сарат, который жил напротив нас (не считая дядю Ваню, полицая и старосту). Если надо было получить какое-то подтверждение в правильности того или иного действия, то женщины обращались к нему за советом. Важно отметить, что он был глухим, и поговорить по секрету было затруднительно. Несмотря на старость и глухоту, дядя Ваня был разумным человеком. После отступления наших войск он организовал нас копать в огородах бомбоубежища, а так как на огороде к поверхности были близко грунтовые воды, то он дал команду рыть у него. Все мы дружно взялись за работу. Вырыли буквой «Г». С восточной стороны вход в убежище был хозяина, а с западной стороны – наш. Дед сразу оборудовал свой участок. Принес перину, а так как размеры ее были несовместимы с размером входа, то он расположил ее просто на поверхности сооружения. Две недели жили без власти. Был жаркий день начала августа. В станице стояла зловещая тишина, которую нарушил гул самолета, который появился с восточной стороны и летел не очень низко. Опознавательных знаков как-то не было заметно, и мы посчитали его своим. За два-три дня до появления этого, на другой стороне станицы, наш самолет сбросил листовки с призывом немцам сдаваться, а нам, жителям, быть мужественными. Нашей радости не было предела, что это опять появился наш самолет, и очень хотелось, чтобы листовки упали где-то рядом. Мы заметили, как из хвостовой части оторвались два небольших предмета, которые несколько мгновений следовали за самолетом. Однако через несколько секунд прогремели один за другим сильные взрывы где-то за нашим огородом. Видимо, у немцев были планы уничтожить мост, но бомбы упали неподалеку от него в 800-900 м, на плоской поверхности первого увала от правого берега реки. Мы бросились в свое убежище. Когда прибежали, дед уже восседал на своей перине, но в убежище не полез. Мы забились вглубь и просидели довольно длительное время. Взрывов больше не было. Воронки от этих бомб, хотя уже и засыпались, но до сих пор имеют заметные очертания.

Была уже глубокая осень. Начал порошить первый снег. Как-то к вечеру к нам пришел пожилой мужчина. Это был работник совхоза, который с отарой овец затерялся где-то в предгорьях. И неизвестно, почему перед приходом немцев эта отара из совхоза «Урупский» не была угнана в горы со всеми стадами. Моя мама была бригадиром полеводческой бригады, и он обратился к ней, чтобы она до возвращения наших бойцов оказала помощь в укрытии стада овец на 4-й ферме совхоза. Ферма располагалась в нескольких километрах на северо-восток, в одном из распадков предгорий, в стороне от основной дороги, которая шла на Невинномысск. Среди увалистой поверхности она была как-то незаметна. Здесь стоял в хорошем состоянии каменный дом с красивыми окнами и деревянным полом. В центре была большая комната, видимо,

бывшая гостиная, где стояла обычная плита. В зал выходило несколько дверей из изолированных комнат. Видно, его хозяином до революции был состоятельный человек. Затем эта территория была превращена в ферму с утепленной постройкой для скота. Здесь же находилось несколько стожков заготовленного сена. Мама и я поселились в одной из комнат, а в остальных еще две женщины и мужчина, который приходил к маме. Была еще одна девочка и мальчик постарше меня. Не помню, видимо, это были дети двух женщин, может быть и внуки мужчины. Когда мы пришли на ферму, овцы в количестве 60 – 80 голов находились уже в хлеву. Работы было много. Взрослые с утра чистили и выносили навоз. Слежавшееся сено в стогах надо было надергать железным стержнем, конец которого был заострен и оканчивался крючком. Эта была очень трудная работа и занимала много времени. С водой тоже была проблема. Овец надо было поить. Зима была лютая, вода в колодце замерзла, приходилось воду добывать из снега. Большой дом надо было обогревать и готовить еду. Мы использовали часть соломы (остатки после съеденного сена овцами) для подстилки в хлеву, а часть шла на обогрев дома. Кроме того, мы, дети, еще собирали стволики репейника. Весь день был занят. Так прошло недели две. Потом овцы стали котиться. Некоторых ягнят на несколько дней брали в дом, а потом, окрепших, отправляли в хлев. Примечательно отметить, что мы были далеко не сытые. Вместо хлеба пекли кукурузные лепешки, варили картошку, было растительное масло, соленая капуста. Когда появлялось молоко, кофе заваривали из цикория. Его было целые плантации, а для сладости использовали корень солодки, который заготавливали с осени. Благо, целые заросли солодки окутывали крутые склоны правобережья Урупа. Было целое стадо овец, много ягнят, но ни одного животного для улучшения своего рациона не было зарезано. Такова у каждого была глубокая гражданская ответственность.

Так мы жили до конца января. Оккупанты не знали о нашем существовании. Наступил долгожданный день – 23 января 1943 г. Кто-то ходил в очередной раз в станицу за провизией и принес радостную весть – «Немцы отступают». Все ликовали. Моя мама и женщины ушли в станицу. А мы остались – трое детей и мужчина. Я очень просила маму взять меня, но она отказалась это делать. Было очень тоскливо от того, как мне тогда казалось, что не смогу увидеть наступающих наших бойцов. Дня два мы жили одни и помогали выполнять необходимую работу.

В станице наш домишко стоял первым, у моста через реку Уруп, и бойцы промерзшие, уставшие заходили немного отдохнуть. Родители угощали их борщом и отпаивали горячим компотом. Это все у нас было свое, в достатке. Вскоре появилось руководство совхоза. Все стадо в полном составе было передано, а мы вернулись домой. Мы не учились год, а потому за один год проходили сразу два класса обучения. Теперь я пошла уже в среднюю школу. Я сразу побежала в школу. Дверь была открыта настежь, и дети под руководством учителей ее очищали. Все было забито сеном. Помню, как со второго этажа огромные кучи сена ребята волоком спускали вниз. В считанные дни, несмотря на сильные морозы и отсутствие теплой воды, школа была очищена и отмыта. Для того, чтобы приступить к занятиям, нужно было тепло. Топить нечем. И мы ходили далеко в верховья долины Урупа, за колхоз им. Сталина за дровами. Там был хороший пойменный лес из ивы. Ребята рубили сухостой, а мы сносили его на телеги. Так начались наши занятия после оккупации. В короткий период мы, дети, испытали безвластие, а затем тягостное и трагическое властвование немцев. Все это сделало нас ответственными, мы с особым прилежанием учились. Даже ребята, которые раньше были хулиганистыми, изменились до неузнаваемости. Школа была нашим общим домом, где трудились замечательные учителя, которые, не жалея своего времени, вкладывали в нас знания. Потом был геолого-почвенный факультет Ростовского государственного университета. Новые друзья, любимые книги, песни, интересные экспедиции по просторам Кубани, Сальским, Черным и Ногайским степям, горному и степному Крыму.

В период учебы в средней школе № 1 наши тропинки с Петром Митрофановичем, можно сказать, не пересекались. Но с Глафирой Ильиничной (его супругой) я общалась постоянно. Она у нас преподавала немецкий язык. Мы были глупыми детьми и считали: раз немцы наши враги, то и язык

их такой же. И прилежания особого у нас не было к этому предмету. В университете я с большим удовольствием перешла в группу английского языка. После поступления в университет у меня до занятий оставалось больше двух недель свободного времени. Но из-за отсутствия денег я не смогла приехать домой, порадовать своих родных и любимых учителей успехами. Это я осуществила только после зимний сессии.

Зима, легкий морозец. Из Армавира до станицы добраться можно было только попутной грузовой машиной в кузове. Приехав домой, на следующий день, пошла к Петру Митрофановичу и Глафире Ильиничне. Был радушный прием.

В период моего обучения в университете, в каникулы, я была частым гостем их гостеприимного дома, но это случалось только зимой. Летних каникул у меня практически не было, так как в мае заканчивалось обучение, и все уезжали на практику, которая, как правило, длилась более трех месяцев.

Пётр Митрофанович и Глафира Ильинична были любителями кино. Кинотеатр у нас в станице один – в парке. Кино привозили из Армавира один или два раза в неделю. Удивительно то, что, несмотря на любую непогоду, посещение кинотеатра не отменялось. После кино в обязательном порядке чаепитие в гостеприимном доме. Пётр Митрофанович всегда живо интересовался жизнью студенчества, обучением, его отдыхом. Беседы всегда были увлекательными и насыщенными. Глафира Ильинична доставала пачку писем, которые присылали бывшие ученики, и читала отдельные выдержки. Для Петра Митрофановича всегда были интересны предметы, которые нам читались, и он досконально расспрашивал нас об их сути. Когда я ему сказала, что изучаем почвоведение, он забросал меня вопросами практического плана. Это было связано с тем, что его дом был построен на уступе второй надпойменной террасы Урупа. По сравнению с террасой, уступы всегда отличаются более легким гранулометрическим составом. В данном случае уступ был сложен галечниковым материалом с прослоями песка, что доставляло Петру Митрофановичу немало хлопот на его агрономической ниве. Вода при поливе в огороде проваливалась как сквозь сито. И он спрашивал меня, что ему предпринять в этом случае. Я ему советовала внести определенное количество глинистой почвы, что могло предотвратить быструю фильтрацию воды.

После окончания университета по распределению я была направлена во Владивосток, в Дальневосточный филиал Сибирского отделения наук, а ныне – Дальневосточный научный центр Российской Академии наук. Несмотря на огромные расстояния, я всегда стремилась приехать в родные места. В один из приездов я, как всегда, пришла проведать Глафиру Ильиничну и Петра Митрофановича. Мы сидели на уютной веранде и пили чай. Пётр Митрофанович всегда был общительным и очень приятным собеседником. Я заметила, что он как-то сник и притих. Глафира Ильинична тихо поведала о том, что с ним бывает в последнее время часто такое состояние. Она попросила меня прислать каких-нибудь дальневосточных лекарственных препаратов, стимулирующих жизненную активность.

В нашем филиале во Владивостоке была лаборатория фармакологии, где проводили исследования по выделению биологически активных веществ из дальневосточных дикороссов. Занимался этими проблемами доктор медицинских наук А.И. Брехман, который разработал метод плавающих мышей. Для этой цели бралась емкость с водой и несколько мышек. Одна группа мышек не принимала экстракта и являлась контрольной, а другим вкалывали его разные количества и на хвостики нанизывали грузики. По секундомеру отмечали, какие мышки дольше продержатся на плаву и сравнивали с контрольным вариантом. Затем делали расчеты об активности того или иного препарата. Первыми такими препаратами были вытяжки из элеутерококка. Это растение сродни женьшеню – корню жизни. Но отличается он тем, что не поднимает давления и его можно принимать летом. Я пообещала Глафире Ильиничне прислать такое лекарство. Свое обещание я выполнила. В то время в аптеках станицы лекарства были в ограниченном ассортименте, и я неоднократно посылала их своим друзьям. Все эти радостные и трагические события постоянно тревожат мою память. С чувством особой благодарности я вспоминаю свою школу и наших достойных учителей.

О.В. Андреева

Биографическая книга о П.М. Галушко

С огромной радостью узнала о выходе биографического очерка о Петре Митрофановиче Галушко, с неослабевающим интересом прочитала книгу «Сохранение памяти. Краеведческая деятельность Петра Митрофановича Галушко» (Армавир – Отрадная, 2014). В книге присутствует не только очерк о моем деде, но также опубликованы его краеведческие статьи и заметки, появлявшиеся на страницах районной газеты «Советское казачество» (позднее – «Сельская жизнь»).

Я, Андреева (Канарёва) Ольга Вадимовна, внучка П.М. Галушко по отцовской линии, родилась в ст. Отрадной, в 1970 г. окончила Новочеркасский политехнический институт, по специальности горный инженер – геолог. Вот уже более 40 лет я работаю геологом на Урупском медном горно-обогатительном комбинате (пос. Медногорский Урупского района Карачаево-Черкесской республики).

Авторы книги объединились в тандем талантливых людей, прекрасно дополняющих друг друга: С.Н. Малахов – авторитетный профессиональный историк, ученый, кандидат исторических наук, автор многочисленных интересных статей, книг и С.Г. Немченко – уроженец ст. Отрадной, казак, неутомимый, многогранный, подвижнического склада человек, увлеченный краевед – архивист, живо интересующийся жизнью своих земляков – кубанцев, искренне влюбленный в Отрадную и её историю, сын известного писателя и журналиста Гария Леонтьевича Немченко.

В детстве и юности мне посчастливилось буквально каждый день общаться с Петром Митрофановичем и Глафирой Ильиничной (его супругой и моей любимой бабушкой) с 1955 г. по 1965 г., а потом эпизодически, вплоть до кончины Петра Митрофановича в 1972 году.

Даже для нас, ближайших родственников, история жизни Петра Митрофановича, возрожденная в книге – настоящее открытие. В то время, когда мы с В.Н. Канарёвым (племянником Глафиры Ильиничны, его воспоминания включены в эту книгу), буквально жили в этой семье, как-то больше взрослые говорили о настоящем и будущем. Пётр Митрофанович воспринимался нами таким строгим, умным, эрудированным и цельным человеком, как будто он уже сразу родился таким.

Просто поразительно, сколько уникальных архивных документов нашли и обработали авторы книги, чтобы история жизни П.М. Галушко заиграла такими яркими и живыми красками.

Создается впечатление, что С.Н. Малахов и С.Г. Немченко много вечеров провели в гостях у Петра Митрофановича, чаёвничая на его любимой веранде и записывая его воспоминания, настолько живо и достоверно, плавным потоком струятся страницы этой книги.

На самом деле С.Г. Немченко и Малахову С.Н. пришлось много времени провести за рулем в многочисленных поездках по городам Краснодарского края и Карачаево-Черкесии, погружаться в бездонное море сохранившихся архивных документов, увлечь своими поисками работников архивов, чтобы по крупинкам собрать бесценный материал для создания книги. Найдены и опубликованы для потомков уникальные фотографии, которые не сохранились даже в семейных альбомах.

Низкий поклон авторам за сохранение памяти о наших прекрасных земляках, посвятивших свою жизнь служению людям, страстно желавших, чтобы жизнь кубанцев стала лучше, интереснее, добрее. Многих фактов из жизни Петра Митрофановича мы, близкие люди, просто не знали. Приятным открытием для нас явилось то, что Пётр Митрофанович тесно общался с А.Г. Макеевым, В.П. Дамаевым, С.Д. Мастепановым и др. известными людьми.

Жизнь Петра Митрофановича прослежена подробно и документально: история семьи, учеба в Баталпашинске, работа в ст. Пензенской, учеба в г. Анапе на курсах лепки и рисования, диплом и медаль сельскохозяйственной выставки в Екатеринодаре за изготовленные наглядные пособия, сложная и трагическая история Гражданской войны на Кубани, неустроенные голодные 1921–1922 гг., часто без жалования, идейные «трения» с советской властью в 1925–1927 гг., годы немецко-фашистской оккупации, о которых мы уже слышали от бабушки Глафиры Ильиничны. Как мы должны быть благодарны всей плеяде учителей, прилагавших неимоверные усилия к

тому, чтобы выживать, выглядеть достойно, и с любовью учить детей в эпоху постоянных и часто непредсказуемых перемен.

В книге С.Н. Малаховым, историком-профессионалом поднимается обширный и глубокий пласт исторических событий, начиная с русского средневековья 15–17 веков, со времен формирования Московского государства. Описание жизни семьи Галушко органично вплетено в сложную историческую эпоху преобразований: переселение безземельных малороссийских казаков в Сибирь, на Дальний Восток и Кубань, Кавказская война, постепенное заселение Приурупья донскими, хоперскими и малороссийскими казаками, создание Лабинской линии укреплений, основание станицы Отрадной.

Много нового узнаешь о жизни дореволюционной станицы и проникаешься огромным уважением к трудолюбивым и смелым людям, осваивавших в суровых жизненных тяготах благодатные земли Кубанских предгорий.

С огромным интересом читается глава книги об истоках зарождения газетного дела в районе и длительной, творческой работе Петра Митрофановича первым редактором и художником районной газеты. Находясь долгое время на острие социально-политической жизни он и потом, уже не будучи редактором, оставался постоянным активным собкором районных газет до самых последних лет своей жизни. Авторы приводят полную подборку его острых и всегда злободневных газетных публикаций с 1949 по 1968 год, затратив огромное количество времени и труда на работу в Отрадненском архиве и краеведческом музее.

Вызывают самые добрые чувства страницы книги, описывающие работу Петра Митрофановича в 1947–1949 гг. по совместительству директором школы юннатов и успешно продолжившем его начинания К.С. Паневине, необыкновенно добром и одаренном человеке, увлекшим детей в трудные послевоенные годы выращиванием как «домашних» овощей, так и необыкновенных для Отрадной экзотических растений. Жаль, что в наше время это замечательное начинание угасло.

Живо и достоверно, опираясь на многочисленные документы (начиная с 1924 г.), открывают авторы мало кому известные страницы истории о развитии краеведения на Кубани и вехи долгого жизненного пути неутомимого краеведа Галушко Петра Митрофановича. Его высокая внутренняя культура, огромная увлеченность историей и природой родного края, умение сплотить вокруг себя единомышленников, убедить в огромной важности краеведческой работы районные власти, позволили Петру Митрофановичу довести свой давний замысел до реального воплощения: создания Отрадненского краеведческого музея.

Этот период жизни Петра Митрофановича я знала эпизодически. Будучи пенсионером, он, практически каждый день, как на работу ходил по разным организациям, встречался со многими людьми, настойчиво продвигая со своими соратниками общественную жизнь станицы и района. Благодаря книге теперь я по-новому воспринимаю и оцениваю этот самый яркий и напряженный период жизни Петра Митрофановича.

Отдельная огромная благодарность авторам за экскурс в историю создания краеведческих музеев на Кубани. Мы с мужем (тоже геологом, уроженцем Тамани, г. Темрюк) всегда с интересом посещали краеведческие музеи во всех городах, в которых довелось побывать, заинтересовали этим своих детей, а теперь уже и внуков.

Сюрпризом для меня явилось сообщение, что в Отрадненском музее хранится раритетный экспонат: карта проекта строительства железной дороги: Армавир – Отрадная – Передовая – Зеленчукская – Кардоникская – Передовая – Старое Жилище протяженностью в 206 верст. Карту передал по настоянию Петра Митрофановича в музей учитель-пенсионер И.М. Башкатов. Я помню этого высокого, интересного человека, чем-то похожего на Петра Митрофановича. Дедушка брал меня иногда с собой, когда ходил к нему в гости. Дом Башкатовых находился в районе средней школы № 17. Для маленькой девочки это было настоящее путешествие. На усадьбе Башкатовых росли два огромных ореха и был большой сад. Мужчины ходили по саду, осматривали деревья и увлеченно беседовали. После традиционного чаепития Пётр Митрофанович брал у Ивана Михайловича вощину и другие предметы для пчеловодства. Все это укладывалось в большой полотняный мешок, и мы отправлялись домой.

Интересно, что еще до революции долина Архыза уже рассматривалась, как перспективный лечебный горно-климатический курорт. В последние годы в верховьях Б. Зеленчука эта давняя мечта уже воплощается в реальность. В Архызе строится новый горно-лыжный курорт мирового уровня по специальному проекту, входящему в большую национальную программу «Курорты Северного Кавказа». Строительство ведется быстрыми темпами: подведены новые высоковольтные электролинии, газовые сети. Современные канатные подъемники поднимают лыжников и туристов на вершину хребта Абишира-Ахуба.

Пос. Медногорск, где мы живем, находится в 80 км от Архыза. Теперь приятно проехать туда по новой хорошей автотрассе и с удовольствием отдохнуть как зимой, так и летом в хвойном лесу на фоне заснеженных вершин. В пос. Романтик (центре курорта) принимают гостей 2 новые современные гостиницы. Продолжается строительство новых горнолыжных трасс и гостиниц. Как и уже построенный к Зимней Олимпиаде 2014 г. в Сочи на Красной Поляне горно-лыжный комплекс Роза-Хутор, пос. Романтик застраивается также по единому проекту в стиле альпийских горнолыжных курортов.

Поток туристов в Архыз постоянно растет. В солнечной долине Архыза тесно переплетается глубокая древность: памятники аланской культуры, комплекс древних христианских храмов X–XIII вв.; вновь открывшийся людям в канун 2000 года наскальный лик Христа и современная уникальная Астрофизическая обсерватория Академии наук с шестиметровым зеркалом телескопа, смотрящего в глубины космоса из серебристого купола на горе Пастухова на высоте 2000 м.

Энтузиасты-астрономы САО создали на общественных началах небольшой археологический музей древней аланской культуры с интересными экспонатами. Особенно трогательно выглядят детские игрушки, сохранившие тонкие нити связи времен до наших дней. Может быть, о будущем этого чудесного уголка в свое время беседовали два сельских интеллигента «старой школы», прогуливаясь в саду, в далекие теперь уже для нас пятидесятые годы…

Многие предложения Петра Митрофановича, высказанные им на страницах районной газеты, актуальны и остаются в силе и по сей день.

Ведь краеведы освещают не только далекое прошлое, но и стремятся расширить горизонты настоящего и заглянуть в будущее. П.М. Галушко считал «большим патриотическим долгом… полнее использовать богатства района на благо населения». В 1960 г. в заметке «Тайна еще не открыта» он пишет о пробуренной в Отрадной нефтеразведочной скважине, в которой с глубины 180 м забил фонтан горячей воды. Он уже тогда предлагал её использовать в народном хозяйстве! Может быть, в Отрадненском районе появятся энтузиасты, которые займутся освоением этого природного богатства более активно, не только на уровне горячих ванн...

В Мостовском районе Краснодарского края на базе подземных термальных источников успешно работают уже 8 баз отдыха с современными бассейнами (гидромассаж, озонирование воды). Для отдыхающих созданы уютные озелененные площадки с беседками, клумбами, мангалами для шашлыков, комфортабельными домиками для круглогодичного посещения, обогреваемые той же термальной водой. Используются горячие подземные воды и некоторыми жителями пос. Мостовского для отопления частных жилых домов.

Закрывая с сожалением последние страницы книги, мне ещё хочется отметить, что в ней пишется не только о Галушко П.М., но живо раскрываются интересные, краткие и ёмкие истории жизни многих замечательных людей, его современников, также внёсших немалый вклад во все добрые начинания в районе. Поэтому с таким захватывающим интересом и читается эта замечательная книга.

Желаю авторам продолжить на радость читателям свою неустанную и плодотворную деятельность по воссозданию исторического прошлого нашей малой родины.

II. АРХЕОЛОГИЯ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

Е.А. Хачатурова

Материалы об исследовании Семибратнего городища из архива Н.В. Анфимова

(Папка «Синдика»)

Материалы Семибратнего городища в архиве самим исследователем выделены в 7 папок (№№ 9, 14, 15, 28, 33, 41, и одна папка без номера). Они включают в себя материалы разных лет исследования этого городища. Папка № 14 – материалы 1937–1938 гг., папка № 29 – 1939 г., папка № 15 – 1939–1948 гг., № 28 – 1949 г., № 33 – 1950–1951 гг., № 51 – 1955 г. Отдельные материалы, а также тезисы докладов, рукописи статей о Синдике, Семибратнем городище, библиографические карточки, рисунки помещены в папку без номера, сформированную и подписанную Н.В. Анфимовым «Синдика».

Весь этот обширный материал, разделённый по годам и темам, состоит из текстов отчётов раскопок, фотографий, рисунков предметов, планов раскопов и чертежей архитектурных объектов рукописей отдельных статей, черновики планов докладов и тезисов к конференциям.

В папке «Синдика» среди других работ хранятся материалы к конференции «История и археология античного города», состоявшейся в Институте археологии АН СССР в Москве 6–10 декабря 1960 г. К ним относится отпечатанная часть стенограммы конференции (стр. 31–63) с докладом Н.В. Анфимова и с правкой автора, два тетрадных листка в линию с кратким планом доклада, написанного рукой Анфимова карандашом. На семи тетрадных листах (в клетку и линию) записаны прения по докладу (карандашом и перьевой ручкой), в которых приняли участие И.Б. Зеест, В.Д. Блаватский, Т.В. Блаватская, В.П. Шилов, А.А. Иессен и Н.И. Сокольский.

Краткий отчёт о работе конференции был сделан Г.А. Цветаевой и опубликован в «Советской археологии» за 1961 г., № 3, с. 320–325. В нём даётся краткое содержание доклада в трёх предложениях, и так же коротко передаются прения по докладу. Г.А. Цветаева отмечает, что все выступавшие высоко оценили доклад, подчёркивали актуальность и необходимость исследования Синдики и отмечали заслуги Н.В. Анфимова, являвшимся в то время единственным исследователем в этой области. Кроме вышеперечисленных в архиве Н.В. Анфимова выступающих, в отчёте Г.А. Цветаевой названы также принявшие участие в прениях В.Ф. Гайдукевич и И.Д. Марченко.

Публикация материалов Н.В. Анфимова о раскопках Семибратнего городища представляет интерес не только в связи с историей изучения Семибратнего городища, но и с новыми археологическими исследованиями на территории Синдики, в том числе и Семибратнего городища.

План доклада Н.В. Анфимова к конференции «История и археология античного города» (6–10 декабря 1960 г., Москва)

1) Обоснование темы – изучение античного города невозможно без исследования истории местных племён и для Боспора, в первую очередь синдов.

2) В Западной (островной) Синдике синдские города неизвестны. Изучались только сельскохозяйственные поселения.

3) Восточная Синдика и её территория. Возникновение синдских городов. Проблемы синдского города.

4) Синдские города – Семибратнее, Красно-Батарейное, б.х. Капустин, Раевская, Синдская гавань – Горгиппия и поселения. Городище близ ст. Анапской.

5) Семибратнее городище.

<u>Семибратнее городище</u>

1. Местонахождение, площадь – 4 га, связь с курганами.

2. Возникновение города. Наличие в раннее время (VI в. до н.э.) на данном месте поселения. Сравнение с раннемеотскими неукреплёнными поселениями Прикубанья.

3. Время существования города и исторические периоды. Расцвет города падает на V-IV вв. до н.э.

4. Оборонительные укрепления города, наличие западных ворот.

5. Планировка города нам неизвестна. Городское строительство. Дом эллинистического времени. Специфические черты для местной культуры – глинобитные печи.

6. Состав населения города – материальная культура (керамика чернолощеная лепная, рыболовные трапециевидные грузила, жернова-зернотёрки меотские и др.), употребление в пищу конины; погребения – в курганах и каменной гробнице.

7. Экономика города:

а) сельское хозяйство;

земледелие (для более позднего времени возможно виноградарство), скотоводство;

б) ремёсла, добыча камня – каменоломни;

в) торговля;

г) рыболовство.

8. Развитие культуры – широкое развитие строительного дела, о чём свидетельствуют памятники городского строительства, античные памятники скульптуры (обломок мраморной женской головки); терракоты.

9. Время гибели города в бурную […] эпоху. Поселение конца I в. до н.э. – I в. н.э. на месте Семибратнего городища.

Стенограмма доклада на конференции «Античный город» (Институт археологии АН СССР, г. Москва, 6–10 декабря 1960 г., стр. 31–63)

Гайдукевич В.Ф.

Переходим к исполнению второго пункта нашей повестки дня. Слово имеет Н.В. Анфимов для доклада на тему: «Семибратнее городище как синдский город».

Анфимов Н.В.

Конференция этого года посвящена изучению проблемы античного города.

Античные города Северного Причерноморья невозможно изучать без исследования периферии и тех тесных связей, которые устанавливаются античными полисами с окружающим их варварским миром – племенами. Это в первую очередь должно относиться к истории городов, возникших на берегу азиатской части Боспора. Поэтому, изучая и исследуя античные города, мы должны обратиться к изучению культуры и городов Синдики.

Синды занимали как Таманский полуостров (некоторые авторы считают, что только южную часть Таманского полуострова), так и распространялись дальше по Черноморскому побережью, вплоть до начала отрогов Главного Кавказского хребта, и имели северной границей реку Кубань.

Территория Синдики представляла, во-первых, островную часть, западную, а основную территорию Синдики составляла восточная часть.

На самой территории синдики и возникли крупные античные колонии, города-полисы – Гермонасса, Кепы, Фанагория, и с момента обоснования здесь греков, они вступили в тесные взаимоотношения с синдами.

Культура синдов и синдских городов ещё недостаточно изучена и, говоря сейчас о синдских городах, мы должны больше говорить о тех основных задачах, которые стоят сейчас перед учёными в изучении именно синдского города.

Синды, заселяя прибрежную часть Чёрного моря и побережье Киммерийского Боспора, шли впереди в экономическом и социальном развитии по сравнению с остальными меотскими племенами. Принадлежа к той же группе этих племён и относясь к иберокавказской языковой группе, синды в своём экономическом и социальном развитии опережали те племена, которые жили восточнее по реке Кубани. Способствовало социально-экономическому развитию синдов и образованию укреплённых поселений здесь непосредственное соседство Боспорского государства.

В ранние периоды у синдов (так же как и у меотов) мы, по-видимому, должны предполагать наличие неукреплённых поселений. Для меотов, населявших район Среднего Прикубанья, неукреплённые поселения нам хорошо известны. Здесь в VI–V вв. до н.э. ещё не было укреплённых поселений.

Полученные в последнее время данные дали интересные материалы и по вопросу о происхождении меотской культуры, в связи с обнаружением новых памятников – могильников, которые можно назвать протомеотическими, свидетельствующих о том, что меоты были коренным населением Северо-Западного Кавказа.

Такие же поселения раннего периода нужно предполагать и в Синдике. Для Восточной Синдики мы знаем целый ряд поселений и городского типа, на которых я остановлюсь несколько позже.

Что касается западной, островной Синдики, то здесь синдские города, по существу, ещё не выделены. Мы знаем античные города, а синдские города островной

Синдики ещё не изучались. Экспедицией под руководством профессора В.Д. Блаватского изучалась хора античных городов, и было выявлено большое количество сельскохозяйственных поселений.

Культура синдского сельского поселения очень близка к культуре античных поселений. Сильная эллинизация сельского поселения даёт картину, близкую к боспорским поселениям, хотя некоторое своеобразие здесь имеется.

Что касается Восточной Синдики – основной территории Синдики, – то для времени VI–IV вв. до н.э. и несколько более позднего времени мы имеем уже ряд городищ, которые являются остатками городов и сельских поселений. Эти городища, по-видимому, с момента сложения Синдики как государства, на грани VI – начала V вв. до н.э., превращаются в города.

Такими городами сейчас мы можем уже вполне определённо считать известное Семибратнее городище, затем городище Красно-Батарейное, городище, которое расположено на территории виноградарского совхоза им. Ленина, у бывшего хутора Капустина, которое исследовал ещё А.С. Башкиров, в последующие годы обследовалось рядом экспедиций и даёт материалы V века до н.э. исследования В.Д. Блаватского, проводившиеся на территории Анапы, и исследования И.Т. Кругликовой дали, в основном, материалы, не восходящие глубже IV в. до н.э. Примечательно, что некрополь тоже даёт в основном материалы не ранее IV в.

Раевское городище расположено близ станицы Раевской, которое исследовалось в последние годы Н.А. Онайко, тоже наиболее ранние материалы даёт IV в. до н.э.

Таким образом, Горгиппия и город на месте станицы Раевской – городище Раевское – возникают, по-видимому, как крупные городские греко-синдские центры в несколько более позднее время по сравнению с Семибратним городищем, о котором я буду говорить дальше.

Наравне с этим мы наблюдаем в Восточной Синдике целый ряд сельских поселений и известны небольшие города, которые по своим фортификационным сооружениям и общей конфигурации, напоминают близкие им меотские городища Прикубанья. Такое городище имеется близ станицы Анапской, и обследовалось экспедицией Краснодарского музея в 1953 году.

Важно отметить, что после сложения государства образуются города в Синдике. Но количество их было незначительно.

Наиболее восточно-окраинным городом Синдики, который становится потом пограничным городом Боспора, было Красно-Батарейное городище, которое резко отличается по своим фортификационным сооружениям, по планировке и от меотских городищ, которые являются, по существу, ещё родовыми укреплёнными поселениями. Красно-Батарейное городище в этом отношении ближе к Семибратнему городищу – синдскому городу, и является синдским городом. Акрополь был окружён мощной крепостной стеной, и с восточной стороны города шла крепостная стена с башнями.

Так что всё это определяет его, как значительный центр городского типа Синдики. Но оно не подвергалось ещё исследованию и крупным раскопкам.

Проводившиеся здесь разведочного характера работы привели к обнаружению фундаментов каменных зданий, найдены остатки расписной штукатурки, что роднит это городище с античными городами. Из городов Синдики несколько лучше обследовано Семибратнее городище, которое является одним из её крупных центров. Татьяна Васильевна Блаватская в своей последней работе, в «Очерках политической истории Боспора в V–IV вв. до н.э.», считает, что Семибратнее городище являлось центральным городом Синдики и что оно было, по её мнению, даже царской резиденцией.

Это предположение Татьяны Васильевны подтверждается тем, что в непосредственной близости от Семибратнего городища находились и Семибратние курганы, которые можно назвать царскими курганами.

Семибратнее городище, на мой взгляд, представляет собой синдский город, возникший в Синдике в связи со сложением синдского государства. Но затем он превратился, после присоединения Синдики к Боспору, уже в греко-синдский центр.

Этот город был расположен в низовьях реки Кубани, у её выхода в широкую дельту, на берегу основного рукава реки, который впадал в Чёрное море.

Таким образом, этот стратегический пункт древней Синдики контролировал сообщения кубанского бассейна с Чёрным морем и держал в своих руках всю торговлю, которая велась по реке Кубани

с внутренней территорией меотов.

Территория Семибратнего городища сравнительно незначительная, она равна 4 га.

Город этот возник на месте, по-видимому, ранее здесь существовавшего поселения, а может быть и укреплённой территории синдского поселения. Точных данных мы сейчас не имеем в связи с недостаточно вскрытой городской площадью. Нижние слои, содержащие сравнительно большое количество керамики VI века до н.э., в том числе местной синдской керамики даёт право предполагать, что этот город возник на месте поселения, существовавшего здесь в VI в. до н.э. Само возникновение города нужно относить к грани VI–V вв. до н.э. или к последней четверти VI в до н.э.

Просуществовал он до конца II в. до н.э. Для более позднего времени сейчас мы не можем говорить о существовании города, о чём я несколько ниже скажу.

Уже в начале V века до н.э. город обносится мощной крепостной стеной. Расцвет города приходится на V–IV века до н.э., на время самостоятельного существования Синдского государства. Оборонительные укрепления города очень мощные. Если для античных городов, как отметил в своём докладе Виктор Францевич Гайдукевич, даже в раннее время крепостные стены были менее солидные и мощные, чем в III в. до н.э., то на Семибратнем городище мы видим обратную картину: именно в V–IV вв. до н.э. оборонительные укрепления были гораздо более мощные, чем более поздняя стена, выстроенная заново в III в. до н.э.

Эти стены, о которых данные были опубликованы, окружали город со всех сторон, а со стороны Кубани достигали высоты свыше шести метров, что удалось вычислить довольно точно. В настоящее время они сохранились местами на высоту двух метров. Мощность их достигала 2,5 метров, причём с внутренней стороны стен, между башнями, пристраивалась каменная лестница, благодаря которой мощность крепостных стен увеличивалась до 4 с лишним метров, до 4,5 метров.

По линии крепостных стен были расположены прямоугольные башни, выступавшие за линию крепостных стен, с внутренними помещениями, где, по-видимому, помещался гарнизон, так как эти внутренние помещения отапливались. Внутри каждой башни были обнаружены печи, которые, может быть, служили и для приготовления пищи. В башнях эти печи были глинобитные, очень характерные для меотской культуры, также печи были встречены на городище.

Эти ранние стены просуществовали в течение двух столетий, правда, на грани V–IV столетия до н.э. они подверглись частичному разрушению и новому восстановлению. Так что тут было два строительных периода, что было, по-видимому, связано с военными действиями, которые, как известно, отражены у Полиена в рассказе о войнах синдов с меотами.

В конце IV в. до н.э. ранние стены оказались почти совершенно разрушенными и не восстанавливались тогда, когда территория Синдики была окончательно присоединена к Боспорскому государству. Некоторое время в начале III в. до н.э. крепостные стены вокруг города вообще отсутствовали. На месте крепостных стен были обнаружены ямы мусорного характера с амфорами III века до н.э.

И только во второй половине III века до н.э., может быть к его концу, была выстроена новая оборонительная стена, но уже менее мощная, чем первая, которая достигала толщины до 1,9 м. Более ранняя оборонительная стена была разобрана, территория, на которой она находилась, была снивелирована и засыпана глиной, которая хорошо утрамбовала почву для более поздней стены.

Исследования проводились только в восточной и северо-восточной частях города. Главные крепостные ворота, судя по общей конфигурации города, были расположены, по-видимому, с юго-западной стороны его, где сейчас хорошо прослеживается въезд в город. Но исследование территории предполагаемых городских ворот, от которых, видимо, шла широкая улица в виде ложбины (она прослеживается на городище) – это задача ближайших лет.

Что касается планировки этого синдского городища, то об этом мы сейчас ничего не можем сказать, так как исследовалась только незначительная территория – пристенная часть.

Мы мало ещё знаем и о городском строительстве, но и те данные, которыми мы всё-таки располагаем, свидетельствуют о том, что в основном городское строительство, которое отражало социальное неравенство населения этого города, состояло

из небольших домиков – турлучных и саманных, с типичными для синдо-меотской культуры глинобитными печами, на бревенчатых основах, покрытые камышом и соломой. Некоторые более крупные дома имели и каменный фундамент. В слое V–IV вв. до н.э. обнаружены остатки каменного фундамента большого здания.

Наряду с этим, было обнаружено монументальное каменное здание, время постройки которого исследованиями послевоенного времени удалось уточнить. Видимо, возникновение этого большого жилого здания с мощными наружными стенами относится к грани IV–III вв. до н.э.

Это большое эллинистическое здание с очень мощными наружными стенами – 1,7 м, которое представляет как бы внутреннюю крепость. Для местной культуры строительства и архитектуры характерными являются глинобитные печи, которые нередко находились и в слоях V–IV–III вв. до н.э. Эти глинобитные печи, о которых я упоминал, были обнаружены в башнях и вне башен, может быть, они находились во дворах или в домах. Это – печь, на каркасе которой глиняная обмазка с полукруглыми сводами в виде сложенных на фундаменте сосудов. Такие печи мы неоднократно встречаем на всех меотских городищах Прикубанья.

Что касается населения города и его этнического состава, то без исследования некрополя говорить трудно. Пока некрополь не исследовался. Мы знаем только раскопанные курганы – Большой и Малые Семибратные курганы, которые дают картину местных обрядов погребений, и в грунтовом могильнике обнаружена только одна каменная гробница III в. до н.э.

Но некоторые косвенные указания о составе населения может дать остеологический материал. Исследования остеологического материала, приведённые профессором Н.К. Верещагиным, дали интересные данные: кости лошадей оказались в большинстве случаев разрубленными. Это позволило проф. Верещагину сделать совершенно правильный вывод о том, что довольно широко употреблялась в пищу конина. Это даёт некоторые косвенные данные для суждения об этническом составе населения, которое в основном было синдским.

Некоторые элементы материальной культуры, несмотря на сильную эллинизацию, тоже говорят о синдском составе населения.

Мы находим здесь в ранних слоях целый ряд местной керамики в довольно большом количестве чернолощеную керамику с характерной грушевидной формой сосудов, чаши с орнаментом, что также является характерным для меотской культуры Прикубанья.

Для несколько более позднего времени мы имеем типичные предметы – орудия труда, рыболовные грузила, типично меотские трапециевидные жернова-зернотёрки и т.д.

Так что, несмотря на сильную эллинизацию населения в ранний период, можно считать в основном население синдским, хотя здесь много поселяется и греков, а в дальнейшем, с присоединением Боспора к Синдике, город становится греко-синдским.

Что касается экономики и культуры Семибратнего городища, то в экономике этого города большое значение с самого начала его возникновения играло сельское хозяйство. В возникнувшем на месте синдского поселения Семибратнем городище сельское хозяйство продолжало играть значительную роль в его экономике, наравне с торговлей. Подтверждение этому мы усматриваем в находках зёрен ячменя, пшеницы и проса, различных земледельческих орудий и ряда зерновых ям, которые обнаруживаются в слое IV–III вв. до н.э.

В сельском хозяйстве жителей этого города большую роль играло и скотоводство. Как показали исследования, большой удельный вес в скотоводстве занимало свиноводство и мелкий рогатый скот, а потом и крупный рогатый скот.

Количество найденных костей лошадей несколько меньше, чем количество костей крупного и мелкого рогатого скота, но это не говорит о том, что коневодство не имело значения в этом городе. Несомненно, что и коневодство там тоже имело определённое значение.

Что касается состава стада, то, как указывает профессор Н.К. Верещагин, скот там был мелкий. Это объясняется тем, что в основном скот находился на подножном корме. Большое количество желудей давало возможность выгонять свиней на подножный корм в течение длительного периода времени.

Что касается рогатого скота, то тут, наряду с мелким скотом, отмечается и более крупный скот, близкий к симментальской породе.

Возможно, что в Синдике, наряду с прочими сельскохозяйственными культурами, развивалось и виноградарство. Для территории восточной Синдики такие данные мы имеем. Так, были найдены недалеко от Семибратнего городища виноградные ножи. Это указывает на то, что в Синдике, а возможно и в Семибратнем городище, было развито виноградарство.

В экономике этого города с самого начала его возникновения значительный удельный вес имела торговля. В этом городе, расположенном на торговых путях, шедших от Боспора, из Фанагории, с […] и дальше на Кубань, уже в самом раннем периоде широко развивается торговля. Находки, характеризующие торговлю этого города в ранний период, дают примерно то же, о чём мы здесь уже слышали из предыдущих докладов для античных городов.

Особенно характерного отличия от античных городов мы в этом отношении не видим. В ранний период здесь также отмечается наличие материалов из Хиоса, некоторые материалы идут из Коринфа, Ионийского побережья, а во второй половине V–IV вв. начинает преобладать аттический импорт, причём по массовым материалам в IV веке здесь преобладает Гераклея.

В экономике Семибратнего городища значение имели рыболовство и ремёсла. Семибратнее городище находилось на берегу Кубани, в дельте, около лимана и естественно, что рыболовство как важная отрасль хозяйственного производства, играло существенную роль. Мы находим не только остатки рыбы в большом количестве, которые дают возможность определить виды рыбы, которые здесь вылавливались. Вылавливалась красная рыба и карповые породы. Кроме того, найдены рыболовные крючки. Все это указывает на довольно широкое развитие рыболовного промысла.

О развитии ремёсел в ранний период, уже в V–IV вв. до н.э., дают представление и материалы из раскопок, указывающие на наличие здесь гончарного производства. Если мы не нашли ещё остатков гончарных печей, то во всяком случае некоторые найденные материалы непосредственно указывают на развитие местной керамики. В частности, для определения местного производства керамики имеют значение находки больших не обожжённых пирамидальных грузил, которые могут являться эталонами для определения местных глин.

Было развито и косторезное ремесло. Найдены ручки из рога оленя, рукоятки ножей, отшлифованные рога оленя и т.д.

О развитии литейного производства говорят находки формочек и целого ряда других предметов, относящихся к литью.

Широко было развито строительное дело. В Синдике существовали свои каменоломни. Недалеко от Семибратнего городища расположены большие каменоломни, которые в настоящее время эксплуатируются и там добывается ракушечник. Геологическое сопоставление камней стен и зданий Семибратнего городища с камнями из каменоломен показало, что этот камень добывался на месте, в данных каменоломнях.

В каменоломнях был найден целый набор древних орудий каменотёсов.

Неоднократно в каменоломнях были находки монет. Было найдено несколько пантикапейских монет IV–III вв. до н.э.

Все эти данные неопровержимо говорят о том, что здесь широко шла добыча камня, который направлялся на строительство как в Семибратнее городище, так и на строительство в город, находившийся на месте городища Красно-Батарейного.

Возможно, что как раз и в Красно-Батарейное городище, находившееся на расстоянии 30-ти км, из этих каменоломен тоже доставлялся ракушечный известняк.

Таким образом, синдский город на месте Семибратнего городища, по-видимому, был крупным административным центром в ранний период, о чём свидетельствует сосредоточение вблизи него большого количества царских курганов, а также важным стратегическим и экономическим центром восточной Синдики.

О культуре этого города мы можем судить и по характеру строительства его зданий и по прекрасным крепостным стенам, которые близки к античным, в частности, подражают античной архитектуре, и по большому зданию, и по ряду памятников. Там найдены терракотовые статуэтки, часть которых были привозными, а часть их выделывались уже на месте. Эти терракотовые статуэтки найдены в ранних слоях V в. и в более поздних слоях IV–III вв. до

н.э. В основном это статуэтки женских божеств: Деметры, Коры, Кибелы, которые как отмечает Татьяна Васильевна Блаватская, воспринимались местными жителями, как изображения эллинских божеств. Судя по целому ряду памятников, основными божествами у меотов были аграрные боги – культ богини матери-покровительницы земледелия и плодородия.

Семибратнее городище в Боспорском государстве превращается уже в греко-синдский город, сильно эллинизированный.

Этот город просуществовал на продолжении всей истории Боспора. И, насколько сейчас можно судить (хотя это, конечно, требует дальнейших исследований), этот город, как греческий центр, по-видимому, прекратил своё существование в митридатовый период – в период смуты на Боспоре в первой половине I в. до н.э.

Его крепостные стены, как я уже сказал, были восстановлены в конце III в. до н.э.

Город в это время ещё существует в прежних границах, судя по крепостным стенам. Но в период I в. до н.э. жизнь на большей части города, по-видимому, прекратилась. Культурных слоёв I в. до н.э. мы не находим ни в пристенных частях города, которые были исследованы, ни по восточной окраине города, ни по северной окраине, ни в западной части города, где были проведены разведочные раскопы. Полученные данные, хотя ещё недостаточные, как будто бы указывают, что город в прежних границах в нашу эру уже не существовал. Но жизнь в нём не прекратилась. На территории большого эллинистического здания мы находим остатки довольно мощного культурного слоя конца I в. до н. э. – I в. н.э. Мне представляется, что в это время на территории Семибратнего городища существовало небольшое поселение, причём поселение меотского облика. Облик сильно эллинизированного синдского города в это время не прослеживается.

Территория этого разрушившегося большого здания, южной части его и внешней стороны, была использована (здание находилось уже в руинах) для сооружения небольших домиков, которые были пристроены к внешней стороне этого большого дома. Эти домики представляли собою небольшие помещения в две-три комнаты. Они погибли во время пожара в I в. н.э.

Вот те краткие данные, которые можно было суммировать по Семибратнему городищу по материалам предыдущих исследований. В последние годы, к сожалению, из-за отсутствия финансовых возможностей, дальнейшее исследование не производилось.

Зеест И.Б.:

Прослушанный доклад Н.В. чрезвычайно интересен не только в плане изучения племён, населявших известную территорию, относящуюся к Синдике, но не менее интересен и в плане изучения культуры Боспорского государства и взаимоотношений античных городов с окружающими местными племенами.

Новое начертание границ области Синдики, которое так определённо было высказано докладчиком, само по себе чрезвычайно важно и очень существенно во многих отношениях. Но, к сожалению, должна сказать, что в изложении докладчика это не прозвучало достаточно убедительно. Полагаю, что Н.В. располагает археологическим материалом разведок, который показывает, что на определённой территории, о которой говорит докладчик, встречается какая-то однородная культура, которая должна чем-то отличаться от меотской или культуры других племён. Но я не знаю, по каким соображениям Н.В. не поделился с нами тем материалом, который мог бы подтвердить это положение. Страбон совершенно ясно говорит: область Синдики находится от вплывающего в Корокондамское озеро с правой стороны. Для того, чтобы опровергнуть утверждение такого вполне заслуживающего доверия источника, требуется ещё приведение дополнительного материала.

В отношении взаимоотношений городов Боспора с Синдикой, особенно важны результаты тех раскопок в Семибратнем городище, которые на протяжении многих лет ведёт Н.В. Тут мы имеем очень яркое и интересное доказательство того, как тесно и непосредственно были связаны эти два пункта. Но я не могу согласиться с мнением Н.В. о том, что в Прикубанье и в частности на Семибратнем городище греческие товары могли попадать минуя Фанагорию, что греческий импорт мог проникать непосредственно минуя греческие центры. Несомненно, что торговые связи с Синдикой могли осуществляться и через Горгиппию и Синдскую Гавань, оттуда могли проникать греческие товары. Но что касается

Семибратнего городища, которое находилось в дельте Гипаниса, впадавшего в Корокондамский залив, другого пути не было, как это подтверждается очень хорошо археологическими данными.

Для ранних слоёв Семибратнего городища характерны исключительно все формы привозной керамической тары, которую мы знаем в Фанагории, их можно перечислить значительно больше, чем привёл докладчик. Но характерно, что и отсутствуют формы, которые и отсутствуют в Фанагории. Это доказывает, что Семибратнее городище находилось в тесной связи с Фанагорией, но не получало товары каким-то прямым путём.

Фанагория и Семибратнее городище возникли одновременно в середине VI в. до н.э. Это доказано последними раскопками Н.В. В VI в. ни тот ни другой город ещё не были обнесены стенами. Фанагорийские стены появились только в V веке. Стены Семибратнего городища появились тоже не в самом начале основания города, а несколько позднее. Мне кажется, что это свидетельствует о том, что в самый ранний период отношения этих двух городов были в известной степени миролюбивые, основанные на экономическом общении, и только в дальнейшем, когда назрели конфликты и назрела необходимость вооружённой защиты, города были обнесены стенами.

Как здесь было указано докладчиком, в ещё более позднее время, в период наибольшего распространения могущества Боспорского царства Семибратнее городище в какой-то мере пострадало от экспансии Боспора, о чём красноречиво свидетельствуют следы пожара и разрушений стен. Любопытно отметить, что во втором веке до н.э. в торговых связях Семибратнего городища и Фанагории произошли серьёзные изменения: импорт туда совершенно не проникал и несмотря на то, что в Фанагорию поступали определённые категории импортных товаров, они не поступали в Семибратнее городище, несмотря на то, что эти товары проникали в глубь страны.

Шилов В.П.:

Доклад Н.В. внёс целый ряд уточнений, целый ряд обоснованных положений, бесспорно представляющих большой интерес. Но наряду с этим, ряд положений, которые выдвинул в своём докладе Н.В., являются дискуссионными. Одним из таких дискуссионных вопросов является вопрос о территории Синдики. Дело в том, что античные авторы не оставили нам точных сведений о территории Синдики, поэтому в литературе намечается огромное количество мнений о размерах и границах Синдики. Н.В. впервые высказал предположение о том, что территория Синдики простиралась к Северу от древнего русла Антикита, т.е. русла, которое соединяет Шемерданскую бухту с Ахтанизовским лиманом. И.Б. Зеест уже отмечала одно противоречие, с чем согласен и я. Для обоснования границ Синдики Н.В. привлёк сведения Страбона о том, что во время замерзания Керченского пролива скифы переезжали в Синдику на повозках. Н.В. считает, что <u>местом переправы была Чушка и Фанталовский полуостров</u> (подчёркнутое правка И.Б. Зеест, у Шилова: что пролив замерзал только до небольшого поселения, находящегося на западном побережье пролива). Однако В.Д. Блаватский путём анализа этого текста, установил, что скифы переезжали пролив не там, где предполагает Н.В., а гораздо южнее. Дело в том, что на Боспоре существовал вал, который скифы не могли пересекать, но вынуждены были обходить этот вал. На севере они не могли обойти этот вал, а с юга они могли свободно пройти на территорию между Тиритакой и Аккрой. Текст Геродота не противоречит тому, чтобы локализовать Синдику в южной части Таманского полуострова. Это первое замечание.

Что касается остальных границ Синдики, то мы как будто с Н.В. не расходимся во мнении. Я очень рад, что Н.В. согласился с тем, что я в своё время предложил о восточной границе Синдики, помещая её у Краснобатарейного укрепления!

Второй дискуссионный вопрос, который поставил Н.В., это вопрос о торговле. Н.В. думает, что Синдика непосредственно вела торговлю с греками помимо Боспора. Это противоречит тексту Страбона, который сообщает, что Пантикапей имел склады для товаров, идущих из Греции. У Фанагории имелись такие же складочные пункты для товаров, которые шли с Кубани. Н.В. не учитывает, что Боспор был государством, которое заинтересовано в том, чтобы взимать пошлины с товаров, которые шли из Греции, и поэтому он был жизненно заинтересован, чтобы все эти товары попадали в руки Боспорского государства. Не думаю,

чтобы здесь была непосредственная торговля между синдами и приезжающими сюда греческими купцами, и тем более, что Синдика не была самостоятельным государством, а подчинённым, вассальным государством Боспора.

В последнее время появился ряд мнений о том, что синды якобы не принадлежат к меотским племенам. Н.В. вполне логично опроверг это мнение на основании тождественности находок, которые встречаются как в Синдике, так и на других территориях.

В заключении я позволю себе сделать небольшой упрёк Н.В., который не представил в докладе в достаточном количестве материалы, чтобы познакомить нас, собравшихся здесь, на конференции с теми богатыми находками, которые получены в течении многолетних раскопок в Синдике.

И, наконец, самое последнее, что я хотел отметить – это о местных чертах оборонительных сооружений. Мне кажется, что оборонительные сооружения, вскрытые Н.В. на таком небольшом участке, что говорить о местных чертах всё-таки ещё не приходится, потому что мы знаем здесь всего три городища, которые имеют каменные оборонительные сооружения: Семибратнее, Краснобатарейное и Раевское, которое я отношу к торетам, а не к синдам, но это моё собственное мнение. Спорить здесь о границах Синдики трудно. Нужно производить систематические разведки, которые помогут выявить эти границы. А может быть, это не удастся, потому что культура здесь настолько сходна, что вряд ли удастся найти какие-нибудь границы.

В заключении мне хотелось бы высказать пожелание, чтобы Н.В. скорее опубликовал бы материалы, чтобы они скорее дошли до всех исследователей.

Иессен А.А.:

Мне хотелось бы отметить, что предположение Н.В. о том, что в течение какого-то периода времени синды имели непосредственные сношения с греками, мне представляется правдоподобным, и то обстоятельство, на которое он ссылается, что и Фанагория и Семибратнее городище возникают почти в одно время, мне кажется нисколько этому не противоречит. Мне представляется, что с возникновением Фанагории на основном выходе Кубанской дельты здесь началась постоянная торговля. Вполне возможно, что у синдских племён было стремление сохранить эту торговлю в своих руках и взять на себя пограничные функции. В этой связи и возникло Семибратнее городище выше дельты. Если же иметь в виду, что южный рукав Кубанской дельты имел выход в Чёрное море, то вполне ясно, что сношения с греками могли быть как непосредственно в районе Анапы или бывшей Синдской гавани, так и через южный рукав Кубанской дельты, минуя Фанагорию; именно это и должно было вызвать стремление знати Боспора подчинить себе Синдику. После этого подчинения Семибратнее городище должно было потерять своё торговое значение, и тогда начинает играть крупную роль Елизаветинское городище, которое гораздо глубже в стране. Так что ничего неправдоподобного у Н.В. нет, исторически эту историческую связь синдов с греками можно объяснить. Дальнейшее развитие показывает, что это было вполне возможно. Несомненно, эти районы чрезвычайно плохо изучены. Но мне пришлось в 1931 г. обследовать побережье бывшего южного рукава Кубани, причём в некоторых населённых пунктах получены очень хорошие материалы VI века. Это как раз говорит о том, что сношения по этому пути вполне могли быть. В остальном я особых замечаний к докладу Н.В. не имею. Я бы хотел только обратить внимание В.П. Шилова, что непосредственно переносить сведения Страбона на время VI–V вв. всё-таки не обоснованно. Нужно иметь в виду, что это совершенно разные периоды и нужен критический анализ этого текста.

Блаватская Т.В.:

По вопросу о непосредственной связи, хотя замечание Александра Александровича справедливо, действительно, сведения Страбона нельзя переносить на VI–V вв., но с другой стороны, мне представляется, что в VI–V вв. до н.э. такую непосредственную связь греческих купцов метрополии с племенем синдов вряд ли можно предполагать.

Города и не столько города, сколько общины купцов Фанагории или в более позднее время общины купцов Гермонассы, строго наблюдали за своими правами и привилегиями и следили, чтобы право торговли с внутренними областями страны находилось в их руках, было их монополией.

Эта строгая система всякого рода прав и привилегий, связанных с торговлей, существовавшая в очень раннее время, мне

кажется, указывает, что и в Синдике только через определённые города, фактически крупные города, расположенные на побережье, шла торговля. Вряд ли она велась непосредственно с местным населением внутри страны.

У Н.В. очень яркая сторона в докладе – это вопрос об образовании государства у синдов в V в. Мне представляется, что на основании наших последних работ последних двух лет в Западной Синдике, то разрешение вопроса, которое представлено Н.В., является весьма убедительным.

Широкое развитие обмена в Синдике, намечавшее очень ярко имущественное расслоение уже в самом начале V в. среди синдов, указывает на далеко зашедшую имущественную дифференциацию, возникновение классовой борьбы и возникновение государства.

Вполне естественно, что у синдов, обитавших в очень плодородной и богатой стране, где производительность труда была весьма высокой, были условия для такого раннего возникновения государства.

Я хотела только сказать, что Н.В. может быть не исследовал античный импорт со второй половины V в., потому что находки некрополя Семибратнего городища показывают, что в начале V в. там был очень широкий импорт из Аттики и других областей Средиземноморья.

Блаватский В.Д.:

Инд – широкий, большой проток. Какие пункты могут быть включены в состав Синдики. Вхождение в состав Синдики Раевского городища.

Сокольский Н.И.:

О названии города, о Семибратнем городище. (Н.И. Сокольский предположил, не был ли он Гаргазой, Г.А. Цветаева, с. 324) Фатейская крепость – Краснобатарейное городище. Разницы большой в торговле с центрами – Хиосом, Ионийским побережьем – нет. Краснобатарейное городище – город, а не крепость.

Ю.А. Прокопенко

Абхазский самшит как товар для местной (северокавказской) и транзитной торговли

Произрастание колхидского самшита в Бзыбской Абхазии, непосредственно располагавшейся на трассе Шелкового пути, позволяет считать находки предметов, вырезанных из этого дерева, в памятниках Центрального и Западного Предкавказья предметами импорта. В основном речь идет о двусторонних гребнях. Они имеют подпрямоугольную форму с двусторонним нанесением частых и более редких зубцов.

В настоящее время в регионе локализуются два района сосредоточения их находок. Это горные районы Северной Осетии и территория между верховьями рек Большая Лаба и Кубань. Всего известно о 20 находках гребней в памятниках Центрального Предкавказья и прилегающих районах: могильник Суаргом (Чми – Дарьяльское ущелье) (1 экз.), могильник у с. Кобан (1 экз.), могильник у с. Даргавс (8 экз.) – все на территории Северной Осетии; могильник Мощевая Балка (7 экз.), хут. Калинин (верховья р. Кува) (1 экз.) [1], окрестности аула Сенты (могильник рядом с Сентинским храмом?) (1 экз.) [2], разрушенное погребение Нижне-Архызского городища (1 экз.) [3].

Основными путями поступления из Бзыбской Абхазии к аланам изделий из самшита и самшитовых заготовок были близлежащие перевальные пути. Прототипы таких гребней, как и встречающийся на них циркульный и другие виды орнаментов (имитирующий виноградную гроздь по сторонам арочного полукружья и др.), связывают с византийской традицией, предполагая непосредственное знакомство местных мастеров с более престижными импортными образцами [4].

Как считает А.А. Туаллагов, традиция использования гребней из самшита, при сохранении на протяжении многих столетий стандартных форм и размеров, не исключает возможности считать их продуктом изготовления местных мастеров. При этом автор справедливо указывает на роговые гребни соответствующей формы – характерную продукцию аланских косторезов [5].

Действительно, скорее всего, какая-то часть гребней, особенно в периферийных районах могла быть вырезана из самшитовых заготовок уже на месте. Однако в центры, расположенные непосредственно вдоль западных магистралей северокавказской трассы Великого шелкового пути, в большей степени поступали готовые экземпляры. Даже если нужно было учесть вкусы владельца или приспособить гребень для

удобства ношения использовался готовый двусторонний гребень. Например, в могильнике Мощевая Балка в одном из женских захоронений такой гребень был привязан за ручку к петле платья погребенной. Фигурная ручка была вырезана из обломанной половины большого двустороннего гребня. При этом рабочей стороной оставалась сохранившаяся[6]. Значительное количество выявленных в данном могильнике самшитовых гребней свидетельствует о традиционности их использования не только в повседневной жизни, но и культовой практике.

Кроме гребней в Центральное Предкавказье завозились и другие изделия из самшита. В частности, в могильнике Мощевая Балка был выявлен самшитовый реликварий с крышкой. Это овальная в плане коробочка небольшого размера, выполнена с большим умением (явно наблюдается опыт в обработке такого очень трудного для отделочных работ материала). Крышка и все боковые поверхности покрыты изображениями, исполненными резьбой в сочетании с легкой моделировкой поверхности путем снятия фона. На стенках, занимая все пространство, дважды повторена сцена, символизирующая в христианской историографии бессмертие: пара павлинов, пьющих из сосуда. Верхняя плоскость крышки украшена изображением креста. А.А. Иерусалимской предложены два варианта локализации производства таких реликвариев: сиро-палестинский регион и причерноморские византийские колонии Апсилии (Абхазии). По мысли автора, в пользу второго свидетельствует обилие самшита и «провинциализм» изображения [7].

Возможно, гребни и самшитовые заготовки из Абхазии закупались оптом на рынках торговых центров Предкавказья (Нижний Архыз и др.), а затем вывозились в города Руси. Одним из основных направлений их транспортировки, видимо, являлся сухопутный путь через низовья Дона [8]. О том, что такие изделия поступали в Подонье в период средневековья свидетельствует находка самшитового гребня, украшенного циркульным орнаментом в погребении 56 (XIII в.) могильника Салок-I [9].

Привозной кавказский самшит использовался для изготовления гребней, обнаруженных во время раскопок Великого Новгорода и других древнерусских городов. В частности, в Новгороде – в Неревском раскопе – выявлено 82 экземпляра таких изделий [10]. Много гребней, найденных в 1962–1998 гг. на других раскопах Новгорода, также были произведены не из местной древесины, а из самшита, железного дерева и других южных пород [11].

Пять экземпляров двусторонних самшитовых гребней зафиксированы в Москве (Зарядье, Исторический проезд, Кремль). Это подтверждает мнение Е.А. Рыбиной о поступлении самшита на Русь с середины X по XIV в. по Волжскому пути [12]. Но, скорее всего, более прав А.М. Колызин, предположивший существование нескольких вариантов его транспортировки: Волжский путь, Днепровский путь и Донской путь [13].

Примечания:

1. *Туаллагов А.А.* Самшитовые гребни из аланских памятников // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тез. и докл. Краснодар, 2005. С. 269–270.
2. *Прокопенко Ю.А.* К вопросу о характере торговли и транспортных магистралях, связывавших Центральное Предкавказье и древнерусские княжества // Историко-археологический альманах. Вып. 10. Армавир – Краснодар – Москва, 2011. С. 104–105.
3. *Иерусалимская А.А.* Мощевая Балка. Необычный археологический памятник на северокавказском шелковом пути. СПб.: Изд-во ГЭ, 2012. С. 363.
4. Там же. С. 363.
5. *Туаллагов А.А.* Указ. соч. С. 270.
6. *Иерусалимская А.А.* Указ. соч. С. 75. Ил. 46 а.
7. Там же. С. 357.
8. *Прокопенко Ю.А.* Указ. соч. С. 104.
9. Труды археологического научно-исследовательского бюро. Т. III. Ростов-на-Дону, 2000. С. 51. Рис. 25, 5.
10. *Вихров В.Б., Колчин Б.А.* Из истории торговли древнего Новгорода // Советская археология. Т. XXIV. М., 1956. С. 93–98.
11. *Перхавко В.Б.* Археологические данные о контактах Руси с Кавказом (IX–XIV вв.) // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Грозный, 18–21 апреля 2016 г. Грозный, 2016. С. 231.
12. *Рыбина Е.А.* Торговля средневекового Новгорода. Великий Новгород, 2001. С. 86–87.
13. *Колызин А.М.* Торговля древней Москвы (XII – середина XV в.). М., 2001. С. 82–83.

С.Н. Малахов, А.В. Пьянков, С.Л. Завьялов

Византийская печать с изображением Богоматери из Усть-Лабинска

В окрестностях г. Усть-Лабинска (Краснодарский край) случайно была найдена византийская свинцовая печать, переданная местным жителем одному из авторов – С.Л. Завьялову. В настоящее время

находка готовится для сдачи в фонды Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына. Более точное местонахождение моливдовула и обстоятельство его обнаружения установить не удалось. Относительно хорошая сохранность печати, несмотря на то, что поверхность ее не очищена (характер окислов не позволяет надеяться на сохранность металла под ними), позволяет произвести предварительную атрибуцию.

Свинцовая печать диаметром ок. 25 мм (изображение диаметром 19 мм) на толстой пластине, найденая в окрестностях г. Усть-Лабинска (рис. 1), покрыта патиной и окислами, что косвенно подтверждает ее подлинность. Приводим описание печати.

Л.с. Изображение Богоматери в рост с младенцем на левой руке. Этот иконографический тип считается старейшим в иконографии Божией Матери – «Богоматерь Одигитрия» держит Младенца Христа обеими руками и Он находится с левой стороны. Над головой Богоматери и Христа прослеживаются нимбы. По сторонам фигуры Богородицы на уровне ее головы изображены два четырехконечных креста. Горизонтальные перекладины обоих крестов раздвоены, изображения на нижних концах не прослеживаются, верхние – имеют изображения наподобие дисков. Оттиск смещен по отношению к оси матрицы. В нижней части фигуры Богоматери большая разрушившаяся каверна на месте выхода из канала шнура печати.

Рис. 1. *Моливдовул с изображением Богоматери, найденный в окрестностях Усть-Лабинска*

О.с. Крестообразная монограмма имени. Четко видна вверху буква «Ф», левая и правая буквы перекладины угадываются плохо, нижняя отсутствует. Возможно, левая была «К», а правая – «А». Имя может быть восстановлено в форме «Фока» (Φωκᾶ[ς]) [1].

Подобное прочтение подтверждается печатью второй половины VI–VII вв. из собрания Государственного Эрмитажа, на лицевой стороне которой находится греческая крестообразная монограмма с именем Фока, а на оборотной стороне дан латинский вариант этого имени [2].

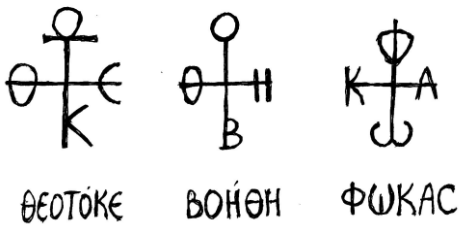


Рис. 2. *Реконструкция крестообразных монограмм на лицевой и оборотной стороне печати*

Хотя, к сожалению, неизвестны обстоятельства и точное место находки, печать, выявленная на левом берегу Нижней Кубани, может указывать на присутствие византийских купцов, монахов-миссионеров или должностных лиц, находившихся неопределенное время в этом микрорегионе. Поскольку на печати отсутствуют указания должности, то можно предполагать, что предназначалась она для личной переписки. Локализация печати может косвенно указывать и на северо-восточные пределы Зихской епархии.

Определенно можно говорить о раннем происхождении этого сфрагистического памятника. Крестообразная монограмма на оборотной стороне и кресты, фланкирующие изображение Богоматери, позволяют отнести её в целом к периоду VI–VIII вв. Надписи в форме крестообразных монограмм на византийских печатях появляются не ранее второй половины VI в. Они сменяют часто употреблявшиеся изображения простых равноконечных крестов, изображавшихся вместо титл слева и справа от Богородицы [3]. Крестообразные монограммы около погрудного изображения Богоматери, или стоящей в рост с младенцем встречаются на печатях (в частности митрополитов и епископов) вплоть до VIII–IX вв. [4].

Предварительная реконструкция и прочтение крестообразных монограмм на лицевой и оборотной стороне печати (рис. 2) позволяет их прочитать следующим образом: «Богородица, помоги! Фока» или «Богородица, помоги Фоке».

Инвокативные крестообразные монограммы по сторонам от фигуры Богородицы, состоявшие из двух слов **ΘΕΟΤΟΚΕ** и **ΒΟΗΘΕΙ** (Θεοτόκε βοήθει) «Богородица помоги…» в сочетании с именем просящего в родительном падеже, появляются со второй половины VII в., но изредка имя могло стоять и в именительном падеже. Около середины VIII в. появляются печати, в которых инвокативная формула обращения к Богородице или Христу употребляется с именем просящего в дательном падеже, указанием его должности и пр. [5]. В нашем случае трудно установить, вследствие плохой сохранности имени Фока в форме монограммы, было ли это имя в именительном или родительном падеже.

Датированные византийские императорские печати с изображением Богоматери Одигитрии в рост и Младенцем Христом на левой руке с крестообразными монограммами, заключающими слова: Θεοτόκε βοήθει или простыми равноконечными крестами представлены печатями Льва III (717–720) и Михаила I (811–813) [6].

Все вышеперечисленные данные позволяют предварительно отнести печать ко второй половине VII – началу IX в.

Это первая находка столь раннего византийского сфрагистического материала в нижнем Прикубанье (правобережье р. Кубань) может свидетельствовать о новых аспектах хазаро-византийских связей во второй половине VII – начале IX в.

Примечания:

1. Аналогичная транскрипция имени Фока см.: *Speck P.* Byzantinische Bleisiegel in Berlin (West). Bonn: Habelt, 1986. S. 190. Taf. 12. № 140.

2. *Степанова Е.В.* Печати с латинскими и греко-латинскими надписями VI–VIII вв. из собрания Эрмитажа. СПб., 2006. С. 82, 83. № 106. Ил. VIII, 140.

3. Ср. *Лихачев Н.П.* Моливдовулы греческого Востока / Составитель и автор комментариев В.С. Шандровская. М., 1991. С. 154. Табл. LXVIII, 4; LXIX, 2,3; LXXXI, 13.

4. Catalogue of Byzantine seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 4. The East / Edited by E. McGeer, J. Nesbitt, and N. Oikonomides. Washington, D.C., 2001. p. 20, 7.4; p. 21, 8.1.

5. *Степанова Е.В.* Печати с латинскими и греко-латинскими надписями VI–VIII вв. из собрания Эрмитажа. СПб., 2006. С. 17,18.

6. *Соколова И.В.* Печати византийских императоров. Каталог коллекции. СПб., 2007. С. 44. Ил. 61; С. 48. Ил. 70.

А.В. Пьянков, Т.В. Юрченко

О номисме Никифора III Вотаниата, найденной на Ильичёвском городище

Монета, о которой пойдет речь, была опубликована известным исследователем древностей Краснодарского края Михаилом Николаевичем Ложкиным. В работе 1973 г., посвящённой христианским храмам Ильичёвского городища, автор сообщил о находке в храме № 1 византийской монеты [1]. В начале статьи М.Н. Ложкин пишет, что исследования на городище проводились археологической экспедицией Краснодарского педагогического института под руководством археолога Никиты Владимировича Анфимова в 1965–1968 гг. Автор в этой работе поместил фотографию только оборотной стороны монеты с изображением бюста императора и сопроводил ее подрисуночной надписью: «Золотая византийская монета из церкви № 1» [2]. В тексте статьи в описании обстоятельств находки монеты находим следующую информацию: «На полу у апсиды найдена золотая византийская монета, чеканенная при императоре Никифоре III Вотаниате (1078–1081 гг.), который изображён на вогнутой стороне монеты. На выпуклой стороне монеты помещено изображение Иисуса Христа. Монета пробита (рис. 5)» [3]. После слов «… на вогнутой стороне монеты» стоит номер подстраничной сноски, в которой сообщается следующее: «Определение монеты сделано И.В. Соколовой (Гос. Эрмитаж)» [4]. Второй раз монета упомянута М.Н. Ложкиным в статье 1984 г., где уже нет фотографии монеты, и о находке сообщено очень кратко, здесь также находим ссылку на предшествующую публикацию [5].

В упомянутых работах нет точной информации о том, когда и при каких обстоятельствах была сделана нумизматическая находка. Обратимся за дополнительными сведениями в Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына (далее – КГИАМЗ), где сегодня хранится номисма из Ильичёвского городища.

Согласно хранящемуся в КГИАМЗ «Акту приёма-передачи» от 20 января 1978 г., монету вместе с двумя другими предметами из драгметаллов передал в Краснодарский историко-краеведческий музей М.Н. Ложкин. Здесь же на 2-й странице указано, что «Раскопки производились в 1968 г.

экспедицией Краснодарского пединститута под руководством Н.В. Анфимова». Это свидетельствует о том, что монета была найдена именно в 1968 г. Правда, никаких отчетов или полевой документации с результатами работ археологической экспедиции Н.В. Анфимова за этот год на Ильичёвском городище в фондах КГИАМЗ найти не удалось.

Рис. 1. *Ильичёвское городище, Отрадненский район, Краснодарский край: гистаменон номисма византийского императора Никифора III Вотаниата (1078–1081 гг.), а, б – лицевая и оборотная стороны. Фото А.В. Пьянкова*

Рис. 2. *Схема-чертёж храма № 1 Ильичёвского городища с помеченными местами отдельных находок, включая византийскую номисму, найденную в 1968 г. Из полевого дневника 1966 г. М.Н. Ложкина [7]. Калька, тушь, компьютерный набор*

Однако в научном архиве Н.В. Анфимова, хранящемся в отделе археологических фондов КГИАМЗ в папке № 69 с названием «1965 г. Хут. Ильич. Церкви. Городище Заслонка» находится общая тетрадь в клеточку с заглавием на обложке в 8 строк: «1966 г. Полевой дневник. Хутор Ильич, Отрадненский район, Краснодарского края. Могильник на Херсоне. Церковь № 2 и № 3 на «Поляне летней МТФ»» [6]. В дневнике, на другой стороне страницы после записи о работах в течение дня 20/VI. 1966 г., помещён небольшой чертёж-схема храма № 1 (рис. 1), выполненный простым карандашом без масштаба, где помечены места находок отдельных вещей, включая монету (помечено овалом) с отходящей линией к надписи «Находка золотой монеты (Никифор – 1078–1081)» [7].

Это упоминание о находке в дневнике 1966 г. входит в противоречие с содержанием уже упомянутого «Акта приёма-передачи», где говорится о находке монеты в 1968 г. Загадка требует объяснения. Важно, что полевой дневник из научного архива Н.В. Анфимова написан М.Н. Ложкиным, о чём свидетельствует характерный почерк и его собственноручная подпись внизу последней страницы этой тетради. В этой же папке архива Н.В. Анфимова находится рукописный отчёт, написанный чернилами рукой М.Н. Ложкина на 10 развернутых тетрадных листах (в клеточку), с обеих сторон озаглавленный: «Отчет о раскопках христианских храмов в хуторе Ильич… в 1965 году … » [8]. Наконец, в Архиве Института археологии РАН хранится отчет М.Н. Ложкина о работах на городище Ильич в 1967 г. о раскопках на Ильичёвском городище храма № 2, сданный в ОПИ только в декабре 1969 года (о чём есть пометка в конце текстовой части) [9]. Всё эти факты свидетельствуют о том, что Н.В. Анфимов только руководил работами в Отрадненском районе в 1965–1968 гг., а реально работы выполнял М.Н. Ложкин, числившийся начальником отряда; во всяком случае, именно им были раскопаны церкви упомянутого аланского города. Не случайно, именно Михаил Николаевич занимался изучением и публикацией христианских храмов в окрестностях х. Ильич [10]. Косвенно об этом свидетельствует то, что Н.В. Анфимов при жизни не публиковал результаты работ на Ильичёвском городище ни в своих научных, ни в научно-популярных работах. Интересно, что кроме дневников, написанных М.Н. Ложкиным, в архиве Н.В. Анфимова в папке № 270, содержащей фотоснимки различных археологических памятников, процесса раскопок и древних предметов, хранится небольшая фотография оборотной стороны монеты, которая была опубликована в статье 1973 г. [11].

Сохранилось эпистолярное свидетельство журналиста В.Н. Орла, очевидца случайного обнаружения монеты во время экскурсии, которая проводилась М.Н. Ложкиным по Ильичёвскому городищу для пионервожатых ст. Малотенгинской (Отрадненский район) во второй половине 60-х гг. [12]. Дополнить это сообщение можно воспоминаниями одного из авторов этой публикации. А.В. Пьянков в 1983 г. участвовал в экскурсии на Ильичёвское городище, которое проводил М.Н. Ложкин. Тогда он рассказал, стоя в зале храма № 1, что именно здесь во время подобной экскурсии была найдена монета византийского императора Никифора Вотаниата.

Поскольку эта находка была сделана не во время раскопок, то Михаил Николаевич был вынужден нанести место обретения номисмы в уже составленный ранее чертёж-схему храма № 1, где были указаны места находки других вещей, сделанных в предшествующие годы. Конечно, в этом месте перед алтарём производилась расчистка пола ещё в 1965 г., и в следующем 1966 г., когда были окончательно закончены работы, но монета тогда не была найдена. Номисма могла быть спрятана в стене между камнями и со временем, после дождя, ветра, перепада температур и мелких сотрясений, воздействовавших на оставленные для консервации фундамент и цоколь храма, однажды выпала на пол.

Находка задержалась у М.Н. Ложкина и хранилась в Отрадненском народном музее последующие 10 лет. Только в 1978 г., когда ужесточились требования к музеям со стороны государства по вопросу хранения драгметаллов и было запрещено иметь предметы из ценных металлов в негосударственных музеях, М.Н. Ложкин передал «золотую» монету в фонды КГИАМЗ.

Поскольку информация о византийской монете, введенная в научный оборот неполна: например, не приведены вес, размеры и проба металла, фотография дана только с одной стороны, а полиграфические особенности издания не дали возможности качественно и полноценно воспроизвести эту находку, то представляется оправданным заново опубликовать монету. Ниже приводятся описание и метрические данные о нумизматической находке.

Описание монеты. Гистаменон номисма (рис. 2) выпукло-вогнутой формы императора Никифора III Вотаниата (1078–1081 гг.), электр. Вес: 4,22 г, диаметр: 3,0 см, соотношение осей: 6 час, диаметр отверстия: 2,0 мм.

Аверс: погрудное изображение Иисуса Христа в нимбе с крестом из двойных линий, внутри трёх ветвей по две «жемчужины», одет в рубаху и гиматий; правая рука поднята для «благословления» (или отстраняет край гиматия), левая держит Евангелие; по сторонам бюста: «**IC–XC**» под титлами; двойной точечный ободок.

Реверс: погрудное изображение императора анфас, с бородой, в короне с подвесками, увенчанной крестом, одет в лорос; в правой руке – крест на длинном древке, в левой – держава с крестом; легенда: «**+NIK Н ФР[′] ΔЄСП[′]**»; двойной точечный ободок.

Сохранность. На обеих сторонах заметны следы сдвинувшегося штемпеля (причина плохого чтения легенды на реверсе), а на лицевой стороне двойного удара. Состоит из 3-х фрагментов (согласно «Акту приёма-передачи» монета уже была фрагментирована). Имеются трещины, следы от ударов и царапины. Присутствует круглое сквозное отверстие над головой Христа, ближе к краю, для подвешивания.

Музейные шифры. КМ 6267/1 и Мд 2296.

В особой кладовой КГИАМЗ на конвертике, в котором хранится монета, карандашом указаны вес и проба металла – **350°**. Здесь необходим комментарий. Дело в том, что номисма императора Никифора Вотаниата с отверстием хранится отдельно от монет, как подвеска; в данном случае, как предмет личного благочестия, и из-за этого не проходила планового апробирования вместе с другими монетами из драгметаллов, поэтому в соответствующих документах сведений об этой номисме нет. Тогда не понятно, откуда появилась проба на этикетке монеты? Вероятно, что сам М.Н. Ложкин, прежде чем сдать артефакт в фонды, носил его в ювелирный магазин, для апробирования, силами имевшихся там специалистов. Если такое предположение верно, то, по принятым правилам, такую пробу нельзя признавать официальной. Правда, стоит заметить, что почти все известные сегодня номисмы Никифора Вотаниата были изготовлены из электра, а не из золота. Приведем некоторые данные по этому вопросу.

В каталоге Британского Музея, опубликованном Варвиком Росом в 1908 г., подобные монеты (здесь учтено 4 экз. и все изготовлены из электра) выделены в 1-й тип [13]. В коллекции византийских монет Ивана Ивановича Толстого был один экземпляр такой номисмы, приобретённый в Крыму [14]. У И.И. Толстого монета числится как золотая, но коллекционер не выделял электровые монеты из числа золотых. По Филиппу Грирсону, одному из издателей каталога коллекции Думбартон Окса и коллекции Виттемора, номисмы с бюстом Христа и бюстом императора на оборотной стороне отнесены к Классу I, (в коллекциях учтено 4 экземпляра электровых монет), который, как и у других исследователей, датируется всем периодом правления Никифора, то есть, апрелем 1078 – апрелем 1081 гг. [15].

К настоящему времени почти нет находок монет Никифора Вотаниата на территории Краснодарского края, кроме Таманского полуострова. Так, на городище Фанагория зафиксирована находка лишь одной серебряной монеты этого императора, хотя тип монеты остался не описанным [16]. Впрочем, редкость монет Никифора может объясняться краткостью его правления длившегося всего четыре года.

Ильичёвская находка несколько раз упоминалась в работах исследователей средневековых древностей Северо-Западного Кавказа. Так, В.А. Кузнецов, опираясь на эту византийскую монету, предложил датировать функционирование Ильичёвского храма № 1 XII–XIII веками; при этом он писал, что «монета была пробита и некоторое время использовалась как украшение» [17]. Ф.Б. Нарожная вслед за М.Н. Ложкиным допускала, что номисма с отверстием, найденная внутри христианского храма, и другие подобные находки могли быть культовыми предметами, «наподобие маленьких иконок» [18]. Позднее В.Б. Виноградов высказал своё мнение по этому поводу: «Возможно и так, но более вероятно применение монеты в составе «монисто», что свойственно этой эпохе» [19]. Связь византийских монет, особенно золотых, с иконами уже отмечена в литературе. Иконоподобие монетных изображений особо проявляется со времени Македонской династии с IX в. и усиливается в XI в. [20]. Монеты с изображением Христа, Девы Марии и святых не только обладали сакральными свойствами, но, и как установлено, иногда несли изображения реальных особо чтимых икон [21].

Для ответа на вопрос какую функцию выполняла монета необходимо учитывать следующие обстоятельства: во-первых, монета имеет отверстие над головой Иисуса Христа, следовательно, носилась этим изображением наружу; во-вторых, монета найдена в храме и не случайно оказалась в нём – она могла быть, например, приношением в дар Богу или храму по обету от верующего; в-третьих, была найдена одна подвеска и не в составе ожерелья.

Вывод напрашивается один – электровая византийская монета, выпущенная в период правления императора Никифора III Вотаниата, из ильичёвского храма № 1, с изображением бюста Иисуса Христа на лицевой, выпуклой стороне и с отверстием над его головой, использовалась как иконка.

Примечания:

1. *Ложкин М.Н.* Новые памятники средневековой архитектуры в Краснодарском крае // СА. 1973. № 4. С. 270–276.
2. Там же. Рис. 5.
3. Там же. С. 274.
4. Там же. С. 272, сноска 2.
5. *Ложкин М.Н.* Аланы на Урупе (археологический очерк) // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984. С. 58.
6. Научный архив Н.В. Анфимова. Д. 69. № 12.
7. Там же. Л. 28.
8. Там же. Д. 69. № 4.
9. *Ложкин М.Н.* Отчет о раскопках христианской церкви № 2 (Ильичёвское средневековое городище) // Архив ИА РАН Ф-1. Р-1. № 3856.
10. *Ложкин М.Н.* Новые памятники …. 1973; *Он же.* Картографирование памятников средневековой архитектуры в Краснодарском крае // Тезисы докладов Пятых «Крупновских чтений» по археологии Северного Кавказа. Махачкала, 1975. С. 11–12; *Он же.* Каменная алтарная преграда храма № 1 Ильичёвского городища XI–XII вв. в Отрадненском районе Краснодарского края // II Международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1977. / Отдельный оттиск. 12 с.; *Он же*. Христианские памятники домонгольского времени как источник изучения внешних связей народов Северо-Западного Кавказа // Тезисы докладов конференции: «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средние века». М., 1981. С. 30; *Он же.* Аланы на Урупе …, 1984. С. 29–61; и т.д.
11. Научный архив Н.В. Анфимова. Д. 270. № 34.
12. *Орёл В.Н.* В поисках истины / под науч. ред. проф. В.К. Чумаченко. Краснодар, 2006. С. 277.
13. *Wroth W.* Catalogue of the Imperial Byzantine coins in the British Museum. Vol. 2. London, 1908. С. 535. №№ 1–4. Pl. LXIII, *4*.
14. *Толстой И.И.* Византийские монеты. Вып. 10. Барнаул, 1991. С. 98. № 1. Табл. 85, *1*.
15. *Grierson Ph.* Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection.

Vol. 3. P. II. Washington, 1993. P. 821, 822, 824. Kat. 1.1–4. Pl. LXIX, 1.3; 1.4.

16. *Кропоткин В.В.* Клады византийских монет на территории СССР. САИ Вып. Е4-4. М., 1962. С. 47. Кат. 21а; *Кропоткин В.В.* Новые находки византийских монет на территории СССР // ВВ. 1965. Т. XXVI. С. 167. Кат. 4 (21а).

17. *Кузнецов В.А.* Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977. С. 96.

18. *Нарожная Ф.В.* Нумизматические находки Северного Кавказа м христианство // Христианству – 2000 лет. Тезисы региональной научно-практической конференции. Армавир, 2000. С. 42, 43.

19. *Виноградов В.Б., Маслова Е.А.* Нумизматические этюды (Сборник публикаций). [Серия: Практические опыты исторического регионоведения. Вып. 38]. Армавир, 2003. С. 12.

20. *Бутырский М.Н., Заикин А.А.* Золото и благочестие. М.: Индрик, 2005. С. 15–22.

21.Там же. С. 17, 18.

А.В. Пьянков

Шестилепестковая фибула из Западной Алании

Фибула, о которой пойдёт речь в данной работе, уже была однажды опубликована в виде крупной цветной фотографии с лицевой стороны в сопровождении очень краткого текста [1]. Имеется в виду каталог, изданный в форме альбома, посвящённый передаче в 2011 г. правоохранительными органами Краснодарскому музею-заповеднику конфискованных на таможне древностей, происходящих преимущественно из Краснодарского края [2].

Из-за срочности в подготовке альбома к изданию не все предметы, отобранные для публикации, были тщательно изучены и атрибутированы. Со временем стала очевидна необходимость внесения поправок в атрибуцию некоторых опубликованных предметов. В одних случаях это касается уточнения датировки отдельных древностей, в других случаях требуется уточнить функциональное назначение вещей или отнести их к иной категории артефактов, чем предлагалось ранее.

К предметам, требующим иной функциональной атрибуции, относится и упоминаемая фибула. В аннотации к её фотоснимку, помещённому в альбоме «Возвращённые сокровища», сообщается следующее: «Бляха шестилепестковая (фрагмент) пластинчатая, позолоченная с кастом со вставкой тёмно-синего стекла в центре, по краю напаяна накладка из плетёной проволоки. Бронза, позолота, стекло. Литьё, ковка, скань, пайка. X–XII вв.» [3]. Это описание неточное и слишком краткое, поэтому требует дополнений. Кроме того, в аннотации не указаны размеры, а снимок фибулы помещён без масштаба в увеличенном виде. Вся эта информация не даёт реального представления о предмете. И, главное, при внимательном изучении предмета было сделано заключение, что это фибула, у которой не сохранился механизм застёжки, но следы, где он был припаян, заметны до настоящего времени. Это и другие существенные особенности предмета позволяют заново и более подробно опубликовать артефакт, теперь уже как фибулу. Ниже приводится её новое описание, новые снимки и рисунок.

Описание. Фибула-брошь из слегка выпукло-вогнутой пластины (рис. 1; 2), в форме шестилепестковой розетки, форма лепестков сложная: к внешнему краю они расширяются и имеют фестон по середине; в центре пластины крупный пластинчатый каст, верхний обрез которого завальцован внутрь для удержания круглой вставки из черного непрозрачного стекла выпуклой с внешней стороны; снаружи к стенке каста и к пластине фибулы крепятся два небольших проволочных кольца, в одном сохранился фрагмент тонкой проволоки; вокруг каста на расстоянии 3-4 мм напаяно витое из двух проволочек кольцо; вдоль внешнего края лепестковой пластины напаяна плетёная косичка из двух отдельных плетёных проволочек (смотрится как целое плетение). Во внутренних углах лепестков к углам косички припаяно по три, соединенные между собой, полушария. На оборотной стороне сохранились места с остатками припоя от крепления механизма застёжки: иглы и приёмника.

Материалы и техника изготовления. Бронза, позолота, черное стекло; ковка, обрезка, литьё, волочение, плетение, пайка, золочение.

Размеры. Диаметр: 8,7 х 8,8 см; диаметр каста: 2,5 х 2,5 см, высота каста со вставкой: 0,6 см.

Сохранность. Шестилепестковая пластина повреждена: 2 лепестка частично, а один лепесток полностью утрачены; механизм застёжки и часть позолоты утрачены.

Музейный шифр: КМ 13648/286.

Итак, в последнее описание предмета внесены существенные изменения: во-первых, он назван фибулой-брошью;

во-вторых, цвет стеклянной вставки объявлен чёрным непрозрачным; в-третьих, было указано на наличие проволочных колец.

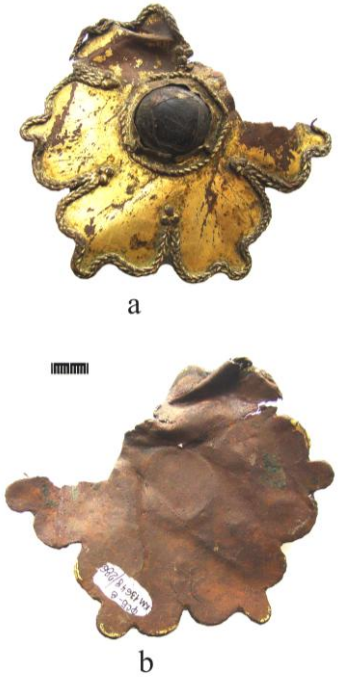


Рис. 1. *Фибула шестилепестковая с круглым кастом и выпуклой вставкой. Бронза, позолота, стекло. Литьё, ковка, скань, пайка. Фото автора*

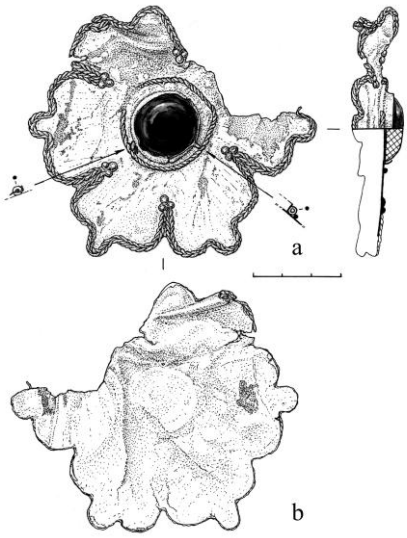


Рис. 2. *Фибула шестилепестковая с круглым кастом и выпуклой вставкой. Рисунок Е.Г. Пьянковой*

То, что перед нами фибула, очевидно. Тёмно-синий цвет близок к черному, их легко спутать. Но специалисты с хорошим чувством цвета (профессиональные художники) установили, что цвет стекла чёрный. Правда непрозрачность стекла под вопросом. Непрозрачным стекло кажется за счёт его толщины, и возможно, что при уменьшении толщины стекла оно окажется полупрозрачным.

Особого внимания заслуживают проволочные кольца. Они небольшие и расположены с одной стороны фибулы (рис. 2, *2*). Колечки наводят на мысль, что к ним крепились подвески, а это помогает правильно сориентировать фибулу, развернув сторону с кольцами вниз по вертикали, а поврежденными лепестками вверх, в отличие от положения её на снимке в альбоме [4].

Фибулы-броши широко распространились в самых различных формах в Римской империи [5]. В это же время такие застёжки в качестве импорта стали поступать в варварскую среду Европы и Кавказа, где их часто копировали в местных ремесленных центрах [6]. Традиция использовать фибулы-броши продолжала существовать на этих же территориях и в раннем средневековье, причём, крупные круглые фибулы-броши из золота в стиле клуазоне украшали одежду варварской знати и членов королевских семейств [7].

В Римской империи, пурпурный плащ (хламида), как и круглая золотая фибула стали инсигниями императорской власти, вероятно, со времени Константина Великого (306–337 гг.) [8]. С позднеримского времени известны и фибулы-броши с подвесками. Например, по информации Н.М. Беляева, опубликовавшего замечательную работу о византийских фибулах, на рельефах из Пальмиры, хранившихся в Лувре и в переднеазиатском отделе Фридрих-музея в Берлине изображены овальная и круглая фибулы с подвесками [9]. Известны фибулы с подвесками и на фресках, открытых в 20-е гг. прошлого века в Сирийской пустыни (Dura Europos) и в катакомбах Мегарет-Абу-Схейль в Пальмире [10]. В обоих случаях на фресках изображены знатные и состоятельные женщины в богатых одеждах с дорогими фибулами, вероятно, изготовленными из золота и драгоценных камней. Подвески таких фибул заканчиваются крупными шариками или более сложными фигурами, напоминающими листики (изготовлены их жемчуга и янтаря); при этом,

количество подвесок могло быть разным: от одной до четырёх.

Круглые фибулы с круглой вставкой окаймлённые сверху и снизу рядами крупных жемчужин, сгруппированных по три в один ряд и имеющих подвески (у одной фибулы они соединены между собой и образуют третью), с жемчужинами на концах мы можем видеть на порфировых императорских торсах (IV в.), происходящих из Египта и хранящиеся сегодня в музеях Вены и Берлина [11]. Подобные фибулы (круглые, лепестковые с подвесками) изображены на одежде императора Феодосия и его сыновей, украшающих Мадридское блюдо [12].

Крупные фибулы-броши с подвесками продолжали оставаться императорскими инсигниями и в эпоху Византийской империи. Так, фибулы с подвесками веками изображались на парадной одежде византийских императоров и императриц, закалывая края плаща (хламиды) на правом плече. Мы можем видеть такие изображения на лицевых сторонах монет IV–XI вв.: от солидов, выпускавшихся от имени августа Феодосия I (379–395 гг.) до золотых автократоров-соправителей Василия I и Константина VIII (976–1025 гг.) [13]. Императорские фибулы на монетных изображениях всегда имеют по три подвески. Судя по изображениям на византийских монетах, фибулы-инсигнии по форме могли быть круглыми, овальными, лепестковыми и, редко более сложной формы [14].

Изображение на гистаменон номисме Василия I и Константина VIII последний случай, когда на хламиде Константина мы видим круглую фибулу с очень длинными подвесками, завершающимися круглыми шариками [15].

В XI в. происходит смена парадного облачения императоров, в которых они предстают перед подданными: на торжественных церемониях василевсы одеваются в лорос (лорон, лор), представляющий собой кусок материи расшитый золотом и драгоценными камнями, а не одетыми в хламиду (плащ), необходимой принадлежностью которой являлась фибула [16]. Со второй четверти XI вв. на монетах императоры и императрицы уже не изображались в хламидах с фибулами. Точно мы не знаем, перестали ли придворные и провинциальная знать носить хламиды, вероятно, еще какое-то время такие одеяния с фибулами использовались, но они перестали быть обязательными; во всяком случае, Н.М. Беляев приводит в своей работе таблицу с хронологическим распределением разных типов фибул Византии, из которой следует, что щитовидные фибулы (тип I), с подвесками (вариант B), круглой формы (отдельный подвариант) бытовали на территории империи с IV по XI век [17].

Н.М. Беляев, ссылаясь на Прокопия Кесарийского, отмечает, что во время беспорядков, дорогие фибулы знатных византийцев (видимо, наравне с другими дорогими металлическими деталями одежды, например, пояса) так часто становились для бунтовщиков предметами грабежа, что состоятельные люди повседневно носили дешёвые копии своих дорогих украшений, изготовленные из золочёной бронзы [18].

Нам необходимо остановиться ещё на двух вопросах. Во-первых, как датировать нашу фибулу-брошь? Во-вторых, где была изготовлена наша застёжка?

Первый вопрос стоял уже перед авторами альбома «Возвращённые сокровища» и в результате коллектив пришёл к выводу, записанному в аннотации к фотоснимку этой лепестковой фибулы, где фигурирует дата X–XII вв. Правда, обоснование этой даты в издании отсутствует. Авторы исходили из того факта, что аналоги фибуле, тогда определённой как бляха, из бронзы с позолотой и с вставкой черного стекла в тот момент отсутствовали и аналогии искались среди могильников, в которых часто встречались предметы из бронзы с позолотой. Такие могильники были известны, например, знаменитый Змейский в Северной Осетии, Колосовка в Адыгее, Андреевская Щель в Анапском районе и некоторые другие могильники Западного Закубанья и Северо-Восточного Причерноморья, которые датируются в пределах X – серединой XIII вв. [19]. Поэтому авторы альбома датировали бляху со вставкой (фибулу) временем наибольшего распространения на Северо-Западном Кавказе золочёной бронзы, то есть X–XII вв. Сегодня уже зафиксирован случай находки в разрешенном погребении фибулы близкой нашей также бронзовой с позолотой 6-тилепестковой формы со вставкой черного стекла, найденной вместе с другими сопутствующими предметами, и этот комплекс датирован X–XII вв. [20].

Сложнее ответить на вопрос, где изготовлена фибула-брошь шестилепестковой формы со вставкой черного стекла и отделанная сканью. Эта византийская по своим особенностям фибула-брошь вполне могла быть произведена в Византии, в столице или в одной из её провинций, а затем попала на Северо-Западный Кавказ вместе с другими товарами, вспомним о существовавшей в эти столетия северной ветки Великого Шёлкового Пути. Однако, существуют мнения о местном производстве подобных предметов в торгово-ремесленных центрах Алании. Такого взгляда, хотя и с оговорками, придерживаются В.А. Кузнецов и Е.М. Армарчук [21]. О существовании аланских типов перстней высказался и автор этих строк [22]. И всё же большая часть исследователей более осторожна в своих выводах и не склонна по разным причинам однозначно высказываться о месте производства различных предметов конской упряжи, оружия и украшений из серебра и бронзы с позолотой, находимых в могильниках X–XIII вв. Северо-Западного Кавказа и Северо-Восточного Причерноморья [23].

В то же время, отдельные предметы из позолоченных конских уборов и украшений найдены только на Северном Кавказе, а отдельные сюжеты, изображённые на таких украшениях, уходят корнями в далёкое прошлое Кавказа [24]. Эти факты вполне позволяют включить Северный Кавказ, в частности ремесленные центры Западной Алании, в круг потенциальных производителей позолоченных украшений.

Примечания:

1. Возвращенные сокровища Кубани. Альбом / Сост. и авт. текстов А.В. Пьянков, Т.В. Юрченко, Е.А. Хачатурова. Краснодар, 2014. С. 75, верхняя ил.
2. Возвращенные сокровища …, 2014. С. 4, 5.
3. Там же. С. 75. Аннотация к верхней иллюстрации.
4. Там же. С. 75.
5. Fibel und Fibrltracht. Mit einem Vorwort von Rosemarie Müller und Heiko Steuer Studienausgabe. / Reallexicon der Germanischen Altertumskunde. Berlin. New York: Valter de Gruyter, 2000. 106, 107, 116. Abb. 112, *10-20*; 114, *8*; 115, *3-6*; 119, *3-4*; 121, *10-11*;
6. *Амброз А.К.* Фибулы юга европейской части СССР. II в. до н.э. – IV в. н.э. [САИ. Вып. Д 1–30]. М., 1966. С. 30–35. Табл. 14; 15.
7. Fibel und Fibrltracht, 2000. 123–131, 144. Abb. 124, *4-19*; 125, *4-7*; 126, d, e, f; 143. Taf. 26, *2*; 28, *1-3*.
8. *Беляев Н.М.* Очерки по византийской археологии // SEMINARIUM KONDAKOVIANUM, III. Prague, 1929. С. 59.
9. Там же. С. 63–65. Рис. 5; 9.
10. Там же. С. 66. Рис. 10; 11.
11. Там же. С. 66, 67. Рис. 12.
12. Там же. С. 67. Рис. 13.
13. *Бутырский М.Н., Заикин А.А.* Золото и благочестие. М.: Индрик, 2005. Ил. на С. 34, 36, 38, 42, 54, 56, 58, 60, 62, 64, 68, 70, 72, 74, 76, 78, 80, 88, 90, 94.
14. Там же. Ил. на с. 72, 74 и 82.
15. Там же. Ил. на с. 94.
16. *Беляев Н.М.* Очерки по византийской археологии // SEMINARIUM KONDAKOVIANUM, III. Prague, 1929. С. 62.
17. Там же. Табл. на С. 99.
18. Там же. С. 60.
19. *Кузнецов В.А.* Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 г.) // МАДИСО. Том 1. Орджоникидзе, 1961. С. 62–135; *Он же.* Исследование Змейского катакомбного могильника в 1958 г. // МИА. № 114. М., 1963. С. 8–47; *Дитлер П.А.* Могильники в районе посёлка Колосовка на реке Фарс // СМАА. Том II. Майкоп, 1961. С. 150–166, 178–187; *Он же.* Могильник Колосовка № 1 (Раскопки экспедиции АНИИ 1962 г.) // Вопросы археологии Адыгеи / Отв. ред. П.У. Аутлев. Майкоп, 1985. С. 114–141; *Армарчук Е.М.* Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века. Археология / Под ред. Б.А. Рыбакова. М., 2003. С. 215–221, 262–267; *Новичихин А.М.* Воинский кенотаф с захоронением боевого коня на средневековом могильнике Андреевская щель // Военная археология. Сборник материалов семинара при ГИМе. Вып. 1. / Отв. ред. О.В. Двуреченский. М.: Квадрига, 2008. С. 26–41.
20. *Пьянков А.В., Тиханов А.А.* Одно разрушенное средневековое погребение на правом берегу р. Кубани // Из истории культуры народов Северного Кавказа / Научный альманах (сборник научных статей) / коллектив авторов; под ред. д-ра ист. н., доц. Ю.А. Прокопенко, д-ра ист. н., проф. Т.А. Невской. Ставрополь: Печатный Двор, 2016. Вып. 8. С. 72–77. Рис. 1, *1–7*.
21. *Кузнецов В.А.* Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе. 1971. С.118–122; *Армарчук Е.А.* Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. М.: ИА РАН, 2006. С. 108, 109.
22. *Пьянков А.В.* Перстень из Западной Алании // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Выпуск III. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 105-летию со дня рождения краеведа Михаила Николаевича Ложкина / Науч. редактор С.М. Малахов, составитель С.Г. Немченко. Армавир – Отрадная: Издатель Шурыгин В.Е., 2015. С. 63.
23. *Марковин В.И.* Исследование Сентинского храма и некрополя у реки Теберды в Карачаево-Черкессии // ИАА. Вып. 2. Армавир – М., 1996. С. 200; *Конькова Л.В.* Состав металла и технология изготовления украшений конской сбруи из могильника «Андреевская щель» // КСИА. 216. М.: «Наука», 2004. С. 78; *Король Г.Г.* Декор украшений конского убора из могильников X–XIII вв. Северо-Восточного Причерноморья // Приложение 3 к книге: *Армарчук Е.А.* Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. М.: ИА РАН, 2006. С. 136.
24. *Армарчук Е.А., Новичихин А.М.* Украшения конской упряжи X–XII вв. из могильника «Андреевская щель» близ Анапы // КСИА. 216. М.: Наука, 2004. С. 65; *Король Г.Г.* Северокавказский всадник на парных конях: истоки иконографии и семантика // КСИА. 221. М.: Наука, 2007. С. 194–203; *Она же.* Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки / Г.Г. Король. М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. (Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства; Вып. V). С. 70–72.

А.М. Новичихин

Находка русской монеты XV в. на Северо-Западном Кавказе

В декабре 2015 г. автор имел возможность ознакомиться с русской монетой,

хранившейся в то время в одной из частных коллекций. Как удалось установить, монета была найдена летом-осенью 2015 г. близ ст. Гостагаевской (территория Гостагаевского сельского округа муниципального образования город-курорт Анапа) вместе с полутора-двумя десятками других монет, находившихся в земле «стопкой». Находчики обратились к нынешнему владельцу монеты, который приобрел у них только одну, русскую монету: остальные, визуально атрибутированные коллекционером, как «золотоордынские», интереса у него не вызвали, и последующая судьба этих монет неизвестна.

Монета серебряная (рис. 1):

Л.с. – надпись в три строки **ПЕЧА|ТЬКN|АЖА**.

О.с. – фигура стоящего воина анфас с мечом в правой руке и треугольным щитом в левой, круговая надпись против часовой стрелки **ПЕТРОВА**, бусинный ободок.

Диаметр – 1,3 см; вес – 0,7 г. Монета хорошей сохранности, слегка потертая.

Рис. 1. *Денга Дмитровского князя Петра Дмитриевича*

Монета относится к чекану дмитровского князя Петра Дмитриевича, правившего с 1389 по 1428 г. Указанный князь был шестым из восьми сыновей великого князя московского Дмитрия Ивановича Донского. Родился он в 1385 г., когда княжичу еще не было и пяти лет, он по духовной (завещанию) своего отца получил в удел Дмитровское княжество. Петр был первым и единственным дмитровским князем. Ввиду малолетства, формально числясь правителем Дмитровского удела, Петр около десятилетия (до наступления совершеннолетия, которого, по меркам средневековья, князь достигал в пятнадцатилетнем возрасте) находился в Москве, в полной власти старшего брата Василия Дмитриевича, унаследовавшего в 1389 великокняжеский Московский престол. Однако, достигнув совершеннолетия, Петр Дмитриевич не стремился к управлению своим уделом, продолжая оставаться в Москве. Сколь либо выдающимися государственными способностями он, судя по всему, не обладал, однако пользовался расположением и доверием московского князя, выполняя различные его поручения. После кончины Василия Дмитриевича, согласно его завещанию, Петр Дмитриевич вошел в состав «регентского совета» при малолетнем великом князе Василии Васильевиче (1425–1462 гг.). Верность племяннику дмитровский князь сохранял до конца своих дней, поддержав московского князя в борьбе против его дяди, еще одного своего старшего брата Юрия Дмитриевича, также претендовавшего на великокняжеский престол. Умер Петр в феврале 1428 г. Таким образом, большую часть своей жизни дмитровский князь Петр Дмитриевич провел в Москве, являясь верным вассалом великих князей – сначала своего брата Василия I Дмитриевича, а затем племянника – Василия II Васильевича [1].

Уже в 1390-х годах от имени Петра Дмитриевича начинается чеканка монет. Не исключено, что ее инициатором был не малолетний Петр, а его старший брат – великий князь московский Василий I. Учреждая чеканку монет удельных княжеств, Василий Дмитриевич формально демонстрировал наследственные права младших братьев и, тем самым, незыблемость своих прав на великокняжескую власть. Чеканку монет от своего имени Петр Дмитриевич продолжил, уже став совершеннолетним, и сохранял эту традицию с разной степени интенсивности, до своей кончины. Нумизматами учтено 22 типа серебряных денег, два типа серебряных полуденег и один тип медных пул Петра Дмитриевича. Чеканка, судя по всему, осуществлялась не в Дмитрове, а в Москве, на собственном монетном дворе. Монеты Петра Дмитриевича существенно отличаются от великокняжеских – их штемпеля явно были изготовлены другими резчиками. Примечательно, что в землях Дмитровского княжества не отмечено пока ни одной находки монет Петра Дмитриевича, в то время как в московских землях они достаточно часты [2].

Публикуемая монета представляет собой денгу варианта 1 типа XVIII по классификации В.В. Зайцева [3] или же варианта

С типа 1485 по классификации Д.В. Гулецкого и К.М. Петрунина [4]. В.В. Зайцев относит денги этого типа к третьей группе монет Петра Дмитриевича, чеканившихся во второй половине второго – начале третьего десятилетия XV в. – между 1415 и 1423 гг., когда интенсивность чеканки дмитровского князя переживает спад. Исследователь допускает, что монеты с вооруженным мечом и щитом воином в остроконечном головном уборе (типа XVIII – кат. 41, 42) являются наиболее ранними в этой группе [5]. Д.В. Гулецкий и К.М. Петрунин включают денги типа 1485 в VII группу монет Петра Дмитриевича, относя их выпуск к периоду 1413–1427 гг. [6]. Наиболее позднюю датировку для денег этого типа предлагает М.П. Сотникова – середина 1420-х гг.[7].

Два экземпляра денег Петра Дмитриевича из бывшей коллекции Я.Я. Рейхеля, чеканенные той же парой штемпелей, что и публикуемая, и имеющие близкий вес (0,77 и 0,64 г.) представлены в Эрмитажной коллекции монет Дмитровского княжества [8].

До недавнего времени на Западном Кавказе был известен только один кладовый комплекс, содержавший русские монеты удельного периода – большой клад (23 686 монет, общий вес около 43 фунтов – более 17 кг), найденный в 1909 г. близ ст. Петровской Таманского отдела Кубанской области, содержавший помимо турецких, крымско-татарских, генуэзско-татарских и астраханских, по одной монете удельного литовского князя Владимира Ольгердовича и русских великих князей Ивана III и Ивана IV [9].Учитывая, что основную часть Петровского клада составляли турецкие и крымские ханские монеты, чеканенные в 1440–1480-х гг., согласимся с мнением исследователей, считающих случайным включение в этот комплекс монеты Ивана IV [10].

Единичная находка московской монеты конца XIV – начала XV в. зафиксирована в горной Чечне: денга Дмитрия Ивановича Донского или его сына Василия Дмитриевича была найдена при раскопках позднесредневекового склепа могильника Верхний Кокадой в Аргунском ущелье [11]. Монета пробита и обрезана по краям. Последнее обстоятельство дало В.Б. Виноградову основания для предположения, что монета в течение продолжительного времени (до середины XV в.) находилась в обращении на территории Руси, была обрезана для уменьшения веса в целях соответствия стандартам монет Василия II, и лишь затем попала на Северный Кавказ, где стала частью украшения [12]. Имеются сведения о находках псковской денги XV в. в руинах золотоордынского города Маджара в Предкавказье и серебряной монеты Ивана IV 1535–1550 гг. в Балкарии [3].

Денга Дмитровского князя Петра Дмитриевича, обнаруженная близ ст. Гостагаевской, наряду в вышеперечисленными находками свидетельствует об эпизодическом попадании русских монет XV–XVI вв. на Северный Кавказ и включении их в местное денежное обращение. Остается сожалеть об утрате для науки сведений о сопровождавших находку «золотоордынских» монетах – информация о составе комплекса была бы очень важна для изучения денежного обращения региона в XV–XVI вв.

Примечания:

1. *Зайцев В.В.* Материалы по русской нумизматике XV века. Киев, 2004. С. 74–77.
2. Там же. С. 82–92.
3. Там же. С. 108, кат. 41.
4. *Гулецкий Д.В., Петрунин К.М.* Русские монеты 1353–1533 гг. Минск, 2013. С. 180.
5. *Зайцев В.В.* Указ. соч. С. 86.
6. *Гулецкий Д.В., Петрунин К.М.* Указ. соч. С. 174.
7. *Сотникова М.П.* Эрмитажное собрание монет Дмитровского удельного княжества (первая четверть XV в.) // Нумизматический сборник (Государственного Эрмитажа). 2003. Памяти А.А. Быкова. СПб., 2003. С. 151, 152.
8. Там же. С. 151.
9. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1909–1910 гг. СПб., 1913. С. 214; *Ильин А.А.* Топография кладов древних русских монет X–XI вв. и монет удельного периода. Л., 1924. С. 35, *39*; *Пахомов Е.А.*Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. III. Баку, 1940. С. 55, *880*; *Он же.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. VIII. Баку, 1959. С. 60, 61, (дополнение) к вып. III, *880*; *Федоров-Давыдов Г.А.* Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. 1960. I. С. 175; *Виноградов В.Б.* Нумизматические материалы к проблеме хронологии и периодизации позднесредневековой истории Северного Кавказа // Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1985. С. 177; *Он же.* Монетный клад у станицы Петровской // I Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар, 1989. С. 115–116; *Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б.* «Петровский» монетный клад на Кубани: некоторые итоги и перспективы изучения // Нумизматика Золотой Орды. 2015. № 5. С. 105–115.
10. *Федоров-Давыдов Г.А.* Указ. соч. С. 175; *Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б.* Указ. соч. С. 112; *Они же.* Памяти отечественного нумизмата – профессора Е.А. Пахомова (1880–1965 гг.) // Культурная жизнь Юга России. 2015. № 4. С. 159.
11. *Марковин В.И.* Исследование памятников средневековья в высокогорной Чечне // Краткие сообщения Института археологии. 1962. Вып. 90. С. 53.

12. *Виноградов В.Б.* Судьбы древних монет. Грозный, 1982. С. 71–76; *Он же.* Нумизматические материалы к проблеме хронологии… С. 117.

13. *Виноградов В.Б.* Нумизматические материалы к проблеме хронологии… С. 117.

С.Н. Малахов, И.В. Симонянц

Газетные публикации как вспомогательный источник по составлению археологической карты микрорегиона

Возрождение краеведческого движения на Кубани в послевоенный период было связано, в частности, с развитием исторического краеведения и работой по охране памятников истории и культуры, созданию краеведческих музеев в школах, районных центрах. Начиная со второй половины 1950-х гг., эта работа проводилась особенно активно, к ней привлекалась преимущественно интеллигенция, школьники, общественность. Не везде можно было наблюдать позитивные результаты подобной деятельности: отсутствие профессиональных навыков у краеведов-любителей, организационной и материальной поддержки со стороны властных структур, общественных активистов, музейных и научных работников часто сводили всю «краеведческую кампанию» только к бумажным проектам.

Напротив, если краеведческими вопросами начинали заниматься активисты с краеведческим опытом 1930-х гг., то эта деятельность приносила определенные плоды. Так, в 1957 г. в станице Отрадной был открыт к столетию основания станицы народный музей, который со временем, пережив все трудности становления, превратился в современный Отрадненский историко-археологический музей. Краеведы, в разное время занимавшиеся формированием фондов музея, – П.М. Галушко (1886–1972), а затем М.Н. Ложкин (1910–1999), – большое внимание уделяли собиранию археологических артефактов, которые при различных обстоятельствах (в основном это было связано с хозяйственной деятельностью) находили местные жители. До начала 1950-х гг. такая работа с населением фактически не проводилась.

Краеведы, по статусу школьные учителя, пользовавшиеся доверием и авторитетом у населения станицы и района, используя страницы районной газеты «Советское казачество» (позднее – «Сельская жизнь»), не раз обращались к читателям с призывами охранять памятники древности, а при обнаружении каких-либо раритетов сдавать их в районный музей, открывшийся в 1957 г. В газетах публиковались небольшие заметки об археологических находках, экспедициях, население предупреждалось о незаконности ведения самовольных раскопок, приводящих к разрушению археологических памятников, рассказывалось об основах советского законодательства по охране памятников истории и культуры.

В газетных заметках сообщалось не только о факте обнаружения археологического объекта или предмета, но также о месте находки, о человеке, который сдал найденные предметы в музей, рассказывалось о значении выявленного памятника или артефакта для истории Приурупья. Жанр газетной заметки, как, впрочем, и объем районной газеты не позволяли на ее страницах осуществлять «археологические экскурсы», но и этой информации было достаточно, чтобы периодически актуализировать проблему сохранения памятников археологии и привлекать, особенно школьников, к благородному делу сохранения памятников старины.

Если найденные предметы археологии поступали в народный музей, они фиксировались (к сожалению, не всегда регулярно) в инвентарных книгах, с соответствующим описанием, в актах сдачи-приёмки. Сопоставление газетной информации об археологических находках с разысканием упомянутых артефактов в фондах музея, с последующим научным их описанием и изучением может дать дополнительные и уточняющие материалы к составлению археологической карты микрорегиона. «Археологический ландшафт» в зонах активной сельскохозяйственной и строительной деятельности, а также вследствие почвенно-эрозийных процессов активно изменился за последние полстолетия, поэтому многие объекты оказались утрачены и не зафиксированы на современных археологических картах. Кроме того, газетные публикации позволяют конкретизировать отдельные страницы истории археологического изучения региона, выявить степень антропогенного воздействия населения на археологический ландшафт, проследить на отдельных примерах процесс

формирования региональной исторической памяти и этнокультурной идентичности.

Первые публикации в «Советском казачестве» касались не археологии, а палеонтологии. В 1949 г. на берегу Урупа (ст. Отрадная) была найдена кость (зуб нижней челюсти) мастодонта, а в 1950 г. на правом берегу Урупа были найдены кости ископаемого кита-цетотерия весом более 50 кг. Они были отправлены впоследствии на определение в Палеонтологический институт АН СССР [1]. Древние окаменелости (кости мастодонта) находили на каменном карьере у хут. Ново-Урупский [2], а в 1961 г. на берегу Урупа в районе ветбаклаборатории (ст. Отрадная) [3].

О «древних городищах скифов» (так пишет краевед П.М. Галушко) на территориях станиц Отрадная и Попутная, размываемых водами Урупа сообщается в 1952 г. [4]. Керамика с древних поселений на территории Отрадной определялась краснодарским археологом Н.В. Анфимовым (1909–1998), которому П.М. Галушко передавал для определения фрагменты глиняной посуды. В 1961 г. в Отрадную приезжал Н.В. Анфимов для определения предметов, найденных при рытье водопровода по ул. Октябрьской. Тогда в отдел археологии народного музея поступили два бронзовых серпа, четыре наконечника копий и каменный «топор-молоток» [5] и сообщалось, что для обследования долины реки Урупа краснодарский археолог в 1962 г. организует археологическую экспедицию.

Но часто уточнить время и культурную принадлежность памятников не удавалось, поскольку археологические объекты разрушались, а найденные предметы расхищались. Эти явления были повсеместными для района. Древние погребения были обнаружены на хут. Байбарис и в Попутной. «В ст. Попутной, – сообщает Галушко, – при рытье котлована был обнаружен скелет человека необыкновенной величины. При нем найдены меч и сумочка с бронзовыми наконечниками для стрел. Скелет и меч были уничтожены, а стрелы разобраны для забавы» [6].

Древние могильники, из которых извлекали камни для строительства домов и хозяйственных построек, в 1950-е г. разрушались в ст. Малотенгинской. В 1958 г. в ст. Удобной во время земляных работ был вскрыт древний склеп, а материальные ценности были расхищены присутствовавшими [7].

Более содержательными заметки об археологических находках стали появляться в газете после 1974 г., поскольку краевед Михаил Николаевич Ложкин стал работать в Отрадненском музее. Хотя должность смотрителя не обязывала пенсионера Ложкина заниматься популяризаторской, а тем более, – научной деятельностью. Обстоятельно, на основании находок каменных орудий труда и предметов бронзового литья, краевед рассказывает читателям о древнем периоде истории Приурупья. В ст. Удобной Л. Косарева нашла в огороде бронзовую фигурку животного с отверстием для подвешивания. На хут. Трактовый Г.К. Дятел нашла небольшой великолепно отполированный каменный «топорик-молоток» II-I тыс. до н.э. [8]; учитель истории А.И. Левченко (ст. Подгорная) передал музею большую подборку кремней, собранных на берегах р. Гультюк учениками школы; агроном В.Т. Куценко передал в музей наконечник копья из кремня, найденный на берегу р. Большой Тегинь; от И.Г. Соляника, директора школы в ст. Бесстрашной, в музей поступил «первобытный нож из черного блестящего кремня с двусторонними зубчатыми лезвиями»; нож, по мнению краеведа Ложкина, мог использоваться на ранней стадии земледелия в качестве серпа [9].

Начало формированию музейной коллекции каменных орудий труда положило собрание краеведа Н.С. Пташинского, работавшего начальником цеха на Отрадненском заводе стройматериалов. Он первым заметил скопление кремней и отщепов на отмели левого берега реки Большой Тегинь около прудов к-за им. XX партсъезда (ст. Отрадная) и собрал их. Река во время разливов подмыла берег, разрушила бывшее поселение древних людей и вынесла следы их пребывания на отмель. В.Т. Куценко, агроном к-за им. Крупской (ст. Спокойная) «открыл несколько древних поселений на спокойненской земле, собрал фрагменты древней глиняной посуды и интересные орудия из кремня…» [10]. В октябре 1986 г. с собранием древних изделий из кремня, хранившемся в Отрадненском народном музее ознакомились Н. Бойко и М. Чернопицкий – археологи из Ленинграда, собиравшиеся в 1987 г. проводить раскопки на древнейших стоянках по рекам Большой Тегинь и Гультюк.

Из ст. Спокойной от В.И. Костюкова в музей поступил «железный наконечник для стрелы», редкой «весловидной формы с краями, украшенными насечками»; уточнить датировку находки Ложкин затруднился [11].

Краевед-энтузиаст, агроном В.Т. Куценко составлял собственную археологическую карту, на которой отмечал места находок древних вещей, курганы, древние могилы, «старинные селища», известные и вновь открываемые на территории землепользования колхоза [12]. Карту-схему археологических памятников, разведанных в Поурупье археологом Никитой Владимировичем Анфимовым в конце 1940 – начале 1950-х гг., переданную ему лично Н.В. Анфимовым, имел и М.Н. Ложкин.

По поводу отдельных находок краевед Ложкин часто консультировался с известными учеными из Института археологии АН СССР и центральных музеев. О результатах экспертизы он неизменно сообщал читателям. Нередко об этих консультациях (а следовательно – и переписке краеведа с тем или иным ученым) можно узнать только из газетной заметки.

Так, на хут. Ильич в 1984 г. на собственном огороде С. Фёдоровым была найдена золотоордынская серебряная монета, которая могла стать важным уточняющим моментом к истории существования Ильчёвского городища X–XIII вв. Фотография монеты для определения была отправлена в Краснодарский краеведческий музей и Государственный Эрмитаж [13]. Ответ был получен в январе 1985 г. от старшего научного сотрудника отдела нумизматики Государственного Эрмитажа М.Б. Северовой, которая сообщила, что найденная монета чеканена во время правления хана Золотой Орды Кульпы (1359–1360 гг.) [14]. Предположительно, внук хана Узбека, Кульпа, правил менее года, власть его распространялась и на северокавказские территории, земли Алании, а чеканка монет с его именем осуществлялась не только в Новом Сарае, Гюлистане, Хорезме, Бельджимене, но и в городе Азаке (Нижний Дон) [15]. Находка монеты позволила М.Н. Ложкину предполагать, что население на Ильичевском городище продолжало жить ещё в начале 1360-х гг. и полное запустение территории в междуречье Кувы и Урупа следует связывать с последствиями нашествия Тимура Тамерлана на Северный Кавказ в конце XIV в.

Приведенных фактов о фиксации и первичной интерпретации археологических находок, выявленных в Приурупье, информация о которых находила место в районных газетах, представляется, вполне достаточно, чтобы, несмотря на определенную субъективность и неполноту этих сведений, говорить о важности использования этих данных для составления археологической карты микрорегиона.

Примечания:

1. *Галушко П.* Интересная находка // Советское казачество. 1949. 16 марта; *Галушко П.* Ценная находка // Советское казачество. 1950. 3 февр.
2. *Галушко П.* Больше внимания краеведению // Советское казачество. 1955. 18 ноября; *Галушко П.* Кости мастодонта – на берегах Урупа // Советское казачество. 1956. 11 января.
3. *Галушко П.* Новые экспонаты // Советское казачество. 1961. 14 ноября.
4. *Галушко П.* Нет заботы о краеведении // Советское казачество.1952. 29 октября.
5. *Галушко П.* Новые экспонаты // Советское казачество. 1961. 14 ноября.
6. *Галушко П.* Больше внимания краеведению // Советское казачество. 1955. 18 ноября.
7. *Галушко П.* В защиту древних памятников // Советское казачество. 1959. 15 ноября.
8. *Ложкин М.* Находки // Сельская жизнь. 1984. 17 нояб.
9. *Ложкин М.* Находки продолжаются // Сельская жизнь. 1985. 26 янв.; *Ложкин М.* Следы первобытных людей // Сельская жизнь. 1986. 30 декабря.
10. *Ложкин М.* Следы первобытных людей // Сельская жизнь. 1986. 30 декабря.
11. *Ложкин М.* Находки продолжаются // Сельская жизнь. 1985. 26 января.
12. *Ложкин М.* Следы первобытных людей // Сельская жизнь. 1986. 30 декабря.
13. *Ложкин М.* Находки // Сельская жизнь. 1984. 17 ноября.
14. *Ложкин М.* Находки продолжаются // Сельская жизнь. 1985. 26 января.
15. *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. М.: Инсан, 1996. С. 377.

С.Н. Малахов, А.С. Малахова

К истории открытия и археологического исследования Ильичёвского городища Н.В. Анфимовым и М.Н. Ложкиным[1]

В развитии кубанского краеведения всегда большую роль играла тесная связь краеведов из среды школьной интеллигенции с учеными и научными работниками музеев. Творческие связи профессора Н.В. Анфимова и краеведа М.Н. Ложкина являются ярким примером подобного научного

[1] Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Министерства образования, науки и молодежной политики Краснодарского края в рамках проекта № 16-11-23005 «Краевед М.Н. Ложкин и его вклад в изучение историко-культурного наследия Кубани».

сотрудничества. Знакомство учителя истории Михаила Николаевича Ложкина (1910–1999) и археолога Никиты Владимировича Анфимова (1909–1998) приходится на начало 1950-х гг. В 1949–1950 гг. Н.В. Анфимов проводил разведки по долине р. Уруп – от ст. Советской до ст. Отрадной. В 1954 г. Урупская археологическая экспедиция осуществляла раскопки могильников сарматского времени. В это время учитель М.Н. Ложкин проживает в х. Ильич Отрадненского района и только начинает интересоваться археологией и историческим краеведением. Археолог, кандидат исторических наук, научный сотрудник краевого музея, доцент Краснодарского пединститута (с 1957 г.), позднее профессор Кубанского госуниверситета, Н.В. Анфимов уже известный специалист по древней истории Кубани, ведет активные археологические разведки и раскопки в Приурупье, консультирует местных учителей-краеведов. В Отрадной учитель П.М. Галушко показывает краснодарскому археологу в Донской Балке селище VI–IV вв. до н.э., преподаватель из ст. Советской К.Е. Горб с группой учащихся принимает участие в его разведках. Знакомство М.Н. Ложкина и Н.В. Анфимова переросло в плодотворное, растянувшееся на всю последующую жизнь, сотрудничество, приведшее, в частности, к открытию аланского городища домонгольского времени в междуречье Урупа и Кувы. В 1954 г. экспедицией Краснодарского музея под руководством Н.В. Анфимова были обследованы скальные погребения в Гамовской балке в верховьях Урупа, открытые ранее М.Н. Ложкиным. В небольших пещерах по этому ущелью были найдены погребения V–VI и XI–XII вв., сделанные прямо на поверхности пола пещер, вход в которые затем закладывался камнем. Собранный вещевой материал попал в коллекцию Краснодарского музея и отчасти в школьный музей х. Ильич. В 1959 г. с этой коллекцией ознакомился А.А. Формозов, занимавшийся исследованием Даховской пещеры [1] и обнаруживший аналогичные погребения. Основные результаты Урупской экспедиции тех лет затем были опубликованы Н.В. Анфимовым [2].

Городище, расположенное на высокой гряде между Урупом и Кувой, получило позднее название Ильичёвского. К середине 1960 гг. хозяйственная деятельность местного колхоза (х. Ильич относился к станице Передовой) поставила под угрозу остатки древних строений на городище, которое было уже известно М.Н. Ложкину по подъёмному материалу (благодаря консультациям В.А. Кузнецова) как аланское. В то время В.А. Кузнецов, молодой археолог, защитивший диссертацию по аланской проблематике, проводил археологические раскопки в Нижнем Архызе и по приглашению Ложкина приезжал на городище сделать профессиональное заключение о культурной принадлежности открытого памятника. Убедившись в исторической ценности скрытых под землей развалин, камень от которых местное руководство пыталось использовать на строительство фермы, учитель-краевед обратился за помощью в краевой музей. Отрадненская археологическая экспедиция, которую возглавил Н.В. Анфимов, работала на Ильичёвском городище с 1965 по 1968 год.

Следует отметить, что до раскопок на Ильичёвском городище Михаил Николаевич уже не был новичком в археологии, имел разрешение на доследование разрушаемых археологических объектов. Отчёты по этому виду работ были им представлены в Институт археологии в 1962 и 1964 гг. [3]. Благодаря помощи и консультациям Никиты Владимировича, а также совместной работе с ним М.Н. Ложкин прошел хорошую полевую практику, что в дальнейшем позволило ему не раз получать Открытый лист на проведение охранных и спасательных раскопок. Поскольку Н.В. Анфимову приходилось руководить несколькими отрядами, как это случилось, например, при исследованиях на реке Уруп в районе хутора Ильич [4], то Михаил Николаевич был вторым руководителем, находившимся постоянно при студентах, раскапывавших храмы № 1 и № 2. В силу занятости Н.В. Анфимова и нехватки землекопов, археологический сезон начинался на Урупе часто с запозданием. Например, в 1968 г. студенты во главе с Н.В. Анфимовым смогли прибыть на городище только к середине августа, преодолев весь путь от Краснодара до хутора Ильич на открытых грузовиках.

Исследование аланского средневекового городища (прежде всего остатков древних церквей и погребений), проведенное археологической экспедицией под руководством Н.В. Анфимова, дало ученым

основание утверждать, что в X–XIII вв. здесь, на Урупе, находился один из хорошо укрепленных населенных пунктов западной Алании, важный центр христианства, имеющий отношение к Аланской митрополии.

Полевая документация, касающаяся начального этапа раскопок на средневековом городище, связанная с открытием церкви №1, сохранилась в архиве Н.В. Анфимова, но он сам не использовал эти материалы для публикации. В его научном архиве, хранящемся в КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына, нет полевой документации и отчетов о раскопках на Ильичёвском городище, проводившихся в 1967–1968 гг., хотя известно, что в эти годы было открыто ещё несколько храмов [5].

Первые итоги исследования христианских памятников в Поурупье М.Н. Ложкин представил в виде тезисов доклада «Памятники средневековой архитектуры (раскопки церкви на реке Урупе, притоке Кубани, в Краснодарском крае)», которые так и не были опубликованы. Две странички тезисов написаны каллиграфическим почерком, с местом для подписи Ложкина и указанием места жительства. Автор пишет: «В течение двух полевых сезонов 1965–1966 гг. археологическая экспедиция Адыгейского НИИ и Краснодарского пединститута силами студентов I курса истфака под руководством Н.В. Анфимова произвела раскопки средневекового храма в семи километрах на юго-запад от хутора Ильич Отрадненского района Краснодарского края.

Памятник обнаружен мною в 1962 г. на территории укрепленного средневекового города, располагавшегося на горной поляне, где в северо-западной части, под курганообразным возвышением вытянутой формы с востока на запад угадывались остатки разрушенного здания.

В результате раскопок выявлены руины христианской церкви. Церковь в плане четырехугольная (15,15 м х 5,20 м), апсида выложена внутри здания с востока глубиной 2,25 м. Возможно во второй строительный период возведен притвор (5,17 х 5,25 м). В южной и западной стенах сохранились дверные проёмы, фундамент и стены выложены из твердого известняка и ракушечника на известковом растворе. Стены шириной от 0,6 до 0,8 м сохранились высотой 0,9 м, внутри помещение было оштукатурено.

Найдено 360 фрагментов каменной алтарной преграды, украшенной резным бессюжетным орнаментом (плетенка, жгут, растительный орнамент) высокохудожественной работы по замыслу и уровню выполнения. Восстановить преграду не удалось, ибо недостает большей части фрагментов.

Церковь зального типа с апсидой внутри здания и фрагменты орнаментированной каменной алтарной преграды позволяют нам отнести памятник к грузинскому архитектурному облику. Усиление распространения политического влияния средневековой Грузии на соседние народы Северного Кавказа относится к периоду ее расцвета в XII в., в некоторой степени помогает определить датировку памятника, которая подтверждается и выявленными находками: красноглиняной керамикой с линейным орнаментом и валиками, золотой монетой, выпущенной при правлении византийского императора Никифора (1078–1081 гг.), железными пластинчатыми крестами и типичными для того времени на Северном Кавказе христианскими погребениями у стен церкви.

Открыт оригинальный средневековый памятник церковной архитектуры в пределах Краснодарского края, аналогии которому имеются в Ингушетии и Северной Осетии» [ОИАМ. Ф. 29: Мемориальная коллекция М.Н. Ложкина].

Во второй сезон, в 1966 г., экспедиция разбилась на два отряда. Один из них под руководством Н.В. Анфимова работал на раскопках древнего городища и могильников на «Заслонке». Так называлась ровная площадка на высоком берегу Урупа. В ходе раскопок выяснилось, что на этом месте в VII в. до н.э. было поселение земледельцев и скотоводов; были найдены остатки жилищ, развал гончарной печи, большое количество керамики, сохранилось несколько лепных орнаментированных сосудов; но во II веке до н.э. жизнь на городище прекратилась [6]. Второй отряд под руководством М.Н. Ложкина продолжал раскапывать остатки храмов [7]. В первых своих сообщениях о раскопках храмов Ложкин не употребляет ещё название Ильичёвское городище, его выводы осторожны и базируются на консультациях В.А. Кузнецова и Н.В. Анфимова. Через

несколько лет отраденский краевед посвятит алтарной преграде свой доклад на Симпозиуме по грузинскому искусству, проходившем в Тбилиси [8]. Идея грузинского архитектурного влияния на храмы малых форм междуречья Урупа и Кувы будет им развита и в последующих публикациях [9].

К концу 1960-х гг. полевые исследования на Ильичёвском городище были закончены. 22 мая 1969 г. отчёт М.Н. Ложкина о доследовании пещерного погребения, произведённого в 1966 г., [10] был утвержден на заседании комиссии отдела полевых исследований Института археологии Академии наук СССР. Зав. отделом к.и.н. Л.А. Евтюхова в письме Ложкину попросила представить ещё отчёт о расчистке развалин двух средневековых церквей, «которые Вы произвели, как нам сообщил Н.В. Анфимов, в связи с намечавшимся строительством МТФ на хуторе Ильич» [Письмо канд. ист. наук Л.А. Евтюховой М.Н. Ложкину от 22 мая 1969 г. Машинопись // ОИАМ. Ф. 29: Мемориальная коллекция М.Н. Ложкина]. Однако требуемые отчёты Ложкиным представлены не были. Им был сделан отчёт только по второму археологическому сезону – по раскопкам церкви № 2 [11].

Сообщения о раскопках в районе хутора Ильич появляются вначале только в районной газете. Но благодаря сообщениям об археологических исследованиях на Урупе московского фотокорреспондента А.Н. Жигайлова, имя Михаила Николаевича начинает часто мелькать в центральной прессе. Фотография краеведа и археолога Ложкина сопровождалась небольшим комментарием в сенсационном духе. Желание фотокорреспондента А.Н. Жигайлова рассказать о земляках было искренним (поскольку речь шла о его родных местах – он был уроженцем ст. Передовой), да и самого Михаила Николаевича журналист знал ещё с конца 1950-х гг., когда начинал учиться на факультете журналистики МГУ. Характерной по стилю была заметка «У развалин древнего города», с подзаголовком «Находки сельского учителя», появившаяся 30 июня 1970 г. в «Комсомольце Кубани». В ней, в частности, сообщалось: «…В Советском Союзе только несколько сельских учителей получили право государственных археологических раскопок. Михаил Николаевич Ложкин, директор восьмилетней школы хутора Ильич Отрадненского района, один из них. За последние годы Михаил Николаевич Ложкин своими открытиями и находками расширил и пополнил историческую науку о Северном Кавказе. С молодежью и старожилами хутора он обследовал большой район, находящийся на стыке Адыгейской и Карачаево-Черкесской автономной областей. В школьном музее собраны различные экспонаты, самые значительные из которых – предметы из пещерных погребений.

В раскопках принимают участие не только старшеклассники местной школы, но и студенты историки Кубанского государственного университета.

О своих находках Михаил Николаевич Ложкин делал сообщения на представительных форумах советских археологов в Москве, Ленинграде и других городах страны» [12]. Примерно такие же по содержанию, может несколько короче, но сопровождаемые 1-3 фотографиями сообщения появились в журналах и газетах, рассчитанных на зарубежную аудиторию [13]. Конечно, некоторые специфические мелочи в заметках рядовым читателем не воспринимались как неточности, но «резали слух» профессионалам. Жанр газетной зарисовки требовал лаконизма и должен был удивлять. Прочитав их, действительно, было чему удивляться: рядовой учитель-энтузиаст в горах открывает с помощью школьников и студентов-практикантов один из древних городов Алании (для советского читателя), для англоязычного – одну из греческих древних колоний, которые были размещены вокруг Чёрного моря (слово «Алания» в то время редко употреблялось даже в текстах, рассчитанных на узких специалистов).

После завершения работ на городище контакты М.Н. Ложкина и Н.В. Анфимова приобретают в основном эпистолярный характер. Но на 60-летие Михаила Николаевича, несмотря на снежный декабрь 1970 г., Никита Владимирович Анфимов приезжает с некоторыми участниками археологической экспедиции 1968 г. – и вечер в небольшом доме учителя-краеведа наполнился воспоминаниями о былой экспедиции и будущих открытиях…

После ухода на пенсию и переезда с хутора на постоянное место жительства в ст. Отрадную М.Н. Ложкин прекращает даже

относительно редкие археологические разведки, но активно участвует в спасении разрушаемых памятников и консервации церквей Ильичёвского городища. И это несмотря на возраст и отсутствие материальных средств! Его предпоследний отчёт в Институт археологии связан с доследованием в 1973 г. средневекового погребения под навесом № 1 [14], а последний был сделан в 1979 году [15].

4 декабря 1974 г. Совет министров РСФСР постановил включить в список памятников культуры, подлежащих государственной охране, Ильичёвское городище XI–XIII веков (х. Ильич, Поляна летней МТФ). Это были именно те места, где находились остатки стен четырех раскопанных храмов, располагавшихся на площади в один квадратный *км* – место предполагаемого посёлка раннегородского типа. На этой территории запрещалось производить какие-либо земляные работы, строительство, самовольные раскопки, разрушать вскрытые археологические памятники. Отрадненский райисполком обязал исполком Передовского сельского совета правление к-за им. Мичурина и дирекцию Отрадненского мехлесхоза обеспечить охрану Ильичёвского городища [16]. Постановка под государственную охрану вскрытых в ходе археологической экспедиции Н.В. Анфимова остатков стен христианских храмов было огромной заслугой М.Н. Ложкина. Этому важному событию предшествовала напряженная работа Н.В. Анфимова, М.Н. Ложкина, свой вклад внесли краевое и районное отделения ВООПИК, а также популяризаторская деятельность самого Ложкина, весьма охотно и всегда (в любое время года, если погода позволяла добраться до городища) рассказывавшего об истории и значении этого памятника своим землякам и гостям района. Неустанно краевед популяризировал уникальное открытие и на страницах газет.

При прямом участии Михаила Николаевича Ложкина проводились и первые работы по консервации архитектурных памятников, созданию стендов и указателей, обозначающих места памятников и то, что они находятся под государственной охраной. Журналист и фотограф районной газеты С.К. Филиппов вспоминает: «Мы все, кто тогда работал с Ложкиным, удивлялись его безудержной энергии, работоспособности и тщательности, с которой он трудился на раскопках, а потом и восстанавливал разрушенные стены храмов» [17].

Хотя исследования на Ильичёвском городище были давно завершены, но заметки об удачливом археологе-энтузиасте продолжали периодически публиковаться в центральной прессе. Так, в 1987 г. в «Советской России» появился фоторепортаж под заголовком «Краевед», в котором был дан портрет Ложкина, который внимательно осматривает серебряный кубок (случайная находка), а в сопутствующем тексте сообщалось: «…Ещё работая в школе, увлёкся Ложкин археологией. <...> Во время раскопок сделаны уникальные открытия. Так, на территории колхоза имени Мичурина археологи обнаружили средневековый город, знаменитое Ильичёвское городище. Он принадлежал Аланскому государственному объединению и прекратил существование в XIII в.» [18]. Неискушённый читатель мог из таких информационных заметок сделать вывод, что занятия наукой настолько легки, что в СССР и рядовые учителя со школьниками могут совершать масштабные открытия. В целом это соответствовало идеологическому «тренду» того времени. Но с другой стороны, это как-то принижало роль профессионалов-археологов, фактически игнорировался их тяжелый труд, который обычно не сопровождается сенсационными открытиями, хотя именно их усилиями закладывается подлинно научная база по изучению прошлого.

Такой информационный «перекос», связанный, в частности, с освещением в газетах роли Ложкина в открытии и изучении Ильичёвского городища, вынудил профессора Кубанского госуниверситета Никиту Владимировича Анфимова 12 октября 1989 г. обратиться к главному редактору газеты «Советская Россия» с пояснением истинного положения вещей и «авторских прав». Он пишет: *«В Вашей газете за 10 октября 1989 года № 233, на первой странице (в левом нижнем углу) помещена фотография с сопроводительным текстом под заголовком “Фотофакт” корреспондента А. Жигайлова. Заметка начинается словами: “Четверть века назад, увлечённый археологией учитель истории восьмилетней школы…” и т.д. У читателя создаётся впечатление, что фотография относится к сегодняшнему дню, также как и*

открытие археологического памятника. Между тем школы на хуторе Ильич Отрадненского района давно уже нет, М.Н. Ложкин ушёл на пенсию ещё до закрытия школы и переехал в станицу Отрадную (ему сейчас 79 лет). Будучи учителем и, проводя археологические разведки в районе хутора Ильич, он в 50-е – начале 60-х гг. обнаружил остатки аланского города и другие археологические памятники в долине р. Уруп и её притоков близ х. Ильич, и в этом отношении М.Н. Ложкин является первооткрывателем. Но раскопок города он не проводил и остатков храмов не обнаруживал, так как до начала раскопок они находились под землёй. Раскопки проводились в 1965–1968 гг. археологической экспедицией Адыгейского научно-исследовательского института экономики, языка, литературы и истории при участии студентов исторического факультета Краснодарского пединститута (ныне – Кубанский госуниверситет). Начальником экспедиции являлся я, и на моё имя был выдан Открытый лист на право проведения раскопок Институтом археологии Академии наук СССР. М.Н. Ложкин принимал участие в работе экспедиции как сотрудник, но, не будучи специалистом, самостоятельно вести раскопки не мог.

Меня возмутила такая информация, в которой многое не соответствует действительности, тем более, что с автором заметки А.Н. Жигайловым я хорошо знаком, он жил в Краснодаре и знает о моих археологических работах». [Письмо Н.В. Анфимова в редакцию газеты «Советская Россия». Машинопись // ОИАМ. Ф. 29: Мемориальная коллекция М.Н. Ложкина]. Письмо из Краснодара было отправлено в отдел писем и рабселькоров газеты «Советская Россия», а оттуда попало, вероятно, через А.Н. Жигайлова в архив М.Н. Ложкина.

Следует прямо отметить, что, освещая историю изучения Ильичёвского городища и в 1970-е, и в 1980-е годы, Ложкин лично всегда подчёркивал в этом начинании приоритетную роль Н.В. Анфимова. Летом 1989 г. на городище работала Вторая Восточно-Закубанская археологическая экспедиция под руководством В.Н. Каминского. В информации об итогах ее работы корреспондент В. Васильев отмечает известную роль, которую сыграл Ложкин в открытии средневековых храмов [19]. Но за несколько дней до появления этого фоторепортажа в газете, и более чем за два месяца до появления уже упомянутого репортажа в «Советской России», 3 августа 1989 г., сам Ложкин в заметке «На Ильичёвском городище» пишет: «В шестидесятые годы начато его исследование (городища. – *Авт.*), в течение четырёх полевых сезонов студенты исторического факультета Краснодарского пединститута под руководством профессора Н.В. Анфимова вели раскопки. Тогда были открыты остатки стен пяти христианских храмов X–XII столетий» [20].

Краеведа М.Н. Ложкина и археолога Н.В. Анфимова связывала неизменная дружба и после завершения исследования городища. Совместная работа в экспедиции с Н.В. Анфимовым пробудила у отрадненского краеведа глубокий интерес к истории средневекового христианства на Северо-Западном Кавказе, церковной архитектуре, предметам мелкой христианской металлопластики, картографированию церковных памятников. Он подготовил несколько докладов по этим темам на ряд международных симпозиумов, конференций, не раз делал сообщения и на «Крупновских чтениях» по археологии Северного Кавказа, работал в фондах краевого музея.

В период раскопок на Ильичёвском городище аланская археологическая культура не входила в основной круг научных интересов Никиты Владимировича Анфимова, в большей степени его привлекали меотские, синдские и сарматские археологические памятники. К раскопкам храмов в верховьях Урупа он отнесся без особого энтузиазма, вероятно, как к рядовой учебной археологической практике. В конечном итоге краткая обобщающая заметка по средневековым церковным памятникам архитектуры, открытым в верховьях Урупа, появилась в «Советской археологии» спустя только пять лет за авторством М.Н. Ложкина [21]. Название статьи было предельно нейтральным, что отвечало требованиям «атеистического» времени. При знакомстве с этим названием статьи нельзя даже было сразу угадать, о каком типе памятников средневековой архитектуры идет речь.

В письме к московскому писателю Г.Л. Немченко от 12 декабря 1979 г., который тогда работал над сценарием фильма о своих земляках, известных людях Приурупья, Михаил Николаевич поясняет, в связи

с изучением городища, кто такой Анфимов, часто упоминавшийся в его разговорах: *«Анфимов Никита Владимирович, кандидат исторических наук, профессор госуниверситета. Старейший археолог на Сев<ерном> Кавказе. Продолжил традицию медиков в семье, окончил Кубанский мед<ицинский> институт, но через два года поступил на истфак Краснодарского пединститута и работал долгое время в Краснодарском музее, а потом перешел в пединститут преподавать. Много сезонов копал. Теперь подвергнут опале, ибо не за все раскопки отчитался перед Институтом археологии, отчитывается»* [22].

Сохранились в архиве отрадненского краеведа и поздравительные открытки, отправлявшиеся семьей Анфимовых в адрес Ложкиных в 1970-х – 1980-х гг., что указывает на многолетние дружеские отношения. Вероятно, Михаил Николаевич готовил для какой-то энциклопедии, а, может быть, и для своих заметок по археологическому изучению Приурупья биографическую статью об Анфимове. Она датирована 1994 г., сохранился её черновой рукописный вариант в архиве краеведа на 2 листах. Конечно, в ней вряд ли можно найти какие-либо новые данные к биографии Анфимова, но личное отношение к своему наставнику и коллеге в ложкинской записке прослеживается очень хорошо. Они были почти ровесники, и археологическая судьба Никиты Владимировича представляла своеобразную альтернативу жизненному пути самого Ложкина: кем мог он стать, если бы его жизненные обстоятельства сложились несколько иначе. Приведём ее содержание: *«Никита Владимирович Анфимов. Старейший археолог Кубани. Профессор. Преподаватель Кубанского пединститута, а затем университета. Знаток археологии Кубани. Консультировался у него по памятникам археологии окрестностей хутора Ильич Отрадненского района (находки в пещерных захоронениях VII–VIII вв.). Он прошёл по берегу Урупа от Отрадной до хутора Ильич, возглавляя группу студентов. Обнаружил городища, селища, могильники. Доследовал могильник в х. Саньков, получил археологические находки от учителя истории средней школы ст. Удобной Г.И. Борискина ([хранятся] в Краснодарском и Отрадненском музеях). Обследовал участок левого берега Урупа от х. Санькова до городища Кобелиха (ст. Удобная). Был в х. Ильич, осмотрел пещеры у подножия скалы [Первое] Окно и пещеру выше водопада в левой развилке [балки] Гамовской. В течение четырёх сезонов 1965 – 1968 гг. под его руководством студенты I курса истфака Краснодарского пединститута проходили полевую практику (х. Ильич), открыли в центре его руины христианских храмов №1-4 и на седловине скалы Первое Окно, исследовали городище «Заслонка», пытались копать погребения в каменных ящиках в урочище «Редкодубье» (помешали дожди), раскопали 2-3 кургана на могильнике урочища Херсон. Открыли «Дальние стены» Ильич<ёвского> городища. Я работал в этих экспедициях вторым руководителем археологической практики.*

После этого был у него неоднократно, получал консультации.

Сын Н<икиты> В<ладимировича> – Игорь вырос в знающего археолога. Приезжал на обследование курганов в пос. Садовый.

Никита Владимирович всегда оказывал поддержку краеведам, многие, многие студенты слушали его лекции по основам археологии и Древнему миру. Косухин (В тот период В.Д. Косухин – ответственный секретарь районной организации ВООПИК, при нём на учёт было поставлено 545 памятников археологии: курганов – 514, холмов – 8, поселений – 14, могильников – 7, городище и кромлех. – *Авт.* Подробнее см.: [23]) *и я поздравляли его с 85-летием. 10/VIII. 94 г. М. Ложкин»* [ОИАМ. Ф. 29: Мемориальная коллекция М.Н. Ложкина].

В левом верхнем углу первой страницы записки о Н.В. Анфимове проставлена помета: «Уточнить даты». Вероятно, Ложкин собирался уточнять и дорабатывать некоторые подробности.

В августе 1995 г. на страницах районной газеты Ложкин вновь поднимает вопрос о необходимости сохранения Ильичёвского городища – «музея под открытым небом», напоминает об истории его изучения, огромном интересе, который к нему проявлялся со стороны видных кавказоведов-археологов – Н.В. Анфимова, Е.П. Алексеевой, Е.И. Крупнова, В.А. Кузнецова и др. Отмечает краевед и приоритет профессора Никиты Владимировича Анфимова в исследовании христианских храмов Ильичёвского городища, при этом скромно

указывает в скобках, – «автор был вторым руководителем» археологической практики.

Из содержания газетных заметок М.Н. Ложкина об открытии и исследовании христианских храмов, его «биографической статьи» о Н.В. Анфимове, эпистолярных характеристик, очевидно, что отношения между отрадненским краеведом и старейшим кубанским археологом прошли испытание временем, оставались неизменно дружественными и сердечными до конца их земных дней.

Примечания:

1. *Формозов А.А.* Археологические исследования пещер в верховьях реки Белой в Краснодарском крае // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. II: Серия археологическая. Майкоп, 1961. С. 64. Прим. 1.

2. *Анфимов Н.В.* Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья // КСИИМК. 1952. Вып. XLVI; *Он же.* Могильники сарматского времени в долине реки Урупа (по материалам экспедиции 1954 г.) // КСИИМК. 1956. Вып. 65; *Он же.* Находки предметов эпохи поздней бронзы близ станицы Удобной // СА. 1957. № 4.

3. *Ложкин М.Н.* Отчёт об охранных раскопках древнего могильника в хуторе Ильич Отрадненского района Краснодарского края, 1962 г. // Архив ИА РАН. Р-1/ 2649, 2649-а; *Он же.* Отчёт об охранных раскопках могильника у Редкодубья, 1964 г. // Архив ИА РАН. Р-1/3070.

4. См.: *Хачатурова Е.А.* Об авторе // Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. Краснодар, 2011.

5. *Пьянков А.В.* Археология Отрадненского района в материалах научного архива Н.В. Анфимова // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Вып. III / Науч. ред. С.Н. Малахов, сост. С.Г. Немченко. Армавир – Отрадная, 2015.

6. *Анфимов Н.В.* Исследование памятников раннего железного века на Кубани // АО – 1966. М.,1967. С. 71, 72.

7. См.: *Попов Ю.* Там, где кончаются дороги // Сельская жизнь. 1966. 9 авг.

8. *Ложкин М.Н.* Каменная алтарная преграда храма № 1 Ильичёвского городища XI–XII вв. в Отрадненском районе Краснодарского края // II Международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1977.

9. *Ложкин М.Н.* Новые памятники средневековой архитектуры в Краснодарском крае // Советская археология. 1973 № 4. С. 270–276; *Он же.* Средневековые памятники грузинской архитектуры в Краснодарском крае // Дзеглис Мегобари. 1981. № 57 (на груз. яз). С. 47–50; *Он же.* На Ильичёвском городище работает новая археологическая экспедиция // Сельская жизнь. 1989. 3 авг.

10. *Ложкин М.Н.* Отчёт о доисследовании средневекового пещерного погребения в окрестностях х. Ильич Отрадненского района Краснодарского края, 1966 г. // Архив ИА РАН. Р-1/3680, 3680-а.

11. *Ложкин М.Н.* Отчёт о раскопках христианской церкви № 2 (Ильичёвское раннесредневековое городище), 1966 г. // Архив ИА РАН. Р-1/3856, 3856-а.

12. *Жигайлов А.* У развалин древнего города // Комсомолец Кубани. 1970. 30 июня.

13. См.: например: Журнал АПН “Faklia” (на венгерском яз.) от 25.X.1970; Еженедельник “Soviet Weekly, No 1,481. Week ending, June 20, 1970.

14. *Ложкин М.Н.* Отчёт об охранных раскопках разрушенного погребения под скальным навесом № 1 в окрестностях х. Ильич Отрадненского района Краснодарского края, 1973 г. // Архив ИА РАН. Р-1/6125, 6125-а, 6125-б.

15. *Ложкин М.Н.* Отчёт Урупской археологической экспедиции Краснодарского края (1979 г.) // Архив ИА РАН. Р-1/8832, 8832-а.

16. *Ложкин М.* Под охраной государства // Сельская жизнь. 1975. 22 мая.

17. *Филиппов С.К.* М.Н. Ложкин и Н.В. Анфимов – первооткрыватели и исследователи Ильичёвского городища // Вопросы истории Поурупья. Вып. I: Ильичёвское городище как памятник средневековой археологии и церковной архитектуры. Материалы краевой научной конфренции / Отв. ред. С.Н. Малахов, сост. С.Г. Немченко. Армавир, 2012. С. 15.

18. *Корнышева Е.* Краевед // Советская Россия. 1987. 12 июня.

19. *Васильев В.* В глубь веков. Фоторепортаж // Сельская жизнь. 1989.

20. *Ложкин М.* На Ильичёвском городище работает новая археологическая экспедиция // Сельская жизнь. 1989. 3 авг.

21. *Ложкин М.Н.* Новые памятники средневековой архитектуры в Краснодарском крае // Советская археология. 1973. № 4. С. 260–267.

22. Страницы краеведческой переписки М.Н. Ложкина / Публикация, примечания С.Н. Малахова и С.Г. Немченко // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Вып. III / Науч. ред. С.Н. Малахов, сост. С.Г. Немченко. Армавир – Отрадная, 2015. С. 38.

23. *Тёр В.В.* Жертвенный луч. Отрадная, 2000. С. 29.

III. ЛИНГВОКРАЕВЕДЕНИЕ. КНИЖНОЕ ДЕЛО. КУЛЬТУРОЛОГИЯ. МУЗЕЕВЕДЕНИЕ. АРХИВОВЕДЕНИЕ

А.В. Шишканова

О подготовке словаря лексики и фразеологии верхнекубанских казаков Карачаево-Черкесии

Посвящается уроженцу Карачаево-Черкесии, талантливому казачьему самородку, учителю и собирателю казачьей лексики и фольклора, паремиологу С.Д. Мастепанову (1912–2002)

Современной информационной системой в русском языке зафиксировано такое неимоверное богатство, как 140 миллионов слов. Русский литературный язык обладает огромной информационной ценностью, богатством лексико-фразеологической и грамматической систем, коммуникативным удобством (многообразными лексическими средствами и давней литературной традицией, упорядоченными грамматической и стилистической системами, научно-методической изученностью). Язык межнационального общения народов РФ и стран ближнего зарубежья, один из пяти мировых языков, общегосударственный русский язык отличается развитыми и дифференцированными функционально-стилистическими возможностями, неисчерпаемым богатством, особой эстетикой, выразительностью, красотой и благозвучностью, а также обширным ареалом контактирования с другими национальными языками народов России.

Казачество имеет исконно славянские (в основном, русские и украинские) корни и сыграло значимую роль в создании Российского государства. Первые поселения русских на кубанских землях относятся еще к средневековью. Переселение происходило в форме передвижения дружин, а позднее, в Новое время, в виде мирной крестьянской колонизации [1].

В 1775 г. Запорожская сечь была разрушена: часть казаков ушла в Турцию, часть – на Кубань и в другие места. В период Кавказской войны (1763–1864 гг.) манифестом Екатерины 11 от 8 апреля 1783 г. присоединены к России Крым, Тамань и вся Кубанская область, выделенные во владение Черноморского казачьего войска, где впоследствии было образовано Кубанское казачье войско и др.

В 1869 г. в этих местах было разрешено приобретать недвижимую собственность и лицам неказачьего звания. «Каких только народностей не встречается в этом массовом потоке! – в свое время писал Л.Я. Апостолов. – Тут можно встретить и меланхолического полтавца, и бойкого ярославца, и смышленного рязанца, и неуклюжего тавричанина, и латыша, и поляка, и грека, и армянина, и других, явившихся сюда со своим языком и привычками» [2]. У многих народов России были казаки (калмыцкие, ингушские, кабардинские и т.д.). К примеру, у ногайцев сохранился цикл исторических песен «Казак йырлары» (Казачьи песни, в которых говорится о том, как ногайцы уходили в казаки); они зафиксированы в ногайском фольклоре.

Уникальность казачества состоит в наличии у него нескольких локальных культур (например, донских, кубанских, терских, некрасовских, яицких, оренбургских, забайкальских, хоперских, амурских, енисейских, забайкальских, оренбургских, уральских, уссурийских, астраханских и других), связанных с обширными зонами проживания их в Российском государстве, историческим добрососедством и контактированием с разноязычными народами РФ.

Кубанское казачество говорит на южнорусском диалекте современного русского языка. Первые казачьи поселенцы на территории нынешней Карачаево-Черкесии – это выходцы из Малороссии (Украины), Дона, Волги, Хопра, Кубани и других областей России. Переселение с Запорожья на Черноморье, создание казачьего войска, контакты русского населения с украинским и горским, обеспечение их жизнеспособности как общности находились в прямой зависимости от состояния отношений с

соседними народами. Контакты русских с горским населением обусловили здесь специфику в развитии русского языка: появление в нем субстратных явлений.

Как отмечено авторами «Диалектологического атласа русского языка», «…в течение длительного периода феодальной Руси, корнями уходя и в более раннюю эпоху, складывались и основные диалекты русского языка как его устойчивые территориальные разновидности, трансформацией которых и являются современные русские говоры [3]. В диалектологической практике РФ наиболее полно изучена лексика говоров центра Европейской части страны, а также кубанских и донских казаков. Так, к примеру, при содействии С.Г. Немченко и других издан казачий словарь С.Д. Мастепанова, «Словарь кубанского говора» (П. Ткаченко), «Большой толковый словарь донского казачества» (РГУ, 2003), но специального изучения лексики казаков Верхнего Прикубанья и Зеленчуков Карачаево-Черкесии до сих пор не проводилось.

Постепенное смешение разных речевых стихий: русской с ее многочисленными диалектами, малороссийской (украинской), белорусской и длительное в историческом плане взаимодействие с кавказскими и тюркскими народами – сформировало специфику казачьей речи Верхнего Прикубанья. Являясь одной из локальных этнографических групп кубанского субэтноса, верхнекубанские казаки сохранили основу общеславянской локальной культуры, впитав в себя также традиции культуры других народов (кавказских, тюркских и иных).

Казачья речь верхнекубанских казаков Карачаево-Черкесии представляет собой южнорусский диалект русского языка, т.е. сильно украинизированную русскую речь. Сочная, образная и самобытная лексика верхнекубанских казаков КЧР основана на смешении русской, украинской, белорусской стихий с добавлением тюркских и кавказских элементов из языков веками соседствующих народов.

Любовь к родной словесности и вдохновляющий пример служения Логосу – Слову С.Д. Мастепанова побудил нас в 1973 году начать записи самобытных лексико-фразеологических средств казаков КЧР с целью использования их в качестве материала для исследований.

Впервые составленный нами в авторском варианте словарь лексики и фразеологии верхнекубанских казаков КЧР основан на магнитофонных и карандашных записях автора, проведенных нами в период педагогической практики студентов КЧГУ в городах, районах, станицах и других селениях Карачаево-Черкесии, начиная с 70-х годов XX века, и пополняется по настоящее время. Думаю, что он охватывает еще далеко не полный перечень лексического своеобразия речи казаков Верхней Кубани и Зеленчуков, поскольку и в настоящее время я продолжаю фиксировать речевые шедевры. Поводом для составления названного словаря послужили также участившиеся случаи употребления современными потомственными казаками исконных лексических средств в несвойственном им значении. Так, к примеру, бывший уполномоченный по правам человека в КЧР, представляя нам своего сына, с гордостью сказал: «А это наш байстрюк!», хотя парень – законнорожденный в семье ребенок и т.п. Считаю, что основная лингвистическая тенденция наших дней – сильное влияние русской литературной нормированной речи на диалектную речь. Постепенно уходит из жизни старшее поколение казаков. В результате молодыми постепенно забываются те бесчисленные богатства народной образной речи, которые делают живую русскую разговорную речь казаков яркой, самобытной, выразительной, эмоционально-экспрессивной.

Еще работая старшим преподавателем кафедры русского языка филологического факультета Карачаево-Черкесского государственного педагогического института (ныне КЧГУ – Карачаево-Черкесский госуниверситет) в городе Карачаевске, в семидесятые годы XX столетия я начала осуществлять записи живой русской разговорной речи славянского населения Карачаево-Черкесии (представителей верхнекубанского казачества). В те годы казачья тематика исследований особо не поощрялась. Параллельно мною проводились магнитофонные и карандашные записи устной русской речи не только казаков-абитуриентов, но и студентов-билингвов – носителей карачаевско-русского, черкесско-русского, абазинско-русского и ногайско-русского двуязычия, а также разных видов полилингвизма. Это было актуально и необходимо для повседневной работы со студентами,

подготовки для них научно-методических пособий, повышения культуры русской речи населения и изучения особенностей русской региональной речи в Карачаево-Черкесии. Под нашим руководством студентами КЧГУ впервые начали готовиться спецсеминарские, курсовые и дипломные работы (Котельникова С.Н., Каракаев Ю.И., Пазов С.У., Узденова С.Н. и др.). Впоследствии это вылилось в создание и публикацию моих работ по культуре русской речи русских и нерусских в Карачаево-Черкесии.

В 1981 году наша семья переехала из Карачаевска в Черкесск, где я начала трудиться вначале старшим научным сотрудником отдела языков Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований при Правительстве Карачаево-Черкесской республики (далее – КЧИГИ), затем – ученым секретарем института, далее – заместителем директора по научной работе, и.о. директора КЧИГИ; с 2013 г. и по настоящее время – ведущий научный сотрудник отдела языков КЧИГИ.

Когда я работала в Карачаево-Черкесском научно-исследовательском институте истории, филологии и экономики (ныне КЧИГИ), нашим институтом впервые в стране была проведена в 1981 г. Всесоюзная научно-теоретическая конференция «Казачество в революциях и гражданской войне», открывшая в РФ казачью тематику современных научных исследований. По итогам работы конференции был издан сборник тезисов выступлений.

Накопившиеся авторские записи лексики верхнекубанских казаков, собранные среди населения Карачаево-Черкесии в процессе проведения экспедиций, а также тесного бытового, производственного, культурного и семейного общения в городах Черкесске, Карачаевске, Усть-Джегуте, в районах и селениях Карачаево-Черкесии (в местах проживания казаков) использованы нами для составления «Словаря лексики и фразеологии верхнекубанских казаков Карачаево-Черкесской республики».

Надеемся, что наш первый опыт подготовки словаря лексики и фразеологии верхнекубанских казаков КЧР поможет учащейся молодежи усвоить и сохранить разнообразие и самобытное богатство родной речи.

Примечания:

1. См. об этом: *Водолацкий В.П.* Развитие казачества в современном российском обществе (социальный опыт донского казачества). Ростов-на-Дону, 2011; *Куракеева М.Ф.* Верхнекубанские казаки: быт, культура, традиции (XIX – нач. XX вв.). Черкесск: КЧИГИ, 1999. – 278 с.; *Рунаев Р.Ю.* О статусе казачества как специфической социальной группы // Правовые и социально-экономические проблемы современной России. Пенза, 2008; *Карданова А.Х.* К вопросу заселения Кубани казаками // Вопросы казачьей истории и культуры. Вып. 8. Майкоп, 2012. С. 81–86 и др.
2. *Апостолов Л.Я.* Географический очерк Кубанской области // Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа. Вып. 23. Тифлис, 1929. С. 229.
3. См.: *Щербина Ф.А.* История кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т. 2.
4. Диалектологический атлас русского языка. Вып. 1. М., 1986. С. 5.

В.М. Пелих

Произведения отрадненских писателей как источник по изучению местной речи

Язык – это история народа.
Язык – это путь цивилизации, культуры.
Поэтому-то изучение и сбережение
русского языка являются не праздным
занятием от нечего делать,
но насущной необходимостью…
(А.И. Куприн)

Взятые в качестве эпиграфа слова виднейшего русского писателя А.И. Куприна в очередной раз напоминают нам о необходимости «сбережения» русского слова. Это особенно актуально в последние годы, когда в прессе, на телевидении, особенно в рекламе наблюдается агрессия иностранной речи. Не случайно в марте этого года в России возникло Общество русской словесности, призванное объединить усилия учителей-словесников, ученых, писателей, всех деятелей культуры в важнейшем деле сохранения русского языка, литературы и нашей культуры, ибо это, как отмечено на 1-м съезде Общества русской словесности (май 2016 г.), вопросы национальной безопасности и сохранения своей идентичности в глобальном мире.

Очень важно, чтобы наряду с задачей привития любви к чтению хорошей литературы, к выработке грамотной речи общество не забывало о том, что в разных регионах нашей страны существует еще местная речь, которая «питает» литературный язык и знание которой обеспечивает единение молодого и старшего поколения (носителя

ее многовековых традиций) и глубокое понимание художественных текстов, включающих в свой состав местные слова и выражения.

Как филолог, всю жизнь посвятивший преподаванию русского языка в вузе и в школе, научному изучению разных сторон русского языка и его истории, как один из авторов-составителей и ответственный редактор Словаря говоров Кубани (Армавир, 2009) хочу обратить внимание читателя на один из диалектов кубанской речи, а именно говор населения станицы Отрадной и Отрадненского района.

Станица Отрадная расположена в юго-восточной части Краснодарского края. Речь ее местных жителей отражает черты южнорусского наречия и характеризуется богатством и разнообразием своего лексического состава. Не случайно она привлекла внимание исследователей-диалектологов, составителей словарей кубанской речи. И первым здесь следует назвать Сергея Даниловича Мастепанова. Уроженец станицы Отрадной, он известен на Кубани и в Карачаево-Черкесии как учитель, фольклорист, краевед-историк, археолог, паремиолог и библиофил. В течение 1949–1980 гг. он записывал кубанскую речь – слова, устойчивые выражения, пословицы, поговорки, частушки, реплики – и составил рукописный Словарь кубанского казачьего населения станицы Отрадной Краснодарского края (6 тетрадей), который в 1967 году передал в Словарный сектор Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР (теперь – Институт лингвистических исследований РАН в г. Санкт-Петербурге). По счастью, Сергей Данилович Мастепанов предварительно сделал копии своих тетрадей и оставил их у своего друга, тоже отрадненца, писателя Гария Леонтьевича Немченко. Сын писателя Сергей Немченко, руководитель Отрадненского районного общества историков-архивистов и инициатор проведения Первых Отрадненских историко-краеведческих чтений, посвящённых 100-летию со дня рождения Сергея Даниловича Мастепанова (1913–2002), принял все меры, чтобы опубликовать собранные материалы [1]. Большое число слов, записанных от коренных жителей Отрадненского района, вошло в словари кубанской речи, составленные краснодарскими и армавирскими диалектологами [2]. Значительный вклад в дело собирания и «сбережения» родной речи внесли и известные русские писатели, уроженцы станицы Отрадной и Отрадненского района Иван Николаевич Бойко, Гарий Леонтьевич Немченко, Петр Ефимович Придиус. Знакомство с их произведениями позволило сделать вывод, что они с полным правом могут служить источниками для изучения местной речи.

Предлагаем вниманию читателей коротенький словарь речи отрадненцев – слова и выражения, отсутствующие в названных выше словарях, но встреченные в таких произведениях, как «Все живут…», «Стук в калитку», «Чистые люди», «Труболет», «Продолжение родины», «Успеть до заката» (И.Н. Бойко), «Зимние вечера такие долгие…», «Заступница», «Старая гвардия», «На фоне неба», «Воспоминание о казачьей песне» (Г.Л. Немченко), публицистические произведения П.Е. Придиуса, собранные в книгу «Просто русские…»; примеры из произведений указанных авторов подаются курсивом с указанием источника (Б. – Бойко И.Н., Н. – Немченко Г.Л., П. – Придиус П.Е.). Кстати, в представленных иллюстрациях внимательный читатель найдет и другие местные слова, создающие колорит красочной местной речи.

БАРМАТ, *м.* Выпивка, разновидность алкоголя. *Как по-вашему выпивка: бормотуха, да бармат, чемергес да чАмор – от это уже и весь язык русский!* (Н.)

БЕГУНОК, -а, *м.* Вид повозки: *Раньше был у него бегунок, тележка такая в одну лошадь, брыкушка* (Н.)

БЕКОНЬ, *м.* Сало с мясной прослойкой. *И сало ш это у них было особенное – не как наше, а с прослоечкой с какой хочешь… Беконь по-ихнему. А вкусный этот беконь какой был…* (Н.)

БЕРЕЖОХА, -и, *ж.* Бережливая женщина. *Приветливая да веселая, да такая чистоха, да бережоха, да рукодельница* (Н.).

БЕСПЕРЕЧЬ, *наречие.* Беспрерывно. *Тут бесперечь зазывно звучала сиротинушка-балалайка; Вот и сегодня Никита бесперечь подправляет Ивана про Петербург* (П.)

БОЛЬШАЯ ХАТА – зал, большая комната в хате (доме). *Забегаю к им у большую хату, у зал…; в зал, у большую хату, забегла…* (Н.)

БЯХНУТЬСЯ – упасть с мом. *…выгибался, пока один локоть не*

поехал – от он и бяхнулся… А мужчина еще солидный … как бяхнулся, говорит, шуму да брызги до потолка. (Н.)

ВДАЛОЙ – 1. удалой. *Ой, уважали, что вдалой такой!..* (Н.) 2. Умелый, удачливый. *А отраденцы ж, как всегда, – самые умные. Самые вдалые … вдалюги отраденские – у-у!* (Н.)

ВЕРХИ – верхом. *Он потом выйдет – да верхи, – на них даже и не глянет* (Н.); *и боярин верхи впереди скакал, и дружки на конях* (П.)

ВЕРХОТУРА – самое высокое место. *На самой верхотуре Пикета расстилали скатерти-самобранки*. (Б.)

ВЕРШИТЬ – вывести верх в скирде, копне, стогу. *Бегут все три брата Винниковы с вилами к соседям, подсобляют скирду вершить*. (П.)

ВЗБЛЕСКИВАТЬ – сверкать время от времени. *Коровы взблескивали боками, передвигались, как тени от облаков, так же взблескивали и мельтешили млечно катавалы*. (Б.)

ВИДАТЬ – видно. *Скрозь было видать*; *Всё кругом затянуло, и луны не видать*; *в дыру видать край ствола; Хорошо, что кошель высокий – цыпок не видать. Его над кукурузой видать жишь!* (Н.).

ВИТЮТНИ – дикие голуби. *А недавно уже и витютни, дикие эти голуби, и горлинки тожить лесополосы свои побросали да тожить в станицу переселилися!* (Н.)

ВКУСНЯТИНА – очень вкусное блюдо. *Это ж от какая вкуснятина, если кто понимает*. (Н.)

В НАЙМАХ, В НАЙМИЧКАХ – работать как наемный работник. *И с той поры мама росла в наймичках*. (Б.)**…** *работавшие у зажиточных казаков в наймах* (П.).

ВОЛОЧЬ – понимать. *Вот так мы и живём. Не волокём ну ни в чем.* (Б.)

ВОРОХНУТЬСЯ – пошевелиться. *У Павлуши сердце-то ворохнулось, когда увидал он нашего Колю.* (Н.)

ВПЕРВОЙ – *наречие.* Впервые. *В чертах впервой увиденной женщины ловил вдруг что-то родное…(*Н.)

В ПРИМАКАХ/ПРИЙМАХ – *нареч.* Жить в доме жены или родителей жены. *Где вы хотите жить: в собственной или в приймах?* (Б.) *держала стоко лет в примаках и кормила…* (Н.)

ВСЕГО НИЧЕГО – мало, чуть-чуть. *Там всего ничего осталось*. (Б.).

ВСКИНУТЬСЯ – встрепенуться обеспокоенно. *А он как вскинется: что ты, мать! Заяц – трус, и тот на капустку охотится!; Он вскинется: бабушка, ты чего?* (Н.)

ВСТРЕТЬ – встретить. *Маню встрела, радуюсь за ее; Взрослые казаки встрели, охотники: «Ты куды это, Надька, нарунжилася?!»*; *потом соседку их встрела* (Н.)

ВЫГЛЯДАТЬ – высматривать, дожидаться. *Могильные – ни в какую, видно, лукавцы, состоятельного жениха выглядают…* (П.)

ВЫЙТИТЬ – выйти. *Один хотел выйтить, дак ребяты чуть не побили.* (Н.)

ВЫЛУЩИТЬСЯ – показаться, проявиться. *Домик Сафонова расположен на возвышении, откуда видна вся станица. Вот она – вылущилась из тьмы меж створок гор болью и радостью*. (Б.)

ВЫМАНУТЬ – выманить. *Дочка родная и та завещання выманула и бросила;…ничего не умеете, а токо деньги у матери вымануете.* (Н.)

ВЫПРОСТАТЬ – высвободить. *А та и ухо из-под платка выпростала…* (Н.)

ВЫСИГНУТЬ – выпрыгнуть. *Высигнул он в окно…* (Б.) *Чтобы ты с хаты незаметно не выскочила или не высигнула с окна и сверху через берлинскую стенку не подсмотрела…* (Н.)

ГАГАКНУТЬ – (о птице) издать звук «га-га». *Сгребла, он и гагакнуть не успел.* (Н.)

ГАГАТИТЬ – гудеть, топиться (о печке). *Вертается, а у меня уже печка гагатит.*(П.)

ГАРЦЕВАТЬ – ехать подобно всаднику. *А вот гарцует на подсолнухе с выклеванной зеленой шляпкой с доброе сито – копия деда Гусака*. (Б.)

ГДЕЙ-ТО – где-то. *Гдей-то отирается; …гдей-то ее миной – пришла не дай Бог вся перекалеченная; В горах гдей-то у балагане жил.* (Н.)

ГЕРУНОК – Глиняный кувшинчик для молока, воды и под .*Сколотину или так прямо из герунка и до донышка*. (П.)

ГЛИНИЩЕ – место, где берут глину. *Выкопаем от-то да в старое глинище бросим*. (Н.)

ГОДКИ – одногодки. *Вместе с пятью другими годками, тоже заменившими стариков, они связали… немца…* (Н.) *Иван с завистью взирал со стороны, как его годки увесистыми кулаками обихаживали друг друга.* (П.)

ГОЛОДУХА – очень большой голод. *Оно, бывает, посильней голодухи, любопытство, а тут и голодухи никакой…*(Н.)

ГРОХНУТЬСЯ – упасть с большим шумом. *В то же самое время, разгоняя перелезших в огород кур, грохнулась яблоня* (Б.). *Ну всё, от тут он сейчас грохнется!* (Н.)

ГРЯКНУТЬ – громко чем-либо стукнуть. *Чтоб он крикнул когда на кого, чтобы стукнул чем-нибудь или грякнул; никогда не стукнет, не грякнет* (Н.).

ГЭХНУТЬ – ударить. *Руки лопаткой сложила да обеими ему по горбятке ка-а-к г-гэх-ну-ла!* (Н.)

ДАЖИТЬ – даже. *Все она знаит, и всех спортсменов – по фамилиям, и дажить не наших*. (Н.)

ДАЖНО – должно, вероятно. *Дажно попугая пожилели*; *ты представляешь, скоко уже дажно Божьему одуванчику?* (Н.)

ДЕВОВАТЬ – быть в возрасте девушки. *Разыскала там какую-сь подругу, еще девовали…; Мы тогда уже девовали; Жинка ж его, подружка моя старинная, Тося, еще девовали вместе…; мы с Маней давно!.. И девовали уместе, и потом у коммуне…*(Н.)

ДЕРБАНИТЬ – разбирать на кусочки. *Токо и слышишь, как они (горлинки – В.П.) шишки дербанят…* (Н.)

ДЕРЕВЕЙ – тысячелистник. *Тысячелистник недаром – деревей: и в самом деле как дерево; попивает настоянный на деревее со зверобоем да материнкою душистый пастушеский чаек…* (Н.)

ДОДУТЬ – додуматься. *Аналогом слову "додумался" были в Отрадной еще несколько, среди них:* ***дотумкал***. *И –* ***додул.*** *… Может быть****, додуем, дотумкаем*** *и* ***раскумекаем****, наконец, сообща?* (Н.)

ДО ЗАРИ – очень рано. *Она, бывало, до зари встанет, цыбаркой не грюкнет, чтобы не разбудить* (П.).

ДО КУЧИ – вместе. *Собрались все до кучи в отчем доме; если вся родня соберет до кучи свои сбережения, все равно не хватит.* (П.)

ДОПЕРЕТЬ – понять. *Молодой-то молодой, а, видно, допер…* (Н.)

ДОРАССКАЗАЧИВАТЬСЯ – довести до полного исчезовения казачества. *Разорили Бесстрашную дотла. Дорасказачивались*. (Н.)

ДО СВЕТА – очень рано. *Смеркнется – придет, до света – уйдет.* (П.)

ДРАТУВАТЬ – поучать, наставлять. *Пестовал, баловал, дратувал отец малолетнего Тимошку…; Он и ну меня дратувать: ага, девка, никуда теперь ты от меня не денесся.* (П.)

ДРУГОЙ РАЗ – иногда. *То появится на улице другой раз, а то целыми днями не видать…. Бывает другой раз и поругаю его; Коля другой раз станет говорить.* (Н.)

ДУНУТЬ – очень быстро побежать. *В прифермском ивняке немного переждал, обдумывая свое положение, оделся и дунул через стадион к Сбарским…* (Б.)

ДУРОЛОМ – дурак. *Первый муж-то ее не ветер с бурей, не дуролом какой.* (Н.)

ДУХМЯНЫЙ – душистый: *На троицу хаты украшали духмяной травой и ветками…* (П.)

ЗАВЕЯТЬСЯ – уехать далеко. *Как завеется с утра, так на весь день*. (Б.) *а потом стала кудай-то уезжать: сперва на два, на три дня, а это завеялася – уже больше месяца нема!* (Н.)

ЗАВИНЧИВАТЬ – руководить. *Стал коммуной завинчивать.* (Н.)

ЗАВОЗМУЩАЛИСЯ – начать возмущаться. *Как они загалдели, индюки! Как завозмущалися!* (Н.)

ЗАВИТЬСЯ – куда-то далеко уйти, убежать. *А с Жуликом небось и совсем школа пропала – как вдвоем завьются!* (Н.)

ЗАГЛАЗНО – за глаза. *Заглазно все называли ее Гашкой…* (П.)

ЗАГОДЯ – заранее, заблаговременно: *А то еще загодя … пригласит с собой фельдшерицу.* (П.)

ЗАГОНКА – участок, полоса поля или сенокоса. *Загонка – добрая верста, сзади на пятки наступает лихой казачина…; Сойти с загонки гордость не позволяет, а до конца ее далеко-далеко.* (П.).

ЗАКЛАЦАТЬ – застучать зубами. *Кусочек… от верхней колясочки отщипнул, в рот кинул и сперва зарымыгал, медленно, как корова, а потом быстрей, быстрей и под конец аж зубами заклацал!* (Н.)

ЗАПЕЧНИК – сверчок. *Называет меня «запечным гостем», как сверчка обыкновенного – «запечником»*. (Н.)

ЗАПОЛОШНЫЙ – неугомонный. *Тимофей работал, словно заполошный, никто не мог сравняться с ним; работали как угорелые чи заполошные.* (П.)

ЗАСУПОНИТЬ – надеть и укрепить хомут. *Девять годков, а он и хомут*

засупонит, и подпругу затянет… (П.)

ЗА ТАК – бесплатно. *Дак можно за так и подкормиться.* (Н.).

ЗАТИШНО – тихо. *Летом свежо и прохладно, зимою затишно: тут и в самом деле, что в лесу.* (П.).

ЗАШКЕРГОТЕТЬ – издать скрипучий звук. – *С каким там котом? – обиженно подшморгнул хлопец. И зашкерготел дверцей.* (Б.)

ЗАШМОРГНУТЬ – закрыть, задвинуть. *Сама ...оконную занавеску то зашморгнет, то отодвинет...* (П.)

ЗЛЫДЕНЬ – злой, недобрый человек. *Видать и правда не злыдень был…* (Н.)

ЗНАТЬСЯ – поддерживать знакомство. *Мы ведь с ним с малолетства знались, и парубковали вместе, и женихались.* (Н.)

КЛЮШКА – клюка, палка. *Палку поставит между ног, клюку свою, клюшку по-нонешнему.* (Н.)

КОЛДОБАЖИНА – колдобина, выбоина на дороге. *На нашу Кубань как глянешь – одни колдобажины. А повернулся – у ставрополе'й асфальт, хоть боком катись* (Н.).

КОРЕШЕВАТЬ – дружить. *А они с Федей вроде и корешевали…* (Н.)

КОРОВЯК – коровий навоз. *А то не лекарство, а навоз – с-под коровы водой разбавляют, коровяк этот; а от нас коровяк туда и другим возит.* (Н.)

КРАЙ – район станицы, хутора. *Теперь на нашем краю ни одной бродячей кошки не увидишь!* (Б.); *тут у нас на том краю бабка Мигулиха жила…; а одна женщина с того краю, где он раньше жил, этот старик, возьми да скажи…; он жишь на нашем краю и вывелся.* (Н.).

КРУГОЛЯ – вокруг. *Люди ездят круголя, за пятнадцать километров, а живут насупротив; Да мы круголя. Вокруг Труболей прогарцуем.* (Б.)

КРЫГА – льдина. *(гуси) белыми крыгами плывут по Урупу…; ребенка окунала в воду с крыгами? Набирает в тазик прямо в Урупе, с крыгами, они так и тарахтять…* (Б.).

КУРПЕЙЧАТЫЙ – сделанный из шкурки ягненка или похожий на нее. *Один с белым, курпейчатым чубом и только еще пробивающимися усиками…* (Б.)

КУХАРИТЬ – быть кухаркой. *Там был колхозный табор. Мать кухарила в бригаде; Моя Ивановна всю жизнь на таборе кухарила; ... ездили на табор на гору, где кухарила мать.* (Б.)

ЛАЗОРИКОВЫЙ – алый, цвета лазориков. *Там, среди ковыльных косогоров и катавалов, полных лазорикового пламени, и есть моя родина; А рядом земли свободные: все в лазориковых цветах.* (Б.)

ЛЫНДАТЬ – гулять, бездельничать. *А разве Саше там мед – по тундре по этой ноги бить? Небось не так себе гуляет, не лындает!* (Н.)

ЛЫТАЙ – бездельник. *Лодырь ты, говорю, лодырь, лытай-лентянюга!; вы бы сюда своих баглаев с лытаями присылали. ... Чтоб они тут училися, как надо (строить – В.П.)* (Н.)

МАЛЕПУСЕНЬКИЙ – чрезвычайно маленький, ничтожный. *Но тут вижу себя с малюсенькой, с малепусенькой буковки! С самой, что ни есть, ничтожной!* (Б.)

МАЛЕЦ – малыш, ребенок. *И у него малец. Да он того и кликал, что малец: нужна нянька* (Б.). *Одного мальца рукой отгорнул.* (Н.)

МАЛЬЧИШОНКА, МАЛЬЧИШОНОК – ребенок. *Он этому мальчишонке со второго класса свои (деньги – В.П.) отдал…; А может, это отец мальчишонки – ваш сын? Она потом с мальчишонком в Ростов, там у нее родные. Я как глянул: ну вылитый Федя, когда мальчишонком был! и эти мальчишата ... сразу на фронт ушли; пока последний, мальчишонок, что впереди стоял, не отбежал от будки с мороженым.* (Н.)

МЕТУХА – метель. *А мороз всё крепче, метуха по степи начинается; А на дворе метуха, по горам ... зюзя!* (Н.)

МОСТИТЬСЯ – усаживаться. *Иные возвышались на перевернутых ведрах ... другие, словно наседки, мостились в широких цибарках поверх торчавших по краям безрукавок да ватников…* (Н.)

НАГИНАТЬСЯ – наклоняться, нагибаться. *Я нагинаюсь да наши яблоки достаю… И давай его поправлять, давай осаживать, окорачивать, утихомиривать, к земле давай нагинать… давить давай, к земле нагинать…* (Н.)

НА ЗАМЕТ – на заметку. *Случилось что с тобой, а ты себе на замет: вот как это бывает, ага, ясно!* (Н.)

НАЛАДИТЬ(СЯ) – направить(ся) на работу, начать работать. *Мать наладила варить борщ на летней кухне; наладился перебирать лук – перевернулся с табуретки.* (Б.)

НАСМЕРТНОЕ – приготовленная заранее одежда на случай смерти. *мама моя, покойница, туда свое насмертное спрятала: черную юбку, да кофточку горошком, да чулки фильдеперсовые, да платок…; как до войны еще насмертное свое у спрят положили, дак токо теперь и подоставали…* (Н.)

НАУСЬКАТЬ – подстрекать. *На мотоцикл меня и поняй, вражья сила, змей-горыныч. А знаешь, кто их науськал?* (Б.)

НЕВДАЛЫЙ – неумелый. *Что ж они там такие невдалые, такие неразвитые да такие беспомощные?* (Н.)

НЕНАСТВОВАТЬ – о разбушевавшейся непогоде. *Да сидим, а за окном ненастует, да по земле потащиха, кругом хурта*. (Н.)

НОНЕШНИЙ – сегодняшний, современный. *А про нонешнее я тогда тебе издалека. Правда, какие нонешние песни?От не стыдно нонешним мужчинам так – с женщиной?* (Н.)

ОБМОРОКОВАТЬ – обдумать. *Обмороковала, жду случая.* (Н.)

ОБМЫЛОК – кусочек мыла, оставшийся после мытья. *А там у меня полбуханки, да обмылок, тоже один боец дал.* (Н.)

ОБМЯКНУТЬ – ослабеть. *А я вся обмякла, к стене привалилась.* (Н.)

ОБОЧЬ – сбоку. *Мотоцикл с коляской оставили обочь дороги*. (Н.)

ОГОНЁК– комнатный цветок с ярко-красными цветами. *Но смотрел он на ее овальную нежно-матовую щеку, на ее губы цвета огонька, который расцвел дома на подоконнике.* (Б.)

ОКЛЕМАТЬСЯ – прийти в себя после болезни**.** *Малость оклемался от своей контузии, малость очухался.* (Н.)

ОТГОРНУТЬ – отодвинуть в сторону.*Одного мальца рукой отгорнул, другого в сторону отгорнул*. (Н.)

ОТПИСАТЬ – оставить наследство по завещанию. *Мама «отписала» дом не нам с младшим братом, а сразу, минуя нас, «трем внукам в трех равных частях».* (Н.)

ОШИВАТЬСЯ – околачиваться. *Чего по помойкам ошиваться, когда коло вашего ресторана и теплочка, и хлебный магазин рядом*. (Н.)

ПЛЕМЕННИЧЕК – племянник. *На том же просторечии он серьезно подтвердил: Племенничек, да, мой племенничек…* (Н.)

ПОБОЛЬШЕТЬ – повзрослеть. *А побольшеешь – и начнешь тосковать*. (Н.)

ПОБРОДЯГА – бродяга. *Вежливый да хороший, ни пьяница никакой, ни побродяга, самостоятельный да хозяин, каких поискать*. (Н.)

ПОВЫМОКНУТЬ – сильно вымокнуть. *И повымокли сами, и перемерзли, и руки льдом попорезали, зато всех до одного позабирали*. (Н.)

ПОДЕЛЬЧИВЫЙ – добрый, готовый поделиться своим. *Да и они ж тоже, Черновы – и подельчивые, и нескандальные…* (Н.)

ПОКУЛЬ – пока. *Покуль еще, деточка, живая! Подождали, покуль Дуня за ею уберет; не иду дальше, покуль не проедут…* (Н.)

ПОРШНИ – обувь из невыделанной кожи (примечание автора). *Отменно шил чебуры и поршни.* (Б.)

ПРИСТУПКА, ПРИСТУПОЧКА – ступенька, ступенечка. *Перед входом в райком, на приступках, Сугонякин приостановился; Горячев сел на свое место, уставился в чистилку у приступок правленческого крыльца.* (Б.) *На деревянной приступке рядом с конвейером … неслышно сидела миловидная женщина…* (Н.) *Сама повозка плетеная, к ней медная приступочка, верх кожаный*. (Н.)

СЛЫХАТЬ – слышно. *За настоящими фронтовиками сперва и не слыхать его; Может, у Москве про это слыхать? Я бросился с дороги во двор, на свой взгорок: может, лучше будет слыхать?* (Н.)

СТАНИШНИК – житель станицы. *…из каждого дома по одному станишнику расстреляют; послухайте, что скажу вам, станишники…* (Н.)

СТАРУШНЯ – старики. *На Девятое всегда ходим, даже та старушня, что перед этим пластом лежала; нашу старушню всю – в отставку*. (Н.)

ТЕПЛОЧКО – тепло. ***А** у нас тихо да теплочко; где ж им еще и учиться, как не на Кубани, где теплочко да хорошо, как в ихней Африке? Чего по помойкам ошиваться, когда коло вашего ресторана и теплочка, и хлебный магазин рядом.* (Н.)

ТОЛКУШКА – рынок подержанных вещей. *Последние вещи на толкушку отнесла, на муку да картошку попроменяла; или в Армавир повез на толкушку, а там украли.*(Н.)

ТОТ РАЗ – тогда, в предшествующий раз. *Ты еще тот раз у меня про них допытывался*. (Н.)

ХАТА – комната в жилище, в хате. *...а то ишь попалась – огневка, аж в хате от нее посветлело; Ну и живут жишь, значит, по дворам – у кого в сараюшке, а у кого и у хате, да токо сладу с ими совсем не стало; постели у хате застилает.* (Н.) *Добрая четверть светелки, или попросту хаты, занимала русская печка с грубкой и камином.* (П.)

Пословицы из произведений Г.Л. Немченко

Волки и те вместе на луну повыть собираются
Длинная думка – лишняя печаль
Доброе слово и кошке приятно
Заяц – не трус, и тот на капусту охотится
Кошке – игрушки, а мышке – слезки
Кто ее обдурит – три дня не проживет
Кто ест лук, того Бог избавит от вечных мук
Кто сам себя стережет, того и Бог бережет
Куда иголка – туда и нитка
Ласковые теляты двух маток сосут
Лень раньше него родилась
Мели, Емеля, – твоя неделя!
На колу мочало – начинай сначала
Ни беды, ни пабедки с ног не сбили
Осталось всего ничего: не свеча, а огарочек
О-хо-хо, охохонюшки, нету дома нашего Афонюшки
Полынь без кореню не растет
Седина в бороду, а бес в ребро!
Стыд не дым, глаза не выест
Таких уродила мама, что не примет яма
Только ангелы с неба не просят хлеба
Хлеб да вода – казацкая еда
Ум за разум заходит
Цена – пятак в базарный день
Чего нам к людям за горем идти, если дома свои плачут
Шестнадцатая вода всё смоет

Примечания:

1. *Мастепанов С.Д.* Словарь говора казачьего населения станицы Отрадной Краснодарского края / Отв. ред. В.М. Пелих. Армавир – Отрадная, 2013.

2. *Борисова О.Г.* Кубанские говоры: Материалы к словарю. – Краснодар, 2005.

3. *Андрющенко В.И., Иванова Р.Я., Иванова Т.Г., Пелих В.М.* Фразеологический словарь говоров Кубани / отв. ред. докт. филол. наук, проф. Сосновский В.Т. Армавир, 2006.

4. Словарь говоров Кубани / В.М. Пелих, Р.Я. Иванова, Т.Г. Иванова, В.И. Андрющенко; отв. ред. канд. филол. наук, доцент Пелих В.М. Армавир, 2009.

А.И. Слуцкий

О некоторых возможностях источниковедческого использования экслибрисов и владельческих знаков

В изучении истории книжной культуры равно важны все следы человеческого общения с книгой – сохранившийся знак принадлежности книги, будь то гравированный художественный экслибрис или плохо пропечатанный неряшливый штемпель ведомственной библиотеки, торопливо поставленный на титульном листе автограф с указанием даты и места покупки издания, шуточное поэтическое посвящение на форзаце, отмечающее факт книжного дарения, небрежные заметки на полях (не важно кого – автора, владельца, читателя), всевозможные подчеркивания, напоминания самому себе, оценки и комментарии текста и так далее, так далее. Все эти свидетельства делают книгу уникальной, она приобретает особую историко-культурную значимость, прочитывается как памятник культуры, как ценный исторический источник. Небольшие по объёму, они таят в себе уникальные сведения о многих обстоятельствах личной и творческой судьбы автора и читателя, «раскрывают характер взаимоотношений автора с современниками, свидетельствуют о месте и обстоятельствах их встреч, уточняют дату выхода в свет той или иной книги, историю её издания» [1].

В истории культуры интерес к полям изданий, форзацам, шмуцтитулам, особенностям отдельных экземпляров книг, различных книжных конструкций присутствовал всегда и вписывался в самые различные исследовательские методологии (в первую очередь, в истории и филологии). В настоящих заметках нам хотелось остановиться только на одном сюжете: на источниковедческих возможностях использования экслибрисов, владельческих записей, инскриптов в изучении истории книжного дела Кубани.

* * *

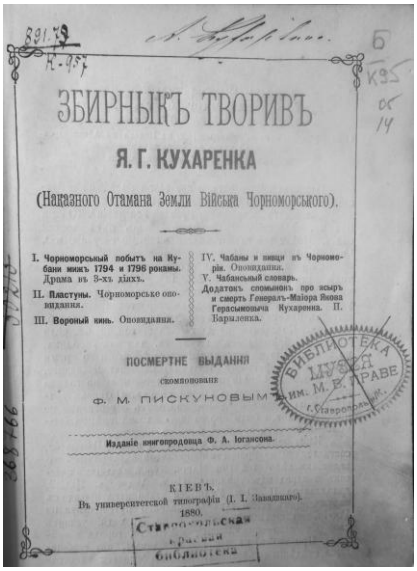
Ничто в истории не остается неизменным. Как всякое социальное явление экслибрис во времени менялся. По мнению знатока и исследователя русского книжного знака В.Я. Адарюкова, начало ему положили

владельческие и вкладные записи на книгах монастырских библиотек.

Развитие книгопечатания, техники гравирования, демократизация читателя, возникновение библиофильства – все это, так или иначе, формировало функции и облик книжного знака. Сначала рисованный (писаный) от руки, потом ксилографический, сейчас он достаточно широко использует в тиражировании фотомеханические печатные формы.

Экслибрисы В.А. Пташинского для С. Шастуна и В.Д. Королюка

Сначала геральдический (гербовый), ведь библиотека в феодальном обществе была, как правило, дворянской, в середине девятнадцатого века он стал лаконичным ярлыком-печаткой, а в конце девятнадцатого – начале двадцатого небольшой жанровой гравюрой. Из знака принадлежности книги, экслибрис превратился в вид малой графики. К жанру экслибриса обращались такие великолепные русские художники, как А. Бенуа, К. Сомов, А. Кравченко, В.А. Фаворский и т.д. Книжный знак покинул форзац книги (традиционное для себя место) и переместился в альбомы коллекционеров, в экспозиции художественных музеев.


ЗБИРНЫКЪ ТВОРИВЪ
Я. Г. КУХАРЕНКА
(Наказного Отамана Земли Війська Чорноморського).

I. Чорноморсьнй побытъ на Кубани якъ 1794 и 1796 роками. Дрюка въ 3-хъ книхъ.
II. Пластуны. Чорноморське оповидання.
III. Вороный конь. Оповидання.
IV. Чабаны и пицци въ Чорноморьи. Оповидання.
V. Чабанський словарь.
Додатокъ споминовъ про жыръ и смерть Генералъ-Маіора Якова Герасимовича Кухаренка. П. Барыленка.

ПОСМЕРТНЕ ВЫДАННЯ
скомпоновано
Ф. М. ПИСКУНОВЫМ

Изданіе книгопродавца Ф. А. Іогансона.

КІЕВЪ.
Въ университетской типографіи (І. І. Завадзкаго).
1880.

БИБЛІОТЕКА ЛУГАНСК. ГРАВЕ им. М. Е. г. Ставрополь

Автограф Александра Кухаренко на сборнике трудов своего отца Якова Герасимовича Кухаренко

Экслибрис Е.Н. Голяховского для В.А. Пташинского

Вслед за изменением функций книжных знаков менялся и характер публикаций о них. Первоначально публикации носили

преимущественно историко-литературный или историко-научный характер, предполагали уточнение тех или иных биографических обстоятельств, круга знакомств конкретных литераторов, ученых, их читательские привязанности, характер их творческих взаимовлияний.

Владельческая запись на книге из библиотеки Межигорского монастыря

Владельческий знак личной библиотеки И.Д. Попко

Потом настало время искусствоведческих исследований. Историк художественного оформления русской книги А.А. Сидоров писал, что если до революции собиратели экслибриса интересовались владельцами библиотек, то в 20-е годы, собирать и изучать стали художников, создателей книжных знаков [2]. Скорее всего, интерес к коллекционированию экслибрисов потребовал создания справочников (У. Иваск, В. Верещагин, В. Адарюков). Первые справочники преимущественно строились по алфавиту владельцев, со временем все больше стало появляться альбомов, рассказывающих об «экслибрисном» наследии художников. Рассматривая экслибрис как произведение графического искусства, как коллекционный, музейный материал, исследователи неизбежно ограничивали понятие экслибриса «гравированным художественным ярлыком», отделяли его от книги, лишали традиционной функции – быть знаком принадлежности книги отдельному лицу или какой-либо организации. При таком подходе библиотечная печать чаще всего вообще выпадала из поля зрения исследователей.

Штамп книжного склада Кубанского казачьего войска

В 70-е годы уже XX столетия библиотековеды занялись подготовкой и публикацией каталогов коллекций книг с различными экслибрисами, владельческими пометами из собраний отдельных библиотек. М.Д. Афанасьев в своем докладе «Генеалогия библиотечных фондов» указывал на необходимость учета «технологического библиотечного материала» (шифров, штемпелей, печатей, особых библиотечных помет, данных об индивидуальных особенностях экземпляров – владельческих и дарственных записях, маргиналиях, экслибрисах, тиснениях на переплетах и корешках). Такой учет позволяет не только уточнить ранее имевшиеся сведения о происхождении фондов, но и успешно реконструировать распыленные библиотеки и собрания [3]. В отделах (центрах, секторах) редких книг национальных, краевых, областных библиотек начали создаваться картотеки изданий, на которых сохранились экслибрисы, владельческие записи, всевозможные инскрипты.

В эти же (70-е годы) годы О. Ласунский заговорил о необходимости рассматривать экслибрисоведенье аналогично с такими вспомогательными историческими дисциплинами, как дипломатика, сфрагистика, геральдика, нумизматика, то есть он проакцентировал внимание на экслибрисе

как на историческом источнике в историко-книжных и историко-библиотечных исследованиях [4].

Одной из самых сложных проблем изучения всевозможных инскриптов, с нашей точки зрения, остается их типология. При, казалось бы, содержательной и стилистической «похожести» их друг на друга, в записях просматривается такое количество различных мотивировок дарения, деталей-обстоятельств, при которых эти дарения происходили, нюансов взаимоотношения дарителей и получателей, такое количество различных грамматических конструкций дарения, что всякая попытка закрепить за ними какие-то единые типологические признаки, скорее ограничит и возможности их анализа.

* * *

Всякие источниковедческие заметки необходимо предполагают хотя бы обзорное знакомство с историей предмета. Исследования свидетельствуют, что в своей «книжной» истории Кубань – край не очень «экслибрисный». «Библиофильских» библиотек до революции на Кубани было сравнительно мало. Типографии занимались преимущественно печатанием ведомственных изданий, оформлялись книги функционально, книжная графика практически отсутствовала. Все это естественно не стимулировало интереса к экслибрису, к его коллекционированию и изучению.

Впрочем, если пристально присмотреться к истории кубанского экслибриса, то можно увидеть, что с некоторым запаздыванием она повторила основные вехи общерусской экслибрисной истории. Как и в истории русского экслибриса, все начиналось с монастырских библиотек. Особенности гражданской истории, миграция книжных коллекций уже в момент заселения (в конце XVIII – начале XIX веков) создали условия для появления в землях черноморских казаков богатой коллекции старопечатных книг с интересными вкладными и владельческими записями. В Черноморию из Украины привезли прекрасное книжное собрание: библиотеку Киево-Межигорского монастыря. Время не пощадило библиотеку: многие книги погибли, некоторые (надеюсь) еще найдутся, но отдельные экземпляры и сегодня хранятся в государственных собраниях [5]. На сохранившихся книгах остались вкладные и владельческие надписи XVII – XVIII веков – «Сия книга монастыря Межигорского», «Книга библиотеки Киево-Межигорского монастыря». На Евангелии, напечатанном во Львове в 1644 году Михаилом Слезкой, сохранилась вкладная запись дарения в Киево-Межигорский монастырь: «Слава Господу в Троице Единому Святому <...> сию книгу рекомую Евангелие <...> купил <...> Евстафий Гоголь, полковник его Королевской милостью Войска Запорожского Подольский, и з жоною Ириною с сынами своими Прокопом и Иллею и цуркою Настасьею и в свое отпущение грехов придал ее до храму на вечные часы <…>, року 1661 Апреля дня третьего».

В домах черноморского офицерства и духовенства уже в первые десятилетия заселения края начали появляться личные библиотеки, книги в которых были отмечены традиционными владельческими или дарственными записями (К.В. Россинского, Г.Р. Кухаренко, семьи Бурсаков, М.И. Коссовича).

Значительно позже (чем в центральной России) на Кубани появились клееный наборной ярлык и суперэкслибрис. Это произошло в 50-е – 60-е годы XIX века. Суперэкслибрисами были отмечены переплеты книг всех полковых библиотек Кубанского казачьего войска. Книги окружных библиотек кроме суперэкслибриса отмечались лаконичными типографскими наборными ярлыками. На них читаем: «Окружное дежурство Таманского военного округа», «Окружное дежурство Черноморского казачьего войска» [6]. Типографскими наборными ярлыками отмечали книги своих личных библиотек Николай Степанович Завадовский и Иван Диомидович Попко.

В начале двадцатого века на Кубани экслибрисного бума (как, например, в столицах), не произошло. Библиотек, безусловно, стало намного больше. Появились публичные, общественные, личные, частные, ведомственные (прежде всего, военных и образовательных учреждений) библиотеки. Они стали обязательным элементом культурного ландшафта края. Среди владельцев личных библиотек мы видим историков, учителей, архитекторов, журналистов, чиновников кубанской администрации. Главной разновидностью книжного знака, которой пользовались кубанцы, были штемпеля. Они стояли на книгах городской

библиотеки им. А.С. Пушкина, на книгах из библиотек археографа и историка Е.Д. Фелицына, метеоролога Л. Апостолова, статистика С.А. Сысоева, купца и депутата Городской Думы А.Г. Ерохина, библиографа Б.М. Городецкого. Реже на книгах встречались наборные клееные ярлыки с акцидентной рамкой (библиотеки Майкопского учительского института, библиотеки Кубанского областного статистического комитета, библиотеки Кубанского областного этнографического музея, библиотеки екатеринодарского книготорговца П.П. Галаджианца). В начале XX века появляются ярлыки переплетных мастерских и книжных магазинов (Переплетная «Труд» А. Пискунова в Екатеринодаре, типография и переплетная И.Ф. Бойко в Екатеринодаре, книжный магазин Ф. Мареева и т.д.).

Сюжетному гравированному экслибрису у нас в крае положил начало известный книжный график, выпускник Краснодарского художественного техникума, Евгений Голяховский, выполнивший в 1929 году книжные знаки для себя и своей дочери. Расцвет кубанского художественного экслибриса приходится на конец 60-х – начало 70-х годов и связан с деятельностью Владимира Александровича Пташинского (художника, коллекционера, организатора выставок). Если на первой выставке экслибрисов в Краснодаре (1964 г.) экспонировались работы только трех кубанских художников (А. Глуховцева, И. Коновалова, В. Пташинского), то на краснодарской выставке 1979 года были представлены уже книжные знаки более тридцати художников, которые (одни систематически, другие от случая к случаю) работали в этом жанре малой графики. Краснодар, Майкоп, Новороссийск, Сочи, Славянск-на-Кубани, станица Староминская – это далеко не полная география кубанского экслибриса. Появились коллекционеры. Со временем сформировалась достаточно большая коллекция книжных знаков в фондах Краснодарского художественного музея им. Ф.А. Коваленко.

Хотя кубанские художники в 60-80-х годах XX века активно работали в жанре книжного знака, краеведческая тематика в нем была представлена скупо. Чаще всего использовались два исторических сюжета: заселение Кубани черноморским казачеством и пребывание в нашем крае М.Ю. Лермонтова. На экслибрисе И.Я. Коновалова для А. Микоры изображен запорожский казак. Художник В.А. Пташинский для местного краеведа А. Коломойца нарезал экслибрис с памятником запорожским казакам, высадившимся в Тамани, историку В. Королюку – с изображением сторожевой вышки казачьего пикета, С. Шастуну – очень лиричный по настроению этнографический экслибрис с деталями быта давнишних кубанских станиц. Очень богаты этнографическими деталями и виртуозны по исполнению (в технике офорта и гратографии) книжные знаки адыгейского художника Феликса Петуваша.

Лермонтовская тема в кубанском экслибрисе чаще всего посвящена изображению таманского домика казака Федора Мысника на берегу моря, в котором на три дня в 1837 году останавливался поэт. Этот сюжет лег в основу экслибриса М. Панькова (Сочи) для кубанского писателя Н.Ф. Веленгурина, В. Москальченко (Краснодар) для сочинского краеведа Н. Крутиховского. К таманско-лермонтовской тематике в экслибрисах обращались не только кубанские художники. Например, экслибрисы на кубанские сюжеты делали киевляне: К. Козловский для Н.А. Крутиховского и А. Мистецкий для А.И. Слуцкого. Впрочем, история кубанского художественного экслибриса – это тема самостоятельного исследования. Так же, как и рассказ о русских дореволюционных художественных экслибрисах (встречающихся сравнительно редко) в фондах крупных кубанских библиотек.

* * *

Коллекции всех крупнейших кубанских библиотек хранят большое количество книг со всевозможными дореволюционными пометами и экслибрисами, которые представляют несомненный интерес для исследования местной истории, науки, литературы, общественной жизни. Их сохранилось очень много. Сам факт наличия всевозможных владельческих (даже в варианте просто печати) и вкладных записей на книгах уже свидетельствуют о книжной культуре региона, о существовании книжных коллекций и библиотек, о характере бытования книги. Нам представляется, что анализ совокупности этих записей может позволить исследователю представить себе особенности того, что ученые называют «культурным гнездом». Но

одним из предварительных условий такого анализа должна стать систематизация сохранившихся записей.

Следует констатировать факт, что внимание исследователей чаще всего привлекают имена, которые уже знакомы (из истории, литературы, краеведения). Если нам известна биография человека, его заслуги перед краем (областью, республикой), то сохранившийся инскрипт поддается интерпретации и комментированию значительно проще. Но в целом анализ показывает, что в корпусе сохранившихся на книгах свидетельств, исследователь значительно чаще сталкивается с фиксацией имен, казалось бы, случайных, не отмеченных в истории, лишенных «публичной» биографии. С моей точки зрения, именно это огромное количество, не отмеченных историей, безымянных энтузиастов, библиографов, краеведов, журналистов, педагогов – собственно людей всех возможных профессий, – которые создают (и воссоздают) своим повседневным трудом культурную жизнь региона, разыскивают и оживляют историю своего родного края, является ядром этого самого «культурного гнезда». Эти люди, как правило, были владельцами библиотек, оставляли на экземплярах своих книг пометки или ставили неказистые отпечатанные чернилами штемпеля. Их библиотеки не собраны едиными коллекциями, в этом, наверно, нет необходимости и это невозможно, книги с этими штемпелями стоят на разных полках хранилищ Краснодарской краевой библиотеки им. А.С. Пушкина, музея им. Е.Д. Фелицина, справочно-информационного фонда краевого архива.

Понятно, что нет смысла преувеличивать значение отдельного описанного факта, выявленного автографа. Но, как пишет, В. С. Люблинский в статье «Владельческие признаки на книгах и их историческое значение»: «… не следует смущаться тем, что владельческая надпись на книге остается изолированным и сугубо «случайным» (в смысле нашей осведомленности) фактом» [7]. При фрагментарности наших знаний об истории культуры каждое такое описанное и опубликованное свидетельство делает более глубоким и системным наше понимание истории, позволяет в «в бесконечности изолированного, единичного, случайного» видеть закономерное. Как раз для этого необходимы выявление вкладных и владельческих записей, их первоначальный учет, систематизация, подготовка каталогов, картотек, банков данных, создание именных указателей владельцев и дарителей.

Принципиально важно при создании таких баз данных, при издании каталогов учитывать, что административные границы отдельных территорий Северного Кавказа сравнительно часто менялись, научная интеллигенция, занимающаяся изучением региона, активно сотрудничала между собой, многие члены статистических комитетов участвовали в работе соседей – все это приводило к созданию единого северокавказского «книжного пространства». Книги с дореволюционными кубанскими экслибрисами активно путешествовали по всему Северному Кавказу, и, естественно, сохранялись в местных хранилищах. В архивах и библиотеках Ставрополя и Владикавказа часто встречаются книги из библиотек Кубанского областного статистического комитета, Кубанского этнографического музея, Общества любителей изучения Кубанской области. Автографы И.Д. Попко в большом количестве сохраняются в Ставрополе. Дарственные надписи П.П. Короленко встречаются в Харькове, Ф.А. Щербины – во Владикавказе, Ставрополе, Воронеже. На ставропольских изданиях стоят автографы И.В. Бентковского, И.Д. Попко, Л.Я. Апостолова, И. П. Кувшинского, Г.К. Праве, Г.Н. Прозрителев. На кубанских – П.П. Короленко, А.И. Кияшко, Л.М. Мельникова, Е.Д. Фелицына, Ф.А. Щербины, В.В. Скидана, Н.Н. Канивецкого. За этими «множественными» дарениями друг другу стоит северокавказское «сообщество» близких по интересам людей, функционально связанных со становлением северокавказской историографии, культуры и краеведения. Поэтому хотелось бы помечтать о том, чтобы когда-нибудь был создан сводный каталог, по возможности учитывающий, сохранившиеся северокавказские владельческие пометы на книгах.

Пометы, как уже говорилось, встречаются самого разного характера. Содержательно они могут быть развернутыми («Матвею Михайловичу Господину Попову въ знакъ памяти, усердія и благодарности. 1825 года Мая 29 дня. Протоиерей Кирилл Россинский», «Дорогому учителю Ивану Поликарповичу Кувшинскому. [Ф. Щебина]») или лаконичными («Из книг

Н.Н. Канивецкого», «Фундаментальная биб-ка 2-ой Екатеринодарской мужской гимназии», «А. Кухаренко», «И. Попко»). Во втором случае записи фиксируют принадлежность книги, в первом являются фактом межличностной «книжной» (если можно так выразиться) коммуникации. Сравнительно часто мы имеем дело с единичной (не повторяющейся) записью. Но бывает, что одними и теми же признаками отмечена группа книг (например, в Ставропольской краевой научной библиотеке им. М.Ю. Лермонтова встречаются около 50 книг и журналов, на которых сохранились свидетельства об их принадлежности к личной библиотеке Ивана Диомидовича Попко) [8]. Бывают в истории региона обстоятельства, отмеченные большим количеством дарственных надписей, например, организация в Екатеринодаре городской библиотеки им. А.С. Пушкина. Охотно и регулярно дарили книги библиотекам учебных заведений. Но чаще всего, естественно, встречаются приятельские или официальные персональные подношения друг другу.

Практически во всех исследуемых библиотеках встречаются книги «наградные» (И.Д. Попко называет их «жалованными») На книге П.Н. Милюкова «Из истории русской интеллигенции: сборник статей и этюдов» (Изд. 2-е. Санкт-Петербург: [б. и.], 1903) читаем: «За отличные успехи в науках и похвальное поведение награждается этой книгой, на основании 128§ уст. женск. учеб. завед. Ведомства Императрицы Марии, воспитанница <…> Кубанского Мариинского женского института Феотиния Кофанова, при переводе во 2-й класс. Октября 30-го дня 1903 года. Председатель Совета генерал-лейтенант (подпись). Члены Совета {Начальница института (подпись)… Инспектор классов (подпись)…»

* * *

Существующие сегодня публикации по истории книжного и библиотечного дела преимущественно основываются на мемуарных, эпистолярных, делопроизводственных источниках, описях имущества. Практически неиспользованными остаются знаки, сохранившиеся на самих книгах. Это вполне объяснимо. Проблема источниковедческого использования инскриптов, экслибрисов, дарственных надписей осложняется, в первую очередь тем, что, книги с интересующими нас пометами бывают рассредоточены не только в разных библиотеках одного региона, но и библиотеках разных регионов. Где-то можно это объяснить случайностью, где-то обстоятельствами биографии владельца библиотеки (автора книг и публикаций), где-то путями миграции библиотечных фондов и целых коллекций. Каталогов, о которых уже писалось, и которые могут стать «ниточкой» для комплексного исследования, непростительно мало. Кроме того, следует учитывать, что подготовка сводных каталогов работа трудоемкая, требует коллективных усилий, межведомственной координации.

Безусловный интерес, в этом контексте, представляет ряд каталогов, вышедших из печати на Северном Кавказе. Прежде всего, я бы назвал, изданный в 2011 году Донской государственной публичной библиотекой, восьмой выпуск сборника «Книжное дело на Северном Кавказе: экслибрисы и штемпели в фондах публичных и ведомственных библиотек» [9]. Главное место в нем занимают материалы к каталогу «Книжные знаки Дона и Северного Кавказа (до 1917 года) в фондах Донской государственной публичной библиотеки», составленные Н.К. Аистовой и Н.В. Первуниной. В том же 2011 году интересный альбом выпустила Национальная библиотека Республики Северная Осетия-Алания [10]. В 2015 г. Национальная библиотека Республики Адыгея к своему 120-летию издала малотиражный иллюстрированный каталог-буклет «Книжные знаки частных библиотек, книжных магазинов и переплетных мастерских в фонде сектора редких изданий Национальной библиотеки республики Адыгея» [11]. К сожалению, каталоги подготовлены по разным методикам и с разной степенью полноты. Это создает сложности их комплексного использования, но, будем надеяться, что все это только подступы к серьезной работе.

* * *

Особый исследовательский интерес представляют экземпляры с двойными надписями, не только авторскими, но и более поздних владельцев. Двойные надписи дают возможность более подробно проследить судьбу книги, указывают на обстоятельства дарения, на взаимоотношения автора и человека, которому книга дарилась.

Кубанский литератор Г.В. Доброскок свою историческую драму «Сичовий орел» подарил секретарю Екатеринодарской городской думы П.В. Миронову с надписью «На добру памьять од автора деспоту жівущему по домострою. Г. Доброскок. 12.Х.». П. Миронов тут же рядом со словом «од автора…» приписал «брехуна». Возник своеобразный дружеско-ироничный диалог, характеризующий взаимоотношения Г. Доброскока и П. Миронова [12].

На экземпляре каталога «Екатеринодарская художественная картинная галерея им. Ф.А. Коваленко с литературным и археологическим отделами» (СПб., 1906) осталось две записи. Первая – «Его Императорского Величества Наместнику Кавказа его Сиятельству Графу Воронцову-Дашкову от учредителя Екатеринодарской городской художественной галереи Федора Акимовича Коваленко. 19 июня 1909 года», вторая, объясняющая, почему книга осталась в библиотеке музея, – «Этот каталог предназначен быть врученным графу Воронцову при посещении им, но посещение не состоялось. Коваленко» [13].

* * *

Особый интерес для изучения книжной культуры региона могут представлять (представляют) различные авторские и читательские (цензурные) пометы, рукописные тексты, сохранившиеся на форзацах изданий, на книжных полях, реже на вклеенных в книгу страницах. Обстоятельства их возникновения могут быть самые разные, их сложно классифицировать, еще сложнее планировать их находки. В экземпляре «Карманного военного календаря на 1900 год», принадлежащего офицеру 83-го пехотного Самурского полка И.И. Рекалову, среди карандашных записей мы видим список названий песен, которые он отправлял А.Ф. Бигдаю в Екатеринодар [14]. Можно предполагать какие угодно обстоятельства возникновения этого списка, скорее всего (позволим себе высказать предположение) это черновик «для памяти». Всякий раз, находя такие записи, мы сталкиваемся с «вероятностной» природой этих находок, зачастую с «вероятностной» природой самих записей, с невозможностью их интерпретации без привлечения дополнительных источников.

Иногда наличие инскриптов было связано с цензурными или идеологическими соображениями. В советское время тексты будущих изданий прочитывались не только цензурным ведомством (ЛИТО), но и партийными органами (обкомом, крайкомом). От текстов требовался не только профессионализм, но и обязательный идеологический контекст. В 1950 году кубанский искусствовед М.П. Богоявленский подготовил каталог выставки известного северокавказского графика Александра Ерофеевича Глуховцева, которая открывалась в Краснодарском художественном музее. После разрешения ЛИТО каталог начали печатать в типографии. Отвезли первый отпечатанный экземпляр в крайком. Там потребовали сделать правку. Тираж приостановили, и текст первой страницы был срочно заменен. В личном архиве А.Е. Глуховцева сохранилось два экземпляра каталога – один с первоначальным текстом М.П. Богоявленского и второй – тиражный экземпляр, с внесенной в него правкой крайкома. В тексте Богоявленского можно было прочесть: «<…> творчество А.Е. Глуховцева еще примечательно и тем, что оно является примером и доказательством того, как настойчивость, упорная работа над собой и ясно поставленные задачи способны преодолеть самые трудные препятствия на пути к достижению цели». После крайкомовской правки текст выглядел совсем по-другому: «Формирование личного характера и художественных взглядов А.Е. Глуховцева складывались в условиях советского строя. Благодаря неустанным заботам большевистской партии и Советского правительства о развитии искусства в нашей стране, о воспитании талантливых и идейно направленных художников, были созданы все предпосылки к тому, чтобы личная одаренность и энергия А.Е. Глуховцева сделали из него полноценного художника, решительно ставшего на путь социалистического реализма» [15]. Понятно, что авторская корректура, цензурные «пожелания», в настоящем случае, характеризовали судьбу текста, но не книжного издания.

Есть маргиналии, отражающие личностные качества библиофилов, конкретные обстоятельства его биографии, психологию собирательства, Сравнительно недавно была опубликована статья о личной библиотеке Николая Александровича Крутиховского и о маргинальных пометах на

книгах этой библиотеки [16]. Его библиотека насчитывала около шести тысяч книг. Будучи выпускником Ленинградской лесотехнической академии, он, естественно, собирал книги по специальности: ботанике, лесоводству, охране природы. Но, пожалуй, главной достопримечательностью библиотеки были биографии. Больше двух тысяч биографических книг, описание двух тысяч человеческих жизней. Общеизвестно, что лицо и судьба любой библиотеки – это лицо и судьба человека её собравшего. Мысль, которая повторяется из статьи в статью, но здесь случай «особый». Среди собранных биографий около двухсот – с дарственными надписями авторов, непосредственно адресованными Николаю Александровичу. Были среди биографий, конечно, и любимые. Они собирались наиболее полно, наиболее тщательно. Это книги о людях, с которыми Николаю Александровичу волею судьбы пришлось встречаться. Среди книг – посвященные деятельности ученого-генетика Николая Ивановича Вавилова, почти всё изданное о разведчике Николае Кузнецове, издания Бажова, Федина, Леонова. Так складывалась жизнь. В Талицком лесном техникуме он учился с Николаем Кузнецовым, свою журналистскую деятельность начинал в уральской газете, когда там заведовал отделом Павел Бажов, в экспедициях по Северному Кавказу встречался с Николаем Ивановичем Вавиловым, с Леонидом Леоновым общался как лесовод, был знаком с М. Шолоховым, с личным секретарём Л.Н. Толстого Н.Н. Гусевым. Можно продолжить список. Общеизвестно, книги остаются жить после смерти библиофилов, их обладателей. «Книга, – как сказал кто-то из великих, – если о ней и с ней разговаривать, запечатлеет у людей (и времени) имя владельца». В целом (по «библиофильским меркам») в библиотеке Крутиховского не было особых раритетов, преобладали книги, изданные большими тиражами. Но… Во-первых, автограф автора делал экземпляр единственным, редчайшим, неповторимым. Книга была посвящена человеку, которого Крутиховский знал лично и подарена автором непосредственно Николаю Александровичу. Во-вторых, на полях книг Николай Александрович делал много карандашных пометок автобиографического характера. Например, даты: когда и где прочитана та или иная книга. Рассказ о том, как о книге (той самой, на полях которой сделаны пометы) Крутиховским была проведена телепередача. В книгу К. Федина «Горький среди нас» (книга у Николая Александровича с дарственной надписью писателя) вклеена страничка с рассказом о том, как Николай Александрович, вернувшись в Хасав-Юрт из очередной экспедиции, узнал 20 июня 1936 года о смерти Максима Горького. Различных записей много. Томики рассказывали не только о своих героях, но и о человеке, который их собрал. Представляется, что чтение биографических книг и вот такие пометы (уточнения дат или отдельных личных обстоятельств) делали воспоминания не ретроспективными (а значит и грустными), но живыми и непосредственными, давали книголюбу ощущение причастности к великой жизни, позволяли ему чувствовать себя сотворцом (одновременно с автором книги) мифа или легенды о Великом. Третье. Очень важно, (если книга попадет к очередному владельцу, а так происходит практически всегда), чтобы ему – очередному владельцу – было понятно: кому эта книга принадлежала первоначально, кто на ней делал пометы. Необходимо еще раз уточнить авторство помет на полях. И тогда книголюб клеит на форзац свой экслибрис. В данном случае не важна традиционная функция экслибриса – владельческого знака. Значительно важнее было для Н.А. Крутиховского другое: рассказ о том, каким образом связаны биографии героя книги, её автора и её владельца. Чем больше в библиотеке таких книг – тем вернее, глубже, полнее в ней представлена биография и образ собирателя, владельца книги. Биография коллекционера сохранилась в маргиналиях на полях книги, сохранилась в комментариях к чужим книгам и к чужим биографиям. Но кроме биографии все эти признаки рассказывают еще о психологии собирательства. Я не знаю, осознанно или бессознательно все это делалось Николаем Александровичем. По большому счету я не знаю, насколько верна моя догадка. Но вот возможность подобных допущений – неизбежные издержки использования такого вида источника как инскрипты и дарственные надписи.

В отделе редких книг Краснодарской краевой библиотеки им. А.С. Пушкина хранится сборник статей популярного

грузинского журналиста конца XIX – начала XX века Г.М. Туманова «Характеристики и воспоминания» (Тифлис, 1900). Экземпляр книги интересен, прежде всего, тем, что на нём сохранилось много владельческих помет. Сам Г.М. Туманов подарил сборник (естественно, с автографом) П.С. Воробьёвой, инициатору библиотечного строительства в Адыгее. После П.С. Воробьевой книга оказалась у известного книговеда и библиографа, кубанского краеведа Б.М. Городецкого, который тоже оставил на титульном листе владельческий знак. В последние годы своей жизни Б.М. Городецкий активно сотрудничал с Дагестанским республиканским историко-краеведческим музеем, куда и попала после смерти библиографа часть его библиотеки, а вместе с ней и книга Г.М. Туманова. Накануне Великой Отечественной войны в комплексной экспедиции Дагнаркомзема работал Н. А. Крутиховский. Он активно сотрудничал с музеем, и однажды музейные работники подарили ему книгу. На обратную сторону обложки он наклеил свой экслибрис. В 1980 году Крутиховский подарил книгу А.И. Слуцкому, в 2000 году Слуцкий подарил сборник библиотеке А.С. Пушкина, отмечающей свой 100-летний юбилей. И вот сегодня на томике сохраняется дарственная надпись автора, штемпель – книжный знак Б.М. Городецкого, дарственная надпись сотрудников музея, гравированный клееный экслибрис Н.А. Крутиховского и так далее. Владельческие и дарственные надписи полностью рассказали биографию отдельного экземпляра книги. Но еще на полях книги много пометок самого Н.А. Крутиховского. Его размышления о персонажах очерков Г. Туманова, о встречах с Н.И. Вавиловым и М. Горьким, о различных обстоятельствах «журналистской» деятельности.

* * *

В отличие от рукописей сама природа дарственных надписей делает невозможным сохранение их в личном архиве писателя или ученого. Они оседают в архивах адресатов, хранятся у наследников, со временем попадая к коллекционерам, в библиотеки, музеи, архивохранилища. Рассредоточенность дарственных надписей (по разным коллекциям) делает актуальным вопрос о подготовке и публикации каталогов книг с автографами, владельческими записями и экслибрисами [17]. При этом нужно заметить, что в общероссийских экслибрисных справочниках и каталогах кубанский дореволюционный книжный знак (особенно печать) практически не отражен.

Мы преимущественно приводили примеры записей, характеризующие состояние общественных и личных библиотек. Не меньший интерес представляют печати книжных магазинов, позволяющие реконструировать инфраструктуру книжной торговли, ассортимент, характер и географию покупательского спроса кубанцев. Примеров можно приводить бесконечное количество. Читающие майкопчане в большинстве своем приобретали книги в магазинах Ф.Т. Мареева (в Екатеринодаре и Майкопе), в магазинах Ростова-на-Дону, Новочеркасска, Екатеринославской губернии, Луганска. Сложнее и шире представляется для жителей Майкопа география приобретения нотных изданий – г. Екатеринодар (магазин братьев Сарантиди), Майкоп (магазин Н.И. Калмыкова), Армавир (магазин К.Е. Хиотиди, магазин братьев А. и Г. Аваковых), в «нотно-музыкальных магазинах», в «магазинах музыкальных инструментов и нот» в Тифлисе, в Одессе, в Ростове-на-Дону, Ставрополе-губернском, Екатеринославе и т.д. Еще менее изучена история переплетного дела. Материалами к ней могут послужить сохранившиеся печати и ярлыки переплетных мастерских. Их география значительно скромнее – много томов сохранилось со знаками переплетных мастерских Петербурга (книги, очевидно, покупались уже переплетенными). Активно (судя по количеству печатей на книгах) работала переплетная И.Ф. Бойко в Екатеринодаре, переплетные мастерские А. Чугунова и Д. Усачева в станице Лабинской, мастерские А. Пискунова и Е.Н. Заритовского в Майкопе.

* * *

Можно продолжить цитирование инскриптов, можно попытаться (!!!) их проинтерпретировать. Важно еще раз подчеркнуть, что сохранившиеся маргиналии, инскрипты, всевозможные пометы на книгах заслуживают (требуют) их комплексного изучения, могут стать одним из немногих репрезентативных источников реконструкции истории первых (впрочем, и не только первых) кубанских библиотек, рассказать о формировании регионального книжного

фонда, о путях миграции книжных собраний, раскрыть характер читательских интересов, понять один из путей формирования в регионе гражданского сообщества.

Впрочем, эти заметки хотелось бы закончить репликой. Дарственная надпись на книге, приклеенный экслибрис, безусловно, являются свидетельством осуществленного факта дарения, контакта автора и читателя. Но следует ли этому свидетельству доверять? Любой книжник знает десятки случаев дарения книги через «третьи руки», по просьбе «общего» знакомого и т.д. Любой книжник может указать на полках своей библиотеки книги непрочитанные и (скрепя сердце признаться) даже ненужные. Все эти «прикнижные» свидетельства предполагают не только появление новой информации, но еще в большей степени формулируют множество новых вопросов. Насколько подлинно то или иное свидетельство (книжная история достаточно часто сталкивается и со случаями мистификаций), зачем и в какой ситуации автор помет их делал, располагаем ли мы средствами (знаниями и методами), чтобы дать ответы на эти вопросы, создадут ли ответы на эти вопросы почву для более широких научных выводов [18]? Какие группы источников, какая информация необходима для качественной интерпретации текста?

Примечания:

1. Автографы поэтов серебряного века. М., 1995. С. 4.

2. *Сидоров А.А.* Друг книги – советский библиофил. М.: Книга, 1981. 207 с.

3. «Библиотека – это живой организм. И ничто в нем не исчезает бесследно»: [Излож. докл. М.Д. Афанасьева «Генеалогия библиотечных фондов» и дискус. по докл.] // Библиотековедение. 1999. № 3. С. 98–107.

4. *Ласунский О.* Книжный знак: некоторые проблемы изучения и использования. Воронеж: Изд. Воронежского университета, 1967. 165 с.

5. *Короленко П.П.* Древние сведения о Межигорском монастыре // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1897. – Т. 4. 30 с. [отд. паг.]; *Слуцкий А.И.* Судьба библиотеки Киево-Межигорского монастыря на Кубани // Книга в России. М., 2006. Сб. 1. С. 289–300.

6. *Самовтор С.В.* Заметки о первых кубанских книжных знаках (по фондам Государственного архива Краснодарского края) // Книжное дело на Северном Кавказе: экслибрисы и штемпели в фондах публичных и ведомственных библиотек / КГУКИ; ДГПБ; ред.-сост. А.И. Слуцкий. Краснодар, 2011. Вып. 8. С. 105–109.

7. *Люблинский В.С.* Владельческие признаки на книгах и их историческое значение // *В.С. Люблинский*. Книга в истории человеческого общества. М., 1972. С. 257.

8. Этой информацией поделилась Антонина Викторовна Ашихмина. Выявленные книги отмечены разными отметками, позволяющими определить имя владельца (надписи «Из книг Ивана Попки», «Ивана Попки», «Студента М.Д. Академии Ивана Попки», типографским наборным ярлыком с акцидентной рамкой «*Из библіотеки* Ивана Попки», печаткой-штемпелем «Иван Попко»), различными дружескими и официальными дарениями (при отсутствии записи владельческой): «Его Превосходительству Предводителю дворянства Северного Кавказа Генерал – Лейтенанту Ивану Діомидовичу Попко».

9. Книжное дело на Северном Кавказе: экслибрисы и штемпели в фондах публичных и ведомственных библиотек / КГУКИ; ДГПБ; ред.-сост. А.И. Слуцкий. Краснодар, 2011. Вып. 8. 130 с.

10. Собрание изданий XIX – начала XX века с личными владельческими знаками: каталог / ННБ РСО–Алания, Отдел редкой книги им. В.Г. Шредерс [сост. О.О. Бигаева, ред. Л.Б. Абаева; отв. за вып. Е.К. Мадзаева]. Владикавказ, 2011. – 120 с.

11. Иллюстрированный каталог книжных знаков частных библиотек, книжных магазинов и переплетных мастерских в фонде сектора редких изданий Национальной библиотеки республики Адыгея / НБРА. Сектор редких книг / Сост. О.А. Мельникова; отв. за вып. Б.А. Кикова. Майкоп, 2015. 72 с.

12. Издание хранится в отделе редкой книги Краевой научной библиотеки им. А.С. Пушкина.

13. *Косопойко Е.А.* Переписка Ф.А. Коваленко с Товариществом художественной печати // Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность. Краснодар, 2005. Вып. 3. С. 350.

14. *Ашихмина А.* О пользе чтения между строк // Ставропольская правда. 1998. 5 февр.

15. *Головина М.Г.* Вклад В.П. Богоявленского в развитие кубанской изографии // Книжное дело на Северном Кавказе: История и современность. Сб. науч. ст. Вып. 3. Краснодар, 2005. С. 358–365; Александр Ерофеевич Глуховцев: кат. второй выст. / Сост. М.В. Богоявленский. Краснодар, 1950. С. 7.

16. *Слуцкий А.И.* Владельческие записи и пометы на книгах: маргинальная мифология в сознании библиофила // Миф и историко-психологические корни социогуманитарного знания: материалы III междунар. рабочего семинара по ист. психологии (Краснодар, 28 февр. 2004). Краснодар, 2004. С. 175–182.

17. *Рубцова А., Слуцкий А.* Автографы, автографы, автографы // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 1999. № 4 (15). С. 21–23.

18. *Проскурин О.* Пометы Пушкина на полях «Опытов в стихах» Батюшкова: датировка, функция, роль в литературной эволюции // Новое литературное обозрение. 2003. № 6 (64). С. 251.

Л.Ф. Подсвирова

Лев Толстой. Диалоги с русскими писателями (1852–1910 гг.)

Жизнь и творчество Льва Николаевича Толстого – целая эпоха в истории русской и мировой литературы, философии, публицистики. На протяжении более полувека его личность, как магнитом, притягивала к себе совершенно разных людей – литераторов, художников, учёных, философов, музыкантов, актёров, титулованных дворян, участников военных баталий, представителей высшего сословия, простых крестьян, видных общественных и политических деятелей. Многие из них были единомышленниками Толстого,

другие исповедовали различные религиозные верования, выражали несовпадающие взгляды, художественные и эстетические направления, но все относились к писателю-провидцу с искренним уважением.

Особенно значительное место в общении великого художника слова – в переписке, личном знакомстве и встречах, в дружеских беседах, полемике и постоянных литературных диалогах – занимают русские писатели, среди них И.С. Тургенев, А.А. Фет, Н.А. Некрасов, Н.С. Лесков, И.И. Панаев, В.П. Боткин, А.В. Дружинин, Ф.И. Тютчев, Ф.М. Достоевский, А.Н. Островский, А.П. Чехов, В.Г. Короленко, Л.Н. Андреев, И.А. Бунин… Список необъятен, как необъятно и духовное пространство Толстого. Влияние Льва Николаевича на русских писателей с середины XIX и до начала XX века, непосредственное и косвенное, огромно и не поддаётся рациональному измерению. Все отечественные писатели, в том числе и целая когорта крестьянских литераторов, жили и развивались под его воздействием, так или иначе, влияя на духовный мир и нравственные постулаты самого Толстого. Чаще всего в эмоциональной реакции происходило взаимное духовное обогащение, отражавшееся в различных формах, что стало ярким свидетельством истории, культуры и философии целой эпохи.

Прошедшая в 2014 году в Москве и Орле выставка «Лев Толстой. Диалоги с русскими писателями (1852–1910 гг.)» до сих пор продолжает оказывать влияние на работу многих культурных центров и музеев нашей страны и Зарубежья. Знакомясь с публикациями Толстого и авторитетными исследователями его творчества, литературная и научная общественность убеждается в том, что он не только гениальный писатель, но и гениальный философ, что не до конца осознавали некоторые его знаменитые современники. Значительный вклад в новое понимание идей великого художника, безусловно, внёс совместный проект двух ведущих литературных музеев Российской Федерации: Государственного музея Л.Н. Толстого – ГМТ (г. Москва) и Государственного музея И.С. Тургенева (г. Орёл).

С помощью уникальных материалов: писем, дневников, рукописей, редких изданий, фотографий и т.д., представленных из музейных фондов, организаторам удалось показать значение Л.Н.Толстого и его окружения в развитии художественных и нравственных традиций русской литературы, философии и публицистики XIX-XX веков. Были выявлены культурологические ценности творчества Л.Н. Толстого, изобразившего суть национального характера: любовь к Родине, незыблемость православной веры русского человека, россиянина, его «всемирную отзывчивость», признанную во всём мире и в мировой литературе.

Русская эра мировой культуры особенно ярко проявилась в XIX веке, когда Россия в лице своих писателей, и, прежде всего, А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого, заставила прислушаться к новому слову в диалоге и взаимодействии культур. Знаменитая толстовская формула: «Цель моя: развитие всего человечества в целом» – это цель и великой русской литературы, которая способствовала этическому и эстетическому развитию многих поколений во всём мире.

Пушкин, задумав издать письма друга, поэта Антона Дельвига, хотел их «соединить» со своими ответными письмами. Это символическое соединение произошло в эпистолярном наследии Толстого – в диалогах с ним его друзей и оппонентов. Перед нами раскрывается исключительная роль писателя и философа в умственной жизни и духовном развитии нескольких поколений его современников. Весьма характерна и многогранна переписка Толстого 50-60 годов с литераторами, принадлежавшими к журналу «Современник», с которыми он сблизился с осени 1855 года.

Однако отношения с некоторыми из них не были безоблачными. Например, Тургенев, с самого начала горячо поддержав Толстого, захотел быть его наставником и руководителем. И вдруг натолкнулся на самостоятельность «ученика», истолкованную как излишнее самолюбие и гордыня. Подружившись с «бесценным триумвиратом» журнала – Боткиным, Анненковым и Дружининым, Толстой вскоре обнаруживает, что эти литераторы ограничены в своих воззрениях. В «Дневнике» появляется запись: «…литературная подкладка противна мне до того, как ничто никогда противно не было». То же самое происходит у него со славянофилами, которые кажутся ему «отставшими». Хотя славянофилы XIX века отличались высокой образованностью, духовной цельностью и уважением к наследию мировой и русской культуры. Служба

и участие в военных действиях на Кавказе, затем в Севастополе углубили и неизмеримо расширили духовное и философское мировосприятие Льва Николаевича, заставили его по-иному взглянуть на себя и окружающих, на «славянофилов» и «западников».

В 1856 г. в письме Некрасову Толстой пишет: «У нас не только в критике, но в литературе, даже просто в обществе, утвердилось мнение, что быть возмущённым, жёлчным, злым очень мило. <…> А я нахожу, что скверно, потому что человек жёлчный, злой не в нормальном положении. Человек любящий – напротив, и только в нормальном положении можно сделать добро и ясно видеть вещи».

Интереснейшие диалоги Толстого с широким кругом литераторов велись на протяжении шести десятилетий, вплоть до смерти писателя. Очные и заочные беседы образуют уникальные литературные и философские циклы, в центре которых личность Толстого, сложная, многомерная, притягивающая к себе, как магнитом, людей различных художественных и философских воззрений.

Русская литература XIX – XX веков стала настоящим открытием в мировой литературе. В чём же источник новой силы русской литературы, осознаваемой как некая загадка Европы? Вероятно, в том, что литература в России никогда не была только литературой (беллетристикой), она заявляла о себе как центр, средоточие всей духовной, художественной, социально-политической и философской жизни народа и государства. Литература была формой общенародного сознания и идеологии России, что наиболее сильно выразилось в диалогах Л.Н. Толстого с современниками. Биограф писателя П.Н. Бирюков так объяснял причину всеобщей магической тяги ко Льву Николаевичу: «В этих людях жила потребность внутренней моральной работы <…> потребность абсолютного, т.е. религиозного критерия нравственности. И этой потребности глубоко и широко удовлетворял Л.Н. Толстой своими религиозно-философскими сочинениями».

К тому же писатель обладал редким даром живого общения, не деля людей на достойных внимания и недостойных, на образованных и неграмотных, умных и неумных, добрых и злых. Следуя заповедям Христа, Толстой воспринимал любого человека в его неповторимости, как божественное создание, пытался отыскать в нём лучшее, «человеческое», что способствует сегодня «братскому соединению всех людей», а в будущем станет мерилом человечности и братолюбия. Общение с разными людьми доставляло ему истинную радость. В архивах сохранилось свыше 10 тысяч писем Толстого к современникам и более 50 тысяч писем к нему, среди них немало писем выдающихся писателей ушедшей эпохи.

Экспозиционная площадь трёх залов на Пятницкой музея Л.Н. Толстого в Москве позволила представить три этапа развития русской литературы. Первый зал – её «золотой век», в нём были представлены знаменитые художники слова, где Толстой – главная фигура этого литературного Олимпа. Портрет пишущего Толстого работы его друга Н.Н. Ге – визуальная точка, от которой начинается постижение глубинной сути жизни и творчества гения. Фраза Толстого: «Каждый раз, окуная перо в чернильницу, я оставляю в ней кусочек мяса» свидетельствует о предельной ответственности писателя перед обществом и историей.

В 1-ом зале были раскрыты «золотые страницы» русской литературы от Толстого, Тургенева, Некрасова, Фета, Тютчева, Герцена, Достоевского, Лескова и других до Чехова, творчество которого стало итогом так называемого «классического века». Отечественная история, русская литература и философия, классическая и народная культура во всём её многообразии, русский быт и природа – вот главная составляющая, которая стала основой для раскрытия экспозиционных образов.

Следующий, 2-ой зал, был посвящён «серебряному веку русской литературы» – А.А. Блоку, В.Я. Брюсову, Андрею Белому, А.М. Горькому, А.И. Куприну, Л.Н. Андрееву, М.А. Волошину, А.А. Ахматовой, М.И. Цветаевой, Н.С. Гумилёву, другим литераторам. Бесспорно огромное влияние на них философских, этических и эстетических взглядов Л.Н. Толстого, без чего нельзя составить объёмное представление об эпохе «серебряного века».

Не менее интересен был 3-й зал, отданный крестьянским писателям. Здесь нашло видное место издательство «Посредник», которое продумывалось Толстым и его друзьями. Народные рассказы самого

Толстого – идейная и эстетическая платформа, вокруг неё формировалось направление крестьянских писателей, среди них В.А. Слепцов, Ф.М. Решетников, Е.Н. Дрожжин, Семёнов, Н. Новиков и другие.

Все три зала выставки имели отличительные особенности, художественные решения и дизайн. В своеобразных «окнах» экспозиции, открытых в необъятный мир русской действительности, обратили на себя внимание портреты писателей, с живописными местами, где они родились и жили, что дало возможность увидеть уникальность, величие и красоту России. Таким образом, тематические разделы выставки, складывающиеся в единую картину русской жизни и культуры с её неповторимостью, связью времён и поколений, укрепляли у посетителей веру в надёжное будущее нашей Родины, пробуждали размышления о необходимости участия каждого в деле преобразования страны.

Вспоминая выставку, ставшую важной вехой в развитии современной культуры, необходимо отдать должное её авторам. Они стремились реализовать (и достойно реализовали!) знаменитую чеховскую метафору «всеединства», выраженную известными словами: «Тронь одно звено цепи, зазвенит вся цепь». Уместно вспомнить также изречение Пушкина применительно к судьбам русской литературы: «Там нет истины, где нет любви», что соответствует сокровенным исканиям Толстого, вопрошавшего: «Как же сделать так, чтобы всё и всех любить?» Это и завет, и вопрос потомкам, и высказанное направление русской философской мысли на века.

В деятельности музеев и культурно-исторических центров на современном этапе, когда возникает много непредвиденных сложностей и противоречий, мысли Л.Н. Толстого приобретают особое значение и актуальность. Его вещее слово обладает способностью соединять крайности и умиротворять противников.

С.Н. Лукаш

«Артисты войны»: казаки и черкесы в творчестве русских поэтов и писателей

В «Кавказской войне» авторитетнейшего автора, непосредственного участника событий первой половины XIX столетия на Кавказе, В.А. Потто есть любопытное высказывание: “На почве постоянных войн и опасностей, внезапных набегов и отражений, естественно было закалиться бесстрашию и воинственной отваге. Но в крайнем своем развитии типы русского отважного казака и неустрашимого горского джигита должны были породить необычайный сорт людей, для которых тревоги войны, битвы, кровь, опасности – делались потребностью, страстью. Это были артисты войны, любившие ее, как искусство, наслаждающиеся ею, находившие в ней душевное удовлетворение” [1].

Поражающее на первый взгляд сходство коренится в ментальных особенностях этих народов, в особом агональном типе характера казаков и воинов – горцев. Под *агоном* (от греч. – состязание, борьба) понимается основной способ самопредставления, вид показа своих возможностей в античном обществе, вся жизнь которого была пронизана состязательностью. Агоном называлась у греков всякая борьба или состязание, но, главным образом, агонами обозначались игры, происходившие по поводу религиозных или политических празднеств. У греков они проводились в доисторические времена, например, при осаде Трои, и описаны в знаменитых поэмах Гомера «Илиада» и «Одиссея».

Соперничество – агон не являются, безусловно, каким-то уникальным явлением для древнегреческой культуры. Они выступают универсальным антропологическим свойством в культурах разных народов. Агональность органически присуща казачьей культуре. Она вытекает из потребности освоения обширных пространств Дикого Поля, из стремления присвоить, сделать своим это пространство, создать социокультурную модель общества, коренным образом отличающуюся от оставленной на прежнем месте.

Агональный тип культуры развивается преимущественно в пограничных областях. Именно такой предстает традиционная культура донских казаков, формировавшаяся на «сквозняке», на пограничье Дикого Поля. Казакование, уход в казаки на просторы Дикого Поля обусловливался стремлением возродить здесь те идеалы и ценности, которые на Родине исчезали под гнетом абсолютизма. Выполнение этих

задач требовало от насельников Дикого Поля здоровой агрессивности, состязательности, инициативности, свободы в принятии решений и творческого подхода к поставленным целям.

В менталитете раннего казачества агональность наиболее типично проявлялась в способности к активному наступлению и быстрому освоению новых земель, естественной солидарности, организованности, коллективизме, определенной жесткости в отстаивании своих интересов. На это указывают, в частности, пословицы и поговорки, бытующие в казачьей среде: « казаку в бою и смерть красна» – казак храбр, он не боится смерти; «руби меня татарская сабля, не бей меня, царская плеть» – смерть от рук достойного противника лучше унижения наказанием от царских чиновников; «жить как казак с татарином» – враждовать, жить в постоянной ссоре. Агональность казачьей культуры способствовала выработке соответствующих качеств личности, дававших возможность выжить на просторах Дикого Поля: инициативе, храбрости, честности, здоровой агрессивности, быстрой приспособляемости к окружающей обстановке, товариществу и т.п. «Особенностью казачьей культуры является ориентация на войну, аксиологическое наполнение которой отличается от европейского и общероссийского понимания. Война воспринимается как неотъемлемая часть повседневной жизни…», – утверждает М.К. Калашникова [2].

Агональный тип казачьей культуры проявляется не только в ориентации на войну, он ярко проявляет себя в образах самоидентификации казаков, позиционирующих себя «другими русскими». Казачество всегда позиционировало свою самобытность в отношении к окружающему его миру. «Кланяемся тебе, Белокаменная Москва, а мы, казаки, на Тихом Дону», – говорили казаки, подчеркивая свою территориальную автономность. Известно выражение, приписываемое А. Ригельманом донским казакам: «Я де, не Москаль, но Руской, и то по закону и вере Православной, а не по природе» [3]. «То казак, а то Рассея», – изречение, которое употребляли казаки, стремясь подчеркнуть свою иную самоидентификацию. До сих пор любой казак не остается равнодушным в вопросах культурной, духовной, территориальной обособленности, некой автономности от общерусского и шире российского менталитета. Такая дистанцированность обусловливается не только естественной отдаленностью казачьих областей от центра, здесь, в первую очередь, позиционируется духовно-нравственная, ментальная самобытность. Л.Н. Толстой в повести «Казаки» пишет: « Казак, по влечению менее ненавидит джигита-горца, который убил его брата, чем солдата, который стоит у него, чтобы защищать его станицу, но который закурил табаком его хату. … Этот христианский народец, закинутый на уголок земли, окруженный полудикими магометанскими племенами и солдатами, считает себя на высокой степени развития и признает человеком только одного казака; на все же остальное смотрит с презрением» [4].

Агональностью, присущей воинской субкультуре, пропитана также вся культура северокавказских горцев первой половины XIX века. Черкесское наездничество породило особый тип воинов, закованных в лёгкие, но прочные кольчуги, индивидуальное мастерство владения шашкой, луком, кинжалом и дротиком, управление конём которых доходило до совершенства. Ряд исследователей психологии черкесского наездничества замечали, что последние (черкесы) относились к нему, как к некоему торжеству, сопровождаемому показательными праздничными выступлениями джигитов. В день битвы воины одевались в новые черкески, обвешивались дорогим оружием, нередко изготовленным у известных кавказских мастеров, а народные барды – джегуако, подобно представителям средств массовой информации, фиксировали наиболее впечатляющие эпизоды схваток. Экипировка наездника (оружие, одежда, походное снаряжение) была четко продумана и максимально соответствовала целям выживания и существования в экстремальных условиях военного быта.

В первые годы водворения казаков на кубанскую линию сшибки кубанских линейцев с черкесами заканчивались с явным перевесом в сторону последних. Черкесы называли своих противников, ощетинившихся пиками, несколько пренебрежительно – «камыш». Не только древки донских пик навели на противника такую ассоциацию, были здесь причины и более трагичные. Известно немало случаев (особенно в первые годы поселения донских линейцев

на Кубани), когда несколько черкесских панцирников, закованных в кольчуги, пробить которые не могла даже пуля, на лошадях, имеющих серьёзную защиту, могли врубиться в строй казаков и пройти его насквозь, положив противника, как «камыш», направо и налево.

Естественно, казаки не могли мириться с таким положением дел. Всё, что приносило им успех в бою: шашки, кинжалы, одежда (удобные черкески, лёгкие пояса с подогнанной амуницией), – все это заимствовалось казаками. Эта своеобразная мода принимала, зачастую, гротескные формы. Так казаки, стремясь во всём походить на своих противников черкесов, брили головы и специально вращивали на её поверхность лишай – плешь. В линейных станицах ходила и такая поговорка: когда хотели подчеркнуть удальство казака, говорили: «Чистый черкес, только просом не с…т.». Просяная каша была в те времена основной пищей местных племен.

Уже спустя два-три десятилетия после своего переселения линейные казаки на Кубани представляли грозную силу для горцев. Научились они справляться и с надёжной, до сей поры, защитой горцев – кольчугой. Об этом приёме поведал нам в одной из своих статей профессор, основатель историко-региональной кавказоведческой школы В.Б. Виноградов. Речь идёт об эпизоде из стихотворения Н.С. Мартынова «Гирзель-аул» (1840), в котором описывается поединок линейного казака с горским всадником – «панцирником». Приведём этот отрывок:

Напрасно наши в них стреляют,
Они лишь бранью отвечают,
У них кольчуга на груди…
Смекнул урядник, догадался,
Взяла досада казака,
Но пособить он горю взялся.
И с видом дела знатока
Поверх заряда в ствол винтовки
Пучок иголок посадил,
И вновь готовый к джигитовке
Во весь опор коня пустил.
Избрав противника, он круто
На задних бабках повернул…
Прошла ещё одна минута,
Ружейный ствол его сверкнул,
Раздался выстрел без раската,
Как будто щёлкнул кто орех,
Пред нами пыль столбом поднята,
Мы все в надежде на успех
Глядим на место… Прояснилось:
В испуге конь от нас бежит,
А тело всадника свалилось,
В траве пустой оно лежит…

В.Б. Виноградов отмечает, что приём «огневого контакта» с грозным «панцирником» был воспринят казачье-армейской средой на Кавказе непосредственно от адыгов и «является ещё одним знаком интеграционных процессов в многомерных и противоречивых условиях т.н. Кавказской войны» [5].

Линейное казачество Кубани уже спустя одно поколение после своего переселения на Старую Линии представляло из себя грозную силу, действительно превратившись в «артистов войны». Объяснялось это, в первую очередь, суровыми условиями постоянного боевого взаимодействия линейцев с немирными горцами, близостью казачьих поселений к непосредственному театру военных действий. Выживание зависело от дисциплины, от соблюдения требований, правил, предписываемых уставами и начальством. «Смерть была всегда около казака… Храбрецов, особо признанных, не было, ибо все на Кубани были храбрецами. Путём приспособления «к жизни перед смертью» выработалось особое племя, пришедшееся как раз по плечу тому врагу, против которого оно выступало на защиту Руси» [6].

В таких пороговых для человека условиях, когда всё его существо направлено на то, чтобы выжить в схватке с сильнейшим соперником, высшие ценности казачьей культуры: свобода-воля, демократия-народовластие отступают на второй план, уходят под давлением обстоятельств военной жизни в глубинные пласты казачьей ментальности.

На протяжении шести десятков лет на Кубани шла ожесточённая борьба не на жизнь, а на смерть, где чаша весов склонялась то в одну, то в другую сторону. Поэт-декабрист А.И. Полежаев – непосредственный участник боевых действий на Средней Кубани – образно поведал о тех жестокосердечных временах, когда граница проходила по кубанским берегам:

Бывало бодрый и безмолвный
Казак на пагубные волны
Вперяет взор сторожевой:
Нередко их знакомый ропот
Таил коней черкесских топот
Перед тревогой боевой;
Тогда винтовки смертоносной
Надёжный выстрел вылетал,
И хищник смертию поносной
На бреге русском погибал.
Или толпой ожесточённой
Врывались злобные враги
В шатры Защиты изумлённой –
И обагряли глубь реки
Горячей кровью казаки [6, 258].

Настоящим «кавказцем», глубоко понимающим и чувствующим казачество и горцев, был М.Ю. Лермонтов. А мог ли он быть иным, командуя казачьей разведсотней, по статусу принимавшей на себя первый удар неприятеля? Казачий военный образ жизни быстро становится для поэта на Кавказе повседневным. В рассказе «Кавказец» Лермонтова мы видим характерную эволюцию русского офицерства времен Кавказской войны. Здесь и первая юношеская экзальтированность и сменяющая ее опытность, и «грудь, увешенная крестами» при скромности чинов. У офицера-кавказца «страсть ко всему черкесскому доходит до невероятия» [7]. И здесь «кавказец» полностью роднится с казаком, у обоих тяга к лучшему оружию кавказской пробы, оба не мыслят себя без черкески… Щегольнуть знанием местных кавказских наречий, завести дружбу с кунаком-горцем, добыть для себя лучшего коня – это правило у казака и офицера-кавказца.

Лермонтов – кавказец, человек казачьей культуры. Смелый, решительный казачий командир, лихой рубака, отличный наездник, любивший подчеркнуть свое искусство верховой езды на казачий лад. Его казачья сотня с первых дней командования называет себя «лермонтовская» – это ли не авторитет командира у своих подчиненных [8].

Казаки в произведениях М.Ю. Лермонтова – это русские воины, которые первыми принимают удары коварного врага, будь то в открытом бою или на кордонах, в секретах.

Не спи, казак, во тьме ночной;
Чеченцы ходят за рекой!»
Но вот они стрелу пускают,
Взвилась! – и падает казак
С окровавленного кургана;
В очах его смертельный мрак:
Ему не зреть родного Дона,
Ни милых сердцу, ни семью:
Он жизнь окончил здесь свою [7, 116].

Казаки у Лермонтова – это воплощение идеала «кавказца». Они полностью принимают условия «азиатской войны», применяя те же военные приемы, что и горцы. В «Валерике» показано противоборство двух достойных соперников: гребенского казака и мюрида-горца.

Рассыпались в широком поле,
Как пчелы, с гиком казаки;
Уж показалися значки
Там на опушке – два, и боле.
А вот в чалме один мюрид
В черкеске красной ездит важно,
Конь светло-серый весь кипит,
Он машет, кличет – где отважный?
Кто выйдет с ним на смертный бой!..
Сейчас, смотрите: в шапке черной
Казак пустился гребенской;
Винтовку выхватил проворно,
Уж близко… выстрел… легкий дым…
Эй вы, станичники, за ним…
Что? ранен!.. – Ничего, безделка…
И завязалась перестрелка…

Таких «сшибок» в повседневной истории Кавказской войны было великое множество. Причем казаки, зачастую, не довольствовались одним соперником, а, по примеру древнерусских богатырей – «храбров», выкликивали на поединок трех-четырех воинов.

Первыми принимая бой, находясь на острие военных событий, казаки у Лермонтова последними его и заканчивают. Им принадлежит право преследовать побежденного врага. В поэме «Черкесы» поэт пишет:

Помалу тихнет шумный бой,
Лишь под горами пыль клубится.
Черкесы побеждены мчатся,
Преследоваемы толпой
Сынов неустрашимых Дона…

Даже когда основная битва завершена, казаки не складывают оружия, довершая разгром врага:

Утихло все; лишь изредка
Услышишь выстрел за горою;
Редко видно казака,
Несущегося прямо к бою,
И в стане русском уж покой [7, 122].

Еще более глубоко проникает М.Ю. Лермонтов в ментальные особенности воинов – горцев. Будучи на Кавказе в качестве офицера Кавказского корпуса и принимая участие в военных экспедициях в горы, М.Ю. Лермонтов имел возможность непосредственно наблюдать черкесов и оценить их воинские качества. Черкесы-воины вызывали у него восхищение и уважение. В поэме «Измаил-бей» он пишет:

Как я любил, Кавказ мой величавый,
Твоих сынов воинственные нравы…

Так же как и у казаков, одно из центральных мест в жизни и во всей ценностной системе черкесов занимала война. Война не вызывала у черкесов печали. То, что стало частью повседневного быта, не может пугать или печалить. Напротив, война будоражила кровь, заставляла трепетать от ужаса и счастья, рождая в людях особенную, священную радость. Черкесы не боялись погибнуть в бою. Такая смерть считалась самой лучшей и достойной долей для воина:

…В бою мы рады лечь костями;
Чего же лучшего нам ждать?..
[Измаил-бей].

М.Ю. Лермонтов представляет черкесов искусными и удалыми воинами. Их тактика ведения боевых действий была тесно связана с природой местности и диктовалась ее обстоятельствами:

Блуждает он (Измаил-бей),
дерется с казаками,
И, заманив полки их за собой,
Пустыню усыпает их костями
И манит новых по дороге той.
За ним устали русские гоняться,
На крепости природные взбираться;
Но отдохнуть черкесы не дают;
То скроются, то снова нападут.
Они как тень, как дымное виденье,
И далеко и близко в то ж мгновенье.
[Измаил-бей].

Таков поэтический образ казака – воина и джигита – горца, созданный русскими писателями и поэтами, находившимися в самом центре батальных событий Кавказской войны. Как видим, это были достойные друг друга противники на поле брани.

Черкесские историки не раз отмечали, что если бы не казаки, Россия никогда бы не выиграла войну на Кавказе. Однако победа, результатом которой явилось массовое переселение черкесских племен на чужбину и заселение освободившихся земель казаками Новых линий и переселенцами из России, была пирровой. Через пятьдесят с небольшим лет уже казачество было раздавлено репрессивным молохом советской империи, увидевший в казаках, «артистах войны», своих врагов, защитников старой власти.

Примечания:

1. *Потто В.А.* Кавказская война. Ставрополь, 1994. С. 118.
2. *Калашникова М.К.* Агональные основы культуры донского казачества. Автореф. дисс. канд. философ. наук. Ростов н/Д., 2005. С. 10.
3. *Ригельман А.* История или повествование о донских казаках. М., 1846. С. 1.
4. *Толстой Л.Н.* Казаки. Кавказская повесть 1852 года. М., 1981. С. 158.
5. *Виноградов В.Б., Терещенко О.Н.* А.А. Бестужев-Марлинский об одном кавказском приёме «огневого контакта» // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Армавир-Железноводск, 1998. С. 27–28.
6. Покорённый Кавказ. Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа. Репринт. изд. М., 2010. С. 256–257.
7. *Лермонтов М.Ю.* Собрание сочинений : в 4 т. М., 1958. Т. 4. С. 160.
8. *Матвеев О.В.* Явление казачества в истории и культуре России // Очерки традиционной культуры казачеств России / под ред. Н.И. Бондаря. М.; Краснодар, 2002. Т. 1. С. 32.

Н.А. Корсакова

К вопросу об истории Краснодарского краеведческого музея и его роли в сохранении исторической памяти. 1918–1928 гг.

Исторические события первой четверти XX века – революционные потрясения, гражданская война, уход огромной части российских граждан, в том числе кубанских казаков, в эмиграцию, многочисленные реорганизации учреждений культуры – привели к утрате исторических ценностей и к исчезновению самого названия Кубанского войскового этнографического и

естественно-исторического музея, данного ему создателями в XIX веке.

В 1918 году заведующий музеем Иван Ефимович Гладкий (1864–1930) с горечью писал: «В прежние времена у меня все кипело и спорилось, мне удалось из хаоса и хлама, на скудные средства создать порядок, добиться признания музея в центре и на местах, как научно-просветительского учреждения, доступного всем» [1]. В марте 1918 года с приходом к власти на Кубани большевиков меняется образ правления краем, войсковой музей теряет самостоятельность и входит в подчинение Совета обследования и изучения Кубанского края – научно-исследовательской организации, целью которой было изучение экономики и статистики. В 1922 году Совет был преобразован в Кубано-Черноморский научно-исследовательский институт [2].

1918–1922 годы были поистине трагическими для музея. Об этом свидетельствуют как официальные документы, так и служебные записки и обращения заведующего музеем к краевому правительству и в органы советской власти. В одном из обращений к краевому правительству в сентябре 1918 года И.Е. Гладкий писал: «В музее, кроме меня, или совсем никого не было служащих, или они менялись ежемесячно и еженедельно. Правительство оставило Екатеринодар и я, с войсковым музеем и войсковым собором на руках, среди бушующих страстей, остался один и за старшего, и за младшего. Всю бурю, все обиды, напасти и личное разорение я вынес на себе» [3].

С марта по август 1918 года музей остался без средств, Совет обследования прекратил отпуск денег. В административном отношении музей стал подчиняться комиссариату народного просвещения [4]. Все небольшие денежные средства были конфискованы. В мае 1918 года И.Е. Гладкий обратился в комиссариат с вопросом – будут ли платить жалование. На это последовало письмо Елены Полуян, в котором говорилось: «Товарищи, жалование, которое Вы не получаете, Вам будет выдано в недалеком будущем» [5]. Это жалование в музее так и не получали полгода. Вместо этого, представители новой власти пытались реквизировать здание музея по ул. Рашпилевской, 3 для нужд армии. Но здание требовало ремонта, имело маленькую площадь, отсутствовали отопление и водопровод [6]. Комиссия приказала изъять всю библиотеку музея, более 5 тыс. книг, и передать в Совет обследования [7].

Служебные записки И.Е. Гладкого уже после возвращения краевого правительства в августе 1918 года дают яркую характеристику положения дел в музее. Заведующий музеем писал: «Пятимесячное пребывание большевиков прошло при громадном нравственном страдании всех екатеринодарцев» [8]. В апреле 1918 года более тридцати пьяных матросов нагрянули в музей, многие витрины с экспонатами были поломаны, разбиты стеклянные банки с заспиртованными змеями и выпит из них спирт. «Товарищи, – писал И.Е. Гладкий, – не тронули только витрины, опечатанные печатью музея красного цвета, признав их за революционные» [9]. В музее ими была похищена коллекция русского и восточного оружия, которое в начале XX века было подарено любителями старины и привезено казаками, служившими в Персии, Китае, Манчжурии.

И.Е. Гладкий, помимо заведования музеем, также являлся старостой войскового Александро-Невского собора, ему приходилось отстаивать и беречь имущество собора. В апреле-мае красноармейцы семьдесят три раза обыскивали собор. В апреле, на Пасху революционные матросы унесли кассу собора, ценные иконы, ризы и 9 пудов свечей [10]. И.Е. Гладкого арестовали, допрашивали, требовали деньги и оружие. Позже, осенью 1918 года, краевое правительство наградило И.Е. Гладкого медалью «За спасение Кубани».

События 1919 года можно охарактеризовать словами И.Е. Гладкого, сказанными им в докладе краевому правительству: «Необходимо взять под свое покровительство Кубанский музей, сиротливо болтающийся в межведомственном пространстве… Прошу благожелательного отношения к судьбе музея и к служащим в нем людям – прямым, простым, честным, без устали работающим… о чем по долгу службы и справедливости свидетельствую» [11].

В сентябре 1919 года И.Е. Гладкий пригласил посетить войсковой музей Совет Кубанского краевого правительства под председательством члена правительства Д.Е. Скобцова с целью обсуждения вопроса отделения музея от Совета обследования. Музей был отделен от Совета обследования,

из краевой казны было выделено музею 12 600 руб. [12] Штат музея состоял из заведующего, помощника, писаря и сторожа. Приказом по Кубанскому казачьему войску № 584 в музее создается отдел для сбора материалов и построения экспозиции борьбы с большевизмом [13].

Несмотря на тяжелые условия своего существования, музей осуществляет деятельность по сохранению исторической памяти. В 1918–1919 годах проводятся археологические исследования в Тамани и под Майкопом; И.Е. Гладкий пишет очерк о формировании коллекции каменных изваяний и готовит к изданию статью с рисунками и фотографиями за сорок лет жизни музея. Особое место в этой статье уделяется биографии и деятельности основателя музея Е.Д. Фелицына. Ведутся работы по каталогизации коллекций древних монет и археологии. И.Е. Гладкий выезжает в города и станицы с чтением лекций и передвижных экскурсий на тему охраны памятников истории.

Наступил 1920 год – один из самых трагических в истории российского государства – разруха, трагический уход российских граждан в эмиграцию, уезжает военная интеллигенция, увозят казачьи регалии. Для музея наступает череда реорганизаций и слияний с другими музеями. Все это способствует частичной утрате коллекций, музей объединяют с музеем наглядных пособий и он получает название «Кубано-Черноморский областной музей». Бывший заведующий И.Е. Гладкий назначается заведующим историческим отделом. Музей подчиняется областному отделу народного образования и входит в подотдел музеев и охраны памятников. Директором областного музея назначается товарищ Бардаков, в прошлом инспектор музейной секции областного отдела народного образования [14]. В приказе о его назначении почему-то не указаны его имя и отчество. Распоряжения по деятельности музея издавали сотрудники отдела народного образования Н.Ф. Николаев и Е.Н. Егоров [15]. Интересно отметить, что музейная секция располагалась в здании гостиницы Губкиной по улице Гимназической.

В марте-апреле 1920 года Кубано-Черноморский революционный комитет издает многочисленные приказы в области культурной жизни края за подписью Яна Полуяна. Закрываются гимназии, Мариинский женский институт, их здания передаются для нужд реввоенсовета IX Кубанской армии и Кубчерревкома, имущество конфискуется, но в приказах не указывается, кому оно было передано. Закрываются все кинотеатры, за исключением кинотеатров им. Ленина (бывший «Монплезир») и им. Розы Люксембург (бывший «Биограф») [16]. Открываются многочисленные национальные школы, два украинских театра. По сути, лидеры большевистского правительства начали политику украинизации, а в результате в конце 1920-х и начале 1930-х годов за это многие будут подвергнуты репрессиям. По воспоминаниям старожилов, большинство населения не желало отдавать своих детей в национальные школы, еще живы были традиции, когда молодежь училась в единых учебных заведениях, что способствовало дружбе и процветанию народов и единству государства. Была и попытка создания украинского отдела в областном музее. Многие приказы Кубчерревкома подписываются Я. Полуяном красным карандашом, что вызывает ассоциации с красными печатями витрин в музее.

В 1920–1921 годах областной музей объединяют с картинной галереей. И.Е. Гладкий дает такую характеристику этого времени: «Ничего из намеченного осуществить не удалось. Денежные знаки были аннулированы, музею не было отпущено ни одной копейки» [17].

В 1920–1922 годах Кубчерревком проводит «чистку» старой интеллигенции. В ревком подаются справки, заявления с краткими биографиями, чтобы иметь право работать, многие не получают этого права и остаются без средств к существованию. Такая судьба ожидала и И.Е. Гладкого, в 1929 году он чуть не умер от голода. И.Е. Гладкий пишет в ревком свою биографию, которую он озаглавил «CurriculumVitae» [18]. Ему приходится покинуть музей и с 1922 года он работает в церковно-историческом отделе Кубано-Черноморского архивного управления.

В объединенном музее власти главную роль отдают бывшей картинной галерее: в ней находятся канцелярия, печать, бухгалтерия. Чтобы открыть утром музей или закрыть в конце дня, надо было с улицы Рашпилевской идти на Советскую. Будущий директор музея Антон Фадеевич

Лещенко (1880–195?) назвал совместное существование двух музеев «злой насмешкой над музеем» [19]. Отчеты и планы археологического и этнографического отделов дают безрадостную картину – путаницу с передачей экспонатов, бывший войсковой музей стал прятать свои коллекции.

В 1924 году происходит новая реорганизация Кубано-Черноморского областного музея. В самостоятельное учреждение выделяется бывший войсковой музей с новым названием – Научный музей. По проведенной в 1928 году инвентаризации в музее было более 25 тыс. экспонатов. Музей состоял их четырех отделов: научного, истории культуры, общественно-экономического и природы. В каждом отделе были подотделы по узким темам [20]. Директором Научного музея был назначен известный исследователь истории Кубани Антон Фадеевич Лещенко. В конце 1920-х годов он подвергается репрессиям и покидает Кубань.

В 1927–1928 годах в крае было восемь самостоятельных музеев Научный музей – зав. музеем А.Ф. Лещенко, штат –2 сотрудника; Кубанский художественный им. А.В. Луначарского – заведующий Р.К. Войцик, штат – 4 сотрудника; Таманский археологический музей с метеостанцией – заведующий А.Г. Остроумов, штат – 2 сотрудника; Темрюкский музей – заведующий С.Ф. Войцеховский, штат – 2 сотрудника; Адыгейский областной историко-этнографический музей; Кубанский музей Октябрьской революции – заведующий И. Рабченя, штат – 4 сотрудника; Музей по охране народного здоровья – заведующий И.Д. Яхник, штат – 1 сотрудник; музей АВИАХИМ – штат – 1 сотрудник [21].

Развитию музейного дела способствовало вышедшее в апреле 1928 года Постановление Всероссийского Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров РСФСР «О музейном строительстве в РСФСР» [22]. Советское государство признало огромную роль музеев в культурной жизни страны и необходимость широкого использования деятельности музеев в изучении традиций и экономики. В Народном комиссариате просвещения в г. Москве были открыты курсы подготовки музейных кадров. В Постановлении впервые было предусмотрено увеличение ассигнований на ремонт музеев, закупку экспонатов, командировочные расходы и даже увеличение зарплат. В июле 1928 года в Научном музее, наконец, был проведен долгожданный ремонт здания.

Несмотря на многолетнее неблагоприятное отношение к судьбе музея, его сотрудники не только сохранили накопленные коллекции, но и многое сделали для сохранения исторической памяти. Тематика экскурсий и лекций в 1927–1928 годах направлена на изучение и сохранение памятников истории и культуры: «Дореволюционный Екатеринодар», «Кубанская станица в прошлом», «Культура древности», «История письменности», «Народы Кубани», «История адыгейского народа», «Заселение Кубани», «Индустриализация», «Жизнь растений» и другие. В эти годы проводились археологические и этнографические экспедиции не только в крае, но и в Приэльбрусье, на Дону и Украине.

В 1929 году работники музея пытались помочь И.Е. Гладкому, оставшемуся без работы и средств к существованию. Его бывший сотрудник даже в отчаянии обратился с письмом в представительство католической церкви в Москве с просьбой помочь. И.Е. Гладкий умер 10 октября 1930 года [23].

Реорганизация музея продолжалась и в 1930-е годы. Одним из главных преобразований стало объединение Научного музея и музея Октябрьской революции в канун XIX годовщины Октября в 1936 году. Музей получил статус Краснодарского историко-краеведческого [24]. Во все времена в деятельности музея остаются важными слова И.Е. Гладкого, сказанные им в 1919 году: «Все мы сойдем с арены жизни, а здесь, в музее, должны остаться дела рук и разума нашего, достойные для передачи грядущим поколениям».

Примечания:

1. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 19. Л. 15. Доклады заведующего историческим отделом музея.
2. ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 296. Л. 75–76.
3. ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 2. Д. 41. Л. 20–25. Доклад заведующего музеем в Совет Кубанского краевого правительства.
4. ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 2. Д. 41. Л. 26.
5. ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 2. Д. 41. Л. 41.
6. ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 2. Д. 41. Л. 38.
7. ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 2. Д. 41. Л. 40.
8. ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 2. Д. 41. Л. 41.
9. ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 2. Д. 41. Л. 39.
10. ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 2. Д. 41. Л. 38.
11. ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 2. Д. 41. Л. 2–5.
12. ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 2. Д. 41. Л. 36–37.
13. ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 2. Д. 41. Л. 5–6.
14. ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 19. Л. 12–20. Постановления и протоколы заседаний областного отдела народного

образования Кубано-Черноморского областного ревкома.
15. ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 19. Л. 12.
16. ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 19. Л. 13.
17. ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 19. Л. 2–4.
18. ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 19. Л. 15–16.
19. ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 19. Л. 10.
20. Кубань и Черноморье. Краснодар, 1927. С. 8–10.
21. ГАКК. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 1657. Л. 27–30. Докладная записка о нуждах Кубанского научного музея и предложения по его реорганизации.
22. ГАКК. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 1657. Л. 52–54. Копия Постановления ВЦИК и СНК РСФСР.
23. Архив ЗАГС г. Краснодара, запись № 2105.
24. ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 296. Л. 11.

И.Х. Заубидова

Государственному Карачаево-Черкесскому историко-культурному и природному музею-заповеднику им. М.О. Байчоровой – 100 лет

Прообразом Карачаево-Черкесского историко-культурного и природного музея-заповедника был небольшой краеведческий музей, открытый в станице Баталпашинской (ныне г.Черкесск) в 1916 году.

Он был создан на базе краеведческого общества, в которое входили учителя баталпашинских гимназий, врачи, госслужащие.

Первым директором стал Петров Михаил Петрович. В 1922–1923 годах музей на общественных началах находился в классном помещении, поэтому долго назывался школьным. Затем музей перевели в дом полковника Свидина (здание не сохранилось)[1].

В 1932 году был открыт музей в г. Микоян-Шахаре (ныне г. Карачаевск) – центре Карачаевской автономной области, а музей в г.Черкесске преобразован в государственный краеведческий и передан в ведение Черкесского научно-исследовательского института.

Первые экспонаты принесли в музей учителя и учащиеся школ. Это были фотографии, археологические предметы – случайные находки, полезные ископаемые. К началу 1941 года музей имел 3 отдела: природы, истории и социалистического строительства. Библиотека насчитывала более 3 тыс. книг по истории и краеведению. При музее был зооуголок, где были медведи, волки, кавказский олень, косуля, лисы, зайцы и птицы.

Началась Великая Отечественная война. Директор музея Павел Ксенофонтович Григорьев ушел в партизанский отряд в конце 1942 года, был схвачен и казнен фашистами [2]. В 1942 году здание музея, как и здания школ и других общественных учреждений, было отдано под эвакогоспиталь. В период немецко-фашистской оккупации музейные предметы были уничтожены, библиотека, архив и само здание были сожжены. Так же погибли и фонды музея в г. Микоян-Шахар.

После освобождения от оккупации музею была выделена комната в частном доме по улице Ленина и здесь заново начал создаваться музей. К возрождению музея приступили Дайгородова Агнесса Евграфовна, директор, и научный сотрудник Чиж Зоя Федоровна. В ноябре 1944 года музей снова открыл свои двери для посетителей.

Жители города приносили в музей трофейное оружие, оставленное отступающими фашистами, документы, газеты, печатавшиеся в годы оккупации, листовки.

В 1947 году были восстановлены 4 отдела: природы, археологии, этнографии и соцстроительства. Свои документальные работы на тему «Зверства фашистов во время оккупации» принес в музей М.П. Петров, работавший учителем рисования в школе № 9 г. Черкесска. В 1948 году в музей пришла Анна Константиновна Литвиненко. Она проработала в музее 20 лет. Первые записи в книгах поступлений сделаны ее рукой; первые экспозиционные планы также составлены ею.

Археологические экспедиции, которые проводились на территории Карачаево-Черкесии в 1950–1960 гг. пополнили фонды музея материалами из раскопок на городищах Адиюх, Тамгацик, Дружбинское городище.

Музей всегда держится на энтузиастах. При музее были созданы общественные советы краеведов, друзей музея. Одним из энтузиастов был Суздальцев Дмитрий Иванович, который собрал сотни книг местных авторов, архивные документы, фотографии. Он мечтал о создании литературного музея Карачаево-Черкесии. Археологические материалы, переданные музею учителями-краеведами С.Д. Мастепановым и Е.А. Миловановым, являются ценнейшими источниками по истории Алании.

После долголетних проблем с переездами с места на место в 1967 году музей был переведен в здание по проспекту

Ленина, 14 где сейчас располагается краеведческий (головной) музей и фондохранилище.

Большой вклад в развитие музея внес Нежинский Валентин Алексеевич – руководивший музеем в 1960 годы военный журналист, полковник, участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. По материалам музейных фондов он написал и издал книги: «Это было на войне», «От Кавказа до Берлина», «Под боевыми знаменами», «Сердца молодые» [3].

Традиции музея, его жизнь и развитие немыслимы без людей, преданных истории и музейному делу. Таким подвижником была Мария Османовна Байчорова, которая стала директором музея в 1970 году. Её вклад в развитие музея заслуженно отмечен: в 2014 году имя М.О. Байчоровой присвоено музею-заповеднику [4].

Фольклорно-этнографические экспедиции научных сотрудников музея в абазинские аулы Красный Восток, Старо-Кувинский, в черкесские и ногайские аулы, в станицы Исправная, Красногорская, Преградная, в аулы Большого Карачая – Карт-Джурт, Учкулан, Хурзук пополнили фонды музея предметами женского и мужского костюма, деревянной посудой, орудиями труда, фотографиями, документами, воспоминаниями жителей.

Планомерная организация и проведение археологических, этнографических, геоботанических экспедиций в 1975 – 1995 гг. дали возможность заложить основу научных коллекций музея, без которых невозможна ни экспозиционная, ни научно-исследовательская работа.

Сотрудники получили возможность участвовать в научных совещаниях, «Крупновских чтениях» по археологии Северного Кавказа. Краеведение и работа в музее стали первыми шагами в большую науку для многих сотрудников музея. Кандидатами наук стали: Долечек Л.Л., Михайлов И.В., Орфинская О.В., Хабекирова Х.А., Халкечева Л.Н., Хуранов Ш.Ш.

Звания «Заслуженный работник культуры Российской Федерации» была удостоена М.О. Байчорова.

Директор музея-заповедника У.Ю. Эльканов носит почетное звание «Заслуженный работник культуры Карачаево-Черкесской Республики» (2013), он за большой вклад в развитие культуры награжден Почетной грамотой Министерства культуры Российской Федерации и Российского профсоюза работников культуры (2012).

Главный хранитель фондов И.Х. Заубидова награждена Знаком «За достижение в культуре» (1999) и медалью «За вклад в наследие народов России» (2002); в 2000 г. её присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Карачаево-Черкесской Республики».

Звание «Заслуженный работник культуры Карачаево-Черкесской Республики» носят Т.У. Байрамкулова – заместитель директора по научной работе с 2015 г., М.С. Дзанаева – старший научный сотрудник с 2013 г.

Фонды музея выросли до 100 тысяч единиц хранения. За этой цифрой – кропотливая работа научных сотрудников. Большую собирательскую работу проводили и проводят научные сотрудники Л.Л. Добрачева, Г.И. Затонская, Х.А. Хабекирова, И.П. Утякова, Т.У. Байрамкулова, Л.Д. Богатырева, О.П. Холодова, М.С. Дзанаева, И.К. Джегутанова, З.Б. Богатырева, Л.С. Ижаева, Н.Н. Джандарова, С.С. Магомедова, а также археологи Г.Х-У. Текеев, У.Ю. Эльканов.

Ботанические экспедиции, организованные музеем и Ставропольским ботаническим садом под руководством кандидата биологических наук Д.С. Дзыбова, пополнили ботанические коллекции на несколько тысяч единиц.

Личный фонд Николая Федоровича и Екатерины Терентьевны Тягны-Рядно – организаторов первого театра в Карачаево-Черкесии, включает театральный реквизит (костюмы героев спектаклей «Наталка-Полтавка», «Назар Стодоля» и др.), фотографии, афиши, программы спектаклей 1920–1930 гг., сборники пьес.

Благодаря усилиям, переписке, личным встречам музейных сотрудников фонды экспозиций пополнились личными вещами легендарных военачальников Балахонова Я. Ф. (бурка и шпоры), Кочубея И.А. (бумажник, башлык), Героев Советского Союза А.А. Енжиевского, М.А. Карданова, Х.У. Богатырева и других. Гордость музея личные вещи – башлык и часы А.И. Амирагова, доваторца, гвардии полковника, начальника политотдела 4-ой гвардейской кавдивизии, переданные музею его женой Варварой Владимировной; папаха, подаренная легендарным генералом

Л.М. Доватором нашему земляку, коннику-добровольцу второго гвардейского кавкорпуса, – И.Г.Сычу.

В экспозиции находятся часы А.В. Никулиной, уроженки станицы Кардоникской, подаренные ей за выполнение боевого задания. Она прошла всю войну от Кавказа до Берлина. Инструктор политотдела 9-го Бранденбургского стрелкового корпуса в ночь на 2 мая 1945 года, командуя группой автоматчиков, А.В. Никулина водрузила штурмовой флаг своего корпуса над зданием гитлеровской рейхсканцелярии в Берлине.

Разнообразными путями приходят и занимают свое место в экспозиции предметы. В музее был настоящий праздник, когда Н.В. Скидан принесла материалы своего отца – фотографии, документы, медицинские инструменты, знак выпускника Петербургской военно-медицинской академии врача Телеги В.И., одного из первых врачей Карачаево-Черкесии, который в годы фашистской оккупации, рискуя жизнью, спасал оставшихся в госпитале тяжело больных советских бойцов.

Дарителями стали семьи М. Унежева, М. Агержаноковой, К. Наптуговой из аула Бесленей, учитель истории средней школы М.М. Гапов из аула Красный Восток, школа станицы Исправной и другие.

Встречи с ветеранами войны и труда, писателями и поэтами, артистами, художниками, учеными, героями экспозиций вошли в историю музея.

Самыми успешными были археологические экспедиции на территории Нижне-Архызского городища, которые дали музею одну из лучших коллекций древнего текстиля в нашей стране и в Европе. Древние ткани отреставрированы в мастерских музеев Кремля в Москве и скоро займут достойное место в экспозиции краеведческого музея Карачаево-Черкесского музея-заповедника. Известно, что торгово-караванный путь из Китая в Византию, названный «Великим шелковым путем» проходил через Кавказ. Обилие фрагментов шелка в скальных захоронениях на территории Карачаево-Черкесии подтверждает предположение, что именно в районе Нижне-Архызского городища проходило одно из ответвлений транскавказского отрезка этого пути.

По насыщенности археологическими памятниками Карачаево-Черкесия занимает одно из первых мест в Российской Федерации. Шесть объектов средневекового зодчества: Сентинский храм, расположенный рядом с ним мавзолей, Шоанинский и три Нижне-Архызских храма – это самые древние из сохранившихся на территории России христианских архитектурных памятников. Они являются памятниками федерального значения и выступают неотъемлемой частью мирового культурного наследия.

Кропотливая многолетняя работа великого энтузиаста-краеведа Марии Османовны Байчоровой по музеефикации всех археологических, архитектурных памятников, исторических зданий на территории Карачаево-Черкесии увенчались успехом. Постановлением Совета Министров Российской Федерации от 28 января 1988 года № 35 Карачаево-Черкесский областной краеведческий музей получил федеральный статус и был преобразован в Карачаево-Черкесский историко-культурный и природный музей-заповедник.

Многовековая и сложная история народов Карачаево-Черкесии нашла полное отражение в памятниках ее материальной культуры. Памятники эти столь разнообразны и многочисленны, что изучение их, начатое еще дореволюционными учеными, путешественниками, продолжается современными исследователями и в наши дни, хотя есть и другие «исследователи» археологических недр, которые по-воровски, по ночам раскапывают захоронения, открыто и цинично торгуют своими находками.

Карачаево-Черкесский музей-заповедник несет важнейшую культурно-образовательную и научную функцию не только в г.Черкесске, но и во всей республике. Он находится в ведении Министерства культуры Российской Федерации и относится к многопрофильному типу музеев.

Музей-заповедник – это комплекс историко-архитектурно-археологических филиалов. В г. Черкесске ***Карачаево-Черкесский краеведческий музей*** является головным учреждением музея-заповедника. В состав музейного объединения входят 11 филиалов.

1. ***Картинная галерея*** была открыта 18 мая 1996 года.

Фонды насчитывают более 1600 предметов изобразительного и декоративно-прикладного искусства. Это работы Ю.Ю. Клевера, И.Ф. Жильцова (ученика

К.И. Коровина, воспевшего красоту природы Кавказа), А.В. Куприна, Т.С. Анисимовой, художника-альпиниста А.А. Малеинова, П.М. Гречишкина. Достойно представлена плеяда художников Карачаево-Черкесии, чьи работы занимают почетное место в экспозиции картинной галереи: Чомаев Х-М.Х., Крицкий Н.Г., Гречишкин А.М., Аков И.Г., Кузнецов Н.Г.

Имеются также работы выпускников художественно-графического факультета Карачаево-Черкесского госуниверситета имени У.Д. Алиева: М. Борлакова, У. Мижева, М.Хахандукова, Ю.Карасова и др.

2. ***Выставочный павильон,*** где проводятся систематические встречи на тематических выставках.

3. ***Музей-памятник защитникам перевалов Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.*** – первый филиал музея-заповедника, открытый 2 ноября 1968 года в поселке Орджоникидзевском.

В память о героических событиях на перевалах Кавказа в 1942–1943 гг. на пути к перевалам сооружен монументальный памятник. Он построен по инициативе и на средства, заработанные на субботниках комсомольцами и молодежью Карачаево-Черкесии, Грузии, Армении, Азербайджана, Дагестана, Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, Адыгеи, Краснодарского и Ставропольского краев.

Большую работу по комплектованию фондов, пропаганде военно-патриотической тематики экспозиции Музея-памятника защитникам перевалов Кавказа проделали заведующие: Глоов Харун Байрам-Алиевич, в прошлом партизан отряда «Мститель», участник боев на перевалах Кавказа, Алиев Кази-Магомет Ибрагимович, чей кропотливый многолетний труд лег в основу его книг «Свет и тени партизанской войны» и «В зоне Эдельвейса», Караваев Эдуард Иванович – полковник в отставке, активный поборник патриотического воспитания молодежи, проделал большую работу по установлению имен героев, погибших на перевалах Кавказа. Вместе с сотрудниками Музея-памятника Н.М.Боташевой и Н.А.Кущетеровой, которые работали несколько месяцев в архиве Министерства обороны СССР, подготовлена «Книга памяти», куда вошли более тысячи установленных имен, погибших на перевалах Кавказа. Со дня открытия музей-памятник посетило более 8 миллионов человек.

Филиал имеет свои фонды, насчитывающие более 6 тысяч предметов: фотографии, документы, оружие, найденные на перевалах Кавказа, экспонируются в музее-памятнике.

Балкарский поэт Максим Геттуев посвятил музею-памятнику стихотворение, где есть такие строки:

…В честь незабытых тех времен,
Сливались в ярости огня
Там, где дорога вверх идет,
Воздвигли комсомольцы дот
Как строгий памятник войне.
А рядом
И на высоте орлиных гнезд
Лежат в могиле братской те,
Чей долг и труден был и прост
И дот их вечный сон хранит
И в голубом сияньи дня
Огонь торжественный горит
Во славу павших от огня.

Незабываемую экскурсию по героям экспозиции, защитникам ледяной крепости проводит зав.филиалом Наталья Абдуловна Кущетерова, она награждена Памятной медалью «Патриот России» за работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи.

4. ***Музей-усадьба К.Л. Хетагурова,*** великого сына осетинского народа.

Дом-усадьба Хетагуровых находится в селе им.Коста Хетагурова. Здесь встречались многие просвещенные люди, с которыми дружил К.Л. Хетагуров. Лектор, декламатор, художник Коста был всегда в центре внимания на вечерах, которые он и его сестра Ольга организовывали в доме [5].

5. ***Дом-музей И.П. Крымшамхалова в Теберде.***

Усадьба выдающегося карачаевского общественного деятеля, поэта, художника, друга К.Л. Хетагурова, художника Н.А. Ярошенко, благодаря активной деятельности директора музея Байчоровой М.О. в начале 1980 годов была передана в ведение музея. В здании бывшего гостевого дома Крымшамхаловых, в котором жили друзья семьи и другие отдыхающие в Теберде разместились экспозиции музея туризма, альпинизма и истории города-курорта Теберды.

Открытие музея состоялось в мае 1988 года. В экспозиции материал о семье Крымшамхаловых, их друзьях Кондратьевых, Утяковых, К.Л. Хетагурова. Здесь же фотографии, копии художественных работ Ислама Пашаевича Крымшамхалова (подлинники находятся в Кисловодском музее Н.А. Ярошенко) [6].

Сотрудники Кисловодского музея дружат с коллегами из Тебердинского музея. Совместно проводят встречи и конференции, посвященные И.П. Крымшамхалову и Н.А. Ярошенко.

В экспозиции по истории туризма и альпинизма ежегодники Русского горного общества за 1903–1906 гг., редкие издания, посвященные Теберде, книги Ф. Грове «Холодный Кавказ» (1879), А.Н. Дьячкова-Тарасова «Путешествие в Большой и Малый Карачай (1901) и др.

Здесь представлены образцы альпинистского снаряжения-ледорубы, карабины, скальные крюки; предметы быта альпинистов: фонарь, примус, посуда и т.д. Целый раздел экспозиции посвящен участию альпинистов в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. фотографии, документы, осколки снарядов, корзина для переноски снарядов в горных условиях.

Материал первого организатора маршрута из Теберды к Черному морю А.А. Коленкина, директора Тебердинской турбазы М.В.Палладиевой, заведующего Северной палаткой и перевальным участком П.А. Утякова представлен в экспозиции.

6. ***Сентинский историко-архитектурный комплекс*** включает в себя храм X века, а также постройки Спасо-Преображенского женского монастыря, созданные в конце XIX – начала XX века.

7. ***Шоанинский храм*** – один из памятников христианского культового зодчества, раннего Средневековья (X век).

8. ***Хумаринское городище*** – крепость действовала в эпоху Хазарского каганата VIII–X вв.). Крепость являлась главным административным и военным центром хазаро-болгар на Северном Кавказе.

9. ***Нижне-Архызский историко-архитектурный и археологический комплекс.***

Признано, что такой, как в Нижнем-Архызе, концентрации памятников христианства на Северном Кавказе больше нет. Это говорит о том, что религиозный центр Алании располагался именно здесь. Ученые предполагают, что и столицей Алании был Нижний Архыз, который в летописях именуется Маас. Он располагался на оживленной магистрали северно-кавказской ветви Великого шелкового пути; маршрут шел дальше через перевалы Главного Кавказского хребта в Абхазию, Грузию, а далее в Византию. Поэтому на территории городища выявлено большое количество артефактов материальной культуры сопредельных стран.

Нижне-Архызский комплекс включает в себя три храма – Южный, Средний, Северный. Обо всех объектах городища – храмах, церквах, оборонительных сооружениях, жилищах, которыми застраивалась территория в 14-15 га, какое было население, как жили, чем занимались (на примере археологических предметов) туристы узнают из экскурсий по городищу.

10. ***Адиюхское городище.*** Филиал представляет собой историко-архитектурный памятник, включающий городище раннего средневековья и позднесредневековую башню. Памятник занимает участок в одноименном урочище правобережья р. Малый Зеленчук.

Краеведение очень увлекательно и неисчерпаемо. Сколько еще не изучено? Сколько открытий еще ждет пытливого неравнодушного краеведа?

Коллектив Карачаево-Черкесского музея-заповедника работает и живет надеждой на возможность открыть новые экспозиции во всех филиалах, на разработку новых туристических маршрутов, и, главное, с надеждой на то, что их подвижническая работа по сохранению предметов материальной и духовной жизни народов Карачаево-Черкесии найдет последователей, которые также бережно будут хранить историю родного края.

Примечания:

1. См.: Музеи Карачаево-Черкессии. М.: Изд-во МГОУ, 2006.
2. КЧМЗ. Ф. 5. Д. 40. – Григорьев К.Л.
3. КЧМЗ. Ф. 10. Д. 102. – Нежинский В.А.
4. Устав РГБОУ «Государственный Карачаево-Черкесский историко-культурный и природный музей-заповедник им. М.О. Байчоровой». Черкесск, 2014.
5. КЧМЗ. Ф. 1. Д. 32. – Хетагуров К.Л.
6. КЧМЗ. Ф. 1. Д. 31. – Крымшамхалов И.П.

И.В. Бамбурина

История Отрадненского района в документах (1920–1935 гг.)

До революции архива в Армавире как такового не было, поэтому архивные документы хранились в организациях, учреждениях и на предприятиях.

Во время Гражданской войны, в связи с централизацией архивного дела, провозглашенной декретом советского правительства от 1 июня 1918 года, стали появляться архивы на местах. Декретом от 1 июня 1918 года все архивы дореволюционных правительственных учреждений были ликвидированы как ведомственные учреждения, а хранившиеся в них дела и документы образовали Единый государственный архивный фонд Советской Республики, представляющий совокупность принадлежащих государству и охраняемых законом документов, имеющих научное, политическое и практическое значение. Впервые Декрет фактически ввел централизованное управление архивным делом всей страны.

Но политическая ситуация на Кубани в то время была нестабильной, и только лишь в 1921 году, после разгрома отрядов Белой гвардии и ликвидации повстанческого движения, советская власть была установлена на Кубани. В связи с этим затянулось во времени создание архивов в кубанских городах. Однако, в целях спасения от гибели и расхищения значительной части "бесхозных" документов, ликвидированных в ходе революции и гражданской войны ведомств и организаций, уже в 1920 году была сформирована архивная служба в Екатеринодаре, в 1921 году – в Новороссийске, а в 1924 году – в Армавире. Помимо Армавирского архива в юго-восточной части Кубани архивов не имелось, вследствие чего Армавирское архивное бюро Армавирского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских, красноармейских, казачьих и горских депутатов формировалось документами не только учреждений города Армавира, но и документами учреждений и организаций близлежащих районов.

В архиве Армавира в настоящее время находятся на хранении фонды, документы которых отражают историю многих соседних с Армавиром районов, в частности, Отрадненского района за период с 1920–1935 годы. Обращаясь к документам по административно-территориальному делению Кубани можно получить ответ на вопрос о причинах нахождения вышеуказанных документов именно в Армавирском архиве.

В 1920 году Лабинский отдел был переименован в Армавирский [1], и в 1922 году Отрадная волость с центром в станице Отрадной вошла в Армавирский район [2]. В связи с этим документы Отрадненской волости поступили на хранение в архив Армавира именно с начала 1920-х годов. В 1924 году Отрадненская волость была переименована в Отрадненский район с центром в станице Отрадная и на 1930 год Отрадненский район находился в составе Армавирского округа [3]. В 1934 году, в результате разукрупнения, из Армавирского района был выделен Отрадненский район с центром в станице Отрадная [4], чем и объясняется наличие документов по Отрадненскому району в Армавирском архиве именно по 1935 год.

Всего фондов, содержащих документы по истории Отрадненского района, в архивном отделе администрации муниципального образования город Армавир имеется шесть. Из них фонды Р-144 «Отрадненский волостной Совет рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов и его исполнительный комитет»; Р-474 «Отрадненский станичный Совет рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов и его исполнительный комитет»; Р-568 «Революционный комитет станицы Отрадной» содержат документы органов исполнительной власти. Фонды Р-249 «Отрадненский районный секретариат профсоюзов»; Р-499 «Краснопартизанская комиссия Отрадненского районного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов»; Р-575 «Девятый районный военный комиссариат станицы Отрадной Баталпашинского отдела» содержат документы, отражающие историю района по другим общественным аспектам.

Остановимся подробно на составе документов. *Архивный фонд № Р-144 «Отрадненский волостной Совет рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов и его исполнительный комитет»*. Сведений об организации Отрадненского волостного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов и

его исполнительного комитета в документах, имеющихся на хранении в архиве, не обнаружено. Документы, относящиеся к данному фонду, хранятся в архивном отделе администрации муниципального образования город Армавир за 1921–1924 гг.

На хранении в архиве имеются следующие документы: инструкция Кубано-Черноморского отдела о порядке составления отчетов волостными исполнительными комитетами; текст красной присяги красноармейца, циркулярные распоряжения Баталпашинского отдельского политического бюро о присылке списков на членов сект Отрадненской волости, список сект станицы Отрадной, анкеты для учета светского и монашеского духовенства всех религий Кубано-Черноморской области, анкеты о наличии и состоянии церквей и храмов в Отрадненской волости.

В опись дел вошли циркулярные распоряжения и постановления Армавирского и Баталпашинского отдельских исполнительных комитетов по сбору местного налога на содержание школ, больниц и других культурно-бытовых учреждений; инструкции о подготовке к посевной и уборочной компаниям; циркуляры об оказании помощи голодающему населению Поволжья; списки голодающих и хозяйств станицы Отрадной; ведомости на выдачу продуктов питания работникам волостного исполнительного комитета и его отделов; удостоверения личности граждан станицы Отрадной; сведения о количестве инвентаря у граждан населенных пунктов Отрадненской волости; копия декрета Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров о гражданском налоге для оказания помощи голодающим и на усиление борьбы с эпидемиями; авансовые отчеты и ведомости на выдачу заработной платы работникам исполнительного комитета; списки граждан, у которых конфискован инвентарь; описи имущества за неуплату продовольственного налога; поселенные списки плательщиков единого продовольственного налога по Отрадненской волости; объявления военного отдела о регистрации военнообязанных для принятия их на учет; книга учета лошадей и других животных по населенным пунктам Отрадненской волости [5].

Архивный фонд № Р-249 «Отрадненский районный секретариат профсоюзов». Отрадненский районный секретариат профсоюзов был образован в 1924 году в станице Отрадной Армавирского округа Северо-Кавказского края и входил в Армавирский окружной Совет профсоюзов. Документы Отрадненского районного секретариата профессиональных союзов отложились с 1924 года. В 1927 году секретариат прекратил свое существование.

Структура Отрадненского районного секретариата профсоюзов состояла из следующих отделов: 1) сектор управления; 2)организационный сектор; 3)сектор культурно-просветительный. Хронологические рамки фонда охватывают период с 1924 по 1927 гг. В опись дел постоянного хранения фонда "Отрадненский районный секретариат профсоюзов" вошли протоколы профсоюзного секретариата Отрадненского района, протоколы комитетов профсоюзов района, протоколы секретариата профсоюзов Отрадненского района, доклады о работе, переписка по вопросам деятельности и другие [6].

Архивный фонд № Р-474 «Отрадненский станичный Совет рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов и его исполком».

В 1921 году на территории станицы Отрадной был образован и начал деятельность Отрадненский станичный Совет рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов, выполнявший роль переходных органов власти и способствовавший укреплению позиций Советской власти в станице. Структура Отрадненского станичного Совета состояла из следующих отделов: 1) стол общей канцелярии; 2) земельный стол; 3) стол местного хозяйства; 4) земельный подотдел; 5) финансово-налоговый стол. Хронологические рамки фонда охватывают период с 1921 г. по 1923 г. В состав фонда вошли списки депутатов Отрадненского станичного и членов исполкома, приказы председателя Отрадненского станичного исполкома, циркуляры Отрадненского райисполкома, списки лишенных избирательных прав, списки неплательщиков недоимок и другие [7].

Архивный фонд № Р-499 «Отрадненская районная краснопартизанская комиссия». Краснопартизанские комиссии в городах и районах были созданы с целью подтверждения факта участия граждан в боях за Советскую власть. В настоящее время фонд по двум описям насчитывает

2582 единицы хранения личных дел бывших красных партизан Отрадненского района [8].

Архивный фонд № Р-568 «Революционный комитет станицы Отрадной». Революционный комитет станицы Отрадной был создан в сентябре 1920 года и сосредоточил всю полноту гражданской и военной власти на месте. Структура ревкома была представлена несколькими отделами, что нашло отражение в составе документов, вошедших в фонд. Ревком состоял из следующих отделов: 1) общий отдел, 2) земельный отдел, 3) военный отдел. В 1921 году ревком был упразднен.

Документы фонда во время оккупации города Армавира в годы Великой Отечественной войны были эвакуированы и вернулись частично утраченными. В настоящее время состав документов фонда представлен следующими видами: постановления, приказы, распоряжения, инструкции центральных органов Советской власти, списки служащих различных учреждений и организаций станицы Отрадной, различного рода переписки, протоколы заседаний ревкома, доклады о работе ревкома, циркуляры и др. [9].

Архивный фонд № Р-575 «Девятый районный военный комиссариат станицы ОтрадноеБаталпашинского отдела». История фондообразователя неизвестна. Хронологические рамки фонда охватывают период с 1920 по 1922 гг. Дата первого приема документов точно не установлена. В 1962 г. все дела фонда были рассекречены и переданы на общее хранение. Состав фонда представлен следующими видами документов: 1) инструктивно-распорядительные указания Баталпашинского отдельского военного комиссариата; 2) приказы и циркуляры; 3) списки граждан станицы Отрадной; 4) переписка. Фонд насчитывает семь единиц хранения [10].

Таким образом, из перечисленных видов документов, вошедших в вышеуказанные фонды, вполне возможно проследить историю района за обозначенный временной период. Данные документы представляют большой исследовательский интерес и пользуются спросом у студентов, желающих знать историю своей малой Родины, у ученых-историков, пишущих научные работы, у краеведов, свято чтящих и трепетно оберегающих историю родного края.

Примечания:

1. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.). Краснодар, 1986. С. 64.
2. Там же. С. 64–65.
3. Там же. С. 94.
4. Там же. С. 97–106.
5. Архивный отдел администрации муниципального образования город Армавир (АОАА). Ф. Р-144. Оп. 1.
6. АОАА. Ф. Р-249. Оп. 1.
7. АОАА. Ф. Р-474. Оп. 1.
8. АОАА. Ф. Р-499. Оп. 1.
9. АОАА. Ф. Р-568. Оп. 1.
10. АОАА. Ф. Р-575. Оп. 1.

С.Ю. Яковлев

Из истории и деятельности архивных учреждений в России

Историю архивного дела в России можно подразделить на несколько периодов:

– первый период охватывает время с IX до конца XV столетия, его характерной чертой являлось хранение письменных источников вместе с материальными ценностями. Хронологически первый этап охватывает время существования Древнерусского государства и период феодальной раздробленности;

– второй период включает время с конца XV и до начала XVIII столетия, а именно до принятия Генерального регламента в 1720 году. Характерной чертой второго периода являлось раздельное хранение письменных источников и материальных ценностей, однако, документы исторического характера хранились совместно с текущим делопроизводством. Хронологически второй этап охватывает время существования Русского централизованного государства;

– третий период с 1720 по 1917 год, это время образования первых исторических архивов, что явилось качественным отличием от всех предыдущих периодов. Именно в это время архивы превращаются в самостоятельную структурную часть учреждений. Хронологически третий этап охватывает период существования Российской империи;

– четвертый этап заключает время с 1918 по 1991 год, период национализации документов, создания сети государственных архивов страны, создания и развития научно-справочного аппарата к документам. Хронологически четвертый этап охватывает период существования советского государства.

– последний, пятый этап – с 1992 года по настоящее время характеризуется дальнейшим развитием архивной службы России, совершенствованием архивного законодательства, образованием муниципальных архивов и архивов документов по личному составу [1].

Перемены, связанные с экономическими реформами в этот период вызвали появление фондообразователей негосударственной формы собственности, а также существенно повлияли на формы и методы работы архивных учреждений. Однако в связи с распадом СССР значительно сузилась источниковедческая база по истории страны и отдельных ее территорий. Вышли из архивной системы России архивные учреждения бывших советских республик.

Образование архивов как учреждений для хранения и использования документов относится к XVIII в. Важную роль в создании исторических архивов сыграли документы, откладывающиеся при Сенате и его учреждениях.

Создание первых архивных учреждений России тесно связано с реформами государственного аппарата страны в начале XVIII в. Петровские преобразования привели к существенным изменениям и в области архивного дела. Вместе с фондами ликвидированных организаций архивы создавались при высших, центральных и местных учреждениях. В дальнейшем эти организации и стали источниками комплектования для исторических архивов.

В 1724 году был образован первый исторический архив – Московский главный архив коллегии иностранных дел (МГАКИД). Документы архива имели большое практическое, научное и политическое значение. В них освещалась внешняя политика Русского государства в XV–XVII веках, важнейшие события внутренней жизни страны и многое другое.

Разрядно-Сенатский архив (РСА) был образован в 1763 году. Основу РСА составили документы Разрядного приказа. Особенно остро стоял вопрос с помещениями. Документы Разрядно-Сенатского архива хранились в разных районах Москвы, причем в нескольких местах. Только в 1793 году был решен вопрос с помещением архива. РСА переехал в специально построенное здание.

К 1780 году относится образование одного из крупнейших архивов дореволюционной России – Петербургского государственного архива старых дел (ПГАСД). В ПГАСД поступали документы ликвидированных коллегий, полицмейстерской канцелярии, главного магистрата и др. В архиве работало значительное количество сотрудников, всего по штату числилось 22 человека.

Среди архивных учреждений страны особое место занимал Московский государственный архив старых дел (МГАСД), который был образован в 1782 году. Это был крупнейший архив России. В архиве было сосредоточено более 6 миллионов дел.

Самым привилегированным архивом дореволюционной России был образованный в 1786 году Поместно-Вотчинный архив (ПВА). Главную часть архива составили документы упраздненной Вотчинной коллегии. В ПВА трудился 161 сотрудник. Архив проводил огромную справочную работу по исполнению поступающих запросов. Вся деятельность архива регламентировалась специально разработанными инструкциями.

В 1852 году на базе трех архивных учреждений: ПВА, РСА и МГАСД возник самый крупный архив дореволюционной России – Московский архив министерства юстиции (МАМЮ). Архив расположился в здании межевого института в Москве. В МАМЮ работали выдающиеся дореволюционные архивисты: Калачев, Иванов, Попов. Московский архив министерства юстиции был большим авторитетом в области обеспечения сохранности документов, определения их научной ценности, использования и создания справочного аппарата к документам. Архив оказывал другим архивным учреждениям методическую помощь в их работе. Штатная численность архива была небольшой и составляла всего 30 человек [2].

Октябрьская революция 1917 года изменила работу архивных учреждений страны. Революция сломала старую государственную машину и создала новый государственный аппарат [3]. 1 июня 1918 года Совет народных комиссаров принял декрет «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР». Декрет произвел переворот в организации архивного дела в стране. Была упразднена ведомственная

собственность на архивные документы, архивы были национализированы. По декрету был образован Единый государственный Архивный фонд и в целях контроля за деятельностью архивных учреждений было создано Главное управление архивным делом.

В 1941 г. была утверждена новая сеть центральных государственных архивов страны[4]. Тяжелые испытания легли на плечи архивистов в период Великой Отечественной войны. Значительная часть исторических источников на оккупированных немцами территориях погибла, многие архивные документы пришлось эвакуировать вглубь страны. Ущерб, нанесенный фашистами, по последним данным составил: примерно 84 миллиона 699 тысяч дел, 1 миллион 191 тысяча килограмм россыпи документов, 862 тысячи единиц фотодокументов, 50 тысяч метров кинопленки [5].

В течение нескольких послевоенных лет государственные архивы занимались проверкой наличия и состояния документов, их учетом, систематизацией и описанием необработанных материалов. Одновременно выявлялись документы для использования их в народном хозяйстве: для восстановления разрушенных предприятий, электростанций, шахт, памятников архитектуры и т.п. В послевоенный период создается и развивается научно-справочный аппарат к документам. С целью обеспечения сохранности документов в архивах развернулась длительная работа по картонированию документов.

Произошедшие в начале 1990-х годов изменения в идеологии, общественно-экономических отношениях, распад СССР, возникновение множества предприятий и организаций негосударственной формы собственности и другие факторы привели к реформированию деятельности Государственной архивной службы России.

7 июля 1993 года в отечественном архивном деле произошло заметное событие – были приняты Основы законодательства РФ об Архивном фонде РФ и архивах [7]. Впервые был утвержден основополагающий нормативный акт по регулированию взаимоотношений граждан, общества и государства в сфере архивного дела. А 22 октября 2004 года был принят Федеральный закон «Об архивном деле в РФ» [8], которым руководствуется архивная служба страны сегодня. Закон регулирует отношения в сфере организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов независимо от их форм собственности, а также отношения в сфере управления архивным делом в Российской Федерации в интересах граждан, общества и государства.

Примечания:

1. См.: *Яковлев С.Ю.* Основы архивоведения. Армавир, 2001. С. 9–10.
2. См.: *Самошенко В.Н.* История архивного дела в дореволюционной России. М., 1989. 215 с.
3. *Крайская З.В.* Организация архивного дела в СССР. М., 1980. С. 9.
4. См.: *Максаков В.В.* История и организация архивного дела в СССР. 1917–1945. М., 1969. С. 369.
5. *Цаплин В.В.* О розыске документов, похищенных в годы войны из архивохранилищ СССР // Отечественные архивы. 1997. № 5. С. 7.
6. Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Положения о Комитете по делам архивов при Правительстве Российской Федерации и сети федеральных государственных архивов и центров хранения документации» // Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 3–4.
7. Основы законодательства Российской Федерации об Архивном фонде Российской Федерации и архивах // Отечественные архивы. 1993. № 5. С. 3–10.
8. Собр. Законодательства Российской Федерации. 2004. № 43. Ст. 4169.

С.А. Фесенко

Комплектование Архивного отдела администрации муниципального образования город Армавир документами учреждений организаций и предприятий

Комплектование архивных учреждений – это систематическое его пополнение документами в соответствии с профилем и действующими законодательством. Профиль архива определяется Федеральной архивной службой Российской Федерации.

Комплектование архива включает:

– определение источников комплектования архива;

– определение состава документов, подлежащих приему в архив;

– прием-передачу документов в архив.

Правовой и нормативной основой комплектования архива являются законы и иные правовые акты Российской Федерации и субъектов Российской Федерации,

распорядительные и нормативные документы Федеральной архивной службы России, органов управления архивным делом субъектов Российской Федерации, в соответствии с которыми он обязан принять, а соответствующие государственные организации обязаны передать в архив документы Архивного фонда Российской Федерации в установленные законом и подзаконными актами сроки и в соответствии с установленной процедурой.

На основе действующего законодательства архив комплектуется документами, передаваемыми ему негосударственными организациями и физическими лицами безвозмездно или за плату. Архив может по своей инициативе создавать документы, отражающие исторически значимые явления и процессы.

Одной из основных задач архивного отдела администрации муниципального образования город Армавир (далее – Архивный отдел) является комплектование документами, имеющими историческое, научное, социальное, экономическое, политическое или культурное значение.

Архивный отдел совместно с источниками комплектования рассматривает и готовит к согласованию управления архивов министерства культуры Краснодарского края или согласовывает в соответствии с предоставленными ему полномочиями инструкции по делопроизводству, примерные и индивидуальные номенклатуры дел, положения об архивах и экспертных комиссиях источников комплектования архива. Архивный отдел активно участвует в работе экспертных комиссий источников комплектования.

Ежегодно Архивный отдел принимает участие в проверках соблюдения правил организации хранения, комплектования, учета и использования архивных документов в источниках комплектования архива, организуемых управления архивов министерства культуры Краснодарского края. Таких проверок за год осуществляется до десяти.

Архивный отдел в пределах предоставленных ему полномочий в целях формирования и обеспечения сохранности документов Архивного фонда Российской Федерации, находящихся на временном хранении, осуществляет взаимодействие с делопроизводственными, архивными и экспертными службами источников его комплектования. В этих целях Архивный отдел оказывает вышеуказанным службам методическую и практическую помощь:

в организации документов в делопроизводстве и формировании дел;

по отбору документов в состав Архивного фонда Российской Федерации и подготовке их к передаче на постоянное хранение;

по упорядочению документов по личному составу;

по ведению учета документов Архивного фонда Российской Федерации, находящихся на временном хранении;

по подготовке нормативных и методических документов по вопросам делопроизводства и архивного дела;

по совершенствованию работы делопроизводственных, архивных и экспертных служб источников комплектования;

в повышении профессиональной квалификации работников указанных служб.

Государственные органы и органы местного самоуправления включаются в списки источников комплектования государственных и муниципальных архивов в обязательном порядке. Источниками комплектования архивного отдела администрации муниципального образования город Армавир выступают также организации и граждане, в процессе деятельности которых образуется документы Архивного фонда Российской Федерации.

Негосударственные организации, а также граждане включаются в списки источников комплектования Архивного отдела на основании договора. Отнесение к источникам комплектования архива производится на основании критериев:

для организации:

– функционально-целевое назначение организации (для группы организаций, выполняющих аналогичные функции, используется форма выборочного приёма);

– полноты отражения информации о деятельности организации в архивных фондах других организаций;

для граждан:

– вклад гражданина в развитие науки, культуры и других областей деятельности;

– его роль в качестве участника, очевидца выдающихся событий в жизни общества;

– родственные, дружеские, творческие связи гражданина, место работы, занимаемая должность;

– типичность его архивных документов для эпохи (документы «рядовых» граждан);

– состав и содержание собранных гражданином архивных документов.

Список источников комплектования составляется Архивным отделом на основании законодательства об архивном деле в Российской Федерации, а также рекомендаций управления архивов министерства культуры Краснодарского края, подготовленных самостоятельно или совместно с другими федеральными органами исполнительной власти, в том числе осуществляющими депозитарное хранение документов Архивного фонда Российской Федерации.

Архивный отдел администрации муниципального образования город Армавир ведет список организаций – источников комплектования по установленной форме.

Список граждан (собственников или владельцев архивных документов) – источников комплектования ведется по принятой в Архивном отделе форме с обязательным указанием фамилий, имен, отчеств, адресов места жительства, юридического обоснования возможности передачи их архивных документов в архив. В архиве, принимающем на хранение различные виды архивных документов, составляются и ведутся самостоятельные списки организаций – источников комплектования научно-технической документацией, списки организаций – источников комплектования аудиовизуальными документами.

Архивный отдел ведет наблюдательное дело на каждый государственный орган, орган местного самоуправления и организацию – источник комплектования архива, в которое включаются документы, характеризующие его правовой статус и деятельность, а также работу архива и организацию документов в делопроизводстве. Наблюдательное дело может быть заведено и на гражданина – источник комплектования архива, в которое включаются сведения о составе и содержании его архивных документов.

В целях учета работы с источниками комплектования архив может создавать учетно-справочные картотеки и базы данных.

Основными задачами архивного отдела администрации муниципального образования город Армавир в области комплектования являются:

– составление списков организаций – источников комплектования;

– отбор и прием документов постоянного и долговременного хранения;

– проведение в установленном порядке экспертизы ценности документов;

– осуществление организационно-методического руководства за деятельностью ведомственных архивов и организацией документов в делопроизводстве органов местного самоуправления, муниципальных организаций;

– содействие организациям других форм собственности в сохранении, комплектовании и использовании их архивов: проведение проверок состояния делопроизводства и ведомственного хранения документов;

– ведение в установленном порядке учета документов, хранящихся в организациях-источниках комплектования;

– рассмотрение и согласование положений о ведомственных архивах, экспертных комиссиях, номенклатур дел организаций;

– рассмотрение и представление в управление архивов министерства культуры Краснодарского края поступивших от организаций описей дел постоянного хранения;

– проведение совещаний, семинаров, консультаций по вопросам организации и методики работы с документами.

В целях выполнения основных задач архивный отдел администрации муниципального образования город Армавир осуществляет следующие функции:

– организует комплектование и определяет состав документов, подлежащих приему на хранение;

– ведет учет документов Архивного фонда, хранящихся в архивном отделе администрации муниципального образования город Армавир;

– осуществляет научно-методическое руководство и контроль за работой ведомственных архивов и организацией документов в делопроизводстве государственных и муниципальных учреждений, а также негосударственных организаций на основе договорных отношений;

– организует создание баз данных, а также традиционных видов архивных справочников для обеспечения поиска информации о составе и содержании документов;

– изучает, обобщает и распространяет передовой опыт работы государственных и муниципальных архивов;

– рассматривает предложения и заявления юридических и физических лиц и принимает по ним необходимые меры, проводит прием граждан по вопросам, относящимся к его компетенции.

Архивный отдел обеспечивает государственное хранение, комплектование учёт и использование архивных документов ликвидированных организаций о трудовой деятельности граждан Армавира в соответствии со сроками и в порядке, установленными действующим законодательством.

Архивный отдел комплектуется архивными документами, образующимися в деятельности органов государственной власти, государственными учреждений, организаций и предприятий или приобретёнными самим архивном отделом документами, а также документами, переданными им негосударственными учреждениями, организациями и предприятиям и гражданами.

Документы, хранящиеся в архивном отделе администрации города, подразделяются на управленческую документацию, документы личного происхождения, научно-техническую документацию, документы по личному составу, кино и фотодокументы.

Документы досоветского периода, содержащиеся в фондах городского, уездных, волостных учреждений бывшего Лабинского отдела (в частности, Армавирской городской управы, уездного казначейства, маслобойного завода Аведова, Гулькевичского волостного правления), отражают историю Армавира и Лабинского отдела Кубанской области [1]. Сохранились документы о преобразовании селения Армавир в город, сведения о землеустройстве, экономическом положении, развитии городского уклада жизни. В фонде «Армавирской городской управы» за 1915–1920 годы содержатся протоколы Армавирской избирательной комиссии, списки кандидатов в гласные городской Думы, журналы заседаний городской Думы, заявления и жалобы населения города на большевиков и органы советской власти о причинении материального ущерба, удостоверения и свидетельства, выданные городской управой отдельным лицам на право торговли. В документах фонда «Лабинское уездное казначейство» представлены книги учета граждан, получивших промысловые свидетельства [2].

Из фондов досоветского периода особой полнотой отличаются фонды «Правления акционерного общества Армавир-Туапсинской железной дороги» и «Коллекция метрических книг церквей города Армавира». В документах фонда «Правление акционерного общества Армавир-Туапсинской железной дороги» освещается строительство железной дороги до Черноморского побережья. Среди документальных источников имеются: устав общества, журналы заседаний правления, протоколы общих собраний акционеров. Значительное место в фонде занимают материалы об изыскательских работах при строительстве Армавир-Туапсинской железнодорожной линии, сведения о строительстве Туапсинского порта, договоры общества на постройку мостов и тоннелей, изготовление вагонов, поставку рельсовых скреплений, чугунного литья, труб, цемента и др. Интерес представляют и экономические записки о районах, примыкающих к железнодорожной ветви, сведения о количестве перевезенных по железной дороге грузов, о размерах убытков, причиненных дороге во время гражданской войны, документы о национализации железной дороги [3].

Документы фонда «Коллекция метрических книг церквей города Армавира» содержат информацию о рождении, смерти, бракосочетании жителей Армавира за период с 1854 по 1921 годы. Среди них материалы православных, армяно-григорианских и лютеранской религиозных учреждений [4].

Советский период широко представлен документами местных органов государственной власти и органов государственного управления: фондами ревкомов, исполкомов, военных комиссариатов, совхозов, документы, которых отражают этапы становления советской власти, борьбу с белогвардейцами в годы гражданской войны, коллективизацию сельского хозяйства, восстановление экономики города и близлежащих районов в первые годы после установления советской власти. Документы фондов промышленных предприятий повествуют об истории развития промышленности в городе Армавире. Среди комплекса

источников по истории советской эпохи особую значимость имеют документы исполнительного комитета Армавирского городского Совета народных депутатов за 1920–1991 годы. Это решения исполкома, протоколы сессий горсовета, документы о работе отделов горисполкома и постоянных комиссий, переписка о восстановлении и благоустройстве города, документы о состоянии и развитии промышленности и сельского хозяйства, а также сведения о религиозной и гражданской обрядности, отчеты о деятельности религиозных организаций. Промышленность города представлена крупнейшими предприятиями: приборостроительный завод, завод испытательных машин, электротехнический завод, масложиркомбинат и др. Важное место среди документов промышленных предприятий имею приказы руководителей по производственным вопросам, техпромфинпланы, рацпредложения, внедренные в производство, нормы расходов сырья и материалов, отчеты об основной деятельности, справки о состоянии соцсоревнования на заводах, списки лучших производственников, протоколы заседаний профкомов [5].

Учреждения образования представлены отделом народного образования Армавирского горисполкома за 1943–1991 годы: протоколы совещаний руководителей школ, заседаний комиссии по делам несовершеннолетних, доклады и отчеты о состоянии народного образования, сведения о реорганизации школ [6].

Здравоохранение города представлено отделом здравоохранения Армавирского горисполкома за 1920–1991 годы: планы и отчеты о работе городского отдела здравоохранения, списки врачей, сеть и штаты учреждений здравоохранения, обзор санитарно-эпидемиологического состояния населения, планы и отчеты о работе родильного дома, больниц, поликлиник и других лечебных учреждений, списки лучших медработников [7].

Научные учреждения представлены Кубанским научно-исследовательским институтом испытания тракторов и сельскохозяйственных машин за 1946 –1991 годы: приказы директора по основной деятельности, протоколы заседаний Ученого совета, производственно-финансовые планы, планы научно-исследовательских работ, научно-техническая документация. Другое значимое научное учреждение города – Армавирский государственный педагогический институт. Документы поступили с 1954 по 1991 годы. Это приказы ректора по производственным вопросам, годовые планы учебно-воспитательной работы, годовые отчеты о работе кафедр, протоколы заседаний членов совета института, годовые отчеты о работе института [8].

Религиозные учреждения представлены Свято-Троицкой церковью города Армавира за 1905–1999 годы. Среди материалов церкви имеются Пасхальные приветствия Патриарха Московского и Всея Руси, книги регистрации крещений, переписка с Епархиальным управлением по вопросам деятельности церкви [9].

Архивный отдел администрации города Армавира хранит коллекции документов по истории города и прилегающих к нему населенных пунктов, по истории Великой Отечественной войны [10].

Большую историческую ценность представляет акт городской комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в период оккупации Армавира, составленный в конце 1943 года. В акте зафиксированы факты массовых расстрелов и пыток советских граждан, ущерб, который понес город в экономической, культурной и социальной сферах за период оккупации [11].

В архивном отделе имеются документы Управления лагеря № 423 НКВД СССР. Документы проливают свет на условия содержания немецких военнопленных, а также военнопленных других государств – союзников Германии во второй мировой войне [12].

Фонды личного происхождения представлены документами участника событий 1917 года и Гражданской войны на Кубани А.Н. Марчихина, краеведа П.Г. Нового, известного кавказоведа В.Б. Виноградова, ученых С.Л. Дударева и С.Н. Ктиторова [13].

Документы в архивный отдел администрации муниципального образования город Армавир передаются по истечению сроков ведомственного хранения. Архивный отдел составляет график приема документов (издается приказ, гриф утверждения) и информирует об этом организацию. Дела сдаются по сдаточным описям и актам. Сдаточные описи – для сверки наличия, акты в двух экземплярах. Пока документы

находятся на хранении в организации, опись содержится в наблюдательном деле, а после приема в архивный отдел, она передается в читальный зал. Дела передаются в упорядоченном виде с проведенной научно технической обработки вместе с описью. Если выявляется отсутствие дела, но оно есть в описи, то делается отметка и в сдаточной описи и в акте.

Потом проставляется итоговая запись о количестве реально переданных дел. От граждан документы могут поступать по договору, по завещанию, по договору купли-продажи и по решению суда. Виды приема: Сплошной – все документы. Выборочный – повидовой и групповой. Повидовой выборочный прием предполагает, что в архивный отдел поступают отдельные виды и разновидности создаваемых источниками комплектования документов. Групповой – это выделяется группа организаций от которых принимается вся совокупность документов. Выбор вида приема зависит от специфики региона и решается архивистами самостоятельно.

Документы принимаются от ведомств по описям дел постоянного хранения с визой экспертно-проверочной комиссии (ЭПК) управления архивов министерства культуры Краснодарского края, а также по актам приема-передачи. Передача документов из каждого учреждения – источника комплектования в архивный отдел осуществляется ежегодно или раз в 3-5 лет (в зависимости от объема документов фондообразователя). Комплектование государственного архива документами данного фондообразователя осуществляется в несколько этапов: с начала на заседании ЭПК госархива утверждается опись дел постоянного хранения, которые должны быть переданы в архив (этот экземпляр описи остается в государственном архиве); затем в ведомственный архив выезжает сотрудник государственного архива для проверки физического и санитарно-гигиенического состояния дел, оформления дел и т.д.; наконец, на последнем этапе, в соответствии с описями поединично передаются дела на постоянное хранение.

Основным документом, на основании которого производится прием документов на хранение, является акт приема-передачи документов на хранение. В акте указывается учреждение, передающее документы, и архив, в который они поступают, причина передачи (истечение сроков ведомственного хранения или ликвидация учреждения), а также реальное количество передаваемых копий, количество особо ценных дел и др. Акт составляется в двух экземплярах, подписывается представителями государственного и ведомственного архивов. Вместе с документами передаются еще два экземпляра описи (в дополнение к экземпляру, оставшемуся в архиве после утверждения описи на ЭПК государственного архива).

Примечания:

1. См.: Архивный отдел администрации муниципального образования город Армавир (АОАА). Ф. 17. Армавирская городская управа. Ф. 46. Армавирское уездное казачество. Ф. 50. Маслобойный завод Аведова в городе Армавире. Ф. 45. Гулькевичское волостное правление.
2. См.: АОАА. Ф. 17. Армавирская городская управа Ф. 48. Лабинское уездное казначейство.
3. Там же. Ф. 51. Акционерное общество Армавир-Туапсинской железной дороги. Оп. 2. Д. 168, Д. 46, Д. 241; Оп. 1. Д. 59, 61.
4. См.: Там же. Ф. 55. Коллекция метрических книг церквей города Армавира.
5. См.: Там же. Ф. Р-50. Армавирская городская советская рабоче-крестьянская милиция; Ф-58. Ново-Кубанский волостной Совет рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов и его исполнительный комитет; Ф. Р-145. Исполком Армавирского городского Совета народных депутатов; Ф. Р-24. Армавирский приборостроительный завод «Армалит».
6. См.: Там же. Ф. Р-1329. Управление образования администрации города Армавира.
7. См.: Там же. Ф. Р-751. Управление здравоохранения администрации муниципального образования город Армавир.
8. См.: Там же. Ф. Р-90. Кубанский научно-исследовательский институт испытания тракторов и сельскохозяйственных машин (КубНИИТиМ); Ф. Р-1319. Армавирский государственный педагогический институт.
9. См.: Там же. Ф. Р-133. Свято-Троицкий собор города Армавира.
10. См.: Там же. Ф. Р-1271. Коллекция документов по истории города Армавира и прилегающих к нему населенных пунктов; Ф. Р-22. Коллекция документов и материалов участников Великой Отечественной войны и воинов-интернационалистов.
11. Там же. Ф. Р-546. Армавирская городская комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям и государственным предприятиям города Армавира. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–3.
12. См.: Там же. Ф. Р-531. Управление лагеря № 423 Министерства Внутренних Дел СССР.
13. См.: Там же. Ф. Р-1360 Марчихин Александр Никанорович – участник революции 1917 года и гражданской войны на Кубани; Ф. Р-1363. Новый Павел Гаврилович – краевед; Ф. Р-97. Виноградов Виталий Борисович; Ф. Р-159. Дударев Сергей Леонидович; Ф. Р-330. Ктиторов Сергей Николаевич.

IV. ИСТОРИЯ

А.В. Демидов

О подготовке к взятию Анапы в 1828 г.

Русско-турецкой войне 1828–1829 годов предшествовало довольно много событий. Одним из них было заключение 23 марта 1826 г. Петербургского договора [1], по которому Россия и Англия согласились содействовать сообща по примирению Турции и Греции. Но эти мирные инициативы двух стран не помешали началу подготовки к силовому варианту решения проблем между этими странами.

В перспективные планы русского правительства входило намерение опять овладеть Анапой. Несмотря на то, что новая война ещё была в очень далекой перспективе, русские генералы решили не терять время и начать предпринимать активные меры к разработке плана военных действий. Общий замысел действий был рассчитан на одновременные действия русских войск сразу на нескольких направлениях, в одно из которых входила крепость Анапа, как оплот Порты в Закубанье, где она имела огромное влияние на проживающие здесь горские народы.

Анапа была возвращена Порте осенью 1812 г. Изменения в её состоянии, вооружении и укреплениях с того времени для русского командования были неведомы, поэтому было принято решение собрать точные сведения о мощи Анапских укреплений и его гарнизона. Задача эта была поручена князю А.С. Меншикову, который очень ответственно подошёл к выполнению этой задачи. Замысел его разведывательных действий состоял из действий одновременно по нескольким направлениям.

Одним из самых известных мероприятий по сбору сведений об Анапе была попытка получить данные о крепости Анапа на момент передачи её Порте в 1812 г. Эти действия были описаны следующим образом: «*Нужно припомнить, что всё время с 1807 по 1812 год, когда Анапа находилась в русских руках, комендантом её был генерал-майор Бухгольц, женатый на черкесской княжне и через неё имевший в горах большие родственные связи. К нему-то – он был тогда комендантом в Керчь-Еникале – и обратился в 1827 году князь Меншиков»* [2]. Не будем обращать внимание на тот факт, что Потто ошибается, ведь под русский контроль Анапа перешла не в 1807, а в 1809 г., а К.К. Бухгольц прибыл в Анапу только в 1810 г. [3].

Это секретное письмо Керчь-Еникольскому коменданту К.К. Бухгольцу за № 61 от 21 декабря 1827 года было подписано начальником Главного Штаба Его Императорского Величества графом И.И.Дибичем: *«Желая иметь сколь возможно подробные сведения касательно крепости Анапа, я покорнейше прошу Ваше Превосходительство сообщить мне всё, что по бывшему званию Вашему в оной, могли Вы собрать любопытного как на счёт положения сей крепости и её силы, так же и окружающих оную мест, равномерно уведомить в каком виде сия крепость сдана была вами Турецкому правительству, сколько в ней находилось орудий и вообще сообщить мне все подробности, которые только могут служить к совершенному познанию положения и силы сего места, доставив равномерно имеющиеся у Вас планы сей крепости»* [4].

На этот запрос сам Бухгольц ввиду своей болезни ответить не смог, за него это сделала жена уже после его кончины*: “Разбирая бумаги покойного мужа, касающиеся сдачи им Анапы, я нашла подробный план крепости, который при сем и посылаю. А так как я находилась в Анапе вместе с моим мужем, то знаю лично, что крепость эта была вооруженная, но, по приказанию мужа, когда ее сдавали Порте в 1812 году, разрушены были главные укрепления и самые контрфорсы ослаблены, а орудия свезены на флот. По настояниям паши оставлено было в то время там лишь несколько самых дурных пушек с негодными лафетами. Подробное описание Анапы, как я полагаю, погибло во время кораблекрушения, которое постигло судно, ибо ехавший на нём священник с семейством, вся канцелярия и всё наше имущество утонули».* Бухгольц во главе анапского гарнизона следовал по суше от Анапы до переправы на Бугазе и далее в Тамань. Из-за сильнейшего ветра он решил свою семью не отправлять морем, как своё имущество. Он взял семью с собой, чем спас их от гибели. О «плохом

ветре» в тот день и отвратительной переправе он сообщал рапортом от 26 октября 1812 года [5].

Далее Потто пишет: *«Чем кончилась эта интересная переписка и вообще, были ли успешны тогда попытки Меншикова собрать сведения об Анапских укреплениях – неизвестно».* Как оказалось, сведения о состоянии Анапы собрать удалось и результаты сбора этих сведений и проведённой разведки Генеральным Штабом прекрасно сохранились и находятся в каталоге Военно-ученого архива РГВИА под заголовком: «Сведения о крепости Анапе» [6].

Рассмотрим некоторые документы из этого дела. Первые документы датированы 7-м апреля 1826 года. Это отношение №1761 1-го отделения Инженерного Департамента Военного Министерства с приложением чертежей крепости Анапа и записки «Об Анапской крепости», которая была составлена инженер генералом графом К.И. Опперманом:

«По имеющимся в Инженерном Департаменте 1810 и 1813 годов планам и профилям оной крепости значится:

– Пространство её велико, имея более 1800 сажень в окружности, в том числе до 500 сажень вовсе без укрепления; но с прекрутым каменистым берегом высотой до 40 футов так, что сию часть должно почитать самою сильною.

– Искусством же укреплённая часть показана различным профилем, с эскарповой стеной высотой от 20 до 30 футов.

– Бастионы мелки и дурно фланкированы.

– Въезд в крепость прикрыт слабым земляным редантом [6].

– Против 7-го бастиона имеется значительное возвышение, которое показано занятым люнетом [7] *весьма слабой профили; с сей высоты удобно кажется анфимировать* [8] *весьма короткие два полигона, в коих бастионы 4, 5 и 6.*

– Внутри крепости весьма не много строений большей частью мелких.

– Для лучшего ещё усмотрения, предоставляются при сём план 1810го и план по профили 1813го годов».

Эта записка сообщает нам, что в распоряжении Генерального штаба ещё в 1826-м году имелись подробные чертежи крепости и её профилей по состоянию на 1810 и 1813 годы. Эти чертежи были исполнены капитаном анапской инженерной команды Кузьминым.

Другим направлением в подготовке к действиям против Анапы было выбрано исследование имеющегося опыта штурма крепости в 1791 году под командованием генерал-аншефа И.В. Гудовича. Об этом свидетельствует рапорт генерал квартирмейстера генерал-майора А.И. Хатова от 11-го мая 1826 года, в котором он докладывает о доставке *«Плана крепости Анапы, взятой штурмом под предводительством генерала аншефа Гудовича в 1791 г. июня 22 дня».* Этот план пояснял решение Гудовича атаковать крепость с её южной стороны.

Через несколько дней, 26-го мая 1826 года, от князя А.С.Меншикова Генштаб получает подробную аналитическую записку «О крепости Анапа»:

«Точных и подробных сведений о Крепости Анапа здесь не имеется, но по соображению сказуемого о сём городе вывесть можно следующие заключения:

Приморская сторона крепости слабая и едва имеет укрепления.

Сия часть, быв на крутом берегу, десантные лодки приближаясь к самой крепости будут от огня батарейной безопасны, находясь ниже черты выстрелов.

В сей Крутыти есть несколько спусков и оврагов к морю и сумнительно чтобы купюрами [9] *оборонялись.*

К крепости и южнее оной глубина моря дозволяет подходить большим судам довольно близко и вероятно под прикрытием оных может быть сделан десант но после высадки скалистые крутости могут затруднить войска.

Севернее от Крепости при устьи речки Бугур и выше оной простирается отмель, препятствующая большим судам приближаться к берегу.

Вал и рвы были осыпавши но в течение осени 1825 года поправляли крепостные верки.

Анапа с некоторого времени не имеет собственного паши но подчинена Трабезондскому и управляется его каймаканом [10].

Гарнизон сей крепости с командою находящегося в Суджук-Кале вероятно не превышает 500 человек турок. Но из близлежащих селений может иметь в подкреплении несколько тысяч горцев. Из сего обстоятельства выводится следующий вопрос: не нужно ли во время нападения на

сию крепость поставить обсервалюционный отряд [11], *дабы воспрепятствовать горцам подкреплять гарнизон и дабы самой гарнизон отрезать от Суджук-Кале?*

От сего вопроса рождены ещё другие:

Может ли таковой отряд быть высажен на берег вместе с нападающим десантом?

Или; неудобно ли будет определить для сего особую часть войска, которая приближалась бы к Анапе сухим путём либо морем:

Сухим путём от устья Кубани или Бугаза по косе. Что составит от 20 до 35 вёрст переходу от нашей границы.

Морем вдоль берега из Керчи на провиантской флотилии, там находящейся? Флотилия сия известна под названием Ланжероновской и должна состоять из 9 мореходных бриков и тендеров, имеющих в совокупности от 100 до 120 тонн.

Заметить должно, что многие десанты неудачны были по такому количеству гребных судов, штатом положенных на военных кораблях, от сего недостатка не возможно высадить всех войск одним разом и вышедшие на берег часто должны ожидать второго и третьего подвоза, дабы иметь достаточные силы для нападения. По мере отдаления кораблей от берега сие неудобство увеличивается, и внезапность атаки исчезает. Англичане в случае десанта имеют плоскодонные баркасы нарочито устроенные для усиления количества гребных судов корабельного флота.

При сем прилагается План нападения на Анапу в 1791 году».

Эта записка однозначно определяет автора всего замысла действий войск и осады Анапы в 1828-м году – им был А.С. Меншиков. В своей записке им чётко определены будущие основные черты действий русских войск, которые состояли из десанта и сухопутного отряда. Ещё за 2 года до высадки десанта с прибывшего к Анапе флота, Меншиков рассуждает о необходимости одновременной высадки всего имеющегося десанта и сообщает, что для этого на флоте нет достаточного количества баркасов. Их недостаток было предложено восполнить дополнительными средствами по английскому примеру. Так же он чётко предупреждает об отмели в анапской бухте, которая впоследствии в Анапской бухте не позволила линейным кораблям русского флота подойти близко к крепости и нанести существенный урон 4-му и 5-му бастионам крепости.

Стоит отметить некоторый вклад адмирала Алексея Самуиловича Грейга в подготовительные мероприятия к взятию Анапы. При Грейге братья Манганари приступили к комплексным исследованиям Чёрного моря, измерению его глубин, описанию берегов и составлению карт. Капитан 2-го ранга Критский, направленный Грейгом ещё в 1826 году с дипломатической миссией к анапскому паше, сумел выполнить промеры мелководной Анапской бухты. Именно результаты этих промеров учитывал А.С. Меншиков, когда составлял свою аналитическую записку.

Это были основные документы первого организационного этапа, в которых просматриваются заблаговременные мероприятия, направленные на подготовку к взятию Анапы.

Следующий подготовительный этап отслеживается по архивным документам, датируемых концом 1827 – началом 1828 года:

– 30 сентября 1827 года неподписанная «Заметка об Анапской крепости» (на французском языке);

– 8 ноября 1827 года «Записка о настоящем положении крепости Анапы» от графа Нессельроде;

– 17 декабря 1827 года рапорт Перовского с выписками из донесений (на французском языке) Тауша [12] и Люлье [13], первого из гор, а второго из турецкой крепости Анапы;

– 11 февраля 1828 года рапорт Перовского о поступлении к нему из корпусного штаба Отдельного Кавказского корпуса «Плана взятия крепости Анапы генерал-аншефом Гудовичем».

Эти четыре документа очень интересны и заслуживают того, чтобы они были процитированы полностью.

1. Заметка об Анапской крепости [14]

«Анапская крепость была освобождена русскими войсками в 1812-м году после подписания Бухарестского мира и восстановлена Ибрагим Пашой. Укрепления крепостного вала, располагающиеся со стороны поля, были сильно повреждены, но Акмель Паша (Achmel Pacha) их восстановил, создав внутри крепости подобие цитадели.

Все бастионы были восстановлены, дополнительно на крепостном валу из можжевельника возвели деревянный палисад.

В крепости оборудовано артиллерией 11-ть бастионов, семь из которых выходят на сушу и четыре – на море. Артиллерию обслуживают 12-ть офицеров и 250 артиллеристов. В крепости имеется 75 орудий различного калибра. Гарнизон крепости насчитывает 6-7 тысяч человек, 4 тысячи из которых только что прибыли из Анатолии на 9-ти кораблях, во главе с командующим крепостью – Пашой, 12-ти старших офицеров-полковников бимбаши (bimbachis), 50-ти младших офицеров сусбаши (sousbachis – заместители начальника батальона), 2-х инженеров и свиты Паши из 40-ка человек».

Бимбаши, согласно реформ султана Махмуда, это начальник батальона численностью до тысячи человек. В Анапу их прибыло 12-ть человек, из чего можно предположить, что численность анапского гарнизона планировалось довести как минимум до 10000 человек.

Следующий документ – это рапорт неизвестного русского разведчика, который сообщает много важной информации о состоянии крепостных укреплений, крепостной артиллерии, анапского гарнизона и численности жителей крепости. Рапорт подписан директором Азиатского департамента Министерства иностранных дел Российской империи Родофиникиным Константином Константиновичем, что подтверждает важность этого документа. Обилие сообщаемых сведений говорит о том, что разведчик провёл в крепости довольно много времени, он сумел провести подробный осмотр всей крепости, побывал во всех уголках Анапы, на её бастионах и даже имел возможность рассматривать клейма на пушках.

2. Разные сведения о крепости Анапа

«Анапская крепость находится в таком положении, в каком мы оную оставили. На крепости стоят те ж самые пушки, которые мы возвратили, и на них видна ещё насечка и нумерация, нами в Севастополе положенная. С морской стороны поставлено на крепость 32 орудия, а остальные расставлены по тем бастионам, кои обращены к полю. Наружных укреплений никаких не пристроено. Пушки поставлены по бастионам и только на одной куртине, с правой стороны от ворот, которыми выходят в поле, поставлены восемь пушек.

Платформы старые, сделаны были из брусьев не хорошо отёсанных, и потому площадь их не ровна и не гладка; станки у пушек ветхие, не хорошие и не все по одной форме сделаны. На некоторых станках передние колёса составлены из целой штуки дерева, величиною вдвое против задних, и все они покололись и ненадёжны. Амбразуры поделаны были из земли и глины, ничем не обложены, посыпались и во время действия и люди и пушки открыты будут неприятелю. Сверх тех пушек, кои расстановлены в крепости в Анапе, находятся 18 полевых орудий, доставленных из Константинополя прошлого году. Они находятся в исправности и сохраняются в небольшом Арсенале.

Жители в Анапе разделяются на два класса, на городских обывателей и гарнизон. Городские обыватели состоят: из природных жителей и приезжих из Анатолии. Полагать можно наверно в крепости гарнизону, включая в то число и канонир около трёх тысяч человек. Городских жителей, вместе с приезжими, считают не с большим тысячу душ. Они занимаются торговлею, имеют свои лавки, а на зиму многие отъезжают в Анатолию и возвращаются весною с новыми товарами.

Гарнизон присылаем был до сего из Константинополя, с переменою по годно, с прибытием Гассана Паши, прислан был новый в мае месяце, на смену старому из Трапезонта; но Паша прежний не отпустил, а оставил и тот и другой для крепости.

Люди долженствующие составить гарнизон, не нанимаются на месте: в Константинополе или в Трапезонте, где они вербуются. Жалованье полагается им смотря по человеку. Есть люди в двести пиастров, в двести пятьдесят, большая часть в триста, а некоторые в четыреста пиастров в год получают. Деньги выдаются им вперёд в то время когда надобно амбаркировать их на суда. Они должны исправлять от себя всю одежду и иметь собственное оружие, какое служба требует. Когда прибудут в Анапу, казна производит каждому человеку по три с половиною пиастра в месяц на харчи и на полтора фунта хлеба в день. В Анапе нет ещё регулярных войск и заводить не начинали.

Для помещения канонир Паша выстроил особые казармы позади своего дому. Гарнизон живёт по разным частям города, в котором дома сколько человек поместиться может.

На содержание Анапской крепости, порта отпускают 360 тысяч пиастров в год. Но сверх того Гассан Паша налагает на Трапезонтскую область налоги, и деньги употребляет на Государственные надобности. В крепости, не в дальнем расстоянии от Восточных ворот, построена большая каменная магазейна, в которой запасено хлеба зерном без малого на год. И сказывают, что в Трапезонтские суда, которые пошли в Евпаторию и Феодосию за пшеницею, имеют доставить оную сюда же.

Колодезная вода в крепости не так хороша, и жители пользуются из закрытости; в полутора версте от оной находящейся. Но в случае надобности могут употреблять и из колодцев, находящихся в крепости.

Самые бессильные и слабые крепостные части суть: с морской стороны первая куртина к западу от ворот, построенная по косогору над морем. Стена здесь местами не более одной сажени вышины и ежели сделать брешь, то легко можно ворваться в крепость.

С береговой стороны, крайний бастион в углу, к самому морю, где высокий курган, есть слабейшая часть крепости. Куртина здесь очень длина, и без обороны. Ров неглубок, местами завален и с давнего времени зарос и пребывает неочищен. Это место несколько открыто и удалено от жилища так, что между городским строением и сим бастионом остаётся пространная площадь. Здесь легко ров завалить фашинами, сбить ***трики****, поставить лестницы и взобраться в крепость.*

Пушки на бастионах все открыты, но местоположение от неё отчасти наклонно. Она командует всем пространством, лежащим пред нею и только та часть несколько открыта, в которой выше говорено. Она ниже своего предместия и можно тут поставить батарею, которая будет командовать крепостью. К крепости можно без всякой опасности подойти с кораблями на пушечный выстрел и действовать по оной».

Следующие документы так же свидетельствуют об усилиях Генерального штаба, направленных на сбор разноплановых сведений об Анапе. Это рапорты двух человек, которые имели чёткую задачу: Л.Я. Люлье был направлен в Анапу и должен был собрать сведения о состоянии самой крепости, а К.И.Тауш работал «в горах» и должен был среди горцев найти тех, кто вначале действий русских войск против Анапы, встал бы на сторону России или не оказывал её сопротивление.

3. Рапорт Л.Я. Люлье [15]

«После нашей встречи в Бушаре первого числа этого месяца, во исполнение ваших устных приказов, я выехал в Анапу. Осмотр крепостных стен я производил осторожно, чтобы не вызывать подозрения, так как все наши действия, что мы совершаем в крепости, находятся под пристальным наблюдением.

В целом я насчитал 9 батарей в следующем порядке: 1-ая батарея расположена на севере почти возле ворот, половина которой выходит на сушу, а другая – на море, 3-я батарея выходит на вход у морских ворот, возле причала.

4-ая батарея находится возле сада Паши и выходит на море, 5-ая батарея находится в углу в направлении образовавшейся ямы и выходит на сушу, 6-ая между этой последней батареей и воротами, находящимися на севере, о которых я выше сделал упоминание.

Также я насчитал 4 батареи в деревне, в этом же районе я нашёл другие ворота, которые заделаны изнутри. Не все бойницы оснащены пушками, я насчитал 63 пушки разного калибра. Это те же самые, что были здесь в 1812 г., все они вылиты из бронзы.

На службе у Паши около 300 артиллеристов. Никаких сомнений – это цитадель.

В целом эта крепость в плохом состоянии и плохо содержится. Бойницы осыпаются обваливаются, пушки повреждены, а большая их часть пришла в негодность.

У северных ворот нет моста. Это точно. Ров, который окружен крепостными стенами со стороны поля, завален во многих местах. Единственные ремонтные работы, которые были совершены с 1812 года – это новая земляная изгородь, которая сооружена по периметру крепости. У каждого бастиона есть пороховой погреб.

Сейчас гарнизон состоит из 3 400 человек, доставленных из Трабизонда под командованием Деребей Оглы.

Провианта гарнизону хватит приблизительно на 9-10 месяцев. Что касается боеприпасов, мне нечего об этом не известно.

Ещё в деревне есть 15 пушек, 6-ти и 4-х дюймовые, с лафетами и зарядными ящиками, привезённые из Анатолии ещё в прошлом году. Но здесь недостаточно артиллеристов и лошадей для их обслуживания и едва только половина из них может быть использована».

4. Рапорт К.И. Тауша [16]

«Во исполнение ваших устных приказов после нашей встречи на Бугазе, я пытался выяснить количество черкесов, которые бы встали на нашу сторону в случае начала войны. Результат моей разведки состоит в том, что они не могут открыто выступить на нашей стороне.

В настоящий момент турки превосходят нас своим числом, этому способствует хорошее финансирование и религиозный фанатизм, а так же намерения Паши и его окружения при случае уничтожить народ, который все эти годы находится в подчинении и повиновении. Большинство горцев примкнуло к туркам в надежде, что приняв чужую веру, соотечественники станут более уступчивыми. Но они были введены в заблуждение, потому что данный шаг не произвел ожидаемого эффекта, и даже наоборот, т.к. между ними установилось неравенство.

Их намерения остаются прежними, другими словами они намерены подчинить себе народ и держать в их повиновении, зная, что в случае войны Порта будет не в состоянии оказать серьёзное сопротивление России…. Знать и партизаны без сомнений примут нашу сторону и в течение месяца покинут тех, кого поддерживали и оставят их без защиты.

В настоящий момент невозможно определить даже приблизительно количество восставших. Они рассредоточены в различных поселениях, и это единственное неблагоприятное обстоятельство, что они смогут узнать друг друга. Это всё, что я мог ответить на вашу просьбу в Бугазе. Невозможно установить точное число людей, на которое можно рассчитывать. Они могли бы выступить открыто, если бы были сосредоточены в одном месте. Но, не имея возможности присоединиться к русским войскам по первому сигналу, и будучи обременены своими женами и детьми, они боятся многочисленных шпионов Паши, который в настоящий момент очень силён. Я надеюсь, что в случае взятия Анапы их гордость не позволит им сомневаться перейти на нашу сторону. Жандар Оглы, Новрон-Оглы, Батсеш-Оглы и другие мне дали понять: «Если турки не поспешат нас освободить от неверных, мы встанем на сторону России».

С моей стороны я их заверил в самых искренних обещаниях, что татары крымского Мурзы сразу же присоединятся к ним.

У Анапской крепости, которая была оставлена русскими в 1812 г. после Бухарестского мира и занята Ибрагим Пашой, крепостной вал со стороны суши был сильно повреждён, но Акмель Паша укрепление восстановил, построив внутри цитадель».

Эти два рапорта после слова «Верно» подписал флигель-адъютант полковник Василий Алексеевич Перовский.

И ещё один рапорт в деле датирован 20 февраля 1828 года. Генерал от инфантерии Фёдор Филиппович Довре «покорнейше просит» генерал инспектора по инженерной части Александра Клавдиевича Геруа выяснить у служащего инженерного корпуса полковника Кузьмина, *«который в 1812-м году при сдаче крепости Анапы Турецкому правительству, был в оной офицером по инженерной части, не имеет ли он какие либо сведений о сей крепости, и если таковые при себе имеет, то просит его доставить оные сюда, для представления господину начальнику Главного Штаба Его Императорского Величества».* Именно этот инженер Кузьмин составлял карту Анапы 1810-го года и чертежи многих крепостных зданий и сооружений, т.к. в те годы он в чине капитана служил в анапской инженерной команде. Таким образом, Генеральный штаб без сомнений мог получить от него много информации о состоянии крепости на момент её сдачи в октябре 1812-го года.

Все рассмотренные документы подтверждают факт очень детальной и тщательной разведки состояния Анапы. Серьёзная подготовка России к взятию Анапы в 1828 году свидетельствовала о серьёзности её намерений прекратить влияние Порты на

населяющие левый берег Кубани народы. Собранная информация определила состав войск, необходимых для похода на Анапу, характер их действий и предопределила общий успех России на Кавказе.

Примечания:

1. Русско-турецкая война 1828–1829 годов // Энциклопедия военных и морских наук. Спб., 1897. Т. VIII.
2. *Потто В.А.* Турецкая война 1828–1829 гг. // Кавказская война. СПб., 1889. Т. IV. С. 79.
3. Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812–1815 гг. // Российский архив. М., 1996. Т. VII. С. 327–328.
4. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4765. Л. 8.
5. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 625а.
6. Редан (фр. *redan* – уступ) или редант – открытое полевое укрепление треугольной формы, состоящее из 2-х фасов.
7. Люнет (фр. *lunnette*) – открытое полевое укрепление треугольной формы, состоящее из 3-х фасов.
8. Вести стрельбу сбоку вдоль фронта войск или вдоль линии крепостных укреплений.
9. В данном случае под купюрами понимаются спуски и овраги Высокого берега.
10. Должность наместника паши или губернатора.
11. Отряд, наблюдающий за неприятелем во время военных действий.
12. Карл Иванович Тауш – проводник новой торговой политики России в Черкесии, иногда работал переводчиком.
13. Люлье Леонтий Яковлевич – этнограф, по заданию русского командования прибыл в Анапу и привёз из неё ценные сведения о состоянии гарнизона и крепости. Позже был назначен титулярным советником.

14-16. Перевод документов с французского – Федоренко Надежды Дмитриевны, к.фил.н., преподавателя АФ СГУ.

О.С. Пылков

Русские сарбазы в Персии

В начале XIX в. активизация российской политики в Закавказье привела к обострению соперничества между Россией и Персией, что способствовало возникновению у последней прообраза регулярных войск. Активное участие в этом процессе принимали как иностранные военные (французы, англичане) так и рассеянные по разным районам закавказских территорий Персии дезертировавшие солдаты и офицеры русской службы.

В начале XIX в. в персидские войска охотно принимали бежавших из кавказских полков русских военных, отличавшихся знанием военного дела. Военнослужащие, под воздействием тяжелых условий солдатского быта и тягот многолетней военной службы, совершали побеги во время нахождения русских войск в самой Персии, на границе с нею или вообще в Закавказье. Так, к ноябрю 1807 г. только из расположенного в Памбаках русского полка совершило бегство 24 рядовых. Количество дезертиров умножилось и в ходе неудачного Эриванского похода 1808 г. генерала графа И.В. Гудовича [1]. В 1810-е гг. во время экспедиций и походов из 17-го егерского и 7-го карабинерного полков ежегодно побеги совершали по 20-30 военнослужащих, а из 20-й артиллерийской бригады 5-15 чел.

В этот период в Персии, под руководством французских (с 1807 г. генерал Клод-Матье Гардан, капитан пехоты Вердье, инженер Лами и др.), а затем английских (с 1809 г. офицеры войск Ост-Индской компании) офицеров-инструкторов, на территории владений наследника престола Аббас-мирзы (персидский Азербайджан), происходило формирование артиллерийских и пехотных частей [2].

Солдаты регулярной персидской армии назывались **«сарбазы»**, т.е. «рискующие», или «играющие своей головой». Сарбазская пехота, делившаяся в тактическом отношении на «фуаджи» (полки или батальоны), часть из которых размещалась в столице персидского Азербайджана городе Тавриз, а другая в провинциях (здесь сарбазские фуаджи формировали сыновья шаха – правители областей), стала самым распространенным родом войск в регулярной персидской армии. Рядовой ***сарбаз,*** находясь полгода в отпуске, в мирное время занимался домашними делами, а другие 6 месяцев, под руководством иностранных инструкторов, посвящал обучению в полку. На марше сарбазам, из-за злоупотребления начальства, приходилось «кормиться грабежом», а во время гарнизонной службы заниматься ремеслом и мелкой торговлей [3].

В рассматриваемый период участие в подготовке сарбазов принимали и русские офицеры-перебежчики, отличавшиеся наличием боевого опыта, доступностью и относительной дешевизной предоставляемых услуг. Русские, поступавшие в персидскую армию, благодаря смелости и смекалке, в короткое время приобретали доверие и поддержку персидского правительства. Аббас-мирза, уделявший особое внимание русским дезертирам, проявлял свое расположение к беглым и пленным русским офицерам, был с ними «очень человечен», старался разными посулами переманить их на

персидскую службу. Так, в июне 1805 г., из отряда полковника П.М. Карягина, к персам перешло 4 унтер-офицера (17-го егерского полка), 53 солдата (егерей и мушкетер Тифлисского полка) и 3 обер-офицера, в том числе тридцатилетний поручик 17-го егерского полка Емельян Корнилович Лисенко (отличился в 1804 г. при штурме Ганжи, а также в бою с персами на Аскарани. – *О.П.*) [4].

«Беглые» русские офицеры участвовали в организации и обучении персидских регулярных частей (например, муштра эриванской пехоты и обучение барабанщиков), возведении и укреплении фортификационных сооружений, руководство артиллерией, совершении военных походов, сборе разведданных и т.д. Например, в 1806 г. в Тавризе, под началом Е.К. Лисенко (убит предположительно в 1810 г. при разгроме на р. Араксе под Мигри), была устроена «образцово-инструкторская» русская рота, занимавшаяся обучением персов «регулярству» (т.е. регулярной военной службе) [5]. Основную массу военнослужащих роты составляли дезертировавшие русские солдаты, доставляемые Хусейн-ханом Эриванским Лисенко. А в 1808 г. Эриванскую крепость, вместе с французским инженерным капитаном Вердье, укреплял «по всем европейским военным правилам» бежавший комендант (с 1805 г.) Елисаветполя подполковник Тифлисского мушкетерского полка Наум Кочнев, навыки которого использовались персами для подавления восстаний племен на территории Персии. Русские дезертиры, обслуживавшие 4 легких орудия, входили в персидский отряд Сады-хана, который был направлен на помощь боровшемуся в начале 1812 г. с ваххабитами султану Маската [6].

Самым известным, среди перешедших к персам российских военных, был штаб-трубач Нижегородского драгунского полка, малоросс по происхождению, вахмистр Самсон Яковлевич Макинцев (Маклинцов) (1776 или 1780–1849 гг.). В 1802 г., накануне войны с Персией (1804–1813 гг.), он совершил побег из Нижегородского драгунского полка к персам. Впоследствии, наличие у него боевых навыков и 150 соотечественников под командованием (к июню 1808 г.), обратило на себя внимание наследного принца Аббас-мирзы. В результате Макинцев был принят на службу в персидскую армию наибом (лейтенантом), а затем и султаном (капитаном) в Эриванский полк. С.Я. Макинцев предложил персидскому шаху сформировать из русских дезертиров батальон, который он получил под свое командование в чине сарханга (полковник) [7].

Обладая высоким ростом и красивой наружностью Самсон-хан умел читать и писать на родном языке, также с трудом объяснялся на персидском и турецком языках, курил кальян, но был великодушным и набожным человеком (например, помогал продовольствием арестантам). Макинцев был женат около трех раз. От первой жены, армянки по национальности, из деревни Кизылджа близ Салмаса, он имел трех дочерей. После смерти первой жены, убитой Самсон-ханом за неверность, он женился на незаконной дочери грузинского царевича Александра, Елизавете, от которой имел сына Джебраила и дочь Анну. Третья жена Самсон-хана была халдейка и умерла бездетной.

В отличие от слабодисциплинированных персов, русские солдаты, даже дезертировавшие, были более склонны к исполнению обязанностей регулярной военной службы. К тому же Аббас-мирза, пришедший в Тавризе в восхищение от выправки дезертиров и пожаловавший Макинцеву майорский чин, считал, что неизбежная война с русскими заставляет знакомиться с их боевым учением.

В 1809 г., по достижении дезертирами половины личного состава Эриванского полка, Аббас Мирза перевел их в Тавриз, где, совместно с инструкторской ротой Лисенко, под началом Самсон-хана (Макинцева) был образован отдельный русский гренадерский батальон в составе персидской гвардии, который «составлял охрану спокойствия правителей Персии, надежду на штурмах и в делах решительных» [8]. После одержанных побед в Курдистане, в войне с турками, и успешного штурма Герата, батальон, как лучший в персидской армии, стал именоваться «Багадеран» (Бехадыран), т.е. «Богатырский» или гренадерский. Другим названием батальона, после того как часть дезертиров приняла ислам, стало «Йенги мусульман», т.е. «Новые мусульмане». В батальоне была установлена суровая дисциплина, своевременно выплачивалось жалование, разрешалость обзаводиться семьями (женившись на халдейках и армянках) и собственным домом [9]. Униформа

батальона включала зеленые куртки, принятые в эриванских частях, меховые шапки сарбазов, под которыми были длинные волосы. При этом принявшие ислам дезертиры отращивали бороды и зюльфы.

В 1810 г. Багадеран, состоявший из двухбатальонного полка, принял участие в русско-персидской войне. В этом году, в ночном бою у переправы на Араксе, сражалось до 70 дезертиров, которые практически все были переколоты, а взятые в плен 3 человека, повешены (смертную казнь через повешение за дезертирство ввели только в 1809 г. – *О.П.*) «за измену вере и отечеству» [10]. В составе батальона сарбазов, атаковавших 7 февраля 1811 г. русский пост в деревне Шегаузе, находилось около 50 дезертиров. А 19-20 ноября 1812 г., двигаясь к Асландузу, в ожесточенном бою, солдатами генерала П.С. Котляревского, дезертиры (около 200 чел.) были окружены и практически полностью уничтожены (28 пленных были осуждены «кратким военным судом» и повешены). Около 400 чел. с серхенгом Мирза-Ахмед-Кашани из Багадерана, впоследствии были разгромлены под Аркеванью, потеряв еще 52 чел. пленными. В 1813 г., на основе Гюлистанского мирного договора, несмотря на нежелание персидского руководства возвратить служивших образцом для персидских войск завербованных российских военных, часть военнопленных и уцелевших дезертиров была выдана России [11].

Однако, благодаря посулам, деньгам и хитрости Самсон-хана, русский батальон быстро восполнил свои потери. Для увеличения числа русских дезертиров Макинцев направлял пропагандистов, которые обещаниями уговаривали солдат «тайно на побег», внушали им выгоды от поступления на персидскую службу, а также поили военнослужащих вином и захватывали их силой. Как и прежде, батальон комплектовался за счет беглых и военнопленных солдат (в первую персидскую войну 1804–1813 гг. у персов оказалось 733 нижних чинов; за вторую войну 1826–1828 гг. – 31 офицер и 1320 нижних чинов), а также иранских христиан (армян и ассирийцев). Батальонными офицерами становились русские и уроженцы Закавказья (например, тифлисский армянин Соломон Ениколопов (Ениколопян), Давид и Заал Сагиновы (Шагиняны) и др.). Хотя большая часть личного состава Багадерана сохраняла христианскую веру, некоторые из военных, спасаясь от выдачи в Россию (например, после 1819 г.), формально принимали ислам [12].

Суровая дисциплина в этом воинском подразделении компенсировалась своевременной выплатой жалованья, а также возможностью обзавестись домом и семьей. В батальоне, к началу 1820-х гг., появились не только постоянная организация, но и деление на холостых и семейных солдат. Последние, численностью около 200 чел. (осели в Тавризе, Салмазах, Хое, Мораге и др. местах Азербайджана), получали землю (с садами и полями, которыми пользовались без платы), имели достаток и составляли резерв батальона. При роспуске батальона на постой (поскольку батальон целиком не отпускали на постой, жалованье солдаты получали большую часть года), в их домах квартировали холостые дезертиры. Военнослужащие данного подразделения, пользуясь большим доверием Аббас-Мирзы, составляли внутреннюю стражу и несли караулы во дворце наследника [13].

Впоследствии Багадеран принял участие в новой русско-персидской войне (1826–1828 гг.). Несмотря на нежелание Самсон-хана воевать против своих единоверцев, Аббас-мирза сделал его военным советником, приказав двинуться в поход в составе резерва. 30 августа 1826 г. русский батальон, вместе с шахской гвардией под командованием Касум-хана (как старший по должности после Самсон-хана), присоединился к действующей армии. Багадеран участвовал в осаде Шуши, а также в сражении 13 сентября 1826 г. при Елизаветполе, где дезертиры, под руководством Касум-хана, командира 2-го персидского гвардейского батальона Аббас-мирзы, защищали правый фланг центра персидской позиции. 17 августа 1827 г. батальон отличился при Аштараке (дело при Эчмиадзине), где дезертиры, перед тем как вступить в рукопашную схватку с русскими солдатами, обращались к ним с окликом: «Ты какой губернии?» За этот бой Аббас-мирза пожаловал Макинцеву генеральские эполеты. Русские эполеты, мундиры «на русский образец», российские знаки отличия носили и другие офицеры батальона [14].

Багадеран являлся наиболее дисциплинированной и боеспособной частью персидской армии, которая находила применение в штурмах неприятельских позиций, а

также при подавлении внутренних восстаний (например, туркменов, афганцев и др.) и религиозных волнений. С помощью русских военнопленных и «беглых солдат», армян, местных несториан, офицеров из русских и уроженцев Закавказья, в 1828–1829 гг., батальон восполнил свои потери и насчитывал 1400 чел., представляя 2-х батальонный полк [15] Основная часть личного состава сохраняла приверженность христианской вере. Стараясь склонить солдат к семейной жизни и тем самым еще больше привязать их к новой родине, Макинцев располагал полк в тех местностях, где преобладало христианское население (в Мараге, Урмии или Салмасе). Помимо нравственной пользы, данная мера способствовала тому, что через такое родство христианские семейства приобретали защитников среди персов. По приказу Самсон-хана солдатские дети получали первоначальное образование, обучаясь в армянских школах. После их окончания выпускники либо зачислялись в полк, либо поступали в обучение к ремесленникам, при личном и строгом надзоре Макинцева за их поведением.

С 1828 г. еще одним знаменитым офицером, возглавившим Багадеран, стал сын зажиточного помещика Бахмутского уезда (Екатеринославской губернии) прапорщик (по другим данным – унтер-офицер) пехотного Нашебургского полка Евстафий Васильевич Скрыплев. Из-за столкновений с батальонным командиром, он бежал в Персию с кордонной линии в Армении, из гарнизона Баязета. После знакомства с Самсон-ханом, молодой офицер был отправлен в Тебриз, а после Тегеран, где был представлен властителю Персии Фетх-Али-шаху, назначившему его состоять в качестве советника при Магомед-мирзе (наиб-султане), сыне наследника Аббас-мирзы [16].

После восшествия Аббас-сирзы на престол, Е.В. Скрыплев, из дезертировавших и взятых в плен русских, водворившихся в Персии и обзаведшихся семьями, сформировал гвардейский батальон «сарбазов» (телохранителей). Успешная реализация этого дела способствовала назначению Скрыплева в чине «сарганьги», т. е. полковника, командиром «сарбазов» и возведению его из беков в сан хана. За последующие отличия в сражениях с туркменами, курдами и другими кочевыми племенами, он был удостоен награждения всеми степенями ордена «льва и солнца», а также званием «беглер-бея» (правителя области).

Женитьбы на дочери Самсон-хана, генерала и батальонного шефа, имевшего сильное влияние на шаха, сделала Скрыплева недосягаемым для происков и интриг английских и иных агентов. До этого Скрыплева несколько раз понижали в звании до *«султана»*, т.е. капитана (который персидская политика не позволяла себе снимать с русского офицера), и даже на несколько дней сажали на цепь, из-за ссор с влиятельными агентами.

В 1830–1832 гг. батальон, под руководством Макинцева и Скрыплева осуществлял походы против курдов на Хорасан, в Туркмению. У курдов возникла легенда о том, что патроны, готовые в любой момент выстрелить, находятся в пальцах русского солдата. В 1833 г. полк, во главе с Макинцевым, сопровождая Аббас-мирзу в его походе против Герата, отличился в сражении под этой крепостью. В 1837 г. полк Самсон-хана был призван в Тегеран, т.к. Мамед-шах (сын Аббас-мирзы) по примеру деда и отца готовил экспедицию в Хорасан. Выступив осенью 1837 г. батальон, численностью около 450 чел., выступил под Герат. Долгая и безуспешная осада крепости, в которой участвовал батальон (на 30 мая 1838 г. в нем состояло 585 штыков), завершилась общим штурмом города. Зная, что афганцы против русских выставят лучшие силы, персы придали батальон совершавшим отвлекающий маневр войскам Вели-хана. В результате Вели-хан, уверенный в победе, ломая диспозицию, бросился штурмовать крепостные стены Герата раньше всех, где был сражен пулей. Итогом неудавшейся 9-месячной осады крепости и штурма стало ранение 200 солдат батальона и самого Самсон-хана, а также гибель 4 офицеров и 50 «богатырей» [17].

В том же 1837 г., император Николай I (1825–1855), во время своего путешествия по Кавказу и посещая Эривань, узнав о существовании русского батальона в Персии, приказал возвратить его в Отечество. При встрече Николая I с персидской делегацией (в которую входил персидский наследник Насер-эд-дин-мирза и командующий войсками Азербайджана Мохаммед-хан), император выразил желание, чтобы дезертиров не принимали в персидских владениях,

а составленный из русских беглецов и военнопленных батальон был распущен и русские солдаты возвращены на родину. При этом Николай Павлович обещал амнистию беглым русским солдатам (кроме тех, за которыми в России числились убийства), а персам грозили полным разрывом отношений или войной в случае несогласия на роспуск батальона и возврат перебежчиков. 25 января 1838 г. от персидского шаха было получено согласие не препятствовать возвращению русских воинов [18].

Миссия по возвращению на Родину русских воинов, а также ведения переговоров с Самсон-ханом и русскими дезертирами, была возложена на плечи человека большой храбрости (например, в 1832 г. участник штурма аула Гимры, первым ворвавшийся в башню, где находился Кази-Мулла с мюридами и простреленный тремя пулями; в 1837 г. возглавил отряд охотников во время высадки десанта на мыс Адлер), уроженца Херсонской губернии капитана Нижегородского драгунского полка Льва Львовича Альбранда (Альбрандта) (1804–1849 гг.). Ему в помощь направили однополчанина поручика Яневича, который должен повлиять на дезертиров, происходивших из поляков.

19 июня 1838 г. Альбранд прибыл в Тавриз, рядом с которым был расквартирован «русский батальон». А уже 13 августа 1838 г. в Уджане (горное селение в 70 верстах от Тавриза, где расположен дворец Аббас-Мирзы) Альбрант начал принимать дезертиров (собрано около 170 солдат), являвшихся небритыми, в персидской одежде, пьяном виде и озлобленном состояннии, что делало их походившими больше на разбойников чем на воинов [19].

22 августа, под руководством Альбранда, дезертирами, пожелавшими вернуться на родину, был приготовлен обед, на который пригласили всех русских (чиновников и купцов) живших в Тавризе. Произнесенная капитаном речь, молитва о благоденствии российского государя, и обращенные к дезертирам слова Альбранда, о том, что: «Бог и царь вас простили; вы Русские, вы братья наши», произвели сильное впечатление на последних, поддержавших их криками ура.

Персидские шахские чиновники заявляли, что в случае ухода солдат Багадерана в Россию их жены и дети останутся в Персии. Поэтому капитан, с помощью хитрости (по специальным билетам, под предлогом переселения в Тавриз) и тайно, под покровом ночи, вывел около 100 чел. вместе с семьями (особенно трудно было убедить жен переселиться, т.к. они никогда не покидали своих деревень и мысль о переселении в Россию их пугала; помощь оказывали жена дезертира Вышегородцева и Автомомова Мариам, которая в Самарском округе увлекла с собой многих солдатских жен) к русской границе, где они встретили радушный прием [20]. При этом «богатыри», которые отрастили бороды и зюльфы, по настоянию Альбранда их обрезали, причем упорствовавших стариков молодежь остригала насильно. Уже к концу октября 1838 г. Л.Л. Альбранд отправил в Россию 327 человек (с женами и детьми, дома продавали за бесценок или бросали), из которых было 142 дезертира (9 под арестом) (партии людей к границе доставлял штабс-капитан Дудинский).

Чтобы окончательно склонить на свою сторону солдат батальона капитан Альбранд встретился с генералом Самсон-ханом в доме, меблированном на европейский манер. Зная о том, что долгое пребывание Самсон-хана между мусульманами, не изменило его приверженности христианской вере (в деревне Сургюль близ Тавриза он соорудил христианский храм с золотым куполом, в котором служил православный священник, сопровождавший его в походах) в беседах с генералом офицер напомнил ему о том, что, удерживая христиан от исполнения их христианского долга, тот принимает на себя большой грех. Самому Самсон-хану, если он приведет свой батальон к русской границе и сдаст властям, было обещано прощение и денежное вознаграждение. В результате Самсон-хан, опасаясь суда над собой и строгого приговора, остался в Персии, но обещал не препятствовать выводу батальона из Персии.

Координация деятельности по возвращению беглецов была поручена Скрыплеву, который, являясь земляком Альбранда, сблизился с ним «отрадными воспоминаниями о родине, родных и знакомых», оказывал всяческую помощь капитану. 6 декабря 1838 г. батальон отпраздновал тезоименитство императора Николая I. Перед праздником «русские богатыри» произвели починку и исправление своей поношенной

одежды. Даже серхенг Скрыплев, до того не решавшийся идти в Россию, под впечатлением от торжества, изменил свое мнение. Этой новостью был сильно опечален Самсон-хан, а его дочь, беременная жена Скрыплова, выкинула от страха ребенка, но последовала за мужем.

Практически в полном составе русский батальон во главе со своим командиром Скрыплевым согласился вернуться на родину (всего вернулось более тысячи человек, многие были с жёнами и детьми). Ночью 22 декабря 1838 г., после напутственного молебна, отслуженного священником в полном облачении, батальон в парадной форме, под руководством Альбранда, выступил из Тегерана (пешком, во главе колонны, шел сам Л.Л. Альбранд с барабанщиками и песенниками). 22 января 1839 г. соединившись в 16-ти верстах с солдатскими семьями, батальон с барабанным боем и песенниками, словно после победы, прибыл в Тавриз. Во время движения по территории Персии дезертиры «вели себя так хорошо и честно», что даже при проходе мимо находившихся в стороне деревень и селений, местные жители «выносили на дорогу для продажи кур, яйца, молоко, не страшась наших солдат, как своих сарбазов», движение которых сопровождалось разбоями и грабежами в деревнях [21].

Миссия капитана Альбранда завершилась 11 февраля 1839 г., когда с барабанным боем и песнями, батальон дезертиров перешел российскую границу, совершив молебен об успешном возвращении из Персии. Всего из Персии было выведено1084 человека: 597 «богатырей», 206 жен и 281 «дитяти», что стоило казне 19971 руб. сер.

Выведенные из Персии женатые дезертиры были зачислены в Кавказское линейное войско и расселены по казачьим станицам. Персидские выходцы были равномерно распределены и поселены (получили дома и землю) на Лабинской линии в станицах Чамлыкской, Михайловской, Петропавловской и Лабинской. Постоянное «ожидание тревоги и стычки с неприятелем выработали из этой массы воинственно-удалое, стойкое и храброе население» [22].

По решению российских властей холостые дезертиры были направлены в Финляндские линейные и Архангелогородский гарнизонный батальоны. При этом годы, проведенные на персидской службе, им засчитали за действительную службу в русской армии. Выслуживших 25-летний срок уволили в отставку, прочих перевели в линейные казаки. Стариков, около 30 человек, а также польских офицеров отправили на родину. Дезертиры, которые в Персии приняли ислам, за «вероотступление, вынужденное долгим пребыванием в Персии и крайностью», подверглись церковному покаянию.

Скрыплев, за вклад в возвращении русских на родину, был прощен и определен сотником в один из казачьих полков Кавказского линейного казачьего войска. Впоследствии, вместе с другими выходцами из Персии, он поселился на Лабинской укрепленной линии и был назначен атаманом Чамлыкской станицы. Авторитет «руссо-персиянина» оказывал большое воздействие на умы своих бывших «сарбазов», большая часть из которых, особенно молодежь, не умела даже говорить по-русски. Поэтому, сверх атаманства, его назначили главой всех водворенных на линии выходцев.

Несмотря на свою «полуперсидскую натуру и обстановку», элементы персидского образа жизни (например, употребление харема и «хны» – минеральной и растительной краски, которой он сурмил брови и ресницы; приготовление блюд персидской кухни), этот человек обладал светлым умом, радушием, гостеприимством и пользовался уважением среди казаков.

Поселенные на линии бывшие дезертиры продолжали подчиняться ему, так что «одно его слово было непреложным законом для наших персо-казаков: стоило только сказать: «вот я пожалуюсь сарганьгу» — и каждый лез в огонь и воду». Жена Скрыплева, Марья Самсоновна (по матери армянка, григорианского исповедания), была «добрейшее и, по-восточному, самое раболепное существо». Офицеры, служившие на Лабинской линии, очень хорошо отзывались о гостеприимстве и радушии семьи Скрыплева.

За отличие в делах с горцами Скрыплева произвели в есаулы. Со временем, от постоянного употребления хны, которой он сурьмил брови и ресницы, полностью потерял зрение. Это, и та польза, которую он принес при водворении «сарбазов-тезиков» (солдат-выходцев Персии), способствовали выходу в отставку с чином майора и полным пенсионом, с исключением из войскового

сословия. Умер он в начале 1860-х годов, полный воспоминаний о своем могуществе в Персии.

После ухода из Персии русского батальона Самсон-хан, поселившись в Тавризе, по поручению персидского правительства, занялся формированием нового полка, в состав которого вошли оставшиеся в Персии дезертиры. Свое ратное поприще Самсон-хан завершил взятием в 1849 г. Мешхеда, в ходе подавления Хорасанского бунта. В 1849 году в Персии, в возрасте 73-х лет, умер С.Я. Макинцев (Самсон-хан), который был похоронен, согласно завещанию, в Сургюле под самым алтарем сооруженной на его средства православной церкви [24].

Таким образом, активизация российской политики в Закавказье, в первой половине XIX в., способствовала появлению категории российских военнослужащих, которые в силу разных обстоятельств становились составной частью противостоящих России вооруженных сил Персии. В рассматриваемый период русские дезертиры являлись не только наиболее боеспособной силой в составе персидской армии, которая принимала участие в разнообразных конфликтах (русско-персидские и персидско-турецкие войны, подавление внутренних мятежей в Афганистане, Курдистане, Туркмении и др.), но и служила образцом для создаваемой регулярной персидской пехоты.

Русские сарбазы находили в Персии не только возможность укрыться, но обзаводились семьями, хозяйством, принимали новую религию и образ жизни. При этом, несмотря на окружающую среду, дезертиры сохраняли память о далекой родине и христианской вере, что служило основой для сохранения русской идентичности, боевого духа и последующего возвращения в Россию.

Примечания:

1. Акты, собранные Кавказскою Археографическою Комиссиею (АКАК) Т. III. Тифлис, 1869. С. 236; АКАК Т.VII. Тифлис, 1878. С. 647; Утверждение русского владычества на Кавказе / Под ред. Потто. Т. I. Тифлис, 1901. С. 304; *Янжул М.А.* 80 лет боевой и мирной жизни 20-й артиллерийской бригады 1806–1886. Исторический очерк войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Тифлис, 1886. С. 73.

2. *Кибовский А., Егоров В.* Персидская регулярная армия первой половины XIX века. Цейхгауз. 1996. № 5. //http://siberia-miniatures.ru/forum/showthread.php?fid=10&tid=284&sa=U&ved=0ahUKEwjwg7-arZLKAhVI_nIKHUrxC-cQFggTMAA&usg=AFQjCNFN5GjSng1lZdfsq1zi_aesRE19sA.

3. *Бларамберг И.Ф.* Воспоминания. М., 1978. С. 140.

4. *Зубов П.П.* Подвиги русских воинов в странах Кавказских с 1800 по 1834 год. Т. 1. Ч. 2. СПб., 1835. С. 123; *Кругов А.И., Нечитайлов М.В.* Русские дезертиры в иранской армии (1805–1829) // http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Kryglov_ Nechitailov.pdf.

5. АКАК Т. III. Тифлис, 1869. С. 236, 455; Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия 1-я. Т. 4. М., 1965. С. 414.

6. АКАК. Т. I, II. Тифлис, 1869. С. 237; АКАК. Т. V. Тифлис, 1873. С. 596–597.

7. Генерал-майор Лев Львович Альбрант // Кавказцы, или Подвиги и жизнь замечательных лиц, действовавших на Кавказе / Под ред. С. Новоселова. Вып. 15–16. СПб., 1858. С. 8.

8. Командировка капитана Альбранта в Персию в 1838 году, рассказанная им самим // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XIX/1820-1840/Albrand/text.phtml?id=10276.

9. АКАК. Т.VI. Ч. 2. Тифлис, 1875. С. 880; Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) Ф. 466. Оп. 1. Д. 6. Л. 9 об., 11 об.; РГВИА Ф. 466. Оп. 1. Д. 168. Л. 5 об.

10. АКАК. Т. III. Тифлис, 1869. С. 261; АКАК. Т. IV. Тифлис, 1870. С. 737, 946–947; Записки о службе генерал-фельдмаршала графа И.В. Гудовича, составленные им самим // Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы. СПб., 2002. С. 84.

11. АКАК. Т. V. Тифлис, 1873. С. 693, 695, 698, 702; *Берже Ад.П.* Кавказская старина. Пятигорск. 2011. С. 310–347; *Бобровский П.О.* История 13-го Лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка за 250 лет. 1642–1892. Ч. 3. СПб., 1893. С. 152, 226–227, 270, 282, 299, 303;. Приложения. С. 310–311. Прим. 90; *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе Т. VI. СПб. 1888. С. 92; *Кибовский А.В.* «Багадеран»: Русские дезертиры в персидской армии. 1802–1839 // Цейхгауз. 1996. № 5. С. 26; *Кибовский А.В.* Багадеран: Батальон русских дезертиров в персидской армии // Родина. 2001. № 5. С. 81–82; *Потто В.А.* История 44-го драгунского Нижегородского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка. Т. 2. СПб., 1893. С. 59–60, 116.

12. *Берже Ад. П.* Самсон Яковлев Макинцев и русские беглецы в Персии // Русская старина. 1876. Т. XV. № 4. С. 773.

13. АКАК. Т. VII. Тифлис, 1878. С. 647, 649.

14. АКАК. Т. VII. Тифлис, 1878. С. 625; *Берже Ад. П.* Самсон Яковлев Макинцев и русские беглецы в Персии // Русская старина. 1876. Т. XV. № 4. С. 774; *Кибовский А.В.* «Багадеран»: Русские дезертиры в персидской армии. 1802–1839. С. 28–29; *Потто В.А.* Кавказская война: В 5 т.: Том 3: Персидская война (1826–1828 гг.). Ставрополь, 1993. С. 68.

15. АКАК. Т. VI. Ч. 2. Тифлис, 1875. С. 238, 880; АКАК. Т. VII. Тифлис, 1878. С. 642, 647, 649.

16. *Шпаковский А.И.* Записки старого казака // Военный сборник. № 7. 1870. С. 341.

17. *Бларамберг И.Ф.* Воспоминания. М., 1978. С. 151; *Кибовский А.В.* «Багадеран»: Русские дезертиры в персидской армии. 1802–1839. С. 26–27; *Кибовский А., Егоров В.* Персидская регулярная армия первой половины XIX века // Цейхгауз.1996. № 5. // http://siberiaminiatures.ru/forum/showthread.php?fid=10&tid=284&sa=U&ved=0ahUKEwjwg7-arZLKAhVI_nIKHUrxC-cQFggTMAA&usg=AFQjCNFN5GjSng1lZdfsq1zi_ aesRE19sA.

18. *Игумен Александр (Заркешев).* "Русский" батальон на службе шаха. Миссия капитана Альбрандта в 1838 году. Из книги "Русская Православная Церковь в Персии-Иране (1597–2001 гг.) // http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id =2564.

19. Командировка капитана Альбранта в Персию в 1838 году, рассказанная им самим // Русский вестник. 1867. № 3. С. 307.

20. Там же. С. 310–312.

21. Там же. С. 322, 338.

22. *Колесников В.А.* Линейные казаки в заселении Закубанья (40-е – 60-е гг. XIX в.) // Кубанское казачество: три века исторического пути. Материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар, 1996. С. 114; *Шпаковский А.И.* «Записки старого казака» // Военный сборник. 1870. № 7. С. 190.

23. *Шпаковский А.И.* Указ. соч. С. 342–343.

24. История 44-го Нижегородскаго Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка. Т. IV. СПб., 1894. С. 91–102.

Л.В. Дозорова

Особенности эволюции правового статуса российского дворянства на Северном Кавказе
(первая половина XIX века)

В становлении и развитии централизованного государства появляется социальный слой, именуемый собственно дворянством или «служилыми людьми», представлявшими так называемое «условное» феодальное землевладение. Примерно в XVIII в. термин «дворянство» закрепился за всем российским «феодальным сословием», аристократическое или «служилое» происхождение фамилий было достоянием памяти, поиска тех или иных преференций.

К преимуществу дворянского сословия традиционно относят разнообразные исключительные права и привилегии. Как замечает В.О. Ключевский: «Существенным и наиболее осязательным признаком сословного деления служит различие прав, а не обязанностей» [1]. Именно совокупность таких прав и дала дворянству к концу XVIII столетия его особый правовой сословный статус.

В начале XIX века государственный и общественный порядок Российской империи находился на прежних основаниях. Российское дворянство вошло в первую половину XIX века как высшее господствующее сословие в обществе. Оно занимало главенствующее положение в государственном аппарате, являлось опорой всего самодержавия. По мнению А.В. Романовича-Славатинского, особенностью российского дворянства являлось то, что оно всегда существовало в интересах правительства, сообразно его потребностям [4]. Освобождение от тяготящей их обязанности служить дало им почти полную свободу. И данный факт постепенно оборачивался не в пользу государства: с начала XIX века в бюрократическом аппарате государства, состоящем в основном из дворян, царил чиновничий произвол.

В первой половине XIX века дворянство по-прежнему оставалось опорой монархии, которая, в свою очередь, старалась заботиться о его благополучии. Однако на протяжении этого периода постепенно рос класс чиновников-недворян, а политическая активность самого дворянства падала.

Участники российского дворянского оппозиционного движения, члены различных тайных обществ второй половины 1810-х – первой половины 1820-х, организовавшие антиправительственное восстание в декабре 1825 г., попытались помимо многих привилегий для своего сословия, изменить политический статус Российской империи. В итоге яркие представители дворянского сословия были сосланы в Сибирь, а затем, по отбытии «каторжных сроков», на Кавказ.

Часть репрессированных дворян (собственно лишенных дворянства) в разное время отбывала ссылку в войсках Отдельного Кавказского корпуса, в том числе и в Черномории. Вступивший на престол после расправы над первенцами свободы император Николай I стремился разобщить первых российских революционеров, сломить их морально и не дать развиться «духу сообщества».

С Северным Кавказом связаны имена более двух десятков бывших, с юридической точки зрения, дворян, которым после каторги в Сибири и других местах было разрешено по их ходатайствам участвовать в Кавказской войне. Согласно 19 статье III и IV пункту Уложения 1845 года практикуется лишение всех прав состояния и ссылка на поселение в Сибирь или Закавказье. Фактически данная судебная практика имела место и ранее, о чем свидетельствуют приговоры по делу декабристов. Применялось также отправление в отдаленные губернии с небольшим (до 2 лет) заключением. Ссылка в этом кодексе является одним из самых распространенных наказаний и встречается чаще, чем где-либо еще. По освобождению от исправительных работ или заключения, осужденный лишался, по 46 статье, следующих прав:

1. Вступление на государственную или общественную службу;

2. Право на вступление в гильдию и

получения свидетельств на торговлю;

3. Быть свидетелем кроме самых необходимых случаев;

4. Быть избираемым в третейский суд;

5. Являться попечителем или опекуном;

6. Быть поверенным;

7. Всех почетных титулов, чинов и знаков отличия [5].

Обратить внимание необходимо и на такую важную привилегию дворянства, как владение крестьянами. Здесь необходимо сказать, что большая часть Северокавказского региона не знала крепостного права, здесь роль дворянского хозяйства, в сельскохозяйственном производстве была незначительной. Кавказское дворянство, которое в основном было служилым, проводило в жизнь политику самодержавия на юге России.

Дворянство на Северном Кавказе представлялось не столько ссыльными декабристами (их можно именовать дворянами чрезвычайно условно, с точки зрения социокультурных характеристик, но не правового статуса) а служилым дворянством из центральной России. Учитывая государственную социальную политику в регионе, царское правительство хотело уравнять казачьи чины с армейскими и сделало это указами 1802 и 1845 гг., по которым казачьи чины получали потомственное дворянство, что означало также наделение их правом на владение крестьянами. Однако для дворян казачьих войск во владении крестьянами существовало серьёзное ограничение, связанное с характером земельной собственности. Черноморские дворяне юридически не обладали правом собственности на общевойсковые угодья. Поэтому они не могли иметь здесь надельных крестьян, так как при переводе таких крепостных на новое место, им необходимо было предоставить земельный участок, к которому они считались бы прикрепленными, и с доходов от которого могли бы обеспечивать себя, отправлять помещику повинности и платить налоги государству. Но закон не запрещал дворянам казачьих войск владеть крепостными.

Применительно к «репрессированному контингенту» место поселения на Кавказе определяли по усмотрению начальства Закавказского округа. Это могла быть Грузино-Имеретинская, Кавказская, Каспийская губернии. Преступления, за которые отправляли в Закавказье, во многом совпадали с преступлениями, за которые отправляли в Сибирь: преступления против церкви, лжеприсяжничество, государственные преступления, побег, превышение должностных полномочий, укрывательство осужденного на поселение и другое. Разница определялась тем, что если выше перечисленные преступления совершались в Сибири, то преступник отправлялся на Кавказ. Было верно и обратное – преступления, совершенные в кавказских губерниях, наказывались ссылкой в Сибирь [2].

Для лиц, достигших семидесяти лет, каторга заменялась ссылкой. Это положение свидетельствует о том, что ссылка считалась более мягким наказанием, нежели некоторые другие. Интересен факт, что жена и дети осужденного могли своей волей отправиться за ним в ссылку, при этом, не лишаясь своих прав [3].

Как можно видеть, ссылка стала активно применяться, как бы подтверждая характеристику правления Николая, как полицейского режима. Судя по приведенным данным, ссылка расценивалась как достаточно гуманное наказание, изолирующее преступника от общества, при этом позволяющее ему находится вместе с его семьей, не упуская при этом экономической выгоды. Ведь ссыльному разрешалось заниматься земледелием и торговлей. Но, все же, ссыльные дворяне лишались многих своих прав и привилегий. К тому же многие ссыльные погибали на Кавказе во время службы, не только от пуль противника, но и от различных болезней. После амнистии представители дворянства активно работали в губернских комитетах, и лишь единицы увидели свободу. Ссылка на Кавказ разрушила многие жизни представителей привилегированного сословия.

Таким образом, дворянство, с учетом динамики его социально-правового статуса, являлось важным для российского государства контингентом в деле освоения Северного Кавказа, вовлечения данного региона в социально-экономическую и правовую систему империи.

Примечания:

1. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. СПб., 1987. С. 148.

2. *Нарышкин А.К.* Декабрист М.М. Нарышкин на Кавказе. Краснодар, 2008. С. 82.

3. *Потто В.А.* Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. 2. С. 105.
4. *Романович-Славатинский А.В.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. М., 2014. С. 281.
5. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. СПб., 1845. С. 311.

К.В. Русанов

Материалы к истории военных и войсковых медицинских учреждений Темрюка в XIX в.

В XIX и в начале XX в. на Кубани функционировали две самостоятельные сети лечебных учреждений, и в населенном пункте могли сосуществовать войсковой (казачий) и военный (армейский) госпиталь или лазарет – как, например, в Екатеринодаре. Это необходимо учитывать при описании прошлого кубанской медицины. Между тем журналисты нередко смешивают термины «военный» и «войсковой», «госпиталь» и «лазарет», считая их синонимами. Но госпиталь и лазарет существенно различались и по уровню медицинской помощи, и по емкости, и по подчиненности.

Свой статус неоднократно меняли и медицинские учреждения в русском Темрюке. По-видимому, о первом из них сообщал генерал И.Л. Дебу (1774–1842), служивший в 1816–1825 гг. на правом фланге Кавказской линии. На с. 417 его книги [1] дано описание Темрюка («Местечко Темрюк лежит на восточную сторону Темрюкского залива, расстоянием от Азовского моря в 3 верстах. В нем более 70 домиков, в числе коих есть складенные из камня и рубленные из соснового леса, доставляемого из Дону») и отмечено, что «… в местечках Темрюке и Щербиновке есть хорошо содержимые лазареты». А на с. 413 сказано: «Таманский гарнизонный полк для подкрепления Черноморского войска расположен: в крепости Фанагорийской – 2 роты, в Стеблеевке – 1, в Новогригорьевском кордоне – 1, в Титоровке – 1, в местечке Темрюке – 1, и в Бугазском укреплении – 2 роты».

Вероятно, Темрюкский военный лазарет принадлежал одному из двух батальонов Таманского полка. Наличие в полку батальонных лазаретов (сверх полкового) допускалось при его рассредоточенном расквартировании.

Таманский гарнизонный полк существовал с 1817 г. Дату появления лазарета в Темрюке И.Л. Дебу не назвал. Но известно, что книга была написана генералом до того, как он в 1826 г. уехал губернатором в Оренбург. Поэтому Темрюкский батальонный лазарет Таманского гарнизонного полка мог быть открыт и в начале 1820-х гг., и даже раньше.

Руководство таким лазаретом обычно возлагалось на одного из батальонных лекарей. Некоторые имена медиков Таманского гарнизонного полка упоминаются в «Военно-медицинском журнале» (далее – ВМЖ). Так, в 1823 г. в Таманский полк был направлен лекарь Мартын Ге(й)душек, окончивший столичную Императорскую медико-хирургическую академию [2], а в 1824 г. – лекарь Адам Шпрингер, выпущенный из Московского отделения той же академии [3]. Выпускником Императорского Московского университета был лекарь Иван Озеров, пополнивший ряды медиков Таманского гарнизонного полка в 1825 г. [4].

Все трое были произведены в ученое звание штаб-лекаря – Шпрингер и Ге(й)душек в 1829 г., Озеров – в 1830 г. Шпрингер, сверх того, за отлично-усердную службу был удостоен ордена св. Владимира 4-й степени (1828) и назначен старшим лекарем в Анапское госпитальное отделение (1829) [5], а в 1831 г. стал первым городовым врачом в Екатеринодаре. Там же служил ординатором войскового госпиталя Черноморского казачьего войска М.М. Гейдушек. В 1834 г. Мартын Мартынович был назначен полковым лекарем Кабардинского пехотного полка, а в 1838 г. – старшим лекарем Екатеринодарского военного госпиталя. Наконец, в 1842 г. Гейдушек возглавил открывшийся Новороссийский военный госпиталь и заведовал им до 1848 г. [6]. А Иван Васильевич Озеров стал старшим лекарем прославленного Тенгинского пехотного полка. Одна из этих врачебных карьер начиналась с заведования Темрюкским военным лазаретом Таманского гарнизонного полка.

После окончания русско-турецкой войны 1828–1829 гг., во время которой этот полк участвовал в штурме Анапы, он был расформирован на 1-й и 2-й Кавказские линейные батальоны. Вероятно, тогда же (или в 1832 г. когда была создана Врачебная управа Черноморского казачьего войска) материальная база Темрюкского лазарета

перешла в войсковую собственность. Однако статья [7] говорит о создании лазарета здесь заново, а вопрос о его принадлежности до 1840-х гг. обойден: «На основании предписания командующего войсками на Кавказской линии, в Черномории и Астрахани генерала Емануеля от 18 января 1829 г. учреждался Темрюкский лазарет на 25 мест, количество постоянных мест в Полтавском лазарете доводилось до 50. По данным Ф.А.Щербины, указанные преобразования провел корпусный командир Паскевич. <...>

С 1 сентября 1841 г. по 1 сентября 1842 г. в Темрюкский лазарет Таманского округа поступили 176 человек, выздоровели – 157, умерли – 12».

Далее автор [7] сообщает, что Темрюкский войсковой лазарет продолжал действовать в 1845 г., а в 1848 г. был утвержден его новый штат. В 1858 г. Темрюкский лазарет, занимавший здание из саманного кирпича под черепичной крышей, имел уже 50 кроватей; заведовал им участковый врач 4-го кордонного участка (Черноморской линии).

В другой статье В.Г. Котричевой [8] указано, что согласно «Расписанию казаков по внутренней службе Кубанского войска на 1860 г.» в Темрюкский войсковой лазарет выделялось для караула и прислуги больным 22 казака.

Темрюкский войсковой лазарет упомянут в Высочайшем повелении от 28.09.1850 г. [9]: «Черноморскую кордонную линию в медицинском отношении разделить на четыре участка следующим образом:

1-й участок должен заключать в себе две части кордонной линии – 1-ю и 2-ю. Прочие три участка ее медико-топографического деления будут соответствовать военным участкам, а именно: 2-й медицинский участок линии будет заключаться между Александровским и Ольгинским, 3-й – между Ново-Екатерининским и Старо-Редутским, 4-й – между Эммануиловским и Бугазским (включительно) постами.

Постоянное местопребывание участковых медиков первых трех участков должно быть при штаб-квартирах полков, состоящих на кордонной линии, а именно: 1-го участка – в г. Екатеринодаре, 2-го – в Великолагерном посту или в Елизаветинской станице, 3-го – в Копыльском посту, а медики 4-го участка – в ст. Темрюкской, для заведывания Темрюкским (в оригинале ошибочно написано «Телугюкским». – *К.Р.*) лазаретом.

На обязанность участковых медиков возложить судебно-медицинские следствия, на кордонной линии и в пограничных станицах случающиеся, подавание медицинской помощи заболевающим в полках и баталионах, на кордонной линии расположенных, а в также и в гарнизонах мостовых прикубанских укреплений: Алексеевского, Ольгинского и Варениковского, и заведывание прививанием детям предохранительной оспы в пограничных станицах, подчиняя им младших учеников, состоящих в полках на кордонной линии и в гарнизонах упомянутых укреплений».

В источниках имеются отдельные данные о персонале Темрюкского войскового лазарета: в 1841 г. был определен на вакансию в Темрюкский лазарет Черноморского казачьего войска лекарь Матвей Голиков [10], а в мае 1856 г. объявлен умершим коллежский асессор Иван Ермолаевич Сорокин, лекарь Темрюкского лазарета Черноморской кордонной линии [11].

Наконец, не позднее 1860 г. участковым врачом 4-го участка Кубанской кордонной линии Кубанского казачьего войска начал служить лекарь Петр Казимирович Янковский [12]. Он и должен был заведовать Темрюкским войсковым лазаретом в эти годы.

В 1863 г. коллежский асессор П.К.Янковский был перемещен в Екатеринодар на должность лекаря больницы Екатеринодарской войсковой богадельни и острога, а уже 18.01.1864 г. Петр Казимирович был исключен из списков как умерший [13]. Интересно, что на место покойного назначили известного в будущем черноморского предпринимателя и политика местного масштаба, а пока что простого военного лекаря М.Ф. Пенчула.

О том, когда Темрюкский войсковой лазарет прекратил свое существование, точных данных пока не нашлось. Скорее всего, некоторое время ему пришлось соседствовать с военным медицинским учреждением, открывшимся в Темрюке в 1858 г. и работавшим несколько лет (см. ниже).

Трудно сказать, какими ведомствами содержалось в разное время еще одно лечебное учреждение – грязелечебница на Гнилой горе в окрестностях Темрюка. По

мнению автора [14], она открылась в 1850-е гг. после Крымской войны. Это мнение основано, по-видимому, на данных Е.Д. Фелицына [15], сообщившего со слов Ф.Ф. Ланда [16], что тогда в южной стороне Гнилой горы был устроен бассейн для пользования грязевыми ваннами, а в 1858 г. на Горелой (?) горе учреждено по приказу командовавшего войсками правого фланга (Кавказской линии. – *К.Р.*) Г.И. Филипсона временное госпитальное отделение; в 1863 г. оно еще существовало. Исследованием грязевого вулкана на Гнилой горе занимался в тот период доктор А.А. Тихомиров.

В воспоминаниях сына этого военного врача [17] указано, что 12 мая 1859 г. его отец, служивший в Ейске старшим лекарем 20-го стрелкового батальона, получил командировку на Темрюкские лечебные грязи. Эти летние командировки повторялись и в два последующих года. По словам Л.А. Тихомирова, «на целебные свойства Темрюкских грязей то возлагали преувеличенные надежды, то разочаровывались в них, и летнее открытие лечения было вроде пробы, на которую и гоняли отца три года».

Впрочем, современные авторы пишут (без ссылок на источники) об открытии Темрюкской войсковой грязелечебницы десятью годами позднее [18]: «Первое грязелечебное заведение появилось на полуострове (Таманском. – *К.Р.*) в 1868 г., когда в 2-3 верстах от Темрюка возле горы Гнилой была открыта войсковая грязелечебница. Грязь добывалась с северной стороны сопки, лопатами и ведрами подносилась к месту лечения. Сама грязелечебница состояла из 4 зданий, приспособленных для проживания больных. Позже, видимо из-за финансовых затруднений, здания были переданы городу, однако лечебница должным образом не содержалась, постепенно ветшала и в 1871 г. была продана с торгов на слом.

В 1883 г. у подножия г. Гнилой была вновь построена небольшая грязелечебница для казачьего сословия. В фармацевтической лаборатории Харьковского университета в 1896 г. был выполнен первый анализ сопочной грязи; она, по заключению фармацевтов, оказалась соответствующей санитарным требованиям и рекомендовалась в качестве лечебной. Темрюкская грязелечебница просуществовала около 20 лет и, как свидетельствуют архивные материалы Темрюкского краеведческого музея, была разрушена в 1902 г. при сильном извержении грязевого вулкана.

Однако в «Кубанском календаре на 1898 г.» эта грязелечебница уже не упоминается: «Лечебные грязи имеются возле г. Темрюк и ст. Таманской и получаются из Гнилой горы, Блеваки и Карабетки. Правильного курорта нет, но жители пользуются грязями с лечебными целями».

Внимательно просмотрев «Отчеты о состоянии и деятельности Императорского Харьковского университета» за 1896-й и соседние годы, мы не обнаружили в отчетах кафедры фармации сообщений о выполненном в ее лаборатории анализе грязи Гнилой горы (такой анализ был проведен для солей и грязи Славянских озер). О том, какова степень достоверности остального содержания анонимной статьи [18], можно только догадываться.

Военные (не войсковые) медицинские учреждения не пользуются вниманием современных кубанских историков и краеведов. Кажется, ни разу не вспомнили они и о Темрюкском военном госпитале.

В вышеуказанных воспоминаниях Л.А. Тихомирова сказано, что в 1861 г. его отец был переведен в Темрюкский военный госпиталь из Ейска исполняющим должность главного лекаря. Темрюкская квартира Тихомировых находилась в здании госпиталя, расположенного на краю города. Это был длинный одноэтажный дом с двумя флигелями. В одном флигеле была и квартира главного врача, довольно большая. Названо в мемуарах и имя одного из госпитальных ординаторов – Казимир Казимирович Янковский.

В 1860 г. Темрюк получил статус портового города, и казаки из него были выселены. А с ними, вполне возможно, и войсковой госпиталь. Между тем война в Закубанье входила в решающую стадию и медицинское обеспечение наступательных операций надо было усилить.

Выше уже отмечалось, что в Темрюке с 1858 г. существовало госпитальное отделение. Более высокий статус оно получило в 1861 г.: в [19] указано, что в том году комиссаром Темрюкского военного полугоспиталя служил надворный советник Игнатий Александрович Выгорницкий. В [20] сообщается, что между 1.04.1861 г. и 1.04.1862 г. в Темрюке был открыт военновременный госпиталь на 100 кроватей,

однако такая вместимость была характерна как раз для полугоспиталей.

Необходимо оговориться, что официальные источники не называли А.А. Тихомирова ни руководителем, ни ординатором Темрюкского военного госпиталя [21]. Не нашлось в справочниках тех лет и врача Казимира Казимировича Янковского (зато был Петр Казимирович Янковский – см. выше). Л.А. Тихомиров писал мемуары через 60 лет, вдали от Кубани и только по памяти, что делало неточности неизбежными.

Более надежные сведения о персонале Темрюкского военного госпиталя содержатся в ВМЖ и «Кавказских календарях». Лечебное учреждение в Темрюке комплектовалось не молодыми кадрами, а врачами и фармацевтами упраздняемых госпиталей.

Так, в августе-сентябре 1861 г. главным лекарем Темрюкского военно-временного госпиталя был назначен коллежский советник Ланд – главный лекарь бывшего Александровского военно-временного госпиталя (в одноименной станице), а управляющим госпитальной аптекой в Темрюке – перемещенный с аналогичной должности в упраздняемом Ейском военном госпитале провизор надворный советник Арендт [22]. В октябре того же года по распоряжению «кавказского начальства» в Темрюкский военный госпиталь были переданы из Ейска все больные.

Фридрих Федорович Ланд (1814–1882) – известный кубанский краевед, автор ряда публикаций, цитируемых до сих пор – возглавлял госпиталь в Темрюке около пяти лет, был удостоен ордена св. Анны 2-й степени с Императорской короною, а позже долго жил в городе.

23.01.1862 г. персонал Темрюкского военного госпиталя пополнился ординатором коллежским асессором Ратушным, также переведенным из Ейска [23]. Трофим Гордеевич Ратушный отслужил на Кавказе уже 20 лет, начав с должности лекаря 15-го Черноморского линейного батальона в 1842 г.; имел ордена св. Станислава и св. Анны 3-й степени.

В 1862 г. в Темрюкском госпитале сменился управляющий аптекой: провизор Арендт за преклонностью лет был уволен от службы с мундиром, а вместо него назначили управлявшего аптекой в упраздненном Ахтынском военном госпитале провизора коллежского асессора Молинари [24].

Двумя годами позже покинул Темрюк Т.Г. Ратушный, назначенный старшим лекарем в 39-ю артиллерийскую бригаду [25]. А 22 ноября 1866 г. ввиду упразднения Темрюкского госпиталя его главный лекарь Ф.Ф. Ланд был переведен в г. Александрополь (совр. Гюмри) на такую же должность [26].

«Кавказские календари» подтверждают и дополняют эти сведения. В справочнике на 1862 г. [27] руководящий персонал Темрюкского военного госпиталя составляют главный лекарь коллежский советник Фридрих Федорович Ланд, управляющий аптекой надворный советник Иван Карлович Арендт и смотритель подпоручик Николай Сергеевич Митрофанов. Через год вместо Арендта управляющим аптекой указан коллежский асессор Маврикий Иванович Молинари [28].

Согласно «Кавказскому календарю» на 1866 г. [29], Ф.Ф. Ланд временно исправлял должность главного доктора Майкопского военно-временного госпиталя. В Темрюке должность смотрителя была вакантной, комиссаром госпиталя служил коллежский асессор Христофор Вершацкий, а бухгалтером – коллежский секретарь Андрей Индутный.

В последний раз Темрюкский военный госпиталь попал в «Кавказский календарь» на 1867 г. [30]. На должность главного лекаря вернулся из Майкопа Ф.Ф. Ланд, аптекой по-прежнему управлял теперь уже надворный советник М.И. Молинари. Должность начальника госпиталя была вакантной, смотрителем состоял подполковник Александр Карлович Куницкий, комиссаром – коллежский асессор Александр Николаевич Забудский, бухгалтером – губернский секретарь Андрей Артемович Индутный.

В «Кавказском календаре» на 1868 г. Темрюкский военный госпиталь уже не упоминается. Война на Северо-Западном Кавказе закончилась, и войска, а за ними военные госпитали стали переводить на другие театры – в Закавказье, а затем и в Закаспийскую область.

В последующие годы медицина в Темрюке окончательно перешла на гражданские рельсы.

Примечания:

1. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах, собранные действительным статским советником и кавалером Иосифом Дебу с 1816 по 1826 г. СПб., 1829. – 495 с.
2. Военно-медицинский журнал (далее – ВМЖ). 1823. Ч. 2. № 1.
3. ВМЖ. 1824. Часть 3. № 3.
4. ВМЖ. 1825. Часть 6. № 2.
5. *Русанов К.В.* Персонал Анапского военного госпиталя в 1829–1856 гг. // Санаторно-курортное лечение в Анапе. 2013. № 15. С. 109–114.
6. *Русанов К.В.* Новороссийский военный госпиталь в 1839 – 1853 гг. // Исторические записки Новороссийского исторического музея-заповедника. 2013. Вып. 8. С. 192–200.
7. *Котричева В.Г.* Из истории становления профессиональной медицины в Черномории (1794–1860) // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2001. № 3-4. С. 15–19.
8. *Котричева В.Г.* Лечебные заведения войска Кубанского (1860–1870) // Historia Caucasica: Региональный исторический сборник научных статей. Вып. 1. 2004. С. 12–16.
9. ВМЖ. 1850. Ч. 56. №2.
10. Медико-статистические известия к газете «Друг здравия». Апрель 1841 г.
11. ВМЖ. 1857. Ч. 69. № 2.
12. ВМЖ. 1861. Ч. 80. № 2; Там же. Ч. 82. № 2.
13. ВМЖ. 1863. Ч. 87. № 4; Там же. 1864. Ч. 89. № 4.
14. *Зверев К.В.* Темрюк. Краснодар, 1976. – 93 с.
15. *Фелицын Е.Д.* Некоторые сведения о грязевых вулканах Таманского полуострова // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. 1902. Вып. III. С.199–222.
16. *Ланд Ф.Ф.* Нефтяные колодцы и грязевые вулканы Таманского полуострова // Медицинский сборник, издаваемый Кавказским медицинским обществом. 1866. № 1. С. 82–83.
17. *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. Воспоминания. М., 2000. – 720 с.
18. Гнилая гора: http://gefest.osmi.biz/page/1013.
19. Кавказский календарь на 1861 год, изданный при Департаменте общих дел Главного управления Наместника Кавказского. Тифлис, 1860. С.102.
20. Действия и занятия войск Кубанской области с 1 апреля 1861 г. по 1 апреля 1862 г. (о походах, строительстве постов, мостов, дорог, укреплений и станиц) // ГАКК. Ф. 347. Оп. 2. Д. 45. Л. 1–16.
21. *Русанов К.В.* А.А.Тихомиров: жизнь военного врача в контексте Кавказской войны // «Царствуй на славу, на славу нам!» (к 400-летию со дня вступления на Престол династии Романовых). Материалы IX Международных дворянских чтений (26–27 октября). Краснодар, 2013. С. 214–221.
22. ВМЖ. 1861. Ч. 82. № 1, 2.
23. ВМЖ. 1862. Ч. 83. № 3.
24. ВМЖ. 1862. Ч. 84. № 8.
25. ВМЖ. 1864. Ч. 90. № 3.
26. ВМЖ. 1867. Ч. 98. № 1.
27. Кавказский календарь на 1862 год, изданный при Главном управлении Наместника Кавказского. Тифлис, 1861. С. 427.
28. Кавказский календарь на 1864 год, изданный при Главном управлении Наместника Кавказского. Тифлис, 1863. С. 418; Кавказский календарь на 1865 г., изданный при Главном управлении Наместника Кавказского. Тифлис, 1864. С. 125.
29. Кавказский календарь на 1866 год, изданный при Главном управлении Наместника Кавказского. Тифлис, 1865. С. 118, 127.
30. Кавказский календарь на 1867 год, изданный Главным управлением Наместника Кавказского. Тифлис, 1866. С. 98.

В.А. Кузнецов

Заметки о путевом дневнике венгерской научной экспедиции графа Е. Зичи на Кавказе в 1895 г.

В 1864 г. закончилась почти 50-летняя Кавказская война, имевшая главным своим результатом включение народов Северного Кавказа в состав Российской Империи. Установление Российской государственной власти, появление структур государственного управления, народного образования, здравоохранения, культуры, размещение военных частей в еще не полностью замиренной стране – все это привело к строительству дорог, возникновению новых городов и к притоку российского разночинного населения: чиновников, учителей, врачей, инженеров, военных, то есть образованных, пытливых людей. Кавказ, эта живописная страна на границе Европы и Азии, с подобным библейскому Ноеву ковчегу пестрым, разноязыким населением, мужество и подвиги коего были прославлены гениями русской литературы А.С. Пушкиным, М.Ю. Лермонтовым, Л.Н. Толстым, необычайно привлекал к себе, началось повальное увлечение древним и новым Кавказом, появились сотни, тысячи публикаций. Родилась наука о Кавказе – кавказоведение. Все это обстоятельно изложено в недавней монографии М.Е. Колесниковой [1].

С окончанием Кавказской войны связан и рост глубокого интереса к истории, археологии, этнографии народов Кавказа в Западной Европе. Особенно это обозначилось после открытия в 1869 около осетинского селения Верхний Кобан могильника эпохи поздней бронзы – раннего железа – первого памятника блестящей Кобанской археологической культуры, аналогичной знаменитой культуре Гальштатта в Альпах. Это была сенсация: в горных теснинах «Хохского Кавказа» Вахушти оказалась материальная культура и изобразительное искусство европейского уровня! В Кобан зачастили европейские ученые. Только в 1880г. Кобан посетили археологи Фридрих Байерн, Рудольф Вирхов, Эрнест Шантр, в музеи Парижа, Лиона, Вены, Берлина, Будапешта были вывезены ценные коллекции вещей, в основном кобанской и аланской археологических культур Центрального Кавказа [2]. Большинство

предметов происходило из грабительских раскопок и было куплено у местного населения.

В движении европейской археологии на Кавказе во второй половине XIX в. приняли участие и исследователи из Венгрии. У венгров для этого были свои веские причины: этот европейский народ по своей этноязыковой принадлежности относится к финно-угорской языковой семье и говорит на угорском языке, родственном языку ханты и манси Зауралья. Древнюю прародину венгров «Magna Hungaria» связывают с Башкирией и нижним течении р. Камы. Отсюда древние венгры-мадьяры двинулись на юго-запад, в начале IX в. они локализуются в Леведии – области между низовьями Дона и Днепра. Очевидно тогда же (в IX в.) венгры в бассейне Среднего Дона имели прямые контакты с донской группой алан – носителей салтово-маяцкой культуры VIII–IX вв.[3]. Следами этих контактов в сфере языка являются заимствования из алано-осетинского в венгерский (до 30) [4] и это положение в науке признано бесспорным. Где могло происходить общение мадьяр (самоназвание венгров) с ираноязычными аланами?

Вариант контактов с салтовскими аланами в IX в., является в историографии относительно поздним. Более ранний вариант (и более популярный) касался возможности таких ареальных контактов мадьяр и алан в равнинном Предкавказье, где тогда находилась метрополия кавказских алан. Данная версия хорошо вписывалась в контекст хазарской проблемы – хазары в VIII–IX вв. доминировали на равнине Северо-Восточного и Центрального Кавказа, аланы были их военно-политическими союзниками [5]. Как пишет венгерский исследователь А. Рона-Таш, после миграции венгров из «Magna Hungaria» в Леведию они до конца VII в. «защищали западные границы Хазарской империи» [6]. История венгров и хазар взаимосвязаны [7], но то же самое можно утверждать и относительно северокавказских алан. Венгры и аланы находили свое место в структуре Хазарского каганата, а присутствие венгров на Северном Кавказе стало находить свое подтверждение в топонимической номенклатуре. Я уже рассматривал этот вопрос в специальной статье «Аланы-ясы в Венгрии» [8] и не буду здесь повторяться. Основной вопрос и «камень» преткновения – название древнего руинированного города Маджар, Маджары на р. Куме (сейчас территория этого крупного памятника застроена городом Буденновск). Это остатки золотоордынского города XIV в., бывшего для центральных районов Северного Кавказа торгово-экономическим и культурным очагом с обширными международными торговыми связями [9]. Фонетическое сходство самоназвания венгров «мадьяр», «мадьярок» с названием города Маджар в Предкавказье в свое время привлекло внимание венгерских исследователей, наивно увидевших в долине р. Кума город древних венгров [10]. Это неубедительно хотя бы потому, что Маджар на Куме относится к XIV–XV вв., времени, когда мадьяры уже давно и прочно осели в Паннонии на Среднем Дунае, искать их в это время на Кавказе, кажется, нет оснований. Кроме того, заметим, что в северокавказской топонимике термин «Маджар» кроме города на Куме известен в долине р. Большой Зеленчук и это также руины древнего города «Маджар-Уне» [11], а Ю. Клапрот пояснил, что это есть черкесское название древних церквей Большого Зеленчука, следовательно, речь может идти только о Нижне-Архызском городище X–XII вв. [12]. Как видим, венгры здесь не причем, тот же Клапрот первый указал это в 1812 году [13].

Но, при всех подобных неувязках и противоречиях дело не так просто. Кавказ с его многочисленными этническими проблемами способен на парадоксальные задачи, которые решить, по крайней мере, сейчас, не представляется возможным. Вопросом о народе «маджар» на Кавказе и близ него занимался этнограф-кавказовед В.П. Кобычев, напомнивший, что племя маджар упоминает в X в. Константин Багрянородныйь[14], но полагает, что «маджары входили в состав болгарских племен в период их пребывания в Северном Предкавказье» [15], В.П. Кобычев был явным сторонником версии о присутствии в Предкавказье, Северном Кавказе и Закавказье в период «между I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.» различных финно-угорских этнических элементов, впоследствии ассимилированных [16].

Вряд ли я ошибусь сказав, что вышеупомянутая интересная статья В.П. Кобычева за прошедшие четверть века в нашей науке фактически не нашла отклика и встречена молчанием: слишком необычны

новации Кобычева. К сожалению, он упустил в своем исследовании крайне загадочный факт. В верхней части Алагирского ущелья, в нескольких километрах к востоку от с. Нижний Зарамаг, находилось ныне покинутое осетинское селение Тоборза (Карта Осетии 2000. Проект-Пресс. Все селения Севера и Юга, Осетия, из прошлого в настоящее). Это небольшое горное селение имело не осетинское название, разъясненное В.П. Абаевым – Тоборза – название венгерского танца [17].

Как венгерское «Тоборза» оказалась в черте Наро-Мамисонской котловины близ Касарской теснины с ее мощным оборонительным комплексом времени арабо-хазарских войн? Может возникнуть вопрос о чисто случайном созвучии, такое бывает. Но, касаясь этого факта и пользуясь своими командировками в Венгрию в 1985 и 1988 годах, я получил от венгерских коллег консультацию: старинный воинский танец венгров называется «тоборзо» [18].

Как видим, случайности здесь нет, но нет и ответа о происхождении топонима Тоборза. Очевидно, это вопрос времени. Закончу этот свой пассаж словами видного венгерского ученого Иштвана Эрдели о том, что «история венгров на Дону и на территории древней Меотиды, равно как накануне обретения родины и при создании государства, была тесно связана с Кавказом в широком смысле слова, и эти связи существовали еще долгое время» [19].

Ограничимся вышеизложенным историческим введением в проблему и обратимся к венгерской экспедиции графа Е. Зичи на Кавказ в 1895 г. Главным источником для нас будет обильно иллюстрированный графическими зарисовками и фотографиями дневник экспедиции, который вел член экспедиции, историк, профессор Колошварского (г. Клуж-Напока, Румыния) университета, доктор Лайош Садацки-Кардошш. Ранее дневник экспедиции не издавался, рукопись его подготовлена стенографом Пальмой Шелькеи, научный редактор доктор Иштван Эрдели. Этот основной документ экспедиции представляет собой самостоятельный научный интерес для кавказоведения и не столько в археологическом, сколько в этнографическом отношении. Краткое резюме наиболее интересных записей с приложением иллюстраций составляет основу данной статьи. Этот материал изложен в монографии, изданной в Будапеште в 2000 г. [20].

Основная научная задача экспедиции – поиск следов древних венгров на Кавказе. Кроме Лойоша Садецки-Кардошша, в состав экспедиции входили языковед Габор Сенткатолнаи Балинт, археолог Мор Вошинский, егерь-лесник графа Е. Зичи Карой Рошлапил, журналист-переводчик, подданный России Якоб Челингерян. Руководитель экспедиции путешественник и политик, с 1889 г. почетный член Венгерской Академии наук, граф Енё Зичи[1]. Сам Е. Зичи был, согласно комментарию И. Эрдели, убежден в том, что «его родственники живут в Грузии в роду Цициановых» [21]. Более подробных сведений об участниках экспедиции в моем распоряжении нет, хотя в предисловии Пальмы Шелькеи [22] такие сведения есть. Нет знания венгерского языка и это ставило вопрос о возможности написания моей статьи. Я решил, что лучше так, чем никак и перехожу непосредственно к своему изложении.

Экспедиция Зичи отправилась из Будапешта 15 апреля 1895 г. и через Лемберг в Польше 2 мая добралась до Одессы, затем морем в Крым и посетила Евпаторию, Севастополь, Ялту, Феодосию, Керчь. На Кавказ экспедиция прибыла 9 мая, но не на Тамань, а в Новороссийск. Через станицы Крымская, Абинская, Линейная, Ильская, Северская, Афипская путешественники прибыли в город Екатеринодар (совр. Краснодар). 13 мая экспедиция была уже в Армавире – черкесогайском ауле с армянским названием [23]. Упоминание Баталпашинска (совр. Черкесск) сопровождается рисунком кабардинских тамговых знаков [24]. Всего их 23. Северокавказским тамгам посвящена специальная монография Х. Яхтанигова [25], а сводные таблицы тамг адыгских князей дают ряд близких аналогий с тамгами, зарисованными Л. Садецки-Кардошшем [26] (ср., например, у Х. Яхтанигова тамги Казиевых, Крым-Гиреев и

[1] Граф Е. Зичи (1837–1906) продолжил свои разыскания на Кавказе и в Центральной Азии в 1896–1897 гг. и составил большую коллекцию археологических материалов, в основном с паспортом Баксан – Чегем и происходящих из грабительских раскопок местного населения (в их числе коллекция балкарского князя Измаила Урусбиева, купленная Е. Зичи). Этот материал он издал во втором томе своего труда 1897 г. [29].

Материалы Е. Зичи хранятся в Венгерском этнографическом музее Будапешта.

фамилии Цей). На другой таблице тамг, зарисованных Л. Садецки-Кардошшем [27], находим сходную тамгу Шипшевых [28], а также тамгу на деревянной ручке железного шила из с. Псыгансу, фамилия Тлостановых [30]. Следует заметить, что большая часть тамговых знаков, зафиксированных экспедицией Зичи, осталось не проработанной Х. Яхтаниговым – материалы венгерских исследователей остались ему неизвестны. В качестве дополнительного комментария и не в упрек Х. Яхтанигову укажем отсутствующую во введении к его работе сводную таблицу тамгообразных знаков разных систем, в том числе кабардинские, изданную германским археологом Георгом Вильке [31] и как дополнение к возможному второму изданию его труда статью В.С. Ольховского [32] и крупную монографию Я.П. Лебединского [33].

Из Баталпашинска путь экспедиции пролегал через Усть-Джегутинскую, Николаевск в Хумару на левом берегу Кубани. Единственный опубликованный в этом тексте рисунок изображает возвышенность и на ней Csynya-negy – контур, похожий на руины башни. В настоящее время ее в Хумаре нет (впрочем, Нарышкины в 1857 г. видели развалины «большой и круглой башни» [34], но это отождествление весьма условно).

Судя по всему, венгры не имели информации о реальном и действительно выдающемся археологическом памятнике Хумары – Хумаринском городище VII–X вв. на правом берегу Кубани, на плоской вершине возвышенности «Калеж». Это мощная каменная крепость хазарского времени, построенная хазарами для контроля важного военно-торгового пути из Хазарии через Клухорский перевал к Черному морю и далее в Византию и Константинополь. О сотрудничестве хазар, алан и мадьяр выше уже говорилось. Хумаринская крепость строилась и обслуживалась гарнизоном тюрок, очевидно болгарского происхождения, оставивших на стенах крепости свои тамгообразные знаки и надписи. В настоящее время на этом объекте ведутся археологические раскопки [35]. Хумаринское городище представляется нам как один из ключевых археологических памятников на пути решения сложной проблемы происхождения карачаевцев и балкарцев.

Следующий населенный пункт, посещенный экспедицией – поселок Каменномостский. Здесь, на правом берегу р. Кубань, расположена каменная башня, зарисованная Садецки-Кардошшем [36] и сохранившаяся до сих пор [37]. Башня построена в 1832 г. и входила в систему русских укреплений на Кубани [38]. Это памятник Кавказской войны.

От Каменномоста до Учкулана записей в дневнике нет. Запись об Учкулане датирована 15 мая. Описание Учкулана довольно подробное [39], здесь состоялась первая встреча венгров с жителями Учкулана – карачаевцами, перечисляются их фамилии, помещены три фотографии: здание школы, Балинт и Зичи на фоне карачаевского стада и самый этнографический снимок – группа молодых карачаевских женщин [40]. К сожалению, полиграфическое качество снимка в книге оставляет желать лучшего.

16 мая экспедиция посетила Хурзук и Карт-Джурт, в совокупности три наиболее крупных карачаевских аула в горной долине верховьев Кубани западнее Эльбруса. Это основная, исходная территория современного расселения карачаевского народа, к началу XX в. (т.е. во время экспедиции Е. Зичи) насчитывавшего всего до 15 тысяч человек [41]. В Хурзуке дневник экспедиции пополнился рисунками двух башен на фоне Кавказских гор с Эльбрусом во главе [42]. Впрочем, возможно, что на обоих рисунках изображена одна башня, ибо здесь местным археологам известна только одна башня Гошаях-кала (Мамиа-кала) [43]. Предложенная дата башни – XIII–XIV вв. [44] не имеет никаких оснований и весьма удревнена.

В Карт-Джурте Садецки-Кардошшем очень схематично изображены три карачаевских наземных склепа, вытянуто-четырехугольной формы, двускатные кровли, входы с арочным верхом [45]. В 1904 г. эти склепы были обследованы В.М. Сысоевым, подробно их описавшим [46]. В одном из них В.М. Сысоев нашел на стене арабскую надпись, датированную Л.И. Лавровым концом XVIII в. [47].

Из верховьев Кубани венгры передвинулись в казачью станицу Кардо– никскую, а 18 мая прибыли в кабардинское селение Хахондуковское, которого я не обнаружил на доступных географических картах и которое могло носить имя одного из

адыгских племен XII в. «Хундуг» [48]. Адыгское племя хундуг в районе «прианапских адыгов» упоминает Н.Г. Волкова [49]. В таком случае возможен факт миграции с Черноморского побережья. Автор дневника при описании с. Хахандуковского среди местных фамилий называет Хахондука (Hahonduka) [50]. Очевидно, это село принадлежало фамилии Хундуг. Но это, конечно, лишь догадки.

Этот текст сопровождают рисунки адыгских жилых домов [51]. Особенно характерен дом удлиненного плана («длинный дом») с плетенными, обмазанными трубами – домоходами конической формы [52]. Аналогичный дом братьев Узденовых в с. Хурзрук приводит в своей монографии В.П. Кобычев [53]; были такие дома с земляной крышей и плетеными трубами и у кабардинцев [54]. В. Бибердов ауле Садецки-Кардошш зафиксировал устройство горского очага с вытяжкой над ним, очажной цепью и котлом [55]. Эти наблюдения венгерских исследователей В.П. Кобычев в своей работе не использовал.

Через Пятигорск, Минеральные Воды, Георгиевск, Воронцовку экспедиция 22 мая прибыла в г. Святой Крест на р. Куме, нынешний Буденновск. Этот небольшой город, основанный русскими властями в 1799 г., стоит на культурном слое города Маджар (Маджары), построенного в эпоху господства Золотой Орды и существовавшего в XIV–XV вв. Выше уже говорилось, что золотоордынский город застроен почти полностью, памятник фактически для науки погиб. Городище состоит из двух частей, занимавших берега Кумы – Большой Маджар и Малый Маджар на территории три километра в длину и до одного километра в ширину [56]. Я выше отмечал, что в венгерской историографии увлеклись идеей о венгерской прародине на р. Куме – «Куммадьярией» [57]. Венгерские исследователи посетили Большой и Малый Маджар, но никаких материалов, способных пролить свет на проблему «Куммадьярии», они не получили [58].

Из Маджара экспедиция Зичи направилась в Кабарду. В долине р. Бак– сан путешественники побывали в с. Кудинетово (совр. г. Чегем), помещен очень выразительный снимок карачаевского всадника в черкеске, с кинжалом и шашкой у пояса на фоне карачаевского бревенчатого дома. Здесь же описание местных танцев, с музыкальным сопровождением гармоники, снимок – танцуют атажукинские кабардинцы. Танец женский. Зарисовка 9 тамгообразных знаков, фотография группы атажукинских кабардинцев (шесть женщин в национальной одежде, двое мужчин в черкесках, с кинжалами на поясе [59], Баксан. На следующей странице этнографически великолепный снимок молодой кабардинки в праздничной одежде, с орнаментированными нарукавными подвесками вытянуто-овальной формы [60]. Подобные яркие, нарядные платья с нарукавными подвесками были популярны у карачаево-балкарцев и кабардинцев XVIII–XIX веках [61].

29 мая экспедиция Зичи прибыла в город Владикавказ. Осетия не привлекла внимания Е. Зичи и, как пояснил Ласло Сабо, граф Зичи еще не знал, что венгерские ясы и осетины – близкородственные народы [62]. Изучение этих проблем тогда делало свои первые шаги. Из Владикавказа экспедиция Зичи по Военно-Грузинской дороге и долине р. Арагви проследовала в Тифлис (6 июня) и Баку (9 июня). Дальнейший маршрут на Восток лежал через Каспийское море в Красноводск, Ашхабад, Бухару, Самарканд – конечный пункт экспедиции. Обратный маршрут венгерских путешественников мы не рассматриваем.

В научном изучении Кавказа и проблемы мадьяро-кавказских отношений работа экспедиции Е. Зичи была мало эффективной и не увенчалась существенными результатами и особо интересными находками, в том числе и волновавшей венгерское общество проблемой пребывания венгров в IX в. на Северном Кавказе и «Куммадьярии». Экспедиция Е. Зичи имела разведывательный характер и четко обозначила главное: справедливо отмеченную Л. Сабо через почти 100 лет огромную сложность многозначной, комплексной проблемы мадьяро-кавказских культурных взаимосвязей в широком общекавказском аспекте [63]. Сейчас удовлетворительно разработана только та часть, которая касается группы восточноевропейских алан-ясов, переселившихся в конце 30-х годов XIII в. в Венгрию и составивших там административный округ Ясшаг в г. Ясберень [64]. Но мы не знаем, где жили аланы-ясы до их миграции на Средний Дунай и, следовательно, где не вслепую надо искать их следы.

Несомненным является одно – ясы переселились в Венгрию вместе с большим контингентом половцев – *кунов* и расселились рядом, в округах Ясшаг и Куншаг, а это означает, что на территории России до XIII в. ясы-аланы и куны-половцы также соседили и хорошо знали друг друга. Естественно заподозрить, что такой территорией мог быть Северный Кавказ, точнее говоря ареал верховьев Кубани, т.е. Западной Алании. Считается, что именно здесь происходил процесс активный тюркизации верхнекубанской группы алан со второй половины XI в., в качестве суперстрата-ассимилятора выступала сильная группа тюрок-половцев, на данной территории представленных каменными статуями воинов-половцев, встречаемых только в указанном ареале [65]. После переселения в Венгрию эта традиция изготовления поздних половецких «каменных баб» в новых условиях была утрачена. В Венгрии такие памятники неизвестны.

В будущей летописи истории изучения венгеро-кавказских связей экспедиция Е. Зичи займет свое место. Начатую этой экспедицией работу необходимо продолжить на основе взаимовыгодного сотрудничества.

Примечания:

1. *Колесникова М.Е.* Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века. Ставрополь, 2011. С. 48–118.
2. *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 29.
3. *Кузнецов В.А.* Алано-осетинские этюды. Владикавказ, 1993. С. 95–98.
4. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М. – Л., 1949. С. 84.
5. *Артамонов М.И.* История хазар, Л, 1962. С. 356–364; *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 194, 195; *Кузнецов В.А.* Алано-осетинские этюды. Владикавказ, 1993. С. 96, 97.
6. *Рона-Таш А.* Хазары и мадьяры // Хазары, евреи и славяне, том 16. Иерусалим – М., 2005. С. 17.
7. Там же. С. 120.
8. *Кузнецов В.А.* Алано-осетинские этюды. С. 83–152.
9. *Минаева Т.М.* Золотоордынский город Маджар // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1953. Вып. 5. С. 131–157; *Волкова Н.Е.* Маджары (из истории городов Северного Кавказа) // Кавказский этнографический сборник. М., 1972. Вып. V. С. 41–88; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1989. С. 199, 200.
10. *Эрдели И.* Поиски следов древних венгров на Кавказе // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М, 2008. Вып. VIII: «Крупновские чтения» 1971–2006. С. 236.
11. *Dubois de Montpereux F.* Voyage autor du Caucase, v. I. Paris, 1839. P. 322.
12. Ibid. P. 322.
13. *Klaproth J.* Reise in den Kaukasus und nach Georgien unterhommen in den Jahren 1807 und 1808 Band I. Halle und Berlin, 1812. S. 402–434.
14. *Кобычев В.П.* Некоторые вопросы этногенеза и ранней этнической истории народов Кавказа: финно-угры на Кавказе // Кавказский этнографический сборник, IX. М., 1989. С. 23.
15. Там же. С. 24.
16. Там же. С. 33.
17. *Абаев В.И.* К алано-венгерским лексическим связям // Europa et Hungaria. Congressus Ethnographicus in Hungaria. Budapest, 1965. С. 521; см. также: *Цагаева А.Дз.* Топонимия Северной Осетии. Владикавказ, 2010. С. 358.
18. *Кузнецов В.А.* Были ли древние венгры на Кавказе? // Актуальные проблемы иранистики и теории языкознания. Материалы международной научной конференции, посвященные 100-летию со дня рождения Василия Ивановича Абаева. Владикавказ, 2002. С. 206.
19. *Эрдели И.* Венгры на Дону // Маяцкое городище. Труды советско-болгаро-венгерской экспедиции. М., 1988. С. 20.
20. Zichy – expedicio Kaukaszus, Kozep – Azsia, 1985 Szadeczky – Kardoss Lajos utinaplojo. Budapest, 2000. S. 304.
21. Ibid., S. 299.
22. Ibid., S. 9–14.
23. Ibid., S. 50.
24. Ibid., S. 58.
25. *Яхтанигов Х.* Северокавказские тамги. Нальчик, 1993.
26. *Яхтанигов Х.* Северокавказские тамги. С. 45.
27. Zichy – expedicio Kaukaszus..., 2000. S. 104.
28. *Яхтанигов Х.* Северокавказские тамги. С. 53.
29. *Zichy J.* Voyages au Caucase et en Asia Centrale. T. II. Budapest, 1897.
30. *Яхтанигов Х.* Северокавказские тамги. С. 72.
31. *Wilke J.* Südwestteuropäische Megalitkultur und Beziehungen zum Orient // Mannus, 7. 1912. S. 32, *12.*
32. *Ольховский В.С.* Тамга (к функции знака) // ИАА. Вып. 7. Армавир – Москва, 2001.С. 100–109.
33. *Lebedynsky J.* Les Tamgas. Une «heraldique» de la Steppe. Paris: Edition Errance, 2011.
34. *Алексеева Е.П.* Археологические памятники Карачаево-Черкесии. М., 1992. С. 108.
35. *Алексеева Е.П.* Археологические памятники Карачаево-Черкесии. С. 108–112; *Кузнецов В.А.* Алано-осетинские этюды. Владикавказ, 1993. С. 298–305; *Биджиев Х.Х.* Хумаринское городище. Черкесск, 1983.
36. Zichy – expedicio Kaukaszus..., 2000. S. 62.
37. Памятники Северного Кавказа. М., 1978. Рис. 49.
38. *Алексеева Е.П.* Археологические памятники Карачаево-Черкесии. С. 99, № 135.
39. Zichy – expedicio Kaukaszus..., 2000. S. 63–68.
40. Ibid. C. 66.
41. *Авксентьев А.В., Авксентьев В.А.* Северный Кавказ в этнической картине мира. Ставрополь, 1998. С. 131.
42. Zichy – expedicio Kaukaszus..., 2000. S. 68–69.
43. *Алексеева Е.П.* Археологические памятники Карачаево-Черкесии. С. 91.
44. Там же.
45. Zichy – expedicio Kaukaszus..., 2000. S. 70.
46. *Сысоев В.М.* Археологические экскурсии по Закубанью // Материалы по археологии Кавказа, т. IX. М., 1904. С. 154–165.
47. *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 2: Надписи XVIII–XX вв. М., 1968. С. 88, № 616.
48. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. М., 1968. С. 137.
49. *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 33.
50. Zichy – expedicio Kaukaszus..., 2000. S. 81.
51. Ibid., S. 81, 82.
52. Ibidem.
53. *Кобычев В.П.* Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX–XX вв., М., 1982. С. 103, II.

54. Там же. С. 115. Рис. 32, *1*.
55. Zichy – expedicio Kaukaszus..., 2000. S. 85.
56. *Минаева Т.М.* Очерки по археологии Ставрополья, Ставрополь, 1965. С. 88; *Зиливинская Э.Д.* Маджар и Нижний Джулат. Из истории золотоордынских городов Северного Кавказа. Нальчик, 2015. С. 28.
57. *Bendefy L.* A magyarsag kaukazusi osharaja. Jyeretyan orszaga. Budapest, 1942.
58. Zichy – expedicio Kaukaszus..., 2000. S. 92–95.
59. Ibid., S. 101,103,105.
60. Ibid., S. 106.
61. *Студенецкая Е.Н.* Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. М., 1989. С. 160. Табл. 5; С. 162. Рис. 2; С. 165. Рис. 27, *2 в, г*; С. 167. Рис. 28; Адыгская (черкесская) энциклопедия / Гл. редактор проф. М.А. Кумахов. М., 2006. С. 332.
62. *Szabo L.* Az Oszet – Jasz rokonsag neprajzos szemmel // Forras, XVII evfolyam. 1985. № 9. S. 61.
63. *Szabo L.* Az Oszet – Jasz rokonsag neprajzos szemmel // Forras, XVII evfolyam. 1985. № 9. S. 64.
64. *Szabo L.* A Jaszetnikai csoport (A jasz etnikum es a Jaszsagi muveltsegi egysegneprajza). Szolnok, 1979; *Fekete L.* A jaszkunok tortenete. Debreczeh. 1861; *Jyorffy J.* A magyarsag kebeti clebmeti. Jondolat, Budapest, 1990; *Кузнецов В.А.* Алано-осетинские этюды. Владикавказ, 1993. С. 83–152; *Калоев Б.А.* Венгерские аланы (ясы). Историко-этнографический очерк. М., 1996 и др.
65. *Кузнецов В.А.* Иранизация и тюркизация центрально-кавказского субрегиона // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. М., 1997. С. 168–170.

О.В. Матвеев

Из биографии и военно-исторического наследия А.Г. Рыбальченко

Станицы современного Отрадненского района Краснодарского края в дореволюционном прошлом комплектовали считавшийся старейшим в Кубанском казачьем войске полк – Хоперский. Этот полк в числе казачьих подразделений всегда занимал особое место не только в связи с установлением официально старшинства войска с 1696 г., но и благодаря исключительной роли хоперцев в защите и освоении Правого фланга Кавказской линии. Поэтому в дореволюционной полковой историографии истории Хоперского полка уделялось значительное внимание, а труды И.С. Кравцова, В.Г. Толстова, П.П. Короленко, П.Л. Юдина и др. давно стали классическими [1]. В рамках этой традиции издавались не только фундаментальные работы, но и полковые памятки, основная цель которых заключалась в воспитании личного состава подразделения на героических примерах прошлых поколений хоперцев. В роли одного из авторов полковой памятки хоперских казаков выступил в начале XX столетия незаурядный казачий офицер и военный историк Александр Григорьевич Рыбальченко (1859–1919), чье военно-историческое наследие мало известно в современном казаковедении. Данная работа призвана в чем-то восполнить этот пробел.

В официальных документах начала XX в. указывалось, что А.Г. Рыбальченко числился по станице Кисляковской [2]. Однако появиться на свет Александр Григорьевич мог и в станице Кущёвской, откуда родом была мать Агафия Андриановна, и где у его отца Григория Петровича имелись «дом турлучный и хутор близ той же станицы при речке Кугоейке деревянной постройки» [3]. Правда, в перечне хуторов Черномории за 1859 г. хутор отставного есаула Григория Рыбальченко числится в юрте станицы Кисляковской «при речке Кугоейке от станицы в 25 верстах» [4].

Командиръ 1-го Кизляро-Гребенскаго полка полковникъ А. Г. РЫБАЛЬЧЕНКО.

Командир 1-го Кизляро-Гребенского полка полковник А.Г. Рыбальченко

Документы донесли до нас скупое описание хутора: «Дом для жительства хозяина о двух половинах 1, сараев 3, хутор сей устроен в 1845 году, документов на устройство онаго не имеется. Состояние хозяина: рогатого скота 30, лошадей 3, овец 100 штук» [5]. После проведенного в Кубанской области размежевания вдова есаула Григория Рыбальченко Агафия с детьми Григорием, Александром, Евграфом и

Куприяном получили 13 июня 1875 г. участок земли «при р. Кавалерке, в 14 верстах к юго-востоку от ст. Кущевской в 180 дес. удобной и 2 дес. 1710 саж. неудобной земли». 10 января 1886 г. А.Г. Рыбальченко получил в наследство участок земли в 22 дес. 129 саж. [6].

11 октября 1859 г. в семье Григория Петровича и Агафии Адриановны Рыбальченко родился сын, которого нарекли Александром. Сохранилось несколько послужных списков отца будущего офицера, Григория Петровича Рыбальченко. Он родился в 1810 г., происходил «из казачьих детей Черноморского казачьего войска», в службу вступил казаком «к письменным делам в Ейское Земское сыскное начальство» 10 мая 1828 г. [7]. В этом учреждении Григорий Петрович Рыбальченко прослужил 10 лет, а затем перешел на кордонную пограничную службу. Он участвовал в походах русских войск под командованием генерал-майора Заводовского в Закубанье, и «за отличие, оказанное в сих делах» 7 сентября 1840 г. был произведен в хорунжии [8]. 12 августа 1844 г. ему был пожалован чин сотника, 8 июля 1850 г. – есаула [9]. Григорий Петрович был женат дважды. Первой его супругой стала казачка по имени Афанасия [10], от которой у него родились сын Захарий 24 марта 1833 г. и дочь Александра 10 апреля 1835 г. [11]. Овдовев, Григорий Петрович женился «на дочери есаула Евреиновского девице Александре Андриановой». В семейном списке есаула куреня Кущевского Андриана Михайловича Евреиновского за 1835 г. указано, что Агафии исполнилось 12 лет, следовательно, она родилась в 1833 г. Помимо Агафии у 52-летнего Андриана Михайловича и его жены, 45-летней Марии, в 1835 году имелись 2-летний сын Василий, дочери: 16-летняя Наталья, 15-летняя Меланья и 5-летняя Евдокия [12].

У Григория и Агафии Рыбальченко 10 апреля 1851 г. родился сын Иван [13], 28 сентября 1855 г. – Куприян [14], 14 сентября 1858 г. – Евграф [15]. Александр Григорьевич своего отца не знал: из документов следует, что «хутор отставного есаула Григория Рыбальченко при речке Кугоейке <…> по смерти поступил в 1859 году жене его» [16]. Вдова, Агафия Андриановна, растила детей сама и дала сыновьям, по-видимому, неплохое домашнее образование, а затем отправила учиться в Кубанскую войсковую гимназию. Александр гимназического курса не окончил. В апреле 1877 г. началась война за освобождение славян, и, по всей видимости, юноша, вслед за старшим братом Евграфом стремился на театр военных действий. Но лишь приказом по Кубанскому казачьему войску 25 октября 1877 г. 18-летний А.Г. Рыбальченко «зачислен на службу казаком с правами по образованию 3 разряда в сборный Уманско-Ейский полк» [17]. Однако попасть на войну не удалось: весь период военных действий с Турцией Уманско-Ейский полк дислоцировался на территории Кубанской области и Черноморского округа, нес кордонную службу и обеспечивал внутренний порядок [18]. Кому-то надо было выполнять и эту работу. Как-бы то ни было, грудь молодого человека украсила темно-брон-зовая медаль в память войны 1877–1878 гг., которая вручалась всем мобилизованным казакам.

Александр решил, не теряя времени, пойти по стопам отца и стать офицерам. В августе 1878 г. он командирован для поступления в Ставропольское казачье юнкерское училище и после успешной сдачи экзамена 5 сентября 1878 г. был «зачислен в младшие классы». В училище, открытом в 1870 г., готовили кадры для военных и административных должностей Кубанской и Терской областей, молодёжь горских и закавказских народов. В младшем (общем) классе преподавали общеобразовательные предметы: Закон Божий, русский язык, немецкий и французский языки, математику, физику и химию (начальные сведения), черчение, географию и историю [19]. Учился Александр успешно: 12 июля 1879 г. его назначают урядником, по экзамену переводят в старший (специальный) класс, где объём и содержание предметов уже были обусловлены необходимостью получения знаний для командования батальоном. Здесь изучали тактику, воинские уставы, военную топографию, полевую фортификацию, давали знания об оружии, о военной администрации, военном судопроизводстве, военной географии, военной гигиене и иппологии (наука о лошадях) [20]. 14 июля 1880 г. А.Г. Рыбальченко «за отличное поведение и успехи зачислен в штатные урядники», а 16 июля 1880 г. «окончил курс по первому разряду и переименован в портупей-юнкеры» [21]. 20 июля 1880 г. Александр был отчислен из училища в родное

войско. Приказом по Кубанскому казачьему войску № 66 от 14 августа 1880 г. его назначили в старейший в войске 1-й Хоперский Её Императорского Высочества Великой княгини Анастасии Михайловны полк, службе в котором Рыбальченко отдаст более 30 лет. 16 января 1881 г. Александр Григорьевич был произведен в хорунжии, затем был назначен заведующим полковой учебной командой, выполнял обязанности делопроизводителя полкового суда, субалтерн-офицера 2-й сотни.

С конца 1878 г. штаб-квартира 1-го Хоперского полка располагалась в г. Кутаисе [22]. Хоперцы несли службу по охране населения от разбойников и поддержанию общественного порядка в Кутаисской, Тифлисской, Елисаветпольской, Бакинской и Эриванской губерниях [23]. По-видимому, в г. Кутаисе хорунжий Рыбальченко и встретил свою любовь –княжну Пелагею Варлаамовну Яшвили. Яшвили (Яшвиль) – имеретинский княжеский род, известный с XV в., причем в это время уже занимали в стране видное положение. Им наследственно принадлежала должность старшего виночерпия царского двора (*мегвинету-хуцеса*), пост *моурави* в Гегути (царский дворец вблизи Кутаиси). В XVIII в. из семьи Яшвили выдвигаются крупные церковные деятели, епископы Цагери Баака и Симеон, а также Максим, митрополит Ведийский и архиепископ Хонский. Указом Александра II 24 августа 1863 г. был утверждён в княжеском достоинстве Хиосия (Хосия) Мерабович Яшвили. Определением Сената 22 декабря 1865 г. к роду сопричислен также его сын, князь Варлаам Хиосиевич (Хосиевич) Яшвили, 1834 г.р. Они были внесены в V часть родословной книги Кутаисской губернии [24]. Помимо Пелагеи, у ВарлаамаХосиевича Яшвили имелись сыновья Николай, Иннокентий и дочь Екатерина [25].

Таким образом, хорунжий Рыбальченко породнился с влиятельной в Имеретии княжеской фамилией. Очевидно двухмесячный отпуск, который записан в послужном списке А.Г. Рыбальченко с содержанием с 16 августа 1881 г., был связан с вступлением в брак [26]. 5 марта 1883 г. в семье Рыбальченко появился сын Константин, затем 26 сентября 1887 г. родилась дочь Валентина, а 15 июля 1891 г. – Мария [27]. Пелагея Варлаамовна, судя по генеалогической росписи князей Яшвили, прожила долгую жизнь и скончалась в 1952 г. [28] В 1-м Хоперском полку служил с 1894 по 1914 г. её младший брат, есаул князь Иннокентий Варлаамович Яшвили (1870–1921) [29], которому А.Г. Рыбальченко очевидно покровительствовал.

Между тем, служба у Александра Григорьевича складывалась успешно. В феврале 1883 г. он становится полковым адъютантом, Высочайшим приказом 6 мая 1884 г. «за отличие по службе произведен в сотники», 3 октября 1884 г. «награждён 2-м обыкновенным призом за состязательную стрельбу», 1 мая 1885 г. «награждён Мекленбург Шверинским орденом «Грифа» 4 ст., на принятие и ношение коего последовало Высочайшее соизволение».

17 сентября 1885 г. А.Г. Рыбальченко принял в командование 5-ю сотню 1-го Хоперского полка [30]. 4–18 октября 1886 г. со своей сотней Александр Григорьевич пребывал в сопряженной с опасностями для жизни командировке «на Мугань и губернии: Тифлисскую, Эриванскую, Елисаветпольскую для преследования разбойничьих шаек» [31]. Выезжал он и в полевые поездки в Тифлис. 24 декабря 1886 г. в приказе по войскам Кавказского Армейского корпуса № 91 было объявлено, что «сотник Рыбальченко может быть руководителем тактических занятий с офицерами своей части» [32]. Но вскоре А.Г. Рыбальченко сдал сотню и был командирован во 2-й Хоперский льготный полк. Здесь несколько лет командовал сотней, исполнял обязанности полкового казначея.

Военно-педагогические способности А.Г. Рыбальченко были замечены командованием, и согласно приказу по Кавказскому военному округу № 41 от 1 марта 1889 г. он был командирован в Ставропольское казачье юнкерское училище на должность младшего офицера. Началась новая полоса жизни, связанная с воспитанием и обучением будущих командиров. Александр Григорьевич преподаёт гимнастику и фехтование, заведует оружейной комнатой. Юнкеров он учит всему, что знает сам, наставляет личным примером, его любят и ценят.15 октября 1889 г. Рыбальченко произведён в подъесаулы, 28 декабря 1889 г. «за отличие по службе всемилостивейше награжден орденом Св. Станислава 3-й ст.», 31 января 1893 г. – орденом Св. Анны 3-й ст., 7 ноября

1893 г. – призом за состязательную стрельбу [33]. 29 декабря 1891 г. «не сдавая должности заведующего оружием и преподавателя гимнастики и фехтования», Александр Григорьевич стал исполнять ответственные обязанности адъютанта училища. В училище Рыбальченко довелось впервые выступить в роли историка. Приближался юбилей – 25 лет со дня основания этого учебного заведения, и начальник училища поручил подъесаулу Рыбальченко составить исторический очерк к предстоящему торжеству.

Александр Григорьевич подошёл к поручению с большой ответственностью. Весь 1894 г. ушёл на изучение дел училищного архива, нормативных актов и положений, связанных с юнкерскими училищами в России, работ М.С. Лалаева, П.О. Бобровского, М.П. Хорошхина, Е.Д. Фелицына, Я.Н. Ростовцева и др. [34] по истории военно-учебных заведений и казачьих войск. Собранные материалы А.Г. Рыбальченко разбил по специальным главам: значение училища для комплектования офицерского корпуса Кавказских казачьих войск, сведения о начальствующих лицах и преподавателях училища, приём в училище, внутренний порядок, обучение и военное воспитание юнкеров, устройство училищной библиотеки, нравственное воспитание юнкеров, выпуск юнкеров и производство в офицеры, обзор успехов по образованию юнкеров на основании статистических данных, помещения училища, санитарное состояние, виды, размеры и расходы довольствия [35]. В Государственном архиве Краснодарского края чудом сохранились материалы, собранные А.Г. Рыбальченко: уникальные выписки из дел училищного архива, положений и законодательных актов, приказов различных ведомств и др.

Как добросовестный исследователь, А.Г. Рыбальченко решил не ограничиваться этими официальными бумагами. Он рассылает запросы в подразделения Кубанского и Терского казачьих войск, стремясь узнать о судьбе бывших выпускников, просит их написать воспоминания о времени, проведенном в стенах Ставропольского казачьего юнкерского училища, преподавателях и др. О методах работы А.Г. Рыбальченко наглядно свидетельствует его письмо бывшему выпускнику училища полковнику Е.А. Маковкину от 3 декабря 1894 г.: «Милостивый государь Евсей Актенович! 15 декабря будущего 1895 года истекает 25 лет со дня основания Ставропольского казачьего юнкерского училища. Этого периода времени вполне достаточно, чтобы иметь возможность подвести итоги деятельности училища и выяснить значение его в комплектовании корпуса офицеров Кавказских казачьих войск. В виду этого начальником училища возбуждено ходатайство о разрешении официального празднования предстоящего юбилея и о дозволении издать к тому времени исторический очерк деятельности училища в минувшее 25-летие. Составление этого очерка по воле начальства возложено на меня. Приступив к выполнению этой работы и рассмотрев в подробности материал, заключающийся в училищном архиве, как строевой, так и учебной части, я, к великому сожалению, не нашёл в архиве некоторых дел, заведенных при открытии училища и заключавших в себе весьма важные сведения. Дела эти, как надо полагать, утеряны в прежнее время. Кроме того, столь существенные сборники необходимых сведений: Приказы по Кубанскому и Терскому казачьим войскам, имеются в училище лишь с 1886 года, а потому мною встречено затруднение в приискании некоторых сведений, необходимых для внесения в упомянутый очерк» [36].

А.Г. Рыбальченко просил своего адресата предоставить следующие сведения: «1) Когда и каким законоположением (Приказом или Циркуляром) была учреждена в гор. Майкопе команда юнкеров и на каких началах? (Заведывал ею войск. старш., ныне ген.-майор Аверин). 2) В чём именно состояло торжество открытия училища? (Подробное описание с указанием места, времени и порядка открытия). 3) Как распределялись в Ваше время окончившие курс юнкера по полкам, т.е. зачислялись ли они в свои полки, или же распределялись иногда и по другим частям, в зависимости от имевшихся вакансий, как это делается теперь? 4) Кто из выпущенных училищем юнкеров удостоился впоследствии назначения на службу в Конвой Его Величества? (Чин, имя, фамилия). 5) Не был-ли кто из числа выпускников училища в Академии Генерального Штаба, и в утвердительном случае – окончил ли курс в ней? 6) Живы ли, и где находятся в настоящее время бывшие офицеры училища: М.Ф. Воинов (сотенный командир), А.Ф. Воинов (делопр-ль уч.

части), капитан В.П. Иванов, есаул П.В. Корде, поручик И.В. Колянкович, сотник К.А. Гаевский, поручик В.П. Дебогорский-Мокриевич, поручик В.А. Патерсон, сотник Н.И. Меч, есаул Н.Н. Калачев? и 7) Неизвестно ли Вам, в котором году умер П.Д. Плотников, бывший делопр. по уч. ч., а впоследствии помощник Начальника Пятигорского округа?» [37].

31 января 1895 г. А.Г. Рыбальченко пишет земскому начальнику Медвежинского уезда Ставропольской губернии с просьбой сообщить необходимые данные: «В 1875 г. при училище состоял преподавателем военный топограф штабс-капитан Подгурский, который по заявлению некоторых частных лиц, приходится Вам, кажется, родным братом. В виду этого, по поручению Начальника училища, прошу Ваше Высокородие не отказать сообщить мне имя, отчество и часть, в которой служил в то время названный офицер. Сведения эти необходимы для внесения в предполагаемый к изданию исторический очерк училища, готовящийся к изданию в настоящем году по случаю истечения 25 лет со времени основания училища» [38].

1 февраля 1895 г. Рыбальченко обратился к командиру 1-го Хоперского казачьего полка с просьбой выслать сведения об офицерах, выпускниках училища, которые были удостоены денежной премии имени генерал-адъютанта Милютина, списки убитых, раненых и умерших от ран в перестрелках с разбойниками и контрабандистами, во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и др. [39]. Подобные просьбы были направлены командирам других конных полков и пластунских батальонов Кубанского и Терского казачьих войск.

Таким образом, Александр Григорьевич Рыбальченко успешно применял при создании своей источниковой базы метод заочного интервьюирования. Кроме того, бывшие выпускники училища с воодушевлением откликнулись на призыв Рыбальченко прислать свои воспоминания. Так, 6 марта 1895 г. адъютант училища распечатал пакет, в котором содержались стопка исписанной бумаги с мемуарами, и небольшое письмо: «Милостивый государь Александр Григорьевич, охотно сообщаю Вам мое «воспоминание» об открытии юнкерского училища и о времени моего в нем пребывания. В воспоминание вошло то, что могла сохранить память в течение 25-летнего периода. К сожалению, не знаю, живы ли М.Ф. и А.Ф. Воиновы, а также капитан Иванов, есаул Корде, поручик Колянкевич и сотники Гаевский и Меч. От души желаю Вам окончить исторический очерк училища, который, по всей вероятности, будет отпечатан, а потому был бы очень рад иметь на память один экземпляр такового. Примите уверение в совершенном Вам почтении, Федор Пономарев» [40]. Тем самым Александр Григорьевич инициировал создание новых уникальных источников. Сохранившиеся в архивном деле воспоминания Ф. Пономарева донесли до нас сведения о повседневности, юнкерских шалостях, не без юмора выведенные характеристики преподавателей училища и другие данные, которые не встречались в официальных бумагах.

Ответы на запросы приходили постепенно, материал по истории училища накапливался. Однако до юбилея оставалось мало времени. Начальник училища требовал готовый текст, но А.Г. Рыбальченко считал, что в работе ещё имеются большие пробелы. 16 июня 1895 г. он пишет в рапорте начальнику училища: «При сем представляю в рапорте Вашему Высокоблагородию составленный мною по Вашему приказанию «Исторический очерк» вверенного Вам училища за время с 1875 по 1895 г. на 144 листах (11 тетрадей), четыре фотографических копии и перечень необходимых сведений, подлежащих своевременному внесению в очерк» [41]. Сам офицер отбыл на службу в свой 2-й Хоперский полк.

При этом в послужном списке Александра Григорьевича за 1905 г. есть труднообъяснимая запись: «Для окончания порученного подъесаулу Рыбальченко составления краткого исторического очерка 25-летней деятельности Ставропольского казачьего юнкерского училища Высочайше повелено продолжить срок прикомандирования его к училищу до 31-го мая 1898 г., о чём объявлено в приказе по Кубанскому казачьему войску от 23 февраля 1895 за № 28 пункт 3» [42]. Дело в том, что согласно другой записи списка в это время Александр Григорьевич находится во 2-м Хоперском полку, командует 4-м сотенным участком, исполняет обязанности председателя полкового суда [43].

Чем объяснить эти противоречащие друг другу записи? Пока можно лишь предполагать, что в училище, по-видимому, произошёл какой-то конфликт, сделавший невозможным дальнейшее пребывание Рыбальченко в его стенах. В работе кубанского краеведа И.Н. Дьякова о Всесвятском кладбище, написанной на материалах бывшего смотрителя некрополя И.Г. Федоренко, есть таинственная фраза об историческом наследии генерала: «Его (А.Г. Рыбальченко. – *О.М.*) преследовали, написанное сжигали, лишая преднамеренно заслуженных наград и повышений по службе» [44]. Если неприятности, связанные с историческими сочинениями А.Г. Рыбальченко, действительно имели место, то, по-видимому, их стоит отнести к периоду работы над историческим очерком Ставропольского казачьего юнкерского училища.

Очевидно, начальника училища не устраивали те отсрочки, которые просил Рыбальченко для совершенствования рукописи, а Александр Григорьевич не хотел жертвовать содержанием ради официоза. В итоге, по-видимому, офицер отбыл в свой полк. Вероятно, командование училища не посмело до мая 1898 г. нарушить официально продиктованную Высочайшую волю и вычеркнуть Рыбальченко из списков прикомандированных, а штабной офицер 2-го Хоперского полка не решился вычеркнуть запись о предначертанной воле самодержца из послужного списка.

Поиски 144-х страничной рукописи А.Г. Рыбальченко в делах Ставропольского казачьего юнкерского училища не увенчались успехом. Вне всякого сомнения, она легла в основу книги подполковника Н.Н. Баратова об училище, вышедшей, в 1898 г. [45] Судя по разделам («Исторические условия, вызвавшие к жизни Кавказское казачье юнкерское училище», «Открытие училища», «Прием в училище», «Помещение училища», «Внутренний порядок в училище», «Воспитание, обучение и выпуск юнкеров» и т.д.), а также по содержанию книги и сноскам, это – труд А.Г. Рыбальченко, обработанный Н.Н. Баратовым и дополненный теми материалами, которые пришли по запросам уже после отъезда Александра Григорьевича в полк.Но командование училища, по-видимому, уже и слышать не хотело об офицере, который посмел устанавливать свои сроки, и, в конечном счете, оказался прав. На обложке книги стояла фамилия Н.Н. Баратова.

Правда, необходимо отдать должное Н.Н. Баратову, которому впоследствии будет суждено стать боевым соратником А.Г. Рыбальченко в Персии. Николай Николаевич честно написал в предисловии: «При составлении настоящей памятки об открытии, устройстве, жизни и деятельности училища, мы пользовались главным образом теми прекрасными материалами, которые в такой полноте и с такою тщательностью собрал и систематизировал ко дню празднования двадцатипятилетия училища его бывший адъютант, Хоперского казачьего полка есаул А.Г. Рыбальченко» [46].

Между тем Александр Григорьевич с головой окунулся в новые заботы по службе. 25 сентября 1896 г. он был командирован в первоочередной Хоперский полк, где принял в командование 6-ю сотню. Опытному строевому офицеру доверяют: его избирают членом полкового суда, в комитет офицерского заемного капитала, членом суда общества офицеров, назначают ктитором полковой церкви. «За труды по первой всеобщей переписи населения» А.Г. Рыбальченко был награжден темно-бронзовой медалью, а 1 июня 1897 г. ему, наконец, был пожалован чин есаула [47]. Со своей сотней офицер осуществлял охрану персидского шаха на Военно-Грузинской дороге. Признательный иранский монарх наградил Александра Григорьевича персидским орденом «Льва и Солнца».

4 октября 1901 г. А.Г. Рыбальченко поступил в офицерскую кавалерийскую школу. Годичный курс школы окончил успешно, и в декабре 1902 г. принял в родном 1-м Хоперском полку 1-ю сотню. Тогда же он был награжден орденом Св. Станислава 2-й ст. В начале 1904 г. его командируют в Кан (Франция) «для принесения поздравления Её Императорского Высочества Великой княгини Анастасии Михайловны в день 25-летнего юбилея состояния Ея шефом полка» [48]. В ответ Великая княгиня наградила есаула Мекленбург-Шверинским орденом «Кавалерийский крест».

26 марта 1905 г. А.Г. Рыбальченко был произведен в чин войскового старшины, а спустя пять месяцев принял в командование 2-й льготный Хоперский полк. Помимо забот, связанных с организацией второочередного казачьего подразделения, он вновь

пытается выступить в роли историка. 20 марта 1909 г. из ст. Баталпашинской был направлен на имя Наказного атамана Кубанского казачьего войска рапорт командира 2-го Хоперского полка войскового старшины Рыбальченко, в котором отмечалось: «Двухвековая служба хоперских казаков России и ея Державным вождям имела немало славных боевых дел, которые должны вечно сохраняться в памяти потомков, напоминая им о давно прошедших боевых тревогах и трудах, о подвигах мужества, беззаветной храбрости и преданности долгу службы сошедших уже в могилу наших предков» [49].

«Верная служба Хоперцев Престолу и Отечеству, – писал далее офицер, – подробно описана уже в «Истории Хоперского полка», составленной В.Г. Толстовым. Но «История» эта, представляя собой три объемистых тома, заключающих не только историю Хоперского полка, но отчасти и всего Кубанского казачьего войска, для чтения нижними чинами по своей обширности и дороговизне мало доступна, и большинство из них поэтому не знакомо с содержанием этого капитального труда, над которым автор его проработал более 10 лет. Обстоятельство это подало мне мысль прийти на помощь хоперскому казаку, составив для него «Полковую памятку», доступную для его понимания, читая которую он мог бы ознакомиться с главнейшими событиями прошлой жизни своего родного полка» [50].

«В настоящее время, – сообщал командир 2-го Хоперского полка, – закончив принятый на себя труд, считаю долгом представить его Вашему Превосходительству», и высказал пожелание, чтобы тираж «Памятки» составил не менее 1000 экз., а также «чтобы «Памятка» получила широкое распространение среди хоперцев как в полках 1 и 2 очереди, так равно и в станичных школах Хоперского полкового округа» [51]. К рапорту была приложена рукопись сочинения А.Г. Рыбальченко на 276 листах с 22 рисунками. Ответа на этот рапорт в деле не сохранилось, но он был явно положительным, поскольку в 1910 г. в Екатеринодаре в типографии Кубанского областного правления книга была издана [52].

Вслед за В.Г. Толстовым, А.Г. Рыбальченко считал, что «родоначальниками хоперских казаков были всякого звания вольные люди, вышедшие из разных мест русской земли во второй половине XVII столетия и поселившиеся на реке Хопре, притоке Дона в городках: Григорьевском, Беляевском и Пристанском. <…> По названию реки, на которой поселились эти выходцы, они и стали называться Хоперскими казаками, число которых мало по малу увеличивалось разным беглым людом, преимущественно из Малороссии» [53]. Выдающийся современный казаковед В.А. Колесников скептически относится как к донской версии происхождения хоперцев, так и к вольному статусу первых хоперских городков. Он указывает на довольно тесную взаимосвязь хоперских казаков по языку, обычаям и традициям со служилыми людьми-однодворцами Орловской, Курской, Воронежской и Рязанской губерний, а также с малороссийскими казачьими полками XVII столетия [54]. На основе скрупулезного изучения архивных документов исследователь пришел к выводу, что «основой казачьей команды при Новохоперской крепости стали бывшие служилые люди («дети боярские», «приборные чины» городовой, стрелецкой, рейтарской и солдатской служб), при этом бóльшая их часть происходила из г. Козлова и его окрестностей» [55].

Однако А.Г. Рыбальченко не ставил задачу подробного изучения, целиком следовал установкам В.Г. Толстова и определенной идеологической заданности «Памятки». Отдельные рассказы посвящены старинному быту хоперцев, их одежде и вооружению, началу службы русскому государству. Последнюю А.Г. Рыбальченко увязывает, следуя официальной версии, с азовскими походами Петра I [56], хотя логичнее было взять за точку отсчёта время создания Острогожского малороссийского казачьего полка. Это существенно отодвинуло бы хронологическую рамку старшинства до 1652 г. [57]. Внимание читателей-казаков автор «Памятки» акцентирует на Шведской войне, Турецкой кампании 1711 г., Булавинском восстании, кратко повествует об образовании Новохоперской крепости в 1716 г., формировании Хоперской команды в 1721 г. и пожаловании хоперцам первого знамени в 1738 г. Особо подчеркивает А.Г. Рыбальченко участие хоперской команды в усмирении Пугачёвского бунта, рассказывает о сформировании в 1775 г. Хоперского конного полка.

Большую V главу автор «Памятки посвятил переселению хоперцев на Кавказ и их службе на Кавказской линии. Он представил обзор особенностей воинской повинности хоперцев, материального обеспечения, службы на кордонах, опираясь на работы Ф.А. Щербины, дал характеристику «образцового типа казачки» [58]. «Памятка» в кратких, но содержательных эпизодах и в ярких образах рассказывала о Закубанских походах 1785–1789 гг., участии в осадах и штурмах крепости Анапы, персидских походах1796–1797 и в 1806 гг., тревогах на Кавказской линии, экспедициях на рр. Лабу и Белую против чеченских и лезгинских аулов.

Специальная глава рассматривает переселение хоперцев на Кубань в 1825–1827 гг. А.Г. Рыбальченко указал на причины переселения («неудовлетворительность обороны нашей кордонной линии на пространстве между крепостями Прочноокопской и Константиновской»), осветил обустройство хоперских станиц, рассказал о повседневной тревожной жизни казаков и эпизодах боевых схваток с черкесскими наездниками. На героических примерах прошлого «Памятка» учила казаков бдительности и осторожности: «Однажды, перед закатом солнца, сотник Фисенко заметил за Кубанью на возвышенностях р. Зеленчука партию хищников в 30-40 человек. Недолго думая Фисенко, оставив на посту несколько казаков, сам с полусотней быстро переправился через Кубань и бросился преследовать горцев, не давши знать об этом по кордону. Между тем горцы преднамеренно вызвали Фисенко на бой. Завидя казаков, партия начала маневрировать, – то отступала, то приостанавливалась и все дальше завлекала казаков от Кубани. Уверенный в своих силах сотник Фисенко и его храбрая полусотня пренебрегли свойственною казакам осторожностью и очень далеко удалились от Кубани. Горцам только это и надо было. Огромная партия их, находившаяся в засаде в окрестных кустарниках, быстро выскочивши, окружила нашу полусотню со всех сторон. Фисенко, видя такую беду, моментально спешил полусотню с батовкою лошадей и встретил первую атаку горцев дружным убийственным залпом. Закипел отчаянный, ожесточенный бой!.. <…> Подавляемая массою неприятеля, эта горсть достойных памяти героев тут же полегла славною смертью храбрых бойцов в этом неравном бою» [59].

Другие сюжеты были посвящены участию хоперцев в Восточной (Крымской) войне, изменениям в комплектовании полка в связи с образованием Терского и Кубанского казачьих войск, службе хоперцев на границе с Ираном в 1866–1877 гг., задействованности 1-го и 2-го Хоперских полков на театрах военных действий русско-турецкой войны 1877–1878 гг., торжественному празднованию 200-летия полка и пожалованию ему Георгиевских знамен. Хронику боевых действий хоперцев из объемной полковой истории В.Г. Толстова А.Г. Рыбальченко продлил на начало XX столетия. Отдельные разделы войсковой старшина посвятил участию казаков хоперских станиц в русско-японской войне 1904–1905 гг. и миротворческой миссии в Закавказье, где казаки вынуждены были сдерживать развернувшееся армянско-азербайджанское противостояние, вести героическую борьбу с бандитами и террористами. Колоритными зарисовками автор передавал героизм хоперцев в отстаивании интересов российской государственности: «Подходя к горевшему татарскому селению Гулавлу, сотня была встречена залпами хозяйничавших там армян. Дружным ответным залпом сотне удалось выбить из селения и рассеять банду армян грабителей, прекратив дальнейшее разорение этого селения. Того же числа, покончив с армянской бандой и водворив жителей сел Гулафлу на их пепелище, командир сотни подъесаул Косякин получил известие о том, что мусульмане Агдамской низменности в свою очередь произвели вооруженное нападение на армянское село Аранзамин. Не раздумывая долго, 4 сотня быстро двинулась к этому селению на выручку прискакавшей уже ранее туда 6 сотне под командой подъесаула Беломестнова, которая вела жаркую перестрелку с 3-х тысячной вооруженной партией татар. Перестрелка продолжалась 11 часов, то стихая, то снова разгораясь, и хоперцам стоило больших усилий спасти от разгрома и истребления 5 армянских окрестных селений» [60].

Самостоятельное значение имеют ценные приложения к «Памятке», в которых А.Г. Рыбальченко поместил исторические песни хоперских казаков, дал описание знамен, обмундирования и вооружения

полка, представил список станиц и поселков Хоперского полкового округа с указанием времени поселения, списки награжденных нижних чинов и офицеров за участие в разных боевых делах, перечни погибших и раненых хоперцев и др. Издание украшали рисунки и фотографии шефов и командиров полка, офицеров и рядовых казаков, значимых событий, атрибутов и символов служения хоперцев Отечеству.

Подготовил Александр Григорьевич и более краткий вариант «Памятки» объемом в 16 страниц. Эта брошюра под названием «Краткая историческая памятка Хоперских казаков» была издана в том же 1910 г. в Баталпашинске, в типографии Д.А. Паршина. На экземпляре «Краткой памятки», чудом сохранившемся в отделе редких книг краевой научной библиотеки им. А.С. Пушкина, имеется дарственная надпись, выполненная убористым почерком Александра Григорьевича: «Кубанского казачьего войска Его Превосходительству Михаилу Павловичу Бабычу от составителя А. Рыбальченко».

Рассмотрев обзорно основные вехи истории хоперцев, А.Г. Рыбальченко поделился с читателями беспокоившими его соображениями о современном состоянии казачества и размывании традиционных ценностей, размышлениями, которые актуально звучат и в наши дни. «Прежняя боевая школа, – отмечал офицер, – помогала казаку легче справиться с трудными задачами военной службы, которая раньше была и продолжительнее и суровее. В настоящее время боевой школы уже нет, и казачество заметно падает в своих достоинствах. Многие из казаков забыли уже о славных делах своих предков и перестали гордиться ими <…>. Большой стыд тому из казаков, кто желает променять свой старинный костюм на мещанский пиджак, а боевого товарища коня сбыть и перевести на деньги. Деньгами можно всё купить, кроме славы и доброго имени. При таком направлении казачество, которому завидует весь свет, в конец может измельчать и быть стертым со страниц истории: так как, раз казак потеряет свой особенный только ему одному присущий облик лихого наездника и отважного джигита, то тем самым он сравняется с заурядным, захудалым мужиком любой из губерний России» [61].

Тем временем подошел срок отличному строевому офицеру принять в командование первоочередной полк. Исполняющий дела атамана Баталпашинского отдела войсковой старшина Безладнов аттестовал А.Г. Рыбальченко следующим образом: «Отлично знает службу и быт казака. Служебные обязанности выполняет добросовестно, с энергией и умело. Отношение к подчиненным при разумной строгости отличаются сердечностью и заботливостью о них. Физически вполне здоров; верхом ездит хорошо и свободно может переносить труды походной жизни. С твёрдым спокойным характером. С очень хорошим умственным развитием. Интересуется военным делом и много читает. Враг азартных игр. К спиртным напиткам не пристрастен. Отличный семьянин. Выдающийся» [62]. Наказный атаман Кубанского казачьего войска, генерал-лейтенант М.П. Бабыч сделал в аттестационном списке А.Г. Рыбальченко следующую запись: «Достоин выдвижения на должность командира первоочередного казачьего полка. Выдающийся» [63].

6 декабря 1910 г. А.Г. Рыбальченко пожалован чин полковника, а 15 июля 1911 г. его назначили командиром 1-го Кизляро-Гребенского генерала Ермолова полка Терского казачьего войска [64]. Хорошо передаёт Рыбальченко повседневные заботы командира полка в одной из своих работ: «Гребенцы, вернувшись из лагерного сбора под Пятигорском в свою штаб-квартиру город Грозный, также отдыхают после усиленной летней строевой работы. Четыре сотни их собраны при штабе полка, одна, имея штаб в городе Владикавказе, занимает посты по Военно-Грузинской дороге, до Джераховского укрепления, а одна кочует с места на место в составе военного отряда, сформированного для поимки абрека Зелимхана. Казаки не драгуны, и в полном сборе ни один казачий полк почти не бывает. Хорошо ещё, что хоть четыре сотни налицо, а то полк как будто в сборе, работать можно, да и караулы есть кому отбывать; хотя с увольнением стариков на льготу ряды поредели и сотни получились куцые – по 50-60 человек, не больше. До половины января полк остается неукомплектованным, а с января, с приходом молодых, сотни станут заправскими, да и работы прибавится, так как к весне, не позже начала апреля, «молодняк» надо уже поставить в строй» [65].

Со своим полком А.Г. Рыбальченко впервые принял участие в боевом походе в

охваченный революционными волнениями Иран осенью 1911 г. Своими впечатлениями о походе А.Г. Рыбальченко поделился в очерке «Гребенцы в Персии», который был напечатан в четырёх номерах журнала «Разведчик» в конце 1913 г. В этом сочинении Александр Григорьевич обнаружил талант бытоописателя и наблюдательного рассказчика, сумевшего ярко изобразить передвижения полка и особенности полицейской службы казаков в этой стране. Так о населении Ирана полковник сообщал: «Персы народ неги и лени. На каждой почти версте по сторонам дороги попадаются так называемые чай-хане, в которых неприхотливые погонщики караванов и шатающиеся по дороге дервиши находят недорогой ночлег, корм для скота и так любимый персами стакан чаю да кусок сыру и темного хлеба-лаваша. Этот последний хорошо знаком и Гребенцам, так как весь поход приходилось им питаться. Есть хочется, а возьмешь в рот – один песок» [66]. О Хамадане: «Город Хамадан – древняя Экбатана – живописно расположен по склону высоких гор террасами; издали он очень красив, внутри же ничего особенного не представляет. Улицы в Хамадане настолько узки, а некоторые и круты, что ездить по ним в экипаже положительно нельзя и только возможно пробираться верхом. <…> В Хамадане проживает много евреев, сохранивших свой библейский облик с длинными пейсами на висках. В нагорной части города находится гробница Эсфири и Мордохея, ревниво оберегаемая особым штатом раввинов. На одной из улиц Хамадана, на берегу глубокого оврага, посетителю показывают якобы могилу Александра Македонского, которая находится под фундаментом какого-то двухэтажного скверного домика. Очевидно, персы не знают, что великий завоеватель умер в Индии» [67].

Из г. Решта сотни полка в ноябре 1911 г. были направлены в летучие разъезды и для сопровождения обозов. «Таким образом, – писал А.Г. Рыбальченко, – от 4-х сотенного Гребенского полка в руках его командира остались лишь трубачи да Георгиевский полковой штандарт. Ни везти, ни охранять его на биваках – ночлегах было некому, а потому командиром полка для этой надобности оставлено было от учебной команды одно отделение в 6 человек. Такая уж участь казаков. Их вечно раздергают и рассуют, что называется, во все дыры, и командир полка остается ни с чем, хоть сам становись на часы к штандарту» [68]. Информативны в плане походной повседневности описания биваков гребенцов. Так, у селения Рудбар, где сохранялись, по преданиям местных жителей, остатки крепости Александра Македонского, «казаки тотчас же принялись за работу по устройству бивака: кто чистил раздобытыми у жителей деревянными лопатами навоз на месте, предназначенном под разбивку коновязи, кто вбивал коновязные колья, кто прилаживал кухонные котлы между камней, а кто был посвободнее – ловил усачей в Сефид-руде в надежде, что можно будет сварить из них хорошую уху. Для офицерского ночлега на скате обрыва была расчищена особая площадка, а над нею натянут брезент, под которым, усыпавши землю песком и настлавши сена, командир полка и все офицеры спали ночью вповалку – по-цыгански» [69].

По прибытию в г. Казвин 1-й сотни Кизляро-Гребенского полка «все лавки и базары, – писал А.Г. Рыбальченко, – по настоятельному требованию главарей дашнакцютюнского комитета были закрыты, а один из торговцев персов, не пожелавший подчиниться этому требованию, был убит террористами. С приходом же в город частей отряда по улицам начались манифестации и траурные процессии. Ежедневно то там, то здесь можно было встретить толпу персов и даже детей, одетых в белые передники с черными флагами в руках. Эти манифестанты, предводительствуемые главарями, расхаживая по улицам, пели патриотические песни, означавшие в переводе: «Смерть нам, правоверным, если не умрут русские гяуры», т.е., другими словами, на улицах открыто проповедовалось избиение русского отряда» [70]. Однако русские солдаты и казаки сохраняли спокойствие и на провокации не поддавались: «Пришедшие в Казвин части нашего отряда не обращали на эти манифестации никакого внимания, никого не затрагивали, а были только, что называется, начеку, в постоянной боевой готовности, и все обошлось благополучно. Местные жители, убедившись, что русские никого не трогают, со всеми обходятся ласково и за все щедро расплачиваются, постепенно стали относиться к отряду более доверчиво. Базары и лавки открылись, и персы кусали, как говорится, локоть, что потерпели поначалу

большие убытки, прекратив торговлю, тогда как все армянские лавки торговали все время очень бойко» [71].

В начале декабря по стране прокатились беспорядки, сопровождаемые перестрелками. Казаки несли службу по охране русских подданных. 8 декабря 1911 г. в г. Энзели персидские манифестанты стали бросать камни и стрелять в русские патрули. В этой перестрелке приняли участие и казаки 3-й сотни Кизляро-Гребенского полка. Команда из 10 казаков под начальством урядника Демченко, «услышав тревогу, быстро собралась и, переправившись через залив на баркасе, врезалась в толпу напавших на патруль персов-революционеров, чем и способствовала рассеянию толпы» [72]. Казаки Тарарин, Жуков и Черников, «участвуя в перестрелке, проявили большую энергию и находчивость и способствовали общему успеху дела, удачно открыв след к складам бомб и других огневых припасов. При обысках этих складов было найдено и конфисковано: 27 трехлинейных винтовок, 48 берданок и 90 ружей других систем, 3 ящика трехлинейных боевых патронов и 42 ящика с новыми бердановскими гильзами; по штемпелю на ящиках видно было, что они получены из Вены и адресованы в Тегеран» [73]. Казаки полка Рыбальченко участвовали в ликвидации в Энзели и Реште отрядов террористов, после чего в этих городах наступило относительное спокойствие. Из русской миссии в Тегеране стали приходить утешительные известия о том, что «все требования русского правительства будут удовлетворены и отряду двигаться дальше нет надобности». А.Г. Рыбальченко решил зимовать в Казвине в помещениях заброшенного караван-сарая: «Живо закипела работа по оборудованию помещений: строились железные печи, устраивались нары, вмазывались окна, пригонялись двери. Скотские помещения сразу приняли более уютный, жилой вид» [74]. Однако вскоре последовали распоряжения о выступлении казаков в Решт для обеспечения тыла двух стрелковых полков. Лишь к концу декабря полк смог собраться ненадолго в Казвине в пятисотенном составе, и «Праздник Рождества Христова Гребенцы встретили в Казвине уже в достаточно уютно устроенных помещениях, и все было честь честью: люди ели за ужином и родную кутью из пшеницы с медом, и взвар, так напоминавшие русскому человеку далекую родину и семейный очаг» [75].

Следующий год для Казвинского отряда, который составили 6 сотен Кизляро-Гребенского полка, также прошел в тревогах и перестрелках. Беспокойную боевую жизнь этого времени передает рапорт А.Г. Рыбальченко на имя императора 26 октября 1912 г.: «Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше доношу, что командир дивизиона вверенного мне полка <…> получил донесение от разведчиков 5-й сотни о том, что селение Чайнаки занято персидскими мятежниками с присоединившимися к ним шахсеванами, всего около 600 человек, и о том, что шайкой этой предполагается сделать нападение на дивизион, решил предупредить это и самому напасть на шайку. Вызвав из порта Энзели канонерскую лодку «Красноводск» для совместных действий с дивизионом со стороны моря, на рассвете 22-го октября, подойдя к селению Чайнаки, повел наступление. В то же время с «Красноводска» по мятежникам был открыт орудийный огонь. Спешенный дивизион в числе 125 казаков бросился в селение, из которого мятежники и рассеялись. В дивизионе смертельно ранен казак 4-й сотни Еремин. Со стороны мятежников убито 26 и ранено 31» [76].

Б.С. Эсадзе писал: «Стремясь укрепить в гребенцах, заброшенных судьбой на далекую чужбину, связь с матерью-родиной, командир их, в сентябре 1912 г., возбудил ходатайство об отправке полка в Россиию для участия в юбилейных торжествах по случаю 300-летия царствования Дома Романовых» [77]. Поскольку гребенцы были единственной сохранившей преемственность частью русских войск, принимавшей непосредственное участие как в избрании первого русского царя из Дома Романовых, так и в искоренении Смуты, инициативу А.Г. Рыбальченко поддержал начальник 3-й Кавказской казачьей дивизии генерал-лейтенант П.Л. Хелмицкий. Романовские юбилейные торжества были назначены на родине Ивана Сусанина в Костроме. Однако «особые условия службы гребенцов в Персии не позволяли вызвать в Россию не только весь полк, но даже отдельную сотню его полностью. Поэтому решено было отправить в Кострому сводную сотню гребенских казаков, придав ей № той сотни полка, из которой будет выбрано наибольшее

число людей. Такая сотня и была сформирована под № 5 в г. Реште» [78].

Срочно было пошито новое обмундирование, и во главе 3 офицеров и 134 казаков полковник А.Г. Рыбальченко прибыл 7 мая 1913 г. на поезде в Кострому. «Их бивак, – писал Б.С. Эсадзе, – сразу стал привлекать массу любопытных, стекавшихся отовсюду посмотреть на невиданных дотоле казаков, у которых, как и на Кавказе, музыка, пение и танцы сменяли конные учения, джигитовку и другие служебные занятия. Но гребенцы не стали терять время на одни развлечения, а партиями, при офицерах, отправлялись осматривать святыни и достопримечательности города, снимаясь группами в разных местах Костромы – у памятника Сусанину, у Троицкого собора и проч.» [79]. Душой этих экскурсий и фотографий был командир полка, стремившийся наглядно донести до казаков славные исторические традиции служения российской государственности. Эти трогательные снимки и рассказ об участии в Романовских торжествах были впоследствии включены в «Памятку гребенца», составленную подполковником Б.С. Эсадзе под непосредственной редакцией полковника А.Г. Рыбальченко. На Высочайшем смотру гребенцы Рыбальченко своими нарядными новыми черкесками, белыми папахами, голубыми бешметами и башлыками, блестящим кавказским оружием и выхоленными лошадьми привлекли всеобщее внимание. Казаки приняли участие в параде, а затем поднесли императору Николаю II старинную шашку для Августейшего атамана казачьих войск Наследника-цесаревича. Поблагодарив полковника Рыбальченко за подарок, император обратился к нему с вопросом: «Давно-ли командуете Гребенским полком?

– Второй год, Ваше Императорское Величество, имею счастие командовать этим старейшим полком Терского войска. Ранее же я служил более 30 лет в Хоперском полку Кубанского войска, – ответил командир полка.

– Так Ваш бывший Шеф, Великая Княгиня Анастасия Михайловна здесь, – сказал Государь» [80]. С Анастасией Михайловной А.Г. Рыбальченко был знаком ещё с 1904 г. «Представьте, какое совпадение, – сказала Великая княгиня Александру Григорьевичу, – вы служили в моем полку, а теперь командуете тем полком, в котором мой муж был шефом» [81]. Супруг Великой княгини Великий герцог Мекленбург-Шверинский состоял Шефом 1-го Кизляро-Гребенского полка с 1879 по 1896 г. А.Г. Рыбальченко являлся к тому же кавалером двух Мекленбург-Шверинских орденов.

Вернувшись в Персию, А.Г. Рыбальченко в приказе по полку № 194 от 13 июля 1913 г. рассказал об участии в Романовских торжествах и передал казакам поклон и благодарность от монарха [82]. «Да сохранит же каждый из нас в своем сердце навеки незабвенные пережитые впечатления и чувства того высокого счастья, которое выпало на долю Гребенцов», – писал командир полка [83].

С началом Первой мировой войны 1-й Кизляро-Гребенской полк в составе 3-й Кавказской казачьей дивизии отправился на Западный фронт [84]. 10 августа 1914 г. дивизия форсировала реку Серет, затем казаки сражались у Тарнополя и Золочева, в результате чего наступательный порыв 3-й австро-венгерской армии был сломлен, и последняя была отброшена по всему фронту. 21 августа казаки Рыбальченко вступили во Львов [85]. Осенью 1914 г. на Карпатско-Галицком театре разыгралось упорное Лимановское сражение. В ноябре 1914 г. полковник Рыбальченко был ранен, но остался в строю [86]. 14 декабря 1914 г. дивизия отошла на отдых. За участие в этих боях полковник Рыбальченко в январе 1915 г. был награждён орденом Св. Владимира с мечами и бантом, получил мечи к ордену Св. Анны 2-й ст., а 15 февраля 1915 г. был награждён орденом Св. Владимира 3-й ст. с мечами [87].

4 июня 1915 г. полковник А.Г. Рыбальченко был назначен командиром 1-й бригады 4-й Кавказской казачьей дивизии и отправился на Кавказский фронт. В ходе контрнаступления группы генерала Н.Н. Баратова Александр Григорьевич возглавил отряд из трёх полков 1-й Кавказской казачьей дивизии, занявший селение Дутах. Высочайшим приказом, состоявшимся 21 января 1916 г. полковник А.Г. Рыбальченко «за отличие в делах против неприятеля» был пожалован чином генерал-майора [88]. Весной 1916 г. в ходе наступления на Мосул Александр Григорьевич командует Соуч-Булахским отрядом, который включал 1-й Полтавский и 3-й Кубанский полки Кубанского казачьего войска, 1-й Пограничный

конный полк, 4-ю армянскую дружину Кери и Пограничную горную батарею. За успешные боевые действия 1 октября 1916 г. Александр Григорьевич получил мечи к имевшемуся у него ордену Св. Станислава 2-й ст.

30 января 1917 г. в приказе № 7 по 4-й Кавказской казачьей дивизии было объявлено: «Командир 1-й бригады 4-й Кавказской казачьей дивизии генерал-майор Рыбальченко назначен в распоряжение Наказного атамана Кубанского казачьего войска для формирования 4-й Кубанской казачьей дивизии, командовать которой он предназначается» [89]. Сдав Султузский отряд полковнику Земцову, Александр Григорьевич отправился к месту нового назначения [90]. В состав сформированной дивизии вошли 2-й Екатеринодарский, 2-й Черноморский, 3-й Запорожский и 3-й Полтавский конные полки [91]. В марте 1917 г. дивизия Рыбальченко выступила на Персидский фронт. 22 мая 1917 г. приказом по Армии и Флоту генерал А.Г. Рыбальченко за бои 1916 г. был награждён Георгиевским оружием.

В Персии в это время действовал Отдельный Кавказский конный корпус генерал-лейтенанта Н.Н. Баратова. Отрезанный от Родины, в условиях революционной анархии, он был полностью лишён всякого снабжения, а Временное правительство словно забыло о его существовании. Однако английское командование продолжало настаивать на наступлении и проведении Мосульской операции. 4-я Кубанская казачья дивизия не входила в состав корпуса Баратова, но действовала в координации с ним [92]. До 22 июня 1917 г. наступление русских войск развивалось успешно, удалось разбить значительные силы противника и занять город Пенджвин. Но в дальнейшем туркам удалось нанести контрудар. В этих боях полки 4-й Кубанской казачьей дивизии понесли большие потери [93]. В середине августа наступление русских частей в Персии было приостановлено. Мосульскую операцию сначала отложили на начало октября, но из-за тяжёлого положения в корпусе генерала Н.Н. Баратова и в других частях перенесли на весну 1918 г. 16 октября 1917 г. А.Г. Рыбальченко принял командование Турджанским отрядом [94].

Зимой 1917–1918 гг. Персидский фронт ещё держался. Однако 31 января 1918 г. Главнокомандующий Кавказским фронтом сообщил: «Общая стратегическая обстановка во всем азиатском театре войны совершенно исключает необходимость какой-либо оперативной группы в Персии» [95]. Строевые части Кубанского и Терского казачьих войск постепенно возвращались с фронта и демобилизовывались. Приказом по Кавказскому фронту № 139 от 13 мая 1918 г. генерал-майор А.Г. Рыбальченко был награждён орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й ст. По сведениям И.Н. Дьякова, А.Г. Рыбальченко готовил к изданию рукопись «На Кавказском фронте» [96], но что она из себя представляла: фронтовые записки или журнал военных действий, сегодня говорить сложно. Возможно, какие-то материалы сохраняла супруга генерала Пелагея Варлаамовна, дожившая до начала 1950-х гг.

О дальнейшей судьбе генерала мы пока тоже можем судить лишь по материалам И.Н. Дьякова. Этот автор сообщает: «На Всесвятском кладбище нашёл своё последнее убежище военный историк и общественный деятель А.Г. Рыбальченко. Большевики называли его «красным генералом», а белые – «предателем» и «отщепенцем» <…> Участник Первой мировой войны 1914–1918 годов, он хорошо знал цену солдатской и казачьей крови. <…> Когда белые утвердились на Кубани, деникинская контрразведка обвинила генерала Рыбальченко в «измене русскому офицерскому корпусу» и предала его военно-полевому суду. Генерал А.Г. Рыбальченко был расстрелян в марте 1919 года. Его похоронили родные и близкие на том месте, где сейчас горит Огонь Вечной славы» [97]. Подтвердить или опровергнуть эту информацию пока не удалось: разыскания в Государственном архиве Краснодарского края и в Центре документации новейшей истории Краснодарского края не увенчались успехом. Возможно, дела Военно-полевых судов Вооружённых Сил Юга России осели в Государственном архиве Российской Федерации или в Центральном архиве ФСБ России.

Таким образом, в жизни и в военно-историческом наследии генерала А.Г. Рыбальченко остается ещё много открытых и нерешенных вопросов. Несомненно одно: Александр Григорьевич беззаветно служил своей стране пером и шашкой, активно способствовал сохранению исторической

памяти казачества и преемственности поколений, нравственному и военно-патриотическому воспитанию казачьей молодёжи. Вместе со своим народом он прошёл через испытания тяжёлой войной и революцией, горько переживая, по-видимому, крушение мира, к защите которого он так страстно призывал в своих произведениях, и, одновременно, не желая участвовать в развернувшемся братоубийственном противостоянии. Хочется надеяться, что имя А.Г. Рыбальченко будет возвращено из забвения и прочно войдет в пантеон казачьей гордости и славы.

Примечания:

1. *Колесников В.А.* Историография Хоперского казачьего полка: от генерала И.Л. Дебу до отставного хорунжего П.Л. Юдина // Кубанский сборник. Т. I (22) / Научн. ред., сост. О.В. Матвеев. Краснодар, 2006. С. 32–57.

2. Памятка гребенца. Очерк многовековой доблестной службы престолу и Отечеству 1-го Кизляро-Гребенского генерала Ермолова полка Терского казачьего войска и участии 5 сотни в юбилейных торжествах 300-летия царствования Дома Романовых в городе Костроме. Составил под редакцией командира полка, полковн. А.Г. Рыбальченко, подполковник Б.С. Эсадзе. Пересмотренное и дополненное издание 2-е, составляющее собственность полка. Петроград, 1916. Прил. № 1. С. 227.

3. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 135. Л. 627.

4. ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 1299. Л. 168 об.

5. Там же. Л. 168 об.–169.

6. *Щербина В.А.* Земли частного владения лиц войскового сословия в Ейском отделе Кубанского казачьего войска // Кубанский сборник. Т. III. Екатеринодар, 1895. С. 138–139.

7. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 396. Оп. 2. Д. 135. Л. 625 об.

8. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 116. Л. 218–219.

9. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 135. Л. 625 об.

10. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 86. Л. 388.

11. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 135. Л. 627.

12. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 955. Л. 136 об.

13. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 135. Л. 627.

14. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 502. Л. 281 об. Куприян Григорьевич Рыбальченко окончил Кубанскую войсковую гимназию и класс казачьих артиллерийских юнкеров по 1 разряду, в 1885 г. имел чин сотника, был женат на уроженке Полтавской губернии Александре Иосифовне, от которой у него было 2 дочери.

15. http://pskovgrad.ru/war/pervaya-mirovaya-vojna/29110-rybalchenko-rybalchenko-evgraf-grigorevich.html (дата обращения 15.05.2016). Евграф Григорьевич Рыбальченко получил образование во Владимирском Киевском кадетском корпусе, и 1-м военном Павловском училище, служил в артиллерии, участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., в Первой мировой войне командовал 12-й артиллерийской бригадой, дослужился до чина генерал-майора, был кавалером многих орденов, награжден Георгиевским оружием.

16. ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 1299. Л. 168 об.

17. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 330. Оп. 56. Д. 514. Л. 34 об.

18. *Желобов В.Н.* Кубанское казачество в русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Краснодар, 2015. С. 40.

19. *Бабич А.В.* «Христианин, верноподданный, русский…» О воспитании военных кадров в Ставропольском юнкерском казачьем училище (1870–1898 гг.) // «Нам Богом и Царем дарованная честь…» (к 200-летию Собственного Его Императорского Величества Конвоя). Материалы VII международных Дворянских чтений / Научн. ред. О.В. Матвеев; отв. ред. Е.М. Сухачева. Краснодар, 2011. С. 137.

20. Там же.

21. РГВИА. Ф. 330. Оп. 56. Д. 514. Л. 34 об.

22. *Толстов В.Г.* История Хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696–1896. Пятигорск, 2007. С. 657.

23. Там же. С. 662.

24. *Думин С., Чиковани Ю.* Дворянские роды Российской империи. Т. IV. Князья Царства Грузинского. М., 1998. С. 281.

25. Там же. С. 282.

26. РГВИА. Ф. 330. Оп. 56. Д. 514. Л. 35 об.

27. Там же. Л. 42.

28. *Думин С., Чиковани Ю.* Указ.соч. С. 282. Правда, составители росписи почему-то указали год рождения Пелагеи Варлаамовны Яшвили 1883-й. По-видимому, это опечатка, княжна появилась на свет лет на 20 раньше.

29. http://regiment.ru/bio/Y/45.htm (дата обращения 15.05.2016).

30. РГВИА. Ф. 330. Оп. 56. Д. 514. Л. 36.

31. Там же.

32. Там же. Л. 37.

33. Там же. Л. 38.

34. ГАКК. Ф. 402. Д. 77. Оп. 1. Л. 259 об.

35. Там же. Л. 4а, 16, 20, 24, 28, 99, 112, 116, 118, 124, 129, 131, 137–138.

36. Там же. Л. 3–3об.

37. Там же. Л. 3 об.–4.

38. ГАКК. Ф. 402. Оп. 2. Д. 136. Л. 5.

39. Там же. Л. 8.

40. Там же. Л. 61.

41. Там же. Л. 157.

42. РГВИА. Ф. 330. Оп. 56. Д. 514. Л. 38.

43. Там же.

44. *Дьяков И.Н.* Всесвятское кладбище // Кубанский сборник. Т. IV (25) / Научн. ред., сост. О.В. Матвеев, Г.В. Кокунько. Краснодар, 2012. С. 451.

45. *Баратов Н.Н.* Ставропольское казачье юнкерское училище 1870/71–1897/98. Памятка о двадцатисемилетней его жизни и деятельности. Тифлис, 1898.

46. Там же. С. 2.

47. РГВИА. Ф. 330. Оп. 56. Д. 514. Л. 39.

48. Там же. Л. 42.

49. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 91816. Л. 1.

50. Там же.

51. Там же. Л. 1 об.

52. Памятка хоперских казаков. Посвящается 1-му Хоперскому Ея Императорского Высочества Великой княгини Анастасии Михайловны полку Кубанского казачьего войска / Сост. А. Рыбальченко. Екатеринодар, 1910.

53. Там же. С. 1.

54. *Колесников В.А.* Былое Невинного Мыса. К 185-летию переселения Хоперского казачьего полка на Кубань и Куму и основания станицы Невинномысской. Ставрополь, 2011. С. 59–60.

55. Там же. С. 73.

56. Памятка хоперских казаков. Посвящается 1-му Хоперскому Ея Императорского Высочества Великой княгини Анастасии Михайловны полку Кубанского казачьего войска. С. 4.

57. *Колесников В.А.* Историография Хоперского казачьего полка: от генерала И.Л. Дебу до отставного хорунжего П.Л. Юдина. С. 47.

58. Памятка хоперских казаков. Посвящается 1-му Хоперскому Ея Императорского Высочества Великой княгини Анастасии Михайловны полку Кубанского казачьего войска. С. 10–11.

59. Там же. С. 31.

60. Там же. С. 127.

61. Краткая историческая памятка Хоперских казаков / Сост. А.Г. Рыбальченко. Баталпашинск, 1910. С. 15–16.

62. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 860. Л. 17 об.

63. Там же. Л. 18.

64. *Стрелянов (Калабухов) П.Н.* Казаки в Персии. 1909–1918 гг. М., 2007. С. 376.

65. *Рыбальченко А.* Гребенцы в Персии // Разведчик. СПб., 1913. № 1197. 8 октября. С. 617–618.
66. Там же. С. 619.
67. Там же // Разведчик. 1913. № 1205. 8 декабря. С. 745.
68. Там же // Разведчик. 1913. № 1199. 22 октября. С. 653.
69. Там же. С. 654.
70. Там же // Разведчик. 1913. № 1205. 8 декабря. С. 745.
71. Там же.
72. Там же // Разведчик. 1913. № 1208. 24 декабря. С. 797.
73. Там же.
74. Там же. С. 798–799.
75. Там же. С. 799.
76. Цит. по: *Стрелянов (Калабухов) П.Н.* Указ.соч. С. 64–65.
77. Памятка гребенца. С. 143.
78. Там же. С. 144–145.
79. Там же. С. 149.
80. Там же. С. 186.
81. Там же. С. 193.
82. Там же. Прил. № 9. С. 247.
83. Там же. С. 248.
84. *Елисеев Ф.И.* Казаки на Кавказском фронте. 1914–1917: Записки полковника Кубанского казачьего войска в тринадцати брошюрах-тетрадях / Сост., предисл., иллюстр. Стрелянов (Кулабухов) П.Н. М., 2001. С. 131.
85. *Стрелянов (Калабухов) П.Н., Киреев Ф.С., Картагузов С.В.* Кубанские, терские и уральские казаки в наступлении Юго-Западного фронта 1916 года / Под общ.ред. П.Н. Стрелянова (Калабухова). М., 2007. С. 27.
86. http://ria1914.info/index.php?title (дата обращения 20.05.2016).
87. Там же.
88. Приказ по Кубанскому казачьему войску № 144 от 27 февраля 1916 г.
89. ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 18. Л. 16 об.
90. ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 10. Л. 11.
91. *Стрелянов П.Н. (Калабухов).* Казаки в Персии. С. 200.
92. *Бузун Ю.Г.* «Во славу и защиту Отечества…». Кубанские казаки на фронтах Первой мировой войны. Краснодар, 2014. С. 263.
93. Там же.
94. ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 10. Л. 298 об.
95. Цит. по: *Стрелянов (Калабухов) П.Н.* Казаки в Персии. С. 199.
96. *Дьяков И.Н.* Указ.соч. С. 451.
97. Там же.

Н.Г. Соловьёва

Оружие казаков в конце XIX – начале XX в.

В оружии кубанцев, как и в форменной одежде, «причудливо сплетались державные официальные тенденции со стихийными, неофициальными, выработанными особенностями быта казачества…» [1]

В оружии кубанцев, как и в форменной одежде особое место в материальной культуре казачества в конце XIX – начале XX века занимало оружие, являющееся характерным атрибутом служилого сословия. Без холодного и огнестрельного оружия невозможно было представить казака. Его быт, уклад жизни ориентировались на постоянное несении военной службы, готовность защищать границы российского государства в любой момент. Поэтому казаки постоянно тренировались, всегда были в отличной физической форме, а их оружие – в боевой готовности.

Несение военной службы казаками осуществлялось при помощи нескольких видов вооружения: холодного и огнестрельного оружия. Основными видами оружия казаков были сабля, шашка, кинжал, пика, засапожный нож, ногайка, винтовка и штык.

Сабля – рубяще-режущее и колюще-режущее клинковое холодное оружие. Клинок сабли, как правило, был однолезвийный, иногда с полуторной заточкой. Он имел характерный изгиб в сторону обуха. Средняя длина клинка составляла 80-110 см. Сабля являлась основным холодным оружием кавалерии и частично – пехоты.

Шашка – длинное клинковое рубяще-колющее холодное оружие. Самоназвание происходило от адыгского слова «саашхо», буквально означавшее «длинный нож» [2]. Ее клинок был однолезвийный, слабо изогнутый, а у боевого конца – двулезвийный, длиной менее 1 м. Шашка включала и рукоять (эфес или металлическую головку), а также ножны.

Шашка после сабли приобрела большое распространение. Она являлась недорогим вспомогательным оружием конного воина, что способствовало ее массовому внедрению в военную жизнь казака. Первые образцы шашки появились в XII–XIII веках. С распространением огнестрельного оружия и выходом из употребления металлических доспехов шашка вытеснила саблю сначала на Кавказе, а затем и в России. При этом сама шашка претерпела значительные изменения: стала более массивной и получила изгиб.

Простота использования шашки в бою объяснялась знанием несколько простых, но действенных ударов. В строевом уставе кавалерии Красной армии указаны всего три удара (направо, вниз направо и вниз налево) и четыре укола (вполоборота направо, вполоборота налево, вниз направо и вниз налево). Колющие удары шашкой наносились крайне редко, что было связано с особенностями балансировки. Шашку использовали для нанесения мощных рубящих ударов, от которых сложно было укрыться или увернуться. Она предназначалась для

внезапного мощного удара, который нередко решал исход поединка.

Будучи первоначально заимствована у адыгов (черкесов) терскими и кубанскими казаками, в XIX веке шашка была принята на вооружение российской армией как уставной тип холодного оружия практически всех родов войск.

В российской истории шашка часто упоминалась как казачье оружие. Она и сегодня остается неотъемлемой частью традиционной культуры российского казачества, одним из главных элементов мужского казачьего костюма.

Кинжал – холодное оружие с коротким (до 40 см) прямым или изогнутым клинком, заточенным с одной или двух сторон. Чаще всего кинжал использовался для ближнего боя. Разновидностью кинжала являлся кинжал с утяжеленным лезвием, предназначенный для метания.

Кинжал был самым доступным видом оружия. В XIX веке горцы Кавказа носили его в паре с саблей. Снабжение саблями и винтовками осуществлялось из Турции, кинжалы же и луки были их традиционным оружием, производившимся местными мастерами.

У кубанских казаков, как и у горцев, считалось позором покупать кинжал. Кинжал, по обычаю, передавался по наследству или получался в качестве подарка, а также добывался в бою. Была поговорка, что кинжалы покупают только армяне, которые скупают их для перепродажи.

Кавказский кинжал являлся прототипом казачьего кинжала, уникальным образцом вооружения. Его клинок за счет наличия утолщения – елмани в передней боевой части, обеспечивал удобное фехтование кинжалом, позволяющим как рубить, так и колоть. Своеобразное устройство рукояти помогало отбивать удары шашки обратным хватом и молниеносно переходить в контратаку.

Казачий кинжал был двух видов: прямой – кама и кривой – бебут. В Кубанском казачьем войске было два уставных кинжала: 1) утвержденный в 1840 году; 2) утвержденный в 1904 году. Первый очень нравился казакам своей формой рукояти, которая позволяла надежно фиксировать кинжал при помощи особого обхвата. Упираясь в ладонь, рукоять пропускалась между средним и безымянным пальцем, что фиксировало кинжал. Оружие как бы удлинялось, что давало возможность наносить сильные колющие удары раньше противника. После прекращения его выпуска казаки самостоятельно обрезали рукоять кавказских кинжалов на подобие полюбившегося. Это практика продолжалась вплоть до революции. И сейчас кинжал является неотъемлемой частью казачьей формы.

Пика – холодное колющее оружие, являющееся разновидность длинного копья. Она состояла из древка длиной в 3-5 м и трёхгранного или четырёхгранного металлического наконечника длиной в 12-57 см. Общий вес пики был 3-4 кг. Использовалась она казаками конницы. Бытовала поговорка: «Козакови без ратища, як дивчини без намиста» (Казаку без пики, как девушке без ожерелья) [3], которая свидетельствовала о традиционном использовании пики казаками, неотъемлемой, характерной его части снаряжения.

Засапожный нож – еще одна разновидность казачьего оружия. Собой он представлял стилет, то есть тонкий нож, чаще обломанный штык, один конец которого был обмотан тряпкой или куском кожи. Его носили в голенище сапога и использовали только в крайнем случае. Засапожный нож годился только на один укол и нередко спасал жизнь казаку.

Нельзя также не упомянуть нагайку, которая оружием не являлась, а была его вспомогательным средством. Она использовалась в качестве устрашения, а не уничтожения противника.

Нагайка всегда сопровождала казака. «Казак без нагайки – что монах без молитвы; Нагайкой владеешь – силу имеешь», – говорится в казачьих поговорках.

Нагайку относили к старинному казачьему оружию, которое имело много разновидностей и типов. Казаки носили нагайку чаще всего в качестве некого боевого украшения к парадной форме и применяли ее в бою только в случае поломки основного вида оружия. Она была весьма эффективной в ближнем бою. Встречались случаи, когда казаки линейцы с помощью нагайки стаскивали с лошади и наносили серьезные ранения своему противнику. Нагайку использовали и в качестве орудия наказания провинившихся членов казачьей общины.

Принято было различать два типа нагаек: 1) донская (камча); 2) кубанская.

Донской тип нагайки характеризовался следующими показателями. Общая длина рукояти с плетью составляла 1-1,5/2 м, рукоять – около 30-40 см. Толщина рукояти была стандартной, определялась индивидуальным обхватом руки владельца нагайки. Плеть имела длину 45-55 см. Кубанский тип нагайки отличался от донского меньшей длиной рукояти (15-20 см) и способом крепления плети. Рукоять как бы вплеталась в саму плеть, тем самым зрительно удлиняя ее, делая рукоять бесконечной. Длина рукояти к длине плети равнялась примерно 1/3-4.

Материалом для изготовления нагайки кубанского типа служила говяжья кожа (сыромятная). Лоскут кожи распускался на 4 полосы – сверху вниз, постепенно становясь тоньше. Если кожа была твердой, то ее мяли ногами, чтобы придать необходимую эластичность. Процесс изготовления нагайки начинали с ручки, в которую вставлялся конский волос или деревянная палочка, которую постепенно оплетали нарезанными ремешками. У основания ручки выводилась петля для поддержки – темляк. Далее, различными способами плетения плели сервень, в который также вплетался конский волос. На его конце делали кожаный карманчик, в который, по традиции, вшивалась пуля или другой груз. Ручка нагайки украшалась бахромой, различными другими элементами, по желанию хозяина. Более современным оружием кубанских казаков являлась винтовка – нарезное стрелковое оружие. При стрельбе его удерживали двумя руками, используя плечо для упора приклада.

Официально термин «винтовка» был впервые введен в 1856 году [4], когда на вооружение поступило ружье системы Баранова. До этого нарезное оружие в русской армии официально называлось штуцером или винтовальным ружьем, а до XVIII века – винтовальной пищалью.

Еще одним видом оружия был штык – холодное колющее оружие, примыкаемое к стволу ружья (с XIX в. – винтовки, карабина) для ведения штыкового боя. В России штык получил распространение в начале XVIII века. В различных армиях существовали штыки граненые (3- и 4-гранные), клинковые (штык-тесак), отъемные и неотъемные.

Оружие кубанских казаков в исследуемый период совершенствовалось. При этом некоторые его элементы и виды достаточно долгое время оставались неизменны. Во второй половине XIX века вооружение казачьих войск хотя и было разнообразным, но во многом не отвечало современным требованиям ведения боя. Из холодного оружия у казаков на вооружении имелись шашки старых образцов. Теперь в головке рукояти делали отверстие для темляка. Некоторым изменениям подвергся эфес. Казаки, служившие на Кавказе, пользовались местными шашками. Говоря о кавказской шашке, многие отмечали, что она «ловка и удобна в руке. У всякого, кто ее возьмет, возникнет непременное желание что-либо ею рубить» [5]. К тому же «черкесская одежда и сбруя, черкесское оружие, черкесский конь составляют предмет военного щегольства для урядника и офицера», – отмечал И.Д. Попко. [6]. Линейные офицеры владели оружием уставного черкесского образца с рукоятью, украшенной серебряным и золотым узором. Ножны были обтянуты черным и красным сафьяном и обшиты в три полоски черкесским галуном, посередине – золотым, а по бокам серебряным. Общая длина шашки составляла 900 мм при клинке в 830 мм.

Исторически горцы, в частности черкесы, являлись противниками казаков, но существующее негласное уважение к достойным «врагам» привело к принятию их некоторых внешних атрибутов, таких как мужской костюм и оружие. В.Н. Королев, говоря о черкесских элементах в донском казачестве, сообщал об «уважении, которое питали казаки к черкесам, даже являвшимся противниками» [7]. При этом горцы также отдавали дань русскому оружию. В период Кавказской войны «горцы предпочитали златоустовские шашки многим другим» [8]. Высокое качество клинков Златоуста объяснялось, тем, что при их изготовлении использовали и литой булат П.П. Аносова, и литую сталь П.М. Обухова [9].

Огнестрельное оружие использовалось казаками в основном устаревших моделей. В конце 60-х годов XIX в. казаки были вооружены гладкоствольными кремневыми ружьями и пистолетами. Одновременно с этим вводились в оборот нарезные ружья с капсюльными замками. Заряжались они с дула.

Специально для казаков в 1860 году была разработана линейная винтовка, которая

затем широко использовалась в казачьих войсках. Она заряжалась с дула, имела железный вороненый нарезной ствол, ударно-капсюльный замок, прицел из трех щитков (один был неподвижным), приклад азиатского типа и для погонного ремня щели с глазками. На курке было кольцо, которое сменило ранее бытовавшую спицу. Спуск делался по азиатскому образцу ружей – в виде пуговки. Винтовка достигала в длину 1210 мм при стволе 848 мм. Она весила 2,77 кг.

По приказу Кавказского линейного казачьего войска от 21 июня 1860 года введение в строй нарезного ударного оружия сопровождалось следующими правилами:

1. Раздавать оружие исключительно нижним чинам, состоящим в строевых частях.

2. У спущенных на льготу или перечисленных во внутреннеслужащие – ружья отбирать и передавать поступающим на службу, казакам расплачиваться между собой.

3. Казакам, заплатившим за ружье и прослужившим три года, разрешается его продавать, но только строевым казакам.

4. Уплата денег за ружье в течение трех лет.

5. Ружья, приобретенные на средства командиров частей, как составляющие их собственность, могут распределяться по их личному усмотрению [10].

В 1862 году в Кубанское войско поступило 2610 винтовок Танера. Они высоко ценились и шли на вооружение исключительно в строевые части. С.А.Венеровский – казачий офицер, отмечал что «во время составления сотен мною были получены винтовки новой бельгийской системы, так называемая винтовка Танера… Не раз служили эти винтовки Танеровские хорошую службу. При встречах с горцами, они не могли отвечать на такое далекое расстояние и должны были уходить восвояси» [11].

Со второй половины 70-х годов казаки получили на вооружение винтовку системы «Бердана-2». Она состояла из удлиненной ложи и цевья, продольно скользящего затвора. Вдоль цевья шел высверленный канал для шомпола. Вместо спусковой скобы заподлицо с ложей в дерево врезалась спусковая личинка (пластинка), в которую завинчивался хвостовой винт. Спусковой крючок представлял собой пуговку с насечкой, навинчивавшейся на хвост спуска и закреплявшейся стопорным винтиком. Эта винтовка-берданка была последним оружием азиатского типа калибра 10,67 мм. В длину она составляла 1200 мм и весила 3,380 кг.

По мере поступления в строевые части более совершенного оружия старое вооружение перераспределялось. Так, устаревшим оружием снабжали казаков-колонистов Закубанья. Переселенцам выдавалось на семейство по пехотному ружью, а семействам, имевшим взрослого казака, собиравшегося поступать на строевую службу, еще и кавалерийское ружье [12].

С 70-х годов в казачьих частях появились револьверы первого образца системы Смита и Вессона. Они имели ударно-спусковой механизм простого действия, особое устройство курка, увеличивавшее надежность запирания ствола, барабан, вмещавший 6 патронов. Полная длина револьвера составляла 347 мм. Ствол был в 203 мм, а вес – 1,22 кг.

Предпринимались попытки создать на базе револьвера Смита и Вессона другой, с основными характеристиками первого. Так, пистолет под патрон указанного револьвера был сконструирован казачьим оружейным мастером Навроцким. Эти пистолеты изготавливались в типично кавказском стиле и в основном по индивидуальным заказам [13]. Однако широкого распространения эта модификация не получила.

Казачье снаряжение так же менялось. Нижним чинам в 1865 году был выдан черный кожаный патронташ с 40 гнездами. Он состоял из двух отдельных коробок выгнутой формы (для плотного прилегания к талии) толщиной в 5 см и длиной 22,5 см. Крышки коробок с внутренней стороны застегивались на ременную петлю на шпенек. Коробки с боков имели: одна – ремешок с петлей, другая – шпенек, на который застегивался ремешок. Кроме этого, коробки висели и на шейном ремне с пряжками и с капсюльной сумочкой (на левой стороне груди).

В 70-х годах патронташ был замен на черный двухсумочный. В 1873 году вошли в казачье снаряжение два патронташа с 20 гнездами каждый, носившимися на поясном ремне. В 1877 году были введены бердановские парные подсумки.

Офицерские чины казачьих войск в 1858 году получили укороченные черные сафьяновые патронташи (длина – 22,5 см,

высота и толщина – 4,5 см) с 20 патронами, уложенными в два ряда. Крышка доходила нижним краем до конца корпуса. Пристегивалась она к нему в двух местах костылькам на петлицу шелкового шнура. Крышка обшивалась кругом серебряным или золотым галуном с накладным высеребренным или вызолоченным орлом в середине. На корпусе сзади пришивались две пуговицы для крепления.

Плечевая шашечная портупея также изменилась. Во второй половине 60-х годов она превратилась в поясную. Для ношения револьверов ввели новую кожаную кобуру, причем в разных войсках цвет ее был различным.

При Александре III работа по перевооружению казачьих войск продолжалась. В конные полки и батареи казаков после успешных испытаний стали поступать усовершенствованные шашки образца 1881 года. Они были произведены на Златоустовской оружейной фабрике. Стальной клинок шашек был небольшой кривизны, однодольный с обоюдоостро заточенным концом. Рукоять изготавливалась из дерева твердой породы, на которую наносили поперечные желобки. Ее украшение состояло из латунной головки и нижней оковки. В головке предусматривалось отверстие для крепления темляка. Ножны делались из дерева, были легкие и состояли из двух обоймиц и наконечника, обтянутых черной кожей. Общая длина оружия составляла 950 мм, а длина клинка – 810 мм, ширина – 30 мм. Офицерская шашка отличалась разнообразием конфигураций нижних частей. В частности, она имела вызолоченные металлические детали. Общая длина офицерской шашки составляла 980 мм, клинок – 810 мм.

Оружие кубанских казаков, служивших на Кавказе, в основном оставалось прежним. Качество его ухудшилось, так как простая, мягкая кожаная верхняя часть ножен была слишком перегружена металлической отделкой. При дожде в них попадала вода, портя клинки. Необходимо было разработать новый образец кавказской шашки и пустить его в серийное производство на оружейные фабрики страны.

Казачьи пики старой модели со временем утрачивали свои боевые свойства. Железные наконечники (копья) от постоянного взаимодействия с землей быстро затуплялись. Древки пики, сделанные из сосны и ели, часто ломались. Копья, прикрепляемые к древкам при помощи проволоки, были непрочны. Возникла потребность в новой пике. После испытаний остановились на образце, предложенном генерал-майором Хрещатицким.

Перевооружение офицеров продолжалось. Они стали использовать револьверы Смита и Вессона третьего образца со шпорой. При помощи упора средним пальцем на спусковую скобу осуществлялся огонь из оружия. Револьвер имел мушку, цельную со стволом (выливалась из одного куска металла), а также ряд других конструктивных новшеств. Длина револьвера равнялась 306 мм, при стволе в 167 мм и весе 1,1 кг.

Совершенствовалось казачье снаряжение. Военный опыт показал непригодность поясных портупей. В боевых маршбросках, когда казаки преодолевали до 120 км за сутки, боковые ремни портупеи часто обрывались, а поясные – сильно сдавливали живот. Офицеры, кроме того, несли тяжелые револьверы, которые усиливали физическую нагрузку, терлись о мундир и протирали его.

В 1881 году для казаков была введена плечевая кожаная портупея (в гвардии белая, в войсках черная). Она состояла из трех сыромятных ремней, одной пряжки и двух кнопок. Короткий плечевой ремень (48 см) заканчивался с одного конца металлической пряжкой, а с другой железно-луженой кнопкой. Длинный плечевой ремень (155 см) делался с такими же отверстиями и кнопкой, а также дырочками для застегивания на пряжку. Соединительный ремень (14 см) связывал прорези, сделанные в обоих плечевых ремнях. Он огибал эти ремни два раза, пропускал через них свои, через сгибы на каждом плечевом ремне, образовывая тем самым плоские узлы с концов.

Одновременно с новой портупеей вводился казачий патронташ для патронов винтовки Бердана на 18 гнезд. Прежние патронные подсумки хотя и были удобны, но при намокании, а затем высыхании, съеживались, сильно сдавливая коробки, что затрудняло вынимание патронов. Новый патронташ состоял из непромокаемого парусинового корпуса и имел два коротких ремешка длиной 45 см и шириной 4 см, кожаную черную крышку с кнопками белого металла для застегивания ремешков.

Патронташ носили на груди через плечо, с ремнем под левым погоном.

Для офицеров также вводились плечевые портупеи. Они были несколько изменены и обшиты серебряным или золотым галуном. Патронташи на 20 револьверных патронов стали чуть короче. В длину они составляли 17 см, в высоту – 5,5 см. Кобура осталась прежней. У кавказских казачьих офицеров для револьвера «Смит-Вессон» допускались кобуры местного изготовления (горского), с серебряными накладками.

При Николае II вооружение казаков стало более совершенным. Шашки, высокого качества, изготавливались на Златоустовской оружейной фабрике. В полки в основном поступали модели 1881 года.

В 1904 году кавказское казачество получило новый образец холодного оружия. Шашка имела стальной двухдольный клинок небольшой кривизны, заточенный обоюдоостро. Эфес у нее состоял из двух щечек буйволового рога, скрепленных с клинком тремя заклепками, пропущенными через отверстие в щечках и стебле клинка (ручка уходила в ножны по головку). Ножны делались из дерева, были обтянуты лакированной кожей с тремя металлическими обоймицами и наконечником. От нижней обоймицы и до конца ножны покрывались вощанкой – парусиной, пропитанной воском и ярью. Шашка была длиною в 920 мм. Длина клинка составляла 750 мм, а ширина – 35 мм. Шашка образца 1904 года использовалась казаками до конца Второй мировой войны.

Наградные шашки отделывались чернью с позолотой. Головка рукоятки также была украшена. Пользовалось широкой популярностью и «дедовское» оружие, официально разрешенное в 1909 году для несения казачьей службы. Часто это были кавказские шашки азиатского образца с костяными рукоятями обычного типа.

Кавказский кинжал модели 1904 года имел копьевидное очертание клинка и также являлся оружием кубанского казачества. Его обоюдоострые края средней части в длину составляли 550 мм. Он имел рукоять из буйволового рога с металлическим наконечником и ножны, покрытые черной лакированной кожей.

Наибольшие изменения претерпело в начале XX века казачье колющее оружие. Отличительной особенностью пики, поступавшей с 1901 года в войска, было трехгранное ножевое копье с трехдольным лезвием из закаленной стали. Оно насаживалось на древко в более глубокую трубку, охватывая его тремя лопастями разной длины. Они имели на концах отверстия, через которые копье закреплялось на древке винтами. Сверху насаживалось нагнетательное кольцо. Пика имела подток, ножной ремень и кожаный темляк. Древко выкрашивалось в черный или защитный цвет или в цвета парадного мундира. В длину пика достигала 2800 мм и весила 2,4 кг.

Арсенал офицерского холодного оружия был намного богаче: золотые Георгиевские и Анненские наградные шашки, гвардейские сабли, кавказские шашки различных образцов, кинжалы и др.

Наградное оружие отличалось от обычного наличием специальных знаков – орденов св. Анны и св. Георгия, особой отделкой, надписями и темляками. Так, Анненские шашки имели позолоченный металлический прибор и гравировку «За Храбрость» в верхней части эфеса. Знак ордена св. Анны 4-й степени размещался на казачьих шашках на устье ножен, с лицевой стороны. С 1911 года его наносили на нижнюю оковку рукояти. На кавказских шашках знаки наносили на устье ножен с лицевой стороны, так как нижняя оковка рукояти утопала в ножнах. На кавказских шашках азиатского образца знак располагался вверху головки эфеса.

К наградным шашкам полагался темляк цветов орденской ленты с серебряной кистью на конце. Георгиевские шашки изготавливались со сплошным золотым (позднее позолоченным) эфесом и прибором. Они имели специальный орнамент на верхнем наконечнике рукояти, обоймице, гайках и нижнем наконечнике ножен. Миниатюрный эмалевый крестик ордена св. Георгия прикреплялся у казачьих и кавалерийских шашек азиатского образца на наружной стороне нижнего наконечника рукояти. У кавказских шашек он крепился на лицевой стороне верхнего наконечника рукояти или в верхней части головки эфеса. Надпись «За Храбрость» делалась по верхнему краю верхнего наконечника эфеса – слева направо. Иногда в этом месте устанавливалась пластинка в виде закругленной ленточки с аналогичным текстом. При награждении на шашку завязывался темляк

цветов Георгиевской ленты с серебряной кистью. Если офицер, удостоенный Георгиевского оружия, имел еще орден св. Анны 4-й степени, то на шашке на устье ножен с лицевой стороны мог размещаться знак и этого ордена.

Офицеры казачьих войск теперь получили в награду шашки образца 1910 года. От прежних моделей они отличались пластмассовой или деревянной черного цвета рукоятью с поперечными желобками. На шашке имелся выпуклый вензель с изображением имени императора, в царствование которого получен первый офицерский чин. Общая длина оружия составляла 950 мм при длине клинка в 780 мм. Его ширина была 30 мм.

Для Терского и Кубанского казачьих войск установили офицерское оружие кавказского и азиатского образца.

Азиатские шашки общей длиной 900 мм изготавливались из литой стали с рукоятью из дерева или буйволового рога с насаженным верхним и нижним наконечником и средней оковкой. Шашки имели деревянные ножны, обтянутые черной кожей, с прибором (верхним устьем, двумя гайками и наконечником).

Кавказские шашки достигали в длину 750 мм. Они имели особенность, которая заключалась в наличие раструба в верхней части ножен, в который помещалась рукоять вплоть до верхнего наконечника. Все шашки украшались латунным или белого металла прибором, а также особыми, официально утвержденными рисунками. Так, на верхних наконечниках рукояток выштамповывалось вензелевое изображение Николая II. На клинках, при помощи гравировки, с одной стороны наносили вензелевое изображение имени императора, в царствование которого получен первый офицерский чин, с другой – государственный герб.

Существовал еще один образец азиатской шашки. Ее общая длина составляла до 1 м. Рукоять была из буйволового рога. Ширина передней части рукояти равнялась широкой части клинка. Задняя часть образовывала сердцеобразную головку. Ножны делались из дерева с гнездом для помещения клинка и рукояти вплоть до ее головки. В верхней части ножны были обтянуты черной лакированной кожей, в нижней – вощанкой. На коже имелся набор из верхнего и нижнего наконечников и верхней и нижней гаек с особым рисунком.

Офицерский кавказский кинжал по размерам не отличался от казачьего. Его особенностью был серебряный или мельхиоровый прибор с чернью по мотивам кавказских орнаментов.

Стрелковое оружие в исследуемый период также претерпело определенные изменения. Новая казачья трехлинейная винтовка образца 1891 года, сконструированная С.И. Мосиным, по своим качествам превосходила иностранные модели того времени. Она отличалась простым и удобным затвором, оригинальным магазином, имела боевую скорострельность: 10-12 выстрелов в минуту при дальности 2000 м, наилучший результат – с 400 м. В 1910 году на винтовке установили новую прицельную рамку, предложенную В.П. Коноваловым.

С 1896 года в войсках стали использоваться револьверы, в основном двух образцов: 1) револьверы с ударно-спусковыми механизмами двойного действия (офицерские); 2) револьверы с ударно-спусковыми механизмами одинарного действия (солдатские). Во втором образце в конструкции револьвера имелась деталь, препятствовавшая само взводной стрельбе. Револьвер имел калибр 7,62 мм, общую длину 234 мм при длине ствола 114 мм. Он весил 750 г.

Нововведением в казачьих войсках стали станковые пулеметы систем Максима и Гочкиса. Они перевозились на лошадях в специальных вьюках. Обладали пулеметы высокой боевой скорострельностью: 250-300 выстрелов в минуту. Они непрерывно и интенсивно стреляли – до 500 выстрелов без смены ствола. Дальность поражения составляла до 2000 м.

Поэтапное перевооружение войск, в том числе и казачьих, привело к введению нового снаряжения. Казачья плечевая портупея теперь состояла из шести ремней. В гвардии портупея была белой, а в войсках – из черной кожи.

Казачий нагрудный патронташ не претерпел существенных изменений. Его корпус внутри поделили на шесть равных гнезд. В каждой обойме размещались по пять патронов к трехлинейной винтовке. Во время военных действий использовался поясной патронташ, отличавшийся от первого тем, что вместо ремней имел на задней стенке корпуса три нашитые петли.

Офицерский патронташ несколько отличался от патронташа рядового казака. Он состоял из коробки несколько выгнутой наружу, с закругленными боковыми сторонами длиной 13 см, шириной 2,2 см и высотой до 5 см. На боковых сторонах у верхнего края прикреплялось по одному кольцу с лапками. Нижние углы крышки были закруглены, а середина нижнего края вырезана мыском. Весь патронташ с наружной стороны обшивался черной лакированной кожей. Крышка дополнительно обшивалась серебряным или золотым галуном.

Офицерам полагалось еще и походное снаряжение. Оно состояло из поясного ремня с муфтами, наплечными и пасовыми ремнями, револьверной кобуры с походным шнуром, а также биноклем в футляре. Футляр был четырехугольной формы в виде сумки с крышкой. Его делали из глянцевой кожи, окрашенной в коричневатый или черный цвет. По бокам футляра нашивались четыре кожаные гайки, направлявшие и удерживавшие плечевые ремни.

Таким образом, оружие казаков в конце XIX – начале XX века, хотя и оставалось в основном традиционным, но претерпело значительные изменения. Существовало некоторое отличие в оружие рядовых казаков и офицерства. Контакты, в том числе и межкультурные, горского и русского населения сказались на основных характеристиках вооружения казаков.

Примечания:

1. *Матвеев О.В.* Очерк истории форменной одежды кубанских казаков // Кубанское казачество: история, этнография, фольклор. М., 1995. С. 97.
2. Большая советская энциклопедия / Гл. ред. Б.А. Введенский. Т. 47. М., 1957. С. 563.
3. *Попко И.Д.* Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб, 1885. С. 194.
4. *Федоров В.Г.* История винтовки. М., 1940. С. 48.
5. *Фролов Б.Е.* Оружие кубанских казаков. Краснодар, 2009. С. 63.
6. *Попко И.Д.* Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб., 1858. С. 199.
7. *Королев В.Н.* Черкесские элементы в донском казачестве (XVI–XVII вв.) // Россия и Северный Кавказ. Грозный, 1990. С. 25.
8. Драгунский офицер. Воспоминания о Закавказском походе 1853 и 1854 г. // Военный сборник. СПб., 1860. № 11. С. 144.
9. *Абольская Т.И.* Златоустовское художественное оружие XIX века. Л., 1986. С. 10.
10. *Фролов Б.Е.* Оружие кубанских казаков. Краснодар, 2009. С. 28.
11. *Венеровский С.А.* Воспоминания // Родная Кубань. Краснодар, 1999. № 4. С. 78.
12. *Кириллов П.* Станица Рязанская (бывшая Габукаевская) // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1902. Т. 9. С. 118.
13. *Мавродин В.В.* Перевооружение казачьих войск стрелковым оружием во второй половине XIX века // Известия Северо-Кавказского научного центра Высшей школы. Ростов-на-Дону, 1975. Вып. 1. С. 82.

А.Г. Сидякина

Дорожные коммуникации в городской инфраструктуре Причерноморья конца XIX – начала XX в.

Во второй половине XIX – начале XX в. происходит складывание урбанизационной среды Причерноморья – появляются новые городские центры (Туапсе, Сочи, Новороссийск). Одной из ведущих урбанизационных подсистем, участвовавших в складывании общего облика города, являлась транспортная, которая состояла из внешних и внутригородских коммуникаций, а также средств передвижения.

Недостаточная благоустроенность вну-тригородских транспортных коммуникаций во второй половине XIX в. была характерной чертой причерноморских городов, что обуславливалось рядом причин.

По данным за 1897 г. в Новороссийске (не считая зацемесских территорий, более благоустроенных) были замощены, причем не полностью, только 4 улицы [1]. Процесс замощения улиц города начался в 1894 г. Осуществлялся он подрядчиком – крестьянином Смоленской губернии И.В. Глаголевым. Для устройства мостовых подрядчик применял голыш и формованный осколок (из деревни Федотовки), доставлявшийся железной дорогой. Работы были завершены к январю 1895 года [2].

Замощение улиц в Новороссийске с конца XIX в. шло регулярно, работы осуществлялись на средства города, так как городская управа полагала, что для домовладельцев данная обязанность стала бы «тяжелым бременем». Жители же города, согласно постановлению городской думы 1896 г., на свои средства должны были мостить тротуары, высаживать деревья вдоль тротуаров, устраивать водосточные канавы. Вышеозначенные работы по благоустройству улиц обязаны были осуществлять владельцы «плановых мест», примыкавших к городской дороге по всей длине фасадной линии, при этом: «тротуар должен следовать уклону улицы, образуя одну ровную поверхность без перерывов, перегибов, лотков и уступов» [3].

В 1899 г. городской голова констатировал, что следить за процессом очистки улиц, мощения их тротуарами городские власти сами не в состоянии, «тут должна бы городу помочь полиция, содержимая на его средства. Теперь же Новый базар загрязнен экскрементами, вонь здесь невыносимая. На Новобазарной площади валяется несколько возов сору и навозу… На нижней части Раевской улицы сваливается навоз»[4]. Даже центральные и активно используемые для транспортного и пешеходного сообщения улицы Новороссийска в 1890-е гг. продолжали оставаться не только незамощенными, но, порой, и без водосточных канав. К числу таковых относилась, например, улица Михайловская. На этой улице был сосредоточен целый ряд крупных общественных заведений: церковь, городской сад, театр, канцелярия губернатора, еврейская синагога, городская полиция, привозной базар, ночлежный дом благотворительного общества. В 1897 г. владельцы домов по ул. Михайловской, указывая, что улица «весьма бойкая, как для прохожих, также и для проезжих», отправили в городскую управу прошение о замощении дорожного полотна Михайловской. Однако из-за недостатка средств в указанном году улицу муниципальные власти так и не замостили.

В последние предреволюционные десятилетия, благодаря активной работе муниципальных властей, ситуация с уличным благоустройством в Новороссийске значительно улучшается. Так, в 1916 г. современник отмечал: «В городе… где только возможно, разбросаны бульварчики… Все почти улицы замощены» [5].

В других городах Черноморской губернии устройство мостовых продвигалось медленнее. По данным на 1920 г. в Анапе было замощено булыжником 10 верст 86 саженей городских улиц. Общая же длина улиц здесь на тот момент составляла 31 версту.

В г. Сочи по данным на 1920 г. степень благоустроенности улиц была в целом удовлетворительной: из 61 верст общей длины улиц и переулков, замощенными шоссейной кладкой считались 38 верст [6].

Степень благоустроенности улиц Туапсе в дореволюционный период оставалась незначительной. По данным на 1920 г. протяженность городских улиц составляла 25 верст 400 саженей, и лишь 9 верст из них были замощенными (шоссейной и прочими видами кладки). В большей степени были благоустроены городские площади: они занимали территорию равную 18 200 кв. саженей, из них 10 000 кв. саж. было замощено. Недостаточно высокий уровень благоустроенности улиц Туапсе можно объяснить поздним сроком получения городского статуса (1896 г.). Но именно положение города обязывало власти направлять усилия на благоустройство поселения. Кроме того, территорию города пересекало значительное количество ручьев и рек, поэтому власти посада в начале XX в. сосредоточили свое внимание на сооружении капитальных (каменных и бетонных) мостов, позволявших связывать отдельные части городского пространства, разделенные водными артериями. Всего в городе, по данным на 1920 г., находилось 9 постоянных мостов и водопропускных труб, устроенных в период с 1902 г. по 1908 г. (3 каменных моста, 3 каменные трубы, 1 бетонный мост, 2 моста с каменными устоями и деревянным настилом). Все эти мосты и трубы были перекинуты через «безымянные ручьи» [7].

Интенсивность процесса благоустройства городских дорожных систем Причерноморья была различной и во многом определялась уровнем финансовой состоятельности муниципальных органов власти, потому что именно из средств городского бюджета осуществлялся процесс замощения улиц. В итоге, в административном и промышленном центре Черноморской губернии Новороссийске, с солидными источниками пополнения городского бюджета, в начале XX в. была замощена значительная часть улиц.

Позднее обретение городского статуса такими населенными пунктами, как Туапсе и Сочи обусловило незавершенность в дореволюционный период процесса благоустройства здешних улиц.

Экономические факторы способствовали интенсификации процесса благоустройства городского пространства, в том числе улиц. Появление развитой транспортной инфраструктуры было возможным лишь при реализации таких городских функций, как торгово-промышленная, распределительная, рекреационная, ресурсная и др.

Интенсивная коммуникация обуславливала совершенствование транспортной системы – мощение улиц, оснащение их

системой водоотвода; способствовала появлению более современных средств передвижения, включая создание системы общественного транспорта. Однако эти процессы были тесно связаны со статусом поселения и широтой его функций.

Примечания:

1. Управление архива администрации муниципального образования город Новороссийск (далее – УААН). Ф. 2. Оп. 1. Д. 40. Л. 30.
2. УААН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 55. Л. 14, 30; Д. 7. Л. 10, 65; Д. 57. Л. 3 об.
3. УААН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 146. Л. 18, 91.
4. УААН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 146. Л. 18 об.
5. УААН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 57. Л. 11; Д. 750. Л. 255.
6. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 16. Л. 64; Д. 8. Л. 127.

С.В. Самовтор

Начальные училища Министерства народного просвещения в казачьих станицах на территории современной Карачаево-Черкесской республики в дореволюционный период

(по документам Государственного архива Краснодарского края)

История народного образования в линейных станицах, вошедших в состав Кубанской области в 1860 году, началась в первой половине XIX века, когда в них были открыты первые школы.

Важным этапом в развитии народного образования на Кубани стало утверждение 18 декабря 1848 года «Положения о Кавказском учебном округе и учебных заведениях, оному подведомственных» [1]. Училища Кавказского линейного казачьего войска находились по распорядительной и хозяйственной части в полном подчинении войскового начальства, но по учебным вопросам и по вопросам преподавательских кадров входили в юрисдикцию Кавказского учебного округа [2].

Всего до начала 1860-х годов в линейных станицах было открыто около 30 школ [3].

Быстрый рост числа школ наблюдался в период 1863-1867 гг., когда по инициативе наказного атамана Кубанского казачьего войска генерал-адъютанта графа Ф.Н. Сумарокова-Эльстона в Кубанской области было открыто более 100 станичных школ [4]. Но эти школы еще не имели правильной организации. Находились они в непосредственной зависимости командиров бригад и полков, которые в отношении к школам руководствовались не какими-либо общими обязательными правилами, а личным усмотрением [5].

Согласно высочайше утвержденному положению Кавказского комитета от 20 ноября 1870 года в Кубанской области учреждалась должность инспектора станичных училищ. Инспектору станичных училищ производилось содержание по 1500 рублей в год, в том числе 900 рублей жалованья и 600 рублей на наем квартиры и канцелярские издержки и, сверх того, на разъезды по 500 рублей в год. Он состоял в VI классе, что соответствовало чину коллежского советника, и утверждался в этой должности Наместником Кавказским [6].

Ко времени учреждения должности инспектора станичных училищ в Кубанской области насчитывалось 179 станичных училищ [7], а в 1881 году число их возросло до 260 [8].

Как писал в 1878 году известный кубанский исследователь народного образования Ф.Ф. Арканников: «в настоящее время в Кубанской области, кажется, нет станицы, в которой не было бы школы… При таком количестве школ, очевидно, не было возможности одному лицу реализовать их с успехом, вот почему и учреждена была дирекция народных училищ, к директору назначены два помощника и письмоводитель» [9].

Основу народного образования на Кубани составляли одноклассные, станичные и сельские училища с трехлетним циклом обучения, и двухклассные – с пятилетним. В одноклассных училищах преподавались, согласно статье 3 «Положения о начальных народных училищах», следующие учебные предметы: а) Закон Божий; б) чтение русское; в) чтение церковно-славянское; г) письмо; д) первые четыре действия арифметики; е) церковное пение, «там, где преподавание будет возможно» [10]. В двухклассных училищах, создаваемых по инструкции 1875 года, вводился более широкий курс обучения с преподаванием основ ряда наук.

Общая тенденция в развитии начального образования заключалась в том, что наряду с открытием новых школ шло преобразование существующих. Одноклассные,

станичные и сельские училища постепенно преобразовывались в двухклассные училища. Если по данным 1881 года число двухклассных училищ в области составляло 1/19 общего числа школ, то по данным 1906 года двухклассные училища составляют уже более 1/5 всего количества школ [11].

Начальные училища делились на мужские, женские и смешанные. Как правило, преподавательский состав типичного одноклассного училища в этот период состоял из заведующего училищем (он же 1-й учитель), законоучителя (т.е. преподавателя Закона Божьего, обычно местного священника или диакона) и 2-го учителя. Кроме того, в этот состав могли входить (необязательно) учитель пения, инструктор (в его функции входило преподавание гимнастики и начальной военной подготовки для мальчиков), учительница рукоделия (для девочек). В двухклассном училище количество учителей возрастает до 5-6 и более человек.

Денежное содержание учителя состояло из собственно жалованья, квартирных денег, «прислужных» денег (т.е. на наем прислуги), денег на отопление и освещение. В 1913 году рядовой учитель получал в год 360 рублей жалованья, заведующий одноклассным училищем и 2-й учитель в двухклассном училище – 420 рублей, заведующий двухклассным училищем – 600 рублей в год. Кроме того все эти лица получали 120 рублей в год «квартирных» (если не имели своего жилья или станичное общество не предоставляло им квартиру «натурой»), 60 рублей в год на наем прислуги и 84 рубля в год на отопление и освещение (если общество не предоставляло отопление и освещение «натурой»). Законоучитель, учитель пения, инструктор гимнастики и учительница рукоделия получали жалованья, в зависимости от нагрузки от 60 до 210 рублей в год. Квартирные, «прислужные» деньги, а также деньги на отопление и освещение им не полагались.

Заведующие училищами по учебным и административным вопросам подчинялись непосредственно инспектору народных училищ соответствующего инспекторского района.

Во всех училищах, как правило, выбирался Почетный Блюститель. Обычно это был кто-то из наиболее уважаемых местных жителей, вносящий пожертвования для училища деньгами, учебными пособиями, вещами или как-то иначе помогающий училищу.

Кубанская область в вопросах управления народным образованием делилась на особые учебные (инспекторские) районы, возглавляемые инспекторами. В разное время в Кубанской области насчитывалось разное количество районов. Так, например, в 1900 году в Кубанской области было 2 района, во главе с инспекторами народных училищ, в 1910 году – 6 районов, в 1913 и в последующие годы – 10 районов. Границы инспекторских районов были условными и не всегда совпадали с основным административным устройством Кубанской области, разделенной на 7 отделов.

В данном сообщении приводятся сведения по состоянию на 1 января 1913 года о начальных училищах Министерства Народного Просвещения (так называемых «министерских училищах») в казачьих станицах, ныне находящихся на территории Карачаево-Черкесской Республики. В административном отношении эти станицы и хутора входили в состав Баталпашинского отдела Кубанской области, в учебном отношении – в состав 5-го инспекторского района Дирекции народных училищ Кубанской области, инспектором которого являлся не имеющий чина Владимир Павлович Разумовский [12]. Помимо «министерских училищ» в кубанских станицах в этот период имелись в значительном количестве церковно-приходские школы, частные учебные заведения, а также все более широкое распространение получало среднее образование – не только в городах, но и в крупных станицах стали открываться гимназии, прогимназии, реальные училища, учительские семинарии и т.д. Многие из этих учебных заведений были созданы на базе начальных училищ Министерства Народного Просвещения.

Училища приводятся здесь в алфавитном порядке названий населенных пунктов.

Станица Баталпашинская

В станице Баталпашинской, помимо начальных училищ Министерства Народного Просвещения по состоянию на 1 января 1913 года имелосьБаталпашинское 6-классное городское училище с педагогическим классом (инспектор — коллежский секретарь Анатолий Иванович Подгорный), «кузница педагогических кадров» для

большей части начальных училищ Баталпашинского и Лабинского отделов, а также два частных учебных заведения 1-го разряда – Баталпашинская частная мужская 6-классная прогимназия «с правами для учащих» (инспектор – Георгий Михайлович Кесаев) и Баталпашинская частная женская гимназия «с правами для учащих» (заведующая Ольга Ивановна Кесаева) [13].

О количестве и состоянии церковно-приходских школ станицы Баталпашинской сведений не имеется, но известно, что там по состоянию на 1 января 1913 года обучалось 60 мальчиков и 90 девочек. Население станицы Баталпашинской составляло 8780 мужчин и 9028 женщин [14].

Баталпашинское приходское по Положению 1828 года смешанное начальное училище [15]

Открыто в 1904 году. В 1904 году открыто школьное попечительство.

Всего в данном училище обучалось 136 мальчиков и 31 девочка.

Училище имело 3 собственных классных комнаты размером 11 х 10 х 5, 12 х 10 х 5 и 12 х 10 х 5 аршин.

С 1909 года Почетным Блюстителем этого училища состоял крестьянин ***Павлов Григорий Павлович***. В 1909 году пожертвовал на нужды училища 25 рублей. За все годы пожертвовал 25 рублей. Наград по должности Почетного Блюстителя не получал.

На 1 января 1913 года в Баталпашинском приходском по Положению 1828 года смешанном училище преподавали:

Туров Петр Игнатьевич, иногородний, коллежский регистратор, заведующий училищем. Окончил Мариинскую учительскую семинарию (г. Павловск, Санкт-Петербургская губ.). На службе учителем состоял с 1 сентября 1896 года, на последнем месте – с 1 сентября 1905 года. Был на курсах в г. Павловске Санкт-Петербургская губернии при Мариинской учительской семинарии. Преподавал в 3 отделении (33 мальчика и 4 девочки).

Турову П.И. на 01.01. 1913 было 36 лет, его жене 43 года, дочерям 6, 5 и 2 года.

Лякишев Михаил Митрофанович, псаломщик, законоучитель. Получил домашнее образование. На службе законоучителем и на последнем месте состоял с 1 августа 1908 года. Преподавал Закон Божий во всех 3 отделениях училища (136 мальчиков и 31 девочка).

Сведений о возрасте Лякишева М.М. и его семейном положении нет.

Турова Евдокия Афанасьевна, иногородняя, 2-я учительница. Окончила Куп. (так в документе – С.С.) женскую прогимназию. На службе учительницей состояла с 1 сентября 1894 года, на последнем месте – с 1 сентября 1905 года. Преподавала во 2 отделении училища (количество учеников не указано).

Турова Е.А. жена Турова П.И. (см. выше).

Грушин Михаил Иванович, иногородний, не имеющий чина, 3-й учитель. Окончил двухгодичные педагогические курсы при Баталпашинском 6-классном городском училище. На службе учителем и на последнем месте состоял с 5 сентября 1912 г. Преподавал в 1 отделении (количество учеников не указано).

Грушину М.И. на 01.01.1913 было 20 лет, отцу 60 лет, матери 55 лет.

Баталпашинское нормальное двухклассное смешанное начальное училище [16]

Открыто в 1900 году. В 1909 году открыто школьное попечительство.

Всего в данном училище обучалось 127 мальчиков и 41 девочка.

В училище имелось 5 собственных классных комнат размером 10 х 8 х 6 аршин каждая.

Почетного Блюстителя не имелось.

На 1 января 1913 года в Баталпашинском двухклассном смешанном училище преподавали:

Шрам Козьма Семенович, казак, коллежский регистратор, заведующий училищем. Окончил 1-ю Кубанскую учительскую семинарию. На службе учителем состоял с 1 октября 1897 года, на последнем месте – с 1 сентября 1903 года. Был на педагогических курсах в 1900 году в сел. Бибердовском и на сельскохозяйственных курсах в 1907 году в г. Анапе. Преподавал в 5 отделении (12 мальчиков).

Шраму К.С. на 01.01. 1913 было 37 лет, его жене 35 года, дочери 11 лет, сыну 4 года.

Косякин Владимир Капитонович, казак, коллежский регистратор, 2-й учитель. Окончил Баталпашинское 6-классное городское училище. На службе учителем

состоял с 1 сентября 1896 года, на последнем месте – с 1 сентября 1903 года. Был на педагогических курсах в 1900 году в сел. Бибердовском. Преподавал в 3 отделении (33 мальчика и 4 девочки).

Косякину В.К. на 01.01. 1913 было 36 лет. Холост.

Конограй Марья Андреевна, казачка, 3-я учительница. Окончила Екатеринодарскую женскую гимназию. На службе учительницей и на последнем месте состояла с 1 сентября 1903 года. Преподавала во 2 отделении (38 мальчиков и 12 девочек).

Конограй М.А. на 01.01. 1913 было 30 лет. Не замужем.

Серков Василий Ксенофонтович, казак, коллежский регистратор, 4-й учитель, он же учитель пения. Окончил педагогические курсы при Баталпашинском 6-классном городском училище. На службе учителем состоял с 1 сентября 1902 года, на последнем месте – с 1 сентября 1910 года. Преподавал в 4 отделении (17 мальчиков и 2 девочки).

Серкову В.К. на 01.01. 1913 было 29 лет, жене 28 лет, матери 67 лет, дочери 1 год.

Остроухов Федор Прохорович, казак, не имеющий чина, 5-й учитель. Окончил Баталпашинское 6-классное городское училище. На службе учителем состоял с 10 октября 1899 года, на последнем месте – с 1 сентября 1912 года. Преподавал в 1 отделении (27 мальчиков и 23 девочки).

Остроухову Ф.П. на 01.01. 1913 было 32 года, жене 31 лет, дочерям 11 и 5 лет, сыновьям 9 и 2 года.

Зеленский Никифор Власович, урядник, инструктор. Получил домашнее образование. На службе инструктором и на последнем месте состоял с 1 сентября 1910 года. Преподавал военную гимнастику у мальчиков во всех 5 отделениях.

Сведений о возрасте и семье Зеленского Н.В. нет.

Законоучителя не было, Закон Божий преподавали учителя училища.

Баталпашинское двухклассное женское начальное училище [17]

Открыто в 1864 году. Преобразовано в двухклассное в 1903 году.

Всего в данном училище обучалось 209 девочек.

Училище имело 5 собственных классных комнаты размером 12 х 9 х 6, 10 ¼ х 9 х 6, 12 х 9 х 6, 12 х 9 х 6, 10 ¾ х 9 х 6 аршин.

Почетного Блюстителя не имелось.

На 1 января 1913 года в Баталпашинском двухклассном женском начальном училище преподавали:

Зеленская Нина Гавриловна, казачка, православная, заведующая училищем. Окончила Ставропольскую Александровскую женскую гимназию. На службе учительницей состояла с 11 декабря 1903 года, на последнем месте – с 1 октября 1911 года. Преподавала в 1 отделении (54 девочки).

Зеленской Н.Г. на 01.01. 1913 было 27 лет, мужу 26 лет, дочери 1 ½ года.

Кухианидзе Василий Николаевич, псаломщик, законоучитель. Окончил Ставропольскую духовную семинарию. На службе законоучителем и на последнем месте состоял с 1 января 1912 года. Преподавал Закон Божий во всех 5 отделениях училища.

Кухианидзе В.Н. на 01.01.1913 было 22 года, сведений о семье нет.

Диденко Евгения Алексеевна, крестьянка, православная, 2-я учительница. Окончила Ставропольскую Александровскую женскую гимназию. На службе учительницей и на последнем месте состояла с 1 ноября 1912 года. Преподавала в 4 отделении (40 девочек).

Диденко Е.А. на 01.01. 1913 было 22 года, мужу 26 лет, сыну 1 год 4 месяца.

Хиповская Людмила Иосифовна, крестьянка, православная, 3-я учительница. Окончила 8 классов Екатеринодарской женской гимназии. На службе учительницей и на последнем месте состояла с 1 сентября 1909 года. Преподавала во 2 отделении (50 девочек).

Хиповской Л.И. на 01.01.1913 было 24 года. Не замужем.

Матвеева Анна Александровна, крестьянка, православная, 4-я учительница. Окончила Тифлисскую женскую гимназию. На службе учительницей и на последнем месте состояла с 1 сентября 1911 года. Преподавала в 3 отделении (27 девочек).

Матвеевой А.А. на 01.01.1913 было 22 года. Не замужем.

Синькова Прасковья Дмитриевна, казачка, православная, 5-я учительница. Окончила 7 классов Лабинской женской гимназии и прослушала 8-й класс Новороссийской женской гимназии. На службе

учительницей и на последнем месте состояла с 1 сентября 1912 года. Преподавала в 5 отделении (22 девочки).

Синьковой П.Д. на 01.01.1913 было 22 года. Не замужем.

Лякишева Елена Николаевна, духовного сословия, православная, учительница рукоделия. Образование — сдала экзамен при Московской ремесленной управе. На службе учительницей и на последнем месте состояла с 1 декабря 1908 года.

Якишевой Е.Н. на 01.01. 1913 был 31 год, мужу 35 лет, дочери 10 лет, сыновьям 8 лет, 6 лет, 4 года.

Маковозов Иван Ионович, крестьянин, православный, учитель пения. Окончил Кубанскую учительскую семинарию. На последнем месте состоял с 1 сентября 1912 года.

Маковозову И.И. на 01.01.1913 было 32 года, жене 27 лет, детей не было.

Баталпашинское станичное одноклассное смешанное начальное училище [18]

Открыто в 1908 году. В 1910 году открыто школьное попечительство.

Всего в данном училище обучалось 99 мальчиков и 24 девочки.

Училище имело 3 собственных классных комнаты размером 5 х 7 х 5, 10 х 7 х 5, 7 х 6 х 5 аршин.

Почетного Блюстителя не имелось.

На 1 января 1913 года в Баталпашинском станичном одноклассном смешанном училище преподавали:

Калаушин Савва Алексеевич, казак, не имеющий чина, заведующий училищем. Окончил Баталпашинское 6-классное городское училище. На службе учителем состоял с 1 сентябр*я* 1896 года, на последнем месте – с 1 сентября 1908 года. Был на курсах в 1900 году в сел Бибердовском при Бибердовском нормальном училище. Преподавал в 3 отделении (26 мальчиков и 2 девочки).

Калаушину С.А. на 01.01.1913 было 37 лет, жене 35 лет, дочерям 16, 14, 11, 6 и 5 лет, сыну 3 года.

Кухианидзе Василий Николаевич, псаломщик, законоучитель. Окончил Ставропольскую духовную семинарию. На службе законоучителем и на последнем месте состоял с 1 января 1912 года. Преподавал Закон Божий во всех 3 отделениях училища.

Кухианидзе В.Н. на 01.01.1913 было 22 года, сведений о семье нет.

Бугаев Федор Спиридонович, казак, не имеющий чина, 2-й учитель. Окончил Баталпашинское 6-классное городское училище. На службе учителем состоял с 1 сентября 1896 года, на последнем месте – с 1 сентября 1912 года. Был на курсах: 1 раз – с 20 июня по 20 июля 1904 года в г. Ставрополе на курсах по естественной истории; 2 раз – с 20 июля по 20 августа 1907 года в г. Санкт-Петербурге на педагогических курсах в Соляном Городке; 3-й раз – с 1 июля по 4 августа 1909 года в г. Ставрополе на курсах по естественной истории; 4 раз – с 10 июля по 4 августа в г. Владикавказе на курсах по естественной истории. Преподавал в 1 отделении (40 мальчиков и 15 девочек).

Бугаеву Ф.С. на 01.01.1913 было 34 года, жене 31 год, сыну 10 лет, дочерям 6, 3 и 1 год.

Юрченко Борис Аггеевич, казак, не имеющий чина, 3-й учитель. Окончил педагогические курсы при Баталпашинском 6-классном городском училище. На службе учителем состоял с 1 декабря 1907 года, на последнем месте – с 1 октября 1912 года. Преподавал во 2 отделении (33 мальчика и 7 девочек).

Юрченко Б.А. на 01.01.1913 было 24 года, жене 26 лет, сыну 2 года.

Мельников Андрей Федосеевич, казак, инструктор. Получил домашнее образование. На службе инструктором и на последнем месте состоял с 1 сентября 1910 года. Преподавал военную гимнастику у мальчиков во всех 3 отделениях (99 мальчиков).

Других сведений о Мельникове А.Ф. и его семье нет.

Баталпашинское образцовое одноклассное мужское начальное училище [19]

Открыто в 1901 году. Школьного попечительства и Почетного Блюстителя не было.

Всего в данном училище обучалось 34 мальчика.

Училище имело 1 собственную классную комнату размером 10 х 9 х 5 аршин.

На 1 января 1913 года в Баталпашинском образцовом одноклассном мужском училище преподавали:

Руденко Ефим Андреевич, казак, коллежский регистратор, заведующий

училищем. Окончил 1-ю Кубанскую учительскую семинарию. На службе учителем состоял с 1 сентября 1905 года, на последнем месте – с 1 сентября 1910 года. Был на курсах: в 1908 году на летних учительских курсах в г. Анапе; в июне 1909 года на учительских курсах в г. Москве; в 1912 году на учительских курсах в г. Анапе. Преподавал во всех 3 отделениях училища (34 мальчика).

Руденко Е.А. на 01.01. 1913 было 27 лет. Холост.

Федоров Петр Дмитриевич, священник, законоучитель. Окончил Ставропольскую духовную семинарию. На службе законоучителем состоял с 1 сентября 1903 года, на последнем месте – с 1 декабря 1910 года.

Сведений о возрасте Федорова П.Д. и его семейном положении нет.

Маковозов Иван Ионович, крестьянин, православный, учитель пения. Окончил Кубанскую учительскую семинарию. На службе учителем состоял с 5 сентября 1901 года, на последнем месте – с 1 августа 1912 года.

Маковозову И.И. на 01.01.1913 было 30 лет, жене 26 лет, дочери 6 лет, сыну 5 лет. Сведения о Маковозове И.И. отличаются от сведений, предоставленных Баталпашинским двухклассным женским начальным училищем.

Станица Зеленчукская

В станице Зеленчукской при Петропавловской церкви имелась одна церковно-приходская школа, помещавшаяся «в собственном удобном здании, рассчитанном на 60 учеников» [20]. В церковно-приходской школе по состоянию на 1 января 1913 года обучалось 40 мальчиков и 22 девочки. Население станицы Зеленчукской составляло 3518 мужчин и 3526 женщин [21].

Зеленчукское двухклассное смешанное начальное училище [22]

Открыто в 1865 году. В 1906 году преобразовано в двухклассное. В 1906 году открыто школьное попечительство.

В этом училище обучалось 167 мальчиков и 17 девочек.

Училище имело 5 собственных классных комнат размером 5 х 9 х 6, 7 х 9 х 6, 15 х 9 х 6, 12 х 11 х 6, 11 х 7 х 6 аршин.

С 1902 года Почетным Блюстителем этого училища состоял ***Бедросов Нерсес Захарович***, армянин, дворянин. В 1911 году пожертвовал на нужды училища 10 руб. За все годы пожертвовал 272 руб. Имел награду – орден Св. Станислава 3 степени.

На 1 января 1913 года в Зеленчукском двухклассном смешанном начальном училище преподавали:

Баранов Михаил Тимофеевич, губернский секретарь, заведующий училищем. Окончил Баталпашинское городское училище. На службе учителем состоял с 1 августа 1887 года, на последнем месте – с 1 ноября 1911 года. Преподавал в 1 отделении (50 мальчиков).

Баранову М.Т. на 01.01.1913 было 42 года, жене 38 лет, матери 79 лет, сыновьям 21 и 18 лет, дочери 10 лет.

Кудрявцев Алексей Петрович, священник, законоучитель. Окончил Ставропольскую духовную семинарию.

Других сведений о Кудрявцеве А.П. нет.

Адамчук Лука Павлович, 2-й учитель. Окончил Холмскую учительскую семинарию. На службе учителем состоял с 1 сентября 1906 года, на последнем месте – с 1 сентября 1912 года. Преподавал в 5 отделении (8 мальчиков и 5 девочек).

Адамчуку Л.П. на 01.01.1913 было 25 лет. Холост.

Позднякова Антонина Григорьевна, 3-я учительница. Окончила Ставропольскую женскую гимназию. На службе учительницей и на последнем месте состояла с 1 сентября 1912 года. Преподавала в 3 отделении (36 мальчиков и 6 девочек).

Поздняковой А.Г. на 01.01.1913 было 18 лет. Не замужем.

Завгородний Александр Иванович, 4-й учитель. Окончил педагогические курсы при Баталпашинском 6-классном городском училище. На службе учителем и на последнем месте состоял с 1 сентября 1910 года. Преподавал во 2 отделении (56 мальчиков).

Завгороднему А.И. на 01.01.1913 было 24 года. Холост.

Серков Никита Григорьевич, 5-й учитель. Окончил педагогические курсы при Баталпашинском 6-классном городском училище. На службе учителем состоял с 15 октября 1908 года, на последнем месте – с 1 декабря 1910 года. Преподавал в 4 отделении (17 мальчиков и 6 девочек).

Серкову Н.Г. на 01.01.1913 было 25 лет, жене 22 года, детей нет.

Минасова Вартугия Акоповна, мещанка, армяно-григорианского вероисповедания, учительница рукоделия.

Других сведений о Минасовой В.А. и ее семье нет (см. ниже сведения по Зеленчукскому станичному одноклассному женскому училищу).

Тарасенко Никифор Ефремович, урядник, учитель пения. На службе учителем и на последнем месте состоял с 1 октября 1912 года.

Других сведений о Тарасенко Н.Е. и его семье нет.

Ярошенко Никифор Сергеевич, урядник, инструктор. На службе инструктором и на последнем месте состоял с 1 декабря 1910 года.

Других сведений о Ярошенко Н.С. и его семье нет.

Зеленчукское станичное одноклассное женское начальное училище [23]

Открыто в 1903 году, с этого же года школьное попечительство.

В этом училище обучалось 90 девочек.

Училище имело 2 собственных классных комнаты 12 х 10 и 19 х 6 аршин (высота классных комнат не указана).

С 1903 года Почетным Блюстителем этого училища состоял ***Гришай Петр Андреевич***, урядник. В 1910 году пожертвовал на нужды училища 50 руб. За все годы пожертвовал 50 руб. Наград по службе Почетным Блюстителем не имел.

На 1 января 1913 года в Зеленчукском одноклассном женском начальном училище преподавали:

Минасова Вартугия Акоповна, мещанка, армяно-григорианского вероисповедания, заведующая (она же учительница рукоделия). Окончила Армавирскую женскую гимназию. На службе учительницей состояла с 1909 года, на последнем месте – с 1912 года. Преподавала в 1 отделении (60 девочек).

Других сведений о Минасовой В.А. и ее семье нет.

Кудрявцев Алексей Петрович, священник, законоучитель. Окончил Кавказскую духовную семинарию. На службе законоучителем состоял с 1882 года, на последнем месте – с 1912 года.

Других сведений о Кудрявцеве А.П. и его семье нет.

Гришай Ольга Петровна, казачка, православная, 2-я учительница. Окончила Армавирскую женскую гимназию. На службе учительницей состояла с 1911 года, на последнем месте – с 1912 года. Преподавала во 2 отделении (24 девочки).

Других сведений о Гришай О.П. и ее семье нет.

Зеленчукское одноклассное мужское начальное училище [24]

Открыто в 1912 году.

В этом училище обучался 41 мальчик.

Училище имело 1 наемную классную комнату размером 9 х 9 х 5 аршин.

Почетного Блюстителя не имелось.

На 1 января 1913 года в Зеленчукском одноклассном мужском начальном училище преподавали:

Калаушин Сергей Иванович, казак, коллежский регистратор, заведующий училищем (он же преподавал Закон Божий). Окончил педагогические курсы при Баталпашинском городском училище. На службе учителем состоял с 1 января 1906 года, на последнем месте – с 1 октября 1912 года. В 1909 году был на общеобразовательных курсах в г. Ставрополе. Преподавал в 1 отделении (41 мальчик).

Калаушин С.И. был холост. Других сведений о нем и его семье нет.

Ярошенко Георгий Сергеевич, урядник, инструктор.

Других сведений о Ярошенко Г.С. и его семье нет.

Зеленчукское одноклассное иногороднее смешанное начальное училище [25]

Открыто в 1907 году. Школьное попечительство с 1907 года.

В этом училище обучалось 48 мальчиков и 32 девочки.

Училище имело 2 собственных классных комнаты размером 9 х 12 х 5 аршин каждая.

С 1911 года Почетным Блюстителем этого училища состоял ***Телега Владимир Иванович***, дворянин, врач. На нужды училища пожертвований не делал. Наград по службе Почетным Блюстителем не имел.

На 1 января 1913 года в Зеленчукском одноклассном иногороднем смешанном начальном училище преподавали:

Шурховецкий Алексей Исидорович, крестьянин, не имеющий чина, заведующий училищем. Окончил педагогический класс

Баталпашинского городского училища. На службе учителем и на последнем месте состоял с 1 октября 1910 года. Преподавал во всех 3 отделениях училища (48 мальчиков и 32 девочки).

Шурховецкий А.И. холост. Других сведений о нем нет.

Станица Исправная

В станице Исправной при Михаило-Архангельской церкви имелось две церковно-приходские школы: церковно-приходская мужская школа, помещавшаяся «в собственном удобном здании, рассчитанном на 80 учеников» и церковно-приходская женская школа [26]. В обеих церковно-приходских школах по состоянию на 1 января 1913 год обучалось 68 мальчиков и 52 девочки. Население станицы Исправной составляло 3563 мужчины и 3400 женщин [27].

Исправное одноклассное мужское начальное училище [28]

Открыто в 1861 году. С 1906 года существовало школьное попечительство.

В этом училище обучалось 112 мальчиков.

Училище имело 1 собственную и 1 наемную классные комнаты размером 11 ½ x 10 x 4 ¾ и 17 x 5 ¼ x 4 ¾ аршина.

С 1906 года Почетным Блюстителем этого училища состоял Шаповалов Елизар Гурьевич, урядник станицы Исправной. На нужды училища пожертвований не делал. Наград по службе Почетным Блюстителем не имел.

На 1 января 1913 года в Исправном одноклассном мужском начальном училище преподавали:

Сливинский Петр Иосифович, иногородний, не имеющий чина, заведующий училищем. Образование получил в Новогригорьевской второклассной школе. На службе учителем состоял с 1 сентября 1903 года, на последнем месте – с 1 июля 1907 года. Преподавал в 1 отделении (38 мальчиков) и 3 отделении (17 мальчиков).

Сливинскому П.И. на 01.01.1913 было 29 лет, жене 26 лет, сыновьям 5 лет, 2 ½ года, 1 месяц.

Кондратов Леонид Васильевич, священник, законоучитель. Окончил Ставропольскую духовную семинарию. На службе законоучителем состоял с 1 сентября 1900 года, на последнем месте – с 1 сентября 1906 года. Преподавал Закон Божий во всех 3 отделениях (112 мальчиков).

Других сведений о Кондратове Л.В. и его семье нет.

Харланов Лука Иванович, казак, не имеющий чина, 2-й учитель. Окончил педагогический класс Баталпашинского 6-классного городского училища. На службе учителем и на последнем месте состоял с 1 сентября 1910 года. Преподавал в 1 отделении (10 мальчиков) и 2 отделении (47 мальчиков).

Харланову Л.И. на 01.01.1913 был 21 год, жене 25 лет, детей не было.

Поздняков Илья Андреевич, приказный, учитель пения. Образование получил в войсковом хоре в г. Тифлисе. На службе учителем и на последнем месте состоял с 1 сентября 1911 года. Преподавал во всех 3 отделениях училища (112 мальчиков).

Других сведений о Позднякове И.А. и его семье нет.

Пономаренко Пантелеимон Емельянович, урядник, инструктор. На службе инструктором и на последнем месте состоял с 1 сентября 1911 года. Преподавал военную гимнастику во всех 3 отделениях училища (112 мальчиков).

Других сведений о Пономаренко П.Е. и его семье нет.

Станица Кардоникская

В станице Кардоникской при Покровской церкви имелась одна церковно-приходская школа, помещавшаяся «в удобном церковном здании, рассчитанном на 80 учеников» [29]. В церковно-приходской школе по состоянию на 1 января 1913 года обучалось 82 мальчика и 28 девочек. Население станицы Кардоникской составляло 3585 мужчин и 3179 женщин [30].

Кардоникское двухклассное смешанное начальное училище [31]

Открыто в 1880 году как одноклассное училище. В 1908 г. преобразовано в двухклассное. С 1906 г. школьное попечительство.

В училище обучалось 176 мальчиков и 24 девочки. Имелось 4 собственных классных комнаты размером 10 x 10 x 6, 12 x 12 x 6, 17 x 10 x 6 и 17 x 10 x 6 аршин.

С 1907 года Почетным Блюстителем этого училища состоял ***Тоцкий Карп Кузьмич***, приказный станицы Кардоникской. Пожертвований на нужды училища он не делал, наград по должности Почетного Блюстителя не получал.

На 1 января 1913 года в Кардоникском станичном двухклассном смешанном начальном училище преподавали:

Орлов Иван Петрович, духовного сословия, не имеющий чина, заведующий училищем. Образование – 3 класса Ставропольской духовной семинарии. На службе учителем состоял с 1 сентября 1898 года, на последнем месте – с 1 сентября 1907 года. Был на сельскохозяйственных курсах в г. Анапе в 1907, 1909 и 1910 годах. Преподавал в 3 и 4 отделениях (20 мальчиков и 18 девочек).

Орлову И.П. на 01.01.1913 было 39 лет. Холост.

Захаров Иван Никитич, священник, законоучитель. Окончил Ставропольскую духовную семинарию. На службе законоучителем состоял с 20 февраля 1907 года, на последнем месте 1 сентября 1911 года. Преподавал Закон Божий во всех 5 отделениях училища.

Других сведений о Захарове И.Н. и его семье нет.

Борисенко Николай Васильевич, казак, не имеющий чина, 2-й учитель. Окончил Баталпашинское городское училище. На службе учителем состоял с 18 января 1906 года, на последнем месте – с 1 сентября 1907 года. Преподавал в 1 и 5 отделениях (39 мальчиков и 6 девочек).

Борисенко Н.В. на 01.01.1913 было 28 лет, его жене 27 лет, дочерям 4 и 3 года, сыну 1 год.

Харланов Дмитрий Иванович, казак, не имеющий чина, 3-й учитель. Окончил Баталпашинское 6-классное городское училище. На службе учителем состоял с 1 сентября 1901 года, на последнем месте – с 1 сентября 1912 года. Преподавал в 1 отделении (60 мальчиков).

Харланову Д.И. на 01.01.1913 г. был 31 год, жене 26 лет, дочерям 6 лет и 3 года, сыну 2 года.

Гришай Евдокия Петровна, казачка, 4-я учительница. Окончила 8 классов Армавирской женской гимназии. На службе учительницей и на последнем месте состояла с 1 октября 1911 года. Преподавала во 2 отделении (57 мальчиков).

Гришай Е.П. на 01.01.1913 был 21 год. Не замужем.

Василенко Тимофей Ефимович, крестьянин, не имеющий чина, учитель пения. Окончил одноклассную начальную школу. На службе учителем и на последнем месте состоял с 1 декабря 1911 года.

Других сведений о Василенко Т.Е. и его семье нет.

Буланчик Борис Александрович, казак, инструктор. Окончил одноклассное станичное училище. На службе инструктором и на последнем месте состоял с 1 сентября 1911 года.

Других сведений о Буланчике Б.А. и его семье нет.

Кардоникское одноклассное смешанное начальное училище [32]

Открыто в 1912 году и в том же году открыто школьное попечительство.

В училище обучалось 25 мальчиков и 12 девочек. Имелась 1 наемная классная комната размером 12 х 11 х 4 аршина.

Почетного Блюстителя не было.

На 1 января 1913 года в Кардоникском одноклассном смешанном начальном училище преподавали:

Кулешов Сергей Афанасьевич, иногородний, не имеющий чина, заведующий училищем. Окончил педагогические курсы при Екатеринодарском 6-классном городском училище. На службе учителем состоял с 1 сентября 1903 года, на последнем месте – с 1 сентября 1912 года. Преподавал в 1 отделении (25 мальчиков и 12 девочек).

Кулешову С.А. на 01.01.1913 было 28 лет, жене 25 лет, отцу 69 лет, матери 56 лет, сыну 3 года, дочери 2 года.

Захаров Иван Никитич, священник, законоучитель. Окончил Ставропольскую духовную семинарию. На службе законоучителем состоял с 20 февраля 1907 года, на последнем месте – 1 сентября 1912 года. Преподавал в 1 отделении (25 мальчиков и 12 девочек).

Других сведений о Захарове И.Н. и его семье нет.

Василенко Тимофей Ефимович, крестьянин, не имеющий чина, учитель пения. Окончил одноклассную начальную школу. На службе учителем и на последнем месте состоял с 1 сентября 1912 года. Преподавал в 1 отделении (25 мальчиков и 12 девочек).

Других сведений о Василенко Т.Е. и его семье нет.

Буланчик Борис Александрович, казак, инструктор. Окончил одноклассное станичное училище. На службе инструктором состоял с 1 сентября 1911 года, на последнем месте – с 1 сентября 1912 года.

Других сведений о Буланчике Б.А. и его семье нет.

Кардоникское одноклассное женское начальное училище [33]

Открыто в 1910 году.

В училище обучалось 48 девочек. Имелась 1 собственная классная комната размером 12 х 11 х 5 аршин.

С 1912 года Почетным Блюстителем училища состоял ***Швыдченко Терентий Денисович***, урядник станицы Кардоникской. На нужды училища не жертвовал, по должности Почетного Блюстителя наград не имел.

На 1 января 1913 года в Кардоникском одноклассном женском начальном училище преподавали:

Борисенко Александра Ивановна, казачка, заведующая училищем, она же учительница рукоделия. Окончила Владикавказскую женскую гимназию. На службе учительницей состояла с 1 сентября 1902 года, на последнем месте – с 1 декабря 1912 года. Преподавала в 1 и 2 отделениях (48 девочек).

Борисенко А.И. на 01.01.1913 было 28 лет, мужу 28 лет, дочерям 4 и 2 года, сыну 1 год.

Захаров Иван Никитич, священник, законоучитель. Окончил Ставропольскую духовную семинарию. На службе законоучителем состоял с 20 февраля 1907 года, на последнем месте – 1 декабря 1912 года. Преподавал в 1 и 2 отделениях (48 девочек).

Других сведений о Захарове И.Н. и его семье нет.

Станица Красногорская

В станице Красногорской при Николаевской церкви имелась одна церковноприходская школа [34]. В церковноприходской школе по состоянию на 1 января 1913 года обучалось 28 мальчиков. Население станицы Красногорской составляло 820 мужчин и 772 женщины [35].

Красногорское станичное одноклассное начальное училище [36]

Открыто в 1873 году. В 1906 году преобразовано. В училище обучалось 64 мальчика. Имелось 2 собственных классных комнаты размером 11 х 10 х 4 ¾ и 11 ¾ х 9 ¾ х ¾ аршина.

С 1908 года Почетным Блюстителем этого училища состоял ***Клочан Василий Родионович***, казак. В 1910 году пожертвовал на нужды училища 15 рублей, за все годы пожертвовал 15 рублей. Наград по должности Почетного Блюстителя не получал.

На 1 января 1913 года в Красногорском станичном одноклассном мужском начальном училище преподавали:

Кучеров Никифор Васильевич, казак, не имеющий чина, заведующий училищем, он же учитель пения. Окончил Баталпашинское 6-классное городское училище. На службе учителем и на последнем месте состоял с 28 декабря 1898 года. С 1 по 25 августа 1901 года был на педагогических курсах в г. Екатеринодаре. Преподавал во 2 и 3 отделениях (30 мальчиков).

Кучерову Н.В. на 01.01.1913 было 38 лет, жене 28 лет, сыновьям 11 и 9 лет, дочерям 4 года и 1 год.

Богданов Григорий Михайлович, священник, законоучитель. Окончил Орловскую духовную семинарию. На службе законоучителем состоял с 1896 года, на последнем месте – с 1912 года. Преподавал Закон Божий во всех трех отделениях (63 мальчика).

Других сведений о Богданове Г.М. и его семье нет.

Теймуразов Леон Николаевич, почетный гражданин, армяно-григорианского вероисповедания, не имеющий чина, 2-й учитель. Окончил 2-годичные педагогические курсы при Баталпашинском 6-классном городском училище. На службе учителем и на последнем месте состоял с 25 сентября 1912 года. Преподавал в 1 отделении (34 мальчика).

Теймуразову Л.Н. на 01.01.1913 года было 20 лет. Холост.

Чертов Тихон Феоктистович, вахмистр, православный, инструктор. Окончил начальное училище. На службе инструктором состоял с 1 сентября 1909 года. Преподавал военную гимнастику в 1, 2 и 3 отделениях (64 мальчика).

Чертову Т.Ф. на 01.01.1913 был 31 год. Других сведений о нем и его семье нет.

Станица Преградная

Сведений о наличии при Покровской церкви станицы Преградной церковно-приходской школы и о количестве учеников в ней не имеется. Население станицы Преградной по состоянию на 1 января 1913 года составляло 1998 мужчин и 2016 женщин [37].

Преградное Алексеевское станичное двухклассное смешанное начальное училище [38]

Открыто в 1878 году как одноклассное училище. В 1905 году преобразовано в двухклассное училище. С 1906 года открыто школьное попечительство. В училище обучалось 114 мальчиков и 6 девочек. Имелось 3 собственных классных комнаты размером 15 х 10 х 5, 10 х 7 х 5 и 10 х 7 х 5 аршин.

С 1909 года Почетным Блюстителем училища состоял ***Черенкевич Федот Петрович***, урядник. Пожертвований на нужды училища не делал, наград по должности Почетного Блюстителя не получал.

На 1 января 1913 года в Преградном Алексеевском двухклассном смешанном начальном училище преподавали:

Никитин Петр Степанович, коллежский регистратор, сын диакона, заведующий училищем. Окончил Волчанскую учительскую семинарию. На службе учителем состоял с 1 ноября 1892 года, на последнем месте – с 1 сентября 1908 года. С 1 мая по 1 июня 1895 года был на сельскохозяйственных курсах при Харьковском земледельческом училище. Преподавал в 1 отделении (50 мальчиков) и 4 отделении (13 мальчиков и 1 девочка).

Никитину П.С. на 01.01.1913 было 40 лет, жене 33 лет, сыновьям 7 лет и 1 ¾ года.

Горыч Георгий Иванович, священник, черкес, законоучитель. Окончил Кавказскую духовную семинарию. На службе законоучителем состоял с 1884 года, на последнем месте – с 1905 года. Преподавал Закон Божий во всех 5 отделениях училища (110 мальчиков и 6 девочек).

Других сведений о Горыче Г.И. и его семье нет.

Державин Дмитрий Александрович, сын священника, не имеющий чина, 2-й учитель. Образование – 3 класса Симбирской духовной семинарии. На службе учителем состоял с 1 сентября 1908 года, на последнем месте – с 1 сентября 1911 года. Преподавал в 3 отделении (11 мальчиков и 5 девочек) и 5 отделении (4 мальчика).

Державину Д.А. на 01.01.1913 было 26 лет. Холост.

Середа Мария Афанасьевна, мещанка, 3-я учительница. Окончила 7 классов Лабинской женской гимназии. На службе учительницей и на последнем месте состояла с 1 октября 1912 года. Преподавала во 2 отделении (36 мальчиков).

Середа М.А. на 01.01.1913 был 21 год. Не замужем.

Коротоножкин Алексей Иванович, крестьянин, казак, учитель пения. Получил домашнее образование. На службе учителем состоял с 1 января 1908 года, на последнем месте с 1 мая 1912 года. Преподавал во всех 5 отделениях училища (110 мальчиков и 6 девочек).

Других сведений о Коротоножкине А.И. и его семье нет.

Курсенко Филипп Никитич, урядник, инструктор. Образование получил на военной службе. На службе инструктором и на последнем месте состоял с 1 мая 1912 года.

Других сведений о Курсенко Ф.Н. и его семье нет.

Преградное станичное одноклассное женское начальное училище [39]

Открыто в 1899 году. С 1908 года открыто школьное попечительство.

В училище обучалось 50 девочек. Имелась 1 собственная классная комната размером 9 х 11 х 4 аршина.

Почетной Блюстительницей с 1910 года состояла ***Горыч Вера Николаевна***, жена священника. На нужды училища пожертвовала 40 рублей и елку для учениц. По должности Почетного Блюстителя наград не имела.

На 1 января 1913 года в Преградном одноклассном женском начальном училище преподавали:

Никитина Мария Дмитриевна, потомственная почетная гражданка, заведующая училищем, она же учительница рукоделия. Получила домашнее образование. На службе учительницей состояла с 10 октября 1895 года, на последнем месте – с 1 сентября 1908 года. Была на курсах: 1 раз – на

педагогических курсах и курсах пения с 22 августа по 22 сентября 1899 года в г. Градижске Кременчугского уезда Полтавской губернии; 2 раз — на курсах пения и рукоделия 20 июля по 20 августа в г. Полтаве. Преподавала в 1 отделении (31 девочка) и во 2 отделении (19 девочек).

Никитиной М.Д. на 01.01.1913 было 33 года, мужу 40 лет, сыновьям 7 лет и 1 ¾ года.

Горыч Георгий Иванович, священник, черкес, законоучитель. Окончил Кавказскую духовную семинарию. На службе законоучителем состоял с 1884 года, на последнем месте – с 1899 года. Преподавал Закон Божий во всех 2 отделениях училища (50 девочек).

Других сведений о Горыче Г.И. и его семье нет.

Станица Сторожевая

В станице Сторожевой при Николаевской церкви имелась одна церковно-приходская школа [40]. Сведений о количестве учеников нет. Население станицы Сторожевой по состоянию на 1 января 1913 года составляло 2626 мужчин и 2604 женщины [41].

Сторожевое двухклассное смешанное начальное училище [42]

Открыто в 1882 году как одноклассное училище. В 1905 году преобразовано в двухклассное. В училище обучалось 136 мальчиков и 15 девочек, имелось 4 собственных классных комнаты размером 12 х 9 х 6, 12 х 9 х 6, 12 х 9 х 6 и 11 х 9 х 6 аршин.

С 1912 года Почетным Блюстителем училища состоял ***Колесников Иосиф Кондратьевич***, казак. Пожертвований на нужды училища он не делал, наград по должности Почетного Блюстителя не получал.

На 1 января 1913 года в Сторожевом двухклассном смешанном начальном училище преподавали:

Колков Георгий Иванович, казак, не имеющий чина, заведующий училищем. Окончил 1-ю Кубанскую учительскую семинарию. На службе учителем состоял с 1 сентября 1903 года, на последнем месте – с 1 сентября 1908 года. 2 раза был на педагогических курсах (где и когда не указано). Преподавал в 3 отделении (26 мальчиков и 10 девочек).

Колкову Г.И. на 01.01.1913 было 30 лет, жене 28 лет, отцу 71 год, матери 71 год, сыновьям 7 лет и 3 года, дочери 5 лет.

Мамаев Александр Михайлович, священник, законоучитель. Окончил Ставропольскую духовную семинарию. На службе законоучителем состоял с 1 сентября 1906 года, на последнем месте – с 1 января 1912 года. Преподавал Закон Божий во всех 5 отделениях училища.

Других сведений о Мамаеве А.М. и его семье нет.

Колесников Семен Иосифович, казак, не имеющий чина, 2-й учитель. Окончил Баталпашинское 6-классное городское училище. На службе учителем и на последнем месте состоял с 1 сентября 1904 года. 1 раз был на педагогических курсах (где и когда не указано). Преподавал в 4 и 5 отделениях (18 мальчиков и 5 девочек).

Колесникову С.И. на 01.01.1913 было 25 лет, отцу 56 лет, матери 56 лет.

Колкова Евгения Никандровна, казачка, 3-я учительница. Окончила Ставропольскую Ольгинскую гимназию. На службе учительницей состояла с 1 ноября 1904 года, на последнем месте – с 1 октября 1912 года. Преподавала в 1 отделении (44 мальчика).

Супруга Г.И. Колкова (см. выше).

Смирнов Стефан Павлович, казак, русский, православный, учитель пения. Окончил Баталпашинское 6-классное городское училище. На службе учителем и на последнем месте состояла с 1 марта 1911 года. Преподавал во 2 отделении (48 мальчиков).

Смирнову С.П. на 01.01.1913 было 21 год. Холост.

Гурин Василий Яковлевич, казак, инструктор военной гимнастики.

Других сведений о Гурине В.Я. и его семье нет.

Сторожевое одноклассное мужское начальное училище [43]

Открыто в 1912 году.

В училище обучался 21 мальчик. Имелась 1 наемная классная комната размером 20 х 9 х 6 аршин.

Печетного Блюстителя не было.

На 1 января 1913 года в Сторожевом одноклассном мужском начальном училище преподавали:

Умелев Георгий Гаврилович, русский, православный, не имеющий чина,

заведующий училищем. Окончил Баталпашинское 6-классное городское училище. На службе учителем состоял с 15 сентября 1910 года, на последнем месте – с 1 октября 1910 года. Преподавал в 1 отделении (21 мальчик).

Умелеву Г.Г. на 01.01.1913 было 22 года. Холост.

Мамаев Александр Михайлович, священник, законоучитель. Окончил Ставропольскую духовную семинарию. На службе законоучителем состоял с 1 сентября 1906 года, на последнем месте – с 1 октября 1912 года. Преподавал Закон Божий 1 отделении училища (21 мальчик).

Других сведений о Мамаеве А.М. и его семье нет.

Гурин Василий Яковлевич, казак, инструктор военной гимнастики. На службе инструктором состоял с 1911 года, на последнем месте – с 1912 года.

Других сведений о Гурине В.Я. и его семье нет.

Сторожевое одноклассное женское начальное училище [44]

Открыто в 1895 году. В 1905 году открыто школьное попечительство.

В училище обучалось 49 девочек, имелась 1 собственная классная комната размером 15 ½ х 9 ½ аршина (высота классной комнаты не указана).

Почетным Блюстителем училища состоял ***Бородин Александр Иванович***, подъесаул 2-го Хоперского полка. В 1912 году он пожертвовал на нужды училища 25 рублей и паевой надел земли. Наград по должности Почетного Блюстителя не получал.

На 1 января 1913 года в Сторожевом одноклассном женском начальном училище преподавали:

Бруснева Нина Гавриловна, дворянка, заведующая училищем. Окончила Кубанский Мариинский институт. На службе учительницей и на последнем месте состояла с 1 октября 1912 года. В 1908 и 1912 годах была на сельскохозяйственных курсах в г. Анапе. Преподавала в 1 и 2 отделениях (46 девочек).

Брусневой Н.Г. на 01.01.1913 был 21 год, мужу 44 года, дочери 2 года, сыну 6 лет.

Мамаев Александр Михайлович, священник, законоучитель. Окончил Ставропольскую духовную семинарию. На службе законоучителем состоял с 1 сентября 1906 года, на последнем месте – с 1 сентября 1912 года. Преподавал Закон Божий 1 и 2 отделения училища (46 девочек).

Других сведений о Мамаеве А.М. и его семье нет.

Станица Усть-Джегутинская

В станице Усть-Джегутинской при Михаило-Архангельской церкви имелась одна церковно-приходская школа, помещавшаяся «в собственном удобном здании, рассчитанном на 100 учеников» [45]. В церковно-приходской школе по состоянию на 1 января 1913 года обучалось 70 мальчиков и 16 девочек. Население станицы Усть-Джегутинской составляло 3466 мужчин и 2094 женщины (так в документе – С.С.) [46].

Усть-Джегутинское двухклассное смешанное начальное училище [47]

Открыто в 1875 году как одноклассное училище. В 1906 году преобразовано в двухклассное.

С 1890 года открыто школьное попечительство.

В училище обучалось 122 мальчика и 8 девочек, имелось 3 собственных классных комнаты размером 12 х 12 х 5 аршин каждая.

С 1906 года Почетным Блюстителем училища состоял ***Бочаров Григорий Антонович***, урядник. Пожертвований на нужды училища он не делал, наград по должности Почетного Блюстителя не получал.

На 1 января 1913 года в Усть-Джегутинском двухклассном смешанном начальном училище преподавали:

Залозный Георгий Петрович, казак, не имеющий чина, заведующий училищем. Окончил Баталпашинское 6-классное городское училище и педагогический класс при нем. На службе учителем состоял с 1907 года, на последнем месте – с 1911 года. 3 раза был на педагогических курсах в г. Анапе (годы не указаны). Преподавал во 2 и 5 отделениях (56 мальчиков).

Залозный Г.П. на 01.01.1913 был холост. Других сведений о нем и его семье нет.

Голубинский Виктор Георгиевич, священник, законоучитель. Окончил Ставропольскую духовную семинарию. На службе законоучителем и на последнем месте состоял с 1906 года. Преподавал Закон Божий во всех 5 отделениях училища (114 мальчиков и 8 девочек).

Других сведений о Голубинском В.Г. и его семье нет.

Рябых Кирилл Борисович, казак, не имеющий чина, 2-й учитель. Окончил Баталпашинское 6-классное городское училище и педагогический класс при нем. На службе учителем состоял с 1907 года, на последнем месте – с 1911 года. Преподавал в 3 и 4 отделениях (32 мальчика и 8 девочек).

Рябых К.Б. на 01.01.1913 было 27 лет, жене 24 года, сыновьям 3, 2 и 1 год.

Рыбка Матвей Степанович, казак, не имеющий чина, 3-й учитель. Окончил 1-ю Кубанскую учительскую семинарию. На службе учителем и на последнем месте состоял с 1911 года. Преподавал в 1 отделении (34 мальчика).

Других сведений о Рыбке М.С. и его семье нет.

Лисицын Дмитрий Михайлович, вахмистр, учитель пения. Образование получил в хоре 2-го Хоперского полка. На службе учителем и на последнем месте состоял с 1907 года. Преподавал в 1-5 отделениях (122 мальчика, 8 девочек).

Других сведений о Лисицыне Д.М. и его семье нет.

Колесников Матвей Семенович, вахмистр, инструктор военной гимнастики. На службе инструктором и на последнем месте состоял с 1907 года. Преподавал в 1-5 отделениях (122 мальчика).

Других сведений о Колесникове М.С. и его семье нет.

Усть-Джегутинское одноклассное женское начальное училище [48]

Открыто в 1911 году. С 1912 года открыто школьное попечительство.

В училище обучалось 34 девочки. Имелась 1 наемная классная комната размером 11 х 6 ¾ х 3 ¾ аршина.

Почетного Блюстителя не было.

На 1 января 1913 года в Усть-Джегутинском одноклассном женском начальном училище преподавали:

Снопкова Мария Сергеевна, духовного сословия, православного вероисповедания, заведующая училищем. Окончила Екатеринодарское епархиальное училище. На службе учительницей состояла с 1911 года, на последнем месте – с 1912 года. Преподавала в 1 и 2 отделениях (34 девочки).

Других сведений о Снопковой М.С. и ее семье нет.

Голубинский Виктор Георгиевич, священник, законоучитель. Окончил Ставропольскую духовную семинарию. На службе законоучителем состоял с 1906 года, на последнем месте – с 1911 года. Преподавал Закон Божий 1 и 2 отделениях училища (34 девочки).

Других сведений о Голубинском В.Г. и его семье нет.

Здесь приведены далеко не полные сведения о школах и их преподавательском составе в казачьих станицах на территории нынешней Карачаево-Черкесской Республики в канун Первой мировой войны. Сделать «фотографию застывшего исторического момента» для такого динамичного и постоянно меняющегося процесса, как развитие народного образования на Кубани в начале XX века, – практически невозможно. Даже в течение одного учебного года изменения были значительны. Одни училища открывались, другие преобразовывались, в школу приходили молодые учителя, учителя с большим педагогическим опытом получали новые назначения.

История – наука, призванная не только собирать, систематизировать и изучать исторические факты и сведения, но и сохранять память народную. Пока люди помнят о жизни и делах своих славных предков – надежны будут скрепы, соединяющие связь времен. Народ, помнящий и любящий свою историю – непобедим, ибо в одном строю стоят поколение нынешнее и поколения прошлые, давно ушедшие. И есть в этом строю место для грядущих, еще не родивших поколений. Человек, потерявший связь поколений, превращается в «ивана, не помнящего родства», в «материал» для самых ужасных исторических экспериментов.

Учитель в России – во все времена был человеком самоотверженного, подвижнического труда. Профессия учителя была не самой прибыльной, но одной из самых уважаемых в народе. На примере начальных училищ казачьих станиц Баталпашинского отдела мы видим, что служение школе было еще и важной семейной традицией. Так, в станице Баталпашинской преподавали супруги Туровы – Петр Игнатьевич и Евдокия Афанасьевна, в станице Кардоникской – супруги Борисенко – Николай Васильевич и Александра Ивановна. Дочери Почетного Блюстителя Зеленчукского одноклассного женского начального училища Гришая Петра Андреевича Ольга Петровна

и Евдокия Петровна Гришай были учительницами в станицах Зелечукской и Кардоникской, а сын Почетного Блюстителя Сторожевого двухклассного смешанного начального училища Иосифа Кондратьевича Колесникова Семен Иосифович Колесников служил в учительской должности в том же училище. Братья Дмитрий Иванович и Лука Иванович Харлановы были учителями в станицах Кардоникской и Исправной. В начальных училищах станицы Преградной Закон Божий преподавал священник Георгий Иванович Горыч, а его супруга Вера Николаевна состояла Почетной Блюстительницей Преградного станичного одноклассного женского начального училища. Впрочем, такие учительские семьи и даже целые учительские династии существовали во многих других населенных пунктах Кубанской области.

Сохранить память об учителях, законоучителях, инструкторах, Почетных Блюстителях станичных училищ является важной и благородной миссией историка. И если приведенные выше имена не останутся «пустым звуком», а найдут живой отклик в умах и сердцах кубанцев, то цель и задачи настоящего сообщения можно считать достигнутыми.

Примечания:

1. Полное собрание законов Российской Империи (далее – ПСЗ). Собр. 2. Т. 23 (1848). СПб., 1849. Ст. 22838.
2. Там же. § 11.
3. *Зажаев П.А.* Прошлое и настоящее кубанской начальной школы. Екатеринодар, 1907. С. 2.
4. Там же. С. 2.
5. Там же. С. 2–3.
6. ПСЗ. Собр. 2. Т. 45 (1870). СПб., 1874. Ст. 48937.
7. *Зажаев П.А.* Указ. соч. С. 3.
8. Там же. С. 12.
9. *Арканников Ф.* Краткий очерк развития народного образования в Кубанской области // Кубанские областные ведомости. 16 декабря 1878 г. № 49.
10. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 470. Оп. 2. Д. 707. Л. 66.
11. *Зажаев П.А.* Указ. соч. С. 17.
12. Кавказский календарь на 1913 год. Тифлис, 1913. С. 289.
13. Кубанский календарь на 1913 год. Екатеринодар, 1913. С. 214, 215.
14. ГАКК. Ф. 472. Оп. 1. Д. 16. Л. 6.
15. Там же. Л. 5–6 об.
16. Там же. Л. 7–8 об.
17. Там же. Л. 9–10 об.
18. Там же. Л. 11–12 об.
19. Там же. Л. 13–14 об.
20. Справочник по Ставропольской епархии / Сост. свящ. Н.Т. Михайлов. Екатеринодар, 1911. С. 321.
21. ГАКК. Ф. 472. Оп. 1. Д. 16. Л. 57.
22. Там же. Л. 56–57 об.
23. Там же. Л. 58–59 об.
24. Там же. Л. 60–61 об.
25. Там же. Л. 62–63 об.
26. Справочник по Ставропольской епархии / Сост. свящ. Н.Т. Михайлов. Екатеринодар, 1911. С. 321.
27. ГАКК. Ф. 472. Оп. 1. Д. 16. Л. 67.
28. Там же. Л. 66–67 об.
29. Справочник по Ставропольской епархии / Сост. свящ. Н.Т. Михайлов. Екатеринодар, 1911. С. 322.
30. ГАКК. Ф. 472. Оп. 1. Д. 16. Л. 79.
31. Там же. Л. 78–79 об.
32. Там же. Л. 80–81 об.
33. Там же. Л. 82–83 об.
34. Справочник по Ставропольской епархии / Сост. свящ. Н.Т. Михайлов. Екатеринодар, 1911. С. 322.
35. ГАКК. Ф. 472. Оп. 1. Д. 16. Л. 93.
36. Там же. Л. 92–93 об.
37. Там же. Л. 141.
38. Там же. Л. 140–141 об.
39. Там же. Л. 142–143 об.
40. Справочник по Ставропольской епархии / Сост. свящ. Н.Т. Михайлов. Екатеринодар, 1911. С. 325.
41. ГАКК. Ф. 472. Оп. 1. Д. 16. Л. 155.
42. Там же. Л. 154–155 об.
43. Там же. Л. 156–157 об.
44. Там же. Л. 158–159 об.
45. Справочник по Ставропольской епархии / Сост. свящ. Н.Т. Михайлов. Екатеринодар, 1911. С. 326.
46. ГАКК. Ф. 472. Оп. 1. Д. 16. Л. 183.
47. Там же. Л. 182–183 об.
48. Там же. Л. 184–185 об.

С.Н. Ктиторов

Немецкие адреса на карте Армавира: дом и аптека В.К. Вильде[1]

Зримым материальным свидетельством наличия в досоветском Армавире крупной и влиятельной немецкой общины являются сохранившиеся до наших дней дома и другие объекты, прежде принадлежавшие представителям этого народа. Так, по адресу ул. Кирова, 34-34а (лит. «А, Б, В») располагается любимая многими поколениями горожан аптека, владельцем который был видный местный предприниматель, провизор фармации Виктор Карлович Вильде фон Вильдеман.

Данный объект является частью ансамбля старинной застройки главной улицы Армавира – им. Кирова. Эта улица неоднократно меняла свое имя. С 1880-х гг. она называлась Большая, позже – Красная, с 1900-х гг. – Николаевский проспект, с 1917 г. – ул. Свободы, с 1922 г. – ул. Первомайская, с середины 1930-х гг. – ул. Кирова [1].

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Министерства образования, науки и молодежной политики Краснодарского края в рамках научного проекта № 16-11-23012 «Потенциал историко-культурного наследия народов Кубани как фактор укрепления и развития кросс-культурной коммуникации в региональном социуме».

В дореволюционный период аптека провизора В.К. Вильде имела адрес: Николаевский проспект, 30, с 1926 г. стала числиться по ул. Первомайской, 32 [2]. Границы планового участка, на котором расположено здание, с дореволюционного времени не изменились [3].

Фото 1: *Дом и аптека В.К. Вильде на Николаевском проспекте (фото прим. 1907 г.).*

Судя по сохранившейся дате на фасаде и по материалам архива армавирского филиала Государственного унитарного предприятия Краснодарского края «Крайтехин-вентаризация – краевое БТИ», здание аптеки было возведено в 1906 г. [4]. Вместе с тем, первый этаж аптеки был, скорее всего, построен раньше. Стилистика его фасада и кладка стен значительно отличаются от верхнего этажа.

По сведениям коренного армавирского старожила Р.К. Аракелова (1912–2001), первоначальными владельцами данного участка были коренные сельчане черкесогаи (черкесские армяне) братья Сеферовы. Впоследствии часть надела Сеферовых приобрел коренной житель Мосес Бабасинович Акубжанов. Якобы в 1894 г. он построил здесь дом и сдал его в аренду под аптеку провизору В.К. Вильде, который вскоре выкупил это владение [5].

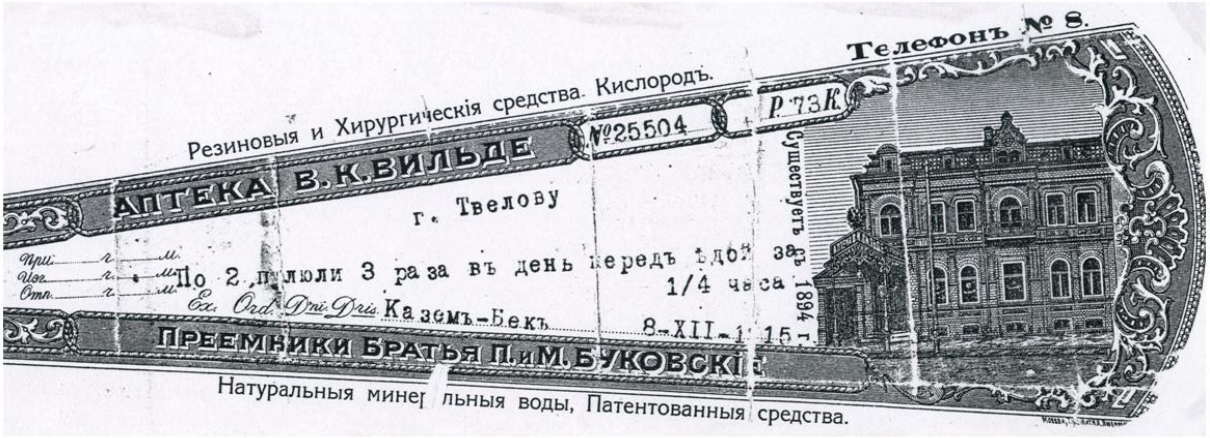


Фото 2*: Фирменная сигнатура аптеки В.К.Вильде (1915 г.).*

Первоисточники подтверждают дату появления указанного заведения, но о собственнике помещения дают другую информацию. Так, в газете «Северный Кавказ» провизор В.К. Вильде сообщал о том, что с января 1894 г. он открывает аптеку «на Красной ул., возле двухклассного Александровского училища, в доме К.Я. Каспарова» [6]. В фондах Армавирского краеведческого музея сохранилась фирменная сигнатура аптеки, на которой указано, что она основана в 1894 г.

Владелец аптеки провизор Виктор Карлович Вильде-фон-Вильдеман был известным предпринимателем и наиболее примечательной фигурой армавирской немецкой общины. Он происходил из остзейских немцев, родился в 1855 г. в г. Митаве Курляндской губернии [7], где окончил классическую гимназию [8]. В 1879 г. В.К.Вильде получил звание провизора фармации [9]. В 1880-х гг. он переселился на Кубань, в станицу Кавказскую, где в течение 10 лет содержал аптеку. В 1894 г. провизор обосновался в Армавире, открыв крупнейшую в селении аптеку, а позднее еще один склад медицинских товаров [10]. В начале XX века предприниматель стал главным совладельцем (в компании с Г.Б. Челидзе и В.И. Конкелем) самого большого в Кубанской области стекольного завода (сохранился до наших дней в конце ул.

Осипенко над береговым уступом к Кубани). Аналогичный завод коммерсанты открыли и в Екатеринодаре.

В.К. Вильде был достаточно богат и в меру сил занимался благотворительной и общественной деятельностью. Он являлся почетным блюстителем местного лютеранского училища, входил в Комитет армавирского Общества попечения о детях, исполнял должность члена правления 2-го Общества взаимного кредита [11].

В октябре 1899 г. В.К. Вильде начал выпускать первую в селении газету «Армавирский листок объявлений», являвшуюся в то время единственным сельским периодическим изданием в масштабах всего Кавказского края. Контора и редакция «Листка» находились при его аптеке. Газета выходила от 2-х до 7 раз в неделю и просуществовала до конца 1903 г. [12]. В.К. Вильде активно работал в Армавирском обществе попечения о детях, возглавляемом видным общественным деятелем (впоследствии депутатом I Государственной думы) В.И. Луниным. Просветительскую деятельность этой организации народная молва небезосновательно связывала с революционным движением, и поэтому Виктор Карлович в числе других видных «лунинцев» попал в составленные местными монархистами проскрипционные списки. 24 октября 1905 г. во время черносотенных погромов в селении стоявшие на смежных участках аптека и располагавшийся по соседству жилой дом В.К. Вильде были разграблены и сожжены. Сам хозяин заранее предусмотрительно выехал в ст. Прочноокопскую [13].

Позднее общий ущерб от погрома В.К. Вильде оценивал в 43 тыс. руб. [14]. Уже в 1906 г. жилой дом и аптека были полностью восстановлены. После завершения строительных и отделочных работ (вероятно, с использованием уцелевших капитальных стен 1-го этажа) на аттике здания появилась соответствующая дата: 1906.

19 марта 1919 г., несмотря на сложную социально-экономическую обстановку и уже преклонный возраст, В.К. Вильде в компании с местным промышленником Г.К. Давыдовым учредил «Акционерное общество армавирского крахмально-паточного завода» [15]. Однако окончательное утверждение в городе советской власти положило конец всем предпринимательским инициативам Виктора Карловича.

Провизор В.К. Вильде скончался в Армавире 8 марта 1925 г. в возрасте 70 лет. Интересно, что на момент смерти он проживал по ул. Набережной, 107 (ныне ул. Жукова, 145), на территории бывшего пивоваренного завода Г.Б. Челидзе, то есть квартировал у своего товарища и компаньона по стекольному заводу [16]. Уважаемый аптекарь и предприниматель упокоился на армавирском немецком кладбище. Сегодня от его могилы, как, впрочем, и от захоронений всех других местных лютеран, не осталось и следа.

Завершенное в 1906 г. новое двухэтажное здание аптеки В.К.Вильде стало одним из ярких образцов местной эклектичной архитектуры. Плоскость главного фасада постройки асимметрично раскрепована слабыми ризалитами, которые в уровне крыши увенчаны аттиками, опирающимися на мощный профилированный венчающий карниз. Левый аттик ступенчатый с лучковым фронтоном и прямоугольным окном, правый – более высокий, сложной криволинейной конфигурации с двумя арочными окнами. Между аттиками расположены ступенчатые тумбы с прямоугольными окнами. В уровне второго этажа ризалиты фланкированы спаренными колоннами, имитирующими композитный ордер. Декор второго этажа более легкий и ажурный по сравнению с первым. Использован прием чередования арочных и прямоугольных оконных проемов со скругленными углами, по уровням: над арочными окнами первого этажа – прямоугольные окна второго этажа и наоборот. В уровне первого этажа фасад раскрепован лопатками. Декоративное убранство фасада построено на сочетании элементов и композиционных приемов барокко и модерна.

На втором этаже здания с улицы имелся небольшой балкон с металлической решеткой. Над главным входом располагался вынесенный на всю ширину тротуара и опиравшийся на литые чугунные столбы металлический навес, на котором были закреплены фирменная вывеска: «Новая армавирская аптека Виктора Карловича Вильде» и государственный герб – двуглавый коронованный орел. Кроме двух основных, здание аптеки имело полуподвальный этаж и мансарду, в кровле которой были устроены маленькие круглые окошки-люкарны.

Со стороны двора к дому примыкала двухэтажная жилая пристройка (по современному генплану числится в качестве отдельных зданий под лит. «Б, В»). По данным инвентаризации 1928 г., корпус аптеки имел следующие строительно-технические параметры: стены и фундамент – кирпичные; полы деревянные: межэтажные перекрытия подвала – железобетонные, остальных этажей – деревянные; потолки деревянные; крыша железная; общая полезная площадь – 1217 кв. м; высота – 12,9 м; объем по наружным очертаниям – 3.034 куб. м. Справа, по границе смежного владения, был возведен кирпичный брандмауэр. Система отопления состояла из 8-ми голландских печей. В помещения были проведены водопровод, электричество и телефон [17]. Слева от аптеки при входе во двор имелась кирпичная арка с коваными металлическими воротами.

В дореволюционном Армавире аптека В.К. Вильде являлась самой большой. По данным за 1913 г., ей управлял поляк Мариан Викентьевич Буковский, штат служащих состоял из 3 помощников и 2 учеников. Годовой денежный оборот аптеки достигал 30 тыс. руб. [18].

К 1915 г. Виктор Карлович сдал аптеку в аренду местным полякам братьям Петру и Мариану Буковским. Само домовладение им было продано Петру Викентьевичу Буковскому [19].

По данным за 1917 г., по адресу Николаевский проспект, 30 (в жилой пристройке к аптеке) проживал и вел прием пациентов известный армавирский врач, один из руководителей местной организации эсеров А.А. Федоров, который в 1919 г. был избран депутатом городской думы [20]. Аптека В.К. Вильде действовала здесь вплоть до революции 1917 г.

Муниципализация здания состоялась по решению Главного управления коммунального хозяйства от 31 октября 1924 г. [21]. По договору от 1 октября 1927 г. Армавирский отдел коммунального хозяйства передал аптеку в аренду Аптекоуправлению и Здравотделу [22]. На первом этаже здания действовала аптека № 1, а в помещениях верхнего этажа и в дворовой пристройке проживали семьи служащих Горздравотдела.

Сведений о повреждениях здания в годы Великой Отечественной войны в документальных источниках не выявлено. Изменения в интерьере аптеки были связаны с перепланировкой внутренних помещений. В советское время был утрачен металлический навес на колоннах над главным входом. Разобрана также кирпичная арка в проезде во двор и сняты железные ворота. До наших дней не сохранились круглые окошки-люкарны на плоскостях мансардной кровли. По данным технического паспорта от 1975 г., на втором этаже здания еще имелся балкон, однако впоследствии его демонтировали.

Сегодня в историческом здании продолжает действовать аптека, которая принадлежит торговой сети «Апрель», остальные помещения, в том числе и дворовой корпус, находятся в пользовании Городской поликлиники № 1.

Слева, через проезд во двор к зданию аптеки примыкают жилые полутораэтажный и одноэтажный дома В.К. Вильде. Наибольший интерес в архитектурном отношении представляет высокий полутораэтажный особняк по ул. Кирова, 36-36а-38-38а (лит. «Б, Б1»). В дореволюционный период этот объект имел адрес: Николаевский проспект, 32, с середины 1920-х гг. стал числиться по ул. Первомайской, 34 [23]. Границы планового участка, на котором расположено здание, с дореволюционного времени не изменились [24].

Особняк В.К.Вильде был возведен в 1902 г. [25]. Он представляет собой прекрасный образец жилого дома начала XX века, сооруженного в кирпичном стиле в традициях эклектики с преобладанием элементов классицизма. Кирпичный Г-образный в плане одноэтажный объем здания с цокольным этажом увенчан ломаной мансардной крышей. Декорирован только главный фасад. Центральная часть фасада фланкирована слабовыраженными ризалитами, которые в уровне крыши акцентированы аттиками, разными по характеру. Ризалиты декорированы спаренными приставными колоннами удлиненных пропорций, поддерживающими стилизованный антаблемент. Левый прямоугольный аттик совмещен с треугольным фронтоном, правый – ступенчатой конфигурации с прямоугольным проемом. В центральной части оконные проемы имеют лучковые перемычки, в ризалитах – арочные. По первому этажу окна декорированы рядом сандриков,

опирающихся на приставные колонны, установленные на подоконный карниз. Простенки ризалитов в уровне цоколя рустованы. Высокая входная филенчатая дверь, расположенная в левом ризалите и входная дверь в цокольный этаж правого ризалита увенчаны ажурными коваными зонтами, на боковых кронштейнах которых закреплены чеканные фигурки сказочных дракончиков, что является типичным сюжетом орнаментаристики надкрылечных навесов Армавира того времени. Особняк имел мансардный этаж с маленькими круглыми люкарнами. С симметричной классической композицией фасада контрастировали два декоративных купола: шлемовидный и трапециевидный, которые располагались над боковыми ризалитами. Дворовые фасады решены без декора. Лестница, расположенная со стороны двора, ведущая на веранду второго этажа, имеет подлинное металлическое ограждение.

Данный объект изначально использовался в качестве жилого дома. Особняк состоял из трех уровней: полуподвального, первого и мансардного этажей, существовал небольшой погреб служебного назначения. Со стороны двора к дому примыкала двухэтажная жилая пристройка. По сведениям 1928 г., здание имело следующие строительно-технические параметры: стены и фундамент – кирпичные; полы деревянные: межэтажные перекрытия и потолки деревянные; крыша железная; общая полезная площадь – 607,2 кв. м; высота – 8,5 м; объем по наружным очертаниям – 1.428 куб. м. Система отопления состояла из 6-ти голландских печей. В помещения были проведены водопровод, электричество и телефон [26]. Слева от особняка при входе во двор были установлены кованые металлические ворота. Двор был замощен булыжником. Здесь имелся цветник, в центре которого располагался оцементированный декоративный бассейн с фонтаном [27].

Точных сведений о первоначальном владельце усадьбы и застройщике в источниках не выявлено. Самые ранние данные о принадлежности дома относятся к 1905 г. [28]. В это время хозяином здания был провизор В.К. Вильде. Вероятно, именно он и построил этот особняк на участке, приобретенном у одного из коренных армавирских жителей.

В октябре 1905 г. во время черносотенных погромов стоявшие на смежных участках аптека и дом В.К.Вильде были разграблены и сожжены. Пожаром была уничтожена также находившаяся в доме провизора квартира зубного врача А.Л. Козловской [29]. Уже в 1906 г. жилой дом и аптека были полностью восстановлены.

Кроме самого владельца, с указанным зданием были связаны и другие известные личности. В предреволюционные годы в особняке В.К.Вильде снимал квартиру первый городской голова Армавира Александр Александрович Колычев [30]. Этот человек являлся одним из крупнейших в России специалистов в области муниципального хозяйства и права. Он был автором многочисленных книг и статей по данной проблематике, изданных как в провинции, так и в столицах, в чем легко убедиться, ознакомившись с каталогами главных библиотек России. Одна из наиболее фундаментальных его работ, объемом свыше 1200 страниц – это: «Городовое положение и правительственные распоряжения по городским делам по март 1910 г.» (СПб., 1910). Родился А.А.Колычев в 1878 г. в г. Яренске Вологодской губернии, в семье чиновника. Там же он окончил начальное уездное училище и более никакого образования не имел. Известно, что Александр Александрович трудился на железной дороге, а потом служил в органах городского и земского самоуправления Яренска и Великого Устюга. С конца 1890-х гг. он стал регулярно публиковать труды по различным вопросам деятельности городского управления. В 1906 г. в Вологде стал издавать газету «Северная земля». С 1907 по 1910 г. исполнял обязанности секретаря Вологодской городской думы и управы. В 1911 он переехал на Кубань и до 1912 г. работал секретарем Майкопской городской думы. В 1913 г. А.А. Колычев был назначен на должность секретаря вновь созданной Ставропольской губернской земской управы, где провел все организационные мероприятия по открытию земских учреждений.

После преобразования Армавира в город образованная здесь комиссия по оценке недвижимых имений пригласила А.А. Колычева для разъяснения вопросов по введению городового положения. В Армавире Александр Александрович оказался в декабре 1914 г. и, видимо, настолько увлекся деятельностью по созданию муниципальных учреждений, что решил здесь

остаться. В 1915 г. он был избран гласным Армавирской думы и вскоре стал первым городским головой. На этом посту он пробыл до мая 1917 г., проделав за этот короткий срок поистине титаническую работу по становлению молодого городского самоуправления, развитию коммунального хозяйства и благоустройства. В годы гражданской войны А.А. Колычев трудился в «Особом отделе законодательных предположений по ведомству внутренних дел», образованном при председателе Кубанского краевого правительства. Здесь он занимался разработкой вопросов введения в крае земских учреждений [31].

27 ноября 1937 г. проживавший в Москве А.А. Колычев был арестован и обвинен в контрреволюционной деятельности. Тройкой при УНКВД СССР по Московской области 9 декабря того же года он был приговорен к высшей мере наказания и уже на следующий день расстрелян. Погребен первый городской голова Армавира на печально известном Бутовском полигоне в Ленинском районе Московской области [32].

По данным за 1917 г., в доме В.К. Вильде на Николаевском проспекте, 32 проживали также зубной врач П.Д. Михайлова, присяжный поверенный С.А. Михайлов, кандидат в депутаты Городской думы на выборах в июле 1917 г., член партии эсеров М.А. Михайлов и еще один претендент на место в думе социал-демократ А.Г. Галушкин [33].

По решению Главного управления коммунального хозяйства от 25 марта 1921 г. особняк был муниципализирован [34]. 22 октября 1922 г. Армавирский отдел коммунального хозяйства передал здание в аренду Союзу металлистов сроком на 6 лет, для размещения здесь членов союза [35]. Однако уже 30 октября 1924 г. Городской коммунальный отдел сдал дом в аренду жакту № 5 [36]. В городской собственности бывший особняк В.К. Вильде находился на протяжении всего советского периода, что подтверждалось постановлением СНК СССР от 17 декабря 1937 г. и решением Армавирского городского исполкома от 11 сентября 1947 г. [37]. Все это время здание использовалось в качестве жилья. Сведений о его повреждениях в годы Великой Отечественной войны в документальных источниках не выявлено.

Изменения в интерьере особняка были связаны с перепланировкой внутренних помещений. Были утрачены декоративные купола и круглые окошки-люкарны на боковых плоскостях мансардной кровли. К настоящему времени также не сохранились стоявшие на въезде во двор металлические ворота.

На основании федерального закона «О приватизации жилищного фонда в РСФСР» от 04.07.1991 г., с января 1992 г. жители здания начинают выкупать свои квартиры в индивидуальную собственность. В настоящее время все домовладение по адресу ул. Кирова, 36-36а-38-38а находится в долевой собственности целого ряда частных лиц.

Аптека и жилой дом Виктора Карловича Вильде имеют статус памятников архитектуры регионального значения, состоящих под охраной государства. Однако дальнейшая судьба этих интересных и ценных объектов историко-культурного наследия, в первую очередь, зависит от заботы и бережного отношения к ним самих армавирцев.

Примечания:

1. План селения Армавир Куб. обл. Издание – август 1912 г. // Армавирский краеведческий музей. ОФ. № 2822; Отклики Кавказа [Армавир]. 1917. № 58; Трудовой путь [Армавир]. 1922. № 46; *Ктиторов С.Н.* История Армавира: досоветский период (1839–1918 гг.). Армавир, 2002. Приложение 17.
2. Архив армавирского филиала Государственного унитарного предприятия Краснодарского края «Крайтехинвентаризация – краевое БТИ» (далее – Архив армавирского филиала БТИ). Довоенные фонды. Поквартальный журнал № 44. Подворная ведомость домовладения по ул. Первомайской № 32/30; Список абонентов Армавирской правительственной телефонной сети. 1917 год. Ставрополь, 1917. Паг. 2. С. 8.
3. План селения Армавир Кубанской области Лабинского отдела. Составлен по съемке, произведенной в 1911 году…// Архив управления архитектуры и градостроительства администрации г. Армавира. Инв. № 10.
4. Архив армавирского филиала БТИ. Довоенные фонды. Поквартальный журнал № 44. Подворная ведомость домовладения по ул. Первомайской № 32/30.
5. Материалы личного архива коренного армавирского старожила Р.К. Аракелова (1912– 2002 гг.).
6. Северный Кавказ [Ставрополь]. 1893. № 102.
7. Архив ЗАГС г. Армавира. 1925 г. Д. 171. Л. 198.
8. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 454. Оп. 2. Д. 5724. Л. 21 об.
9. Российский медицинский список на 1913 год. Списки врачей, ветеринарных врачей, фармацевтов и аптек по сведениям на 20 апреля 1913 г. СПб., 1913. Паг. 3. С. 177.
10. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 5724. Л. 4.
11. ГАКК. Ф. 472. Оп. 1. Д. 15. Л. 14 об.–15; *Ктиторов С.Н.* Вильде-фон-Вильдеман Виктор Карлович // Именитые граждане Армавира. Историко-биографический словарь. Армавир, 2000. С. 21, 22.
12. Армавирский листок объявлений [Армавир]. 1899. № 1; Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Адрес-календарь Российской империи. СПб., 1902. Паг 7. С.125; Энциклопе-

дический словарь. Издатели Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Доп. том. 1. СПб., 1905. С. 153.

13. ГАКК. Ф. 584. Оп. 1. Д. 199. Л. 267 об.; Кубанский край. Екатеринодар, 1911. № 210.

14. Отклики Кавказа [Армавир]. 1911. № 208.

15. ГАКК. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 78. Л. 11–15.

16. Архив ЗАГС г. Армавира. 1925 г. Д. 171. Л. 198.

17. Архив армавирского филиала БТИ. Довоенные фонды. Поквартальный журнал № 44. Подворная ведомость домовладения по ул. Первомайской № 32/30.

18. Российский медицинский список на 1913 год… Паг. 4. С. 55; Кубанский календарь на 1914 год. Екатеринодар, 1914. С. 398.

19. Список жителей гор. Армавира, промышленных предприятий и обществ, имеющих право участвовать в первоначальном избирательном собрании для выбора гласных Армавирской городской думы и кандидатов к ним. Армавир, 1915. С. 24.

20. Архивный отдел администрации г. Армавира. Ф. 17. Оп. 1. Д. 23. Л. 24; Список абонентов Армавирской правительственной телефонной сети. 1917 год. Ставрополь, 1917. Паг. 2. С. 11.

21. Архив армавирского филиала БТИ. Довоенные фонды. Поквартальный журнал № 44. Подворная ведомость домовладения по ул. Первомайской № 32/30.

22. Там же.

23. Архив армавирского филиала БТИ. Довоенные фонды. Поквартальный журнал № 44. Подворная ведомость домовладения по ул. Первомайской № 34/32.

24. План селения Армавир Кубанской области Лабинского отдела. Составлен по съемке, произведенной в 1911 году…// Архив управления архитектуры и градостроительства администрации г. Армавира. Инв. № 10.

25. Архив армавирского филиала БТИ. Довоенные фонды. Поквартальный журнал № 44. Подворная ведомость домовладения по ул. Первомайской № 34/32.

26. Там же.

27. Там же.

28. Отклики Кавказа [Армавир]. 1911. № 208; Кубанский край [Екатеринодар]. 1911. № 210.

29. Отклики Кавказа [Армавир]. 1911. № 208.

30. Список абонентов Армавирской правительственной телефонной сети. 1917 год. Ставрополь, 1917. Паг. 2. С. 10.

31. Отклики Кавказа [Армавир]. 1914. № 285; 1915. № 165; *Веселовские А. и А.* Вологжане-краеведы. Вологда, 1923. С. 47; *Ктиторов С.Н.* Колычев Александр Александрович // Именитые граждане Армавира. Историко-биографический словарь. Армавир, 2000. С. 29, 30.

32. Колычев Александр Александрович // http://www.sakharov-center.ru/asfcd/martirolog/?t=page&id=7951 (дата обращения: 29.07.2015 г.).

33. Архивный отдел администрации Армавира. Ф. 17. Оп. 1. Д. 13. Л. 1; Список абонентов Армавирской правительственной телефонной сети. 1917 год. Ставрополь, 1917. Паг. 2. С. 13,20.

34. Архив армавирского филиала БТИ. Современные фонды. Квартал № 44. Д. 953. I-44. Ул. Кирова № 36-36а-38-38а.

35. Там же. Довоенные фонды. Квартал № 44. Д. б.н. Ул. Первомайская (быв. Свободы) № 32.

36. Там же. Довоенные фонды. Поквартальный журнал № 44. Подворная ведомость домовладения по ул. Первомайской № 34/32.

37. Там же. Довоенные фонды. Квартал № 44. Д. б.н. Ул. Первомайская (быв. Свободы) № 32.

В.И. Казанков

У кого хлеб – у того власть

Большевистская традиция представлять себя в выгодном свете – стала отечественным «мейнстримом» в истории на долгие годы. Чего стоят одни только бесконечные рассказы коммунистов, что одной из задач системы «военного коммунизма» и её апогея – продразвёрстки была ликвидация так называемой хозяйственной «разрухи». Однако сегодня, с точки зрения строгой историчности, есть реальные основания полагать, что «разруха» на Кубани это далеко не результат Гражданской войны, а в большей степени итог политики сохранения власти в руках... большевиков, причём с первых дней её существования на Кубани. Попробуем разобраться в истинном положении дел с помощью документов, на примере отдельно взятой станицы – Бесскорбной.

Чтобы организовать тогда разруху на Кубани, большевикам нужно было сильно постараться. Напомним, Кубань в 1918–1920 гг. была главной базой экономических ресурсов для всей Добровольческой армии. Кубанская экономика до прихода большевиков находилась отнюдь не в катастрофическом положении, она показала свою жизнеспособность даже в экстремальных условиях Гражданской войны. Кубанскому правительству, проводимой им социально ориентированной политикой, удавалось избежать не только значительного ухудшения материального положения населения, но и в определенной мере нейтрализовать другие трудности. «…Состо-яние сельского хозяйства края говорило если не о прогрессе, то о стабильности. Так, при значительном сокращении посевных площадей урожай 1919 г. по общему сбору зерна был почти равен урожаю 1914 г., а урожайность зерновых не только не уменьшилась, но даже несколько возросла» [1]. По сведениям кубанского ведомства финансов, торговли и промышленности, урожай хлебов в 1919 г. составил: озимой пшеницы – 64,5 млн. пудов, яровой пшеницы – 32,2 млн, ржи – 2,6 млн, ячменя – 55,5 млн, кукурузы – 16,2 млн, овса – 8,1 млн, картофеля – 23,5 млн. [2]. «Из одного только урожая 1919 г. можно было вывезти 26,4 млн. пудов пшеницы, 22,9 млн. пудов ячменя, 8,7 млн. пудов кукурузы и 2,1 млн. пудов картофеля. А с учетом запасов, оставшихся от прошлых лет, Кубань располагала вывозным хлебом от 80 до 100 млн. пудов» [3]. «В крае продолжалось развитие кооперативного движения, объединившего в своих рядах более 780 тыс. членов (при 3-миллионном населении края). Почти 900 кредитных, ссудно-

сберегательных и потребительских учреждений имели оборот в сотни миллионов рублей. Несомненно одно – экономика края, ориентированная, прежде всего на сельскохозяйственное производство, показала свою жизнеспособность даже в экстремальных условиях гражданской войны» [4]. Какая же тут разруха?!

Во второй половине марта 20-го, пользуясь превосходством в численности и оснащении, большевики вернулись на Кубань. «Старая жизнь» закончилась в одно мгновенье, осталась в прошлом. Как покажут дальнейшие события, казачество напрочь вычеркивалось из списков союзников советской власти.

Изымать хлеб ударными темпами советская власть начала с первого дня своего существования, ещё до официального введения продразвёрстки. Тема хлеба сразу и прочно занимает центральное место в протоколах, сводках и докладах станичных ревкомов. К примеру, уже протокол № 2 заседания ревкома ст. Бесскорбной от 23 марта 1920 г., гласит: в связи «с настоящим требованием жизни по удовлетворению продовольственного вопроса проходящих советских войсковых частей…, с общего всех согласия <…> обложить всё казачье население внести в общественный магазин станицы, с каждого паевого надела: пшеницы озимой – 3 пуда, яровой – 7 пудов, кукурузы – 2 пуда, овса и ячменя по пять пудов» [5]. Фраза «обложить всё казачье население», лишний раз красноречиво подчёркивает истинное отношение советской власти к казачеству.

Огромная Красная армия, численность которой в 1920 г. достигла цифры 5300000 человек, требовала хлеба [6]. Так называемое «самоснабжение» Красной армии на деле представляло ничем не прикрытое массовое мародёрство [7]. Несмотря на грозные распоряжения Реввоенсовета фронта, областного ревкома, Главначснабпродарма и т.д., категорически запрещающие воинским частям производить самостоятельные заготовки, положение не менялось. «…Станица не отказывала ни в чём, что требовалось» [8] – только и успевал рапортовать ревком в Армавир.

Инициированные новой властью различные «учёты» основной целью имели выяснение наличия продовольственных запасов. Цифры в этих «учётах» можно вполне считать достоверными, так как «административное давление» вышестоящих ревкомов требовало правдоподобия в этом вопросе. Рассчитывалось даже, сколько одному «едоку» на год потребуется продуктов [9]. Между тем, при осуществлении продразверстки точного учета не велось и соответствия размера разверстки экономической мощности отдельного хозяйства на практике никогда не соблюдалось, отличалось произволом и случайностью в фактах изъятия хлеба у населения.

Первоначально, на общем сходе станицы, при ревкоме была избрана «комиссия по приёму хлеба» [10], практически полностью состоящая из казаков. Доверить такой важный вопрос, как продовольственный, новая власть «врагам пролетариата» естественно не могла. Политический просчёт быстро восстановили, вскоре «комиссию» заменили на более активные и творческие ревкомовские структуры – «продотдел» и «собес», набранные из надёжных, неотягощенных личной собственностью и моральными нормами классово близких товарищей. К лету 1920 г. под разными предлогами из состава ревкома были выдавлены все представители казачества.

Наделение «безземельных» граждан землёй в Бесскорбной, решили за счёт земель церковных, школьных и частновладельческих. Захватив вокруг Бесскорбной ближайшую землю, «безземельные», которых поначалу оказалось 420 человек, удовлетворились клочками по «десятине с четвертью» [11]. Земли не только хватило всем «нуждающимся», но и оказалось с избытком – «школьная и церковная, как находящееся на дальнем расстоянии от станицы, была сдана в распоряжение Земотдела хутора Грязнушенского». Помимо этого участок (выпаса для строевых коней), принадлежащий юрту Бесскорбной с 1908 года возле ст. Зассовской, также был передан ревкому этой станицы [12].

Земельный вопрос был одним из главных рычагов, с помощью которого большевизм завоевывал свой авторитет. Подогреваемые постановлением ВЦИК от 14 февраля 1919 г. («Положения о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию») на Кубань вслед за Красной армией буквально хлынули потоки мигрантов, костяк которых составляли безземельные

крестьяне, сражавшиеся на стороне большевиков. За две недели мая 1920 г. в Бесскорбной число таких безземельных, неимущих красноармейских семей, увеличилось практически в три раза, с 420 до 1211 семей [13]. Подтверждением этого служит ревкомовский «учёт», внимательное рассмотрение которого обнаруживает более чем двойную диспропорцию у не имеющего оседлости пришлого населения в сторону женской части: 3544 (1112 муж + 2432 женщ.) [14]. Этот факт красноречиво говорит о том, что мужья, братья, и дети большинства этих женщин на тот момент находились (проходили службу) в Красной армии или же других большевистских структурах.

По меньшей мере, странно, что сражавшимся за землю «безземельным гражданам» вдруг почему-то хватило по одной с четвертью десятины! Земля была одной из причин Гражданской войны, а земельный вопрос был одним из главных рычагов, с помощью которого большевизм завоёвывал свой авторитет. Накануне революции её катастрофически не хватало всем. Средний размер казачьего надела в Лабинском отделе на 1913 год составлял 8,65 дес. [15], и считался недостаточным. Поэтому есть все основания полагать, что у наводнивших станицу означенных граждан в сознании не земля была на первом месте. Эффективными собственниками они явно быть не стремились, захваченная ими земля практически не обрабатывалась. Причин этому много, но понятно и другое: тяжелые полевые работы в поте лица резко противоречили воспитываемому и подогреваемому большевизмом чувству социальной привилегированности. Став основной опорой советской власти в станице, «безземельные граждане» лучше всего усвоили, что кратчайший путь в светлое будущее лежит за счет перераспределения излишков, причём не важно, это десятина земли, или зубная щётка.

Богатая Кубань воспринималась большевиками как завоёванная территория. Победа всегда подразумевает право на трофеи. Взять себе чужое стало обычным делом. Грабили все, что попадалось под руку, грабили все, что могли унести с собой, начиная от столовой посуды, скота, строевой лошади, кончая носками и трусами.

Коммунистический режим в лице ревкома относился к грабежам населения поощрительно-нейтрально, временами разыгрывая спектакли на тему революционной законности. Однако в массивах бесстрастной ревкомовской писанины нет даже намека на осуждение мародёрства своих сторонников. К примеру, Ревком Бесскорбной предлагал законным владельцам договариваться о возврате имущества с мародёрами… «по добровольному согласию» [16]!

Сохранились пронзительные документы того времени – отчаянные обращения граждан в надежде получить защиту у власти от самой власти. Но, диалог населения с советской властью с помощью таких правовых средств, как письменные обращения явно не получался по глухоте последней. «Письма жителей» позволяют совершенно определенно утверждать, что областное и отдельское руководство вполне располагало информацией о сложившейся ситуации в станицах, поведении станичных ревкомов, комячеек и воинских частей. Реакция отдельских властей в основном сводилась к словесным увещеваниям, эффективность которых была практически нулевой. Примечательна резолюция в одном из обращений, наложенная отдельским ревкомом – «Предревкома вызвать для переговоров» [17]! Пожурить, что ли?

Документы подобного рода уникальны. Это непосредственные и неподкупные свидетели той ушедшей кровавой эпохи. Они подлинны, как люди, написавшие их. Читая эти документы, трудно избавиться от ощущения, что всё это написано про бесстрашных и геройских бойцов революции, светлым образом которых коммунисты морочили голову не одному поколению.

Показательно, что все эти «борцы за светлое будущее» стремились непременно облачиться именно в казачью одежду. Казачья форма, которую казак снаряжал всегда сам, объявлялась новой властью «казённой», т. е. принадлежащей советскому государству и подлежала конфискации [18]. К примеру, так называемые «арматурные списки» выдачи одежды личному составу карательных команд сплошь пестрят казачьим обмундированием! Всё это не случайно, и имело определённый смысл. Форменная одежда – черкеска, бешмет, папаха – сакральные предметы для казачества, до октябрьского переворота употребление казачьей формы не казаками воспринималось как кощунство. Но ещё больше это было

социальным символом. Психология роскоши, богатства, и бедности вообще строится на символах. Красивая казачья одежда поднимала престиж, подчёркивала достаток, и подчёркнуто отличала от иногородних. Этой психологией искусно воспользовались большевики, внушая массам иллюзию социальной привилегированности. Теперь все наше, теперь и мы будем в папахах и черкесках ходить, в общем – «из грязи – в князи». Между тем в этой наивной, логически нелепой формуле один из ключей для уразумения социального существа большевизма и его господства над массами.

Изъятие продовольствия у коренного населения сопровождалось демонстративной «заботой» о питании населения пролетарского. «Другой по важности работой ревкома являлась работа по обеспечению пролетарского населения и семей красноармейцев всякими продуктами, распределением которых продотдел имеет право» [19] – постоянно подчёркивал ревком Бесскорбной в своих докладах. Большевики отлично понимали, что делали. Борьба за выживание у «пролетарского населения» автоматически становилась борьбой за советскую власть, как за основной источник еды.

Запасы зерна в Бесскорбной иссякли быстро, уже в «докладе» от 28 июня 1920 г. ревком фиксирует – «…реквизиция зерна и продуктов почти закончены, излишки исчерпаны»[20]. Однако новые «радетели земли кубанской» так не считали. Руководители Кубано-Черноморской парторганизации В.Н. Касаткин, М.И. Гольман, А.А. Галактионов требовали увеличить задания разверстки, «изъять из этой окраины хлеб и другие предметы» для укрепления советской власти. Они требовали блокировать станицы и расстреливать за невыполнение разверстки, приравнять середняка к кулаку, отнять земли зажиточного казачества и на них создать 200 совхозов с принудительным трудом [21].

Обращает на себя внимание, часто встречаемое в документах латинское слово – реквизиция. Так вот, в Бесскорбной никаких реквизиций не было! Был безудержный вооружённый грабеж и мародёрство под большевистским руководством. Реквизиция (requsitio) – это изъятие государством имущества у собственника с выплатой ему стоимости такого имущества [22]. Никаких выплат не было, предусматриваемая так называемая «оплата по твердым ценам» фактически являлась фикцией – т.е. прямой конфискацией, поскольку денежное обращение в результате финансовой политики большевиков не играло никакой роли. Советских денег не было. Госбанк, в котором большевики призывали держать деньги, был ликвидирован ещё в январе 1920 г., а в конце мая большевики «порадовали» всех кубанцев ещё объявлением о безвозмездном аннулировании денег, выпущенных белогвардейским правительством. Поэтому расписки без подписи и печати на клочках бумаги и обрывках газет, оставляемые казакам ревкомом, военными агентами и разными «продотрядами» были всего лишь клочками и обрывками газет. Обещания большевиков поставлять промышленные товары и сельхозинвентарь также были не более чем пустой декларацией. К примеру, новая власть обещала казакам Бесскорбной взамен на продовольствие даже трактора [23]! Какие трактора в 20-м году, советского тракторостроения в то время даже на бумаге не было?! Обеспечить каждого крестьянина трактором в 20-м невозможно, точно так же как сразу после 7 ноября 1917 г. запустить Гагарина в космос! Кроме жалоб, в архивных документах не найдено ни одного упоминания о снабжении казачьего населения обещанными промышленными изделиями.

«Не хлебом единым», конечно же, ограничивалась продразвёрстка. 1920 год богат на декреты и постановления, непосредственно убивавших казачье хозяйство. 2 марта вышли Декреты об обязательной поставке яиц и коровьего масла. Декрет 23 марта предусматривал обязательную поставку скота на мясо. 15 апреля вышел Декрет СНК РСФСР «Об обязательной покупке лошадей» [24]. Декреты лета-осени 1920 г. предусматривали обязательные поставки домашней птицы, меда, сена и соломы. К этому же времени относятся и дополнительные натуральные повинности: два постановления Совета Труда и Обороны о принудительном сборе кожаного обмундирования и шинелей у населения. Летом, 7 июля, вышло Постановление СНК РСФСР «Об учете мешков и воспрещении торговли ими» [25]. Почти все декреты содержали перечень наказаний за их невыполнение.

Обременительной и тяжёлой натуральной повинностью казаков и крестьян

стала трудовая и гужевая повинность, введенная постановлением Совета Труда и Обороны от 19 ноября 1919 г. [26]. Уклонение от трудовой повинности приравнивалось к дезертирству, а неучастие в гужевых перевозках каралось конфискацией скота и перевозочных средств. Казак или крестьянин теперь не мог располагать ни своим временем, ни своей лошадью, ни своей телегой.

Ревкомы, продкомитеты, Красная армия фактически парализовали и сорвали сложившийся ход сельскохозяйственных работ. Продовольствие, изымаемое по продразвёрстке, требовало как огромного количества перевозочных средств, так и рабочей силы. Тяжкое бремя принудительной гужевой повинности особенно остро проявилось в разгар полевых работ. Страда в Бесскорбной затягивалась, «громадное количество необмолоченных токов» в ноябре оставалось ещё в степи [27]. Однако, у «продотдела» ревкома Бесскорбной были совсем другие задачи, самой важной из которых была «работа по выполнению государственной продовольственной развёрстки», а не затянувшаяся уборка. Именно так сказано в докладе станичного ревкома от 12 ноября 1920 года [28]. Большая часть подвод обеспечивала развёрстку, а не уборку. С ноября 1920 г., после разгрома Врангеля, сбор продразверстки активизируется. К каждой молотилке были приставлены члены комиссии «по обмолоту», а целая «армия» квартальных и различных «уполномоченных», скрупулезно следила, чтобы хлеб с токов прямиком, минуя казачьи амбары, направлялся на ссыпные пункты Армавира. Далее красноречиво сообщается, что в день составления этого доклада – 12 ноября – в Армавир отправлено 1054 пуд. зерновых хлебов, что составляет в несколько раз больше той цифры которое была вывезена в последних числах октября.

Активность ревкомов вполне объяснима – циркуляр Продовольственного отдела Кубани, вышедший 1 августа 1920 года, гласил: «…станицам, не выполнившим разверстку, будет объявлена товарная блокада, и разверстка будет выполнена при помощи реальной силы… К станицам, не выполнившим разверстку к указанному сроку, будут применены репрессивные меры, а ревкомы этих станиц будут преданы суду» [29]. Всё предельно просто: вдруг получившие власть казнить и миловать, тоже были люди, отрабатывали своё, и очень сильно хотели жить.

В сферу внимания новой власти сразу попали все производственные предприятия станицы – кузницы, мастерские, мельницы. Пользуясь условиями военного положения и «правом революции», ревком начал осуществлять «реквизицию» этих предприятий. Первыми из восьми действующих мельниц Бесскорбной, пострадали «контрреволюционные» [30] – Яценко Стефана Кузьмича (последний действующий атаман, и к тому же родной брат знаменитого Степана Кузьмича Яценко), Семенихина Захария Ивановича (сын – белогвардейский полковник), Конарёва Харитона Васильевича (сын ушёл к бело-зелёным). Вероятно, это было самодеятельностью местного Ревкома, постановление ВСНХ «О национализации мелких предприятий», узаконивающее грабеж населения руками представителей власти, выйдет только 29 ноября 1920 г. Став «народными» мельницы теперь должны кропотливо трудиться на широкие массы трудящихся. А с этим как-то не очень получалось. Полноценно «зажить новой жизнью» скорее всего, мешало не «отсутствие смазочных и горючих материалов» [31], как докладывал ревком в вышестоящие инстанции, а квалификация и усердие новых хозяев. Не удавалось привести в чувства и экспроприированные кузницы, для их бесперебойной работы, как обнаружил ревком, оказывается, нужен был «курной уголь» который нужно было ещё привезти из Армавира!

Пострадала от большевиков и кредитная кооперация. В Бесскорбной, как и везде на Кубани, имелось Общество взаимного кредита (ОВК), и Общество потребителей. Их судьба складывалась в соответствии с реализацией декрета «Об объединении всех видов кооперативных организаций», изданным большевиками 27 января 1920 г. [32]. Проведение в жизнь данного декрета гибельно отразилось как на судьбе этих организаций так и на экономической жизни станицы, и без того потрясенной последствиями Гражданской войны.

К чему привели полгода воплощения в жизнь безалаберного коммунистического проекта в Бесскорбной, можно узнать из донесений и протоколов самого ревкома. Цифры говорят сами за себя, главным и весьма печальным выводом из этой таблицы является факт уменьшения количества с/х

животных, транспорта и сельхозинвентаря.

	28.05.1920 г. [33]	01.11.1920 г. [34]
Лошади рабочие	1922	600
Коров дойных	1375	600
Коров гулевых	1009	300
Свиней взросл.	2644	1000
Повозки, телеги	1044	300
Плуги	475	400
Букарей	371	300
Борон	748	700

Казаки были обречены на борьбу с большевиками. Продразверстка, злоупотребление и несправедливости в проведении земельной реформы, запрещение свободной торговли способствовали формированию широкого протестного движения против советского политического режима. Повстанческое движение казаков летом-осенью 1920 г. захлестнуло почти всю Кубань. Взволновался сам Ленин: «Если мы получим восстание на Кубани, вся наша политика крахнет. Надо во что бы то ни стало не допустить восстания, не пожалеть на это людей и сил....» [35].

И сил не пожалели. Огромная махина красного государства со всей военной силой планомерно, со звериной жестокостью ударила по восставшим казакам. Общее количество бойцов и командиров регулярных красноармейских частей и иррегулярных формирований, принявших участие в подавлении восстания, многократно превосходило число восставших, и достигало численности целой армии. Восстания подавлялись с беспощадной сознательной жестокостью. Комплекс мер, направленных на «умиротворение» мятежных станиц включал в себя самые кровавые средства уничтожения противника: применение авиации и артиллерии против станиц, массовые показательные расстрелы, взятие заложников, сожжение целых станиц, покрытие территории концентрационными лагерями и многое другое. Бесскорбенский ревком в своём Приказе № 1 от 23 июля 1920 г. на грозил казакам «стереть станицу до основания» [36]. Дорогую цену заплатили казаки, кроме огромных людских потерь, экономические оказались просто катастрофическими для казачьих хозяйств.

В дополнительной инструкции к Постановлению № 324 от 3 сентября 1920 г. [37]. Согласно этой душегубской бумаге члены семейств, ушедших к бело-зелёным, арестовывались и заключались в концентрационные лагеря, а их имущество немедленно конфисковывалось. В типичной «анкете ежемесячного учёта по работе ревкома ст. Бесскорбной с 15 октября по 1 ноября 1920 года» на вопрос – «…имеются ли учёт бежавшим в белые и бело-зелёные и сколько их?», приведена конкретная цифра – «…457 человек» [38].

Получается, 457 семей было разорено в Бесскорбной согласно только этой одной инструкции. Семьи у казаков были не маленькими, самое малое – пять человек, а могло быть и пятнадцать. Сколько погубленных судеб и жизней получится, подсчитать не сложно. Получится не менее ДВУХ ТЫСЯЧ… А если всё это помножить на сотни кубанских станиц и тысячи хуторов, впору говорить о геноциде.

Бедственное положение, образовавшееся в результате действий новой власти, большевистское руководство рекомендовало списывать на своих военных и политических противников. Цель большевиков не только показать «характерные черты» своих врагов и снять с себя ответственность за провалы, самое главное – поддержать в сознании масс миф о правильности большевистской экономической и социальной политики.

Так, в докладе бесскорбенского ревкома, отправленном в Армавир от 21 августа 1920 г. сообщается, что «в станице бандой ничего не взято» [39], но уже в докладе от 23 октября подчёркивается: «при вступлении ген. Хвостикова много скота как коров и лошадей уведено» [40]! Подобные «факты» явно противоречат реальности. Несомненно, какая-то определённая часть лошадей не только могла оказаться, но и оказалась в руках повстанцев. Однако следует учитывать, что тактика повстанческо-партизанской войны в качестве преимущества всегда основывалась на непрерывном движении, и по возможности скрытном маневрировании. Кто-нибудь слышал про кавалерийские рейды на телегах, со стадами ревущих коров и овец?! Тылы у повстанцев были в станицах!

Сегодня мало кому известно, что в самый разгар летних сельскохозяйственных работ, 5 июля 1920 г. приказом полевого штаба Республики предлагалось Реввоенсовету Кавказского фронта срочно провести на Северном Кавказе и на Кубани мобилизацию лошадей и подвод для вывоза угля из

Донбасса [41]. «Мобилизация» прерывалась лишь на небольшой промежуток, когда шли бои с повстанцами генерала Фостикова, в оперсводке военного военкома Лабинского отдела в штаб СКВО от 30 августа 1920 г. сообщается: «…ввиду боёв под станицей Бесскорбной, мобилизация лошадей приостановлена» [42]. Если прибавить к «мобилизованным» лошадям ещё конфискованных Красной армией, загнанных по пути на ссыпные пункты и просто украденных «пролетариями» лошадей, то получим исчерпывающее объяснение, почему количество лошадей в Бесскорбной за полгода уменьшилось более чем на две трети, с 1922 до 600 голов. То же самое и с подводами, число которых в станице уменьшилось также почему-то на две трети, прямо пропорционально лошадям!

Направления политики по выколачиванию продовольствия определял лично В. И. Ленин. В телеграмме уполномоченному Наркомпрода на Северном Кавказе М. И. Фрумкину Ленин собственноручно возложил обязательство «путем решительных действий» и «героических мер» обеспечить «…ежемесячный вывоз шести миллионов пудов хлеба, включая семенной» [43]. Большевики не скрывали своего восторга, большевистский функционер Наркомпрода А.И. Свидерский в июне 1920 г. заявил на всероссийском совещании работников своего наркомата: «...Мы одержали величайшую победу... Получить от крестьянина на бумажки, ничего не стоящие, на которые ничего нельзя купить, не давши крестьянину, в особенности в течение последнего года, почти ни одного аршина ситца, никакого товара, взять почти даром все 200 миллионов пудов хлеба — это значит найти путь к крестьянскому сознанию» [44]!

Большевистская продовольственная политика и связанная с ней социально-политическая практика – была не только главнейшим ресурсом, питавшим советский бюджет во время Гражданской войны, но и главным гарантом сохранения власти в руках большевиков. Взять власть – это полдела, главное – эту власть удержать. У кого хлеб – у того власть. Ещё до октябрьского переворота Ленин проговорился и доходчиво всем объяснил, чтобы добиться рабской покорности своей власти, коммунисты планируют морить население России голодом: «…Это средство контроля и принуждения к труду посильнее законов конвента и его гильотины. Гильотина только запугивала, только сламывала активное сопротивление. Нам этого мало» [45]. Страшные масштабы предстоящего голода не пугали большевиков, по-настоящему их страшила только возможность потери власти.

Итог продразвёрстки печален. Разрушительные изъятия хлеба обернулись срывом посевной кампании. Мрачным показателем служит то, что на 31 октября засеяно озимых всего лишь скромных 1500 десятин из 19220 десятин, которыми тогда располагала Бесскорбная [46]. Неизбежные результаты проявились и на следующий год, в 1921 г. посевная площадь Армавирского округа (бывший Лабинский отдел) уменьшилась на 48% от посевной площади 1916 года [47]. Кубань – крупнейший зерновой регион мира, впервые оказался на пороге реального голода. Скоро так и случится.

Изучая архивные документы автору этих строк посчастливилось найти данные на своего прадеда, казака ст. Косякинской, того же Лабинского отдела, что и Бесскорбная. Текст на обрывке бумаги, составленный 5 октября 1920 г. уполномоченным 6-го района Лабпрокома неким Фёдором Мазиловым повествует, что наряд государственной развёрстки на «нужды» Красной армии гражданином Дмитрием Казанковым сдан добровольно: рогатого скота – 3 шт., мёду пчелиного – 6 пуд. 17 фунт., масла – 4 фунт., зерна – 90 пудов [48]. Второй документ на имя прадеда говорит о том, что большевиками для казачьего населения была установлена коллективная ответственность – круговая порука. Каждого казака ревком наделял «удостоверениями», подписанными родственниками и ближайшими соседями, «что он советскую власть принял добровольно, в организациях и выступлениях участия не принимал…» [49]. Семейные хроники не припоминают никакой «добровольности», а вот то, что многочисленные «наряды» выметали всё подчистую, в семейной памяти отложилось прекрасно.

Примечания:

1. *Зайцев А.А.* Кубанское краевое правительство в годы революции и Гражданской войны на Кубани в 1917–1920гг. http://www.slavakubani.ru/land-management/system-of-controls / detail.php?ID=2326&page=1.

2. Три года революции и гражданской войны на Кубани. Париж, 1963. Т. 2. С. 64–65.

3. *Покровский Г.* Деникинщина: Год политики и эконо-

мики на Кубани (1918–1919 гг.). Берлин, 1923. С. 198–200.
4. *Зайцев А.А.* Кубанское краевое правительство в годы революции и Гражданской войны на Кубани в 1917–1920 гг. http://www.slavakubani.ru/land-management/system-of-controls / detail.php?ID=2326&page=1.
5. Архивный отдел муниципального образования город Армавир (далее – АОАА) Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 265. Л. 76.
6. *Какурин Н.* Стратегический очерк гражданской войны // Военная история гражданской войны в России 1918–1920 гг. М.: Евролинц, 2004. С. 90.
7. *Генис В.Л.* Первая Конная армия: за кулисами славы // ВИ. 1994. № 12. С. 68.
8. АОАА. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 265. Л. 111.
9. Там же. Л. 8.
10. Там же. Л. 76.
11. Там же. Л. 9.
12. Там же.
13. Там же. Л. 25.
14. Там же. Л. 56.
15. Отчет о состоянии Кубанской области за 1913 г. с 19-ю таблицами Т. 20. Екатеринодар, 1912. Паг. 2. С. 23.
16. АОАА. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 265. Л. 26.
17. Там же. Л. 58.
18. АОАА. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 115. Л. 40.
19. АОАА. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 265. Л. 139.
20. Там же. Л. 53.
21. См.: http://webcache.googleusercontent.com/search?q =cache:ORFaRINhEBgJ:ritratt.ru/kubs/deka71.html+&cd=1&hl =ru&ct=clnk&gl=ru.
22. https://ru.wikipedia.org/wiki/Реквизиция.
23. АОАА. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 265. Л. 23.
24. Сборники советских документов по хронологии с 1917 г. по 1992 г. См.: http://www.ussrdoc.narod.ru/.
25. Там же.
26. http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;ba se=ESU;n=17439.
27. АОАА. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 265. Л. 139.
28. Там же.
29. ГАКК. Ф. Р-639. Оп. 1. Д. 1. Л. 37.
30. АОАА. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 265. Л. 34.
31. Там же. Л. 41.
32. http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;ba se=ESU;n=17735.
33. АОАА. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 265. Л. 23.
34. Там же. Л. 130.
35. *Ленин В.И.* ПСС. Т. 51. С. 271.
36. АОАА. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 265. Л. 67.
37. Там же. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 119. Л. 107.
38. Там же. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 265. Л. 129.
39. Там же. Л.70.
40. Там же. Л. 34.
41. *Ленин В.И.* ПСС. Т. 51. С. 305.
42. АОАА. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 115. Л. 80.
43. *Ленин В.И.* Там же.
44. РЦХИДНИ Ф. 17. Оп. 5. Д. 35. Л. 123.
45. *Ленин В.И.* ПСС. Т. 34. С. 310.
46. АОАА. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 265. Л. 130.
47. Общий экономический обзор Армавирского округа и хозяйственные его перспективы на 1925–1926 гг. (Частная коллекция).
48. АОАА. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 265. Л. 53.
49. Там же. Л. 52.

Х.А. Хабекирова

Культурные преобразования в жизни женщин-черкешенок в 1920-х–1930-х годах

Огромное значение в изменении судьбы женщины в России, женщины-черкешенки, в частности, имела социальная революция 1917 года в России, провозгласившая уничтожение классов, сословного и социального неравенства, установившая общественную собственность на средства производства. Декреты новой власти «О восьмичасовом рабочем дне», «О страховании на случай болезни», «Об охране и обеспечении материнства и младенчества», «Об оплате труда рабочих и служащих в советских учреждениях, «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния», «О введении равной оплаты за равный труд для мужчин и женщин», «Об охране женского труда» и другие, давали женщинам права, равные с мужчиной во всех областях жизни – социальной, политической, экономической и т. д. [1]. Особое значение для них имели изданные в числе первых, декреты «О расторжении брака» (16 декабря 1917 г.), «О гражданском браке, детях и о ведении книг актов гражданского состояния» (18 декабря 1917 г.). Было провозглашено равенство между мужем и женой в вопросах брака и развода, устранено вмешательство церкви в бракоразводные процессы, упразднено различие между «брачными» и «внебрачными» детьми, женщине дано равное право на развод и иск к отцу ребёнка» [2]. Отменялись законы, действовавшие до революции и ставившие женщину в неравное положение с мужчиной в семье в отношении детей, в правах на имущество, при разводе, при выборе места жительства. Направленностью идеалов, провозглашённых новой страной, и обязательных для усвоения всеми гражданами страны была – подавление господствовавших в традиционном обществе норм, ценностей, моделей поведения, ориентиров и т. д. В том числе и в отношении ролей, прав и обязанностей женщины, взглядов на её место и значение в обществе [3]. В документах советской власти, в трудах её теоретиков, отражалась убеждённая нацеленность на изменение положения женщины. Главный идеолог и первый руководитель нового типа государства В. И. Ленин придавал большое значение « женскому вопросу», видя в нем одно из важнейших составляющих успеха в строительстве нового общества и указывал, что «равенство по закону не есть равенство в жизни». «Для полного освобождения женщины и для действительного равенства её с мужчиной нужно

чтобы было общественное хозяйство, и чтобы женщина участвовала в общем производственном труде. Тогда женщина будет занимать такое же положение, как и мужчина… Постройка социалистического общества начинается только тогда, когда мы, добившись полного равенства женщины, примемся за новую работу вместе с женщиной», – писал он [4]. Решение этой проблемы виделось в освобождении женщин от домашнего, семейного гнёта, сложившейся системы господства и подчинения, вовлечение их в общественно-политическую жизнь, подъём их общеобразовательного и культурного уровня. Совершенно справедливым, надо полагать, что для достижения поставленных целей большевики руководствовались идеей о том, что образование, профессиональный статус, уровень материального дохода, экономическая независимость и социальная активность являются теми необходимыми ресурсами, которые оказывают влияние на положение в семье и обществе. Путём сокращения неравенства между мужчинами и женщинами в этих сферах, государство социально гарантировало независимость женщины в браке, повышение их авторитета в семье [4]. Согласно законам государства, труд в сфере общественного производства становится обязанностью, долгом и нормой её жизни. Повсеместно для осуществления этих планов в стране были созданы специальные органы на всех уровнях партийной и государственной власти – женотделы, призванные доносить до женщин цели и задачи новой власти и воспитывать их в духе её идеологии.

После создания Карачаево-Черкесской автономной области в 1922 г., для налаживания в регионе работы среди горянок по политическому их воспитанию и вовлечению в общественную жизнь, при РКП (б) области был создан женотдел. Особое внимание он уделял «мобилизации» женщин – абазинок, карачаевок, ногаек, черкешенок. Под непосредственным руководством и участием этого органа в населённых пунктах Карачаево-Черкесии, в том числе и черкесских, открывались женские пункты ликвидации безграмотности. Во многих черкесских аулах специально для женщин создавались кружки политграмоты, клубы горянок. Привлечение женщин было делом очень нелёгким, учитывая домостроевские порядки, царившие в семье, традиционные представления об их надлежащем месте и предназначении в общественном сознании, также и менталитет самих женщин. Женщинам, которые редко покидали пределы дома, усадьбы, и только по необходимости появлялись в публичных местах, предлагалось работать вне дома, заниматься общественно-полезным трудом. Это означало коренную ломку бытового уклада, существовавшего веками, нарушение традиционных норм, регламентировавших семейную и общественную жизнь женщины [5]. Кроме всего этого, ещё нужно было желание и согласие самих женщин изменить свою жизнь, а для этого требовались изменения в сознании и взглядах на жизнь. Преступить вековые законы и обычаи, регулировавшие жизнь женщины с рождения до смерти, было для них своего рода подвигом. Партийные и советские органы использовали различные формы работы, чтобы преодолеть изолированность женщин от общественной жизни и их традиционную пассивность. Одной из эффективных форм были делегатские собрания. Делегаток избирали на собраниях женщин, коллективов предприятий, домохозяек, коммунистических ячеек и т.д. Они занимались вовлечением женщин в общественную работу, объясняли им политику и законы советской власти, их гражданские права. Делегатки проводили не только агитационно-пропагандистскую и культурно-просветительскую работу, они также занимались и практической деятельностью – улучшением жизни и быта женщин, организацией детских яслей /садов, медицинских пунктов и уголков и т.д. Все эти начинания претворялись в жизнь с большим трудом. Даже организация детских учреждений, медицинской помощи женщинам воспринимались населением нередко враждебно. Новые формы жизни прокладывали себе путь ценой огромных усилий и труда со стороны, как самих организаторов, так и их подопечных (женщин). Прежде чем даже побеседовать с женщинами, нужно было брать разрешение у их отцов, мужей, братьев и т.д.

Они сами в своём большинстве тоже не проявляли большого рвения что-либо поменять в жизни, потому что существующий порядок в обществе они считали естественным и справедливым. А те единицы, которые поддавались пропаганде о новой, лучшей жизни, боялись сделать

самостоятельный шаг, опасаясь репрессий со стороны родителей, отцов, мужей, братьев, также общественного осуждения. Бывало, что за теми, кто осмелился нарушить традиционные порядки, нередко закреплялась репутация «безнравственной, неприличной» женщины. Женщин, которые получали от своих близких разрешение участвовать в работе различных съездов, конференций и т.п., нередко сопровождали отцы, братья, мужья. В начальный период трансформационных процессов, происходящих в жизни черкесского общества (это касалось и других народов Северного Кавказа), только в такой форме можно было обеспечить участие молодых женщин публичной жизни. Наиболее активны были пожилые женщины, которые в силу своего возраста, а значит, и статуса, были более самостоятельными и свободными. Как известно, в традиционном обществе активность для женщины позволялась, когда она становилась уже бабушкой. В пожилом возрасте с неё снимались многие запреты, которые она обязана была соблюдать ранее. Вероятно, по этой причине деятельность вне дома считалась позволительной и менее предосудительной для женщин среднего и пожилого возраста. Речь шла, видимо, не о количестве лет даже, а о статусе, в котором она находилась, статус матери взрослых детей, а потом и бабушки, давал ей, в соответствии с ним, больше прав и свобод. Они были ещё значительней и шире, если она к тому же была вдовой или разведённой. Последнее, конечно, было редким явлением. Авторитет и статус вдовы в обществе, как правило, был выше, чем у разведённой женщины, она была смелее и увереннее в своих поступках. Названными причинами объясняется то обстоятельство, почему на фотографиях участниц съездов, конференций различного уровня – районных, областных, краевых, всесоюзных 20–30-х годов изображены преимущественно женщины пожилого возраста, или в лучшем случае – среднего, и значительно реже – молодого. Женщины, относящиеся к упомянутым категориям, как уже сказано, были значительно смелее и решительнее. Это, разумеется, и вопрос врождённых свойств характера тоже, но имеется в виду тенденция. Только единицы из их числа могли обращаться для защиты своих интересов и прав в органы власти и правопорядка. Особенно это касается первых лет советской власти. В этом плане интересным представляется архивный документ – протокол № 17 заседания членов Староабуковского революционного комитета Пятигорского округа Терской области от 4 июня 1920 г. В нём говорится следующее: «На основании заявления жительницы аула Бабух Мидовой обсуждался вопрос о расхищении имущества, принадлежащего его матери Бабух Мидовой и при допросе ея сына Аскерби Мидова показал, что он действительно сознал, что расхитил более имущества, чем остаётся остальным членам семьи, и что он более не будет прикасаться к имуществу его матери, на что он согласился дать подписку о неприкосновенности к таковому» [6].

Обиженная и ущемлённая в своих правах женщина-горянка обращается за помощью не к своим родственникам – мужчинам, как это обычно делалось в таких случаях в горской среде, а в официальный, и не так давно появившийся советский орган власти, где она надеется найти большую справедливость и защиту своих прав. Мать перешагнула через вековечные, можно сказать, обычаи, обнародовав свои семейные проблемы, что и сегодня согласно традиционному менталитету черкесов, как впрочем, и других соседних народов, нежелательно делать. Возможно, эта мать испробовала предварительно все другие традиционные методы и средства воздействия на своего сына, но они не возымели положительного результата. В любом случае, обращение женщины – горянки в ревком аула в 1920 г. (! – *Х.Х.*) с жалобой на сына, который не считается с ней и нарушает её имущественные права, это смелый поступок не только как женщины-матери, но и как просто члена общества. Сам факт обращения матери в органы советской власти в поисках справедливости, говорит о знании ею своих законных прав, и о надежде их восстановления этой властью.

Несмотря на то, что и привлечение женщин определённого возраста и положения (какого уже сказано) к общественно-политической, экономической, производственной жизни тоже было связано с немалыми трудностями, неизмеримо больше их было в работе с молодыми, которые в силу этнических традиций, религиозных предписаний и требований должны были вести затворнический образ жизни. Они не могли

принимать самостоятельные решения, даже если у кого-либо и возникало желание научиться грамоте, приобрести какую-нибудь профессию, выйти за пределы дома и двора и «зарабатывать себе на хлеб». Нужна была очень важная и значимая мотивация для её близких, чтобы они позволили ей изменить тот образ жизни, который она вела в силу принадлежности к женскому полу. Причина, позволявшая женщинам «выйти в люди», могла быть сформулирована в виде материальной пользы, получаемой от деятельности женщины вне дома. Об изменении сознания и соображениях идеологического характера о равных правах мужчин и женщин в это время говорить не приходится. В появлении причин, которые бы разрешали женщине покинуть пределы домашнего пространства, важное значение имели организованные в первые же годы советской власти женские артели по обработке шерсти и изготовлению бурок (бурочные артели), кустарно-промысловые, сельскохозяйственные артели женщин, огородные бригады, которые создавались в различных черкесских населённых пунктах. Одновременно в клубах горянок велась идейно-политическая работа – там читались лекции, демонстрировались кинофильмы, распространялись газеты, журналы, листовки. К 1932 г. в Черкесии насчитывалось 7 таких клубов [7]. Для обучения молодых девушек и женщин открывались курсы кройки и шитья, вязанья. Женщины работали в шерстоткацких и чулочно-вязальных мастерских, которые в это время получили распространение. На их организацию и деятельность государство специально отпускало денежные средства. Всякого рода выставки, организация продажи изделий, изготовленных руками женщин, способствовали повышению их авторитета в семье и обществе, также и вовлечению всё большего количества женщин в эти сферы общественной деятельности. Практическая же выгода в виде вырученных с продажи изделий денег или оплаты натурой, раздачи неимущим в виде материальной помощи, приобретения профессии, были той мотивацией, которая оправдывала изменение традиционного уклада жизни семьи и общества, втягивание женщин в публичную сферу. К концу 20-х годов уже происходили кое-какие положительные сдвиги в работе среди женщин. При организации общественного производства для них, учитывались традиционные ремёсла и промыслы, которыми занимались черкешенки из поколения в поколение. Советская власть старалась развивать артели, базирующиеся на привычных занятиях, поэтому наиболее популярны были женские артели по обработке шерсти, бурочные артели. В разрозненных, отрывочных сведениях, которые дают по ним архивные документы (материалы Черкесского окружного исполнительного комитета) упоминаются бурочные артели, функционировавшие в аулах Хахандуковском, Клычевском, Бересланoвском во второй половине 20-х годов). Чтобы показать значение, придаваемое советскими органами производственной работе женщин-горянок, приведём два документа – заявление и распоряжение относительно этого заявления. В тексте заявления бурочной артели горянок а. Бересланoвского от 20.II.1928 г. адресованном ОКРИКу ЧАО говорится: «Артель горянок аула Бересланoвского получила 1000 рублей, на 650 рублей закупили шерсть и осталось 350, на которые необходимо купить орудия производства и пр. Просим оказать нам помощь – отпустить нам из Эльбургана 2 воза хворосту на плетни для выделки бурок и 2 воза дров для отопления.

Председатель артели – Мамбетова Женох» [8].

Черкесский ОКРИК реагирует на это заявление немедленно и обращается по этому поводу в Эльбурганский районный исполнительный комитет с просьбой: «Для выделки бурок в бурочной артели горянок аула Бересланoвского необходимы плетни, почему исполком просит об отпуске из Эльбурганской лесной дачи 2 воза хворосту на плетни и два воза дров для отопления» [ГАКЧР. Ф 19. Оп. 1. Д. 66. Л. 60]. Из приведённого явствует, что вопросами производственной деятельности женщин, помощи им, занимался непосредственно окружной исполнительный комитет Черкесского автономного округа. При ОКРИКе ЧАО в 20-е годы существовала также специальная комиссия по улучшению труда и быта, которая заседала регулярно и обсуждала текущие дела и проблемы, способы их выполнения и решения. Изыскивались средства для финансирования видов деятельности, способствующих улучшению труда и быта женщин, организации женских консультаций, детских яслей и площадок. Государство выделяло

для этого деньги из местного бюджета, фондов самообложения. О том, что решение «женского вопроса» в советской стране находилось на повестке дня партийных, советских органов постоянно, свидетельствует ещё один документ – выписка из протокола заседания Президиума Черкесского окружного исполнительного комитета от 13 апреля 1928 г. Речь на заседании шла об отпуске хвороста из Эльбурганской лесной дачи для «огорожи огородов женских артелей округа» [10]. Документы этого времени отражают не только работу советских органов по выполнению государственных директив и постановлений, но и преобладающие виды деятельности женщин в общественном производстве. Как уже упомянуто, им, судя по профилю создаваемых мастерских, артелей, клубов, отводилась деятельность, соответствующая либо работе в доме, либо с давних пор выполнявшаяся только женщинами, т. е., то, что находилось в ракурсе «традиционно женского». Но так как артели по обработке шерсти, трикотажные мастерские, сельскохозяйственные и др. артели снабжались сырьём и финансировались государством, то это был труд, как во благо общества, так и для личной выгоды самих женщин. Важным шагом в создании равноправного положения женщины в обществе, считалось привлечение женщин-колхозниц к промышленному труду, который рассматривался в те годы более прогрессивным видом трудовой деятельности. С указанной целью органы власти Черкесской области рассылали в населённые пункты региона письма с рекомендациями организовать эту работу. Такое содержание имеет, например, письмо Черкесской колхозной секции от 23.V.1929 г., адресованное всем колхозным агрономам области: «Согласно сообщению ОБЛОНО в с. Ураковском, Клычевском, Тазартуковском, Н.–Мансуровском, Бибердовсом, Шах-Гиреевском имеются пошивочные и трикотажные мастерские. Колхозная секция считает целесообразным вовлечь женщин-колхозниц в работу этих мастерских с целью получения известной специализации и заработок. Посему предлагается вам добиться максимального вовлечения женщин-колхозниц в работу мастерских, обсудить этот вопрос на собрании колхозниц, где необходимо поставить доклад заведующей мастерской о работе. О результатах просим сообщить не позднее 10 июня» [11]. Данное указание касалось не только женщин-черкешенок, но и абазинок, ногаек, так как в письме перечислены абазинские, ногайские селения в составе ЧАО. Такого рода решения рассматривались одним из способов подготовки из женщин квалифицированных рабочих кадров и привлечения их к работе в фабрично– заводской промышленности, где женщин практически не было. Небольшой контингент женщин обучался в педучилище, на медицинских и курсах соцстроительства, совпартшколах и т.д. Профессии, которые давались этими образовательными учреждениями, были для черкешенок совершенно новыми. После их окончания они могли работать учительницами в младших классах школ, медсёстрами, в советских учреждениях.

Система квот для женщин в 20-30-е годы, признавалась эффективным способом в решении проблемы равноправия женщины. При направлении на учёбу, в особенности на Рабфаки, государственные органы должны были придерживаться закона, по которому в числе командированных должно было быть не менее 25% женщин [12]. Разнарядка была и на количество женщин, которые должны были быть представленными в государственных советских и партийных органах. Сначала это были низовые структуры – органы власти в аулах, прежде всего в сельских советах. Внедрялась практика назначения в черкесских населённых пунктах заместителями председателей советов женщин. В 30-е годы, в отчётах о работе Черкесского исполкома облсовета трудящихся присутствовал пункт – «Сведения о численном составе женщин по сельским советам ЧАО, прошедшим в состав с/советов» [13]. По всей вероятности, эти должности в какой-то степени были формальными, но они выполняли важную задачу привлечения женщин к работе в партийных и государственных органах. В 1933 г. в аулах Кош-Хабль, Эрсакон, Ново-Хумаринский, Псаучье-Дахе заместителями председателей этих сельских советов числились женщины, что подтверждается характеристиками на каждую из них. В характеристиках указываются: их социальное происхождение, участие в колхозной работе, количество трудодней ими заработанных, поощрения, полученные за хорошую работу, участие в общественных мероприятиях (конференции, съезды и т. п.). На мысль о

том, что должности заместителей председателей сельсоветов давались юридически, но фактически, они мало что могли делать на этом посту, наталкивает характеристика на Лилю Махмудовну Балову, заместителя председателя совета а. Кош-Хабль. В ней указывается, что «она крестьянка – колхозница с 1931 г., член ВЛКСМ, не премирована, в общественной работе не участвовала, состояла воспитательницей детских яслей, послана на курсы соцстроительства» [14]. Существенным в наших рассуждениях является указание на возраст – 20 лет, и стаж колхозной работы – с 1931 г., т.е. с 18 лет. Могла ли девушка в эти годы, с такой биографией справляться с теми обязанностями, которые были возложены на неё в соответствии её должностью? В виде исключения, наверно, да, если она была наделена соответствующими чертами характера и способностями, необходимыми для выполнения служебных обязанностей на руководящем посту. И обязательным условием было, вероятно, и обладание хотя бы минимальной грамотностью. Все эти моменты касались всех женщин, назначаемых заместителями председателей сельских советов – и молодых, и более солидного возраста. В те годы и мужчины – председатели не отличались грамотностью, не то, что женщины. Так что наши рассуждения по поводу формальности назначения в те годы женщин заместителями председателей сельских советов, не лишены оснований. Это были целенаправленные действия, призванные реализовать намеченную государством политику в отношении женщин, в частности, женщин – горянок. В 1926–1928 гг. в отчётных кампаниях сельских советов ЧАО, проводившихся регулярно, в перечень вопросов, которые должны были быть освещены в отчётах, входил пункт о работе среди женщин вообще, и среди женщин, членов советов, в частности. Продвижение женщин на руководящие должности, также общественную работу, шло с трудом. Особенно трудно было добиться присутствия женщин на мероприятиях общего характера, т.е., не только сугубо для женщин. Так, на первом Черкесском национальном окружном съезде советов (после упразднения КЧАО), проходившем 23 мая 1926 г. присутствовали представители 28 населённых пунктов ЧАО. В члены окружкома были избраны 31 человек, их них всего одна женщина – Цыра Аслан-Гериевна Аксорова из а. Докшуковского [15].

Одними из важных средств пробуждения самосознания женщин-черкешенок были всякого рода съезды, совещания, конференции женщин-горянок, горянок и крестьянок, членов советов. Включение женщин в члены аульных советов, назначение их заместителями председателей сельских советов уже обязывало их принимать участие в работе этих общественных мероприятий. И в то же время у женщин имелось оправдание перед близкими, родственниками, которые могли быть недовольными поведением, деятельностью, нарушающими традиционный порядок вещей, идущими вразрез с их естественным предназначением и долгом. Оно выступало в виде их служебных обязанностей, которые они должны были выполнять. В таких случаях гораздо в более выгодном положении находились женщины, имеющие работу в общественных, государственных организациях, чем, скажем, домохозяйки. Как аргумент, оправдывающий их участие в общественных мероприятиях, они могли выставлять свои непосредственные обязанности по долгу службы и требования, которые предъявлялись им от лица власти. Встречаясь на собраниях, съездах, конференциях женщины общались, узнавали об изменениях в жизни женщин в разных аулах, о работе друг друга и т. д. Такого рода собрания стимулировали активность, самостоятельность женщин, развивали их кругозор и мировоззрение. Но как уже указано выше, подавляющее большинство участниц различных «форумов» были женщины определённого возраста и социального (семейного) положения. Эта тенденция ясно просматривается в документах того времени. В анкетах на делегатов 1 окружного съезда работниц и крестьянок ЧАО, проходившего 5 октября 1927 г. указаны их анкетные данные: возраст, семейное положение, их занятия, количество детей. Из 11 черкешенок, участвовавших в работе этого совещания – 3 замужние женщины от 24 до 30 лет, 1 – разведённая, остальные – вдовы от 30 до 50 лет. Все они являлись членами советов своих аулов, а некоторые состояли ещё членами различных секций (налоговой, кооперативной, народного образования, ККов районного, окружного исполнительных комитетов). Данный съезд был приурочен к 10-летию Октябрьской революции и подводил итоги советского строительства в ЧАО и участия

в ней женщин. Он отмечал значительный рост числа женщин, членов сельских, районных и окружных советов, но говорилось и о слабом участие женщин в строительстве новой жизни, недоверии, существующем в обществе к ним, как работникам, «малое присутствие» их в руководящих органах Советов. Особо указывалось на низкое правовое положение женщин в быту, где почти полностью сохранялись патриархально–феодальные взгляды на женский пол [16]. В целях изменения такого положения съездом были намечены мероприятия, призванные активизировать работу по реализации политики советской власти в решении «женского вопроса».

Несмотря на сегодняшние противоречивые оценки деятельности советской власти по решению проблемы равноправия женщин, нужно признать, что проведённые в 1920–1930-х годах преобразования имели колоссальное значение для женщин-горянок.

Примечания:

1. *Кочиева Ф.И.* Из истории раскрепощения женщин Карачаево-Черкесии // Из истории Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1974. Вып VI. С. 88.
2. *Напсо Д.А., Напсо М.Д.* Влияние русской культуры на развитие культуры и быта народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1983. С. 59.
3. *Разлогов К. Э.* Глобальная и/или массовая // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 144; *Красавицкая Т.Ю.* Этнокультурный дискурс в революционном дизайне февраля – октября 1917 г. // Ногайцы. XXI в. История, язык, культура. От истоков к грядущему. Черкесск, 2014. С. 35.
4. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 39. С. 201–202; Т. 40. С. 157.
5. *Лапидус Г.В.* Гендер и перестройка: влияние перестройки и её последствия на современных женщин // Семья, гендер, культура. М., 1997.
6. *Кочиева Ф.И.* Указ. раб. С. 88.
7. Государственный архив Карачаево-Черкесской республики (далее – ГА КЧР). Ф. Р-319. Оп. 1. Д. 2. Л. 13.
8. Очерки истории Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1972. Т. II. С. 150.
9. ГА КЧР. Ф. 19. Оп. 1. Д. 66. Л. 61.
10. ГА КЧР. Ф. 19. Оп. 1. Д. 66. Л. 60.
11. ГА КЧР. Ф. 19. Оп. 1. Д. 66. Л. 155.
12. ГА КЧР. Ф. 24. Оп. 1. Д. 8. Л. 113.
13. ГА КЧР. Ф. 24. Оп. 1. Д. 8. Л. 97.
14. ГА КЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23. Л. 1.
15. ГА КЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 28. Л. 4.
16. ГА КЧР. Ф. 19. Оп. 1. Д. 18. Л. 19.
17. ГА КЧР. Ф. 19. Оп. 1. Л. 7, 9, 11, 16, 28, 34, 40, 41.

А.Х. Карданова

Они защищали Сталинград

К осени 1941 года немцы вплотную подошли к Москве. Они уже планировали отпраздновать в Москве победоносное завершение войны.

Но фашисты не учли того, что против них воюет сильный духом, сплочённый верой в победу над врагом многонациональный народ Советского Союза. В самые тяжёлые дни под Москвой не дрогнули её защитники, ценой своей жизни они отстаивали каждый километр, каждый метр родной земли. И принятое в эти суровые дни советским правительством решение о проведении парада в честь 24 годовщины Октябрьской революции всколыхнуло весь мир, всех, кто поднялся против коричневой чумы XX века. Прямо с брусчатки Красной площади бойцы Красной Армии уходили на передовую.

Разгром немцев под Москвой стал началом коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны. Победа, одержанная Красной Армией, означала, что советский народ сумел преодолеть трагические последствия внезапного нападения фашистской Германии, изменить в ходе тяжелейшего единоборства соотношение сил.

После поражения под Москвой правители фашистской Германии и военное командование решили взять реванш в южном направлении, – на Сталинград и Северный Кавказ.

В начале весны 1942 года стратегическая инициатива вновь перешла в руки врага. Развивая наступление на юг, фашисты заняли Донбасс, вышли в большую излучину Дона и создали непосредственную угрозу Сталинграду и Северному Кавказу. В этом направлении в конце июля начались военные действия, которые развивались в дальнейшем с все возрастающим напряжением.

Историческая Сталинградская битва, сыгравшая решающую роль в ходе Великой Отечественной войны, началась 17 июля 1942 года. Она продолжалась 6,5 месяцев и состояла из двух периодов: оборонительного – на подступах к городу и в самом городе (с 17 июля до 18 ноября 1942 г.), и контрнаступления советских войск, закончившегося окружением и ликвидацией огромной вражеской группировки (с 19 ноября 1942 г. по 2 февраля 1943 г.). Сталинградская стратегическая наступательная операция проводилась войсками Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов при содействии Волжской военной флотилии. В ходе проведенных двух крупных операций – Сталинградской стратегической оборонной и

Сталинградской стратегической наступательной проявился массовый героизм представителей всех народов Советского Союза. «Мы пришли сюда, в приволжские степи, – писали воины Сталинградского фронта, – со всех концов великой Родины нашей: с неоглядных русских равнин, с украинских степей, из лесов Белоруссии, с гор Кавказа, из далекой Сибири».

Контрнаступление под Сталинградом послужило началом победоносного наступления Красной Армии зимой 1942/43 гг.

Более тысячи представителей Карачая и Черкесии сражались у стен волжской твердыни – Сталинграда. В строй встали кадровые командиры, старшины, сержанты и рядовые, проходившие в то время действительную службу. В этом строю со всеми вместе были вчерашние колхозники, рабочие, строители, учителя, медики, все, кто до начала Великой Отечественной войны был занят мирным трудом. Многие из них отдали свои жизни во имя победы на берегах Волги, в уличных боях в Сталинграде. Их имена занесены в Книгу Памяти Карачаево-Черкесской Республики. Участие каждого из них было подчас не описанным, но фактическим подвигом более чем полугодового сражения. Боевая слава некоторых достигла к концу войны героических и полководческих высот.

Сегодня среди жителей Карачаево-Черкесии мало осталось в живых защитников Сталинграда. Многих их них унесла безвременная смерть и не только от ран – не каждое сердце выдержало нечеловеческое напряжение тех дней, каждая минута которых решала судьбу Родины.

Наши земляки вписали немало ярких страниц в историю Великой Отечественной войны, историю Сталинградской битвы, но рамки статьи не позволяют нам полностью их подать. В судьбах защитников Сталинграда, чьи фамилии приведены в статье, с удивительной полнотой отразились биографии тысяч воинов из Карачая и Черкесии, отдавших все, и саму жизнь, во имя победы над фашистскими захватчиками.

Из родного аула Красный Восток на войну Керим Бежанов ушел в мае 1942 года. Колхозный ветфельдшер добился, что с него сняли бронь, освобождавшую от мобилизации. Он был направлен в кавалерийскую дивизию. Керим попал на Южный фронт. Перед Сталинградом часть Бежанова была отправлена во второй эшелон, а Керим Бежанов и ряд его однополчан – в учебное подразделение учиться на бронебойщиков, пулеметчиков, артиллеристов. Школа была кратковременной. Бой за Сталинград становился все ожесточеннее, части требовали пополнения, и с группой солдат Керим Бежанов переправился на правый берег Волги.

Первый бой заряжающий 82 миллиметрового миномета Керим Бежанов вел перед Сталинградом, затем шли бои за каждый квартал, каждую улицу, каждый дом.

Керим Бежанов дрался за Сталинград до полной ликвидации фашистских войск у стен волжской твердыни. В великой битве на Волге Керим стал сержантом, минометчиком, был отмечен орденом Красной Звезды. Великую Отечественную войну Бежанов закончил кавалером ордена солдатской Славы всех трех степеней.

Боевой путь Ф.Т. Омельянюка начался 1 июля 1941 года. Сотни километров вместе с бойцами он прошагал по дорогам войны.

Тяжелое лето 1942 года. Немцы предпринимают отчаянные попытки для овладения стратегической инициативой. Кровопролитные бои идут за Северный Кавказ и Сталинград. Под городом Серафимовичем в конце августа, в центре выгнувшегося коромыслом Сталинградского фронта, наши нанесли контрудар противнику, в упорном недельном бою форсировали Дон. Была здесь и рота Омельянюка. Этот плацдарм имел особое значение. Отсюда 19 ноября 1942 года после небывалой артиллерийской подготовки на Калач навстречу сталинградцам двинутся войска генералов Ватутина и Рокоссовского и замкнут огромную западню, в которой останутся десятки вражеских дивизий.

В наступающих частях и рота Омельянюка. В назначенный срок рота вышла к городу Калач. Капитуляцию фашистов, зажатых в гигантском котле, вместе с другими частями наших войск рота принимала без своего политрука. В этом бою Омельянюк был ранен и отправлен в госпиталь в Саратов. За Сталинград он был награжден орденом Красной Звезды.

А 27 февраля 1945 года, уже в Германии, за мужество и героизм ему было присвоено звание Героя Советского Союза. В составе своего стрелкового полка Филипп Омельянюк дошел до Берлина, встретил

День Победы. Заместитель командира стрелкового батальона по политической части. Старший лейтенант. Капитан. Гвардеец. А по складу характера так и остался солдатом-комиссаром.

Одним из активных участников обороны и освобождения Сталинграда был майор Деккушев Магомед. Он служил в разведотделах дивизии (после полковник, зам. начальника разведотдела армии). Деккушев Магомед, кавалер четырех орденов Красного Знамени, двух орденов Красной Звезды и семи медалей, участник парада Победы на Красной площади 24 июня 1945 года. В составе Сталинградского фронта воевали Джаубаев Даут, капитан, командир минометного батальона 22 танкового корпуса, кавалер орденов «Красного Знамени», «Отечественной войны» и многих других наград.

Мужественно сражался под Москвой, Сталинградом, Ленинградом, освобождал Украину, Прибалтику, Польшу майор Султан Кёккёзович Магомедов, начальник штаба полка самоходных орудий, впоследствии генерал-полковник, один из видных советских военачальников, выполнявших особые поручения Правительства СССР в Сирии и Афганистане.

Отвагу, мужество, и стойкость в боях под Сталинградом проявил командир стрелкового отделения Добротний Николай Анатольевич, награжденный орденом Славы III степени, медалями «За отвагу», «За оборону Сталинграда» и др.

В августе 1942 года фашистские полчища прорвались к Сталинграду. Воздушные пираты обрушили на город тысячи фугасных и зажигательных бомб. В городе бушевало пламя пожарищ.

Отдельный истребительный противотанковый дивизион, в который прибыл Б.М. Кобылкин после окончания артиллерийского училища, сдерживал натиск фашистов в районе тракторного завода города Сталинграда. Поле обороны дивизии тянулось от тракторного завода до Мамаева Кургана. В первый день Кобылкин принял участие в бою. Под прикрытием артиллерийского и минометного огня, заслонив себя броней танков, вражеские автоматчики ринулись в атаку. Точные и меткие выстрелы наших бойцов делают заметные «бреши» в наступающих рядах противника. Запылал один танк, другой завертелся на месте…. Косят вражеские пули и советских бойцов. Взрывами ослепило замкового третьего орудия. Упал солдат, и пушка его замолчала. Но ненадолго. Сам командир батареи стал на место бойца.

Утром следующего дня батарея снова встретила врага шквальным огнем. Натиск стальной лавины немцев заметно ослаб. «Каждый солдат орудийного расчета», – вспоминал этот бой Борис Михайлович, – работал не только в полную меру сил своих, но, кажется и сверх того». В течение нескольких часов артиллеристы вели непрерывный бой с фашистами и выиграли его.

Курсантский полк 2-го Орджоникидзевского пехотного училища вступил в бой 17 июля 1942 года в составе одного из передовых отрядов 62-й армии Сталинградского фронта. В течение месяца полк вел кровопролитные бои в излучине Дона, сдерживая бешеный натиск 6-й германской армии.

Во второй половине августа 2-му батальону была поставлена задача: ускоренным маршем выйти на рубеж Малая Рассошка и занять оборону…. После неудачной ночной атаки за высоту Безымянную командиром батальона был назначен старший лейтенант Урусов. 24 августа командир курсантского полка Воскобойников получил приказ контратаковать фашистов силами 2-го батальона в направлении деревни Власовки… Под ураганным огнем 2-й батальон под командованием старшего лейтенанта Урусова контратаковал противника, занявшего Власовку. Безудержно храбрый и горячий комбат Урусов бежал в первых рядах атакующего батальона, но на окраине деревни пуля фашистского снайпера оборвала его жизнь. Вместе с 22 погибшими командирами и курсантами он был похоронен у деревни Малая Рассошка под Сталинградом…. Исхак Урусов был удостоен посмертно ордена Красной Звезды…. Имя Исхака начертано на монументе павших за Сталинград офицеров, командиров и курсантов.

Кумуков Исмаил Гучипсович из аула Эльбурган, участник Сталинградской битвы, воевал в составе 32-й отдельной танково-десантной роты, на Юго-Западном, Западном и Украинском фронтах в составе 226 стрелковой дивизии 987 стрелкового полка. Награжден орденом Отечественной войны II степени, боевыми и юбилейными медалями.

Абдулжалилов Фазиль Апасович. С 1941 по 1945 гг. на фронте, ушел добровольцем. Лейтенант, воевал в составе 304 стрелковой дивизии Северо-Кавказского, 2-4 Украинского фронтов. Сражался под Сталинградом. Награжден орденом Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Сталинграда», «За боевые заслуги» и другими медалями.

Марчануков Татлустан Алиевич. Старший лейтенант. Воевал в составе 87-го гвардейского стрелкового полка Юго-Западного, Сталинградского и 1-го Белорусского фронтов. Награжден орденом Отечественной войны I и II степени, медалями «За оборону Сталинграда», «За взятие Берлина» и еще другими 15 медалями.

Ерижев Умар Джамбекович, командир минометного взвода, помощник по политической части командира взвода. Войну прошел с первого дня по 15 октября 1948 г. Участник Сталинградской битвы. Награжден орденом Красной Звезды, медалью «За оборону Сталинграда».

В рядах защитников Сталинграда сражался старший сержант Кочиев Ибрагим Хамидович из аула Псаучье-Дахе. Погиб 12 января 1943 года при штурме подступов к Сталинграду в районе села Орловка Городищенского района. В этом селе он и похоронен в братской могиле. Бештаов Хамид Азаматович, старший лейтенант, погиб в бою под Сталинградом 5 сентября 1942 года. Темиров Хаджи-Мусса Джамботович, на фронте с августа 1941 года по апрель 1946 года. Командовал ротой, был начальником штаба батальона. Воевал на Западном Фронте, оборонял Орел в 1941 году, Москву в составе 20-й стрелковой бригады 3-й ударной Армии. Воевал под Ленинградом, Харьковом, Сталинградом, в Польше, Германии, прошел боевой путь до Берлина. Награжден орденами Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, медалью «За оборону Сталинграда» и многими другими медалями.

Защищали Сталинград Мижев А.А. из аула Эркин-Юрт, старший лейтенант Найманов Я.Я. из аула Эркин-Халк, Мамтов Х.Б. из аула Бесленей.

Иван Петрович Деркачев был командиром батареи 147-го стрелкового полка 308 сибирской стрелковой дивизии. В августе 1942 года дивизия двинулась по направлению к Сталинграду. К северу от города на Волге занял артиллерийский полк оборону – предстояла переправа через реку. «Жара стояла невыносимая, сушь, словно после пожара. Переправу вели под непрерывным огнем вражеской артиллерии, небо сталинградское было черно от самолетов с фашистской свастикой….Волга горела, да, да – горела», – вспоминал И.П. Деркачев. Были уничтожены цистерны с нефтью, вода была черной от мазута, горячей от огня. Дивизия смогла переправиться через Волгу и заняла оборону у завода «Красный Октябрь». Город бомбили беспрерывно, до 23 атак немцев в сутки приходилось отбивать дивизии….

В один из ноябрьских дней весь артиллерийский расчет вышел из строя – ни заряжающего, ни наводчика, один командир взвода остался. А было командиру Ворожейкину всего 19 лет. Немцы пошли в атаку: впереди танки, за ними пехота. Деркачев с Ворожейкиным отразили атаку врага, но за ней последовали вторая, третья. Четвертую Ивану Петровичу отбивать не пришлось – тяжело ранило, потом была долгая дорога в Омск, в госпиталь. Уже в госпитале он узнал, что представлен за этот подвиг к награде – ордену Красной Звезды.

В августе 1941 года Абдулах Китаов, будучи председателем колхоза и имея бронь, освобождавшую от призыва в армию, все же настоял на том, чтобы его отправили на фронт. В октябре того же года бывший колхозник, не имевший навыков военной службы, уже был на передовой.

Свое боевое крещение Абдулах принял под Ростовом-на-Дону, когда враг широким фронтом вел наступление вглубь страны. Тогда нашей армии пришлось отступать, но уже через несколько дней Ростов был отбит у фашистов. Ранение в голову и контузия, полученные в бою, на полгода вывели Абдулаха из строя. Выписался он из госпиталя с неутешительным заключением «годен к нестроевой службе». Убедив свое начальство, Китаов вновь оказался на передовой, в рядах защитников Сталинграда. Он был зачислен в минометный расчет, которым командовал его земляк, ногаец из аула Эркин-Юрт Якуб Утельбаев.

Среди тех, кто отдал свою жизнь в боях за город на Волге, оказался и Якуб Нуршевич Утельбаев. Ныне его прах покоится в братской могиле у казачьего хутора

Большево Серафимовического района Волгоградской области.

Абдулах Китаов после смерти земляка был назначен командиром этого минометного расчета. И свою первую награду он, медаль «За боевые заслуги», он получил в Сталинградской битве.

Дальнейший боевой путь сержанта Китаова проходил под знаменем армии освободителей. С наступательными боями его полк вышел к границам Советского Союза. Ко дню окончательного разгрома гитлеровской Германии Абдулах Китаов имел награды: орден Отечественной войны II степени, орден Красной Звезды, медаль «За отвагу. В декабре 1945 года его наградили последней боевой медалью «За победу над Японией», и он, демобилизовавшись, вернулся в родной аул Инжичишхо и до самой смерти работал в родном колхозе с полной самоотдачей.

Курджиев Тауби Хамзатович свою боевую биографию начал в 1939 году. В автобиографии он написал очень коротко «с мая 1939 по 1946 гг. прослужил в рядах Советской Армии на разных командных должностях, последняя занимаемая должность – «и.о. начальника штаба 33 Гв. Кав. полка 8 Гв. Кав. Дивизии: Гв. Кав. корпуса».

Западная Украина, бои за Ростов, великая битва за Сталинград… Сталинград он защищал в составе 3-го конного корпуса. Гвардии Лейтенант Курджиев Тауби Хамзатович Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря 1942 г. был награжден медалью «За оборону Сталинграда».

Награжден орденом Отечественной войны I степени, орденом Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды и многими медалями.

14-я кавалерийская дивизия имени героя гражданской войны А.Я. Пархоменко комплектовалась ставропольцами. Осенью 1940 г. только из Большого Карачая на ее пополнение прибыло около 60 новобранцев. Примерно столько же поступило из Черкесии. Несколько сотен призывников пришли из районов Ставрополья.

Дивизия, которая входила в состав 5-го кавалерийского корпуса, в первые дни Великой Отечественной войны дралась на юго-западном направлении. В конце декабря 1941 года она заслужила гвардейское знамя, была преобразована в шестую гвардейскую дивизию 3-го гвардейского Гродненского ордена Ленина Краснознаменного кавкорпуса.

В первый день наступления наших войск на Сталинградском направлении, 19 ноября 1942 года, в бой был введен 3-й гвардейский кавалерийский корпус. Он выступил из района Клетской, с боями прошел 267 километров и в составе 5-й и 2-й танковых армий замкнул второе кольцо гитлеровцев под Сталинградом.

Из воспоминания участника тех событий, командира взвода конной разведки М.А. Епхиева. «Боев хватало… помню день встречи войск нашего Донского фронта со сталинградцами. Родной брат так брата не сможет встретить, как мы, солдаты двух фронтов, обнимали и целовали друг друга. День был пасмурным, а нам казался самым ярким. Под Сталинградом наш корпус захватил на аэродромах врага 56 самолетов и многочисленные трофеи».

В 1943 году в пополнение боевых рядов, понесшего немалые потери в боях у Сталинграда 3-го гвардейского кавкорпуса из Карачая и Черкесии откликнулись и седобородые деды-казаки, и горцы-аксакалы: черкесы, абазины, осетины, ногайцы, карачаевцы и многонациональная молодежь.

Мировая история хранит память о легендарных битвах при Фермопилах, Каннах, под Верденом. Но ни одна из них не может сравниться по масштабу, ожесточенности и своему значению с 200-дневной Сталинградской битвой. Победа под Сталинградом внесла огромный вклад в осуществление коренного перелома не только в Великой Отечественной, но и во всей второй мировой войне. В истории человечества победа советских войск под Сталинградом вошла как самая великая эпопея воинской доблести, несгибаемого мужества и стойкости советского солдата.

Американский художник и общественный деятель Рокуэлл Кент так выразил свои чувства: «Как американец я убежден и думаю, что в этом должны быть убеждены все народы мира: все мы в большом долгу перед советским народом, если выразить это одним словом, – за Сталинград».

Президент США Франклин Рузвельт в грамоте Сталинграду отметил, что победа доблестных советских войск в этой битве «остановила волну нашествия и стала поворотным пунктом войны Союзных Наций против сил агрессии».

Советские войска разгромили и взяли в плен все дивизии и все отдельные части усиления и специальные войска противника, оказавшиеся в окружении под Сталинградом.

Уничтожением стратегической группировки противника в междуречье Волги и Дона завершилась величайшая битва второй мировой войны. Красная Армия нанесла врагу такой удар, который потряс всю машину фашистской Германии.

Примечания:

1. День республики. 10 декабря 1992; День Республики. 2005. 5 мая.
2. *Жуков И.* От Сталинграда до Берлина // День Республики. 2005. 17 мая.
3. За Волгой для нас земли нет // День республики. 1992. 10 декабря.
4. *Койчуев А.Д.* Славные сыны Карачая. Карачаевск, 1998.
5. *Корольченко А.Ф.* Сила воли и мужества // Мы – советский народ. Ростов-на-Дону, 1976.
6. *Кулаев Ч.С.* Ратные подвиги молодежи Северного Кавказа на фронтах Великой Отечественной // Вестник Карачаево-Черкесского пед. университета. 1999. № 2. С. 51–60.
7. *Нежинский В.* Звезды героев. Черкесск, 1985.
8. *Нежинский В.* Конногвардейцы // Ленинское знамя. 1982. 17 ноября.
9. Очерки истории Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1972.
10. Победители. Ставрополь, 2005.
11. У подвига есть имена. Черкесск 1941–1945. Черкесск, 2010. С. 49, 53, 58, 64, 66, 71.
12. *Шидов Ю.* Имя из когорты победителей // День республики. 2005. 17 мая.
13. *Шумская Р.* Мужество // Ленинское знамя. 1983. 2 февраля.
14. 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968. С. 313–315.
15. 65 победных лет. Черкесск, 2010. С. 243.

Л.В. Радичко

Восстановление промышленности Отрадненского района в 1943–1946 гг.

Оккупанты, перед оставлением предгорных районов полностью разрушили местную промышленность, а также электростанцию, мосты и другие коммуникации. Ущерб от оккупации составил по Отрадненскому району 72.993.025 р., по Спокойненскому району – 60.988.342 р., по Удобненскому – 62.344.000 р. [1].

Процесс восстановления экономики предгорных районов начался сразу же после их освобождения от немецко-фашистской оккупации в январе 1943 года, когда в крае еще шли ожесточенные военные действия. Начало функционирования советской власти в предгорных районах необходимо отметить с 30 января 1943 г., когда впервые собрался для обсуждения создавшегося положения Отрадненский райсовет [2]. Его первые распоряжения предписывали всем жителям района немедленно приступить к работе, сдать имеющееся у них оружие органам НКВД, а также навести порядок на улицах, дворах и предприятиях. На последующих заседаниях районного актива выявились все те тяжелейшие условия и обстоятельства, в которых приходилось начинать процесс восстановления: проблема возобновления связи с краевым центром в условиях еще продолжавшихся военных действий, прекращение функционирования предприятий местной промышленности, отсутствие стройматериалов для ее восстановления и т.д.

Однако в начале необходимо пояснить, что промышленность Отрадненского, Спокойненского и Удобненского районов подразделялась на предприятия краевого и районного подчинения. Промышленность краевого подчинения вырабатывала деловую древесину и изделия из нее (бочкотару, колесо, обод, дышла и др.), а также дровяную древесину, которая полностью отправлялась в краевой центр, где использовалась для отопления помещений. А на месте ее выработки в Отрадненском и других районах в период войны и послевоенное время предприятия, школы, организации, а также жилье колхозников отапливались соломой, шляпками подсолнухов, стеблями конопли и отходами животноводства (кизяком).

Промышленность краевого подчинения выпускала также известь, алебастр, изделия из кожи (обувь, упряжь), конопли (веревки, канаты), пищевые продукты (масло, сыр, тесто фруктовое, вина плодовоягодные, повидло, джем, соки) [3].

Промышленность районного подчинения, ориентированная на местный рынок, изготавливала и ремонтировала обувь, одежду, упряжь, изделия из дерева (ложки, детали к бричкам), веники, гончарную посуду, известь, кирпич, черепицу и др.

Прежде чем запустить в действие множество мелких и средних предприятий местной промышленности, районная власть встала перед необходимостью восстановления зданий цехов, мастерских, складских помещений. А для этого в первую очередь надо было восстановить предприятия, выпускающие кирпич, черепицу, известь и другие строительные материалы. Поэтому

вначале воссоздавали предприятия, выпускающие эту продукцию: артели «Силикат» и «Социализм» в Отрадненском районе, райпромкомбинаты в Удобненском и Спокойненском районах.

Также необходимо было срочно восстановить электростанцию в станице Отрадной, на реке Уруп, взорванную немецкими оккупантами. По этой причине для перевозки рабочих и стройматериалов в феврале 1943 г. была организована трудгужповинность населения Отрадненского района [4].

Вскоре образовалась проблема в виде острой нехватки горючего топлива (мазута), на котором работала электростанция и ряд предприятий. Проблема его транспортировки красной нитью проходит через все заседания районного актива, которые следовали 1 раз в месяц. Причиной являлась нехватка гужевого транспорта для этих перевозок, так как тягловая сила использовалась в основном на сельхозработах.

Существовали и другие проблемы, из-за которых долгое время шла пробуксовка работы местной промышленности: нехватка трудоспособного населения, недостаточное снабжение его хлебом, отсутствие или недостаток сырья для некоторых видов продукции, проблемы с производством стройматериалов, необходимых для восстановления цехов, удаленность от краевого центра, куда было необходимо постоянно обращаться за «нарядами», т.е. за разрешением использовать свои же ресурсы не для государства и армии, а для нужд района (например, доски для ремонта помещений, т.к. вся древесина должна была отправляться в краевой центр).

Восстановление местной промышленности шло медленными темпами, вследствие острого недостатка сырья, топлива, транспорта, квалифицированных специалистов, а также сложностей, связанных с расширением предприятий. Например, планировалось (в соответствии с решением XV сессии Отрадненского райсовета депутатов трудящихся от 7 июля 1945 г.) открытие новых цехов артелью «Социализм»: гончарных, шорноремонтных, веревочных и др. [5]. Однако из-за недостатка материальных и людских ресурсов в планируемый период этого не было сделано.

В июле 1943 г. были восстановлены мельницы в станицах Попутной, Отрадной и хуторе Красногвардейском. В 1944 году были восстановлены маслосырзаводы в станицах Отрадной, Попутной, Спокойной, Удобной. Одним из первых был восстановлен Лубзавод в станице Спокойной, выпускающий веревки и канаты. Летом 1943 года начали вновь функционировать промысловые артели кооперации инвалидов «Производственник», «Новое начало», «Пищепромысловая», «8 марта» и др. [6]. Они представляли собой сапожные, швейные мастерские, которые изготавливали и ремонтировали обувь, а также занимались выделкой кож для шорных изделий и изготовлением гончарной посуды, недостаток которой остро ощущался жителями района.

Как в районе, так и по всей стране сложной проблемой было налаживание производства обуви, что было больным вопросом еще до войны, вследствие недостаточного развития легкой промышленности, так как перевес государственного финансирования совершался в сторону тяжелой и оборонной промышленности. Подобное положение сохранялось в военные и первые послевоенные годы. Понимая эти сложности, районные руководители делали акцент на местную промышленность. В своем выступлении на XV сессии Отрадненского райсовета 7 июля 1945 года председатель исполкома райсовета т. Чуб отмечал: «…Значение продукции местной промышленности в нашем народном хозяйстве очень велико. Государственная промышленность не может сразу снабдить все население товарами широкого потребления, поэтому нам необходимо развивать нашу местную промышленность» [7].

Районными предприятиями, выпускающими одежду, кожаную и валяную обувь: артель «Кожпром» (директор тов. Нискаус), артель им. Чкалова в ст. Спокойной, артель «Разнопром». К работе этих предприятий были большие нарекания, отраженные в районной прессе.

В качестве примера можно привести публикацию «Два сапога – не пара», опубликованную в газете «Сталинская правда» 6 октября 1946 г., где критикуется работа артели «Разнопром» в станице Спокойной. Сказано, что допускаются в пошиве и ремонте обуви частые случаи брака. Заметка проиллюстрирована карикатурой, где изображены два сапога на прилавке: один предназначен для выставки и выглядит

идеально, а второй – для потребителя и выглядит безобразно [8].

Критика прессы, сделавшей плохую работу бракоделов достоянием общественности, сыграла положительную роль. Не прошло и месяца, как очередной номер «Сталинской правды» от 3 ноября 1946 г. отметил исправление ситуации и даже определенный успех работы артели [9]. В заметке «Артель «Разнопром» перевыполнила план пошивки и ремонта обуви» сказано о том, что артель в целом выполнила план на 145%, в том числе мастерская № 14 – на 223%, мастерская № 5 – на 211%, мастера В. Батраков – на 216%, В. Руденко – на 215%, Сотников – на 202%, Л. Павличенко – на 229%, А. Бабичев – на 233% и другие мастера также добились больших успехов [9].

Районная газета, фиксировавшая весь ход трудового процесса в районе, старалась тиражировать успешный опыт работы в том или ином колхозе, совхозе, предприятии. Газета «Сталинская правда» в номере за 7 июля 1946 г. сообщает об успешной работе кузнецов колхоза «Красный Аксай» Борисенко А.С. и Суслова А.С., которые сумели наладить переплавку орудийных гильз в остродефицитные детали – пятки к сенокосилкам и втулки к жаткам. Сказано о том, что ими уже отлито 7 пяток и 2 втулки, качество которых не уступает заводским. Заметка озаглавлена призывом «Опыт кузнецов Борисенко и Суслова – во все колхозы!» [10]. Эта небольшая газетная заметка знаменательна тем, что в ней содержится примета послевоенного времени – переплавка орудийных гильз, оставшихся от войны, в мирные орудия труда.

Районная пресса внимательно отслеживала процесс восстановления промышленности в Отрадненском районе, помогая властям организовывать общественные работы: субботники и воскресники, т.к. справиться с некоторыми объемными работами можно было только «всем миром» – усилиями всех жителей района. В качестве примера можно привести публикацию под названием: «Все на строительство электростанции!», опубликованной в газете «Сталинская правда» 8 августа 1946 года. В заметке содержится призыв к трудящимся Отрадненского района всем организованно выйти на строительство электростанции, взорванной немцами при отступлении [11].

В газете «Сталинец» от 7 ноября 1946 г. в заметке под названием «Честный труд» отмечено, что «честно и добросовестно проработал в предоктябрьские дни коллектив рабочих «Пищепромкомбината». Многие рабочие цехов перевыполнили взятые на себя социалистические обязательства. Мастер бондарного цеха П.С. Гамиев выполнял ежедневное задание на 150%, рабочие цехов Таранова А., Михнева Н., Петрищева С. давали ежедневную выработку на 120-150%. Все они дали слово не снижать темпы работ, постоянно повышать производительность труда, доведя выполнение дневных заданий до 200 и более процентов» [12].

Думается, что название заметки «Честный труд» имеет символические значение. Это название можно применить к труду всех рабочих и колхозников нашей страны и нашего района, которые честно и самоотверженно трудились, восстанавливая из руин города и села, предприятия и электростанции, разрушенные фашистами, поднимая промышленность и сельское хозяйство, не щадя своих сил, трудясь самоотверженно на благо своей Родины.

Примечания:

1. Архивный отдел администрации муниципального образования Отрадненский район (далее – АОАОР. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–3.
2. АОАОР. Ф. 55. Оп. 1. Д. 4. Л. 18–23.
3. АОАОР. Ф. 55. Оп. 1. Д. 408. Л. 100–102.
4. АОАОР. Ф. 55. Оп. 1. Д. 4. Л. 100–102.
5. АОАОР. Ф. 55. Оп. 1. Д. 4. Л. 45–46.
6. АОАОР. Ф. 55. Оп. 1. Д. 2. Л. 98–113.
7. АОАОР. Ф. 55. Оп. 1. Д. 4. Л. 118–121.
8. Сталинская правда [Орган Спокойненского райкома и райсовета депутатов трудящихся]. 1946. 6 октября.
9. Сталинская правда. 1946. 3 ноября.
10. Сталинская правда. 1946. 7 июля.
11. Сталинская правда. 1946. 8 августа.
12. Сталинец [Орган Удобненского райкома и райсовета депутатов трудящихся]. 1946. 7 ноября.

С.Н. Малахов,
А.С. Малахова, С.Г. Немченко

Краевед М.Н. Ложкин об истории казачьего Приурупья[1]

Известный кубанский краевед Михаил Николаевич Ложкин (1910–1999) в своей научно-просветительской деятельности

[1] Публикация подготовлена при поддержке РГНФ и Министерства образования, науки и молодежной политики Краснодарского края в рамках проекта № 16-11-23005 «Краевед М.Н. Ложкин и его вклад в изучение историко-культурного наследия Кубани».

много уделял внимания восстановлению истории заселения Приурупья, хозяйственной, общественной, культурной и военной истории казачества. Уроженец Вятского края, М.Н. Ложкин с 1936 г. преподавал в Армавире, а с 1942 по 1974 г. работал учителем на х. Ильич Отрадненского района. После ухода на пенсию переехал на постоянное место жительства в ст. Отрадную, стал смотрителем народного музея, активно занялся краеведением, популяризацией исторического прошлого Кубани на страницах районной и краевых газет.

Журналист и писатель П. Придиус в середине 1990-х гг. назвал Ложкина одним из самых компетентных историков кубанского казачества [1]. Хотя научные интересы краеведа были в основном сосредоточены на археологии и средневековой истории Приурупья, тем не менее, по долгу службы и профессиональной подготовки (историк по образованию), М.Н. Ложкин не мог игнорировать сбор и сохранение документального материала по новейшей истории Отрадненского района. Как музейный работник он много делал для привлечения в музейные фонды предметов материальной культуры казачества и крестьянства Приурупья. В архивные и книжные разыскания он часто вкладывал свои скудные пенсионные средства.

По объективным причинам идеологического и политического порядка публикации Михаила Николаевича об истории казачества касались первоначально тех, кто участвовал в Гражданской войне на стороне советской власти. С начала «перестройки» и смены политических акцентов в изучении истории XX в. стало возможным говорить на страницах печати и на ранее закрытые темы, относящиеся к истории белого движения, казачьей эмиграции. Как историк, М.Н. Ложкин всегда был сторонником объективной и научно-документированной реконструкции событий, как на региональном, так и на общероссийском уровне. В центре его изучения всегда находились исторические личности, события, конкретные памятники, которые могли служить если не образцом, то хотя бы ориентиром в формировании национальной и исторической идентичности человека. История России никогда не делилась им на «достойные» и «недостойные» страницы в зависимости от указаний свыше и идеологической ангажированности власти. И великие, и трагические страницы родной истории он призывал сохранять, изучать и читать в равной мере внимательно. Особую роль краевед отводил возрождению казачества. В нем он видел надежду на возрождение национального самосознания русского народа: «Казачество вместе с другими народами призвано спасти Россию. При этом казачеству я отвожу ведущую роль. Спросите: почему? Да потому что у казаков наиболее сильно обострены чувства дома и семьи («малой родины»), русского патриотизма, высокой духовности, уз дружбы, товарищества, братства… Это подтверждается многовековой историей казачества» [2].

Михаил Николаевич был одним из первых, кто стал поднимать вопрос о возвращении регалий Кубанского казачьего войска на Родину. С письмом по этому вопросу он напрямую обратился к Р.М. Горбачёвой – супруге Генерального секретаря ЦК КПСС, – входившей в то время (1988 г.) в президиум Советского фонда культуры [3].

Любой предмет былого казачьего быта, если попадал в руки Ложкина, сразу или со временем неизбежно оказывался в фондах Отрадненского народного музея. Будучи смотрителем в музее, М.Н. Ложкин совершенно случайно узнает о гибнущем в подвале станичного совета ст. Удобной церковном имуществе, которое туда было складировано еще в 1930-е годы… и, к счастью, забыто властью на десятилетия! Пользуясь своим членством в музейно-краеведческом совете, он добивается от директора Краснодарского историко-краеведческого музея И. Шевченко письма-распоряжения на право обследования подвала стансовета. Разрешение было получено от председателя Отрадненского райисполкома, и церковное имущество (иконы, утварь) было спасено: его вывезли и передали в фонды краевого музея.

М.Н. Ложкин был первым, кто организовал сбор документов и материалов, составление списков репрессированных в годы сталинизма в Приурупье. Им было инициировано изучение, с записью устных свидетельств, сведений о голоде 1932–1933 гг. Пришлось приложить немалые усилия, чтобы воспоминания о тех трагических годах были хотя бы частично опубликованы в районной печати. Они имели широкий общественный резонанс.

Краевед никогда не был сторонником «сословной» истории, когда социальная истории Кубани рассматривается только через призму преимущественно одного сословия. Выбор объекта исследования определялся масштабом личности, его вкладом в события местной истории, патриотизмом личности, его нравственной и гражданской позицией. Особенно это касалось событий новой российской «смуты» 1917–1920 гг.

Работая над страницами казачьей истории Приурупья, М.Н. Ложкин проводил активные архивные разыскания и собирал устные сведения и воспоминания о личностях, подробностях событий, памятных местах. Так появилась его большая статья о трагической судьбе красного кавалериста, одного из создателей «красной» кавалерии, комбриге из донских крестьян Борисе Мокеевиче Думенко (1888–1920) [4], большевистском судилище над ним, последующей реабилитации в 1964 г. В статье подробно рассказывается о сражениях с «белым воинством», армией генерала Деникина. Тема о событиях тех лет всегда была сложной для жанра газетной статьи, поскольку ее читателями были прямые потомки участников той братоубийственной войны. Автор сдержан в оценках противника, но даже в такой форме, в рубрике «Борцы за народное дело», перед читателем воссоздаются трагические страницы Гражданской войны и казачества. Поводом для написания статьи стало посещение дочери красного командира Марии Борисовны Думенко-Чиж, проживавшей тогда, в 1980 г. в ст. Спокойной. Официальное мероприятие, посвященное памяти «героев» Гражданской войны, Ложкин использует, чтобы пополнить фонд Отрадненского музея ценными воспоминаниями одного из потомков участника тех давних событий, поддерживать историческую память в обществе о прошлом.

В районном музее был открыт зал, посвященный истории Отрадной в период Гражданской войны. Эти события в обзорных экскурсиях и на страницах местной газеты всегда подавались через рассказ о человеке, как главной действующей силе в истории. Так краевед рассказывает о комдиве Петре Курышко, крестьянском сыне села Отрадовки (Азовского района Ростовской области), который из унтер-офицеров стал начдивом 18 кавалеристской дивизии XI армии, освобождал от белогвардейских войск Поурупье, станицы Отрадную и Баталпашинскую и погиб, сражаясь против грузинских меньшевиков в Грузии [5]. История для краеведа не имела «партийной окраски», хотя в тот период, когда писались эти заметки, их автор, конечно же, симпатизировал «героям пламенных лет». Да и в целом его нравственная позиция не позволяла ему писать о тех, кто запятнал себя в борьбе против народного выбора. И это было естественно для человека, воспитанного при советском строе. Но главный акцент в такого рода биографических эссе всё же делался на патриотизме, служении Отечеству и народу. Краевед через биографию человека воссоздает страницы местной истории, стремясь к достоверности и точности, он ищет подлинные документы о заинтересовавшей его личности, специально пишет в Ростовский краеведческий музей, получает оттуда фотографию командира кавалеристской дивизии, биографические данные о нем, а также книгу о комдиве, написанную писателем М.Б. Троскуновым в 1967 г. из Тбилиси.

В статье, посвященной Памятнику 200-летия Кубанского казачьего войска, сооруженном станичным обществом и открытом 8 сентября 1896 г. стараниями станичного атамана есаула Владимира Артемьевича Кокаева в Бесскорбной, М.Н. Ложкин погружает читателя в историю Хопёрского казачьего полка, рассказывает биографию атамана, об обстоятельствах и трудностях, с которыми сопрягалось возведение памятника, дает его точное описание, успевает сказать о заселении станицы черниговскими, полтавскими и старолинейными казаками. Автор подчеркивает межэтническую солидарность казачества, где нет розни между малороссами со Слобожанщины, донскими казаками, и осетином-атаманом Кокаевым, все они объединены общим делом – воинским служением Родине. В его статье «умным и справедливым» казакам противостоят «бездумные станичные руководители», пытавшиеся снести памятник как «пережиток», но нашлись все же «люди с ясными головами и защитили памятник, и стоять ему в веках» [6]. Среди жителей Бесскорбной, отстоявших памятник был и председатель колхоза «Родина» Павел Яковлевич Штанько. Как и в дореволюционные времена на защиту родной истории выступила сельская интеллигенция.

Недалеко от памятника находится здание школы, выстроенное ещё при атамане С.К. Яценко, в новом Дворце культуры разместился народный музей, созданный к тому времени при активнейшем участии Ивана Давыдовича Фоменко, бывшего директора средней школы и строгого хранителя станичной истории. И в этой публикации Михаил Николаевич Ложкин дает широкое полотно исторического прошлого бесскорбненцев, акцентирует внимание на земляках, достойных памяти, которые не забывают прошлого своих отцов и дедов.

Статья была своеобразной «охранной грамотой» для памятника 200-летию Кубанского казачьего войска, названы и известные лица, как бы «патронирующие» памятник, да и сам автор подписался под статьей с соответствующей должностью: «М. Ложкин – член Краснодарского краевого совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры». После такой публикации любые вопросы о «нецелесообразности» сохранения памятника отпадали. Волею судьбы и благодаря «местному патриотизму» бесскорбненцев, в 30-е гг. XX века станичники смогли пресечь попытки уничтожить памятник. Он был единственным мемориальным памятником, посвященным 200-летию Кубанского казачьего войска, сохранившимся на Кубани в советский период [7]. Аналогичный памятный знак архитектора В.А. Филиппова, открытый 7 мая 1897 г. в Краснодаре, сохранить не удалось, и он был восстановлен только в 1999 году [8]. Бесскорбненцам было чем гордиться!

М.Н. Ложкин был одним из первых краеведов и селькоров, который стал пробуждать общественное самосознание урупского казачества. Характерна в этом отношении его публикация «Где вы, казаки?», появившаяся в районной газете 15 мая 1990 г. [9]. Поддерживая тесные связи с писателем Гарием Немченко, уроженцем Отрадной, Ложкин был в курсе процессов возрождения казачества, которое происходило в столице и на казачьих «окраинах» страны. Он подробно информирует читателя не только о создании казачьих обществ, но, самое важное, пишет о планах казаков на будущее и главных направлениях их работы. Об этом было нужно говорить, поскольку на местах «советизированное» сознание общества и откровенная фронда ещё державшейся у власти партийной номенклатуры становились одним из главных препятствий в деле возрождения казачества и реабилитации его как народа. На первом этапе возрождения казачества многие его лидеры постулировали казачество не как субэтнос русского народа, а как особый этнос, требуя реабилитации, аналогичной в правовом аспекте с реабилитацией некоторых народов Северного Кавказа, подвергшихся сталинским репрессиям и высылке.

Сама подача автором материала в статье учитывает особенности политической и общественной ситуации. Вначале рассказывается об образовании Московского казачьего землячества из потомков бывшего казачьего сословия и избрании атаманом землячества 5 января 1990 года Г. Немченко. Гарий Леонтьевич Немченко, коренной отрадненец, был избран председателем Оргкомитета по созыву Учредительного круга Союза казаков России, выпустил первый номер газеты «Казачьи ведомости» (всего под его редакцией вышло 5 номеров), в 1990–1992 гг. был заместителем атамана Союза казаков России по культуре и внешним связям [10], активно переписывался с М.Н. Ложкиным, информировал его о всех событиях, связанных с возрождением казачества в стране. Чтобы поддержать в этом добром начинании приурупское казачество, Ложкин сообщает читателям о собрании 28 марта 1990 г. Владикавказского Малого круга Терского казачества. Атаманом Терского казачества тогда был избран Герой Советского Союза В.Д. Коняхин, был принят устав и издан первый номер газеты терских казаков. Контр-адмирал в отставке П.К Цаллагов на собрании терцев рассказал не только о преследованиях казаков в годы раскулачивания, но и призвал вернуть городу Орджоникидзе его историческое имя – Владикавказ. Из газеты «Известия» от 4 апреля этого же года Ложкин приводит сведения о собрании в Магнитогорске потомков яицких (уральских) казаков, избрании атаманом писателя Владилена Машковцева. Таким образом, состоявшееся в апреле собрание казаков-отрадненцев в районном Доме культуры по вопросу организации центра казаков Отрадненского отдела, не выглядело изолированным событием и прямо вписывалось в общероссийский контекст. Это собственно и хотел подчеркнуть Михаил Николаевич, призывая отрадненцев

откликнуться на полезное начинание. Он также напомнил землякам, что до революции урупские и верхнекубанские станицы входили в состав Баталпашинского отдела Кубанского казачьего войска, и только после 1918 г. образовался Отрадненский отдел.

Устав Землячества казаков в г. Москве наметил большую программу действий по изучению истории казачества, его традиций, возрождению песенного народного творчества, народных обрядов, организации занятий с детьми по истории и культуре казачества.

В пунктах устава нового общественного движения нашли отражение темы культурного возрождения казачества, о которых не раз говорили в переписке и при личных встречах отрадненский краевед Ложкин и московский писатель Гарий Немченко. С удовлетворением Михаил Николаевич написал: «Решено содействовать возвращению из-за границы боевых знамен, серебряных труб и других наград казачьим войскам за выдающиеся боевые подвиги в войнах с врагами России» [11].

М.Н. Ложкин активно содействовал возрождению исторической памяти о казачестве в обществе, восстановлению подлинных страниц истории казачества – феномена, присущего только социальной и военной истории России. В дискуссиях по воссозданию Отрадненского казачьего отдела принимали участие потомки казаков, ветераны Великой Отечественной войны, представители общественности, в числе которых был и Михаил Николаевич. Кратко сообщая о дальнейшей работе казачьего круга, он пишет: «Решили, что необходимо создать общественную организацию по возрождению лучших казачьих традиций, развитию конного спорта, восстановлению и изучению истории Кубанского казачьего войска, истории заселения станиц по Урупу, развитию народного творчества с целью усиления патриотического воспитания» [12]. Он первый возвестил землякам через районную газету об избрании оргкомитета из восьми человек, которому поручалось подготовить устав (уложение) организации с последующим обсуждением его на собрании представителей казаков от всех станиц Отрадненского района, поставив самоорганизацию казаков Приурупья в широкий контекст возрождения казачества по всей России и, в заключение, выразил надежду, что казаки-кубанцы «не отстанут от этого нужного общественного движения». Газетная заметка была лаконичным отражением, можно сказать, верхушкой айсберга тех событий, о которых формат районного издания, увы, рассказать не мог…

Более подробно об обстоятельствах, при которых возрождалось казачье общество в Отрадной и в районе, на основании дневниковых записей, спустя годы напишет Анатолий Данилович Самусь в своей «Хронике казачьего движения в Отрадненском районе (1990–1995 гг.)» [13]. В ноябре 1989 г. он начинает работу в этом направлении и делится соображениями с писателем Г. Немченко, который реализовывает некоторые проекты при создании казачьего Землячества казаков в Москве. В инициативную группу по возрождению казачества в Отрадной входили А. Самусь (избранный затем атаманом), Н. Ляшко, В. Бут, В. Лысиков, В. Власенко, В. Замятко, М. Дружинин, Н. Придиус, Б. Еремеев. В. Заньковский, Л. Кравцова и Михаил Николаевич Ложкин, на которого организаторы «рассчитывали в силу его авторитета в районе и среди его руководства» [14]. Ощущалось очень сильное противодействие со стороны руководства района, состоявшего сплошь из коммунистов. Но 17 апреля 1990 г. состоялось собрание инициативной группы, на которое были приглашены руководители РК КПСС, от Совета ветеранов Великой Отечественной войны Г.В. Богачков, редактор районной газеты В.В. Тёр и другие. Коммунисты испугались, как им показалось, антисоветской направленности Программы и Устава организации. Именно М.Н. Ложкин, чтобы смягчить ситуацию, предложил в месячный срок доработать документы. В комиссию вошли А. Самусь, Н. Ляшко, М.Н. Ложкин, В.М. Замятко, В. Заньковский, работник РВК В. Диденко и председатель сельсовета ст. Отрадной Б. Румянцев. Обсуждение доработанных документов состоялось 3 мая 1990 г. в помещении краеведческого музея. Многим положениям в документах были приданы более «умеренные» формулировки. Однако председатель райисполкома В.М. Крамаренко в категорической форме не дал разрешения проводить учредительный сбор отрадненских казаков. Фактически нелегально 57 делегатов от станиц и населенных пунктов Отрадненского района собрались в спортивном зале

районного комитета физкультуры и на Сходе казаков приняли Уложение и Программу Отрадненского районного казачьего объединения (ОРКО). Атаманом был избран сотрудник районной газеты Анатолий Данилович Самусь. Правление казачьего объединения пригласили в райком КПСС на беседу, в ходе которой «партийная власть» пообещала поддержку казачеству «при условии работы под их негласным руководством» – и тут же предложили отметить 130-летие основания ст. Надежной. Казаки вынуждены были пойти на компромисс. Празднование в ст. Надежной состоялось 18 июня 1990 г. [15].

В октября 1990 г. ОРКО пригласили на Всекубанский учредительный съезд казаков, в котором принимало участие более тысячи человек со всего Советского Союза. Атаманом Кубанской казачьей Рады был избран В.П. Громов, а отрадненский атаман вошел в состав Совета атаманов.

Отрадненское районное казачье общество было одним из первых на Кубани и в стране, которое было зарегистрировано «на законных основаниях» и приступило к изданию приложения «Казачья сторона» к районной газете (тираж 3000 экз.) [16]. В этом успешном начале «казачьего возрождения» в Приурупье и на Кубани был и немалый вклад Михаила Николаевича Ложкина.

В дни Всекубанского учредительного съезда казаков в Отрадненском краеведческом музее Михаил Николаевич развернул выставку подлинных фотографий и копий с них, на которых были запечатлены казаки Приурупья, их семьи, фронтовые снимки казаков времен Первой мировой войне. Эта коллекция фотодокументов, отражавшая жизнь и быт казачества, в музее формировалась постепенно. Многие фотографии своих дедов и прадедов по просьбе краеведа передавали в музей станичники, часто учащиеся находили старые фото в заброшенных хатах и приносили их Ложкину. Фототека формировалась с конца 1950-х гг., тогда обнародовать, что твой предок казак было уже не опасно, не то что в первые послереволюционные годы. Выставка стала возможной в связи с подъемом общественного движения в стране, вызванного перестройкой. Фотографии располагались по трем разделам: казаки-воины, казачьи семьи, культура казачьих станиц. Своеобразным «мостиком» в современность стали фотографии с Учредительного съезда Большого круга казаков в Москве, отснятые А.Н. Жигайловым. 26 ноября 1990 г. М.Н. Ложкин познакомил руководство ОРКО с корреспондентом ТАСС А.Н. Жигайловым (уроженцем ст. Передовой), который привёз в район фотоснимки и видеоматериалы с Учредительного съезда.

Выставка сыграла большую роль в визуализации повседневной и военной жизни казаков-отрадненцев конца XIX – начала XX в., о которой уже мало кто знал в станице. Это расширило доверие населения к возрождающемуся казачеству. Впервые жители района и его гости увидели групповые портреты казаков-кубанцев, проходивших службу в личном конвое Государя императора Николая II в Царском Селе. Жители станицы Подгорной могли лицезреть своего земляка Никандра Яковлевича Илющенко (1887–1919) в составе конвоя наместника Кавказа князя Воронцова-Дашкова, во время посещения царем Николаем II Тифлиса в 1912 г. Казак Н.Я. Илющенко был одним из первых в Приурупье, кто увлекся «светописью» и стал профессиональным фотографом. Во многих семьях, сохранивших дореволюционные снимки, на паспарту был оттиснут штемпель с его фамилией. Неизвестный фотограф из Исправной снял в Передовой любопытный сюжет: молодые казачата в кругу пляшут под дудку и бубен. Краеведу удалось даже идентифицировать некоторых участников детской пляски – с бубном, в частности, был Мещерин Михаил Александрович, ставший позднее учителем, директором школы в Подгорной, по ложному обвинению он был арестован в 1937 г. и расстрелян.

Молчаливые фотографии становились красноречивым источником в руках краеведа и помогали восстановить трагические и героические страницы казачьей истории. Казак перед посетителями музея теперь представал не «царским опричником», разгонявшим демонстрации рабочих, каким его пытались представить в советской пропаганде, а тружеником и защитником Отечества. Впрочем, потомки казаков этого никогда не забывали, но большая часть населения Кубани и Приурупья имела совершенно смутные и искаженные представления о казачьем прошлом. Многие посетители впервые увидели на большой групповой

фотографии первопоселенцев станиц Удобной и Попутной, в том числе и своих родственников. А.Н. Жигайлов подарил музею копию семейной фотографии, на которой были запечатлены казачки ст. Передовой, приехавшие на свидание к своим мужьям в Закавказье, в крепость Карс в 1911 г.

Эти вновь открытые страницы бытовой и семейной истории казачьего прошлого делали далеких и забытых земляков близкими и «своими», а не мифологизированными персонажами. Так через фотографию налаживалась связь поколений, реконструировалась социальная и культурная идентичность. Ложкин в заметке «Приходите, посмотрите!» [17], посвященной этой выставке, призывает к доверительному диалогу современника с прошлым его предков, приглашает… в историю.

30 ноября состоялось в районном Доме культуры чествование 80-летия М.Н. Ложкина. От имени правления ОРКО атаман А.Д Самусь поздравил юбиляра и зачитал приказ о награждении его званием «Почётный казак Отрадненского районного казачьего объединения» [18].

М.Н. Ложкин часто принимал участие в сходах казаков, выступал перед ними с лекциями об истории христианства в средние века на Западном Кавказе, заселении казаками Приурупья и образовании станиц района [19]. По его совету атаман А.Д. Самусь в 1993 г. приступил к сбору материалов по истории ОРКО и написанию воспоминаний о возрождении казачества в Отрадненском районе и передаче документов на хранение в краеведческий музей [20].

В 1995 г. краевед Ложкин получает приглашение от известного кубанского историка, профессора, доктора исторических наук В.Н. Ратушняка приглашение участвовать в составлении «Казачьей энциклопедии». Отрадненский краевед начинает публиковать в районной газете пробные статьи для нее. Он пытается «по крохам» собрать устные сведения о казачестве Приурупья, его видных деятелях, независимо от того к «белому» или «красному» движению относились его участники, были ли они выходцами из офицерского состава или трудовых низов. «Казачьи судьбы довольно разные, – пишет М.Н. Ложкин. – Так распорядилась история, но казаки – дети одной земли, дети русского казачьего народа. Просим читателей высказать свое мнение и принять участие в подготовке энциклопедии своими рассказами об обычаях, памятниках истории, быте, биографиях наиболее выдающихся станичников» [21].

С самого начала возрождения исторической памяти о казачестве краевед подчеркивал, что казачество являлось частью русского народа, а не каким-то отдельным этносом с каким-то «особым» языком (этот ложный тезис до сих пор «гуляет» по страницам некоторых казачьих изданий). Он призывал к объективному показу исторического прошлого, не купировать «неудобные» страницы по тем или иным «цветным» политическим соображениям, предлагал рассказывать о всех личностях, достойно и самоотверженно служивших своему Отечеству. Поэтому в газетной рубрике «Казачья энциклопедия» биографии даются параллельно: в начале статьи М.Н. Ложкин повествует о казаке-интеллигенте, уроженце Отрадной, большевике С.А. Савине (1890–1936), который представлял Отрадненский отдел Кубано-Черноморской республики в июне 1918 г. на V Всероссийском съезде Советов, а затем о судьбе атамана ст. Бесскорбной С.А. Яценко (1881–1930-е гг.), при котором была построена в станице учительская семинария. Несмотря на защиту учительского коллектива, бывший атаман в 1920 г. был вынужден покинуть Родину, жил в Болгарии и Сербии, где и умер. Семья С.К. Яценко – жена и семь дочерей – была разорена и изгнана из станицы советской властью.

Восстанавливать доброе имя Степана Кузьмича Яценко краевед начал со сбора устных и письменных свидетельств. По его мнению, атаман Яценко несомненно заслуживал «доброй памяти за просветительскую деятельность на Кубани». Итогом его изысканий стала публикация в 1992 г. в районной газете статьи «Атаман станицы Бесскорбной» [22], которая затем появилась и в «Кубанских новостях». Восстанавливая биографию казака-эмигранта и последующую судьбу его семьи, Ложкин с основателем народного музея в ст. Бесскорбной И.Д. Фоменко, атаманом Бесскорбненского казачьего круга А.М. Бровко и казаками посетили в 1994 г. Надежду Степановну Яценко, проживавшую в с. Дмитриевском Ставропольского края. Дочь Степана Кузьмича передала в музей ряд документов из семейного архива, поделилась своими воспоминаниями [23].

Работа над «Энциклопедией Кубанского казачества», в которой принимал участие М.Н. Ложкин с 1995 г., завершилась, наконец, изданием тома в 2011 г. «Энциклопедия Кубанского казачества» оказалась первой попыткой «дать краткие, но системные сведения о кубанском казачестве, его истории, возрождении, культуре, традициях, обычаях, православных и казачьих праздниках, культовых заведениях и памятниках, военном лексиконе и бытовавшей военно-казачьей терминологии» [24]. Уже из перечня этих задач, которые стояли перед составителями, было очевидно, что в один том нельзя вместить все статьи, охватывающие даже в самом сжатом варианте многообразную жизнь и богатую историю кубанского казачества. Идеологические соображения явно повлияли и на отбор персоналий, что редакция оговорила специально: «По мере возможности даны сведения о казаках со сложной и необычной судьбой, казачьей эмиграции» [25].

И хотя М.Н. Ложкин отправлял в редакцию энциклопедии более десятка статей, в нее вошли всего две, и то несущественные, ранее уже опубликованные в «Энциклопедическом словаре по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года»: «Застава», в которой говорится о древнем городище в районе ст. Передовой, которое в годы Кавказской войны использовалось казаками в качестве сторожевого поста [26] и «Памятник 200-летию ККВ (1696–1896)» – совершенно краткая статья о пирамидальном памятнике, воздвигнутом в центре ст. Бесскорбной [27]. Часть персоналий, готовившихся для казачьей энциклопедии (Гетманов Е.Т., Домбровский Я., Дьяков М.А., Яценко С.К. и др.) была опубликована в «Энциклопедическом словаре по истории Кубани с древнейших времён до октября 1917 года» ещё в 1997 г. [28].

Отрадненскому краеведу довелось слишком мало потрудиться над вопросами истории казачества Приурупья, сказывался возраст, тяжелая экономическая ситуация в стране. Слишком поздно были подняты над отечественной историей чугунные плиты цензуры, открыты двери спецхранов. Однако всё, что смог Михаил Николаевич Ложкин сделать для непредвзятого изучения истории возрождающегося кубанского казачества, было им сделано честно, добротно и профессионально.

Примечания:

1. См.: *Придиус Петр*. Воспитание историей // Кубанские новости. 1995. 30 нояб.
2. Там же.
3. *Малахов С.Н., Немченко С.Г.* К истории возвращения казачьих регалий на Кубань // Вестник архивиста Кубани. 2014. № 9. С. 145–151.
4. *Ложкин М.Н.* Сабля революции // Сельская жизнь. 1980. 26 октября.
5. *Ложкин М.Н.* Комдив Петр Курышко // Сельская жизнь. 1980. 17 января.
6. *Ложкин М.Н.* Памятник двухсотлетию // Сельская жизнь. 1990. 24 апреля.
7. *Ложкин М.Н.* Памятник 200-летию ККВ // Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до 1917 г. / Науч. ред. и составитель Б.А. Трехбратов. Краснодар, 1997. С. 325.
8. *Фролов Б.* Памятник 200-летию ККВ (1696–1896) // Энциклопедия Кубанского казачества / Под ред. проф. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 2011. С. 341.
9. *Ложкин М.* Где вы, казаки?// Сельская жизнь. 1990. 15 мая.
10. *Ратушняк Т.* Немченко Гарий (Гурий) Леонтьевич // Энциклопедия Кубанского казачества / Под ред. проф. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 2011. С. 305.
11. *Ложкин М.* Где вы, казаки? // Сельская жизнь. 1990. 15 мая.
12. Там же.
13. *Самусь А.Д.* Хроника казачьего движения в Отрадненском районе (1990–1996 гг.). Рукопись. Отрадная, 2005. 160 с.
14. Там же. С. 2.
15. Там же. С. 4–7.
16. Там же. С. 9–12.
17. *Ложкин М.* Приходите, посмотрите! // Сельская жизнь. 1990. 18 октября.
18. *Самусь А.Д.* Хроника казачьего движения… С. 14–15.
19. Там же. С. 54.
20. Там же. С. 57, 95.
21. *Ложкин М.Н.* Казачья энциклопедия // Сельская жизнь. 1995. 25 нояб.
22. *Ложкин М.* Атаман станицы Бесскорбной // Сельская жизнь. 1992. 1 мая.
23. *Бровко А.М., Казанков В.И.* Атаман С.К. Яценко и основание Бесскорбненской учительской семинарии // Вопросы истории Поурупья. Вып. I / Под. ред. С.Н. Малахова и С.Г. Немченко. Отрадная, 2012. С. 182–197.
24. Энциклопедия Кубанского казачества / под общ. ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар: Традиция, 2011. – 504 с.: ил.
25. Там же. С. 3.
26. Там же. С. 167.
27. Там же. С. 341.
28. Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времён до октября 1917 года / Составитель, науч. ред., рук. автор. коллектива Б.А. Трёхбратов. Краснодар, 1997. С. 118, 146, 149, 150, 558.

Н.Ф. Лысенко, А.Л. Пелих

Секты на Кубани в XX в.

Российское, советское правительства, научный и духовный мир уделяли определенное внимание деятельности сектантов еще с дореволюционных времен (историографию см: [1]). Правда, отношение к ним было несколько иным, чем к господствующим религиям. Многие секты, в силу своих

особенностей, не могли иметь широкое распространение, не пользовались популярностью среди населения. Преследуемые самодержавием, в период революционных смут начала XX века, некоторые из них выступали союзниками бунтовщиков. Разгоревшееся позже пламя Гражданской войны, коллективизация, внутрипартийная борьба, преследование христианства, ислама отодвинули проблемы взаимодействия с сектами на задний план. После Великой Отечественной войны те из них, что, по мнению правительства, внесли существенный вклад в победу, имели определенные привилегии. Например, они получали молельные дома, зачастую им никогда не принадлежавшие. Регистрация их организаций происходила по упрощенной форме. Но тотальный контроль со стороны государства над религиозной деятельностью никогда не исчезал.

Значительное ухудшение положения сектантства в СССР и на Кубани отмечается со второй половины 50-х годов XX века. Связано это сразу с несколькими причинами. В этот период было решено окончательно покончить с религиозным прошлым народов страны. А поскольку ведущие церковные силы были подорваны многолетним преследованием, то дошла очередь и до более мелких образований. К тому же, в этот период противостояние между Советским Союзом и Соединенными Штатами достигло наивысшего обострения. Большинство сект того времени имело корни в протестантизме, происходило из Европы и Северной Америки, имело там свои штаб-квартиры. Понятно, что спецслужбы Запада не могли пройти мимо возможности использовать эти структуры в своих подрывных целях.

Но самая главная причина обострения отношений государства и сект заключалась в их возрастающем влиянии на жизнь общества. Являясь тоталитарными образованиями, они начинали создавать угрозу тоталитарной идеологии коммунистического режима. Рост популярности сектантства во всем мире был вызван потерей традиционных ценностей. Научно-технический прогресс изменял мировоззрение человечества, направлял его развитие по пути глобализации. Многочисленные революции, антиколониальная борьба, мировые войны подорвали веру в слагавшийся веками порядок вещей. Духовный вакуум заполнялся сектантскими организациями. В Европе и Америке стали массово появляться религиозные течения азиатского и африканского происхождения.

При формировании подходов к различным сектам учитывалась их идеология, отношение к существующему режиму. Некоторые из них были запрещены в первые годы Советской власти и потом постоянно преследовались. В первую очередь это так называемые изуверские секты: пятидесятники, скопцы, хлысты и другие. Подвергались репрессиям структуры, проникающие на территорию страны уже в период коммунистического правления, например, кришнаиты. Но все же сектантов было очень много, около 1 млн. человек в начале XX века, а потому с умеренными течениями приходилось мириться. С ними вели идеологическую борьбу. Тем более, что законодательство было полностью на стороне атеистов.

Позиция правительства в отношении умеренных сектантов и стратегия противодействия им выражена в письме Совета по делам религий при Совете Министров СССР от 20 сентября 1971 года [2]. В нем, на примере адвентистов седьмого дня, устанавливались рамки свобод, которые государство готово было допустить для сектантов. Никакое сотрудничество с религиозными международными организациями не разрешалось. В частности, запрещалось выполнение требований Всемирной Генеральной конференции адвентистов так называемого «Церковного порядка». Считалось вредным и существование общесоюзных структур сектантов. Всесоюзный Совет тех же адвентистов был ликвидирован в 1959 году. Никакой религиозный устав или положение не могли служить руководством для общества верующих, если они противоречили законодательству о религиозных культах.

Особое раздражение у чиновников вызывали положения в организационных документах сектантов, запрещающие сотрудничество с государством, мешающие исполнению гражданских обязанностей. Не одобрялся отказ от посещения театров, кино, иных увеселительных заведений. Гнев вызывала передача десятой части дохода верующего на нужды церкви, слепое повиновение духовным лидерам. Категорически

запрещались вечерние школы, несанкционированные собрания, работа с молодежью. От партийных и советских функционеров требовалось внимательно следить за тем, чтобы религиозная пропаганда не велась под видом кружков, хоров, оркестров, клубов. Верующим не разрешалось создавать органы управления, не предусмотренные законом. Запрет действовал даже в тех случаях, если та или иная форма руководства прихожанами сложилась традиционно. В стране существовала стандартная процедура, в любом религиозном обществе из числа верующих должна была избираться ревизионная комиссия из трех человек. На них и возлагалась вся ответственность по ведению дел в общине.

В аналитических записках по Краснодарскому крайисполкому в 1970-е годы неоднократно отмечается активизация деятельности различных сект: баптистов, иеговистов, пятидесятников, адвентистов. Особую тревогу у властей вызывали такие районы, как Абинский, Белореченский, Выселковский, Динской, Крымский, Отрадненский, Щербиновский. Руководители некоторых сект призывали молиться не только дома, но и собираться в молитвенных домах. Особенную активность проявляли свидетели Иеговы. По мнению экспертов, они были враждебно настроены против существующего государственного и общественного строя, не признавали законов о культах, изучали литературу, поступающую из США, широко использовали для пропаганды технические средства. Многие иеговисты игнорировали выборы в Верховный Совет СССР и народные суды. Некоторые из них отказывались от службы в рядах Советской Армии. Аналогичную позицию занимали группы пятидесятников и адвентистов. Кроме всего прочего, они запрещали своим последователям посещать кино, смотреть телевизионные передачи. Пропагандировалась изоляция от светской жизни, «духовное пустынножительство».

Здесь необходимо подробнее рассказать о сущности сект, распространенных в России XX века. У них много общего, но имеются и определённые различия, обусловленные временем появления, местом формирования и так далее. Практически все эти секты имеют протестантские корни, а, следовательно, их облик во многом обусловлен личностными качествами основателей.

Сейчас в России насчитывается более 3 миллионов баптистов. Единственным источником вероучения они считают Библию и провозглашают путь личного спасения посредством веры в «искупительную жертву Иисуса Христа». Сектанты не признают духовенство в качестве посредника между верующими и богом, отрицают мощи, крестное знамение, монашество, церковные таинства, игнорируют церковные праздники, не связанные с именем Христа. Обряд крещения и причащения символизирует у них веру человека, его преданность служению Христа. Баптистов могут называть разными именами: «Евангельские христиане», «Евангелисты», «Штундисты». Для пятидесятников огромное значение имеет проповедь близости второго пришествия, конца света и тысячелетнего правления Христа. Они признают крещение, хлебопреломление, большое значение придают мистическому общению с Богом. При отправлении служб особая роль отводится Святому Духу. Считается, что он снисходит на благочестивых людей. Такое происходит на молитвенном собрании, когда человек находится в состоянии крайней религиозной экзальтации. Моления проходят в мистической обстановке, сопровождаются появлением «пророков», имеющих различные «видения».

Начиная со второй половины XX века, в России активно распространяется секта «Адвентисты седьмого дня». В основе их учения лежит вера в скорый конец света, второе пришествие Христа, Страшный суд и тысячелетнее царство божье для праведников. Понятно, что под праведниками адвентисты подразумевают сторонников своей секты. Они отрицают бессмертие души, утверждая, что она умирает вместе с телом, а воскресает в день пришествия Христа. Земная жизнь позволяет подготовиться к этому моменту – совершенствоваться нужно и морально, и физически. Обязательными является соблюдение субботы, уплата десятины. Непререкаемым авторитетом среди них пользуются предсказания «пророчицы» Елены Уайт. К началу 90-х годов XX века число сторонников секты в России достигло 500 тыс. Причем большая их часть располагается в южных регионах страны.

В конце XX века на Кубани активизировалась секта «Свидетели Иеговы». Её последователи считают себя исследователями Библии. Это тоталитарная структура,

её президент имеет неограниченную власть над прихожанами. Сверху вниз идут указания, распоряжения, инструкции, обратно – деньги. В СССР секта проникла после присоединения западных областей Белоруссии и Украины. Поначалу она жестоко преследовалась, так как спецслужбы подозревали её руководство в связях с ЦРУ. После распада Советского Союза иеговисты получили полную свободу действий. Пользуясь поддержкой зарубежья, они развернули широкую пропаганду своих взглядов.

Очень характерно в этом смысле содержание учебника иеговистов «Учимся в школе теократического служения» [3]. Книга призвана помочь в изучении Священного Писания. Но Библия в данном контексте используется лишь как источник цитат. Главное внимание ученика переключается на так называемую дополнительную литературу. Другими словами, под сенью религиозных текстов проповедник проводит свои собственные идеи и замыслы. Подобное «боготворчество» очень характерно для протестантских сектантов. «У нас, как у народа Иеговы, нет недостатка в том, что изучать». И ещё «Необходимо быть особенно осторожным, если ты хочешь воспользоваться информацией из светских источников». Адепта стремятся изолировать от общества, что является одним из признаков тоталитарной секты. На собраниях темы для обсуждения часто назначает надзиратель школы. Одной из задач данного учебного пособия является убедить читателя и слушателя в необходимости воспринимать библейские события лишь в рамках конкретного собрания. Названия глав – «Как научить детей слушать», «Заинтересованность», «Как слушать речи», «Как слушать во время обсуждения», «Как слушать на конгрессах», «Чтение вслух для других» – пронизаны риторическим посылом отделить своих приверженцев от окружающего мира, или, как выразился автор, «от сатанинской системы вещей». Весь мир объявляется злом и противопоставляется общине. Официальная Библия пренебрежительно называется Христианским Греческим Писанием, просматривается попытка обосновать её неполноценность и урезанное содержание. В данном случае затрагиваются религиозные чувства людей другой конфессии.

Таким образом, рассматриваемый учебник является книгой для своих, в котором авторы называют вещи своими именами. Здесь наиболее ярко просматривается тоталитарный характер секты «Свидетели Иеговы». Религиоведческий анализ показывает, что адепты секты нетерпимо относятся к верованиям других людей, особенно к православным. Их учение они называют «сатанинской системой вещей», а Евангелие – книгой заблуждений. С психологической точки зрения авторы стремятся вызвать у приверженцев секты страх и омерзение перед внешним миром «несмотря на попытки Дьявола поглотить нас». Все коммуникации с окружающей действительностью должны проходить через лидеров организации. Члены секты идут на встречу с другими людьми лишь мотивированными на решение конкретной задачи. Они должны мгновенно выделить в толпе человека в сложном психическом состоянии и попытаться вовлечь его в свою веру.

Начиная со средины XX века, контроль над сектами проводился в форме посещений их собраний специально назначенными чиновниками. Так, в справке комиссии Ленинского райисполкома Краснодара от 3 апреля 1975 года отмечается, что при проверке общины Евангельских христиан баптистов, нарушений законодательства не установлено [4]. Присутствовавший на служении гость из города Чикаго Сергей И.М. обратился к прихожанам с речью положительного содержания. Было обращено внимание на большое количество детей, участвовавших в молитве.

Власти стремились регламентировать все стороны жизни религиозных организаций. Так, в соответствующей комиссии Ленинского исполкома города Краснодара в октябре 1975 года обсуждалась просьба общины Евангельских христиан баптистов о разрешении им крестить детей не с 18, а с 16 лет. Там же были подвергнуты административному наказанию члены этой секты, организовавшие туристическую поездку для молодежи вокруг Кавказских гор. Важным моментом в регулировании деятельности сект являлась их регистрация. Поэтому многие радикально настроенные организации стремились избегнуть этой процедуры. В отчетах Прикубанского райисполкома города Краснодара от 11.12.1980 г. мы читаем: «Исполкомом принимались неоднократные меры к выявлению нелегальных сборищ иеговистов. Однако из-за глубокой

их конспирации обнаружить такие сборища не удалось» [5]. Расчеты, проведенные на основе официальной отчетности, показывают, что в 60-70 годах XX столетия около 30% сект оставались не зарегистрированными [6]. В число нарушителей чаще других попадали адвентисты 7-го дня, иеговисты, хлысты, имяславцы.

Не обходилось, как это часто бывает в подобном противостоянии, и без абсурдных ситуаций. В городе Апшеронске 13 августа 1972 года в общине Евангельских христиан баптистов проходила свадьба [7]. Там исполнялись религиозные песни в сопровождении оркестра из Краснодара. На предложение комсомольских и партийных активистов прекратить исполнение музыки их просто выставили с праздника, что кажется вполне логичным по отношению к незваным гостям. Но те обиделись и вызвали милицию. А позже гордо отрапортовали, что музыканты, испугавшись ответственности, тайком покинули свадьбу.

Борьба против сектантства на Кубани с конца 1960-х годов в большей степени переходит в административную плоскость. Партийные и советские органы часто относились формально к этой проблеме, ограничиваясь составлением поверхностных отчетов. Функ-ционеры, которым поручалась работа с религиозными организациями, обычно не имели для этого достаточной подготовки. В отличие от подходов властей конца XIX – начала XX в., когда духовную идеологию определяли хорошо образованные священники, в советское время этим занимались выпускники партийных школ, чьи знания ограничивались курсом научного атеизма. Этот учебный предмет своей непримиримой критикой религии в большей степени привлекал к ней внимание людей, чем отвращал от нее. Вероятно, всё это было одной из причин постепенного увеличения числа сектантов в Краснодарском крае. Так, за период с 1975 по 1980 годы их общее количество возросло на 20%.

Понятно, что не только ослабление давления со стороны государства на секты способствовало их распространению. В это время происходили глобальные изменения во всем мире, и они в какой-то степени проникали в СССР. Молодежные бунты, прокатившиеся по Европе и Северной Америке, породили ряд неформальных движений. Самым ярким из них был протест хиппи. Интеллектуалы, разочаровавшись в буржуазных ценностях, стали искать свои идеалы в других философских системах. А здесь могли сгодиться и самые крайние сектантские воззрения.

Одной из форм нейтрализации влияния сект в Советском Союзе было вытеснение их в глухие и малолюдные места. В Краснодарском крае такими территориями оказались горные села и дальние станицы. Опустевшие в результате миграции молодежи в города, эти населенные пункты во второй половине XX века постепенно становились прибежищем немногочисленных пенсионеров. Здесь и позволяли существовать религиозным неформальным организациям. Одним из таких «сектантских центров» стал поселок Солёный в современном Мостовском районе. Конечно, и в тех местах спокойствие сектантов было относительным. Определенную известность в конце 1970-х годов получил процесс по делу кришнаитов в поселке Курджиново, что располагался в тогдашней Карачаево-Черкесской автономной области.

«Общество Сознания Кришны», так звучит полное название организации кришнаитов, относится к неоориенталистским культам. Согласно этому учению, существует единственный абсолютный бог Кришна. Он выступает в трёх ипостасях: Бхагаван, Брахман и Параматма. Кришнаиты живут в коммунах, которыми руководит гуру. Это не просто учитель, он воплощение бога на земле. Гуру посвящает ученика в тайное знание, берёт на себя его карму, даёт ему секретную «защитную» мантру. В конечном счёте, ученик превращается в послушного исполнителя воли своего учителя, а это вызывает у многих людей опасения.

Среди интеллектуалов получили определённое распространение такие неоориенталистские учения, как дзен-буддизм и «трансцендентальная медитация». По сути дела, в этих течениях отсутствует понятие бога. Их сущность сводится к уходу от мира методом медитации и пребыванию в нирване.

Всё большее значение приобретает «Церковь сайентологии». Эта организация исходит из предположения о множестве связей Земли с высшими космическими силами, а её идеология густо замешана на психологии, оккультизме и чёрной магии. Во многих странах это религиозное направление

запрещено, но в России его представители чувствуют себя достаточно вольготно.

Обычно под понятием сектантства мы объединяем самые разные явления. Но есть нечто общее, что характерно для всех подобных организаций. Они могут существовать столетиями и даже тысячелетиями, и оставаться при этом в изоляции. И это характерно не только для России, но и для других стран с устойчивыми религиозными традициями. Даже в США, где к взглядам людей относятся с высокой степенью толерантности, многие секты вызывают настороженность. И это не всегда относится к таким чуждым человеческой морали образованиям как, например, поклонники дьявола. Даже вышедшие из протестантизма баптисты, мормоны, квакеры остаются там для многих непонятной экзотикой. Попутно следует отметить, что сатанизм пришёл к нам из древнего Ирака. Его заветы содержатся в Синей книге. Пользуясь безнаказанностью, сатанисты совершают в современной России многие кощунственные деяния. Они оскверняют кладбища, совершают кровавые жертвоприношения.

После того, как в начале 1990-х годов КПСС потеряла власть, исчезли и запреты на деятельность сект. Воспользовавшись бессилием закона, всеобщей разрухой, в Россию хлынуло множество разномастных организаций, иногда не имеющих даже косвенного отношения к религии. Более того, некоторые из них имели просто преступные цели. Например, скандальную известность получила деятельность секты Аум Сенрикё. По своей сущности это учение относится к одному из направлений буддизма – тантризму. Её лидер Асахара предсказал в 1997 году конец света и приказал своим последователям начать террор против человечества. Реформирующаяся страна была лакомым куском для различного рода авантюристов, новоявленных «мессий». Люди, десятилетиями огражденные от влияния внешнего мира, стремились к новизне. Их способность критически оценивать ситуацию была сильно занижена. Исчезновение тоталитарной идеологии, прочно связанной с массовым сознанием населения, требовало определенной замены. И отчасти это произошло за счет религиозных тоталитарных организаций. Их внутренние установки, направленные на безоговорочное подчинение массы лидеру, на подавление инакомыслия соответствовали психологии значительной части граждан СССР.

Распад империи способствовал формированию сепаратных настроений среди населявших ее народов. По вектору они совпали с политикой многих сект, исповедующих самоизоляцию и обособленность. К тому же руководители недавно возникших государств нуждались в международном признании, а потому готовы были упасть в объятия первой попавшейся структуре с броским названием на непонятном языке. Следует признать и то, что традиционные церкви, пострадавшие в процессе многочисленных революций и реформ, на начальных этапах «перестройки» заняли выжидательную позицию.

Что на самом деле представляют собой современные секты, можно установить на примере мормонов. В настоящее время они ведут активную миссионерскую деятельность на юге России, в том числе и в Краснодарском крае. Для привлечения новых членов используются самые разнообразные способы: собрания, курсы по изучению языков и так далее. В своем быту мормоны избегают употребления спиртных напитков, сигарет, кофе. Отвергается телевидение и другие формы развлечений. Главные приоритеты отданы семье и работе. Именно так, по их мнению, протекала жизнь «людей писания». Но на самом деле за этим привлекательным фасадом скрывается одна из самых жестких и тоталитарных сект в мире. Ее лидеры наделены большими правами, а их подопечные обязаны выполнять любые распоряжения руководства. Регламентируются все стороны быта общины. Людям навязывается определенный образ жизни, который может противоречить принятым в том или ином сообществе нормам морали и нравственности. Так случилось в США, где собственно и зародилось движение мормонов. Власти некоторых штатов длительное время преследовали эту секту за практикуемое среди ее членов многоженство.

Но главным в любом религиозном движении является его идеологическая база. У рассматриваемой нами секты она выглядит крайне сомнительно. Вера здесь основывается на Книге Мормона, которая сравнивается с Библией [8]. Она, якобы, является летописью общения бога с древними жителями Америки. В повествовании, передаваемом от имени пророка Мормона,

сообщается о двух великих цивилизациях. Одна пришла в Новый Свет из Иерусалима в 600 году до Р. Х. и известна как нефийцы. Другая оказалась здесь гораздо раньше, после прекращения строительства Вавилонской башни. Их называли ламанийцами. Через тысячу лет все, кроме ламанийцев, были истреблены и те стали родоначальниками американских индейцев. Книга Мормона описывает служение Иисуса Христа среди нефийцев. На этом основании мормоны строят свое учение, произвольно изменяя определенные главы Библии. В 1823 году тексты книги «чудесным» образом были переданы новоявленному «пророку» Джозефу Смиту, который сделал их перевод с египетского на английский язык. Правда, о самом «пророке» имеются самые противоречивые сведения. Известно, что в молодости он был драчуном и пьяницей, а получив по голове бутылкой и вовсе понес околесицу. Этим воспользовались его дальние родственники. Они нашли где-то неопубликованный фантастический роман и на его основе стали создавать свою веру. А для того, чтобы придать всему этому сакральный смысл, была сфабрикована легенда об откровении Джозефу Смиту. Ему, через воскресшего сына Мормона Мормония было указано место на горе Кумора, где под камнем когда-то спрятали золотые свитки. Понятно, что тексты новоявленного писания либо взяты из Библии, либо выдуманы. В отличие от Ветхого Завета, историзм которого был неоднократно подтвержден наукой, подлинность событий, изложенных в Книге Мормона, крайне сомнительна. Его даже нельзя отнести к монотеистическому учению, так как там встречаются и божества, которые со всем основанием можно назвать языческими. Таким, например, является повелитель земного ядра.

Еще более одиозные секты стали появляться в конце XX века. Человечеством к этому времени были уже накоплены огромные знания, оно пережило революции, грандиозные войны, кризисы. Конечно, в первую очередь это касалось европейской цивилизации и всего того, что находилось под ее влиянием. Создавать новые религиозные организации в таких условиях становилось все труднее. Традиционные ценности теряли свою значимость и для привлечения неофитов требовались уже иные, более радикальные подходы. Все чаще использовалось влияние на подсознание людей, эксплуатировалась дьявольская атрибутика, шире стали применять жертвоприношения, в том числе и человеческие. Всесторонне обыгрывались идеи апокалипсиса, необходимости самостоятельного ухода из этого мира. Основателями подобных структур часто становились и становятся личности с криминальным прошлым, с психическими отклонениями.

В XXI веке подобные тенденции продолжают активно развиваться. Людей запугивают глобальными войнами и катастрофами, разжигают социальную и расовую ненависть. Всеобщая глобализация подталкивает отдельные группы населения к самоизоляции. Этому же способствует разделение мира на благополучный Север и бедный Юг, доминирующая роль в мире западных стран.

В конечном счете, агрессивная политика сект разрушает целостное мировоззрение людей, расщепляет их коллективное сознание. Отношение человека с внешним миром чаще всего строилось на признании неких, пусть и не достижимых, но абсолютных истин. Всегда был очень важен духовный авторитет определенных личностей и организаций, веками сложившихся традиций. На практике же часто случается так, что представители секты, насчитывающей несколько сотен приверженцев, с фанатизмом в глазах убеждают каждого встречного в истинности своей веры. И обыватель, воспитанный современными СМИ на частой смене образов и событий, начинает колебаться. Ему трудно сделать выбор в этом кипящем рынке «религиозных услуг». И как это нередко бывает, решающую роль в данном процессе могут сыграть случайные факторы: «красивая упаковка», правильно выбранная рекламная стратегия и так далее. Подобными индивидуумами всегда легче манипулировать и управлять. И именно такими хотели бы видеть своих граждан те, кто стремится к глобализации.

Исходя из всего сказанного, становятся более ясными причины, по которым эти чрезвычайно централизованные организации, имеющие штаб-квартиры в ведущих мировых финансовых центрах, с такой маниакальной последовательностью внедряются в традиционные сообщества. Огромные финансовые средства тратятся на поддержание деятельности различных сект в

тех государствах, которые могут быть даже потенциально несогласными с миропорядком, формирующимся под влиянием США. Но это игры с дьяволом. Практика последних десятилетий показывает, что не всегда демона сектантства можно держать на коротком поводке. Манипуляции с религиозными чувствами людей часто заканчиваются трагедиями. Спецслужбы Запада любовно вскармливали Бен Ладена и его фанатично настроенную организацию для борьбы с СССР. И получили тотальную войну против самих себя. То же самое можно сказать и про ИГИЛ (запрещенная в РФ организация). Вероятно, подобные тенденции в будущем лишь усилятся.

Примечания:

1. *Крюков А.В.* Религиозные секты на Кубани в досоветский период: историографический аспект проблемы // Гуманитарная мысль Юга России. 2005. № 1. С. 45–56.
2. ГАКК. Ф. Р-988. Оп. 3. Д. 1080. Л. 138–143.
3. Учимся в школе теократического служения. – http://dl06.filebitccc.name/.
4. ГАКК. Ф. Р-988. Оп. 3. Д. 645. Л. 12.
5. ГАКК. Ф. Р-988. Оп. 3. Д. 1266. Л. 114–115.
6. ГАКК. Ф. Р-988. Оп. 3. Д. 645. Л. 12; Д. 1066. Л. 121–122; Д. 1080. Л. 138–143.
7. ГАКК. Ф. Р-988. Оп. 3. Д. 645. Л. 12.
8. Книга Мормона. Солт Лейк-Сити (Штат Юта, США): Издательство Церкви Иисуса Христа Святых последних дней, 1988. – 544 с.

В.Н. Петров

Внутренняя миграционная мобильность населения: Краснодарский край в общероссийском контексте

Рост пространственной мобильности населения – один из феноменов современного глобального мира. Он связан с экономическим развитием, возросшей скоростью и надежностью транспорта, демографическим давлением в отдельных частях мира, повышением уровня образования населения и распространением информации. Уровень пространственной мобильности является одним из показателей социально-экономичес-кого развития страны. Он характеризует способность населения адаптироваться к социально-экономическим условиям.

На протяжении истекающего первого двадцатилетия XXI в. очень существенные изменения произошли в масштабах, структуре и направленности потоков внутрироссийской миграции. Эти изменения в движении населения России активно исследуются демографами, географами, экономистами, но не получили еще достаточно полной социологической разработки, что и обусловило определение проблемы и актуальности данной статьи.

В настоящее время внутрирегиональной считается миграция к пределах субъектов Российской Федерации – областей, краев, республик, национальных округов. Соответственно межрегиональной – миграция между субъектами в пределах России. На этот вид миграции в разные годы приходилось от 75 до 90% всех фиксируемых статистикой миграционных перемещений. Общее число внутренних мигрантов составило за 1991–2010 гг. около 50 млн. человек [1].

Для России с ее многочисленными этническими анклавами, относительно низким уровнем жизни населения, нехваткой жилья, слабой инфраструктурой, неразвитостью институциональной организации (в том числе, в сфере национально-культурной политики и регулирования миграционных процессов) подобные масштабы миграции представляются весьма значительными. Однако, в обозреваемом периоде произошло более чем двукратное свертывание внутренних миграций с 4,7 млн. человек в 1989 г. до 1,9 млн. человек в 2009 г. что отражает реакцию населения на резкое снижение уровня жизни, проведение крайне непопулярных в народе экономических реформ 1990-х годов прошлого века. Все это негативно отразилось на уровне интенсивности внутренней миграции в России, который во много раз уступает развитым западным странам. Так, в США житель меняет место жительства в течение своей жизни примерно 13 раз, в Великобритании – около 7 раз, тогда как в России – 1,5 раза [2].

Краснодарский край в течение 1990-х гг. удерживал позиции одного из самых миграционно-привлекательных регионов, уступая по коэффициенту миграционного прироста лишь Белгородской области (в 2 раза) и Москве (в 1,7 раза). В конце XX – начале XXI вв. Краснодарский край принял масштабные потоки мигрантов. Суммарный миграционный прирост за период 1989–2002 гг. составил 660680 чел. [3]. При этом коэффициент миграционного прироста достигал величины 4,3 чел. на 1000 населения,

что тогда в 2,1 раза превышало среднероссийские показатели.

В начале XXI в. ситуация несколько изменилась. За истекшее пятнадцатилетие численность населения Краснодарского края выросла более чем на 300 тыс. человек: с 5132 тыс. чел. в 2001 г. до 5453 тыс. чел в 2015 г. При этом основным источником его пополнения продолжала оставаться внутрироссийская миграция. Объемы ее растут, а доля имеет тенденцию к сокращению. Это хорошо видно из статистических данных Краснодаркрайстата (таблица 1).

Таблица 1

Миграционный прирост, убыль (-) населения края (человек/%) [4]

	2005	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**	**2014**
Миграция – всего	23770	26746	61514	46338	72508	45800
в том числе:						
в пределах России	18906	21116	46180	33226	58357	32662
в пределах России к общему объему (%)	79,5	79,0	75,0	71,7	80,0	71,3

Анализ особенностей миграционного прироста обнаруживает несколько тенденций, которые имеют как общероссийский характер, так и явно выраженную специфику этого большого региона. Уменьшение объема миграционного прироста в конце XX в и самом начале XXI в. совпадает с теми процессами, что были характерны для общероссийской миграции, когда ее волна стала убывающей по своей силе. Это произошло, прежде всего, по причине почти десятикратного сокращения притока мигрантов из стран СНГ и Балтии. При этом уменьшение притока мигрантов из стран ближнего зарубежья не компенсировалось ростом внутрироссийской миграции. Напротив, и на этом направлении мы видим существенное снижение миграционного оборота в абсолютных величинах. Вместе с этим, очевидно, что миграционное движение становится все более ограниченным по дальности перемещений. Подтверждением такому выводу является почти двукратный прирост в показателях внутрирегиональной миграции, что по сути дела указывает на рост региональной замкнутости.

Анализ миграционных процессов в Южном федеральном округе и Краснодарском крае выявляет здесь действие как тенденций, проявившихся в последнее десятилетие во внутрироссийском миграционном обмене, так и особенности, наиболее выразительной чертой, которых стали нарастание региональной замкнутости, активизация миграционных перемещений из Северо-Кавказ-ских республик, как регионов нестабильности, политического, экономического и социального неблагополучия.

Примечания:

1. Миграционное движение населения: теория, политика, практика, перспективы. М., 2013. С. 56.

2. *Моисеенко В.М.* Внутренняя миграция населения. М., 2004. С. 28.

3. *Петров В.Н.* Влияние миграций на этноструктурные изменения в Краснодарском крае // Власть и общество в России: опыт истории и современность. Адлер, 2006. С. 342.

4. http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/resources/a4c0d40049e19d5f9c3ddef2e93b570e/%D0%95%D0%94%D0%9D.htm. (Дата обращения 20.05.2016).

V. ИСТОРИЯ ПРАВОСЛАВИЯ НА КУБАНИ

А.В. Бабич, С.Г. Немченко

Клировая ведомость Свято-Покровской церкви ст. Бесстрашной Кубанской области за 1914 год

Вниманию читателей представлена публикация клировой ведомости Свято-Покровской церкви ст. Бесстрашной Кубанской области, составленная в 1914 г. и хранящаяся в ГКАУ «Государственный архив Ставропольского края [Ф. 135. Оп. 72. Д. 165. Л. 114–121].

Из клировой ведомости Свято-Покровской церкви в ст. Бесстрашной Кубанской области за 1861 год [ГАСК. Ф. 135. Оп. 19. Д. 894] известно, что построена она была тщанием прихожан в 1860 году и представляла собой деревянное здание на таком же фундаменте, крытое камышом. Церковные колокола размещались на деревянных столбах.

В 1876 г. в станице началось строительство новой церкви на средства Кубанского казачьего войска с добавлением добровольных пожертвований прихожан. В 1882 г. новое деревянное здание церкви на каменном фундаменте с такою же колокольней было построено.

В 1884 г. мещанами г. Екатеринодара Иваном Руденко и Евдокимом Белоусовым пожертвованы три запрестольные иконы, а церковный староста Иван Брыкалов устроил за свой счет гробницу для плащаницы [Храмы и монастыри Ставропольской епархии (1843–1920 гг.): справочник / сост. В. В. Белоконь; Комитет Ставропольского края по делам архивов. – Ставрополь: Бюро новостей, 2012. С. 258].

В 1930-е годы церковь в ст. Бесстрашной была закрыта и сведений о ее возобновлении в дальнейшем не имеется.

К сожалению, в настоящее время здесь нет православной общины и действующей церкви, но, как говорится, «надежда умирает последней…», может быть еще и поэтому хочется языком документального свидетельства рассказать о церковном приходе станицы Бесстрашной[1] Кубанской области, в которой жили и умирали радетели нашей дорогой Кубанской земли…

I
Клировая ведомость *о церкви Покровской, состоящей в станице Безстрашной Лабинского уезда Ставропольской епархии в Кубанской области за 1914 год*

1) Церковь построена *в 1882 году тщанием прихожан станицы Безстрашной на сумму 10 044-х рублей, с добавлением от Кубанского областного правления 9000 рублей*[2].

2) Зданием *деревянная, на каменном фундаменте с таковою же колокольнею, покрыта железом и окрашена масляною краскою.*

3) Престол *в ней один, в честь Покрова Пресвятыя Богородицы.*

4) Утварию *достаточна*.

5) По штату в ней положены*: один священник и один псаломщик. Штат утвержден в 1861 году.*

6) Жалования положено: *священнику от войска 200 руб. 75 коп. Кроме того общество платит на наем квартиры 75 руб. в год. Псаломщик же получает на наем квартиры 30 руб. ежегодно.*

7) Кружечных доходов за 1914 год получено: [*данных нет*]

8) Другие источники содержания членов причта и количество поступающего от них дохода: *источником дохода, кроме кружечного, является участок причтовой земли в количестве 78 десятин, из которых 52-мя десятинами пользуется священник, а 26-ю псаломщик. Земля для сенокошения удобна, для хлебопашества же малопригодна. Сдается в аренду по 6 руб. за десятину.*

9) Земли при церкви состоит: усадебной вместе с погостом церковным десят. квадр. саж., пахотной десят. квадр. саж., сенокосной десят. квадр. саж. *Церковной земли в приходе нет. Погост же вместе с церковной оградой занимает 5 ½ десятин и находится* в расстоянии *4-х верст от церкви.* Всего *5 ½* десят. – квадр. саж.

[1] В публикации клировой ведомости сохранено дореволюционное написание названия станицы – Безстрашная.

[2] Новое здание.

10) Качество церковной земли: [*данных нет*]

11) Средний доход ею приносимый: [*данных нет*]

12) Дома для священно и церковнослужителей на церковной усадебной земле построены тщанием [*данных нет*] в [*данных нет*] году и составляют собственность: *домов не имеется.*

Другие здания, принадлежащие церкви: *1) Церковно-приходская школа зданием деревянная, покрыта железом и окрашена масляною краскою 2) Церконая сторожка, зданием деревянная, покрыта железом и окрашена масляною краскою.*

13) Состояние домов: *т.е. зданий принадлежащих церкви. Здания не старые и находятся в полной исправности.*

14) Расстоянием сия церковь от консистории в *143-х* верстах, от местного благочинного в *станице Лабинской,* в *60* верстах, от уездного города *Армавира* в *100* верстах, от *ближайшей почтовой конторы в ст-це Упорной в 18* верстах; почтовый адрес церкви: *Станица Безстрашная Куб. обл. Через Упорное почтовое отделение.*

15) Ближайшие к сей церкви: *Николаевская в станице Отважной в 7-ми верстах и Георгиевская в ст-це Подгорной, в 12-ти верстах.*

16) Приписанных к сей церкви часовен *нет.*

17) Домов кладбищных и молитвенных домов, к сей церкви приписанных *не имеется.*

18) Опись церковному имуществу заведена с *1882* года, хранится в целости, проверена в *1910* году.

19) Приходо-расходные книги о суммах свечной и церковной за шнуром и печатию *Дух. консистории* даны *1910* года, ведутся *исправно и* хранятся в целости.

20) Копии с метрических книг хранятся в целости с *1861* года.

21) В обыскной книге, выданной в *1911* году, *апреля 25* дня, за шнуром и печатию, *94* писанных листов, *39* не писанных.

22) Книги до церковного круга подлежащия: *Все церковно-богослужебные книги имеются.*

23) Церковные деньги в целости за ключем *церковного старосты* и печатию церковною. Неподвижной суммы состоит в кредитных учреждениях руб. коп., а билет находится в целости.

Недвижной суммы в церкви нет.

24) Имеющиеся в приходе школы: *В станице Безстрашной две школы: одна 2-х классная Министерства Народного Просвещения, которую посещают 163 мальчиков и 5 девочек и церковно-приходская одноклассная женская школа, посещают которую 61 девочек.*

Церковная школа помещается в доме *церковном,* на содержание ее отпускается от [*общества станицы Безстрашной на наем прислуги ежегодно по 30*][3] руб. – коп. В сем году в ней обучается – мальчиков (?) и *61* девочек.

25) При церкви состоит старостою церковным *казак Семеон Павлов Брыкалов,* который должность свою проходит с *1-го сентября 1910 года (2-е трехлетие).*

Преосвященный в последний раз посетил приход в *1910* году.

Священник Сергий Крастилевский.

Псаломщик Вячеслав Веприцкий.

II

Послужные списки *священно-церковно-служителей с их семействами и церковных старост и сведения о вдовах и сиротах, подведомственных церкви*

1. Сан, чин или звание, должность, имя, отчество, фамилия, лета от роду, когда и чем награжден и сколько получает содержания из казны и из других источников, и каких именно.

1) Священник Сергий Александрович Крастилевский, 68 лет от роду. Родился в 1846 году. Награжден в 1892 году набедренником, в 1896 году фиолетовою скуфьею, в 1901 г. камилавкою и в 1913 году наперстным крестом. Получает войскового жалованья 200 руб. 45 коп. в год, кроме того получает от общества на наем квартиры 75 руб. в годи владеет участком причтовой земли в 52 десятины.

2. Из какого звания происходит.

Сын псаломщика.

3. Есть ли недвижимое имение: у самого или у жены, и какое именно. Имеет собственный дом в станице Безстрашной.

4. Где получил образование и окончил ли полный курс наук в учебном заведении,

[3] Фраза зачеркнута.

когда поступил в учебу, в каких должностях и где проходил оную, какие проходил и проходит особенные должности.

Окончил курс в Ставропольской духовной семинарии в 1870 году. В 1871 году был рукоположен во священника к Покровской церкви станицы Безстрашной Его Преосвященством Епископом Феофилактом Кавказским и Екатеринодарским, в каковой должности и состоит до настоящего времени. В 1880, 81 и 86 годах был назначен катехизатором. С 1872 г. состоит законоучителем в Министерском одноклассном (ныне двухклассном) училище и с 1902 года – в церковной школе.

5. Был ли в походах против неприятеля и в самых сражениях, и когда именно, не было ли каких особых поручений или отличий.

Не был.

6. Подвергался ли взысканиям по суду и каким именно, или не состоит ли под следствием или судом.

В 1904 году был подвергнут монастырской епитимии на один месяц за совершение в нетрезвом виде погребения как первый и единственный случай в его служебной деятельности.

Указом Св. Синода от 20 мая 1909 года разрешено не считать препятствием к награждению его установленными для духовенства знаками отличия.

7. Был ли в отпусках, когда и на сколько именно времени, являлся в срок и если просрочил, то когда именно явился, и была ли причина просрочки признана уважительной.

Нет.

8. Был ли за штатом, или без места, и с которого по какое именно время.

Нет.

9. Холост или женат, кого имеет в семействе; год месяц и день рождения членов семейства; где и кто находится.

Жена Надежда р. 28 июля 1853 г. Дети: 1) Анастасия р. 12 дек. 1876 г. (ныне учительница церковно-приходской школы ст. Безстрашной); 2) Василий р. 9 августа 1880 г., живет в доме родителей 3) Раиса р. 19 апреля 1892 г. (обучается на средства родителей в Московском коммерч. институте).

10. Кто кому в каком родстве.

Никто никому.

11. Сведения благочиннического надзора о поведении священноцерковнослужителей с их семействами, сообщаемые для епархиального начальства.

Весьма хорошего.

1. Сан, чин или звание, должность, имя, отчество, фамилия, лета от роду, когда и чем награжден и сколько получает содержания из казны и из других источников, и каких именно.

2) Псаломщик Вячеслав Григорьев Веприцкий[4]. Родился в 1885 году. Наград не имеет. Получает от общества на наем квартиры по 30 рублей в год и пользуется участком причтовой земли количеством 26 десятин.

2. Из какого звания происходит.

Сын крестьянина.

3. Есть ли недвижимое имение: у самого или у жены, и какое именно.

Собственного дома не имеет.

4. Где получил образование и окончил ли полный курс наук в учебном заведении, когда поступил в учебу, в каких должностях и где проходил оную, какие проходил и проходит особенные должности.

Окончил курс в Ставропольском духовном училище в 1902 году. Имеет свидетельство на звание учителя одноклассной церковно-приходской школы. Был один год учителем одноклассной Министерской школы. 11 ноября 1904 года поступил на должность псаломщика к Покровской церкви станицы Безстрашной, в каковой должности и состоит до настоящего времени.

5. Был ли в походах против неприятеля и в самых сражениях, и когда именно, не было ли каких особых поручений или отличий.

Не был.

6. Подвергался ли взысканиям по суду и каким именно, или не состоит ли под следствием или судом.

Не подвергался.

7. Был ли в отпусках, когда и на сколько именно времени, являлся в срок и если просрочил, то когда именно явился, и

---

[4] **Веприцкий** *Вячеслав Григорьевич*, протоиерей, род. 20.02.1885 г. в с. Овощи Ставропольской губернии, русский; в 1900 г. окончил духовное училище в г. Ставрополе; в 1905 г. выдержал экзамен на [звание] учителя в Ставропольской классической гимназии; женат; в 1933 г. был в тюремном заключении сроком на 3 ½ месяца, находясь под следствием; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1946 г.; во время оккупации жил в ст. Усть-Лабинской, нигде не работал. До 1937 года служил священником; с 1937 по 1941 гг. – на гражданской работе. С 31 марта 1945 г. служил священником в ст. Новодонецкой Гражданского района Краснодарского края. По состоянию на 1952 г. служил в г. Приморско-Ахтарске (ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 81. Л. 29-53; Д. 286. Л. 21).

была ли причина просрочки признана уважительной.

Не был.

8. Был ли за штатом, или без места, и с которого по какое именно время.

Нет.

9. Холост или женат, кого имеет в семействе; год месяц и день рождения членов семейства; где и кто находится.

Жена Людмила р. 16 дек. 1886 г. Дети: 1) Зоя р. 4 апреля 1906 года 2) Александра р. 8 июля 1909 года 3) Сергий р. 4 июля 1911 года. Женат первым браком на девице.

10. Кто кому в каком родстве.

11. Сведения благочиннического надзора о поведении священноцерковнослужителей с их семействами, сообщаемые для епархиального начальства.

Весьма хорошего. По службе исправный и письмоводство ведет прекрасно.

1. Сан, чин или звание, должность, имя, отчество, фамилия, лета от роду, когда и чем награжден и сколько получает содержания из казны и из других источников, и каких именно.

3) Заштатный псаломщик Петр Васильев Иванов. Родился 25 июля 1861 года. Наград не имеет. Получает за 25-летнюю службу в должности псаломщика из Государственного казначейства по 33 руб. и 33 коп. ежегодно.

2. Из какого звания происходит.

Сын священника.

3. Есть ли недвижимое имение: у самого или у жены, и какое именно.

Имеет собственный дом в ст. Безстрашной.

4. Где получил образование и окончил ли полный курс наук в учебном заведении, когда поступил в учебу, в каких должностях и где проходил оную, какие проходил и проходит особенные должности.

Окончил курс в Ставропольском духовном училище в 1879 году. В том же году определен псаломщиком к Покровской церкви станицы Безстрашной, в каковой должности и состоял до июля месяца 1904 года.

5. Был ли в походах против неприятеля и в самых сражениях, и когда именно, не было ли каких особых поручений или отличий.

Не был.

6. Подвергался ли взысканиям по суду и каким именно, или не состоит ли под следствием или судом.

Не подвергался.

7. Был ли в отпусках, когда и на сколько именно времени, являлся в срок и если просрочил, то когда именно явился, и была ли причина просрочки признана уважительной.

8. Был ли за штатом, или без места, и с которого по какое именно время.

Состоит в заштате с 1 июля 1904 г.

9. Холост или женат, кого имеет в семействе; год месяц и день рождения членов семейства; где и кто находится.

Жена Вера р. 15 сент. 1865 г. Дети: 1) Елена р. 14 марта 1893 года (ныне учительница ст. Абадзехской) 2) Константин р. 8 мая 1895 года (обуч. в Ставропольской духовной семинарии на казенный счет) 3) Александр р. 20 сент. 1897 года (обуч. в Ставропольском духовном училище на казенный счет) 4) Александра р. 8 апр. 1909 года (обуч. в Ставропольском епархиальном училище на казенный счет).

10. Кто кому в каком родстве.

Никто никому.

11. Сведения благочиннического надзора о поведении священноцерковнослужителей с их семействами, сообщаемые для епархиального начальства.

Очень хорошего.

1. Сан, чин или звание, должность, имя, отчество, фамилия, лета от роду, когда и чем награжден и сколько получает содержания из казны и из других источников, и каких именно.

4) Церковный староста Симеон Павлов Брыкалов. В 1913 году награжден похвальным листом из Ставроп. Дух. консистории. Жалованья не получает.

2. Из какого звания происходит.

Сын казака.

3. Есть ли недвижимое имение: у самого или у жены, и какое именно.

Имеет собственный дом.

4. Где получил образование и окончил ли полный курс наук в учебном заведении, когда поступил в учебу, в каких должностях и где проходил оную, какие проходил и проходит особенные должности.

Образование не получил нигде. Поступил в должность с 1-го окт. 1910 года. В 1913 году выбран на 2-е трехлетие.

5. Был ли в походах против неприятеля и в самых сражениях, и когда именно, не было ли каких особых поручений или отличий.

Не был.

6. Подвергался ли взысканиям по суду

и каким именно, или не состоит ли под следствием или судом.

Не подвергался.

7. Был ли в отпусках, когда и на сколько именно времени, являлся в срок и если просрочил, то когда именно явился, и была ли причина просрочки признана уважительной.

8. Был ли за штатом, или без места, и с которого по какое именно время.

Нет.

9. Холост или женат, кого имеет в семействе; год месяц и день рождения членов семейства; где и кто находится.

10. Кто кому в каком родстве.

Никому.

11. Сведения благочиннического надзора о поведении священноцерковнослужителей с их семействами, сообщаемые для епархиального начальства.

священник Сергий Крастилевский
псаломщик Вячеслав Веприцкий

III
Ведомость о приходе

Какого звания прихожане и в каких местах и сколько где лиц иноверных и инославных исповеданий, старообрядцев и сектантов	*Число домов или хозяйств*	*Число душ муж / жен*	*В каком расстоянии от церкви, и нет ли препятствий в сообщении*
В станице Безстрашной	469	2041 / 2055	
Итого в приходе:	469	2041 / 2055	
В том числе духовных казаков мещан крестьян	 3 318 - 148	 7 / 9 1527 / 1563 494/471	
Кроме того в пределах прихода имеют жительство: иноверцев (евреев, магометан и других) инославных раскольников (сколько какого толка) поповцев …… сектантов (какой сколько секты)	5	13 / 12	
Итого:	474	2041 / 2055	

священник Сергий Крастилевский
псаломщик Вячеслав Веприцкий

С.Н. Гетманская

Из истории православной жизни станиц Лабинского района (конец XIX – начало XX в.)

Изучая историю станиц, важно учитывать духовное состояние жителей в рассматриваемый период. На материале архивов и устных свидетельств старожил в статье рассматривается православная жизнь общин в станицах Лабинской, Владимировской, Чамлыкской и Вознесенской Лабинского района[1].

С 1841 г. началось расширение войсковой территории за счёт земель Закубанья. Равнина между реками Кубанью и Лабой была названа Новой, или Лабинской Линией. Станичные храмы на Новой (Лабинской) линии строились в период с 1855 по 1886 гг. с пособием от Войска в 9 тыс. рублей практически по одинаковому плану двухклирные или одноклирные деревянные на каменном цоколе [1]. Из 16 церквей 13-го благочиннического округа стенная роспись имелась в деревянной церкви святого Николая в ст. Лабинской, построенной в 1855 г. и в храмах станиц Родниковской, Бесстрашной и Ахметовской [2]. Иконостасы в основном были «простой и дешёвой работы», богатые иконостасы чаще встречались в храмах больших размеров, построенных в начале XX в. Они возводились на общественные средства, иногда на средства частных благотворителей [3]. Примечателен случай постройки храма в начале XX в. жителями восточной части ст. Чамлыкской Лабинского отдела. Поскольку общественных средств на постройку церкви не было, священники предложили жителям восточной окраины станицы просить у общества свободной земли и произвести посев собственными силами, а на деньги, полученные от реализации урожая, приступить к постройке. Казаки вместе со священником ходили с двумя подводами по дворам, собирая зерно на посев. Посадив его поздней осенью, в начале лета собрали урожай и от реализации общественного посева получили 930 рублей. Атаман пожертвовал 240 тыс. кирпича, а затем предложил всему

[1] Автор благодарит сотрудников архивного отдела Администрации МО Лабинского района за предоставленные документальные источники.

обществу принять участие в строительстве. Было оформлено постановление об отчислении из общественных сумм 6 000 рублей и обязанности всех жителей принять на себя доставку материалов [4].

Разрешение на сбор пожертвований для построения церкви давало епархиальное начальство в том случае, если действительно прихожане находились в крайней бедности. Так, священник единоверческой Покровской церкви ст. Вознесенской Алексей Ивлев, добившись разрешения епархиального начальства, Святейшего Синода и начальника Кубанской области, производил сбор доброхотных пожертвований на построение в ст. Вознесенской храма во имя Святой Троицы. Возводился он в память погибших воинов при покорении Западного Кавказа. Деньги отчислялись атаманами из станичных общественных сумм и проходили через Канцелярию начальника области. Жители 53 станиц Кубанской области первоначально пожертвовали деньги в количестве 671 рублей 57 копеек, затем ещё 167 рублей 10 копеек. Средства на строительство поступали постепенно, и в 1902 г. был заложен фундамент [5]. Уже в 1915 г. на приходе помимо Алексея Венедиктовича Ивлева служили Алексей Павлович Руткевич и Митрофан Коробецкий [6].

Изначально в ст. Вознесенской в 1869 г. на войсковые деньги была построена деревянная церковь в честь Вознесения Господня, в 1888 г. она была расширена на средства купца А. Заварыкина [7]. В этом же году согласно ходатайства епископа Ставропольского и Екатеринодарского Владимира, «Святейший Синод определил открыть при устроенном молитвенном доме единоверческий приход, с учреждением при оном причта в составе 1 священника и 1 псаломщика и с отнесением содержания сего причта на счёт ассигнуемого Советом Ставропольского Свято-Андреевского Братства священнику в размере 300 рублей и псаломщику 150 рублей денежного пособия» [8].

Николаевская церковь ст. Лабинской (ныне г. Лабинск) была построена в 1855 г. на сумму 9 000 рублей войсковых денег и освещена в 1856 г. Здание деревянное с такой же колокольнею на каменном фундаменте, крытое железом. Железная ограда на каменном фундаменте была построена в 1884 г. на средства прихожан. В храме имелось три престола: во имя святителя Николая, во имя равноапостольного царя Константина и великомученицы Екатерины. В приходе функционировало 5 школ: одноклассная мужская, одноклассная смешанная, одноклассная женская, две смешанные школы для иногородних детей и детей поселян. Кроме того, в приходе имелось высшее начальное училище и церковная школа. Последняя размещалась в церковном доме, на её содержание отпускалось от церкви 100 рублей в год. Она разделялась на две самостоятельные школы: мужскую и женскую. До постройки Николаевской церкви в 1842 г. жители возвели молитвенный дом. Он был деревянный, крытый камышом с одним престолом [9]. Из дошедшей до нас исповедной росписи за 1853 г., мы узнаём, что священником здесь служил Адриан Филиппович Гречинский, которому в 1853 г. было 37 лет. Он был женат на Анне Ионовне (27 лет). Они воспитывали племянницу Марию (4 года) и сироту «казачьего сына» Якова Польского (14 лет). Помощником священника являлся дьячок Иоанн Степанович Быстров (69 лет). В рассматриваемый период, согласно исповедной росписи, на приходе числилось 8 человек духовного происхождения, 11 обер-офицеров и 1702 человека казачьего происхождения [10].

Свято-Успенская церковь этой же станицы была построена в 1890 г. в шатровом стиле тщанием иногородних жителей и освящена 31 января 1891 г. Она была кирпичной, крыта железом, купол деревянный. Кирпичная колокольня была пристроена в 1905 г. В церкви имелось два престола: во имя Успения Пресвятой Богородицы и во имя преподобного Серафима Саровского. В церковную собственность входило 2 дома для проживания священно-церковнослужителей, 3 дома для других нужд. В станичной казне находилось 100 рублей церковных денег. В приходе функционировало три церковно-приходские школы: первая в ограде церкви – с 1891 г., вторая на краю станицы под названием «Воробьёвка» – с 1900 г., третья на х. Вечном – с 1904 г. На содержание церковной школы в ограде отпускалось 100 рублей. «Воробьёвская» церковная школа помещалась в собственном доме, на её обслуживание отпускалось 200 рублей от церкви. Церковная школа на х. Вечном помещалась в собственном доме, на её обеспечение средств от церкви не отпускалось. Кроме церковно-приходских на

приходе имелись министерские одноклассные школы: «Захаровская» и «Воробьёвская» [11].

В ст. Лабинской в мужском и женском одноклассных начальных училищах для иногородних закон Божий преподавал священник Веселов Николай Васильевич. Он происходил из духовного звания, окончил Ставропльскую духовную семинарию. В станице имелись: Лабинское Александровское двухклассное мужское начальное училище, станичное женское и «Захаровское» одноклассное мужское для иногородних, где почётным блюстителем с 1912 г. состоял Захаров Василий Александрович, дворянин, есаул [12].

В 1898 г. священниками Николаевской церкви являлись благочинный Илларион Иванович Смарагдов, Николай Васильевич Веселов, Свято-Успенской церкви Григорий Дмитриевич Стрельбицкий [13]. В 1909 г. благочинным церквей 13 округа стал отец Николай Веселов, к приходу Свято-Успенской церкви был причислен отец Назарий Иванов [14]. В 1915 г. благочинным церквей стал прот. Карп Руденко. Николай Веселов продолжил служить в Николаевской церкви, а в Свято-Успенской Георгий Дмитриевич Стрельбицкий, и Андрей Данилевский [15]. В 1916 г. на приходе штатными священниками числились: Григорий Дмитриевич Стрельбицкий, Павел Константинович Соколов; дьякон – Павел Никифорович Забродский. Псаломщики – Василий Николаевич Кухианидзе, Сергей Иванович Шатоба. Просфорня – Мария Павловна Мансурадзе. Церковный староста – отставной фельдфебель Владимир Николаевич Новицкий [16].

Свято-Покровский храм ст. Владимировской Лабинского района был построен в 1904 г. на деньги прихожан вместо сгоревшей в 1897 г. деревянной церкви. Он был кирпичный на каменном фундаменте, с кирпичной колокольней. Имел три престола: средний в честь Покрова Пресвятой Богородицы, правый в честь святителей Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, левый – в честь святого равноапостольного князя Владимира. Был освящён в 1908 г. Ограда вокруг церкви была выстроена в 1911 г. на каменном фундаменте с кирпичными столбами и железными решётками. В собственность церкви входило два дома. В приходе имелось 2 школы: церковная и высшее начальное училище. Церковная школа располагалась на х. Таранова. В 1898 г. священником в Свято-Покровском храме служил Иоанн Герасимович Богословский, в 1909 г. Александр Васильевич Подольский, Андрей Алешковский, в 1915 г. Александр Подольский и Алексей Румянцев [17]. В 1916 г. служили Александр Васильевич Подольский, Владимир Фёдорович Румянцев. Дьякон – Михаил Васильевич Беликов. Псаломщик – Максим Козьмич Юзиков [18]. Практически все из них преподавали в местных училищах. Священник Румянцев Владимир, происхождением из духовного сословия, окончил Тульскую духовную семинарию, преподавал в Владимирском станичном 2-х классном станичном училище с 1911 г., за что получал жалованье 150 рублей. В одноклассном смешанном начальном училище этой же станицы преподавал закон Божий священник Шамрай Александр Дмитриевич, из казачьего сословия, окончил Ставропольскую духовную семинарию, жалованье его составляло 120 рублей. Во Владимирском одноклассном женском училище преподавал священник Александр Васильевич Подольский, дворянского происхождения, закончил курс в Киевском университете. На службе учителем состоял с 1894 г., в женском училище с 1905 г. Получал жалованье 60 рублей в год [19].

В училищах ст. Вознесенской, а именно в Вознесенском двухклассном мужском начальном училище с 1911 г. преподавал священник Коробецкий Митрофан Павлович. Происходил из духовного сословия. Окончил Ставропольскую духовную семинарию. На службе учителем состоял с 1909 г. Одновременно батюшка преподавал и в одноклассном мужском начальном училище. В Вознесенском смешанном одноклассном училище закон Божий вёл священник Ивлев Алексей Винидиктович. Он имел домашнее образование и работал учителем с 1910 г. Получал жалование 130 рублей. В третьем смешанном одноклассном училище законоучителем был дьякон Ердакиев Иван Петрович, окончивший три класса Ставропольской духовной семинарии и преподававший с 1891 г. Он же читал этот курс в Вознесенском училище Екатеринодарского женского благотворительного общества, во 2-ом женском одноклассном начальном училище и в одноклассном училище для иногородних [20].

В Чамлыкском станичном двухклассном мужском начальном училище преподавал в 1913 г. священник Парадиев Анатолий Васильевич. Он окончил Ставропольскую духовную семинарию и с 1901 г. начал свой учительский стаж. Получал жалованья 150 рублей в год. В станичном одноклассном мужском училище вёл закон Божий Орлов Василий Николаевич. Происходил он из духовного звания, окончил Орловскую духовную семинарию. Служил учителем с 1892 г. В одноклассном женском училище Екатеринодарского женского благотворительного общества служил диакон Волобуев Иван Николаевич, который получил домашнее образование и работал учителем с 1911 г. В Чамлыкском хуторском одноклассном начальном училище преподавала основные дисциплины, в том числе и закон Божий, Покровская Мария Владимировна, из духовного сословия, окончившая Ставропольское епархиальное женское училище. Она получала жалованья 360 рублей в год [21]. В то время распространённым явлением было то, что дочери священников, оканчивая женские епархиальные училища, открывшиеся в г. Екатеринодаре и г. Ставрополе, становились учителями школ на приходах, обучая детей грамоте и закону Божьему.

Нужно отметить что среди станичников немало было людей воцерковлённых, желающих вести духовную жизнь под руководством духоносных пастырей. Одним из которых в начале XX в. являлся святой праведный Иоанн Кронштадтский. Один из жителей ст. Чамлыкской рассказывал нам, как его прадед, будучи человеком верующим и благочестивым, ежегодно возил выращенную пшеницу о. Иоанну. «Однажды приехали к нему люди от батюшки и сказали, что батюшка благословил его молиться с ними в течение месяца, а работать есть кому, у прадеда было два сына. Хозяин поселил у себя приезжих и делал то что они ему говорили, раз сказал о. Иоанн, значит надо выполнять. По прошествии месяца хозяин умер. Предвидя скорую смерть своего духовного чада о. Иоанн и прислал к нему людей, которые помогли ему подготовиться к переходу в вечность» [22].

Наши респонденты вспоминали, что Свято-Покровская церковь ст. Владимирской из всех станиц округа была лучшая по внешнему виду и богатству иконостаса. В годы богоборчества она была полностью разрушена. В 30-х гг. XX в. ограду разобрали по кирпичику, часть икон была взята жителями по домам, остальные отвезены в храм ст. Вознесенской. *«Инф.: – Во время переезда над подводой, нагруженной иконами, стоял столб света уходивший в небо»* [23]. Респонденты говорят, что разрушением храма руководил тогдашний председатель сельсовета. В 1938 г. этот человек был расстрелян. В день, когда уничтожали храм на площади, собралось много стариков и школьников. Они плакали, просили не разрушать. Колокола сбрасывали на привезённое к церкви зерно, чтобы они не раскололись. Люди прятали по домам иконы, церковную утварь и поныне существует легенда, что купола были спрятаны и хранятся станичниками до лучших времён.

На месте разрушенной церкви был первоначально пустырь, затем сделали летний кинотеатр, а потом построили карусели. Дважды с колеса обозрения падали люди. Это заставило станичников задуматься о том, что нужно на святом месте, где стояла церковь и были захоронения, вновь возвести храм [24].

В советское время верхняя часть Свято-Успенского храма г. Лабинска была снесена. Старожилы вспоминают, как в детстве бегали смотреть на разрушенное здание через ограду *«Инф.: – В окна мы видели, как внутри горели свечи и слышалось пение»* [25].

В ст. Чамлыкской верх Николаевской церкви сгорел, иконы были сброшены в кучу. *«Инф.: – Проходившие мимо бабушки просили разрешения у охранника взять себе хотя бы по одной. В ответ услышали: «Ах, вам иконы», вскочил на гору с иконами и давай плясать. Вскорости он трагически погиб, попал под трактор и ему отрезало голову»* [26]. Были и такие, кто не боялся идти против антирелигиозных распоряжений местных властей, например, ссыпать химикаты в помещение церкви. Эти люди и их семьи живы до сих пор.

В годы Гражданской войны были убиты и замучены многие священники и верующие. Так, в ст. Вознесенской настоятель Троицкой церкви Алексей Ивлев, 60-ти с лишним лет, был убит на площади за то, что сам происходил из казаков и когда-то служил в Гвардии. Священник ст. Владимирской Александр Подольский, 50-ти с лишним лет, окончивший университет по

юридическому факультету, был зверски убит за то, что служил молебен перед выступлением своих прихожан-казаков против красноармейцев. Перед тем как убить, его долго водили по станице, глумились и били, потом вывели за станицу, изрубили и бросили на свалочные места, запретив кому-то ни было хоронить тело. Один пожилой прихожанин, желая оградить тело покойного от растерзания собаками, ночью пошёл на место казни и стал его закапывать, но был замечен пьяными красноармейцами, был тут же зарублен [27]. В народной памяти сохранилось следующее свидетельство о смерти священника ст. Владимировской: *«Инф.: – А священику голову отрубили.* ***Иссл.: – За что?*** *Инф.: – Ну была ж такая врэмя, один ишол за то, а другой за то и кто знай за чего они его, падашли вадички папрасить папить, он вынес, повернулся и они шашкой голову ему срубили и всё»* [28].

В июне 1918 г. под праздник Святой Троицы казаки Лабинского района подняли восстание против большевиков, в результате которого погибло около 500 казаков ст. Чамлыкской, Упорной, Лабинской, Зассовской, Владимирской, Вознесенской. Теперь жители этих станиц вспоминают о «Троицком восстании» с содроганием. За непринятие большевистской власти «только в станице Упорной казнены более ста человек. В Вознесенской, во время похорон комиссара А. И. Гурского его братья по оружию прямо на гробах, покрытых кумачом, рубили головы казакам. В день похорон Гурского казнили 90 человек, среди казнённых был и священник А. Ивлев» [29].

В воспоминаниях жительницы ст. Вознесенской, написанных в 1949 г., имеются следующие строки: «Гражданская война осиротила многих детей, которые голодные и холодные бродили по станице. Священник Сысоев (имя, отчество не указаны. – *С. Г.*), из казачьего рода ст. Вознесенской, в декабре 1918 г. обратился к атаману Калмыкову с просьбой организовать приют для детей, но атаман отказался это сделать. Тогда Сысоев решил действовать сам. Посоветовавшись с молодой учительницей церковно-приходской школы Марией Дмитриевной Зубовой, они решили закрыть школу и открыть там приют для детей-сирот. Всего собралось 94 человека. Трудно было накормить, одеть и распределить детей. Дети спали на полу, на соломе, но всё-таки были накормлены и обогреты. Продукты приносили жители станицы. Приют содержался исключительно на средства церковного прихода <...>. Казаки не приняли поведение батюшки и запретили ему присутствовать на казачьих собраниях, называя его «большевистским паном» <...>. Матрёна Дмитриевна Зубова и Сысоев терпеливо переносили все нанесённые им оскорбления. В 20-х числах марта 1920 г. священник Сысоев в соборе отслужил торжественный молебен в честь прихода Красной Армии и, явившись к командиру дивизии Дебенко, сказал: «Я спас ваших детей от голодной смерти, я знаю, что моё воспитание к вашему не подходит. Принимайте от меня детей. А материальную помощь я так и буду оказывать». Крепко обнял командир священника и поблагодарил за спасенных детей. Вскоре приют перевели в большой дом купца Калашникова, где было светло, тепло и уютно».

Как говорилось выше, казаки не приняли поведение батюшки ещё в декабре 1918 г., когда вернулись в станицу беженцы, первоначально ставшие на сторону красных. По приказу атамана Калмыкова 48 душ было порублено за станицей, из них 10 человек детей от 1 года до 10 лет. К месту происшествия прибыл сам атаман Филимонов. На утро вышла вся станица, родственники убитых, люди с близлежащих станиц и хуторов, они требовали разрешения атамана похоронить их по православному, что и было исполнено. В соборе стояло 48 гробов с телами, которые отпевал священник Сысоев [30].

Многие вопросы из истории православной жизни жителей станиц и хуторов Лабинского района остались открытыми и ждут своего исследователя. Несмотря на возникавшие противостояния среди православных станичников на протяжении рассматриваемого исторического периода, в том числе и в период Гражданской войны, православная вера выступала основой традиционной системы ценностей, давала надежду на лучшее, помогала врачевать душевные недуги и примирять враждующих.

Примечания:

1. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 135. Оп. 66. Д. 624. Л. 70.

2. Православная церковь на Кубани (конец XVIII – начало XX в.): сб. документов. Краснодар, 2001. С. 289.

3. ГАСК. Ф. 135. Оп. 74. Д. 981. Л. 9–14.

4. *Волобуев И., диакон*. Освящение нового храма в ст. Чамлыкской // СЕВ. 1910. № 49. С. 1641–1643.

5. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 454. Оп. 2. Д. 5887. Лл. 80, 83, 141.

6. Кубанский календарь на 1915 год. Екатеринодар, 1915. С. 205–206.
7. Справочник по Ставропольской епархии. Сост. Н.Т. Михайлов. Екатеринодар, 1910. С. 340.
8. Ставропольские епархиальные ведомости. 1888. № 7. С. 267.
9. ГАСК. Ф. 135. Оп. 3. Д. 396. Л. 246; Оп. 17. Д. 1080. Л. 174. Оп. 74. Д. 1037. Лл. 2–3.
10. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 14877. Оп. 1. Т. 1. Д. 1816. Л. 9, 58.
11. ГАСК. Ф. 135. Оп. 74. Д. 1037.
12. ГАКК. Ф. 472. Оп.1. Д. 15. Л. 141–156.
13. Кубанский календарь на 1898 год. Екатеринодар, 1898. С. 111.
14. Кубанский календарь на 1909 год. Екатеринодар. 1909. С. 246.
15. Кубанский календарь на 1915 год. Екатеринодар, 1915. С. 205–206.
16. ГАСК. Ф. 135. Оп. 74. Д. 1037.
17. Кубанский календарь на 1898 год. Екатеринодар, 1898. С. 111; Кубанский календарь на 1909 год. Екатеринодар. 1909. С. 246; Кубанский календарь на 1915 год. Екатеринодар, 1915. С. 205–206.
18. ГАСК. Ф. 135. Оп. 74. Д. 1037.
19. ГАКК. Ф. 470. Оп.1. Д. 15. Л. 47–54.
20. Там же. Л. 55–68.
21. Там же. Л. 242–299.
22. ПМ КФЭЭ-2009. А/к 4146. ст. Чамлыкская Лабинского р-на Краснодарского кр. Инф.: прот. Виктор.
23. ПМ КФЭЭ-2009. Полевой дневник автора.
24. ПМ КФЭЭ-2009. А/к 4119. ст. Владимирская Лабинского р-на Краснодарского кр. Инф.: Расторгуева Е.А.
25. ПМ КФЭЭ-2009. Полевой дневник автора.
26. ПМ КФЭЭ-2009. А/к 4147. ст. Чамлыкская Лабинского р-на Краснодарского кр. Инф.: прот. Виктор.
27. *Макаренко П.* «Прости нас, Господи...» // Родная Кубань. 1998. № 4.
28. ПМ КФЭЭ-2009. А/к 4116. ст. Владимирская Лабинского р-на Краснодарского кр. Инф.: Кисленко Е.П., 1929 г. р.
29. *Брославская А.* Троицкое восстание // Провинциальная газета. 2004. 24 мая. С. 2.
30. ПМ КФЭЭ-2009. А/к 4158. ст. Вознесенская Лабинского р-на Краснодарского кр. Инф.: Колкова С.П.

Н.В. Кияшко

Армавирское викариатство Кубанской и Краснодарской епархии: динамика институциональных процессов церковной жизни в первые годы советской власти

Изучение региональной церковной истории в последние годы привлекает повышенное внимание исследователей. Предпринимаются достаточно активные попытки изучения положения Русской Православной Церкви в XX веке, а именно, в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Но, несмотря на наличие ряда публикаций, посвященных религиозной жизни на Кубани в XX веке [1], совершенно неизученными остаются трансформационные и институциональные процессы, происходившие в Кубанской епархии в период Гражданской войны и 1920 – 1930-х гг. Хотя именно этот период привнёс в существование православных приходов Кубани кардинальные перемены, изменившие весь дальнейший ход церковной жизни. Целью настоящей статьи является рассмотрение изменений религиозной жизни на примере Армавирского викариатства Кубанской и Краснодарской епархии 1921–1924 гг.

Иерей Симеон Никольский. Фотография. 1901 г.

Окончательное установление советской власти на территории Кубанского края после победы над соединениями Добровольческой армии поставило точку в самостоятельном существовании Кубанской и Краснодарской епархии. 24 марта 1920 г. назначенный Реввоенсоветом Кавказского фронта Кубанский областной революционный комитет прибыл в г. Екатеринодар и начал проведение организационной работы по укреплению административного аппарата управления [2]. Это событие следует считать полноценным началом действия советского религиозного законодательства на территории области.

Члены Ставропольской архивно-ученой комиссии

Значительный недостаток источников в полной мере не позволяет реконструировать состояние епархиального управления на Кубани в 1920 – 1924 г., но фрагментарные свидетельства оставляют возможность частично проследить деятельность епархиальных учреждений и духовенства в первые годы советской власти.

Одним из существенных изменений церковной жизни явились перемены в структуре епархиальной власти и образование новых викариатств. Вполне вероятно, что уже в конце 1920 г. отстраненный ранее Временным высшим церковным управлением на Юго-Востоке России от управления Кубанской епархией епископ Иоанн (Левицкий) вернулся в г. Екатеринодар из Кавказского Николаевского миссионерского монастыря в ст. Кавказской. Согласно данным Н.В. Нумерова, секретаря канцелярии Священного Синода, приводимым в письме к митрополиту Антонию (Храповицкому) от 14 сентября 1921 г., на возвращении Преосвященного Иоанна активно настаивало население края, «было несколько депутаций к П[атриар]ху. Последний сначала упирался, но вынужден уступить» [3]. Время поездки кубанцев к Святейшему Патриарху Тихону можно отнести к периоду с января по февраль 1921 г., поскольку уже в апреле 1921 г. епископ Иоанн подписывал указы и награждения, как управляющий епархией [4]. Совещательным административным органом при епископе в это время было Временное Кубанское церковно-приходское управление, закрытое к концу лета того же года.

Безусловно, в первые годы советской властью епископ Иоанн воспринимался как контрреволюционер, в силу занимаемого им положения в епархии в период власти генерала А.И. Деникина и участия в Ставропольском Юго-Восточном русском церковном соборе, называемом большевиками «белогвардейским». Поэтому «реабилитация» в глазах новой власти Преосвященному была жизненно необходима. Именно в связи с этим 14 мая 1921 г. он назначил энергичного и молодого священника Феодора Делавериди, клирика кладбищенского Всехсвятского храма г. Краснодара, своим представителем «перед гражданской властью для защиты интересов Церкви и епархии» [5].

Довольно легко объяснить, каким образом епископу Иоанну удалось сохранить свое положение – все мероприятия власти с его стороны получали полную поддержку, он не выражал никакого сопротивления ни при проведении Кубано-Черноморской областной чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, саботажем и преступлениями по должности учета всего белого и монашеского духовенства области, ни при ликвидации Кубанского и Черноморского епархиальных советов, ни при аресте и большинства членов последних советов, среди которых был священник Иоанн Яковлев, прославленный Русской Православной Церковью в сонме новомучеников [6].

Необходимость улучшения управления обширной Кубано-Черноморской епархией обусловила создание в середине 1921 г. викарной Армавирской епархии (Армавирского викариатства). Безусловно, это мероприятие вряд ли могло состояться без санкции Святейшего Патриарха и Синода. Открытие Армавирской епархии уместно отнести к периоду с апреля по август, потому что в сентябрьском письме Н.В. Нумерова викариатство уже называется «только что утверждённым» [7].

Относительно личности главы епархии не может быть никаких сомнений. Вероятно, не без участия населения г. Армавира и округа главой епархии был назначен бывший до 1920 г. Кубанским (а до 1919 г. – Ставропольским) епархиальным миссионером-проповедником епископ Симеон (Никольский), который еще в годы своей службы миссионером довольно часто посещал г. Армавир и подолгу находился там. По сведениям составителей «Комментированных списков иерархов по епископским кафедрам с 862 г.», в 1921 г. главой епархии указан «в/у прот. Симеон Никольский» [8]. С подобной формулировкой нельзя согласиться, поскольку в настоящее время всякие сомнения о действительности епископской хиротонии Преосвященного Симеона опровергаются конкретными фактами. Во-первых, это подтверждается данными из «Кратких сведений по истории открытия самостоятельной Краснодарской епархии…» епископа Кубанского и Краснодарского Флавиана (Иванова), в которых епископ Симеон назван «Преосвященным» и «бывшим только в рясофоре» [9]. Во-вторых, в послужном списке свящ. Ф. Делавериди имеются данные о возведении его

в сан протоиерея 22 мая 1922 г. архиепископом Иоанном и «Преосвященнейшим викарием, Епископом Армавирским Симеоном», а в других делах – прошения духовенства на имя еп. Симеона [10]. Исходя из этого, открытым все еще остается вопрос о полноте монашеского пострига Преосвященного Симеона.

Новая Армавирская епархия была образована в границах Армавирского отдела (до 12.11.1920 г. – Лабинского) и включала в свой состав некоторые населенные пункты Баталпашинского отдела (до его упразднения 22.02.1922 г.). Преосвященный Симеон совершал богослужения не только в г. Армавире, но и в станицах епархии, а также довольно часто сослужил в г. Краснодаре управляющему епархией епископу (с 1922 г. – архиепископу) Кубанскому и Краснодарскому Иоанну. Он совершал диаконские и священнические хиротонии, назначал на служение духовенство в пределах своей епархии. Большая популярность и известность владыки Симеона среди жителей Кубани и Ставрополя привлекала на каждое его богослужение сотни верующих. Имея богатый проповеднический опыт, накопленный в течение десятилетий миссионерского служения, Преосвященный даже в сложных условиях того времени призывал оставаться верными Христу и Его заповедям. У него была огромная по тем временам личная библиотека, которую он начал собирать еще в годы службы во Владимирской епархии. В 1901 г. о личности бывшего еще иереем Симеона Никольского отзывались так: «О. Симеон умеет отправлять Богослужение так, что все присутствующие невольно втягиваются, с полным вниманием следят за ним и принимают в нем [богослужении] то или другое участие… говорит так, что каждый слушатель его понимает. В личных беседах он каждого терпеливо выслушивает и без разъяснения, доброго совета и слова утешения не отпускает» [11].

Не менее яркими и уважаемыми среди верующих в это время были помощники епископа Симеона протоиерей Леонид Федорович Дмитриевский, настоятель Армавирского Николаевского храма, и благочинный протоиерей Михаил Флегонтович Орлинский. Истинные пастыри Церкви Христовой, они в своих проповедях призывали народ к миру, спокойствию и следованию евангельским заповедям. О высоком авторитете протоиерея Л. Дмитриевского среди населения свидетельствуют еще события периода Гражданской войны. В 1918 г. городской революционный комитет, арестовав отца Леонида, вскоре из-за начавшихся народных возмущений был вынужден не только отпустить его из заключения, но и оправдать на суде перед трибуналом. «Почти весь город следил за ходом моего дела, [население] охраняло меня и только этим я объясняю, что большевики, испугавшись толпы, вынуждены были меня выпустить», – говорил сам священник 23 мая 1919 г. [12]. С.Н. Ктиторов в монографии приводит еще один любопытный факт о протоиерее Леониде. В период с 1918 по 1920 гг. в г. Армавире вместе с семьей проживал знаменитый художник Михаил Нестеров, который за это время близко познакомился с отцом Леонидом, оказавшим на него большое влияние. Именно образ протоиерея Л. Дмитриевского стал для выдающегося художника прототипом «Лика Русского Христа», который был воплощен в цикле полотен «Путники» [13]. За словом у отца Леонида следовало и дело. Когда в 1918 г. в Армавире и окрестных населенных пунктах после победы Добровольческой армии находилось множество пленных красноармейцев, он активно выступал в их защиту, взывая к христианской совести населения, часто устраивавшего несанкционированные самосуды над большевиками. Помимо этого, следуя заповеди Спасителя *«любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас»* (Мф. 5:44), отец Леонид оказывал материальную помощь семьям убитых и плененных большевиков продуктами или предметами быта. При этом сам священник, помогавший на глазах у всех не только простому казачьему населению, но и семьям красноармейцев, не разделял большевистских убеждений [14]. По свидетельству его правнучки, И.Погореловой, «добившись приема у Деникина, отец Леонид убедил его проявить милосердие к несчастным, поступить по-христиански и получил согласие генерала открыть подвалы и разрешить всем желающим горожанам забрать находящихся там людей по своим домам для ухода и лечения» [15].

С 1921 г. священники Л.Ф. Дмитриевский и М.Ф. Орлинский были главными

помощниками епископа Симеона в управлении епархией и административных делах.

Однако 1922 г. стал концом относительно спокойной церковной жизни и началом полномасштабного наступления советской власти на Русскую Православную Церковь. Первым этапом этого наступления стала кампания по изъятию церковных ценностей, вторым – создание внутри Церкви неканонического движения, сторонники которого получили название «обновленцы».

В марте 1922 г. в г. Краснодаре состоялось совещание благочинных Кубанской и Черноморской епархий под председательством епископа Кубанского и Краснодарского Иоанна, на котором было принято решение допустить изъятие церковных богослужебных предметов в соответствии с декретом ВЦИК. Безусловно, на этом мероприятии присутствовало и Армавирское духовенство, но в протоколах совещания подпись викарного епископа Симеона отсутствует. Находясь в преклонном возрасте, Преосвященный по состоянию здоровья был вынужден отказаться от присутствия на совещании, вероятно, к этому времени он уже был болен холерой. Именно от этого заболевания епископ Симеон скончался 27 июня 1922 г. в возрасте 77 лет [16].

Стоит отметить, что кампания по изъятию богослужебных предметов и утвари в Армавирских храмах прошла спокойно и без народных волнений только благодаря усилиям протоиерея Л. Дмитриевского [17]. Однако этот факт нельзя рассматривать как доказательство его стремления продемонстрировать властям свою лояльность в целях сохранения собственного статуса и жизни. Отец Леонид действовал в соответствии с распоряжением Святейшего Патриарха Тихона и понимал, что советская власть, как и любая, послана Богом, а потому следует повиноваться ей, если это не является нарушением канонических норм.

В скором времени, уже в конце мая 1922 г., Кубанское епархиальное управление во главе с архиепископом Иоанном поддержало движение за «церковное обновление» и признало созданный им орган Высшее Церковное Управление. В данном случае уместно рассмотреть причины, подвигшие архипастыря и духовенство епархии отложиться от канонической Церкви и патриарха Тихона. Сам правящий архиерей, как уже отмечалось, в период власти на Юге А.И. Деникина принимал участие в Ставропольском Юго-Восточном русском церковном соборе, формально поддерживал Главнокомандующего Добровольческой армией и Кубанское Краевое Правительство в лице атамана А.П. Филимонова, противостоявших советской власти. Уже только это автоматически включало его в разряд «контрреволюционеров», с которыми боролась власть. Благочинные епархии, бывшие известными священниками, также во многом в период нахождения у власти белогвардейского командования явным или косвенным образом были причастны ко многим мероприятиям, связанным и с Добровольческой армией и с Кубанским Краевым Правительством. Поэтому единственным выходом для всех, который позволял сохранить свою жизнь и продолжить служение, оставалось признать Святейшего Патриарха Тихона контрреволюционером, противником Советской власти и отойти от него. Именно так и поступил правящий архиерей и подавляющее большинство духовенства области, лишь за исключением немногих пастырей-исповедников и епископа Ейского Евсевия (Рождественского), которые за свою стойкость были подвержены репрессиям.

Со смертью епископа Симеона практически до конца 1923 г. Армавирская епархия оставалась без официального главы. Временное управление всеми административными делами осуществлял протоиерей Леонид Дмитриевский.

После ареста 12 мая 1922 г. Святейшего Патриарха Тихона управление Церковью было возложено на Местоблюстителя митрополита Ярославского Агафангела (Преображенского). Но из-за невозможности последнего прибыть в Москву, административную власть фактически захватило Высшее Церковное Управление во главе с епископом Антонином (Грановским). В послании, составленном 18 июня, митрополит Агафангел призывал духовенство и верующих не подчиняться обновленческому Высшему Церковному Управлению. В это же время епархиальные архиереи получили рекомендации по самостоятельному управлению епархиями в соответствии с каноном и архиерейской присягой, пока не будет восстановлена высшая церковная власть.

В это время некоторая часть приходов г. Армавира уклонилась в обновленчество,

следуя примеру благочинного протоиерея Михаила Орлинского, который по решению Высшего Церковного Управления был назначен 16 сентября 1922 г. «епископом» Армавирским [18]. К этому времени М. Орлинский был вдовцом и перед рукоположением принял постриг от епископа Кубанского и Краснодарского Иоанна. Его епископскую хиротонию совершил обновленческий епископ Казанский Иоанникий (Дьячков) вместе с другими неизвестными на данный момент архиереями. Впоследствии со смертью архиеп. Иоанна «епископ» Михаил был назначен управляющим обновленческой Кубано-Черноморской епархией. Относительно каноничности его поставления в марте 1924 г. Святейший Патриарх Тихон заявил делегации от кубанского духовенства: «Если это [сведения о каноничности архиерев, совершавших хиротонию] верно, то я готов признать его благодатным по хиротонии, но все же он не каноничный архиерей, так как власть принял не от меня» [19].

Для укрепления авторитета так называемой «Синодальной Церкви» руководители кубанских обновленцев стремились любыми путями устранить от служения и подвергнуть обвинениям в политических преступлениях сторонников Патриаршей канонической Церкви. Но это был только один из методов. Также «живоцерковники» видели своей главной задачей ликвидацию всех существующих в области монастырей, как «очагов контрреволюции». Уже в феврале 1923 г. усилиями, прежде всего, «епископа» М. Орлинского было закрыто в г. Армавире Александро-Невское подворье Кавказского Николаевского миссионерского мужского монастыря, монахи разогнаны, а храм передан образованному приходу [20].

Из документов Государственного архива Российской Федерации видно, что первоначально, после майского съезда кубанского духовенства, признавшего Высшее Церковное Управление как главный орган власти в Церкви, духовенство Армавирской епархии поддержало это решение. Но после освобождения 26 июня 1923 г. из заключения Патриарха Тихона, прихожане Николаевского храма г. Армавира объявили о своем подчинении непосредственно ему, «совершенно порвали связь с неканонической раскольнической церковью, руководимой Священным Синодом» и представили в органы власти дело о регистрации канонического прихода во главе с протоиереем Л. Дмитриевским. Членов причта, не пожелавших присоединиться к Патриаршей канонической Церкви, прихожане устранили от служения. Узнав об этом, обновленческое Кубанское епархиальное управление запретило в служении отца Леонида, а на его место был назначен священник-обновленец. Вместе с этим были уволены все прежние члены приходского совета.

19 августа на приходском собрании по случаю назначения нового настоятеля Николаевского храма протоиерей Леонид выступил перед верующими с осуждением неканонического Высшего Церковного Управления. Стремясь устранить от служения и общения с верующими своего противника, отца Леонида, обновленческое епархиальное управление настоятельно требовало от органов власти его ареста за «антисоветскую деятельность, выразившуюся в будоражении масс против Соввласти» [21]. 9 сентября прот. Леонид, псаломщик Жигулин и 6 человек мирян были арестованы по распоряжению Армавирского отдела ГПУ. Через несколько дней состоялся арест еще двух членов общины, среди которых был «гражданин Игольченко, который отвозил документ о регистрации общины в Краснодар». Безусловно, в этих мерах видно явное намерение обновленческого руководства епархии с помощью ГПУ устранить всех своих противников, в том числе и благочестивых мирян.

Жители Армавира не остались равнодушными к мероприятиям ГПУ. После неудачных попыток разрешения проблемы на местном уровне, в октябре 1923 г. прихожанами Николаевского храма г. Армавира была подана жалоба в ВЦИК с требованием освобождения из-под ареста священника и членов приходского совета. В этой жалобе указывалось, что арест священника и мирян без очевидного повода является незаконным, и «такие явления происходят несомненно по проискам Епархиальной власти, и в особенности злого гения церковной Кубани священника Делавериди с компанией, незаслуживающей доверия ни в каком отношении… поэтому необходимо, чтобы власть на местах не покровительствовала тому или иному религиозному обществу и вообще не вмешивалась в религиозные чисто церковные дела, лишь бы в церкви не

было политической контрреволюции» [22]. Достаточно показательным является отношение простых верующих к священнику Ф.И. Делавериди, бывшему руководителем борьбы с противниками обновленчества и уполномоченным Высшего Церковного Управления по Кубано-Черноморской епархии.

Не получив ответа на поданную жалобу, прихожане повторно направили заявление в Наркомюст, в котором среди прочего указывалось на деятельность отца Леонида во время Гражданской войны, его помощь семьям красноармейцев, а после установления советской власти – на его призывы граждан к подчинению всем распоряжениям советского правительства. Вероятно, именно эти факты, ставящие под сомнение «контрреволюционность» священника, послужили основанием для последовавшего в декабре предписания ОГПУ при Совнаркоме об освобождении его из-под ареста. В письме ОГПУ от 17 декабря 1923 г. в 5-й отдел Наркомюста сообщалось, что протоиерей Л. Дмитриевский освобожден под подписку о невыезде из г. Армавира, но следствие продолжено [23].

25 декабря 1923 г. решением Святейшего Патриарха протоиерей Леонид был назначен временным управляющим Армавирской епархией, к этому времени он уже был вдовцом [24]. Из этого можно сделать вывод, что в связи с переходом архиепископа Кубанского и Краснодарского в обновленчество Армавирская епархия фактически перестала быть викарной, но официальные документы о присвоении ей статуса самостоятельной епархии отсутствуют. Из-за жесточайшего контроля государства за церковной жизнью прибыть на хиротонию, к сожалению, протоиерею Леониду не удалось. Дальнейшая же его жизнь является самоотверженным подвигом служения Церкви Христовой и личного исповедничества. С 1935 по 1942 гг. священник находился в ссылке в Соловецком лагере особого назначения, вернувшись из которого продолжил служение уже в Троицком храме г. Армавира. Церковный староста храма так говорил о настоятеле: «Священник Дмитриевский совершенно не думает о личной жизни. Он служит до изнеможения, были случаи, когда падал [в обморок]. О пище не беспокоится. Группа верующих взяла на себя попечение о его питании и отдыхе. Он никогда не требует денег за требы, а из получаемых много раздает нуждающимся. Он – настоящий святой» [25].

Исходя из крайне немногочисленных данных, можно отчасти утверждать, что как самостоятельная организация Армавирская каноническая епархия прекратила свое существование приблизительно в 1924 г. С этого же времени начались постоянные аресты протоиерея Л. Дмитриевского, обвиняемого в несуществующих политических преступлениях. По данным ОГПУ в 1924 г. «тихоновское движение в Армавире было полностью ликвидировано», а господствующее положение заняли обновленцы [26]. Конечно, совсем незначительное число приходов оставались в канонической Церкви, среди которых особо выделялся Николаевский храм Армавира во главе с настоятелем протоиереем Л. Дмитриевским.

Таким образом, организация нового викариатства и подъем духовной жизни пришлись на один из самых трудных периодов в существовании Церкви. Особенное влияние на население и духовенство викариатства в этот период оказали епископ Симеон (Никольский), известный жителям г. Армавира и окрестных станиц еще до архиерейской хиротонии, кандидат богословия протоиерей Леонид Дмитриевский, протоиерей Михаил Орлинский. Стоит отметить, что в первые годы советской власти стабильность в церковной жизни и в отношениях с государством достигалась исключительно за счет личного фактора представителей Церкви, стремившихся к компромиссу и сохранению церковного института. С началом активного осуществления государственной антицерковной политики, значительным компонентом которой был обновленческий раскол, обновленцы получили поддержку власти и последовательно вытесняли, в том числе и при помощи ГПУ, сторонников Патриаршей канонической Церкви. Эти дестабилизационные процессы привели к тому, что формальное существование канонического Армавирского викариатства прекратилось в 1924–1925 гг. Сегодня его преемником стала Армавирская епархия Кубанской митрополии, образованная решением Священного Синода Русской Православной Церкви от 12 марта 2013 г. Практически год епархия находилась под временным управлением митрополита Екатеринодарского и Кубанского Исидора, а 19 марта 2014 г. епископом Армавирским и Лабинским был избран игумен Игнатий (Бузин), занимающий сегодня эту историческую кафедру.

Примечания:

1. *Бабич А.В.* К вопросу об изъятии церковных ценностей на Кубани в 1922 году // Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Вып. 6. Краснодар, 2012. С. 319–331; *Горожанина М.Ю.* Православное духовенство Кубани в годы политических репрессий // Материалы X Международной научной конференции «Государство, Общество, Церковь в истории России XX века». Иваново, 2011. С. 132–139; *Небавский А.А.* Репрессии против духовенства в годы Гражданской войны // «Гром победы, раздавайся!»: материалы XI Международных Дворянских чтений. Краснодар, 2015. С. 213–224; *Кияшко Н.В.* Особенности епархиального управления и церковной жизни на Кубани в 1919 году // Вопросы южнороссийской истории: научный сборник. Вып. 19. Армавир, 2015. С. 179–191; *Кияшко Н.*В. Кубанское духовенство после Февральской революции 1917 г.: трансформация института епархиальной власти в свете региональной истории // «Гром победы, раздавайся!»: материалы XI Международных Дворянских чтений. Краснодар, 2015. С. 202–212; *Кияшко Н.В.* Из истории возникновения и развития обновленческого раскола на Кубани в первой половине XX века // Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития этноконфессиональных отношений: материалы II Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. (г. Славянск-на-Кубани, 30 окт. – 1 нояб. 2015 г.) / под. ред.: Т.Г. Письменной, А.Н. Рябикова, Е.В. Манузина. Славянск-на-Кубани, 2015. С. 50–57; *Рыбко С.Н.* Развитие православной церковной жизни на Кубани в советский период // Научное наследие Федора Андреевича Щербины и современность: сборник материалов XIII научно-практической конференции «Научное наследие Федора Андреевича Щербины и современность», г. Краснодар, 22 февраля 2013 г. Краснодар, 2013. С. 238–247.

2. *Абрегова Н.В.* Революционные комитеты и их роль в восстановлении Советской власти на Кубани в 1920 году // Научные проблемы гуманитарных исследований. № 8. 2010. С. 38.

3. История иерархии Русской Православной Церкви: комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. М., 2006. С. 875.

4. Архив Екатеринодарской епархии. Д. Ф. 29/1. Л. 1 об.

5. Там же.

6. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 245. Л. 9.

7. История иерархии Русской Православной Церкви… С. 875.

8. Там же. С. 29.

9. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 177. Л. 34 об.

10. Архив Екатеринодарской епархии. Д. Ф 29/1. Л. 1 об.

11. *Никольский С.* Дневник Ставропольского епархиального противосектантского миссионера иерея Симеона Никольского. Ноябрь 1897 года. Ставрополь, 1901. С. 83. Цит. по: *Ашихмина А.В.* Библиограф духовного звания – Симеон Никольский // Книжное дело на Северном Кавказе: методы, источники, опыт исследований. Сб. ст. / ДГПБ; КГУК; ред.-сост. А.И. Слуцкий. Вып. 7. Краснодар, 2011. С. 173.

12. *Кияшко Н.В.* Особенности епархиального управления и церковной жизни на Кубани в 1919 году. С. 188.

13. *Ктиторов С.Н.* Этнические сообщества предкавказского города: проблемы адаптации и идентичности (вторая половина XIX – начало XX века). Армавир, 2014. С. 153.

14. ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 329. Л. 338.

15. *Погорелова И.* Отец Леонид Дмитриевский и Михаил Васильевич Нестеров. Страстная Седмица // Церковно-археологический кабинет Московской Православной Духовной Академии: http://acmus.ru/news/stati/mvnesterov_strastnaya_sedmica/index.php (дата обращения 28.05.2016).

16. История иерархии Русской Православной Церкви... С. 29; *Кияшко Н.В.* Из истории возникновения и развития обновленческого раскола на Кубани в первой половине XX века. С. 51. В этой статье указание даты смерти епископа Симеона было основано на «Кратких сведений по истории открытия самостоятельной Краснодарской епархии…» епископа Кубанского и Краснодарского Флавиана (Иванова), в которых Преосвященным допущена ошибка в датировке.

17. ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 329. Л. 338 об.

18. История иерархии Русской Православной Церкви... С. 29.

19. Догматико-каноническая оценка тихоновщины. Издание Кубано-Черноморского епархиального управления. Краснодар, 1926. С. 25.

20. Трудовой путь. 1923. 27 февраля. С. 4.

21. ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 329. Л. 336.

22. Там же. Л. 204–205 об., 338.

23. Там же. Л. 336–338.

24. РГИА. Ф. 831. Оп.1 . Д. 218. Л. 259. Цит. по: История иерархии Русской Православной Церкви... С. 29.

25. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 47. Л. 39; Д. 56. Л. 55, 88.

26. Архивы Кремля. Политбюро и Церковь, 1922–1925: в 2 кн. / Изд. подгот. Н.Н. Покровский, С.Г. Петров. Новосибирск; М., 1998. Кн. 2. С. 328.

А.В. Бабич

Православные приходы Краснодарской и Кубанской епархии в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период

(на примере Лабинского благочиния)

«…И на сем камени созижду церковь Мою, и врата адова не одолеют ей» ***(Мф. 16, 18)***.

Введение

В третьем выпуске Отрадненских историко-краеведческих чтений, изданных в 2015 году, в плане исследования ряда аспектов приходской жизни Краснодарской и Кубанской епархии на микроуровне (на примере отдельного благочиния), вышла статья по истории православных приходов Отрадненского района в советский период.

В данной статье также предпринята попытка рассказать о православных приходах Лабинского благочиния по материалам фонда Государственного архива Краснодарского края «Уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР по Краснодарскому краю».

В документах фонда имеются данные о том, что на территории современного Лабинского района Краснодарского края в период гитлеровской оккупации и после окончания Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (вплоть до начала 60-х годов прошлого века) действовало 10 приходов: в ст. Лабинской (2 прихода), в станицах – Ахметовской, Владимирской, Вознесенской, Ереминской[1], Зассовской, Костромской, Упорной и Чамлыкской (по одному приходу).

[1] Приход существовал недолго в 1944–1945 гг. (см. дополнение в конце статьи).

§ 1. Молитвенный дом во имя Святителя Николая Архиепископа Мир Ликийских Чудотворца в ст. Лабинской

Приход в ст. Лабинской фактически существовал с 1844 г. В 1855 г. на казенный счет (при пособии от войска в размере 9000 руб.) здесь была построена и в 1856 г. освящена Свято-Николаевская церковь. Здание церкви было деревянным, устроенным на каменном фундаменте. В 1867 г. в храме установлен новый иконостас, а в 1884 г. неизвестным благотворителем пожертвована пара хоругвей, вышитых серебром по бархату. В 1888 г. в ст. Лабинской построено и освящено на каменном фундаменте новое деревянное здание церкви. Церковь была украшена стенной живописью, обнесена железной оградой и имела два придела: во имя равноапостольного князя Константина и святой великомученицы Екатерины [1].

В дореволюционный период в Св.-Николаевской церкви ст. Лабинской Кубанской области служили священники Илларион Иванович Смарагдов (до 1903 г. благочинный 13-го округа), Николай Васильевич Веселов (благочинный с 1904 по 1912 гг.) и Карп Руденко (благочинный с 1913 г.) [2].

В 1930-е годы Свято-Николаевская церковь в ст. Лабинской была закрыта. Данных о деятельности прихода в период гитлеровской оккупации в документах не содержится, однако имеются сведения о том, что 18 декабря 1944 г. православная община Св.-Николаевского молитвенного дома патриаршей ориентации была официально зарегистрирована Уполномоченным по делам Русской Православной Церкви (№ К-450) и, в соответствии с договором от 7 декабря 1944 г., начала действовать в бывшей церковной сторожке по ул. Толстовской, 108 [3].

До 1946-1947 гг. (точная дата не установлена) настоятелем в молитвенном доме служил протоиерей Николай Александрович Езерницкий, а с 1947 года – Николай Алексеевич Попов. Н.А. Попов родился 14 мая 1884 г. в ст. Иловлинской области войска Донского; русский; в 1905 г. окончил Донскую духовную семинарию; в 1910 г. – юридический факультет Санкт-Петербургского университета; был женат (в 1928 г. овдовел); не судим; в обновленческом расколе не состоял; во время оккупации жил в г. Сталинграде, а затем в ст. Усть-Белокалитвенской Ростовской области и служил там священником.

Трудовая деятельность Н.А. Попова началась после окончания С-Петербургского университета. В 1910 г. он был зачислен кандидатом на судебную должность при Новочеркасском окружном суде; в том же году он стал помощником секретаря Тифлисской судебной палаты; в 1913 г. назначен следователем 1-го мирового отдела г. Тифлиса; в 1919 г., в связи с отказом принять грузинское подданство, был уволен, проживал в г. Тифлисе и занимался сапожным ремеслом; в 1921 г. вернулся в г. Новочеркасск, где работал инструктором народных судов и в бюро профсоюзов, однако вскоре, после смерти старшего сына, заболел и оставил должность; в начале 1922 г. принял сан священника и служил в Св.-Преображенской, Св.-Вознесенской и Скорбященской церквях г. Новочеркасска; в 1930 г. вышел за штат и поступил в качестве экономиста в трест «общепит» при металлургическом заводе «Красный Октябрь»; в 1933 г. перешел в Астраханский рыбтрест «Управления морского активного рыболовства», где работал экономистом; в 1937 г. перешел на службу в Астраханский хлебокомбинат; в 1939 г. вернулся в г. Сталинград и поселился в слободе Красный Затон под Сталинградом, вместе с младшим сыном Владимиром, учившемся на тот момент в судостроительном техникуме, и двумя сестрами; в 1940 г. переселился в г. Сталинград, но, в связи с болезнью сердца, не работал. 29 октября 1942 г., после вступления гитлеровцев в Сталинград, заключен в гитлеровский концлагерь, расположенный в ст. Усть-Белокалитвенской Ростовской области, где находилось до 12 тыс. сталинградцев, но затем, по просьбе верующих, был освобожден и приглашен священником в местный храм. В сентябре 1944 г. переведен в г. Урюпинск Сталинградской области, где проживал до октября 1946 г., затем уволен за штат и перешел в Краснодарскую епархию, где 4 июня 1947 г. назначен священником в ст. Плоскую Калниболотского района Краснодарского края; 22 августа 1947 г. переведен в ст. Переясловскую; с 1 сентября 1948 г. – назначен настоятелем Св.-Николаевского молитвенного дома ст. Лабинской. По состоянию на 1952 г. служил в Св.-Троицкой церкви г. Армавира [4].

В 1950 г. Лабинский райисполком

решил расторгнуть договор от 7 декабря 1944 г., по которому православной общине был предоставлен молитвенный дом по ул. Толстовской, 108, объясняя это тем, что здание не является «специальным молитвенным домом» и передача его в пользование «произошла неправильно». По этой причине 16 сентября 1950 г. с общиной был заключен новый договор, по которому она перешла в новое здание по ул. Толстого, 47 общей площадью 102, 4 м² [5].

3 ноября 1950 г. в Свято-Николаевский молитвенный дом назначен священник Иван Михайлович Бетьков. И.М. Бетьков родился 26 апреля 1903 года в сел. Утевка Самарской губернии; русский; окончил 4 класса Самарского духовного училища и 2 класса Самарской духовной семинарии (1918 г.); женат; в 1940 г. осужден гражданским судом г. Куйбышева за неуплату подоходного налога; в обновленческом расколе не состоял; в Краснодарский край прибыл из г. Бузулука Чкаловской области в 1946 г.; во время оккупации служил диаконом в с. Кинель-Черкасы Куйбышевской области.

Трудовая деятельность Ивана Бетькова началась в 1919 г., когда он поступил на службу учителем начальной школы сел. Николаевка Самарской губернии; с 1920 г. занимался сельским хозяйством в семье отца в сел. Николаевке; с 1923 г. служил диаконом-хористом в Рождественской церкви в сел. Николаевка; с 1925 г. диакон Михаило-Архангельской церкви сел. Бобровка Куйбышевской области; с 1927 г. служил диаконом в церкви Рождества Пресвятой Богородицы в г. Куйбышеве; с 1930 г. – диакон Спасо-Преображенской церкви г. Куйбышева; с 1932 г. – диакон Петро-Павловской церкви г. Куйбышева; с 1937 г. – диакон Покровского собора г. Куйбышева; с 1940 г. – находился в заключении за неуплату налога; с 1942 г. – диакон Михаило-Архангельской и Св.-Вознесенской церквей в сел. Канель-Черкасы Куйбышевской области; с 1945 г. – диакон Св.-Георгиевской церкви в г. Краснодаре, затем священник Св.-Троицкой церкви в г. Бузулуке Чкаловской области; с 1946 г. – священник Св.-Троицкой церкви г. Краснодара; с 1947 г. – священник Св.-Успенской церкви в г. Кропоткине; с 1950 г. – священник Св.-Николаевского молитвенного дома в г. Лабинске; с 1952 г. – священник Св.-Вознесенской церкви в ст. Курганинской Краснодарского края [6].

В связи с тем, что органы власти отказались продлять аренду помещения, в котором располагалась Св.-Николаевская православная община ст. Лабинской, в феврале 1955 г. община была вынуждена освободить здание по ул. Толстого, 47 и перебраться в новое здание по ул. Турчанинова, 104, приобретенное Св.-Николаевской общиной 27 декабря 1954 г. за 45000 рублей. 29 августа 1955 г. новый молитвенный дом по ул. Турчанинова был освящен при большом стечении православных жителей станицы Лабинской [7].

В это время в Св.-Николаевском молитвенном доме служил протоиерей Андрей Дмитриевич Русов. А.Д. Русов родился 10 октября 1882 г. в хут. Марьевка области войска Донского; русский; в 1905 г. окончил начальную школу; в 1908 г. – двухклассную церковно-учительскую школу; вдов (старший сын, инвалид Отечественной войны 1 гр., младший сын, 1927 г. рожд., на тот момент учащийся); не судим, в обновленческом расколе не состоял; в Краснодарский край прибыл из Куйбышевской области в 1939 г.; во время оккупации жил в ст. Лабинской Краснодарского края, не работал.

Трудовая деятельность: с 1908 г. служил учителем школы грамоты в Голодаевском районе области войска Донского (так в документе); с 1912 г. служил учителем Свечниковской церковной школы Голодаевского района (так в документе); с 1913 г. – учителем Новопавловской церковной школы Кашарского района Ростовской области (так в документе); с 1923 г. служил священником села Сохрановки Алексее-Лозовского района Ростовской области; с 1933 г. – счетоводом Центрального ветеринарного лазарета в г. Тамбове; с 1936 г. – бухгалтером госстраха Куйбышевского сельского района Куйбышевской области; с 1939 г. – бухгалтером госстраха Лабинского района Краснодарского края; с 26 июня 1945 г. служил настоятелем Св.-Покровского молитвенного дома в ст. Владимирской Краснодарского края. В 1952 г. служил в с. Натырбово Кошехабльского района Адыгейской АО; с 1954 г. – в ст. Лабинской [8].

В 1955 г. церковный Совет Св.-Николаевского молитвенного дома получил

разрешение пристроить имеющемуся зданию алтарь и тамбур и построить церковную сторожку. Однако фактически настоятель о. Андрей Русов произвел капитальную перестройку молитвенного здания с надстройкой купола и колокольни, что вызвало крайнее неудовольствие уполномоченного Бабушкина, который «разрешения на это не давал» [9].

В 1961 г. в Свято-Николаевский молитвенный дом был назначен священник Михаил Пантелеймонович Донец. М.П. Донец родился 24 июля 1936 г. в ст. Двойной Ростовской (на Дону) области, имел неполное среднее образование, в сан посвящен в 1958 году. В г. Лабинске о. Михаил служил практически все 70-е и 80-е годы.

С 15 мая 1963 г. в Св.-Николаевском молитвенном доме служил также священник Николай Иванович Гуров. О. Николай родился 1 января 1936 г. в сел. Красногвардейском Ставропольского края в семье крестьянина. В 1945 г. поступил в семилетнюю школу, а после ее окончания – в Ставропольскую духовную семинарию. В 1957 г. направлен митрополитом Виктором в ст. Ольгинскую; в 1959 г. – в ст. Александровскую Выселковского района; в 1961 г. – в ст. Михайловскую Крыловского района [10].

В настоящее время в г. Лабинске по ул. Турчанинова, 271 действует Свято-Николаевский храм современной постройки [11].

§ 2. Молитвенный дом во имя Успения Пресвятой Богородицы в ст. Лабинской

Церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы в ст. Лабинской Кубанской области была построена в 1888–1890 гг. на средства иногородних жителей станицы и освящена 31 января 1891 г. Здание кирпичное на каменном фундаменте, купол деревянный. В 1892 г. майкопский купец Фома Михайлович Алексеев пожертвовал церкви икону Господа, сидящего во Славе, купец того же города Константин Яковлевич Сушков устроил для этой иконы киот. Икона выписана жертвователем у художника Малышева и поставлена на горнем месте. Крестьянин Евстафий Васьков пожертвовал руконосные крест и икону. В 1904 г. купец К. Я. Сушков и его жена Матрена Андреевна, пожертвовав более 10 тыс. рублей, получили разрешение духовной консистории на пристройку к церкви кирпичной колокольни и придела с иконостасом в честь преп. Серафима Саровского с тем, чтобы под правой стороной солеи придельного алтаря была устроена для них усыпальница. 5 декабря 1904 г. был освящен придельный храм в честь св. преп. Серафима Саровского.

В составе причта служили 2 священника, диакон и псаломщик. Причтовая земля составляла 75 десятин. Первый священник имел кирпичный церковный дом (5 комнат) с удовлетворительными надворными постройками. В 1916 г. в церкви служили священники Георгий Дмитриевич Стрельбицкий и Андрей Данилевский [12].

В 1932 г. храм был закрыт, а в 1938 г. – начато его переоборудование под станичный клуб. Однако дело это закончено не было и в 1942 г., в период гитлеровской оккупации, здание вновь было занято верующими и Свято-Успенский приход начал действовать как приход «синодально-обновленческой ориентации». 17 февраля 1944 г. Лабинский райисполком передал здание молитвенного дома по ул. Красной, 44 в ст. Лабинской Свято-Успенской общине в бесплатное и бессрочное пользование [13].

В этот период в ст. Лабинской служил священник (впоследствии протоиерей) о. Сергий Ручковский.

Сергей Александрович Ручковский родился 28.09.1887 г. в г. Астрахани; русский; в 1910 г. окончил Ставропольскую духовную семинарию; женат; не судим; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1945 г.; в Краснодарский край прибыл из Ростовской епархии в 1938 г.; во время оккупации служил священником в ст. Лабинской Краснодарского края.

Служение о. Сергия началась в 1910 г., когда он поступил диаконом в ст. Новомалороссийскую Кубанской области; в 1912 г. он служил священником в Св.-Николаевской церкви сел. Белая Глина Ставропольской губернии; с 1915 г. – духовный следователь в сел. Белая Глина; с 1919 г. – священник и благочинный сел. Благодатного Ставропольской губернии; с 1925 г. – священник и благочинный в сел. Кугульта Ставропольской губернии; с 1930 г. служил священником в ст. Кисляковской Северо-Кавказского края; с 1932 г. – в ст. Барсуковской Северо-

Кавказского края; с 1933 г. – священник и благочинный в Свято-Успенской церкви ст. Лабинской Краснодарского края; с 1938 г. – священник и благочинный Св.-Покровского собора г. Майкопа; с 1939 г. вышел за штат и работал помощником бухгалтера «Леспромарт» в ст. Лабинской; с 1942 служил священником и благочинным в Свято-Успенской церкви ст. Лабинской; с 1945 г. служил священником и благочинным Св.-Успенской церкви г. Тихорецка; с 1954 г. – священник и благочинный Св.-Михаило-Архангельского собора в г. Сочи; с 17 июня 1955 г. – служил настоятелем Св.-Николаевской церкви г. Армавира Краснодарского края [14].

В 1945 г. священником в Св.-Успенский молитвенный дом назначен священник о. Иоанн Васильев. Иван Александрович Васильев родился 26.04.1888 г. в с. Лысые Горы Саратовской губернии; русский; в 1908 г. окончил Аткарское реальное училище; в 1910 г. окончил регентскую школу в г. Саратове; женат; не судим; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1944 г.; прибыл в Краснодарский край из сел. Пенделки Кузнецкого уезда в 1931 г.; во время оккупации служил хористом при Св.-Ильинской церкви г. Краснодара; организовал [православную] общину в ст. Афипской и служил священником.

Трудовая деятельность: с 1912 г. служил псаломщиком в Св.-Вознесенской церкви г. Кузнецка Саратовской епархии; с 1915 г. служил псаломщиком-диаконом в Св.-Покровской церкви г. Вольска Саратовской епархии; с 1921 г. служил диаконом в сел. Барсуковке Вольского уезда Саратовской губернии; с 1922 г. – служил священником в с. Пенделки Кузнецкого уезда Саратовской области; с 1930 г. – счетовод-табельщик в г. Краснодаре; с 1931 г. – помощник бухгалтера в пригородном хозяйстве г. Краснодара, плановик-экономист на Краснодарском кондитерском комбинате; с 1943 г. – настоятель Св.-Троицкой церкви в г. Краснодаре; с 1945 г. – настоятель Св.-Успенского молитвенного дома в г. Лабинске; с 1947 г. – настоятель Св.-Сергиевского молитвенного дома в ст. Усть-Лабинской; с 1948 г. – настоятель Св.-Иоанно-Богословского молитвенного дома в сел. Новокубанском; с ноября 1952 г. – настоятель Св.-Покровского молитвенного дома в ст. Новотитаровской Динского района Краснодарского края. В это же время настоятелем Св.-Успенского молитвенного дома в ст. Лабинской (до марта 1946 г.) был протоиерей Смарагд Попов (биографические данные отсутствуют) [15].

Известно также, что в 1946 г. здесь настоятелем и благочинным Лабинского округа служил протоиерей Николай Терентиенко. Николай Петрович Терентиенко родился в сел. Федьковка Мглинского уезда Черниговской губернии; украинец; в 1914 г. окончил духовную семинарию; женат; в 1935 г. осужден по ст. 58-10 на 5 лет; в обновленческом расколе не состоял; во время оккупации служил священником в ст. Новопокровской.

Трудовая деятельность: до 1937 года – псаломщик, [диакон], священник; до 1940 г. – в ссылке, гражданская работа; с 1941 по 1945 гг. – гражданская работа, священник; с 1945 по 1952 гг. – священник. В 1946 г. служил настоятелем Св.-Успенской церкви ст. Лабинской и благочинным Лабинского округа. По состоянию на 1952 г. служил в ст. Платнировской Кореновского района.

В 1947 г. настоятелем Св.-Успенского молитвенного дома становится о. Николай Лясковский. Николай Владимирович Лясковский родился 17 мая 1879 г. в с. Замшаны Ковельского уезда Волынской губернии; русский; в 1901 г. окончил Волынскую духовную семинарию; женат; не судим; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1924 г.; в Краснодарский край прибыл из Ростовской-на-Дону области в 1933 г.; с 01.07 1942 работал счетоводом МТФ[2] колхозного центра в Тельмановском районе, Карагандинской области.

Трудовая деятельность: с 1901 г. учитель начального училища в г. Ессентуки; с 1903 г. – священник в ст. Слепцовской; с 1909 г. настоятель церкви в г. Пятигорске; с 1921 г. настоятель собора в г. Кисловодске; с 1923 г. – настоятель кафедрального собора в г. Пятигорске; с 1925 г. – настоятель кафедрального собора в г. Ставрополе; с 1926 г. – настоятель кафедрального собора в г. Севастополе; с 1927 г. – настоятель кафедрального собора в г.

[2] Молочно-товарная ферма.

Симферополе; с 1928 г. настоятель Св.-Александро-Невского кафедрального собора в г. Ростове-на-Дону; с 1930 г. – настоятель Св.-Покровского кафедрального собора в г. Ростове-на-Дону; с 1933 г. – настоятель собора в г. Анапе; с 1941 г. в эвакуации, работал счетоводом в г. Караганде; с 1943 г. управдомами 56 отд. г. Москвы; с 1944 г. – настоятель церкви в ст. Абинской Краснодарского края; с 1947 г. – настоятель Св.-Успенского молитвенного дома в г. Лабинске; с октября 1949 г. – настоятель собора в г. Сочи; с 1953 г. – настоятель церкви в ст. Усть-Лабинской и ст. Черниговской; с 1954 г. – настоятель церкви в ст. Псебай; с 1954 г. – настоятель церкви в г. Апшеронске [16].

С 1948 г. на втором штатном священническом месте состоял протоиерей Димитрий Прокопович. Дмитрий Зинонович Прокопович родился 10 мая 1890 г. в местечке Теофиполь Волынской губернии; русский; в 1915 г. окончил Казанскую духовную академию; вдов; не судим; в обновленческом расколе не состоял; в Краснодарский край прибыл из г. Казани в 1948 г.; во время оккупации находился в г. Казани на гражданской работе [17].

17 сентября 1955 г. настоятелем Св.-Успенского молитвенного дома назначен о. Петр Баранчиков. Петр Григорьевич Баранчиков родился 28 июня 1886 г. в г. Тамбове Тамбовской губернии; русский; в 1906 г. с золотой медалью окончил Тамбовскую гимназию; в 1906-1912 гг. учился в С-Петербургском политехническом институте (не окончил) и в С.-Петербургской медицинской академии (не окончил); вдов; не судим; в обновленческом расколе не состоял; во время оккупации жил в ст. Павловской у колхозника Браславец Г.И., работал в его хозяйстве.

Трудовая деятельность: с 1918 г. служил инструктором по школьной работе при Тамбовском отделе народного образования; с 1921 г. – инструктором по профессионально-техническому образованию в г. Владикавказе; с 1924 г. – инструктором по школьной работе при народном образовании в г. Ростове-на-Дону; с 1928 г. – технический работник культотдела газеты «Известия» в г. Москве; с 1933 г. – технический работник «Радиогазеты» в г. Москве; с 1936 г. – клубный работник в клубе завода комбайнов в г. Саратове; с 1940 г. – преподаватель в 10-летней школе имени М. Горького в г. Евпатории Крымской АССР; с марта 1943 г. – псаломщик в Св.-Успенской церкви ст. Павловской Краснодарского края; с ноября 1943 г. – штатный священник Св.-Екатерининского собора в г. Краснодаре; с сентября 1945 г. – настоятель Св.-Троицкой церкви в г. Краснодаре; с октября 1945 по март 1946 г. – за штатом; с марта 1946 г. священник Св.-Екатерининского кафедрального собора в г. Краснодаре; с декабря 1949 г. – настоятель Св.-Ильинской церкви в г. Краснодаре; с июня 1951 г. – настоятель Св.-Успенской церкви в г. Новороссийске; с 17 сентября 1955 г. – настоятель Св.-Успенской церкви в г. Лабинске [18].

С ноября 1956 г. на второштатном месте священника состоял протоиерей Капитон Рождественский. Капитон Васильевич Рождественский родился 6 июля 1892 г. в с. Донском Ставропольской губернии; русский; в 1913 г. окончил Ставропольскую духовную семинарию; женат; в 1931 г. осужден по ст. 66 ч. 3 УПК на 3 года ссылки (за неуплату культурного налога); в обновленческом расколе не состоял; в Краснодарский край прибыл из Ставропольского края в 1950 г.; во время оккупации находился в Свердловской области.

Трудовая деятельность: с 1913 г. служил диаконо-учителем и законоучителем в ст. Попутной Кубанской области; с 1914 г. служил священником в сел. Шабано-Тхамахинском Кубанской области; с 1916 г. – священником в хут. Братском Кавказского отдела Кубанской области; с 1920 г. – священником в сел. Ивановском Кубано-Черноморской области; с 1922 г. – священником в хут. Новокиевском Ставропольского края; с 1923 г. – в сел. Тищенском Ставропольского края; с 1929 г. – в ст. Ярославской Северо-Кавказского края; с 1931 г. – вышел за штат, на разных работах, затем в ссылке в г. Соликамске Уральской области; с 1934 г. – бухгалтером в г. Кутаиси и Сухуми на строительстве аэродромов гражданской авиации; с 1937 г. – бухгалтером транспортно-хозяйственного отдела на Медном руднике (г. Свердловск); с 1939 г. – бухгалтером на Уралсибспецстрое (г. Свердловск); с 1943 г. – священник, настоятель в сел. Баклановского Ставропольского края; с 1944 г. –настоятель церкви в ст. Екатеринградской Ставропольского края; с 1945 – в сел. Казминском; с 1947 г. – в сел.

Кармалиновском; с 1949 г. – в сел. Овощи; с 1950 г. – в сел. Староматвеевском Ставропольского края; с 12 июня 1951 г. – настоятель Св.-Варваринского молитвенного дома в ст. Старовеличковской Кагановичского района Краснодарского края. По состоянию на 1952 год служил в с. Гулькевичи [19].

В октябре 1959 г. настоятелем Св.-Успенского молитвенного дома становится протоиерей Александр Волконович. Александр Иванович Волконович родился 12 декабря 1880 г. в г. Ковель Волынской губернии; украинец; в 1900 г. окончил Волынскую духовную семинарию, женат; не судим; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1944 г.; в Краснодарский край прибыл из г. Житомира в 1943 г.; во время оккупации работал в г. Житомире в разных учреждениях.

Трудовая деятельность: до 1937 года – священник; с 1937 по 1941 гг. – гражданская работа; с 1941 по 1945 гг. – священник; с 1945 по 1952 гг. – священник. В 1952 г. служил в ст. Псебайской Псебайского района [20].

В период гонений на церковь при Н.С. Хрущеве Св.-Успенский приход в г. Лабинске был закрыт.

Процесс закрытия молитвенного дома начался еще в 1959 г., когда Лабинский райисполком поддержал решение «общественных организаций города» и своим решением за № 543 от 19 ноября 1959 г. возбудил ходатайство перед Краснодарским крайисполкомом об изъятии у общины верующих Св.-Успенского молитвенного дома. Крайисполком поддержал это решение и в свою очередь принял решение от 11 декабря 1959 г., в котором постановил обратиться в Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР с просьбой изъять молитвенный дом у Св.-Успенской общины.

При этом уполномоченный Бабушкин в своем заключении от 11 декабря 1959 г. честно признался, что обе общины, действующие в г. Лабинске «крепкие», а религиозность г. Лабинска выше, чем, например, в г. Новороссийске, так как при населении в два раза меньшем, доходность молитвенных домов в г. Лабинске равна доходности Новороссийской церкви. В связи с этим изъятие здания Св.-Успенского молитвенного дома, к тому же находящегося в центре города, «затруднит работу церковников, уменьшит их влияние на верующую часть населения, с одной стороны, и улучшит условия для организации и проведения политико-массовой (т.е. антирелигиозной. – А.Б.) работы с населением города, особенно с молодежью, – с другой».

23 февраля 1960 г. Совет по делам Русской Православной Церкви согласился с решением крайисполкома об изъятии здания у общины верующих.

23 мая 1961 г. крайисполком, несмотря на активные протесты верующих, прежде всего в лице членов церковного Совета – Лиховидовой Е.Г., Колпаковой М.В., Ермоленко П.М., Малько П.С., Стусь И.В., Новикова С.И. и др., решительно отказавшихся покинуть здание молитвенного дома, принял решение о снятии с регистрации общины Св.-Успенского молитвенного дома в г. Лабинске.

19 июля 1961 г. Совет по делам Русской Православной Церкви в Москве утвердил решение крайисполкома, после чего многострадальная община г. Лабинска была окончательно ликвидирована, а здание переоборудовано под клуб[3] [21].

И только через тридцать лет, в сентябре 1991 г., справедливость восторжествовала, Св.-Успенский православный приход был вновь открыт в старом здании, которое было вторично освящено по Проезду Кольцевому, 11 в г. Лабинске [22].

§ 3. Молитвенный дом во имя Святителя Николая Архиепископа Мир Ликийских Чудотворца в ст. Ахметовской

Свято-Николаевская церковь в ст. Ахметовской Кубанской области построена в 1862–1863 гг. тщанием прихожан. Освящена в 1863 г. Здание деревянное, колокола размещались на деревянных столбах. В 1886 г. на средства Кубанского казачьего войска (9000 руб.), с добавлением средств от прихожан построена новая церковь. Здание деревянное на каменном фундаменте с такой же колокольней. Здание старой церкви было продано жителям слободки Сергиевка Майкопского уезда. В составе причта

[3] В 1991 г. в бывшем здании церкви размещался Майкопский филиал республиканской детско-спортивной школы олимпийского резерва (ДСЮШРО) по борьбе самбо и дзю-до (ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 334. Л. 75).

значились священник и псаломщик. Священник получал жалованье в размере 200 руб. 70 коп. в год. С 1906 церковь владела причтовой землей площадью 66 десятин. На причтовом участке, как отмечалось в клировой ведомости, «кроме кукурузы и гречихи хлеб совсем не родится» [23].

В дореволюционный период в Св.-Николаевской церкви ст. Ахметовской служил священник Феопемпт Иоаннович Акимов [24].

В 1934 г. в ст. Ахметовской служил священник Игорь Николаевич Конюхов. И.Н. Конюхов родился 18 сентября 1907 г. в ст. Кореновской Кавказского отдела Кубанской области; русский; в 1925 г. окончил неполную среднюю 7-летнюю школу; женат (жена Конюхова Елена Сергеевна, 1907 г. рожд.; дочь Антонина, 1929 г. рожд., дочь Галина, 1939 г. рожд.); не судим; был в обновленческом расколе; принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви (дата не указана); во время оккупации находился в РККА.

Трудовая деятельность: в 1927 г. назначен псаломщиком к церкви ст. Отрадной Северо-Кавказского края; в 1930 г. перемещен на место псаломщика к Св.-Николаевской церкви ст. Ахметовской Мостовского района; в 1931 г. рукоположен в сан диакона с оставлением в той же станице; в 1933 г. рукоположен в сан священника и перемещен к Св.-Михайло-Архангельскому собору г. Темрюка; в 1934 г. назначен настоятелем Св.-Николаевской церкви ст. Ахметовской Мостовского района; в 1936 г. – настоятелем Св.-Преображенской церкви в ст. Псебайской Мостовского района; в 1937 г. – настоятелем Покровского молитвенного дома ст. Владимирской Лабинского района.

В 1940 г., вследствие невозможности оплатить государственные налоги, вынужден был временно оставить службу в церкви и поступить грузчиком на станцию Лабинская, где работал до 1942 года.

В 1942 г. мобилизован в РККА, по состоянию здоровья определен в рабочий батальон № 1 и направлен в Абхазскую ССР (г. Гудаута) на постройку ЧЖД, где был контужен, «получив сердечные боли и порок сердца». 20 апреля 1943 г. уволен из РККА и 28 апреля 1943 г. врачебной комиссией при Лабинском райвоенкомате по ст. 30, согласно расписания болезней и приказа НКО СССР 1942 г. № 3, снят с воинского учета.

13 декабря 1943 г. назначен настоятелем церкви ст. Костромской Ярославского района Краснодарского края; 3 апреля 1945 г. перемещен в сел. Сергиевское Гиагинского района; 20 июня 1946 г. перемещен в ст. Чамлыкскую Курганинского района.

По состоянию на 1952 год служил в ст. Фастовецкой Тихорецкого района [25].

В 1934 г. православная община в ст. Ахметовской была ликвидирована, а здание церкви передано в ведение Ахметовского сельского Совета. В 1935-1937 гг. церковь была переоборудована под клуб и использовалась в этом качестве вплоть до начала гитлеровской оккупации. В 1942 году здание заняла группа верующих, перестроив его под молитвенный дом. 17 января 1945 г. православная община ст. Ахметовской заключила договор с Упорненским сельским Советом о передаче в бесплатное и бессрочное пользование церковного здания [26].

Данные о священниках, которые служили в ст. Ахметовской с 1942 г. (т.е. со времени начала оккупации) и до октября 1944 г. отсутствуют.

С 24 октября 1944 г. по 17 января 1945 г. в ст. Ахметовской служил священник Федор Советов. Федор Федорович Советов родился 21 января 1876 г. в г. Тамбове; вдов. В 1899 г. окончил Тамбовскую духовную семинарию; в марте 1900 рукоположен в сан диакона и назначен в сел. Новогоршково Козловского уезда Тамбовской губернии; в августе 1900 г. перемещен в сел. Зубриловку Балашовского уезда Саратовской губернии; 22 сентября 1902 г. рукоположен в сан священника и назначен в сел. Ключи Балашовского уезда; 7 октября 1905 г. перемещен к церкви Вознесенского женского монастыря Сердобского уезда Саратовской губернии, здесь же заведовал церковной школой; в августе 1913 г. назначен попечителем Казанского учебного округа и законоучителем женской гимназии в г. Камышине Саратовской губернии; с октября 1918 г. работал счетоводом в хлебозаготовительной конторе в г. Камышине. В апреле 1919 г. переехал в Кубанскую область и служил законоучителем и учителем русского языка в реальном училище ст. Михайловской Лабинского отдела Кубанской области; с 29 сентября 1920 г. служил делопроизводителем в Армавирском горисполкоме; с 10 октября 1921 г. секретарем

Армавирского горздравотдела; с 16 декабря 1923 г. – заместителем начальника канцелярии Армавирского окрисполкома; с 1 октября 1924 г. – помощник юрисконсульта указанного окрисполкома; с 10 октября 1927 г. – помощник секретаря Армавирского горисполкома; с января 1929 г. – безработный; с апреля 1931 г. – работал плановиком-экономистом строительной конторы Армавир-Украина; с октября 1933 г. – плановиком-экономистом конторы «Союзшвейсбыт» в г. Астрахани; с октября 1934 г. – плановик-экономист конторы «Нефтепроводстрой» в г. Армавире и в других учреждениях г. Армавира; в период гитлеровской оккупации работал бухгалтером и кассиром на заводе «Металлодел»; с 25 сентября 1944 г. временно служил в молитвенном доме ст. Раевской; с 24 октября 1944 г. – настоятелем молитвенного дома в ст. Ахметовской; с 17 марта 1945 г. – настоятель молитвенного дома хут. Ковалевского Новокубанского района; с 12 июня 1945 г. – настоятель молитвенного дома в ст. Вознесенской Краснодарского края [27].

В январе 1945 г. в станицу Ахметовскую по указу Епископа Фотия (Топиро)[4] был временно назначен настоятелем иеромонах Иван Степанович Стрельников (в монашестве Исавр), о котором известно, что он родился в 1884 г. в с. Козловка Воронежской губернии, русский; окончил Борисоглебское уездное шестиклассное училище; холост; в обновленческом расколе не состоял; во время оккупации жил в г. Фрунзе, работал на складе гортопа.

Трудовая деятельность: в 1900 г. поступил послушником в Ново-Афонский монастырь; с 1907 по 1909 гг. отбывал воинскую повинность писарем в 67-м Тарутинском полку; в 1910 г. вернулся в Новый Афон, где был в 1913 г. пострижен в монашество с именем Исавр. В монастыре проходил послушания, связанные с садоводством и письмоводительством. В 1923 г. рукоположен в иеродиаконы; в 1924 г. – в сан иеромонаха. После закрытия монастыря в 1924 г. служил в г. Баку в старом соборе, в крепости, жил в сторожке при соборе. В 1927 г. перешел на службу в г. Грозный и до 1933 г. служил священником в Св.-Николаевской церкви, после закрытия которой вышел за штат и переехал в Среднюю Азию.

[4] Очевидно, община являлась патриаршей ориентации.

С 1933 г. работал при маслозаводе в Таджикторге в должности кассира и учетчика склада в г. Курган-Тюбе (Таджикская ССР). В 1933 г. переехал в г. Фрунзе (Киргизская ССР) и работал «калькулятором» при объединении буфетов и столовых. С 6 сентября 1942 г. работал завскладом гортопа в г. Фрунзе; с марта 1944 г. – заведующим подсобным хозяйством военкомата г. Фрунзе. В январе 1945 г., по вызову Епископа Краснодарского и Кубанского Фотия (Топиро), прибыл в г. Краснодар и указом от 17 января 1945 г. определен временно исполняющим обязанности настоятеля патриаршей церкви ст. Ахметовской Упорненского района Краснодарского края. 2 июня 1945 г. перемещен в ст. Крымскую; с 9 июня 1945 г. – по июль 1949 г. служил настоятелем Св.-Вознесенской церкви в г. Геленджике [28].

19 ноября 1945 г. настоятелем Св.-Николаевского молитвенного дома ст. Ахметовской назначен священник Моисей Лысенко. Моисей Абрамович Лысенко родился в 1880 году в слободе Ясеново Ахтырского уезда Харьковской губернии; вдов; в обновленческом расколе не состоял; в период оккупации нигде не работал; занимался кустарным ремеслом (изготавливал гребешки).

Трудовая деятельность: в 1893 г. окончил сельскую школу и затем служил певчим при Воскресенской церкви сл. Ясеново; с 1910 г. исполнял должность псаломщика при той же церкви; с 21 февраля 1915 г. служил псаломщиком при Св.-Николаевской церкви слободы Долгенькой Изюмского уезда Харьковской епархии; с 1917 г. служил полковым псаломщиком в г. Коротояк Воронежской губернии; в 1920 г. служил псаломщиком в сл. Ясеново; в 1925 г. рукоположен в сан диакона; в 1931 г. был осужден и по 1937 г. отбывал наказание в г. Котласе Вологодской области; с 1932 г. служил псаломщиком в дер. Нюба Вологодской области. С 1937 по 1945 г. проживал в ст. Ахметовской [29].

В сентябре 1946 настоятелем молитвенного дома ст. Ахметовской становится священник о. Николай Оболенский. Николай Дмитриевич Оболенский родился в феврале 1884 г. в ст. Петропавловской Грозненского округа Терской области; семейное положение – вдов. В 1904 г. окончил Александровскую духовную семинарию в г. Ардоне,

после чего служил учителем церковно-приходской школы в сел. Орбелиановке Терской области; с 1905 г. состоял псаломщиком при соборе г. Грозного; с 1907 г. – псаломщик церкви ст. Зольской Пятигорского отдела Терской области; с 1908 г. – священник Пятигорского собора; с 1912 г. – священник церкви г. Батайска области войска Донского; с 1916 г. – священник Св.-Митрофановской церкви г. Таганрога; с 1932 г. – священник Кладбищенской церкви г. Азова; в 1933 г. вышел за штат и работал лаборантом-счетоводом молочной промышленности в сел. Дмитриевке Орджоникидзевского края, затем в сел. Егорлык Сальского района Ростовской-на-Дону области; с 1938 г. – лаборантом в ст. Георгиевской Невинномысского района Ставропольского края; с 1942 г. служил священником в ст. Барсуковской Невинномысского района; с 1943 г. священник молитвенного дома в сел. Петровском Отрадненского района; с 6 сентября 1946 г. переведен к церкви ст. Ахметовской [30].

В апреле 1949 г. настоятелем церкви ст. Ахметовской становится священник Иоанн Павлинов. Иван Иванович Павлинов родился в 1877 г. в сел. Медведь Новгородской губернии; образование среднее; семейное положение: вдов.

С 1895 г. работал в живописной мастерской при Новгородском монастыре; с 1899 г. – в рисовальной школе в г. Санкт-Петербурге, затем у подрядчиков; с 1916 г. служил ратником ополчения в г. Бугуруслане; с 1918 г. – живописцем в ст. Крымской; с 1921 г. – в Беслане; с 1929 г. – учителем рисования при железнодорожной школе № 1 в г. Владикавказе; в 1938 г. был осужден по ст. 110 на 5 лет; отбывал наказание в г. Орджоникидзе (Владикавказе), освобожден досрочно; с 1942 г. работал сторожем в оргпищепроме г. Орджоникидзе; с 1943 г. рисовал при церкви в г. Кропоткине; с 1945 г. – при Св.-Ильинской церкви в г. Краснодаре; с 1946 г. служил диаконом и священником при той же церкви, затем был переведен в ст. Хамкетинскую [31].

С января 1951 г. настоятелем назначен священник Поликарп Алексеевич Балковой. П.А. Балковой родился 26 мая 1890 г. в ст. Кисляковской Ейского отдела Кубанской области, русский; в 1905 г. окончил Кисляковское 2-классное училище; в 1913 г. окончил духовную семинарию в г. Ардоне Ставропольской губернии (ныне Северная Осетия); в 1916–1917 гг. прослушал 1-й курс Казанской духовной семинарии; вдов; не судим; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1925 г.; прибыл в Краснодарский край из Ставропольской епархии в 1920 г.; во время оккупации работал в ст. Советской в коммунальном хозяйстве рабочим.

Награды: в 1934 г. награжден наперсным крестом Митрополитом Московским Сергием; в 1951 г. – саном протоиерея Архиепископом Краснодарским и Кубанским Гермогеном.

Трудовая деятельность: с 1913 г. работал учителем начального училища в сел. Орловском Ставропольской губернии; с 1914 г. служил священником в церкви во имя Рождества Пресвятой Богородицы в сел. Курлацком Таганрогского уезда области войска Донского; с 1916 г. служил священником в Св.-Покровской церкви сел. Новороманoвского Ставропольской губернии; с 1918 г. служил священником Св.-Покровской церкви в сел. Урожайном Ставропольской губернии; с 1919 г. служил священником в хут. Белом Кубано-Черноморской области; с 1924 г. служил священником в ст. Кущевской Северо-Кавказского края; с 1927 г. служил священником в ст. Новодеревянковской Северо-Кавказского края; с 1931 г. служил священником в сел. Прасковея Ставропольского края; с 1935 г. служил священником в Св.-Михаило-Архангельском молитвенном доме ст. Советской Ставропольского края; с 1939 г. работал там же в районном коммунальном хозяйстве; с 15 октября 1942 г. служил священником в Св.-Покровской церкви сел. Солдатско-Александровского Ставропольского края; с 1 июля 1943 г. служил священником в Казанском молитвенном доме сел. Левокумского Ставропольского края; с мая 1944 г. служил священником в сел. Камбулат Ставропольской губернии; с 1946 г. служил священником в сел. Овощи Ставропольского края; с 1948 г. служил священником в сел. Орловском Ставропольской губернии; с 1951 г. служил священником в Св.-Николаевской церкви ст. Ахметовской Краснодарского края; с 1952 г. по март 1954 г. был за штатом; с 24 марта 1954 г. служил настоятелем Св.-Покровской церкви ст. Черниговской Белореченского района

Краснодарского края; 4 июня 1954 г. вновь вышел за штат [32].

После ухода за штат священника Поликарпа Балкового епархиальное управление, по свидетельству уполномоченного, не стало назначать туда настоятеля «по причине малодоходности прихода», несмотря на неоднократные заявления верующих о необходимости направления к ним священника. Чтобы окончательно решить церковный вопрос в ст. Ахметовской, 22 апреля 1954 г. уполномоченный обратился в Совет по делам Русской Православной Церкви, с целью получить разрешение закрыть Св.-Николаевский молитвенный дом, однако Совет выразил на это свое несогласие, и 23 июня 1954 г. постановил «считать снятие с учета действующего молитвенного дома в станице Ахметовской преждевременным» [33].

В результате этого приход в ст. Ахметовской не был закрыт, и в феврале 1957 г. сюда был определен священник Григорий Никитич Сидоров, а в июне этого же года – священник Александр Федорович Чуриков. При о. Александре Чурикове произошло переселение православной общины станицы в новое здание, расположенное по ул. Калинина, 15 (угол ул. Волобуева) [34].

В июле 1959 г. настоятелем молитвенного дома становится священник Андрей Иванович Грицунов, в феврале 1960 г. – священник Иван Васильевич Бекетов, а в июне 1960 г. – Иван Константинович Лозовой, после чего уполномоченный Бабушкин, в строгом соответствии с партийной линией, определенной Н.С. Хрущевым, начал активную деятельность по закрытию молитвенного дома в ст. Ахметовской. И это ему вскоре удалось, благодаря активной поддержке местных и краевых органов власти: 26 октября 1962 г. Совет по делам Русской Православной Церкви, заслушав письмо Краснодарского крайисполкома от 15 октября этого же года о снятии с регистрации религиозного общества в ст. Ахметовской, постановил «согласиться с предложением Краснодарского крайисполкома…», после чего община была ликвидирована [35].

Через 36 лет приход в ст. Ахметовской был восстановлен. Здание, расположенное по ул. Советской, 46 «А», было освящено в честь святителя Николая Чудотворца 11 сентября 1998 г., и там вновь возобновились богослужения [36].

§ 4. Молитвенный дом во имя Успения Пресвятой Богородицы в ст. Владимирской

Свято-Покровская церковь в ст. Владимирской построена тщанием прихожан и при содействии казны в 1853 году. Здание церкви было деревянным, на каменном фундаменте. В 1865 г. на средства Кубанского казачьего войска с добавлением средств от прихожан построена новая церковь, которая была освящена 25 января следующего 1866 года. Однако 5 июля 1897 г. она сгорела. В 1904 г. закончено строительство новой кирпичной церкви, освящение которой состоялось 27 и 28 сентября того же года. Кроме главного престола в честь Покрова Пресвятой Богородицы, в правом приделе освящен престол в честь трех святых: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустаго, а в левом приделе – престол в честь св. кн. Владимира. В составе причта в дореволюционный период значилось 2 священника, диакон и псаломщик. Первый священник получал жалованье из войсковой казны в размере 200 руб. 70 к. Первый причт имел 99 десятин, второй – 54 удобной для хлебопашества земли в 5-ти верстах от станицы. Оба священника жили в церковных деревянных пятикомнатных домах, с необходимыми надворными постройками. Диакон имел двухкомнатную квартиру при церковно-приходской школе.

В дореволюционный период в ст. Владимирской служили священники Александр Подольский и Алексей Румянцев [37].

В 1937 г. настоятелем Св.-Покровского молитвенного дома был назначен священник Игорь Конюхов (см. выше). Перед войной (точная дата не установлена) церковь была закрыта и разрушена. Сведения о деятельности молитвенного дома в период гитлеровской оккупации в документах противоречат друг другу. Так, в анкете священника о. Якова Меркулова имеется запись о том, что он служил в Св.-Покровской церкви ст. Владимирской с 16 ноября 1942 года, в то же время в данных, представленных настоятелем прихода о. Сергием Шатоба утверждается, что Св.-Покровский молитвенный дом в период оккупации не функционировал, а начал действовать с 17 декабря 1943 года [38].

О священнике Якове Макаровиче Меркулове известно, что он родился в 1872

г. в дер. Ирвяница Горецкого уезда Могилевской губернии; русский; в 1912 г. окончил 4-классное начальное училище, в 1914 г. – курсы земских страховых агентов. Семейное положение: женат с 1891 г., имеет четырех дочерей и трех сыновей (старший погиб на фронте, средний инвалид войны)

Трудовая деятельность: после окончания Баевского 3-классного народного училища в 1894 г. был призван по жребию на военную службу; в 1898 г. поступил в Чугуевское окружное юнкерское училище Харьковской губернии, по окончании которого в 1900 г. произведен в чин подпоручика; в 1905 году был направлен в Маньчжурию на театр военных действий; за участие в боях получил орден Св. Станислава 3-й степени; после войны вышел в отставку и занимался на родине сельским хозяйством; в 1914 г. окончил курсы земских страховых агентов при Могилевской губернской земской управе, после чего служил земским страховым агентом по месту рождения; в 1914 г. призван по мобилизации в ряды действующей армии и назначен на должность командира обозного транспорта, после окончания войны вернулся на прежнее место работы; с 1933 по 1942 гг. работал в колхозе им. Коминтерна в ст. Владимирской Лабинского района Краснодарского края; с 16 ноября 1942 г. служил священником в ст. Владимирской Лабинского района.

5 сентября 1943 г. к Свято-Покровскому молитвенному дому назначен только что рукоположенный на тот момент в сан священника о. Сергий Шатоба. Сергей Иванович Шатоба родился 7 октября 1872 г. в сел. Старая Гута Суражского (с 1921 г. Клинцовского) уезда Черниговской губернии; русский; в 1886 г. окончил сельское одноклассное училище в сел. Сергиевском Ставропольской губернии; в 1901 г. выдержал экзамен на звание псаломщика в г. Ставрополе по установленной программе; в 1914 г. выдержал экзамен на звание учителя при Лабинской мужской гимназии; женат (жена Татьяна Ивановна, род. 11 января 1886 г.; дочь Раиса Сергеевна, род. 28 июля 1918 г.); во время оккупации служил псаломщиком в ст. Константиновской Курганинского района Краснодарского края.

Трудовая деятельность: с 29 сентября 1901 г. служил псаломщиком в ст. Упорной Кубанской области; в 1913 г. переведен псаломщиком к Успенской церкви ст. Лабинской Кубанской области; 4 декабря 1917 г. рукоположен в сан диакона; в марте 1934 г. вышел за штат по болезни, работал огородником в колхозах «Культурный труд» и «КИМ» Спицевского района Ставропольского края; с 1936 г. работал при штабе экспедиции по борьбе с грызунами в селе Благодарном Ставропольского края; с 18 апреля 1938 г. по 1942 г. работал охранником в артели инвалидов «Лабторгин» в ст. Лабинской, там же служил агентом по страхованию жизни; с ноября 1942 г. поступил на службу псаломщиком в ст. Константиновскую Курганинского района Краснодарского края; с января 1943 г. служил псаломщиком в ст. Родниковской Курганинского района; 5 сентября 1943 г. рукоположен в сан священника и назначен в Св.-Покровский молитвенный дом ст. Владимирской Лабинского района, где служил до июня 1945 года, затем назначен настоятелем в Рождество-Богородицкий молитвенный дом ст. Упорной Лабинского района Краснодарского края, где пробыл до 1946 г., затем с ноября 1952 г. по апрель 1953 г. вновь был назначен в ст. Упорную [39].

В отношении здания, в котором располагался Св.-Покровский молитвенный дом следует отметить, что на тот момент он действовал в деревянном на каменном фундаменте здании бывшей старообрядческой часовни, не имевшем первоначально ни пола, ни дверей, ни окон. После ремонта в часовне начались богослужения общины, принадлежащей к синодально-обновленческой ориентации во главе со священником о. Сергием Шатобой. При церкви имелась двухкомнатная деревянная сторожка, крытая железом. В феврале 1944 г. эти здания были официально переданы Св.-Покровской общине в бесплатное и бессрочное пользование [40].

С 26 июня 1945 г. настоятелем молитвенного дома назначен о. Андрей Русов (см. выше); в сентябре 1948 г. – о. Михаил Гаврик. Михаил Дмитриевич Гаврик родился 18 декабря 1899 г. в ст. Новощербиновской Ейского отдела Кубанской области, русский; в 1915 г. окончил церковно-учительскую школу в сел. Новогригорьевском Ставропольской губернии; в 1917 г. двухгодичные диаконо-псаломщические курсы при этой же школе; в 1927-1928 гг. был вольнослушателем 1-го курса Московской богословской академии; женат (жена

Гаврик Елизавета Марковна, 1896 г. рождения; сын Иван, 1923 г. рожд., сын Николай, 1925 г. рожд., дочь Попович Мария, 1919 г. рожд.); не судим; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1945 г.; в Краснодарский край прибыл из г. Акетафа Азербайджанской ССР в 1941 г.; во время оккупации организовал православную общину в ст. Воронцовской Новотитаровского района и служил там священником.

Трудовая деятельность: с 15 мая 1917 г. служил псаломщиком в церкви ст. Николае-Романовской Кубанской области; с 5 октября 1917 г. – служил учителем одноклассного училища в хут. Зеленчукском Баталпашинского отдела и хут. Николенко Лабинского отдела Кубанской области; с 30 августа 1918 г. – псаломщиком в церкви ст. Воронцовской Екатеринодарского отдела; с 30 июля 1920 г. – диаконо-псаломщиком церкви ст. Андреевской Таманского отдела; с 12 марта 1923 г. – диаконо-псаломщиком церкви ст. Нововеличковской; с 17 октября 1923 г. – диаконом церкви ст. Бриньковской Приморско-Ахтарского района; с 10 августа 1926 г. – 2-м диаконом Екатерининского собора в г. Краснодаре; с 16 августа 1927 г. – диаконо-псаломщиком церкви ст. Сергиевской Тимашевского района; с 1928 г. – священником церкви хут. Найденовского Кропоткинского района; с 9 июля 1929 г. – священником церкви с. Малинино Тимашевского района; с 22 октября 1929 г. – священником церкви с. Григорьевского Северского района; с 30 августа 1930 г. – священником в ст. Калужской Северского района; с 14 сентября 1933 г. – священником в ст. Старокорсунской Динского района; со 2 февраля 1934 г. ушел за штат, работал счетоводом; с 10 сентября 1942 г. служил священником в ст. Воронцовской Новотитаровского района Краснодарского края; с 11 мая 1944 г. – священником в ст. Нововеличковской; с 26 октября 1946 г. – в ст. Петровской Черноерковского района; с 9 сентября 1948 г. – в ст. Владимирской Лабинского района; с 15 сентября 1949 г. – в хут. Полтавченском Кущевского района; с 12 февраля 1950 г. – в г. Геленджике; с 14 сентября 1950 г. – в ст. Холмской; с 26 июля 1951 г. – в ст. Бриньковской; с 28 июля 1952 г. – в ст. Ивановской; с 24 сентября 1952 г. – в ст. Ладожской [41].

С июня 1949 г. по декабрь 1952 г. в ст. Владимирской служил священник Иоаким Луган. Иоаким Игнатьевич Луган родился 8 сентября 1879 г. в сел. Маяки Изюмского уезда Харьковской губернии; русский; в 1897 г. окончил Екатеринодарское духовное училище; в 1907 г. при Лабинской мужской гимназии сдал экзамен на учителя; вдов; в 1934 г. осужден по ст. 118 УК на 3 года тюрьмы; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1935 г. Архиепископом Воронежским Захарием; во время оккупации служил священником в ст. Казанской Кавказского района Краснодарского края.

Награды: в 1950 г. награжден набедренником Архиепископом Краснодарским и Кубанским Гермогеном.

Трудовая деятельность: в 1926 г. рукоположен в сан священника Епископом Армавирским Николаем; с 1899 г. служил псаломщиком в ст. Кутаисской Кубанской области; с 1901 – в ст. Чамлыкской; с мая 1907 г. диаконом в ст. Келермесской; с 1922 г. диаконом в ст. Владимирской, затем Родниковской Кубано-Черноморской области; с 1924 г. – в ст. Бейсугской Северо-Кавказского края; с июля 1926 г. – священником в хут. Безводном; с 1927 г. – в хут. Сухая Балка; с 1929 г. – в сел. Сергиевском; с 1933 г. – в хут. Верхне-Чирском Добринского района Липецкой области; с июля 1934 г. – в сел. Никольском Добринского района; с июля 1934 по 1937 г. в заключении; с 1937 по 1942 гг. рабочий в ст. Белореченской и г. Кропоткине; с августа 1942 г. священник в ст. Казанской; с 1943 г. – в селе Белая Глина; с 1944 г. – в ст. Кавказской и Чамлыкской; с 1946 г. – в с. Натырбово; с 1949 по 1952 гг. – в ст. Владимирской.

С декабря 1952 г. в ст. Владимирской служил настоятелем священник Григорий Паршинцев, уроженец ст. Передовой Кубанской области, род. 30 октября 1909 г.; с марта 1959 г. – настоятель священник Михаил Исидорович Денисенко, который родился 2 января 1928 г. в ст. Михайловской Курганинского района, в 1958 г. окончил Ставропольскую духовную семинарию (обучался в семинарии в 1954-1958 гг.) [42].

В 1965 году, в соответствии с постановлением Совета по делам Русской Православной церкви от 21 июля, утвердившего предложение Краснодарского крайисполкома

от 6 июня 1965 года, православная община в ст. Владимирской Лабинского района Краснодарского края была снята с регистрации «как прекратившая свою деятельность» [43].

14 октября 1995 г. в ст. Владимирской была освящена церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы и богослужения возобновились [44].

§ 5. Молитвенный дом во имя Святой Живоначальной Троицы в ст. Вознесенской

В дореволюционный период в ст. Вознесенской действовало две церкви (Вознесенская и Свято-Троицкая) и Свято-Покровская единоверческая часовня.

Вознесенская церковь построена тщанием прихожан в 1843 году. Здание церкви было деревянным с соломенной крышей. В 1866-1869 гг. на средства Кубанского казачьего войска с добавлением средств прихожан построена новая деревянная на каменном фундаменте церковь с колокольней. 11 ноября 1869 г. церковь освятили, а в 1888 году расширили на средства купца Алексея Заварыкина.

Свято-Покровская деревянная на каменном фундаменте единоверческая часовня была построена на средства, собранные по распоряжению Епископа Ставропольского и Екатеринодарского Владимира усердием бывшего раскольника, лжесвященника казака Иустина Ласкина и освящена 13 июня 1888 года.

Свято-Троицкая церковь строилась в период с 1900 по 1905 гг. в единоверческом приходе как храм-памятник воинам, погибшим при покорении Западного Кавказа. Попечительницей строящегося храма по желанию прихожан стала вдова генерала Софья Михайловна Евреинова. Строилась церковь с благословения Святейшего синода и архиепископа Агафодора трудами и усердием священника Алексия Ивлева, на пожертвованные императором Николаем II три тысячи рублей. Остальные средства пожертвованы высокопоставленными лицами разных частей войск и священником Ивлевым. В 1903 г. Санкт-Петербургский купец второй гильдии Фаддей Петрович Федотов пожертвовал на постройку церкви 1 тыс. рублей. Колокол весом в 151 пуд отлит из меди, пожертвованной Николаем II. Церковь освящена лично архиепископом Агафодором: первый престол во имя Живоначальной Св. Троицы (26 сентября 1906 г.), второй престол в честь Покрова Пресвятой Богородицы (27 сентября этого же года). Указом Святейшего синода от 25 августа 1908 г. церковь переименована в православную. В 1913 г. начато строительство колокольни.

В начале XX в. в ст. Вознесенской служили священники: Алексей Павлович Руткевич, Митрофан Коробецкий и Алексей Ивлев [45].

В 1930-е годы все приходы, действовавшие в ст. Вознесенской, были закрыты. В период гитлеровской оккупации богослужения в Св.-Троицкой церкви, принадлежащей к патриаршей ориентации, возобновились, однако данные о священниках, которые служили там в этот период, отсутствуют. 17 марта 1944 г. священником в этот приход был назначен Николай Казанский. Казанский Николай Сергеевич, протоиерей, родился 1 апреля 1896 г. в г. Загорске Ярославской губернии; русский; в 1910 г. окончил Донское духовное училище; в 1914 г. сдал экзамен на звание учителя; женат; не судим; в обновленческом расколе не состоял; в Краснодарский край прибыл из Московской области в 1941 г.; во время оккупации жил в с. Петровском Павловского района, служил священником.

Трудовая деятельность: до 1937 года – гражданская работа, священник; с 1937 по 1941 гг. – священник, гражданская работа; с 1941 по 1944 гг. – гражданская работа, 17 марта 1944 г. назначен священником в ст. Вознесенскую Лабинского района; с 16 октября 1945 г. служил священником в Св.-Сергиевской церкви ст. Усть-Лабинской. По состоянию на 1952 г. служил в ст. Ленинградской Ленинградского района [46].

С 12 июня 1945 г. настоятелем молитвенного дома служил священник Федор Советов (см. выше).

1 июля 1948 г. настоятелем в ст. Вознесенскую назначен священник Михаил Мирошников. Михаил Саввич Мирошников родился 29 июля 1895 г. в г. Екатеринодаре; русский; окончил 4 класса высшего начального училища и Екатеринодарское духовное училище; женат; с 15 июня 1945 г. по 6 марта 1947 г. находился под следствием, по суду был оправдан; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение

с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1945 г.; во время оккупации служил священником Ильинской церкви в г. Краснодаре.

Трудовая деятельность: с 9 сентября 1914 служил писарем в Екатеринодарском окружном суде; с 1 октября 1916 г. служил рядовым в Русской Императорской армии (Белый Ключ – Тифлис); с начала 1918 г. служил рядовым в РККА (Екатеринодар); с 17 января 1919 г. служил регистратором в Екатеринодарском окружном суде; с 15 апреля 1920 г. – секретарь народного суда 2 уч. Краснодарского отдела; с 1 сентября 1925 г. – конторщик в ст. Брюховецкой Северо-Кавказского края; с 14 сентября 1926 г. – секретарь прокуратуры в сел. Преображенском; с 30 апреля 1928 г. – учетчик в НИП институте (так в документе) в г. Краснодаре; с 11 февраля 1929 г. – техник-дезинфектор при Кубанском ОСОАВИАХИМЕ; с 15 октября 1931 – техник СКИНСТРО (так в документе) в г. Ростове-на-Дону; с 15 октября 1937 г. – ревизор-инструктор Крайсуда и Управления НКЮ по Краснодарскому краю; со 2 апреля 1942 г. – писарь горвоенкомата в Краснодаре; с 25 ноября 1942 г. – служил священником в молитвенном доме ст. Старовеличковской; с 15 мая 1944 г. – в г. Краснодаре в Св.-Ильинской и Троицкой церквях; с 1 апреля 1947 г. – в молитвенном доме ст. Екатериновской; с 1 июля 1948 г. – в ст. Вознесенской; с 14 августа 1949 г. – в сел. Натырбово; с 24 мая 1950 г. – в Рождество-Богородицкой церкви пос. Лазаревского Краснодарского края. По состоянию на 1952 г. служил в ст. Пластуновской Пластуновского района [47].

В 1949 г. настоятелем Св.-Троицкого молитвенного дома становится священник Иоанн Прозоровский. Иван Николаевич Прозоровский родился в 1890 г. в сел. Верхняя Тишанка Бобровского уезда Воронежской губернии; русский; в 1899 г. окончил церковно-приходскую школу в сел. Верхней Тишанке; в 1912 г. окончил духовное училище и духовную семинарию в г. Воронеже; вдов; судим Московским ОГПУ по ст. 58 в 1927 году, затем выслан в Омскую область и находился там с 1928 по 1930 гг.; во время оккупации жил в ст. Выселки Краснодарского края, работал в колхозе, затем служил псаломщиком в церкви; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1944 г. Епископом Краснодарским и Кубанским Фотием (Топиро).

Трудовая деятельность: с 1912 г. служил псаломщиком в Воронежской губернии; с 1916 г. служил диаконом в сел. Богучар Воронежской губернии; с 1919 г. служил священником там же; с 1928 г. работал плотником на маслодельном заводе в сел. Кутырлы Омской области; с 1930 г. работал фотографом в г. Сталинграде; с 1932 г. работал фотографом при Ленинградской экспедиции в г. Новокузнецке Саратовской области; с 1933 г. работал частным фотографом в Саратовской области; с 1935 г. работал фотографом при начале изысканий при строительстве канала «Волго-Дон» в г. Сталинграде; с 1940 г работал библиотекарем-архивариусом на заводе в г. Сталинграде; с 1941 г. работал фотографом при клубе им. Ленина в г. Сталинграде; с 1942 г. служил рабочим и псаломщиком в ст. Выселки Краснодарского края; с 1944 г. служил псаломщиком в ст. Платнировской Кореновского района; с 1947 г. служил псаломщиком в ст. Приморско-Ахтарской; с 1948 г. служил псаломщиком в ст. Дондуковской Гиагинского района; с 1949 г. – в ст. ВознесенскойЛабинского района; с 23 мая 1952 г. служил священником в хут. Болгово Ладожского района; с 18 июня 1952 г. – настоятель Св.-Покровской церкви в ст. Черниговской Рязанского района [48].

В 1952 г. в ст. Вознесенской служил священник Евгений Воинов. Евгений Николаевич Воинов родился 20 января 1893 г. в ст. Тимашевской Кавказского отдела Кубанской области, русский; в 1916 г. окончил Ставропольскую духовную семинарию; в 1938 г. окончил курсы счетоводов; женат (жена Жигайлова Анна Николаевна, в браке с 1938 г.); не судим; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1945 г.; во время оккупации жил и работал в] Чаквинском чайсовхозе и на чайной фабрике №1 в г. Чаква Кобулетского района Аджарской АССР.

Награды: в 1951 награжден набедренником Архиепископом Краснодарским и Кубанским Гермогеном.

Трудовая деятельность: до 1937 года – псаломщик; с 1937 по 1941 гг. – гражданская работа; с 1941 по 1945 гг. служба в

РККА, диакон, священник; с 1945 по 1952 гг. – священник. По состоянию на 1952 год служил в ст. Вознесенской Лабинского района [49].

В декабре 1952 г. в Св.-Троицкий молитвенный дом назначен священник Иоаким Луган (см. выше); в августе 1966 г. – Иван Федорович Андрющенко; в этом же храме в 1970-1980-е годы служили и другие священники, о которых также имеются сведения в архивном фонде «Уполномоченный Совета по делам Русской Православной церкви по Краснодарскому краю». В 1960-е годы Свято-Троицкий приход в ст. Вознесенской не закрывался, и сегодня он продолжает действовать в том же здании, которое сохранилось до наших дней и является памятником церковного зодчества [50].

§ 6. Молитвенный дом во имя Святого Архистратига Михаила в ст. Зассовской

Свято-Михайло-Архангельская церковь в ст. Зассовской построена тщанием прихожан в 1856 г. Здание было деревянным с колокольней, на деревянном фундаменте. В 1874 г. на средства Кубанского казачьего войска (25000 руб.) с добавлением средств от прихожан начато строительство новой церкви. Освящение ее состоялось 5 июня 1878 г. Здание церкви также было деревянным, но уже на каменном фундаменте, с колокольней. В составе причта в 1910 г. значились: священник, диакон и псаломщик; в 12 верстах от церкви находился участок причтовой земли в размере 99 десятин. В дореволюционный период в станице служил священник Иоаким Бондаренко [51].

В период с 1921 по 1926 г. в ст. Зассовской служил священник Георгий Зайцев. Зайцев Георгий Николаевич родился 16 ноября 1897 г. в с. Пески Кременчугского уезда Полтавской губернии; русский; в 1910 г. окончил сельскую начальную школу, в 1912 г. – городское училище в г. Ромны Полтавской области; с 1914 по 1919 гг. обучался в духовной семинарии в г. Ставрополе; женат (жена Зайцева Пелагея Васильевна, дочь Вера и сыновья Вячеслав и Михаил); в 1933 г. осужден гражданским судом по ст. 58 п.10 по ложному доносу с отправкой в «Дмитлаг» (Дмитровский исправительно-трудовой лагерь) сроком на 5 лет; освобожден досрочно в 1937 г.; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1946 г.; с 1941 по 1945 гг. служил в РККА.

Трудовая деятельность: с 1920 г. служил диаконом в хут. Александровском Кубано-Черноморской области; с 1921 г. служил священником в ст. Зассовской Кубано-Черноморской области; с 1926 г. – в ст. Казанской; с 1933 по 1937 г. находился в «Дмитлаге»; с 1937 г. работал бухгалтером в конторе заготзерно в ст. Воронежской Краснодарского края; с 1938 г. – там же бухгалтером машинно-тракторной станции; с 1939 г. – бухгалтером на строительстве Тщикского водохранилища; с 1940 г. – бухгалтером на свекло-пункте в ст. Тбилисской; с 1941 по 1945 гг. – служил в действующей армии; в 1945 г. демобилизован; с 1946 г. служил священником и настоятелем в Михаило-Архангельском молитвенном доме в ст. Ванновской Тбилисского района Краснодарского края; с 1949 г. – служил священником в Св.-Покровском молитвенном доме в ст. Тбилисской; с 1950 – в сел. Ванновском; с 20 июня 1951 г. – в Св.-Троицкой церкви ст. Старонижестеблиевской [52].

С 3 августа 1926 г. по 9 сентября 1927 г. в ст. Зассовской служил священник Николай Вертоградский. Николай Константинович Вертоградский родился 27 сентября 1873 г. в ст. Лабинской Лабинского отдела Кубанской области; русский; в 1888г. окончил духовное училище в г. Краснодаре; в 1892 г. окончил 2 класса Ставропольской духовной семинарии; вдов (дочери Мария, 1918 г.р. и Людмила, 1938 г.р.); не судим; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1945 г.; во время оккупации жил в станице Куджорской Майкопского района Краснодарского края, служил священником.

Трудовая деятельность: с 28 сентября 1893 г. служил псаломщиком в пос. Просянском Новогригорьевского уезда Ставропольской губернии; с 21 февраля 1897 г. – псаломщиком собора в г. Майкопе; с 16 ноября 1898 г. – псаломщиком в ст. Гурийской Майкопского отдела Кубанской области; с 27 октября 1916 г. – диаконом Св.-Троицкой церкви г. Екатеринодара; с 10 января 1918 г. – священником ст. Чернореченской

Лабинского отдела; с 29 мая 1922 г. – в ст. Губской Кубано-Черноморской области; с 3 августа 1926 г. – в ст. Зассовской Лабинского района Северо-Кавказского края; с 9 сентября 1927 г. – в хут. Тысячном Григориполисского района; с 12 декабря 1932 г. – священник села Мостового того же района; с 23 августа 1933 г. – в ст. Ханской Майкопского района; с 11 апреля 1938 г. – в Св.-Николаевском соборе г. Армавира; с 4 июля 1938 г. – в ст. Привольной Каневского района Краснодарского края; с 30 марта 1939 г. – в ст. Нововеличковской Новотитаровского района; с 30 августа 1939 г. – в ст. Кужорской Тульского района; с 1 декабря выбыл из ст. Кужорской по болезни и проживал в Майкопе; после прихода гитлеровцев остался без работы; с 15 сентября 1941 г. служил священником в ст. Гиагинской, после оккупации снова в ст. Кужорской; с октября 1944 г. проживал в г. Майкопе; с 16 марта 1945 г. служил священником в ст. Калниболотской; с 19 мая 1947 г. – настоятелем в ст. Некрасовской; с марта 1948 г. – настоятель Свято-Покровского молитвенного дома в ст. Новолабинской. По состоянию на 1952 г. служил в с. Великом Белореченского района [53].

В 1930-е годы церковь была закрыта. Данные о ее деятельности в период гитлеровской оккупации отсутствуют.

В декабре 1943 г. в Св. Михайло-Архангельский молитвенный дом назначен священник (позднее протоиерей) Евграф Петришин. Евграф Антонович Петришин родился 10 декабря 1887 г. в местечке Дзыговка Ямпольского уезда Каменец-Подольской области; украинец; образование начальное; в 1905 г. окончил духовное училище в сел. Дзыговке Ямпольского уезда Каменец-Подольской губернии; женат (жена Пелагея Денисовна Чалова, повенчаны в 1943 г.); не судим; в обновленческом расколе не состоял; во время оккупации служил в РККА.

Награды: в 1951 г. награжден набедренником Архиепископом Краснодарским и Кубанским Гермогеном.

Трудовая деятельность: с 1905 г. – хлебороб и псаломщик в сел. Дзыговке; с 1932 г. работал на чугунно-литейном заводе в г. Запорожье Днепропетровской области в качестве чернорабочего по ремонту железнодорожных путей; с 1934 г. работал в порту г. Мариуполя по обустройству клуба в качестве слесаря-водопроводчика; с 1936 г. работал на заводе «Октябрь» в г. Краснодаре токарем по металлу, затем слесарем в Абрау-Дюрсо (под г. Новороссийском), в хут. Горно-Веселый, в Баканском винохранилище Крымского района; 30 июля 1942 г. был мобилизован в РККА, служил под г. Туапсе, 24 ноября того же года ранен и уволен из армии как инвалид Отечественной войны 2-й группы; с начала 1943 г. находился в инвалидном доме близ г. Сухуми, где прослушал трехмесячные курсы по пчеловодству; в июле 1943 г. выехал на Кубань и поступил псаломщиком в с. Мостовое Краснодарского края; 7 декабря 1943 г. в Св.-Екатерининском соборе г. Краснодара рукоположен Епископом Фотием в сан священника, после чего назначен настоятелем Св. Михаило-Архангельского молитвенного дома в ст. Зассовской Упорненского района Краснодарского края; 24 июня 1944г. назначен настоятелем Св.-Покровской церкви ст. Черниговской Рязанского района; 10 июля 1946 г. – молитвенного дома хут. Ковалевского Новокубанского района; 11 ноября 1946 г. перемещен в ст. Нижегородскую Тульского района; в 1948 г. – в ст. Костромскую Ярославского района; 7 марта 1950 г. – в ст. Тенгинскую Усть-Лабинского района; 16 июля 1951 г. – в ст. Николаевскую Успенского района; в соответствии с указом Архиепископа Краснодарского и Кубанского Алексия от 12 марта 1968 № 5 протоиерей Петришин Е.А. был освобожден от должности настоятеля Св.-Николаевского молитвенного дома ст. Советской и назначен на должность второштатного священника Михаило-Архангельского молитвенного дома г. Крымска [54].

27 июля 1945 г. Совет по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР, согласно заключению Краснодарского крайисполкома и заявлению верующих, разрешил зарегистрировать православную общину в ст. Зассовской; 20 ноября этого же года община Св. Михайло-Архангельского молитвенного дома заключила договор об аренде здания по ул. Красной, 68 в ст. Зассовской [55].

Незадолго до этого, 9 октября 1945 г., в станичный приход назначен священник Максим Труш. Максим Ефимович Труш родился 13 августа 1875г. в ст. Платнировской Кавказского отдела Кубанской области;

русский; 20 декабря 1898 г. экстерном выдержал испытание при реальном училище г. Екатеринодара на право преподавания в двухклассном начальном училище; вдов; в 1929 г. осужден на 8 лет; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1944 г.; во время оккупации жил в г. Краснодаре, работал на гражданской работе.

Трудовая деятельность: с 1 сентября 1899 г. преподавал в станичном училище ст. Дядьковской Кубанской области; с 1 сентября 1911 г. служил псаломщиком в этой же станице; с 1919 г. – диаконом; с августа 1929 г. – работал пчеловодом в пчеловодческой артели ст. Дядьковской в составе товариществе Рой Л. и Казусь Ив.; с февраля 1933 г. выехал с пасекой в г. Геленджик и работал в лесу близ сел. Греческого, затем в окрестностях ст. Кореновской (с мая 1933 г.), в ст. Тихорецкой (с февраля 1934 г.), в сел. Греческом под горой Хорив (с февраля 1935 г.); с июля 1937 г. работал на заводе «Красный труд» в г. Краснодаре на складе; с ноября 1942 г. жил в г. Краснодаре, не работал; с марта 1943 г. служил псаломщиком в ст. Бриньковской Приморско-Ахтарского района; 15 августа 1943 г. рукоположен в сан священника и 5 сентября 1943 г. определен священником в хут. Свободный Приморско-Ахтарского района; 2 апреля 1944 г. воссоединен с патриаршей церковью; с 9 октября 1945 г. служил священником в ст. Зассовской Упорненского района; с 20 мая 1946 г. – в хут. Тиховском Красноармейского района; с 20 июля 1949 г. – в молитвенном доме ст. Сергиевской Кореновского района. По состоянию на 1952 г. служил в ст. Кирпильской Усть-Лабинского района [56].

В июне 1946 г. настоятелем молитвенного дома ст. Зассовской становится протоиерей Виктор Сугаренко. Виктор Иванович Сугаренко родился 10 марта 1880 г. в с. Конские Раздоры Александровского уезда Екатеринославской губернии; украинец; в 1902 г. окончил Екатеринославскую духовную семинарию; вдов; не судим; в обновленческом расколе не состоял; в Краснодарский край прибыл из г. Батайска Ростовской области в 1946 г.; во время оккупации жил в г. Батайске, работал библиотекарем в школе № 6; угнан немцами на Украину и в Судетскую область; затем прошел фильтрационную проверку и был репатриирован.

Трудовая деятельность: с 1905 г. служил псаломщиком Кладбищенской церкви г. Азова; с 1912 г. состоял законоучителем городских школ Азова; с 1920 г. состоял священником Кладбищенской церкви г. Азова; с 1936 г. находился в г. Батайске Ростовской-на-Дону области и служил библиотекарем в школе № 6; с 1942 по 1943 г. служил священником в Св.-Николаевской церкви г. Батайска; затем был угнан гитлеровцами (см. выше); с июня 1946 г. служил в ст. Зассовской. По состоянию на 1952 г. служил в Св.-Троицкой церкви г. Краснодара [57].

С ноября 1947 г. приход возглавил священник Яков Меркулов (см. выше); с апреля 1948 г. – священник Иоанн Подстрешный. Родился он 26 сентября 1891 г. в слободе Подгорной Острогожского уезда Воронежской губернии; украинец; в 1914 г. окончил церковно-приходскую школу; в 1915 г. – псаломщическо-регентскую школу; женат; не судим; был в обновленческом расколе; принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви (дата не указана); в Краснодарский край прибыл из Воронежской области в 1942 г.; во время оккупации служил священником в с. Великом Белореченского района.

Трудовая деятельность: с 1921 г. служил псаломщиком в слоб. Подгорной Воронежской области; с 1924 г. там же служил диаконом; с 1926 г. – служил священником в слоб. Еленовке Воронежской области; с 1930 г. работал в колхозе «Вперед» слоб. Подгорной Воронежской области; с 1936 г. – работал в колхозе в сел. Великом Белореченского района Краснодарского края; с 1942 г. служил священником в сел. Великом; с 1948 г. по 1952 и с 1953 по 1958 гг. служил священником в ст. Зассовской Упорненского района Краснодарского края. В 1951 году награжден набедренником [58].

С декабря 1952 г. должность настоятеля занял священник Лавр Тамаров. Лавр Иванович Тамаров родился 9 августа 1898 г. в с. Луго-Водяном Саратовской губернии; русский; окончил 5-классное училище; женат; не судим; в обновленческом расколе не состоял; в Краснодарский край прибыл из ст. Мечетинской Ростовской области в 1948 г.; во время оккупации служил диаконом Благовещенской церкви в г. Ростове-на-Дону.

Награды: в 1950 г. архиепископом Гермогеном награжден набедренником.

Трудовая деятельность: с 1915 г. служил вольнонаемным псаломщиком в сел. Калмыцкая Балка Саратовской губернии; в феврале 1917 г. мобилизован в действующую армию и зачислен в 11-й Финляндский стрелковый полк; с 18 ноября 1918 г. мобилизован в РККА, служил в 1-м Советском революционном полку; в 1919 г. уволен из полка по ранению, после чего служил вольно-наемным псаломщиком слободы Рахинка Сталинградской области; с 1922 г. – штатным псаломщиком; 26 февраля 1926 г. вступил в брак с Натальей Ивановной Фроловой, жительницей г. Дубовки; 12 июля 1926 г. архиепископом Арсением[5] рукоположен в сан диакона и назначен в церковь ст. Иловлинской Сталинградской области; в 1931 г. после закрытия церкви переехал в г. Сталинград, работал на городской электростанции; с 1935 г. работал монтером и бригадиром воздушной сети в Сталинградском трамвайном управлении; с 1938 г. работал на Сталинградском гормолзаводе продавцом мороженого; 25 октября 1942 г. угнан немцами из г. Сталинграда, но по пути сбежал; 8 октября 1942 г. по распоряжению архиепископа Ростовского Николая служил штатным диаконом в Благовещенской церкви г. Ростова-на-Дону; с 3 января 1943 г. рукоположен в сан священника и назначен в сел. Ковалерку Егорлыкского района Ростовской области; 11 мая 1944 г. епископом Елевферием[6] был переведен в г. Азов Ростовской области; 3 июня 1945 г. переведен в ст. Мечетинскую Ростовской области; 24 мая 1948 г. епископом Краснодарским и Кубанским Флавианом назначен священником в ст. Елизаветинскую Краснодарского края; 4 февраля 1950 г. переведен в ст. Новопокровскую; 20 октября 1950 г. – в ст. Воздвиженскую; с 23 января 1951 г. – настоятель Св.-Вознесенского молитвенного дома в ст. Привольной Каневского района Краснодарского края [59].

В феврале 1958 г. настоятелем в молитвенный дом ст. Зассовской был назначен заштатный протоиерей Владимир Назаров. Владимир Эмилиевич Назаров родился в г. Казани 14 июля 1873 года, в старообрядческой семье беспоповцев. Его отец, Эмилий Назаров, происходил из крестьян Бронницкого уезда Московской губернии, работал скорняком у хозяев-меховщиков.

В 1880 году его родители вошли в лоно Православной церкви, что дало возможность их сыну обучаться в духовных учебных заведениях. Проходя обучение в духовной семинарии, Владимир, одновременно с этим, обучался и в Казанской художественной школе. В 1885 г. умер его отец, после чего крайняя бедность и сиротство обратили на себя внимание ректора Казанской духовной семинарии архимандрита Никанора Каменского (впоследствии архиепископа Казанского), который покровительствовал юному семинаристу, а также помогал ему материально и морально. Благодаря его помощи Владимир в 1892 году окончил художественную школу, а в 1893 г. – курс семинарии. В качестве практиканта он был назначен учителем в образцовую школу при семинарии.

В 1894 г. он женился и был назначен к рукоположению в сан священника, однако, не успев принять сан, овдовел, прожив с супругой всего 7 ½ месяцев. По настоянию священника-духовника он поступил в духовную академию, но пробыл в ней только 1 год, после чего решил снова вступить в брак, но брак не состоялся. Тогда Владимир уехал в С-Петербург и поступил в Академию художеств, которую окончил в 1900 г. В 1902 г. он был принят в качестве художника в международную научную экспедицию, с которой посетил Палестину и почти четыре года работал в Египте при вскрытии сфинкса и пирамиды Хеопса, в это же время, по его словам, побывал и в других странах Востока. В 1906 г. он вернулся домой и был назначен в Казанскую художественную школу, где читал лекции по истории искусств и культуры Востока. В 1907 г. избран во II-ю Государственную Думу. С 1908 г. по 1917 г. работал в художественной школе.

[5] Архиепископ Арсений, в миру Александр Иванович Смоленец; род. 21 июля 1873 в г. Варшаве – ум. 19 декабря 1937 в г. Таганроге) – епископ Русской православной церкви, архиепископ Семипалатинский. С 1925 г. временно управлял Минской епархией; с 1927 по 1930 – Архиепископ Сталинградский.

[6] Митрополит Елевферий, в миру Вениамин Александрович Воронцов; род. 30 октября 1892 г. в сел. Ромашково, Московского уезда, Московской губернии – ум. 27 марта 1959 в г. Ленинграде) – епископ Русской православной церкви, Митрополит Ленинградский и Ладожский. 5 августа 1943 года определён епископом на «вдовствующую архиерейскую кафедру в Ростове н/д». 9 августа того же года в Москве Можайским епископом Димитрием (Градусовым) пострижен в монашество с именем Елевферий и 10 августа хиротонисан во епископа Ростовского и Таганрогского. Переехал в Ростов-на-Дону через два месяца после хиротонии, с детьми Алексием и Анной и её дочерью.

В 1918 г. переехал в г. Царицын и в том же году принял священство от Царицынского епископа Дамиана. В 1919 г. Ставропольским архиепископом Агафодором назначен настоятелем в Св.-Троицкий храм села Прасковея Ставропольской епархии. В 1923 г. избран на Второй Всероссийский Поместный Собор в г. Москве, но как сторонник Святейшего Патриарха Тихона, «обновленчества» не принял. После собора Святейший Патриарх Тихон возвел о. Владимира в сан протоиерея и наградил его палицей. Затем о. Владимир перешел на гражданскую службу и, избрав местом жительства г. Кропоткин, стал учительствовать в железнодорожных школах ст. Кавказской, преподавая русский язык и художественную литературу.

Когда гитлеровцы заняли г. Кропоткин, о. Владимир, по предложению верующих принял участие в возрождении церквей города и начал преподавать Закон Божий в городских школах, активно выступая против торжествовавшего при советской власти атеизма.

При подходе к городу советских войск, о. Владимир с другими священнослужителями, боясь репрессий со стороны советской власти, покинул г. Кропоткин и двинулся на запад. В г. Мариуполе, где уже пребывал Архиепископ Ростовский Николай (Амасийский), его назначили настоятелем кафедрального Собора и 12 мая 1943 г. он был избран епископом Мариупольским, однако рукоположение не состоялось из-за «обстоятельств военного времени», т.е. наступления советских войск.

Далее, как сообщает сам о. Владимир, «В день моего Ангела, Св. блг. вел. кн. Владимира, Преосвященный Архиепископ Николай возглавил меня митрою. В тот же день я получил телеграмму от Священного Синода Украинской церкви, вызывающую меня на освящение Киевского Владимирского Собора и на хиротонию на 19-е сентября 1943 г., но опять военная ситуация помешала, а мы уже были в дороге на Одессу. В Одессе я был назначен в институт пищевой промышленности преподавателем Закона Божия и настоятелем институтской церкви. Через шесть месяцев меня отправили в Румынию, а затем в Германию, Италию и Австрию, и везде я служил в качестве священника.

В мае-июле мы, русские, были репатриированы в Сибирь, где я в г. Осинники Кемеровской области построил с разрешения Советского Правительства и с благословения Патриарха Алексия и Преосвященного Митрополита Варфоломея, ныне почившего, церковь во имя Пророка Божия Илии. 16 июля 1947 г. я был арестован и осужден на 10 лет заключения по ст. 58, 1 «А», пп. 10 и 11. Пробыл в лагерях 8 ½ лет. В 1956 г. был освобожден по Указу об амнистии от 17.09.1955 со снятием судимости и поражения в правах (справка Б.Ц. № 022413 от 20.01.1956)».

В июле 1956 г. о. Владимир был назначен настоятелем в Св.-Георгиевскую церковь ст. Казанской Кавказского района Краснодарского края; в феврале 1958 г. – настоятелем Св.-Михайло-Архангельского молитвенного дома в ст. Зассовскую Лабинского района [60].

30 мая 1960 г., в соответствии с постановлением заседания Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР православная община в ст. Зассовской Лабинского района Краснодарского края была закрыта [61].

21 ноября 1999 г. в ст. Зассовской Краснодарского края, по ул. Колхозной, 19, был освящен Михайло-Архангельский храм [62].

§ 7. Молитвенный дом во имя Воздвижения Честнаго и Животворящаго Креста Господня в ст. Костромской

Кресто-Воздвиженский молитвенный дом в ст. Костромской Майкопского отдела Кубанской области был построен тщанием прихожан в 1863 г. Колокола при молитвенном доме размещались отдельно на столбах.

В 1881 г. на средства Кубанского казачьего войска (10000 руб.) с добавлением средств прихожан (всего 40000 руб.) построена новая деревянная на каменном фундаменте церковь с такой же колокольней. 4 июня 1883 г. она была освящена с перенесением в нее антиминса и всех икон из старой церкви.

Материал от старой церкви Духовная консистория разрешила продать только в руки православных прихожан с тем, чтобы использовать его на постройку молитвенного дома или церкви, а вырученные деньги

израсходовать на нужды церкви. Однако в связи с тем, что в станице необходимо было устроить станичное правление, материал от старой церкви разрешили использовать для постройки здания станичного правления.

В составе причта значились 2 священника, диакон и псаломщик. Первый священник получал жалованья 200 руб. 70 коп. в год, второй священник имел общественный дом, диакон получал 45 руб. квартирных от общества, псаломщики по 51 руб. 43 коп. в год. В 6 верстах от церкви имелась причтовая земля в размере 162 десятин, для хлебопашества удобна. В станице действовало 2 церковно-приходских школы (мужская и женская) и два министерских училища.

В дореволюционный период здесь служили священники Николай Пречистенский и Стефан Дмитриев [63].

В довоенный период (с 1919 по 1924 гг.) в церкви ст. Костромской служил диаконом Николай Васильевич Ляпидевский (с 1924 г. священник). Н.В. Ляпидевский родился 5 мая 1894 в ст. Махошевской Майкопского отдела Кубанской области; русский; образование среднее; в 1917 г. окончил полный курс Ставропольской духовной семинарии, вдов; не судим; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1947 г.; во время оккупации служил в РККА. После окончания в 1917 г. Ставропольской духовной семинарии был зачислен студентом в Саратовский университет, в том же году оставил университет и поступил в Кубанский продовольственный областной комитет по приемке и отправке растительного масла, где проработал в качестве приемщика до 1 января 1919 г., после чего перешел в духовное ведомство и до июля 1919 г. одновременно продолжая работать в системе маслопродуктов. С июля 1919 по март 1924 г. служил в должности диакона в ст. Костромской Лабинского района; с 1924 по 1929 г. – в должности священника в ст. Ханской Майкопского района (1924–1925 гг.) и в ст. Бжедуховской Белореченского района (1926–1928 гг.); в 1927–1928 гг. был лишен избирательных прав как священнослужитель ст. Бжедуховской; в 1930 г. выбыл из духовного ведомства и занимался общеполезным трудом до 1941 г., работал землекопом в коммунальном хозяйстве г. Майкопа, грузчиком и счетоводом, счетно-конторским работником Северо-Кавказской краевой конторы «Собстандарртсельстроя», счетовода в каменном карьере Крайдортранса, в Хадыженском лесозаготовительном участке № 3, на строительстве табачного склада Табак-Экспорт Сев-Кавснабстрой, на строительстве Терновского зерносовхоза в конторе Зерносовхозстрой и др.; с 1941 по 1945 гг. – служил в РККА; с 1945 по 1952 гг. – на гражданской работе, затем священником. По состоянию на 1952 год служил в ст. Варениковской Краснодарского края [64].

В 1934 г. храм в ст. Костромской был закрыт и переоборудован под клуб. В период гитлеровской оккупации богослужения в нем возобновились. Данные о священнике, который служил здесь в этот период отсутствуют, но известно, что в декабре 1943 г. настоятелем назначен о. Игорь Конюхов (см. выше). 3 марта 1944 г. между органами власти и православной общиной ст. Костромской был заключен договор о передаче в бессрочное и бесплатное пользование общине здания церкви, в которой в 1942 г. было возобновлено богослужение [65].

В октябре 1946 г. настоятелем молитвенного дома назначен священник Феодосий Степыка. Феодосий Прокопьевич Степыка родился 25 января 1876 г. в сел. Клинок Мглинского уезда Черниговской губернии; украинец; в 1895 году окончил два класса учительской семинарии в г. Нежине; вдов; не судим; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1945 г.; в Краснодарский край прибыл из Донбасса в 1942 г.; во время оккупации служил псаломщиком в ст. Троицкой Краснодарского края.

Трудовая деятельность: с 1895 г. служил учителем в с. Буда Воробенской волости Мглинского уезда Черниговской губернии; с 1899 г. занимался домашним сельским хозяйством; с 1902 г. служил псаломщиком в сел. Клинок; с 1919 г. по август 1942 г. служил на гражданской работе конторщиком на Петровском руднике Петровского района Сталинской области; в период гитлеровской оккупации находился в г. Батуми (хут. Новый), не работал; с октября 1943 г. по 1 марта 1944 г. служил псаломщиком и диаконом в Троицкой станице Славянского района Краснодарского края; с 8 марта 1944 г. по 15 мая 1945 г. служил

священником в ст. Безводной Тульского района Краснодарского края; со 2 июня 1945 г. назначен священником в ст. Сергиевскую Кореновского района Краснодарского края; с октября 1946 г. служил настоятелем в ст. Костромской. По состоянию на 1952 г. служил в ст. Убеженской Успенского района; с октября 1953 г. – в ст. Костромской [66].

С июля 1948 г. по июнь 1949 г. в ст. Костромской служил священник Евграф Петришин (см. выше); с июля 1949 г. настоятелем служил священник Иван Михайлов. Иван Алексеевич Михайлов родился в 1877 г. в г. Пензе; в 1911 г. окончил духовную семинарию по месту рождения и работал в Пензенском педагогическом техникуме учителем литературы и психологии; на оккупированной территории не был; не судим; холост. В отчете от 4 июля 1950 г. уполномоченный сообщал, что снял И.А. Михайлова с регистрации и направил материал о нем в МГБ[7] за совершенную панихиду по «контрреволюционерам», расстрелянным в 1920 г. и похороненным в овраге близ ст. Костромской [67].

С мая 1950 г. настоятелем служил священник Рафаил Тихов. Рафаил Иванович Тихов родился в 1887 г., место рождения не указано; сын священника; русский; окончил Краснослободское духовное училище в Пензенской губернии; в 1906 г. окончил Пензенскую духовную семинарию; во время оккупации проживал в ст. Успенской Ильинского района Краснодарского края; сведений о судимостях нет.

Трудовая деятельность: с 1906 г. служил псаломщиком в сел. Новодевичий Рукав Краснослободского уезда Пензенской губернии; с 1911 г. служил диаконом в сел. Булаево того же уезда; с 1915 г. служил священником в селе Никольская Саловка того же уезда; с 1929 г. работал рабочим в Пермском леспромхозе в г. Перми; с 1931 г. работал счетоводом в Али-Байрамлийском сельпо Азербайджанской ССР; с 1932 г. – рабочим на консервном комбинате в ст. Крымской; с 1941 г. – колхозником в колхозах «Красный Перекоп» и «Памяти Ленина» в ст. Успенской Ильинского района Краснодарского края; с 1944 г. служил священником в ст. Мартанской Горяче-Ключевского района; с 1946 г. – священником в ст. Убеженской Успенского района; с 1947 г. – священником в ст. Севастопольской Тульского района; с 20 октября 1948 г. – священником в Св.-Покровской церкви ст. Степной Приморско-Ахтарского района; с мая 1950 г. – в ст. Костромской. Умер 14 сентября 1950 г. [68].

В октябре этого же года настоятелем становится священник Иван Сливенко. Иван Моисеевич Сливенко, священник, родился 13 ноября 1878 г. в слободе Шецкино Воронежской губернии (так в документе); русский; в 1898 г. окончил духовную школу в г. Задонске Воронежской губернии; в 1925 г. прослушал в г. Россоши пчеловодческие курсы; женат (жена Рубайлова Варвара Степановна, обвенчаны в 1925 г.); не судим; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1946 г.; в Краснодарский край прибыл из Воронежской области в 1935 г.; во время оккупации служил священником в ст. Батуринской.

Трудовая деятельность: до 1916 г. служил псаломщиком в слоб. Шецкине, затем в сл. Новодимитровке штатным псаломщиком; в 1916 г. рукоположен в диаконы; в 1927 г. – в сан священника; в 1936 г. приехал на Кубань из Воронежской области, работал на гражданской работе в ст. Брюховецкой; в начале 1943 г. по назначению епископа Владимира служил в ст. Батуринской; в 1944 г. переведен в сел. Беноково; с октября 1950 г. служил в ст. Костромской. В 1950 г. награжден набедренником [69].

С июля 1953 г. приход в ст. Костромской возглавил священник Андрей Пашук. Андрей Никитович Пашук родился 27 сентября 1900 г. в ст. Попутной Лабинского отдела Кубанской области; русский; в 1909 г. окончил церковно-приходскую школу в ст. Попутной Кубанской области; женат; не судим; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1946 г.; во время оккупации служил псаломщиком в ст. Успенской Ильинского района.

Трудовая деятельность: с 1919 г. занимался сельским хозяйством (хлебороб); с 1926 г. служил псаломщиком в ст. Воздвиженской Кубанской области; с 1928 г. – в ст. Казанской; с 1930 г. – в хут. Зубов; с 1933 г.

[7] Министерство государственной безопасности, впоследствии – КГБ.

работал плотником в г. Сочи; с 1940 г. служил псаломщиком в хут. Лосеве Краснодарского края; с 1946 г. служил священником в хут. Ковалевском ; с 1947 г. – в с. Петровском; с 1949 г. – в ст. Андрюковской; с 1950 г. – в ст. Новолабинской; с 1953 г. – в ст. Костромской; с 1954 г. – в ст. Стародеревянковской; с 9 июня 1955 г. служил настоятелем Александро-Невского молитвенного дома ст. Новомалороссийской Выселковского района Краснодарского края [70].

С октября 1953 г. настоятелем вновь назначен священник Феодосий Степыка (см. выше), однако в ноябре 1955 г., «за неподчинение правящему епископу», он был отчислен с места настоятеля прихода ст. Костромской и переведен за штат с запрещением в священнослужении.

В декабре 1955 г. настоятелем становится священник Андрей Массальский. Андрей Николаевич Массальский родился 4 июня 1909 г. в хут. Новоивановском Ейского отдела Кубанской области; русский; в 1925 г. окончил 8 классов средней школы; в 1937 г. – бухгалтерские курсы Азово-Черноморского краевого учебного комбината; женат (в 1935 г. повенчан с девицей Лебедевой Т.В., дочерью священника); не судим; в обновленческом расколе не состоял; в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. находился в составе Вооруженных Сил СССР.

Награды: медаль «За Победу над Германией»; в 1950 г. награжден набедренником Архиепископом Краснодарским и Кубанским Гермогеном.

Трудовая деятельность: с 1929 г. служил псаломщиком в ст. Брюховецкой Кубанского округа; с 1932 г. служил делопроизводителем в МТС с. Малка Кабардино-Балкарии; с 1934 г. – счетоводом СПО в ст. Северской Северского района Азово-Черноморского края; с 1935 г. – бухгалтером в ст. Старокорсунской; Краснодарского района; с 1938 г. – бухгалтером в ст. Старо-Леушковской Новолеушковского района Краснодарского края; с 1940 г. бухгалтер в хут. Ляпино; с 1945 г. – бухгалтером в Новокубанском райвоенкомате; с 14.12.1946 г. – рукоположен в сан священника и назначен настоятелем Св.-Покровского молитвенного дома в ст. Ильинской Новопокровского района; с 1952 г. – настоятелем Св.-Успенского молитвенного дома в ст. Стародеревянковской; с 1953 г. – священником Св.-Онуфриевского собора в г. Анапе; с июля 1954 г. служил в Св.-Успенском молитвенном доме ст. Ладожской [71].

В сентябре 1956 г. настоятелем назначен священник Глеб Русанов. Русанов Глеб Петрович родился 2 февраля 1921 г. в г. Харбине. Отец Русанов Петр Арсентьевич, врач. В 1-ю мировую войну служил военным врачом на Кавказском фронте; в 1920 г. эмигрировал в Маньчжурию. Мать Лидия Николаевна, урожденная Петрова, в июне 1953 г. прибыла в СССР из Шанхая, жила на иждивении сына.

В 1937 г. Г.П. Русанов окончил Харбинское коммерческое училище; в 1938 г. радиокурсы; в 1938-1939 гг. обучался в университете «Аврора» в г. Шанхае на подготовительных курсах французского языка, а с 1939 г. обучался на медицинском факультете; с 1943 г. давал частные уроки. С октября 1946 г. работал радиомехаником в Пекинском Примирительном штабе.

20 января 1946 г. получил гражданство СССР. 13 сентября прибыл в г. Свердловск; с 1947 г. работал на пенициллиновом заводе кочегаром и грузчиком, затем заместителем главного бухгалтера в ОРСе треста «Свердловскстрой». С сентября 1948 по июнь 1952 г. обучался в Московской духовной семинарии; 8 июля 1952 г. рукоположен в сан диакона, 9 июля в сан священника в г. Свердловске. Служил вторым священником Св.-Троицкой церкви в г. Ирбите Свердловской области; с 26 сентября Свято-Михайловской церкви г. Кушвы; с 17 августа 1953 г. – настоятель Введенского молитвенного дома в г. Еманжелинске Челябинской области; с 13 декабря 1955 г. – настоятель Св.-Троицкого молитвенного дома в сел. Старая Збурьевка Херсонской области [72].

В январе 1958 г. настоятелем молитвенного дома становится Иоанн Подстрешный (см. выше).

13 октября 1964 г. Совет по делам Русской Православной Церкви согласился с предложением Краснодарского крайисполкома о снятии с регистрации религиозного общества в ст. Костромской и «использования здания молитвенного дома под детские ясли» [73].

В 2000 г. храм в ст. Костромской, после реконструкции здания по ул. Ленина, 173, был освящен и в нем возобновились богослужения [74].

§ 8. Молитвенный дом во имя Рождества Пресвятой Богородицы в ст. Упорной

Старое здание церкви во имя Рождества Пресвятой Богородицы в ст. Упорной Лабинского отдела было построено в 1860 г. тщанием прихожан. Новое здание, деревянное на каменном фундаменте с такой же колокольней, построено в 1876-1877 гг. и освящено 24 октября 1877 г. В 1884 г. есаул Николай Астафьев пожертвовал церкви дом из трех комнат с надворными постройками. В составе причта в 1910 г. значились 2 священника, диакон и 2 псаломщика. Первый священник получал жалованье в размере 200 руб. 70 коп. в год. Причтовой земли было 146 ¼ десятин. Псаломщик первого штата помещался в церковном доме, диакон – при церковно-приходской школе. В дореволюционный период в церкви служили священники Иоанн Кириллов и Иоанн Соколов [75].

В 1930-е годы храм был закрыт, а церковное здание приспособлено под парикмахерскую. В 1942 г., в период гитлеровской оккупации, богослужения возобновились в здании бывшей церковно-приходской школы. Имена священников, проводивших службы в ст. Упорной в этот период пока неизвестны. В 1943 г., после освобождения станицы от оккупантов, Упорненский сельский Совет предоставил православной общине в аренду бывшую мастерскую «Райпромкомбината».

В 1945 г. договор аренды истек. В это время настоятелем молитвенного дома служил священник Яков Меркулов (см. выше).

1 марта 1946 г. община получила в аренду под молитвенный дом другое помещение, расположенное по ул. Клубной. Здание 13х5 м², в котором должны были проводиться богослужения, было одноэтажным, наполовину деревянным, наполовину турлучным, но с железной крышей.

После о. Якова Меркулова (точная дата не установлена) настоятелем молитвенного дома вплоть до октября 1950 г. служил священник Иоанн Костенко. Иван Андреевич Костенко родился 5 января 1884 г. в Слободе Ольшана Лебединского уезда Харьковской губернии, украинец; в 1901 г. окончил 6 классов мужской гимназии и богословские курсы при Харьковском епархиальном управлении; в 1922 г. – бухгалтерские курсы; вдов; не судим, в обновленческом расколе не состоял; во время оккупации жил в с. Суворовском Ставропольского края, работал счетоводом.

Трудовая деятельность: до 1937 года – учился, гражданская работа; с 1937 по 1941 гг. – гражданская работа; с 1941 по 1945 гг. – гражданская работа; с 1945 по 1952 гг. – гражданская работа, священник. До октября 1950 г. служил в ст. Упорной Лабинского района. По состоянию на 1952 г. служил в ст. Константиновской Курганинского района; с декабря 1959 г. служил в ст. Чамлыкской [76].

В октябре 1950 настоятелем становится священник Павел Демченко. Демченко Павел Иванович родился 27 июня 1900 г. в хут. Кочеты Кубанской области, русский; в 1915 г. окончил 5 классов хуторской школы; в 1916-1923 учился в гимназии; в 1925 г. сдал экстерном экзамен за [полный курс] Духовной семинарии; женат; не судим; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1945 г.; во время оккупации организовал православную общину в ст. Бейсугской Выселковского района, служил священником.

Трудовая деятельность: с 1925 г. служил псаломщиком в Св.-Александро-Невской церкви хут. 3-я Речка Кочеты Усть-Лабинского района Северо-Кавказского края; с 1930 г. служил в Св.-Покровской церкви ст. Тифлисской ; с 1933 г. – рабочим «Леспромхоза» в ст. Апшеронской; с 1937 г. рабочим на кирпичном заводе в ст. Пашковской; с августа 1941 г. по 7 ноября 1942 г. служил в РККА; с 1942 г. служил священником в Св.-Георгиевской церкви ст. Бейсугской Выселковского района Краснодарского края; с 9 августа 1945 г. – священником в св.-Преображенской церкви ст. Елизаветинской Марьянского района; с 12 июля 1948 г. – священником в Св.-Покровской церкви в Тамани; с 5 ноября 1950 г. – священником в Св.-Рождественской церкви ст. Упорной; с 19 марта 1952 г. – священником в сел. Мостовом; с 10 августа 1952 г. – священником в ст. Степной Приморско-Ахтарского района [77].

17 мая 1952 г. православной общине ст. Упорной было разрешено купить здание под молитвенный дом по ул. Лермонтова,

31, в результате чего, 26 мая 1952 г. с общиной был заключен договор о продаже ей упомянутого здания площадью 50 м², расположенного на земельном участке мерою в 0,04 га и принадлежавшего ранее Рябцеву Якову Ивановичу. Община заплатила за это здание 4100 рублей.

С ноября по декабрь 1952 г. настоятелем молитвенного дома в ст. Упорной ненадолго становится священник о. Яков Меркулов, и затем его сменяет священник Павел Гацко. Павел Евсеевич Гацко родился 12 декабря 1894 г. в ст. Севастопольской Майкопского отдела Кубанской области; русский; образование начальное; женат; не судим; в обновленческом расколе не состоял; во время оккупации служил в Советской Армии.

Трудовая деятельность: до 1937 года – псаломщик; с 1937 по 1941 гг. – гражданская работа; с 1942 г. служба в Советской Армии; с 1946 – священник. По состоянию на 1952 год служил в Св.-Троицкой церкви г. Армавира, затем в ст. Упорной Лабинского района [78].

В марте 1956 г. настоятелем становится второштатный священник Покровского молитвенного дома ст. Староминской о. Иосиф Данильченко, а в апреле этого же года – о. Иоанн Беликов [79].

Данильченко Иосиф Кириллович родился 17 апреля 1881 г. в ст. Канеловской Ейского отдела Кубанской области; русский; в 1899 г. окончил 2-классное училище в ст. Канеловской; женат; не судим; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1945 г.; во время оккупации жил в ст. Староминской Краснодарского края, работал на случайных работах.

Трудовая деятельность: до 1937 года – псаломщик; с 1937 по 1941 гг. – домашнее хозяйство; с 1941 по 1945 гг. – гражданская работа; с 1945 по 1952 гг. – псаломщик, [диакон], священник. По состоянию на 1952 г. служил в хут. Александровском Ладожского района; с 1956 г. – в ст. Упорной Лабинского района; с октября 1958 по ноябрь 1962 г. служил настоятелем в Св.-Покровском молитвенном доме ст. Келермесской Гиагинского района Краснодарского края [80].

Беликов Иван Михайлович родился 20 июля 1881 г. в г. Ровеньки Валуйского уезда Воронежской губернии; русский; в 1897 г окончил Голодаевскую второклассную учительскую школу; в 1905 г. экстерном сдал экзамен на звание учителя при Новочеркасском духовном училище; женат (жена Анастасия Фаддеевна, 1885 г.р.); не судим; в обновленческом расколе не состоял; в Краснодарский край прибыл из Ростовской области в 1943 г.; во время оккупации находился в Ростовской области, работал рядовым рабочим в Гашунском овцесовхозе № 4.

Трудовая деятельность: с 1 сентября 1897 г. служил учителем Должанско-Орловской церковно-приходской школы Воронежской губернии; с 16 февраля 1906 г. служил псаломщиком при церкви пос. Должанско-Орловского; с 6 августа 1918 г. служил диаконом при той же церкви; с 22 октября 1921 г. служил священником при церквях хут. Лисичкина, пос. Нижне-Никольчинского и слободы Александровки области войска Донского; с 25 августа 1933 г. работал пчеловодом при Ровенецкой городской больнице Ростовской области; с 1 сентября 1936 г. работал учителем Суховской начальной школы и средней школы овцесовхоза № 4 Ростовской области; с сентября 1942 г. работал чернорабочим в овцесовхозе № 4; с 15 ноября 1943 г. служил священником в ст. Новомихайловской Краснодарского края; с 23 мая 1950 г. служил настоятелем Св.-Покровского молитвенного дома ст. Келермесской Гиагинского района Краснодарского края; с 28 июля 1951 г. служил настоятелем Св.-Екатерининского молитвенного дома в ст. Екатериновской Крыловского района Краснодарского края; с 1956 г. служил настоятелем Рождество-Богородицкого молитвенного дома в ст. Упорной Лабинского района [81].

В августе 1957 г. настоятелем Рождество-Богородицкого молитвенного дома становится Алексей Мартыненко. Алексей Семенович Мартыненко родился 17 марта 1916 г. в г. Екатеринодаре; в 1930 г. окончил начальную школу № 18 г. Краснодара; в 1935 г. окончил школу ФЗУ при заводе им. Седина и работал литейщиком на заводе Седина и др. предприятиях г. Краснодара. В 1955 г. – Московскую духовную семинарию в г. Загорске и с 1956 г. служил священником.

С июля 1958 г. настоятелем в ст. Упорной служил священник Иван Стефанович Никифоров; а с июля 1959 – Григорий

Васильевич Шаповалов [82].

19 июля 1961 г. Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР утвердил решение Краснодарского крайисполкома от 23 мая 1961 г. № 505 «о снятии с регистрации религиозного общества в станице Упорной Лабинского района», после чего Рождество-Богородицкий приход на 30 лет прекратил свое существование [83].

В настоящее время в ст. Упорной, по ул. Почтовой, 14, действует Рождество-Богородицкий храм, восстановленный и освященный 21 сентября 1991 года [84].

§ 9. Молитвенный дом во имя Святителя Николая Архиепископа Мир Ликийских Чудотворца в ст. Чамлыкской

Свято-Николаевская церковь в ст. Чамлыкской Лабинского отдела Кубанской области первоначально была построена как молитвенный дом на средства прихожан.

В 1864 г. при пособии от Кубанского казачьего войска (9000 руб.), построена и 13 июня освящена новая деревянная на каменном фундаменте церковь с такой же колокольней. В 1915 г. обществу было разрешено построить новую церковь, продать корпус старой церкви и иконостас, но в связи с военным временем строительство так и не было начато. В составе причта в 1910 г. значились 2 священника, диакон и 2 псаломщика. Первый священник получал жалованье в размере 200 руб. 70 коп. в год. Причтовой земли было 165 десятин в 15 верстах от храма. При храме действовало 2 церковно-приходские школы: мужская и смешанная. В 1916 г. в ст. Чамлыкской служили священники Анатолий Парадиев и Василий Орлов [85].

В 1932 г. церковь в ст. Чамлыкской была закрыта, а церковное здание использовали под зернохранилище.

В 1942 г., в период гитлеровской оккупации, богослужения в бывшей церкви возобновились. Фамилия священника, который проводил богослужения в ст. Чамлыкской в этот период неизвестна. 9 февраля 1945 г. православная община ст. Чамлыкской, на тот момент Курганинского района, заключила договор со станичным исполкомом о получении в бесплатное и бессрочное пользование одноэтажного каменного здания для проведения богослужений (адрес не указан). В апреле 1945 г. настоятелем молитвенного дома становится священник Иоаким Луган (см выше); с 20 июня 1946 – священник И.Н. Конюхов (см. выше) [86].

В августе 1947 г. настоятелем молитвенного дома в ст. Чамлыкской становится священник Косьма Бурлюк. Косьма Стефанович Бурлюк родился 28 октября 1892 г. в ст. Новопокровской Кавказского отдела Кубанской области; русский; в 1905 г. окончил 5 классов Новопокровского станичного училища; вдов; не судим; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1945 г.; во время оккупации работал псаломщиком в ст. Алексеевской Архангельского района Краснодарского края.

Трудовая деятельность: с 1910 г. подрядчиком по малярной работе в ст. Новопокровской Кубанской области; в 1917 г. поступил регентом церковно-певческого хора при Рождество-Богородицкой церкви ст. Новопокровской; с 1921 г. служил регентом и исполнял должность псаломщика при Св-Покровской церкви ст. Калниболотской; в 1929 г. перемещен Архиепископом Краснодарским Феофилом на должность регента-псаломщика к Саввиновской церкви ст. Кореновской; в 1931 г. перемещен на должность псаломщика к Св.-Покровской церкви ст. Ильинской; в 1934 г. ушел за штат, проживал в ст. Новопокровской, работал жестянщиком; с 1937 г. работал в г. Тихорецке при коммунхозе маляром; в 1942 г. назначен архиепископом Владимиром (Ивановым), возглавлявшим на тот момент обновленческое течение на Кубани, на должность псаломщика к Иоанно-Богословской церкви ст. Алексеевской Архангельского района Краснодарского края; с 25 марта 1943 г. работал в колхозе ст. Алексеевской; 6 июня 1944 г. рукоположен в сан священника архиепископом Владимиром к Иоанно-Богословскому молитвенному дому ст. Алексеевской; 26 июня 1946 г. Епископом Флавианом (бывшим Архиеп. Владимиром) перемещен к Св.-Успенской церкви г. Тихорецка на должность 2-го священника; в августе 1947 г. назначен настоятелем Св.-Покровского молитвенного дома ст. Чамлыкской. По состоянию на 1952 г. служил в г. Новороссийске [87].

С июля 1949 г. настоятелем служил священник Федор Хорошильцев. Федор Самуилович Хорошильцев родился 14 мая 1904 г. в с. Андреево Воронежской губернии; русский; в 1916 г. окончил 4-классную Андреевскую сельскую школу; женат; не судим; в обновленческом расколе не состоял; во время оккупации служил псаломщиком в хут. Ковалевском Новокубанского района.

Трудовая деятельность: с 1924 г. работал столяром в ст. Геймановской Северо-Кавказского края; с 1929 г. работал инструктором-столяром в детском доме им. Воровского в хут. Ковалевском Новокубанского района Северо-Кавказского края; с 1931 г. работал столяром на биофабрике № 12 в Новокубанском районе; с 1934 г. получил инвалидность, работал сторожем; с 1939 г. работал сторожем в детском доме им. Воровского в хут. Ковалевском; с 1943 г. служил псаломщиком в Св.-Покровском молитвенном доме в хут. Ковалевском Новокубанского района; с 12 декабря 1946 г. служил священником в Кресто-Воздвиженской церкви ст. Баракаевской Мостовского района Крас-нодарского края; с 21 октября 1948 г. служил настоятелем Свято-Покровского молитвенного дома в ст. Келермесской Гиагинского района; с июля 1949 г. – настоятель Св.-Покровского молитвенного дома в ст. Чамлыкской. По состоянию на 1952 г. служил в ст. Старощербиновской Щербиновского района [88].

С июля 1951 г. настоятель молитвенного дома в ст. Чамлыкской Григорий Харибин. Григорий Мефодиевич Харибин родился 16 ноября 1889 г. в ст. Урупской Лабинского отдела Кубанской области; русский; в 1909 г. окончил 2-классную учительскую школу; женат; не судим; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1945 г.; во время оккупации жил в ст. Удобной, не работал.

Трудовая деятельность: с 1909 г. работал учителем в ст. Абадзехской Кубанской области; с 1912 г. – учителем в ст. Мостовской; с 1914 г. учился в г. Москве на богословских курсах; с 1915 г. учился при Тбилисской духовной семинарии (г. Тбилиси); с 1916 г. работал учителем в ст. Ярославской Кубанской области; в 1918 г. рукоположен в сан иерея епископом Иоанном Кубанским и Екатеринодарским; с 1918 г. служил священником в ст. Самурской Кубанской области; с 1921 г. – священником в ст. Темижбекской Северо-Кавказского края; с 1933 г. – священником в ст. Краснодонецкой Ростовской области; с 1938 г. работал счетоводом в ст. Апшеронской Краснодарского края; с 1942 г. по болезни находился безработным; с 1943 г. – священником в ст. Надежной; с 1945 г. – священником в г. Темрюке; с 1946 г. – священником в ст. Ново-Рождественской Краснодарского края; с 1947 г. – священником в ст. Ново-Михайловской; с 1948 г по болезни безработный; с 28 декабря 1949 служил священником в Ладомировском районе Воронежской области; 21 мая 1950 г. вернулся на Кубань, был безработным; с 4 октября 1950 г. служил священником в ст. Привольной Краснодарского края; с 29 января 1951 г. служил священником в ст. Степной Приморско-Ахтарского района; с июля 1951 – настоятель Св.-Покровской церкви в ст. Чамлыкской.

По состоянию на 1952 г. служил священником в ст. Убеженской Успенского района.

В результате конфликта, возникшего между настоятелем и церковным Советом, в феврале 1952 г. настоятелем молитвенного дома был назначен священник Феодосий Степыка (см. выше) [89].

С ноября 1953 г. настоятелем служил священник Сергей Соколов. Сергей Васильевич Соколов родился 11 июня 1891 г. в с. Камбулат Благодаринского уезда Ставропольской губернии; русский; окончил 4 класса Ставропольской духовной семинарии; женат; не судим; в обновленческом расколе не состоял; во время оккупации находился в рядах Советской Армии.

Трудовая деятельность: с 1910 г. служил псаломщиком на хут. Балковском Кубанской области; с 1914 г. – в ст. Новорождественской; с 1916 г. – в сел. Федоровском; с 1922 г. служил диаконом Скорбященской церкви ст. Кисляковской; с 1924 г. в Св.-Дмитриевской церкви г. Краснодара; с июля 1924 г. священником в ст. Александро-Невской; с 1927 г. – священником в Св.-Троицкой церкви ст. Новодонецкой; с 1929 г. священником Св.-Покровской церкви в ст. Ключевой; с 1930 г. священником в Александро-Невском войсковом соборе г. Краснодара; с 1935 г. – заведующий складом

конторы «Сортсемовощ» в г. Орджоникидзе; с 1937 г. заведующий оперативным отделом в г. Назрани; с 1941 по 1945 гг. в РККА; с 1946 г. – завскладом в г. Минводы; с 1947 г. – псаломщиком в молитвенном доме села Александровского Ставропольского края; с 1949 г. – псаломщиком в сел. Сабля Ставропольского края; с июля 1949 г. – в молитвенном доме Горячеводской станицы; с 1950 г. – псаломщик в ст. Тимашевской; с 1951 г. – священник в ст. Брюховецкой; с 1953 г. – в ст. Холмской; с ноября 1953 г. священник ст. Чамлыкской [90].

С января 1954 г. настоятелем назначается священник Иван Петрович Соколов. И.П. Соколов родился 26 апреля 1901 г. в с. Скоморохово Александровского района Владимирской области; русский; 1918 г. окончил 2 класса Владимирской духовной семинарии; женат; в 1930 г. был выслан в Северный край на 2 года; в обновленческом расколе не состоял; в Краснодарский край прибыл из Ярославской области в 1952 г.; во время оккупации находился в Ярославской области.

Награжден камилавкой Архиепископом Ярославским и Ростовским Алексием в 1945 г.; в 1950 г. Архиепископом Ярославским Димитрием награжден наперсным крестом.

Трудовая деятельность: с 1920 по 1923 гг. служил в РККА; с 1924 по 1928 гг. – служил диаконом-псаломщиком в Св.-Успенской церкви погоста Кумож (так в документе) Киржачского района Владимирской области; с 1928 служил священником в сел. Глядково Гаврило-Посадского района Ивановской области; с 1931 по 1932 гг. находился в ссылке; с 1934 г. служил священником в сел. Дратникове Нагорьевского района Ярославской области; с 1937 г. служил священником в сел. Заозерье Ильинского района Ярославской области; с 1943 г. служил священником в Дмитриевском погосте Нагорьевского района Ярославской области; с 1952 год служил священником в ст. Ильинской Кавказского района Краснодарского края; с января 1954 г. настоятель молитвенного дома в ст. Чамлыкской [91].

С августа 1956 г. настоятелем служил священник Зубов Федор Федорович; с июля 1957 г. – священник Кочегаров Николай Петрович; с октября 1958 г. – священник Павленко Макарий Максимович. Родился 19 августа 1909 г. в с. Ивановка Екатеринославской губернии; украинец; в 1927 г. окончил 9 классов средней школы; женат (жена и дочь); не судим; в обновленческом расколе не состоял.

Трудовая деятельность: до 1931 г. занимался хлебопашеством; с 1931 по 1935 гг. срочная служба в РККА; с 1935 г. заведующий статистическим отделом Армавирской МТС; с 1938 г. заведующий делопроизводством Госплемзавода № 4 в г. Армавире; с 1940 г. – начальник снабжения и сбыта Армавирского горпромкомбината; с 1941 по 1945 гг. в действующей армии; с 1946 г. – второй диакон в Екатерининском кафедральном соборе; с 1947 г. дьякон Св.-Михаило-Архангельского собора в г. Сочи; с 1949 г. состоял диаконом при Успенской церкви г. Геленджика. По состоянию на 1952 год служил в г. Сочи; с октября 1958 служил священником в Св.-Покровской церкви ст. Чамлыкской [92].

С декабря 1959 г. настоятелем служил священник Иоанн Костенко (см. выше).

10 апреля 1962 г. Совет по делам Русской Православной Церкви согласился с решением Краснодарского крайисполкома от 10.02.1962 о снятии с регистрации православной общины в ст. Чамлыкской, после чего приход был ликвидирован [93].

11 декабря 1992 г., через 30 лет, Свято-Покровский храм в ст. Чамлыкской по ул. Пролетарской, 9 был освящен и там начались богослужения [94].

* * *

Кроме вышеперечисленных, на территории современного Лабинского района действовали еще несколько приходов: до 1945 г. – в ст. Ереминской; до 1931 г. – в ст. Каладжинской и до начала 1930-х годов – в ст. Отважной.

1. Молитвенный дом во имя Рождества Пресвятой Богородицы в станице Ереминской Лабинского отдела Кубанской области был построен в 1902 г. (освящен 14 января этого же года), а в 1930-е годы был закрыт. Данных о его деятельности в период гитлеровской оккупации нет.

Тем не менее, о нем известно следующее: своим письмом от 9/XI-44 г. за № 2182 Совет по делам Русской Православной Церкви отклонил ходатайство Краснодарского крайисполкома о закрытии Рождество-Богородицкого молитвенного дома и предложил оформить его регистрацию.

Указания Совета были выполнены: 25/ XII-44 г. был заключен договор на передачу православной общине здания молитвенного дома Лабинским райисполкомом, но фактически богослужения здесь начались раньше – в ноябре 1944 г. Обязанности настоятеля храма некоторое время исполнял по совместительству настоятель ближайшей церкви ст. Вознесенской – священник Казанский Василий Сергеевич (см выше). Вследствие отсутствия более года священника, по причине «малодоходности», приход был закрыт уполномоченным в октябре 1949 г. [95].

2. Иоанно-Богословская церковь в ст. Каладжинской построена «тщанием прихожан» в 1863 г. Здание было деревянным, крытым камышом. В 1875 г. на средства Кубанского казачьего войска, с добавлением средств прихожан, начато строительство новой церкви, освященной в 1881 г. Здание, построенное на каменном фундаменте, имело колокольню и было также деревянным, но «крепким и для богослужения удобным». В дореволюционный период в ст. Каладжинской служил священник Петр Карагачев.

Кроме Иоанно-Богословской церкви в ст. Каладжинской с 1882 г. действовала приписная Евдокиевская кладбищенская церковь, построенная в память мученической смерти Александра II, главным образом на средства Московского почетного гражданина Ф. Самойлова, который пожертвовал в пользу храма неприкосновенный капитал в размере 2000 руб. [96].

В советский период, со второй половины 1920-х до 1931 года в ст. Каладжинской служил священник Ключарев В.Т. Виктор Тихонович Ключарев родился 26 января 1892 г. в сел. Березовском Медвежинского уезда Ставропольской губернии, в 1910 г. окончил 4 класса Ставропольской духовной семинарии; в 1915 г. окончил экстерном 8 классов гимназии; в 1918 г. окончил 3 курса медицинского факультета Киевского университета; женат (повенчан первым браком в 1911 г. с девицей Жигайловой Варварой Николаевной); не судим; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви 5 марта 1945 г.; во время оккупации служил священником в ст. Переправной Мостовского района.

С 1 сентября 1918 г. работал медицинским фельдшером в сел. Березовка Ставропольской губернии; с октября 1921 г. – в Медвеженском райздравотделе; с октября 1921 г. учился в Киевском медицинском институте; в мае 1922 г. выбыл из института и поступил священником в ст. Бесскорбную Кубано-Черноморской области; в 1922 г. служил священником в ст. Передовой и Каладжинской Северо-Кавказского края; с 1931 г. – медицинским фельдшером в ст. Лабинской, Владимирской, Союзе 16-ти хуторов, в ст. Переправной Краснодарского края; с ноября 1942 г. служил священником в ст. Переправной; со 2 апреля 1946 г. – священником в ст. Новопокровской; с 1949 г. – священником в г. Майкопе; с 1952 г. – священником в ст. Отрадной; с 10 ноября 1952 – в г. Майкопе.

По состоянию на 1952 г. служил в Св.-Александро-Невской церкви г. Майкопа. В 1951 году Архиепископом Гермогеном Краснодарским и Кубанским награжден саном протоиерея [97].

В 1931 г. Иоанно-Богословский приход в ст. Каладжинской был закрыт, а здание церкви переоборудовано под клуб. В послевоенный период власти не разрешили открыть здесь приход, поэтому в советское время действующей церкви здесь не было. Однако в отчетах уполномоченного по делам Русской Православной Церкви за 1950 год имеются сведения о том, что в станице Каладжинской в это время проживала некая Александра Бойко, которая называла себя монашенкой и, «присвоив себе сан священника», проводила в станице все священнические службы, а именно, литургию, весь круг суточных служб, покупала и продавала свечи, совершала погребение, молебны, крещение детей.

В Великий Четверг читала «12 Евангелий» и по их прочтении благословляла Евангелием всех присутствующих, как священник благословляет крестом, который у нее также имелся. О Патриархе и Епископе говорила, что все они вместе со священниками продались коммунистам, а о себе говорила, что она принадлежит «Тихоновской церкви». Уполномоченный сообщил о деятельности А. Бойко председателю Упорненского райисполкома и в отчетах за последующие годы она уже

более не упоминалась[8] [98].

Иоанно-Богословский приход в ст. Каладжинской был возрожден уже после развала СССР, 15 декабря 1997 года [99].

3. Св.-Николаевская церковь в ст. Отважной была построена «тщанием прихожан» в 1860 г. Здание было деревянным без колокольни, крыша – тесовой. Колокола размещались на столбах отдельно от церкви. В ноябре 1869 г. на средства Кубанского казачьего войска (9000 руб.) с добавлением средств прихожан (7000 руб.) началось строительство новой церкви, достроенной и освященной в 1874 г. Здание было деревянным, на каменном фундаменте с колокольней. В штат церкви входили священник и псаломщик; причтовой земли значилось 99 дес. Священник имел удобный 5-ти комнатный дом. В дореволюционный период здесь служил священник Федор Дайниковский [100]. В 1930-е годы церковь была закрыта. Данные о восстановления прихода в 1940-е годы и в последующий период отсутствуют.

Заключение

В заключение следует отметить, что из 11 приходов, действовавших на территории современного Лабинского района в 1940-50-е гг., 5 приходов относились к патриаршей ориентации, 5 к обновленческой (принадлежность одного прихода не установлена).

В представленных материалах были выявлены данные о примерно 60 иереях, служивших в станицах благочиния. Около половины из них (28 чел.) имели специальное духовное образование, в том числе 1 – высшее; 11 человек подвергались репрессиям.

К сожалению, в большинстве случаев, в документах отсутствуют данные о священнослужителях, которые открывали приходы в оккупационный период, возможно, это связано с тем, что часть из них отступила вместе с гитлеровцами, как например, протоиерей Владимир Назаров, и прихожане не сообщали о них советским органам, опасаясь, что их приходы, по этой причине, могут не зарегистрировать.

Кроме того, следует обратить внимание на то, что персональные сведения о священниках, служивших в приходах Лабинского благочиния Краснодарской епархии в этот период, представлены преимущественно на основе автобиографических (анкетных) данных, и могут содержать фактические неточности и ошибки, которые будут выявляться и исправляться в процессе дальнейшей работы над источниками (это замечание имеет отношение и к предыдущей публикации).

Что же до состояния церковной организации на Кубани в период, предшествующий вступлению в должность Н.С. Хрущева, то его можно охарактеризовать словами самого уполномоченного по Краснодарскому краю, который, как известно, не был склонен к каким-либо преувеличениям и похвалам в этом вопросе, а он, между прочим, отмечал еще в 1947 году, что православное духовенство на Кубани представляет «крепкую дисциплинированную организацию, подчиняющуюся епископу и само в приходах имеет большую власть, ведет систематическую кропотливую работу по украшению церквей, созданию торжественности в храме, привитию любви к посещению церквей». Далее он сообщает, что «Строгий контроль, установленный епископом через благочинных за поведением священнослужителей и систематическое очищение от нравственно неустойчивых элементов, привели к тому, что авторитетность духовенства среди верующих укрепилась, а увеличение авторитетности священника привело к увеличению молящихся в храме» [101].

В целом же, из представленного материала можно сделать один очень важный и серьезный вывод, который заключается в том, что, несмотря на гонения, организованные на Русскую Православную Церковь советским государством в 1920-1930-е годы, а также в период Хрущевской «оттепели», Церковь, несмотря на тяжелые потери и почти полный разгром, все-таки выстояла и вновь поднялась на ту духовную и нравственную высоту, которая позволила ей стать прибежищем для всех страждущих и обремененных, и потому вновь оказались справедливыми слова Спасителя: *«… И на сем камени созижду церковь Мою, и врата адова не одолеют ей» (Мф. 16, 18)*.

[8] Судя по отношению к Патриарху, правящему Епископу и духовенству, монахиня А. Бойко принадлежала к Русской Катакомбной Церкви.

Примечания:

1. Храмы и монастыри Ставропольской епархии (1843–1920 гг.): справочник / сост. В. В. Белоконь; Комитет Ставропольского края по делам архивов. – Ставрополь: Бюро новостей, 2012. С. 270; Справочник по Ставропольской епархии. Сост. Н.Т. Михайлов. Екатеринодар, 1911. С. 344.
2. Кубанские календари: на 1898 год (Екатеринодар, 1908. С. 111.); на 1904 год (Екатеринодар, 1904. С. 91); на 1913 год (Екатеринодар, 1913. С. 274); на 1916 год (Екатеринодар, 1916. С. 186).
3. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 333. Л. 4–5 об.
4. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 333. Л. 8–9 об.; Д. 81. Л. 29-53; Д. 280. Л. 49–51 об. Д. 333. Л. 16 об., 19; Д. 333. Л. 13–16 об., 19.
5. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 333. Л. 17–19.
6. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 20–28. Оп. 2. Д. 232. Л. 57–57 об.
7. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 333. Л. 32, 38, 42.
8. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 253. Л. 21–22 об.; Д. 333. Л. 38; Д. 253. Л. 20.
9. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 333. Л. 45.
10. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 333. Л. 66, 70, 187.
11. Православная церковь на Кубани (конец XVIII – начало XX в.). Сборник документов. Краснодар. 2001. С. 703.
12. Храмы и монастыри Ставропольской епархии… С. 270-271; Справочник по Ставропольской епархии… С. 344; Кубанский календарь на 1916 год. Екатеринодар, 1916. С. 186.
13. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 334. Л. 1, 8, 42.
14. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 274. Л. 99-100-об. Д. 334. Л. 8.
15. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53. Оп. 2. Д. 334. Л. 9.
16. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 28. Л. 10; Оп. 2. Д. 81. Л. 20–28. Д. 232. Л. 91–91 об. Д. 397. Л. 41–42 об.
17. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 20–28; Оп. 2. Д. 334. Л. 16.
18. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 334. Л. 23–24; Д. 334. Л. 22–23 об.
19. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 20–28; Оп. 2. Д. 307. Л. 68–69 об.; Д. 334. Л. 24.
20. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 334. Л. 37.
21. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 334. Л. 44–46, 48, 69, 73.
22. Православная церковь на Кубани… С. 703.
23. Храмы и монастыри Ставропольской епархии… С. 256; Справочник по Ставропольской епархии… С. 338.
24. Кубанский календарь на 1916 год. Екатеринодар, 1916. С. 186.
25. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 20–28; Оп. 2. Д. 240. Л. 19–19 об. Д. 245. Л. 39.
26. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 333. Л. 46–51; Д. 444. Л. 6–7.
27. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 335. Л. 9–10.
28. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 288. Л. 12–13 об., 36, 42.
29. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 444. Л. 24–25 об.
30. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 444. Л. 29–31.
31. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 444. Л. 42–44.
32. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 278. Л. 49–51; Д. 444. Л. 57.
33. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 444. Л. 60.
34. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 444. Л. 63–64, 74.
35. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 444. Л. 76, 80, 92, 93–99, 102.
36. Православная церковь на Кубани… С. 693.
37. Храмы и монастыри Ставропольской епархии… С. 259; Справочник по Ставропольской епархии… С. 339–340; Кубанский календарь на 1916 год. Екатеринодар, 1916. С. 186.
38. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 253. Л. 1, 7, 8, 115; Д. 240. Л. 19–19 об.
39. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 336. Л. 32–34; Д. 253. Л. 8, 12–12 об.; Д. 338. Л. 11, 31
40. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 253. Л. 5–7.
41. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 230. Л. 85–85 об.; Д. 269. Л. 47.
42. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 253. Л. 49, 50, 72, 79, 80, 81, 82, 93–95; Д. 335. Л. 27–27 об.
43. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 253. Л. 110.
44. Православная церковь на Кубани… С. 695.
45. Храмы и монастыри Ставропольской епархии… С. 260–261; Кубанский календарь на 1916 год. Екатеринодар, 1916. С. 186.
46. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 335. Л. 1. Д. 81. Л. 29–53.
47. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 295. Л. 42–42 об.
48. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 278. Л. 33, 41–41 об.
49. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 20-28; Оп. 2. Д. 335. Л. 22.
50. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 335. Л. 28–215; Православная церковь на Кубани… С. 695.
51. Храмы и монастыри Ставропольской епархии… С. 265; Справочник по Ставропольской епархии… С. 342–343; Кубанский календарь на 1916 год. Екатеринодар, 1916. С. 186.
52. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 20–28. Оп. 2. Д. 244. Л. 68, 69, 69 об.
53. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 476. Л. 37–41 об.
54. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 20–28; Оп. 2. Д. 266. Л. 62–63. Д. 266. Оп. 2. Д. 62–63. Д. 273. Л. 13–13 об., Д. 327. Л. 44; Д. 337. Л. 43.
55. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 336. Л. 3, 18.
56. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53. Оп. 2. Д. 242. Л. 52, 60–60 об.
57. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 336. Л. 30–31.
58. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53. Оп. 2. Д. 239. Л. 29–29 об.; Д. 336. Л. 51, 58.
59. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 310. Л. 51–52 об., 61; Д. 336. Л. 51.
60. ГАКК. Ф. Р1519. Оп. 2. Д. 336. Л. 70–74.
61. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 336. Л. 87–88.
62. Православная церковь на Кубани… С. 698.
63. Храмы и монастыри Ставропольской епархии… С. 304; Справочник по Ставропольской епархии… С. 354; Кубанский календарь на 1916 год. Екатеринодар, 1916. С. 186.
64. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 20–28; Ф. Р-1838. Оп. 1. Д. 50. Л. 4, 16, 17, 20–41.
65. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 337. Л. 1–17.
66. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53. Оп. 2. Д. 242. Л. 12–12 об., Д. 337. Л. 28–30, 70.
67. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 337. Л. 44–45; Оп. 2. Д. 59. Л. 80.
68. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 264. Л. 55–56; Д. 337. Л. 47; Д. 59. Л. 123.
69. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 337. Л. 48–49, 55.
70. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 287. Л. 46-47.
71. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 20–28; Оп. 2. Д. 230. Л. 89–89 об., Д. 303. Л. 68. Д. 311. Л. 28–29; Д. 78, 80.
72. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 337. Л. 85–87 об.
73. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 337. Л. 100.
74. Православная церковь на Кубани… С. 699.
75. Храмы и монастыри Ставропольской епархии… С. 284; Справочник по Ставропольской епархии… С. 347; Кубанский календарь на 1916 год. Екатеринодар, 1916. С. 186.
76. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 338. Л. 2, 7, 14–17; ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 81. Л. 29–53; Д. 338. Л. 24; Д. 445. Л. 122.
77. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 338. Л. 24; Д. 264. С. 130–130 об.
78. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 20–28; Оп. 2. Д. 338. Л. 29, 31, 36.
79. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 338. Л. 52, 53.
80. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 291. Л. 88–89; Д. 338. Л. 52.
81. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 291. Л. 62, 66, 67 об., Д. 326. Л. 33–34; Д. 338. Л. 53.
82. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 338. Л. 63–64 об., 69, 75.
83. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 338. Л. 82.
84. Православная церковь на Кубани… С. 713.
85. Храмы и монастыри Ставропольской епархии… С. 287; Справочник по Ставропольской епархии… С. 348; Кубанский календарь на 1916 год. С.186.

86. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 445. Л. 2, 3, 8, 9, 10, 11, 22.
87. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 445. Л. 34–35 об.
88. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 291. Л. 40–41 об.; Д. 445. Л. 36–38.
89. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53. Оп. 2. Д. 264. Л. 80, 85–85 об. Д. 310. Л. 44–44 об. Д. 445. Л. 47–48, 54, 57, 58.
90. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 20–28; Оп. 2. Д. 445. Л. 79, 80, 81.
91. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 20–28; Оп. 2. Д. 303. Л. 64, 64 об., 67; Д. 445. Л. 82–85.
92. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 20–28;. Оп. 2. Д. 288. Л. 47–48; Д. 445. Л. 96, 105, 107.
93. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 445. Л. 138.
94. Православная церковь на Кубани… С. 715.
95. Храмы и монастыри Ставропольской епархии… С. 264–265; ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 13. Л. 63–64 об.; Д. 56. Л. 66.
96. Храмы и монастыри Ставропольской епархии… С. 266; Справочник по Ставропольской епархии… С. 343; Кубанский календарь на 1916 год. С. 186.
97. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 258. Л. 100–101 об.
98. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 37. Л. 119 об., Д. 59. Л. 92.
99. Православная церковь на Кубани… С. 698.
100. Храмы и монастыри Ставропольской епархии… С. 276; Справочник по Ставропольской епархии… С. 346; Кубанский календарь на 1916 год. С. 186.
101. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 37. Л. 25.

А.И. Нестеркин

Отец Виктор Райш

15 января 2015 года ушёл из жизни первый настоятель Свято-Никольского храма в Сургуте, отец Виктор Райш. Он скончался от полученных травм в результате дорожно-транспортного происшествия на 68-м году жизни в больнице Краснодарского края.

Митрофорный протоиерей о. Виктор (Райш)
Ст. Отрадная, 2014 г.

Некоторые вехи жизни батюшки Виктора Райша

Протоиерей Виктор Фёдорович Райш из поволжских немцев, его семья проживала в селе Орловское Марксовского района Саратовской области. Во время войны отца семейства отправили в трудармию. Мать будущего священника – Гермина с сыном Фёдором и дочерью Ириной была сослана в Казахстан, где в селе Урюпинка Акмолинской области[1] 9 марта[2] 1947 года она родила ещё одного сына, которого назвали Виктором.

Детство Виктора было суровым, он перенёс рахит, а вернувшийся отец долгие годы не проявлял никаких отеческих чувств к своему младшему сыну. Виктор рос среди детей из репрессированных семей разных национальностей и до первого класса на русском языке практически не разговаривал. С матерью разговаривал на немецком, на улице добавлялись чеченский, казахский, украинский и другие языки – видимо, это заложило в будущем пастыре не только способность к языкам, но понимание и различий культур, и человеческой индивидуальности. От матери-лютеранки впитал начатки христианской веры, хотя религиозным в юные годы Виктор себя не считал. Господь одарил его прекрасным голосом, творческой натурой, но получить соответствующее образование, чтобы серьёзно развить свои таланты, не было возможности.

В городе Новый Колуток Виктор обучался в училище по специальности тракторист-машинист широкого профиля. Приезжий, немец, прямой и с независимым характером, он часто сталкивался с открытым недружелюбием, но мог всегда постоять за себя, это сформировало твёрдость и мужественность характера, причём, вопреки всему, Виктор был доброго, весёлого и очень общительного нрава.

Став совершеннолетним, он вскоре женился на Сорокиной Людмиле Петровне, у них родилась дочь. 21 декабря 1966 года Виктора призвали в армию, в стройбат, и отправили в Челябинск-40 на ликвидацию радиоактивного заражения, последствий взрыва 29 сентября 1957 г. на химкомбинате

[1] В 1960 Акмолинская область упразднена, в 1961 город Акмолинск стал Целиноградом, в 1992 – Астана.

[2] На самом деле 8 марта, но записали на 9 марта, чтоб не совпадало с Женским днем.

«Маяк»[3]. И на службе Виктор не унывал: был ротным запевалой, участвовал в художественной самодеятельности. Были и сложные, тяжёлые минуты. Вот как вспоминал сам отец Виктор: «*Я часто выходил через хозяйственный двор в рощу, ложился на спину, не знал, как молиться, – смотрел в небо, говорил: «Господи, если ты есть, сохрани меня для семьи, для жизни. Я буду тебе век служить». Я бы не хотел вдаваться в подробности, касающиеся мест служения, с которыми мне приходилось сталкиваться, но вот это пекло, этот земной ад, сделал свое доброе дело, – благодаря этому я стал священником. Потому что через девять лет после службы в армии у меня начался кризис. Когда у меня взяли анализ крови, получилось, что у меня белокровие – лучевая болезнь. Я обещал креститься и служить Богу, но забыл, как все молодые. Забыл. А когда настал кризис, я вспомнил о своем обете.*»

19 декабря 1968 года Виктор демобилизовался и приехал в Татарстан, на родину своей жены, в город Чистополь. Устроился работать плотником – бетонщиком[4], здесь же участвовал в художественной самодеятельности: пел в хоре, декламировал стихи; с агитбригадой выступал в поездках по Чистопольскому району. Вскоре Виктора перевели работать маляром-штукатуром[5].

В середине 70-х годов учился в вечерней школе, где подружился с интересным человеком, учителем литературы Хисамовым *Рафаилом* Хамитовичем[6]. Рафаил – православный татарин, посвятивший себя служению русской литературе, именно он открыл для Виктора глубину великого Федора Михайловича Достоевского. Думаю, это один из важных факторов, напрямую повлиявших на дальнейший жизненный выбор Виктора Федоровича[7]. В 1976 году он окончил вечернюю школу.

К 1977 году созрела готовность принять святое крещение, но Виктор считал, что крещение надо принимать от достойного священника. Поехал в Москву, встретился с известным православным писателем и проповедником отцом Дмитрием Дудко, отсидевшим около 10 лет советских лагерей. Отец Дмитрий и покрестил Виктора *в Гребнево. Наверное, не случайно появился Ангел с крестом на Воскресной школе сургутского Никольского храма*[8]*, говорят, исключая храм Ангела в Ватикане, только в Гребнево на куполе летнего храма стоит золотой ангел с крестом. Вскоре Виктор* познакомился с активной православной молодёжью, которая проводила втайне от власти Религиозно-философские семинары и принимал участие в таких встречах[9]. Это было опасно: организаторов и активистов преследовали, и через год многие из них оказались в заключении.

Интересен первый приход в православный храм Виктора Райша.

Схоронили на городском кладбище скончавшегося коллегу. Помянули, выпили по стаканчику водки и пошли к выходу. Проходя мимо церкви, Виктор почувствовал сильнейшие желание зайти внутрь. Шла служба, в храме было немного народа, одни бабушки, из которых в те годы и состояли наши приходы. Золотой иконостас, клиросное пение, запах ладана, собственные переживания – всё сплелось в сердце непонятным, тёплым и глубоким переживанием… Вокруг начали креститься, отец Виктор рассказывал: «Я тоже захотел перекреститься. Посмотрел вокруг – вроде бы никто на меня внимания не обращает. Быстренько перекрестился и вот … показалось: весь храм повернулся и смотрит на меня. Я сказал: «Ну, чо вылупились?» и вышел из храма». С этого началось его посещение церковной службы.

26 июля 1977 года чета Райш обвенчалась.

В чистопольском храме Казанской иконы Божией Матери настоятелем был здравствующий и ныне *архимандрит Сильвестр* (*Кульков*). Отец Сильвестр[10] сразу обратил особое внимание на высокого крепкого молодого человека, а узнав о его способностях, сразу определил на клирос.

---

[3] Долгие годы авария была строго засекречена, потому выжившие ликвидаторы не считались льготниками.

[4] Низкоквалифицированная работа на стройке.

[5] В конце минувшего века некоторые сургутские «мудрецы» пытались обвинять отца Виктора как высококвалифицированного строителя и архитектора в просчётах строительства Преображенского храма!

[6] Основал в Чистополе первый музей Бориса Пастернака.

[7] Конечно, несовпадение. Родившийся в 1968 году сын был назван Родионом, а следующий – Дмитрием.

[8] Позже Ангел с Никольской Воскресной школы появился и в Ханты-Мансийске, рядом с храмом Кирилла и Мефодия, и на угловой башне Тобольского кремля.

[9] Возможно, это было в Ленинграде.

[10] Со слов отца Виктора, местные власти характеризовали отца Сильвестра как «недобитого белогвардейца».

В 1978 г., 19 марта, епископом Казанским и Марийским Пантелеимоном Виктор Райш рукоположен во диакона в Никольском Казанском соборе г. Казани.

В 1979 г., 4 февраля, рукоположен в г. Казани в Никольском соборе епископом Казанским и Марийским Пантелеимоном во иерея в Свято-Сретенской церкви с. Кучка Оршанского района Марийской республики.

В 1980 г., в сентябре, переведен во вновь открывшийся приход города Бугульмы, в храм в честь иконы Божией Матери Казанская. КГБ всегда стремился держать под контролем церковные структуры. Отец Виктор, имея социально–неблагонадёжное происхождение, думаю, уже «засветившийся» в опасных антисоветских, религиозных кружках, не попадал в число священнослужителей, лояльных к существующей власти. Активная работа по организации подготовки строительства нового храма в Бугульме раздражала власти, возможно и доносили до соответствующих органов прямые и нелицеприятные рассуждения иерея Виктора Райш. Из Бугульмы отца Виктора выжили.

В одном из интервью он вспоминал: «Вызовы на беседы в КГБ, горкомы и исполкомы унижали, но милость Божья всегда была рядом, я понимал, что должен страдать, что дорога к Богу не может быть лёгкой.

Я был вынужден проситься на приём к митрополиту Алексию[11], он был тогда управляющим Московской епархии. Ждал встречи две недели, а когда пригласили, то в приёмной властная дама с демонстративной кагэбэшной интонацией заявила: «Вам даётся на встречу пять минут, затем вы должны покинуть кабинет митрополита». Но куда там! Мы проговорили с Алексием полтора часа. Я ему, как на духу, рассказал и свою родословную и все свои проблемы. Он внимательно выслушал, много расспрашивал о родственниках: у Алексия в роду ведь тоже православные немцы были, говорили о том, как и почему русские немцы верой и правдой служат православию…»

В 1984 г., в ноябре, он перешёл в Смоленскую епархию под омофор архиепископа Феодосия (Процюка). Служить пришлось в храме при кладбище, где рядом ни деревни, ни села. Владыка Кирилл[12], возглавивший епархию 26 декабря 1984 г., увидев большую семью отца Виктора, перевёл его в районный центр Хиславичи настоятелем храма Бориса и Глеба.

В 1986 году он поступил в Московскую Духовную семинарию на заочное отделение. Отец Виктор вспоминал: «Владыка Кирилл требовал от священнослужителей умения проповедовать. Каждый вторник всеми священнослужителями служился акафист Божьей матери Смоленской Одигитрия, и он пальцем показывал: «Батюшка, идите проповедь проводите». Многие отвечали: «Я же не готовился...» – «А священник должен сразу говорить проповедь, на то он и священник». После проведённой мною проповеди Владыка вызывает и с присущей ему интонацией в голосе говорит: «Отец Виктор, Вы можете мне сказать: почему вы, священник, достаточно сносно говорите проповеди, но у вас нет семинарского образования?» «Владыка, говорю, правду сказать или врать?» – «Нет, надо говорить только правду». Я и рассказал. Первый раз, когда в 1978 году стал дьяконом, поступал в Московскую духовную семинарию. Меня КГБ не пропустил, вычеркнул из списка как экстремиста немецкого. – «Ну, хорошо», – говорит Владыка. «Вот тебе материал, пиши сочинение, через два дня принесёшь, я посмотрю и скажу: можешь ты учиться в семинарии или нет». Я написал сочинение, матушка, правда, ошибки исправила, честно говоря, у меня с русским языком письменным тогда были проблемы. Так семинарию меня заставил Владыка закончить, сделал образованным человеком».

С весны 1987 г. по ноябрь 1987 г. служил на приходе Свято-Покровского храма г. Демидова Смоленской области.

Приход общины Свято-Никольского храма в городе Сургуте был зарегистрирован 24 ноября 1987 года. Выбор старостой общины Симонова Ивана Борисовича был обусловлен его официально признанными заслугами перед государством как ветерана Великой Отечественной войны, кавалера боевых орденов: Красной Звезды, Великой Отечественной войны двух степеней, ордена Славы и семнадцати медалей.

[11] Будущий Патриарх Алексий II.

[12] Нынешний Патриарх Кирилл.

В ноябре 1987 г. отец Виктор находился в Тюмени, куда прибыл по договорённости с владыкой Омским и Тюменским архиепископом Феодосием и ожидал своего назначения. Отца Виктора поразила своим обращением к нему женщина, некая Галина, оказавшаяся бухгалтером недавно зарегистрированной сургутской православной общины, которая готова была на коленях просить его как священника поехать в Сургут.

В Сургуте 13 ноября 1987г. на вокзале отца Виктора встречали Нина Алексеевна Коровина[13], Балина Евгения Климовна[14], Валентина Антонова[15] и привезли к старосте общины Ивану Борисовичу. Отец Виктор вспоминал, как он тогда попробовал впервые струганину из рыбы, это была замороженная нельма, которая показалась ему на вкус салом. Перед общиной была поставлена задача: найти дом под будущую церковь.

Следующий приезд отца Виктора в Сургут был уже в декабре с женой и четырьмя детьми, две старших дочери остались учиться. Приехала с ним монахиня Самуила, первая монахиня в Сургуте. Жить ему пришлось вначале на квартире. В процессе поиска столкнулись с негласным предупреждением партийных властей: «Кто продаст Церкви дом – будет иметь неприятности» Подыскали частный деревянный дом, возле черномысовского кладбища, который подходил по всем параметрам, но хозяева, которые использовали дом лишь как дачу, не соглашались продавать. Отец Виктор смог уговорил их за 10 тысяч рублей продать дом, но приехал сын хозяев, который запросил ещё 5 тысяч. У отца Виктора после продажи своего дома в Бугульме и купли автомашины «Нива» оставалось девять с половиной тысяч. Собирала деньги и община, пожертвовала 5 тысяч Нина Климовна[16]. Приехавшая из Болгарии дочь хозяев дома запросила ещё 10 тысяч – сумма в 25 тысяч рублей была «неподъёмной». Приближалось Рождество Христово, надо служить, и отец Виктор поехал к хозяйке дома, упал перед ней на колени и попросил: «Поехали к нотариусу, оформим «долговую», и я через три месяца тебе отдам». Хозяйка заплакала и согласилась. Для начала, чтобы не платить больших налогов, дом был оформлен на жену отца Виктора, матушку Людмилу. Не успел отец Виктор оформить сделку, вызвали в КГБ, начались угрозы, обвинения в мошенничестве. Батюшка постарался спокойно объяснить сложившуюся ситуацию, его отпустили. К сожалению, немало неприятностей исходило от старосты общины, которого позже пришлось заменить.

На Рождество Христово 1988 года в небольшом домике, в Сургуте, на Чёрном мысу, в городе, имеющем четырёхсотлетнюю историю с почти трёхсоттысячным населением, в присутствии 15 прихожан, состоялась первая Божественная Литургия, ставшая большим событием в возрождении православия на Тюменском севере. Она проходила в великий двунадесятый праздник Рождества Христова – 7 января 1988 года, в год 1000-летнего юбилея Крещения Руси. Престолом отцу Виктору служил установленный на двух табуретках чемодан. Служба шла с 23:30 до 7:30 часов. А Сургуту было явлено чудо – Рождественский дождь! Сама природа плакала тёплыми слезами радости: после почти пятидесятилетнего перерыва (Троицкую церковь в Сургуте закрыли в начале 30-х годов), на территории от города Тобольска до Северного Ледовитого океана, от Уральских гор и далеко на восток, дальше границ Тобольско-Тюменской епархии, возродился первый православный храм!

27 июля 1988 года в Сургут прибыл архиепископ Феодосий. Вечером, в канун дня памяти святого благоверного князя Владимира, во дворе молитвенного дома архиепископ Феодосий совершил всенощное бдение, а на следующий день утром – Божественную литургию и молебное пение святому князю Владимиру.

Служение было во многом миссионерским – начиналось «второе Крещение Руси». Отец Виктор привлекал активных прихожан к различному служению и помощи не только Никольскому храму, но и всячески способствовал повсеместному возрождению и продвижению Православия. Сложно перечислить все дела и начинания настоятеля Свято-Никольского храма, протоиерея Виктора Райша. Вспомним лишь часть их.

[13] Ныне игуменья Михаила, настоятельница Свято-Дмитриевского монастыря г. Дорогобужа.

[14] Была второй старостой общины, человек высочайшей порядочности и сердечности.

[15] Много добрых воспоминаний оставила о себе в людях.

[16] Сестра Евгении Климовны Балиной.

Остро и повсеместно стояла проблема нехватки священников, пример служения отца Виктора вдохновил немало будущих священников и монахов, а также матушек (будущих жён священников) и просто мирян, работающих на благо Матери Церкви. Будущих священников он выбирал, когда «видел в них страх Божий и веру, любовь к Господу Богу»[17].

Стараниями отца Виктора Райш сразу же была создана воскресная школа, как для детей, так и для взрослых. [1] В качестве депутата Городской Думы добился финансирования строительства нового храма, действующего ныне как Свято-Преображенский собор. С декабря 1993 года сумел наладить выпуск приходской газеты «Северный колокол» [2], завоевавший справедливую любовь и уважение прихожан, т.к. она не только разъясняла вопросы веры, но и живо отражала события Свято-Никольского прихода. Вёл передачи по сургутскому радио, окормлял колонии для заключенных. Невозможно перечислить всё, что нашло своё начало с благословения протоиерея Виктора. Это при нём впервые, в начале 90-х, возобновили на Тюменском Севере Крестные ходы на Троицу, строительство из снега Рождественских вертепов, купание в ледяной купели на Крещение. Он ввёл традицию объезжать на Пасху городские площади для освящения яиц и куличей.

С благословения отца Виктора Райш был организован в 1989г. ансамбль духовной музыки «Светилен» при школе Русской культуры имени Знаменского, помогающий утверждать красоту Православия через духовные песнопения. Именно этот ансамбль стал участником первой православной миссионерской поездки в 1991 году с 10 по 23 июня по реке Обь от Сургута до Тобольска. Помимо археолога, эколога, фотографа и кинооператора, в поездке участвовала исполнительница русских народных песен, солистка Москонцерта Татьяна Петрова. Инициатором и руководителем поездки стала председатель «Общества русской культуры» Е.В. Лоншакова. Благословил поездку, став её главным участником, настоятель Свято-Никольского храма протоиерей Виктор Райш.

Целью этой поездки, получившей название «Славянский ход», было не только изучение культуры края, экологической обстановки по течению Оби, концерты русской народной и духовной музыки, но и церковное окормление людей, живущих по берегам реки Оби. [3] Было совершено крещение многих жителей сёл и деревень.

Протоиерей Виктор, собирая православных учителей и воспитателей детских садов Сургута, интересуясь положением дел в школах, детских садах, всячески подвигал их к объединению в общественную Православно-просветительскую организацию. Именно эти люди вошли в состав инициативной группы, учредившей православно-просветительский центр «Кирилл и Мефодий». Название центра родилось в память и как преемственность существовавшему в 1917 г. в г. Тобольске при священномученике Гермогене Долганове Православно-просветительскому обществу «Кирилл и Мефодий» [4].

Первой просветительской акцией, созданной общественной организации ППЦ «Кирилл и Мефодий», стали Сургутские Рождественские Чтения 1996 года.

Рождённое благословением и трудами отца Виктора просветительское общество «Кирилл и Мефодий», стояло у истоков создания теологического отделения в сургутском университете, занималось созданием сургутской православной гимназии, приглашало в Сургут популярных в православном мире людей. Члены ППЦ «Кирилл и Мефодий» были первыми представителями Тобольско-Тюменской епархии на Международных Московских Рождественских Чтениях.

Пожалуй, Сургут был в числе первых российских городов, где с благословения отца Виктора Анатолий Николаевич Ложкин[18] начал преподавать в 90-е годы предмет «Основы православной культуры», именовавшийся тогда как «Традиционная русская культура».

К сожалению, так случилось, что после 10-летнего служения в Сургуте, из-за конфликта с правящем владыкой архиепископом Димитрием, отец Виктор был отстранён от служения.

В 1997 г. он перешёл в клир Майкопской епархии и назначен настоятелем храма Рождества Пресвятой Богородицы в ст.

[17] Слова отца Виктора.

[18] Автор курса «Традиционная русская культура», активный помощник отца Виктора, зачинатель православного просветительства, ныне протоиерей Краснодарской епархии.

Отрадной Краснодарского края.

Когда он приехал в Майкопско-Армавирскую епархию, её владыка Филарет, прочитав рекомендательное письмо архимандрита Макария (Веретенникова)[19], сказал, что после такого города, как Сургут, надо служить в Сочи, на что отец Виктор ответил: «Нет, Владыко, только не в Сочи». Отказавшись от Туапсе и Майкопа, попросился: «туда, где самый захудалый приход, откуда меня не выгонят» и обещал поднять этот приход. Две недели владыка ждал согласия на служение в Сочи и, не дождавшись, отправил отца Виктор на самый проблемный, скандальный приход, где не было порядка, где священник прихода ушёл в «Суздальский раскол»[20], где за 5 лет сменилось 19 священнослужителей.

Вновь пришлось выстраивать весь церковно-приходской уклад жизни общины, иногда было не просто тяжело, а смертельно опасно. Помогали на новом месте старые сургутские связи, в том числе даже в криминальном мире. Мы знаем, что первым со Спасителем в рай вошёл разбойник. Так и здесь пришла помощь и от криминальных авторитетов, уважавших отца Виктора за его честность, за добрый, мудрый совет, который помогал в жестокие лихие времена не погибнуть и не оскотиниться, остаться человеком. Они помнили и то, как искренне и бескорыстно сургутский пастырь помогал отбывающим наказание заключённым в тяжёлые 90-е годы, поддерживая их духовно, оказывая помощь вещами, продуктами.

22 августа 2014 года епископом Армавирским и Лабинским Игнатием протоиерей Виктор Райш назначен благочинным Отрадненского округа.

Церковные награды отца Виктора:

Право ношения Набедренника и Скуфии – 22.04.1979 г.

Право ношения Камилавки – 09.04.1980 г.

Право ношения Наперстного креста – 31.05.1983 г.

Сан протоиерея – 29.05.1990 г.

Право ношения Палицы – 19.12.1996 г.

Право ношения Креста с украшениями.

Право ношения Митры – 29.04.2009 г.

Право служения Божественной Литургии с отверстыми Царскими вратами до Херувимской песни – 25.04.2014 г.

Орден Преподобного Сергия Радонежского 3 степени – 2004 г.

Медаль иконы Божией Матери Знамение – 2 степени 25.05.2013 г.

Неоднократно отцу Виктору приходилось, преодолевая большие трудности, начинать всё с начала но во всем он старался видеть Промысел Божий, чтобы не допустить в себе ропота, сожаления об оставленном. У Господа в вере и надежде черпал он свои силы и взращивал ростки любви, порой там, где казалось, всё выжжено человеческими страстями. Его труды остаются не только в стенах построенных храмов, но и в человеческих душах. Повсюду, где довелось служить отцу Виктору, а также по всей России и за её пределами, вы можете встретить людей, кто с большой благодарностью вспоминает его имя.

Примечания:

1. *Пормейстер С.* Приобщаясь к миру духовному.// Северный колокол № 1, 1993. С. 1.

2. *Головина С.* Слово к читателю // Северный колокол, № 1. 1993. С. 1.

3. Материалы и исследования Славянского хода 1991 года. Выпуск 1. Сургут – Ханты-Мансийск: Арт-бюро Микс-Дизайн, 2004. С. 1.

4. *Коганицкий И.* 10 лет назад // Северянин № 10, 1927. С. 125.

[19] Профессор Московской духовной академии. Член Синодальной литургической комиссии. Член научно-редакционного совета «Православной энциклопедии» и автор ряда статей этого издания. Входит в Агиографический совет и Экспертный совет по Макариевским премиям.

[20] Неканоническая религиозная организация "Российская Православная Автономная Церковь" (РПАЦ).

VI. КАЗАЧИЙ АРХИВ

В.П. Громов

Василий Дмитриевич Коняхин – первый атаман возрожденного Терского казачьего войска

В этом году ветераны возрождения российского казачества отмечают 25 годовщину начала этого массового народного движения, охватившего в 90-е годы прошлого столетия не только территории исторического проживания казачества, но и регионы, куда судьба забросила потомков казаков на различных этапах истории нашего государства и казачества.

Памятник Герою Советского союза В.Д. Коняхину. Ст. Отрадная. Фото С.Г. Немченко. 2015 г.

В авангарде этого движения шло казачество Кубани, Дона, Терека. Практически одновременно с весны 1990 года в этих регионах начали возникать инициативные группы, создавались общественные казачьи организации. Выделяются энтузиасты, любители истории и культуры казачества. Все это были потомки казаков, взявшие на себя огромный труд на общественных началах объединять сторонников, увлечь за собой тех, кто считал себя казаками. За четверть века казачество, как и вся страна, прошло сложный путь от любительских казачьих объединений до казачьих обществ, включенных в государственный реестр. Изменилось правовое положение казачьих организаций, как и изменился коренным образом и состав казачьих организаций. Пришло новое поколение атаманов и казаков. Некоторые из них считают, что именно с их приходом в ряды казачества и начался процесс его возрождения. Как вроде бы и не было тех, кто стоял у истоков. Кто, не считаясь с личным временем, в ущерб семье, за свои собственные средства все выходные и каждую свободную минуту решал вопросы ради торжества казачьего дела и идеи. Никто из нас не знал, чем обернется наша деятельность и для казачества, и личной жизни казачьих лидеров. Нужны были решительность, а если угодно, мужество, смелость. Дело было новое и в условиях Северного Кавказа опасное. Многие казаки и атаманы за эти годы ушли из жизни. Но они верили в то, что начатое ими дело будет иметь успех, а, следовательно, труд их не пропадет даром. Но жизнь распоряжается по-своему.

Современное казачество страдает беспамятством. В станице Отрадной Краснодарского края упокоился первый атаман Терского казачества, Герой Советского союза Василий Дмитриевич Коняхин. Станичники не помнят, чтобы могилу его посещали терские казаки и атаманы. Наверное, забыли евангельские слова: «Каким вы меряете то, таким и вам отмеряют».

Поэтому мне хотелось бы рассказать читателям, современным терским казакам о Василии Дмитриевиче Коняхине. Как и первые атаманы Дона и Кубани, Василий Дмитриевич был потомственным казаком. Он родился в 1923 году в г. Владикавказе, но происходил из казаков ст.Тарской, той самой, откуда был родом последний атаман Терского казачьего войска М. А. Караулов. Поколение Василия Дмитриевича – это поколение победителей. В годы Великой Отечественной войны на их плечи легла основная тяжесть военных действий. В 1941 г. В.Д.Коняхин окончил Краснодарскую военную авиационную школу. Здесь он, как отличник учебы, был оставлен инструктором и готовил летный состав для фронта.

Неоднократно писал рапорты командованию с просьбой направить в действующую армию. Наконец, 5 июня 1943 года В.Д. Коняхин был направлен в 287 истребительный авиационный полк 13 воздушной армии Волховского фронта. И уже вскоре сбивает самолет противника. К маю 1945 года старший лейтенант В.Д. Коняхин выполнил 227 боевых вылетов, сбив 17 самолетов противника.

Горел в самолете, подбитом немцами. За образцовое выполнение боевых заданий 18 августа 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР В.Д. Коняхину было присвоено звание Героя Советского Союза. Однако его мечты продолжить служить в авиации из-за частичной потери зрения не были осуществлены. В Северной Осетии, где проживал В.Д. Коняхин, он пользовался большим авторитетом. Вообще-то, первые атаманы донского и кубанского казачества были авторитетными в своих регионах. Достаточно сказать: первым атаманом Союза казаков Дона в ноябре 1990 года был избран Михаил Михайлович Шолохов – сын известного советского писателя. Жаль, что под напором людей, стремившихся к власти в войске, ради своих корыстных и политических интересов М.М. Шолохов покинул пост атамана. И закружило донское казачество.., падал его авторитет.

Однако созданию общевойсковых организаций предшествовал период, когда создавались и действовали разрозненно станичные и хуторские казачьи организации. Толчком к активной работе по созданию более широкого круга организаций на местах послужило создание в марте 1990 года в Москве землячества казаков. Атаманом землячества был избран кубанский казак– писатель Гарий Леонтьевич Немченко. Землячество приступило к подготовке Всесоюзного Большого Круга казаков.

В конце июня 1990 года в Москве состоялся Учредительный Большой Круг казаков. Была создана общесоюзная казачья организация – Союз казаков. Возглавил ее избранный на круге атаман А.Г.Мартынов. В работе круга принимали участие представители всех исторически существовавших казачьих войск. В том числе и с Терека. Здесь были казаки сунженские со своим атаманом Александром Ильичем Подколзиным, казаки гребенских станиц, из Осетии и Кабарды.

Создание Союза казаков еще более активизировало работу на местах. Теперь появился единый центр. В состав Правления Союза казаков вошли представители местных казачьих организаций. Перед ними была поставлена задача продолжить создание казачьих организаций на местах и объединить их в традиционные казачьи организации.

На Тереке особую активность проявил казак ст. Котляревской М.М. Клевцов. Это был уважаемый человек в Кабардино-Балкарии. М.М. Клевцов – кандидат сельскохозяйственных наук, заслуженный агроном КБ АССР. Он прекрасно понимал, что возрождение казачества не должно привести к противостоянию с горскими народами. Тем более, что терские казаки – часть кавказского мира со своим менталитетом, культурой, традициями, сформировавшимися под влиянием культуры соседних горских народов.

21 августа 1990 года был создан оргкомитет по подготовке Большого Круга терских казаков в Кабардино-Балкарии. К этому времени усилиями М.М. Клевцова и его единомышленников казачьи организации были созданы в станицах и городах Кабардино-Балкарии. Уже 19 октября 1990 года состоялся учредительный Круг Терско-Малкинского отдела терского казачества. Атаманом избран М.М. Клевцов. В работе этого Круга принимал участие и атаман Владикавказского казачьего Круга терского казачества, Герой Советского Союза В.Д. Коняхин. Он предложил, и Круг согласился: считать созданный Терско-Малкинский Круг частью Владикавказского Круга терского казачества. Тем самым было положено начало объединению существовавших порознь казачьих организаций Терека. Терско-Малкинский Круг становился самостоятельной структурной единицей Владикавказского Круга Терского казачества.

Однако быстрее проходил процесс структурирования и объединения разрозненных казачьих организаций на Кубани. 12–14 октября 1990 г. в Краснодаре состоялся Учредительный съезд кубанского казачества. Была создана региональная казачья организация с включением казачьих организаций Краснодарского края, Адыгеи и Карачаево-Черкесии – Кубанская казачья Рада. Атаманом был избран кандидат исторических наук, доцент Кубанского государственного университета В.П. Громов.

В работе съезда участвовали гости с Дона, Ставрополья: Петр Стефанович Федосов и заместитель атамана Владикавказского круга терского казачества – В.Д. Коняхина – Евдокимов Николай Алексеевич. В своем выступлении Н.А. Евдокимов подчеркнул, что казачество необходимо рассматривать не как сословие, а как репрессированный народ. Эта позиция терского казачества и атамана В.Д.Коняхина была исторически верной и носила программный характер. Так заочно состоялось мое знакомство с Василием Дмитриевичем Коняхиным.

Еще в марте 1990 года В.Д. Коняхин был избран атаманом Владикавказского Круга терского казачества. Город Орджоникидзе (Владикавказ) являлся исторической столицей Терского казачьего войска. Создание здесь казачьих организаций и объединение их в одну организацию было важным шагом, и в этом огромная роль принадлежит первому атаману современного Терского казачьего войска Василию Дмитриевичу Коняхину. Честно признаться, никто из нас, тогдашних казачьих лидеров, не представлял, какая огромная работа должна быть проделана атаманскими правлениями, казаками-энтузиастами по воссозданию в новых исторических условиях казачьи организаций. Это было сложно и требовало самоотдачи на всех исторических территориях проживания казаков. Но особенно сложно было терскому казачеству. Терское казачье войско, как известно, до революции было самым малочисленным на Северном Кавказе. Проживая рядом с горскими народами даже в условиях замирения Кавказа, казаки находились постоянно в напряженном состоянии от имевших место грабежей и разбоев. После революции терское казачество первым испытало на себе политику советского государства по отношению к казачеству, которая проявилась в массовых расстрелах и вынужденном переселении целыми станицами.

Свой отпечаток на взаимоотношения с горскими народами наложили и вынужденные переселения в годы Великой Отечественной войны репрессированных народов. Не принесло спокойствия и возвращение в 1950-е годы на историческую родину чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев. То в одном, то в другом месте возникали конфликты между молодежью.

События Кавказской войны сохранили у горцев о казачестве историческую память со знаком минус. Все это создавало сложности в восприятии горцами процесса возрождения казачества. Атаманам и, прежде всего, руководителям терского казачества необходимо было наиболее мотивированно раскрыть цели и задачи возрождения казачества.

Следует отметить: вопреки сложившемуся мнению о том, что тема казачества полностью находилась под запретом, на самом деле все было далеко не так. В 1970-1980-е годы издаются работы по истории и культуре казачества, в которых раскрывается сложная природа казачества. Более того, было проведено четыре всесоюзных конференции по проблемам истории казачества. И все они проводились в республиках Северного Кавказа. Партийные власти Краснодарского края и Ростовской области не давали согласия на проведение таких научных форумов. Значительная работа была проделана этнографами. Все это позволило показать сложную сущность казачества. В казачестве теснейшим образом переплетались социальные и этнические явления. Это царское самодержавие затолкало казачество в сословные рамки и выпячивало его как сословие, наделяя его льготами и привилегиями. В новых исторических условиях необходимо было определиться. Так что же такое казачество? К чему мы должны стремиться, чтобы быть полезным отечеству, не скатываясь на путь исключительности, а, следовательно, не создавать угрозу межнациональному миру и согласию на Северном Кавказе.

Эти вопросы беспокоили атамана В.Д. Коняхина. Мы познакомились с ним на одном из заседаний совета атаманов Союза казаков в Москве. Он покорил своей простотой и рассудительностью. Среди тогдашних атаманов казачьих организаций, входивших в Союз Казаков, В.Д. Коняхин был старшим по возрасту и статусу – Герой Советского Союза. К его мнению прислушивались и его уважали.

Общаясь с ним, а у нас с ним установились добрые отношения, я узнал, что В.Д. Коняхин постоянно пополнял свои знания по истории терского казачества. Оказывается, он обстоятельно проштудировал фундаментальное исследование Л.Б. Заседателевой

«Терские казаки». Он знал положение «Об общественном управлении станиц Терского войска 1891 года», постоянно читал литературу о казачестве. В.Д.Коняхин твердо стоял на позициях возрождения казачества как народа, не претендующего на льготы и привилегии, но проживающего на своей земле, доставшейся ему по наследству от отцов и дедов.

В.Д. Коняхин постоянно высказывал опасения о сползании дела возрождения казачества по пути превращения его в сословие, со всеми вытекающими последствиями. То есть, то, что сейчас происходит. Власти постоянно вмешиваются во внутренние дела казачьих войск, попирая демократические традиции и видя в казачестве лишь служилую часть населения. Сама служба становится фактом принадлежности к казачеству. Это свидетельствует о том, что на нынешнем этапе казачество стало своего рода коммерческим проектом, а еще точнее: превращается в квазисословие.

Но тогда, в начале возрождения казачества, многие атаманы, в том числе и В.Д. Коняхин, определили цели возрождения казачества как исторически сложившейся культурно-этнической общности людей. Эти позиции нашли отражение в принятой 30 октября в Краснодаре на Совете атаманов Союза казаков «Декларации российского казачества», а затем в Законе РСФСР 26 апреля 1991 года «О реабилитации репрессированных народов». Эта программа не утратила своего значения до настоящего времени. Жаль, что нынешние атаманы, да и власти, забывают о ней в угоду сиюминутных интересов.

23–24 марта 1991 г. во Владикавказе состоялся Первый Учредительный съезд терского казачества. В работе Съезда участвовали казаки из Северной Осетии, Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Дагестана. Атаманом Терского казачества был избран Василий Дмитриевич Коняхин. За него проголосовало 178 депутатов, или 97, 3% делегатов. Съезд проходил два дня и прерывался для участия делегатов в митинге, который проходил перед Домом правительства Северной Осетии по случаю приезда Председателя Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцина. Только избранный Атаман терского казачества В.Д. Коняхин был приглашен на трибуну вместе с главой Северной Осетии А. Галазовым. И атаман В.Д. Коняхин, и казаки, да и все участники митинга надеялись, что высокий гость выскажет программные положения, как страна будет жить дальше. А услышали: «Берите суверенитета, сколько хотите».

Деятельность Атамана В.Д. Коняхина во многом осложнялась тем, что терские казаки проживали на территории от Ставропольского края до Дагестана. И атаманы воссозданных отделов зачастую действовали с учетом взаимоотношений с местными властями, не всегда согласовывая их с атаманом Терского казачьего войска. Но именно В.Д. Коняхин добился сохранения Владикавказа как столицы Терского казачьего войска, и возвращение городу исторического наименования произошло при его активном участии и позиции терских казаков.

Объединить в одну организацию людей разных по социальному положению, образованию, интеллекту, а то и по разному понимающих прошлое и будущее казачества – дело необычайно сложное. Оно требовало от атамана выдержки, дипломатического такта, эрудиции, способности убеждать людей, идейно их сплачивать. Огромный жизненный опыт В.Д. Коняхина позволял решать успешно многие вопросы. Серьезную помощь атаману оказывали члены Правления Терского казачьего войска: атаман Терско-Малкинского отдела М.М. Клевцов и атаман Грозненского отдела Георгий Николаевич Галкин. Никогда не забуду этого смелого и не боявшегося угроз атамана.

Вопреки надеждам, что федеральный центр окажет поддержку казачеству, а его опыт совместного проживания с горскими народами будет востребован государством, этого не произошло. Издаваемые Указы Президента и иные правовые акты носили декларативный характер. Казачество и Северный Кавказ были предоставлены сами себе. Кавказ все более и более погружался в проявления экстремизма, национализма. Убивали атаманов и казаков. Начался массовый исход русского и казачьего населения из республик Северного Кавказа. После убийства атамана Сунженского отдела А.И. Подколзина тысячи переселенцев устремились на Ставрополье и Кубань. Это положение беспокоило атамана В.Д. Коняхина.

В своих выступлениях на советах атаманов Союза казаков он открыто предупреждал о грозящей угрозе миру и стабильности в регионе. Принимаемые советами атаманов заявления и обращения в адрес федерального центра с просьбой остановить беспредел бандитов и обеспечить мирную жизнь так и не были услышаны.

Горе-реформаторы приватизировали народное достояние, грабили народ и не думали о России. В национальной и кадровой политике на Северном Кавказе федеральный центр был несведущ, и следствием этой политики мы получили конфликты, войны, страдания людей, вынужденных покинуть родные места. Именно на этот сложнейший период в жизни терского казачества выпало атаманство В.Д. Коняхина.

Серьезные надежды возлагало терское казачество, когда с 1991 года во Владикавказе был сформирован полк, в который призывались казаки с Кубани. Мне приходилось неоднократно выезжать в этот полк, встречаться с В.Д. Коняхиным. Но и армия переживала сложнейший период. С отчаянием он говорил о всё усложнявшейся ситуации на Северном Кавказе. За счет того, что казаки покидали родные станицы, сокращалась численность и без того немногочисленного терского казачества. Уходили казаки, уходило и присутствие России. Республики Северного Кавказа все более и более становились мононациональными. В.Д. Коняхин просил атаманов других войск о помощи и поддержке. Надо сказать, что Союз казаков, представляя собой мощную силу, всячески оказывал поддержку терским казакам, поднимая вопросы на государственном уровне. Мы выезжали на Терек, участвовали в работе Совета атаманов и в работе Кругов, проявляя солидарность и сплоченность, демонстрируя наше казачье единство. Это сейчас каждое из казачьих войск живет само по себе и находится под влиянием властей, назначающих атаманов и смещающих их по своему усмотрению, определяющих какими должны быть казаки. А тогда все войска оказывали поддержку друг другу. Достаточно того, что только на Кубань по ходатайству атамана переселилось из Чечни и Ингушетии более тысячи семей. Власти Краснодарского края с пониманием отнеслись к ходатайству атамана Кубанского казачьего войска. Нами же была оказана помощь в поступлении в вузы Кубани казачьей молодежи, переселившейся в наш край.

Каждая наша встреча с В.Д. Коняхиным в Москве или во Владикавказе была наполнена серьезными размышлениями о судьбе терского казачества, покидавшего родные станицы, об угрозах, грозивших России из-за растущего сепаратизма, отсутствия политической воли государства навести порядок в регионе. Ему, как атаману Терского казачьего войска, постоянно шли угрозы. Звонили по телефону, подбрасывали записки. В.Д. Коняхину шел 70-й год. А работа требовала полной отдачи. В марте 1993 года В.Д. Коняхин, первый атаман Терского казачьего войска, сложил полномочия. Но и после этого семья продолжала получать угрозы расправы. В 1995 году В.Д. Коняхин переехал на жительство в ст.Отрадную Краснодарского края. И здесь мы встречались всякий раз, когда я бывал в этой станице. Здесь, 28 июня 2000 года атаман Терского казачьего войска, Герой Советского Союза Василий Дмитриевич Коняхин умер. Похоронен он на станичном кладбище.

Вот таким был первый атаман Терского казачьего войска Василий Дмитриевич Коняхин, собравший и создавший войско и возглавивший его в сложнейший период истории.

В.К. Храбрых

Только помня и почитая своих старших, вы можете надеяться на уважение своих младших

В 1988 г. в г. Владикавказе (в то время – Орджоникидзе) была собрана группа единомышленников, которую возглавил Герой Советского Союза, потомственный терский казак Василий Дмитриевич Коняхин. Эта группа начала работу по возрождению Терского казачества на Северном Кавказе. В 1989 году был организован Владикавказский Малый Круг терских казаков, в задачу которого входило подготовить и провести первый Учредительный Большой Круг Терских казаков. В марте 1991 г. во Владикавказе состоялся Большой Круг Терского казачества.

Делегаты первого Большого Круга Терского казачества.1991 г.

Первым Атаманом был избран Василий Дмитриевич Коняхин. Второй Большой Круг Терского казачества состоялся 23 февраля 1992 г. во Владикавказе, представленный 332-мя делегатами с правом решающего голоса, в том числе четырнадцатью атаманами. Решением делегатов Терскому казачеству возвращено его историческое название – Терское Казачье Войско. Большой Войсковой Круг подтвердил полномочия В.Д. Коняхина как Войскового Атамана ТКВ.

Первый атаман возрожденного Терского казачьего войска В.Д. Коняхин. Фото 1990 г.

Василий Дмитриевич Коняхин родился 7 января 1923 года во Владикавказе. Окончил девять классов школы и аэроклуб.

В марте 1941 года был призван на службу в Рабоче-крестьянскую Красную Армию. В том же году он окончил Краснодарскую военную авиационную школу лётчиков, в 1943 году – курсы командиров авиационных звеньев. С июня 1943 года – на фронтах Великой Отечественной войны. Принимал участие в боях на Волховском, Ленинградском, 3-м Прибалтийском и 2-м Белорусском фронтах, был ранен, получил несколько ожогов лица.

Терцы у могилы В.Д. Коняхина. Ст. Отрадная 28 июня 2015 г.

К концу войны старший лейтенант Василий Коняхин был заместителем командира и одновременно штурманом эскадрильи 287-го истребительного авиаполка 269-й истребительной авиадивизии 4-й воздушной армии 2-го Белорусского фронта.

За время своего участия в боях он совершил 227 боевых вылетов, принял участие в 28 воздушных боях, сбив 17 вражеских самолётов лично и ещё 2 – в составе группы, во время наземных штурмовок нанёс противнику большие потери в живой силе и боевой технике.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 августа 1945 года за «образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками» старший лейтенант Василий Коняхин был удостоен высокого звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

В декабре 1945 года в звании капитана Василий Дмитриевич Коняхин был уволен в запас по причине резкого ухудшения зрения, позднее получил звание майора запаса.

Вернулся в г. Орджоникидзе (Владикавказ). В 1961 году Коняхин окончил строительный техникум, после чего был секретарём парткома треста «Севосетинпромстрой».

Был также награждён двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны I-й степени, Красной Звезды и «Знак Почёта», рядом медалей.

В 1990–1993 годах являлся первым Войсковым Атаманом Терского казачьего войска. Удостоен звания « Почетный гражданин г. Владикавказа».

С 1995 года жил в станице Отрадной Отрадненского района Краснодарского края. Умер 28 июня 2000 года.

С первых дней возрождения казачества на Тереке Василий Дмитриевич особое внимание уделял сохранению обычаев, традиций и памяти о предках терских казаков. С начала 90-х годов Василий Дмитриевич и другие казаки Терского Казачьего Войска поднимали вопрос об установке мемориала в память о геноциде терского казачества в 20-е годы, но не был решен вопрос, где его ставить.

Вплоть до революции 1917 г. терские казаки верой и правдой служили Российской империи, поддерживая мир и спокойствие на Северном Кавказе. Во время революции терские казаки в основной своей массе остались верны присяге Царю и Отечеству. С приходом советской власти начались гонения и истребление казачества. 26-го декабря 1917 года на железнодорожной станции Прохладная группой революционных солдат был убит Войсковой Атаман Терского Казачьего Войска М.А. Караулов. В мае 1918 г. Совнарком, на проходившем в Грозном третьем съезде народов Терека, принял решение о выселении казаков из четырех станиц Сунженского отдела и передаче их земель «верным Советской власти» горцам. Назвав казаков «народ-помещик», в указанные станицы посылались отряды, которые грабили и расправлялись с недовольными. В июне началось выселение казаков из станиц Тарской, Сунженской и Аки-Юртовской. 24 января 1919 года Председатель ВЦИК Я.М. Свердлов подписывает секретную директиву ЦК РКП(б), в которой буквально приказывает следующее: «Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно, провести массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе против Советской власти. К среднему казачеству необходимо принять все меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти». Весной 1920 г. первыми опять были насильно выселены жители трех многострадальных станиц: Тарской, Сунженской и Аки-Юртовской, а затем и других станиц Сунженской линии. Как проходило выселение казаков давно хорошо известно. 27 марта 1920 года население этих станиц погнали к железнодорожному разъезду Долаково. Тех, кто оказывал малейшее сопротивление, не способен был идти, либо пытался бежать – убивали на месте. Трупы грузили на подводы, и страшный конвой двигался дальше. Подводы разгружали в ямы, приготовленные заранее недалеко от разъезда. Туда же сбрасывали тела стариков, женщин и детей, убитых уже на месте или не поместившихся в вагоны, поскольку вагонов на всех не хватало. Таким образом, в 20-е годы был осуществлён настоящий геноцид казачьего народа.

В 2001 году старик осетин в городе Беслане рассказал, что в 1920-м году, при депортации, казаков гнали в район железнодорожного разъезда Долаково, и сгоняли в район нынешнего аэропорта, где находился колодец. Казаки нашли этот заброшенный колодец и в этом месте насыпали 6-ти метровый Курган памяти и установили, по

казачьим традициям, памятный крест невинно убиенным терским казакам.

Особо отличился в насыпи Кургана памяти наш казак, Атаман города Беслана Александр Михайловский. В этом казаки Владикавказского Округа ТКВ выполнили наказ первого Атамана ТКВ Василия Дмитриевича Коняхина и желание всех терских казаков. С момента установки и освящения памятного креста, это место стало священным для всех терских казаков. Ежегодно, в день памяти о геноциде казачества, у кургана собираются вольные, общественные и реестровые терские казаки со всего Северного Кавказа, чтобы помянуть и отдать долг памяти своим предкам.

После неожиданного отъезда Василия Дмитриевича Коняхина в Краснодарский край терские казаки потеряли с ним связь, и никто из его близких не сообщил о его смерти. Но терские казаки не забывали своего первого Атамана. Искали его, а когда дошел слух о его смерти, искали, где он похоронен. Первым нашел и посетил его могилу казак Горячеводского отдела Кузнецов Александр Петрович.

В 2014 году по инициативе Северо-Осетинской региональной общественной организации « Культурный центр терского казачества», в честь 25-й годовщины возрождения терского казачества, казаками Владикавказского Округа ТКВ было принято решение поехать и поклониться могиле своего первого Атамана. Связавшись с председателем Отрадненского районного общества историков-архивистов Немченко Сергеем Гурьевичем, пригласив с собой родственников Василия Дмитриевича, представителей Терско-Малкинского Округа ТКВ из города Нальчика и Пятигорского Отдела из города Пятигорска, утром 28 июня, в день смерти Батьки Атамана, делегация казаков Терского Казачьего Войска в составе 20 человек, прибыла в станицу Отрадную.

Приятные неожиданности делегацию терцев ждали с первых шагов – вместе с Немченко Сергеем Гурьевичем нас встречал потомственный Гребенской казак Беспамятнов Вячеслав Евгеньевич, судья Отрадненского районного казачьего общества и тоже историк-архивист.

Первым делом терцы направились в храм, здесь нас тоже уже ждали. Настоятель храма Рождества Пресвятой Богородицы о. Андрей (Смочук) отслужил Панихиду по Василию Дмитриевичу Коняхину.

Затем делегация направилась на кладбище. Отправляясь в поездку, мы захватили инструмент, чтобы почистить и привести в порядок могилу нашего Батьки, зная, что в станице Отрадной у него не осталось никого из родственников, но могила была в идеальном порядке. Свежевыкрашенная ограда, чистота, у памятника цветы и даже портрет на памятнике новый, в терской форме. За что низкий поклон нашим братьям-казакам станицы Отрадная от всего Терского Казачьего Войска.

Василий Дмитриевич очень любил романс «Выхожу один я на дорогу», он часто при жизни напевал его вместе с Кабаковым Александром Петровичем, дал ему наказ спеть этот романс у него на могиле. Атаман Владикавказской городской общины «Станицы Владикавказская» Родин Александр Валентинович и Кабаков Александр Петрович выполнили наказ, спели Батьке его любимый романс.

Казаки попрощались с Василием Дмитриевичем и по приглашению Отца Андрея поехали в церковь, где в трапезной был накрыт поминальный стол. Помянув Батьку и пообщавшись с Немченко Сергеем Гурьевичем и Беспамятновым Вячеславом Евгеньевичем, казаки в хорошем настроении и с чувством выполненного долга отправились к себе на Терек.

А 9 мая 2015 года в день 70-летия Великой победы казаки Терского Казачьего Войска, после Парада победы, на доме где жил первый Атаман Терского Казачьего Войска Герой Советского Союза Василий Дмитриевич Коняхин открыли мемориальную доску. Вечная память Батьке Атаману!

Терские казаки помнят и других своих героев. Ежегодно возлагают цветы и поминают своего второго Войскового Атамана Стародубцева Александра Петровича, погибшего в Чечне в 1994 году и похороненного на аллее Славы города Владикавказа.

Помнят и о походном Атамане Владикавказского Округа Костионове Владимире Николаевиче, погибшем 9 июля 2014 года под Луганском. Подразделение, которым командовал 58-летний походный Атаман, попало в засаду. Приказав подразделению отходить, он кинулся на выручку раненого пулеметчика, прикрывавшего отход, спас товарища, но сам погиб от минометного обстрела. В.Н. Костионов выполнил одну из заповедей казака: «Сам погибай, но товарища выручай». За этот геройский поступок он посмертно был награжден второй,

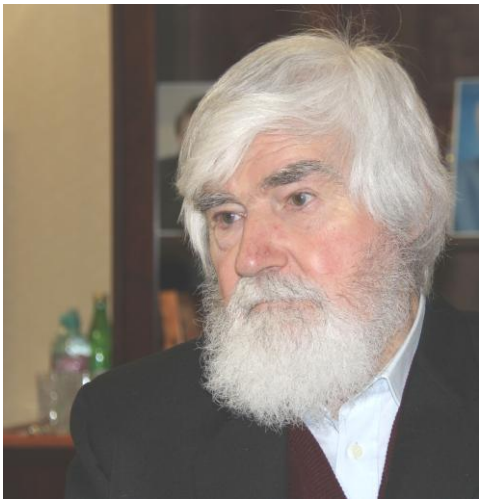
высшей Республиканской наградой, медалью «Во славу Осетии». Товарищи привезли тело героя на родину, и казаки Владикавказского Округа, при активном участии Республики Северная Осетия-Алания, с почестями похоронили героя на родине, а на доме, где он жил, установили мемориальную доску. Дай Бог побольше таких казаков нашим общинам и нашему буйному Тереку!

Только тот народ, который помнит своих Героев, выполняет заповеди своих предков, может иметь надежду на свое развитие и существование.

Г.Л. Немченко

Из документальной повести «Газыри в снегу»

(Шашка и каравай. 1990 год: поздние всходы)



Русский писатель Гарий (Гурий) Леонтьевич Немченко. 2015 г.

Шашка и каравай

Не стану говорить о степени своего воцерковления, о крепости веры, когда в начале января 1990 меня выбрали атаманом Московского землячества казаков. Воспользуюсь традиционной речью моих станичников, как она во мне сохранилась. *Хватило ума* тут же спросить себя: а это самое "возрождение казачества", так и будем его пока называть, – от Бога оно, или – от врага рода человеческого?

Аналогом слову "додумался" были в Отрадной еще несколько, среди них: *дотумкал*. И – *додул*.

До многого мне, когда ещё был атаманом, и после, когда к мифической своей должности мысленно не раз возвращался, предстояло и "дотумкать", и "додуть".

Но ответить со всей определенностью на этот вопрос, главный не только для меня, но и для многих, не сомневаюсь, многих казаков, не решусь и сегодня.

Может быть, *додуем, дотумкаем* и *раскумекаем,* наконец, сообща?

И ещё.

Несколько лет назад иеромонах Феофил из Саввино-Сторожевского монастыря, окормляющий и моих сыновей с их малыми чадами и домочадцами, и меня, многогрешного, подарил нам "Букварь школьника", состоящий из шести томов, каждый по тысяче двести страниц, и приложенной к ним "Сотницы" чуть поменьше, всего на семьсот страниц. В "Букваре" изложены "Начала познания вещей божественных и человеческих". А на внутренней стороне обложки первого тома отец Феофил от руки написал: "В народе говорят: терпи казак, атаманом будешь. Трем атаманам, отцу и сыновьям: "Терпите атаманы, христианами будете!" Терпите и молитесь. Приидите, поклонимся и припадем Ему и восплачемся перед Господом, сотворившим нас: яко Той есть Бог наш, и мы люди пажити Его, и овцы руки Его, днесь аще глас Его услышите, не ожесточите сердец ваших! Пс. 94, 6-2.

Не ожесточайте сердец ваших суетою мирскою, умягчайте их слезами покаяния, питайте души ваши живым хлебом Богообщения.

Без Бога человеку погибель!

Атамании! Желаю вам втрое большего терпения и любви! Читайте эти книжки и думайте, а подумавши молитесь.

Здоровья вам всем и спасенья.

Недостойный иеромонах Феофил."

В самом начале января девяностого года домой мне позвонил фотокорреспондент ТАСС Алексей Жигайлов, земляк из кубанской станицы Передовой...

Должен сразу сказать, что земляками считаю и сибиряков из Кузбасса, особенно новокузнечан: работал в этом городе с 59-го по 1971-й, постоянно потом туда возвращался, подолгу жил, постоянно ездил окрест, и, слава Богу, наконец, понял, что по многим грустным причинам край этот, может быть, более казачий, чем многие другие в России, исконные, так что, попросив на последнем курсе факультета журналистики

МГУ "распределить" меня в Сибирь, на Антоновскую площадку, где тогда только начиналось строительство большого металлургического завода, я попал туда, как попадает в предназначенную ему лузу биллиардный шар, безошибочно пущенный опытным игроком.

Алексей тоже, чуть позже нежели я, окончил наш факультет, довольно долго работал в соседнем Новосибирске, стал настоящим "мастером советского фото", как говаривал о себе мой старый друг Юрий Дмитриевич Багрянский, и был приглашен сначала в Москву, а потом и в Кремль: снимать правительство.

К этому времени, как многие из "мастеров", а то, пожалуй, и все они, Алексей сделался заодно не только незаурядным режиссером-постановщиком (попробуй-ка без этого "сделать" хороший кадр!), но и настоящим, как многие из нас, массовиком-затейником, вовсе не из тех, кого в санаториях и домах отдыха звали тогда "Два притопа, три прихлопа", нет – невидимым, как многие "серые кардиналы", организатором общих праздников, а то и личной славы какого-нибудь уж очень выразительного и безотказно-фотогеничного героя... грехи наши! И мои тоже, ну, а как же – и мои...

До сих пор не знаю меры участия Алексея в организации будущего моего атаманства: сам не ведал о нем ни сном ни духом.

Так вот, позвонил Алексей и говорит: вчера собирались наши земляки-казачки, но тебя не смогли найти, чтобы пригласить. Поручили мне тебя изловить и нынче "обеспечить явку": в шесть вечера в концертном зале Знаменской церкви возле гостиницы "Россия"... не подведёшь?

Попытался было расспросить его, что там будет, но он только отнекивался: в подробностях, мол, сам не представляю. Знаю только, что, наши кубанцы, как многие теперь, решили объединиться в землячество.

Кто был бы против?

Тем более тогда – в моем положении...

Накануне журнал "Современник" опубликовал мою повесть "Заступница", простонародной речью написанную от лица пожилой станичницы. Была она продолжением прежней повести "Зимние вечера такие долгие", тоже состоявшей из рассказов некоей Анны Панкратьевны, в образе которой соединились и мама, Антонина Мироновна, и её тетка Александра Иосифовна Карпенко – "Карпенчиха", моя крестная, которую не только я называл «мамашей» – так называла и вся наша родня, и даже приходившие к нам и к ней "бабы-горюхи", тоже послевоенные вдовы, само собою – правдоискательницы и печальницы.

Перед этим я "хлопнул дверью" в издательстве "Советский писатель", где занимал очень престижную по тем временам должность заведующего редакцией "русской советской прозы", надолго уехал в Отрадную, где после чопорной, что там не говорили бы, Москвы снова окунулся в стихию кубанского говора, чего только опять не наслушался и крепенько, видать, подпитался родным духом – "Заступница" судя по всему удалась, и встретивший меня на крыльце редакции "Нашего современника" Василий Петрович Росляков, сам хороший писатель, университетский мой учитель, под патронажем которого я писал свою дипломную работу, обнял меня и растроганно сказал: "Ну, наконец-то, наконец-то!"

В 59-ом за привезенную из Сибири, где был «на практике», дипломную работу я получил у него "пятерку", но Росляков ещё долго держал меня в школярах: и отказался написать, сославшись на ранний инфаркт, предисловие к первому моему – "сиббирскому", "р-рабочему", "пр-ролетарскому" – роману "Здравствуй, Галочкин!", и не без иронии поглядывал на меня, когда я был "большим начальником" в "Советском писателе", так что "пятерка" – "пятеркой", а "защитился" я, наконец, только на этом самом редакционном крыльце...

Но что творилось в Отрадной!

Мало того, что некоторые станичники узнали себя в героях "Заступницы" – в райкоме, на заседании бюро, было прямо-таки постановлено, «кто есть кто» в моей повести... Казалось бы, это невозможно при самой буйной фантазии, но что было, то было: выпорхнувший из квартиры и поселившийся в парке среди воробьёв зеленый попугай и мирно пасущийся под деревом, где часто сиживала воробьиная стая, козел были идентифицированы с первыми лицами района. У почты потребовали адреса подписчиков "Нашего современника", и по ним отправились райкомовские работники: изымать журнал.

О, добровольные литературоведы недавних времен!

Тогда мне казалось, что это, может быть, последний всплеск казенного идиотизма, и мои земляки ещё будут гордиться тем, что пришелся он как раз на нашу станицу... Кто тогда мог предположить, в какую пучину идеологического маразма нашей великой стране ещё только предстоит погрузиться!

Но это уже потом, а тогда длилось время долгих ожиданий неизвестно чего. В районке "Сельская жизнь", которая, когда школьником принес туда первую заметку, называлась еще "Советское казачество", на первой полосе была опубликована большая статья обо мне, смысл которой сводился к следующему: столько-то лет писатель напрасно ел наш хлеб!

До сих пор помню корявую строку из неё: пусть, мол, у ваших земляков вместо рук козлиные копыта, но ими они выращивают пшеницу и пекут хлеб, которого вы не заслужили.

В тот день, когда Алексей Жигайлов не мог разыскать по телефону, меня, и действительно, не было дома, а когда появился, в дверь позвонила соседка и протянула объемистый полиэтиленовый пакет:

-Были ваши земляки: ехали куда-то на север. Просили вам передать.

В пакете был большой, с поджаристой корочкой пышный каравай – раньше такие "паляницы" пекли на капустных листьях на горячем печном поду, – а сверху каравая лежала записка: "Г.Л.! Да не слушайте вы райком! Ешьте-ешьте."

У меня слезы брызнули!..

Кинулся к соседке: а не сказали они – как фамилии, как звать?

Нет, ничего не сказали. Спешили очень. На поезд.

И только потом я "вычислил", что вместе с женой Ольгой заходил наш районный правдоискатель Валерий Пятаков, преподаватель истории, младший брат Василя-Пятака, с которым учились мы в одном классе: потом Валерий напишет книжечку «Особый район Кубани» – о районной коррупции, уходящей корнями в Краснодар и «далее везде», как говорится.

Пришлось удерживать себя от искушения тут же отломить от каравая кус побольше, сесть в кресло и тихо нажеваться всласть... нет, решил я: це-ленький понесу на этот сбор земляков, и там его и съедим все вместе – пусть знают, какой у нас в станице пекут хлеб!

В Знаменской церкви, в зале, где ещё недавно слушать пришлось удивительный хор Бориса Покровского с народными песнями, уже сидели рядами знакомые и незнакомые люди, и я сперва пошел к стоявшему в углублении, судя по всему перед алтарем, покрытому черным сукном столу. На нем лежала старинная шашка в богатых ножнах, и я, ещё не понимая, зачем она тут и что бы это могло означать, выпростал из пакета и положил за ней, посрединке, свой отрадненский каравай. Так они и лежали рядом: символизирующая воинскую доблесть шашка и потный крестьянский труд – каравай.

Взглядом нашел Жигайлова, устроился рядом, но не успел ещё ни о чем его расспросить, как у стола появился руководитель ансамбля "Казачий круг" Володя Скунцев, ликом и нынче – а тогда, в молодости, и ещё больше – схожий с последним российским императором, Государем Николаем Александровичем, и вдруг начал:

– На проходившем, как это бывало раньше у наших отцов и дедов, казачьем сговоре, который вчера у нас состоялся, было решено предложить нашему землячеству "кликнуть" атаманом...

Ну, и по имени-отчеству-фамилии называет, значит, меня.

Я ещё и удивиться не успел, как он предлагает выйти к столу: предстать, значит, пред светлыми очами собравшихся.

Пожимая плечами, вышел, а Володя и говорит:

– Отвечай, Г.Л.: согласен ли ты принять наше предложение и вместе с ним – атаманскую булаву?

Я говорю:

– Может быть, братцы, не так сразу?.. Меня-то вы не спросили...

– Тебя не могли найти, – отрезал Володя. – А по старому обычаю на сговоре можно и без тебя решить... Отвечай: ты согласен?

Во мне тройной скачек мысли: "Что-что, а в антисемиты тут же попадешь – это точно! – Ага-а, боишься? – Боюсь? Это я-то?!"

Отложилось это в памяти очень прочно, и по этому безмолвному диалогу с самим собой наверняка уже можно сделать о самом себе вывод: хвастун и авантюрист.

Но какой казак – не хвастун? Какой – не авантюрист?

Лишь бы кроме этого за душой было и что-нибудь посерьёзней...

Попробовал уцепиться за очень весомый, как мне казалось, довод против своего атаманства: понимаете ли, говорю, я уже давно обещал одному адыгейскому писателю, своему кунаку, перевести его роман – и о прошлой Кавказской войне, и о сегодняшних делах на Кавказе. Долго изучал исторические материалы и всякого рода первоисточники, знакомился с традициями и обычаями горцев, ездил по адыгейским аулам, и вот, когда я готов, наконец, засесть за перевод, вы меня своим лестным, без сомнения, предложением, хотите отвлечь от этой чрезвычайно важной сегодня, миротворческой, как понимаете, миссии... не могу я, поймите правильно: нет!

Тут бы самая пора воздать должное присутствовавшим тогда на нашем собрании – на *кругу*, на *кругу*, конечно же, – нашим старшим...Многим из них! Но что делать?

Это приходит к тебе неожиданно: сердечная интонация, которую давно уже ждал. Для меня она всегда – не только добрый знак, но и палочка-выручалочка, которая мановением своим чего только из памяти одно за другим не вытащит, и всегда – к месту и безошибочно вовремя.

Неужели в подсознании нашем все как раз и пишется на своего рода диски, шифром которых это-то как раз и является: искренний *тон*?..

Ради сохранения его не стану тут давать биографических справок, тем более, что для этого мне пришлось бы рыться в архивах, которые остались в другом месте: в Москве. Ограничусь тем, что ярче всего осталось в сознании. Скажу лишь, что на *кругу* было достаточно людей умных, достойных, высокообразованных, с хорошими лицами и внимательными глазами... эх, если бы так и пошло потом всё, о чем в тот вечер было говорено!

И вот один из старших, Аркадий Павлович Федотов, серьёзный ученый, физик, донской казак, встаёт и говорит: это, мол, не причина для отказа, Г.Л.! Больше скажу: ваше атаманство наверняка станет серьёзным стимулом в работе над переводом – разве может казачий атаман плохо перевести? Да ещё кого?.. Черкеса, своего кунака! Да вы из кожи, как говорится, вылезете, только бы остаться на уровне. Тут, уверен, собрались настоящие казаки: разве мы этого о себе не знаем? Так что тут у вас – простая отговорка, в счет не идет, нами всерьез не принимается, а скажите-ка лучше ваше мнение вот о чем...

Всё ведь это уже потом о нем узнал: доктор наук, один из крупнейших в Союзе специалистов-атомщиков.

Но вот стоит перед тобой явно интеллигентный, в самом хорошем смысле, человек, которого впервые видишь, но хорошо чуешь, и с открытым сердцем, доверительно не то что говорит – как бы вслух размышляет о том же самом, о чем сам ты не однажды раздумывал...

И ещё... подкупил меня сразу Аркадий Павлович! Взял, что называется, тепленьким.

– Этот отрывок из вашего романа "Вороной с походным вьюком", где вы мчавшихся на конях по бывшему лётному полю казаков подняли в небо и по всему миру заставили разлететься, я не один раз своим студентам зачитывал, – сказал тогда Аркадий Павлович увлеченно. – И, знаете, что? Даже те, кто никакого отношения к казакам не имеет, начинают понимать, что это особая категория людей – казаки, это особый мир, который в силу многих причин находится нынче в очень подвижном, выражаясь научным термином, и достаточно хрупком состоянии... Тем более – в рассеянии по многим странам, по всему миру. Для того, чтобы помочь казачеству сохраниться, нужна ли ему по-вашему мнению отдельная от остальных, *казачья* энциклопедия?

Конечно же, так определенно никогда об этом не думал. Но не тем ли – сохранением казачьего духа – все последнее время я занимался в художественных, скажем так, формах?

И Аркадию Павловичу ответил теперь чуть не восторженно:

– Конечно, нужна такая энциклопедия, ну конечно же!

С явным удовольствием он вывел:

– Вот уже и начинает складываться программа вашей работы: это же прекрасно!

...Когда на этом месте прервал теперь свой рассказ, но постоянно, где бы потом не находился, о нем раздумывал, в памяти начали возникать и все четче проявляться

другие образы самых пожилых участников нашего казачьего сбора... Высокий, с благородным лицом и молодыми глазами... ну, как сказать после этого *старик*? Уже тогда ему было много за восемьдесят... жив ли? После всех испытаний, которые ему судьба уготовила. К тому времени, когда пошел в лагеря, у него было два докторских звания. В сознании почему-то осталось, что науки, которыми он занимался, связаны с авиацией, что был он кроме прочего практик, сам летал – может, потому, что помню его в кожаной летной куртке старого, ещё дореволюционного образца? Отсидел он по полной программе, теперь реабилитировали, но вернули пока только одну ученую степень: о возвращении второй он потом немногословно сообщит мне по телефону уже как атаману. «Для сведения».

Можно ли таких людей забывать?

И я мучился, пока, наконец, не вспомнил: Дузь! Петр Дмитриевич Дузь.

А Сергей Алексадрович Павлов, тоже доктор наук, бывший боевой летчик, после ранения сильно прихрамывающий, но так и не бросивший летать на самолетиках "малой авиации", благо, что работа на одной из кафедр МАТИ хоть в этом отношении сохранила кое-какие преимущества... Лет через десяток я позвоню ему, чтобы расспросить о здравствовавшем тогда ещё "одноруком пилоте" Анатолии Агафоновиче Балуеве. О бесстрашном этом фанатике он сообщит мне подробности поистине удивительные, а когда спрошу, летает ли попрежнему сам, скажет горько: решил бросить. Только что в очередной раз облетел Подмосковье, чтобы обновить заведённую несколько лет назад персональную карту разрушения уникальных мест прущими вширь дворцами с усадьбами и роскошными виллами… И старым чутьем разведчика понял: с земли не только следят. Готовы сбить. Коли полетит ещё раз, собьют.

Просто нельзя, грех не вспомнить ещё одного участника тогдашнего учредительного *круга*: это ему из-под Парижа, из музея Лейб-гвардии Императорского казачьего полка девяностолетний смотритель Петр Иванович Дубенцев передал старинную шашку, которая лежала теперь на столе в углублении бывшего церковного алтаря. В журнале "Москва" только что вышла большая его документальная повесть о командарме Миронове, где кроме прочего впервые был полностью напечатан указ Свердлова о поголовном истреблении казаков, которое до сих пор деликатно называют "расказачиванием".

Длинноволосый, лобастый, с глазами, в которых сверкали отблески сжиравшего его внутреннего огня – остатка зарева Гражданской войны, Евгений Федорович Лосев и тогда, на первом собрании, и, сколько помню его потом, похож был на апостола скорби, невольно, уже одним своим видом зовущего к справедливому возмездию...

Знаю, что он, хоть был и старше, и опытней (это к тому, что я-то простосердечно считал: связался с мальчишками!), не возражал против того, чтобы атаманом избрали его. Не только намекал – открыто об этом говорил и даже обиделся, когда в конце концов "кликнули" другого...

Но вот спустя уж много лет, я думаю: потому-то его и не избрали, что был он как шпага прям и был непредсказуем, – как бы кукловоды казачества им потом управляли?.. Да и я к тому времени был как бы больше на слуху – а такой «мавр» и был нужен.

Мирный кубанский каравай перевесил в конце концов донскую "вострую шашку", и в каком-то смысле это было, может, несправедливо, но символично: все мы тогда искренне верили, что наш "круг" станет началом мирного, а потому и непобедимого шествия долго остававшейся втуне казачьей идеологии самодостаточности и самоограничения, принципы которой как раз и предстояло нам окончательно сформулировать – перед угрозой безудержного, захлестнувшего безумный мир потребительства, или, как названа была потом переводная книга двух западных экономистов – "потреблятства".

Может быть, тут уместно также вспомнить девиз, который после мучительных раздумий оставила казакам наша эмигрантская элита в Чехословакии: "Слово. Меч. Перо. Техника."

Само собою, что Слово – как Божественное начало начал. Меч прежде всего – меч духовный. Перо – умение рассказать о прошлом и позвать в бу-дущее. Техника – необходимость идти вровень со временем.

Думаю, для Евгения Федоровича, как многие из нас, поверившего в грядущие перемены, было немаловажным прежде всего, кто окажется во главе "возрождения": донец или кубанец?

Мало того, что тех и других испытал Кавказ: перед первой мировою войной – Великой Отечественной – в Главном Штабе Русской армии считалось, что девяносто кубанцев стоят сотни донских казаков.

Но все-таки, все-таки: донцы-молодцы. Кубанцы – зас...цы.

И не им бы начальствовать в деле, как любят выражаться большие нынешние темнильщики, *судьбоносном*.

Что я, в общем-то, атаманством своим совершенно блестяще и доказал...

…В первый день "старого" Нового года увидал в церковном календаре, что празднуем память Василия Великого, и в "Букваре" отца Феофила нашел жизнеописание: "святой, святитель, архиепископ Кесарии Каппадокийской, родился около 330 года в царствование Константина Великого в Каппадокийском городе Кесарии. В семье его родителей было десять детей – пять сыновей и пять дочерей, из них пятеро были потом причислены к лику святых: Василий, Макрина – образец аскетической жизни, оказавшая сильное влияние на жизнь и характер св. Василия Великого, Григорий, впоследствии епископ Нисский, Петр, епископ Севастийский и праведная Феозва – диаконисса. В такой благочестивой христианской семье святой воспитывался в детстве. Первоначальное образование получил он под руководством отца, затем обучался у лучших учителей Кессарии Каппадокийской, где познакомился со святым Григорием Богословом, а позже перешел в школы Константинополя и слушал выдающихся ораторов и философов. Для завершения образования святой Василий отправился в Афины – центр классического просвещения."

Для чего об этом пишу?

Не для того ли, чтобы хоть кто-то из нас припомнил, где и в какой семье родился и вырос, как воспитывали его, чему учили и что из этого в конце концов вышло.

Что нам делать, если шли мы долгим путем заблуждений – хорошо, если не кривыми дорожками...

Как нам быть нынче, на нашем печальном, почти невыносимо тяжком распутье?

Не стану говорить, что отдание памяти святому Василию Великому воспринял тоже, как знак: двумя главными целями своего атаманства я сразу посчитал воцерковление казаков и воспитание ребятишек.

Глаза боятся, руки делают – это больше о немереной работе физической, которая в воображении нашем представляется все больше горою высокой...

Но часто ли мы готовы к другому труду: *горнему*?

Постоянные размышления о нем в моей душе совмещались с тем, что мы привыкли называть "разбор полетов"... Почему это со мной произошло? Для чего?

Ничего случайного, как я тогда уже твердо верил, на белом свете не бывает.

В роли самонадеянного дона Жуана, призывавшего к себе давно застывшего в камне Командора на этот раз оказался я.

К этому времени вышел не только мой роман "Вороной с походным вьюком", в котором, как теперь понимаю, кроме прочего я неосознанно пытался не только пропеть гимн несгибаемому казачьему характеру, но и вернуть в нашу постыдно, если присмотреться, унылую жизнь мощную его энергетику, которую уже не одно тысячелетие вольный ветер то с гулом катил по нашим скифским пространствам, то приподнимал над ними так высоко и надолго, что иногда уже казалось: а была она?.. Может, – не было?

…Остановлюсь на одной подробности, которой я тогда по ряду причин не придал особенного значения...

По заведенной ещё в ранней молодости, ещё на сибирской стройке, привычке просыпался я рано, обычно в пять, как правило – перед самым звонком будильника. Это всегда означало и бодрое, несмотря ни на что, настроение и хорошую рабочую форму. Если накануне, бывало, нарочно оставлял недописанной строку, которую вполне мог бы окончить вечером, то утречком она притягивала к себе, как магнитом... счастливые времена!

За эту минуту-другую перед звонком, к тебе и приходит продолжение неоконченной строчки, и тут же откладываешь её в памяти: сперва до раз-мышлений над чашкой крепкого чая, потом – до времени, когда сядешь в кабинете за стол.

Чуть ли не в первый же день после того, как прошло наше земляческое собрание, эта первая утренняя строка явилась на каком-то едва слышимом полузагадочном фоне: тихо пофыркивали кони, раздавались невнятные голоса... Насмешливо и чуть грустно я улыбнулся полузабытым шумам:

может, отголоски давних поездок на кошару к знакомым пастухам в нашем отрадненском Предгорье?

Постепенно фон этот сделался постоянным – проснувшись, я первым делом ловил уже не будущую строку, а как бы её шумовое сопровождение... Тоска? – думал. – Печаль из-за отлучения от родины?..

И вдруг однажды насторожился: да ведь это вовсе не кош с его мирным овечьим блеяньем, нет... В почти неслышимых звуках была различима четкость, временами как бы и строгость, а все набиравшее силы, хоть доносилось из далекого далека, тихонькое конское ржанье вдруг на полуноте захлебывалось, явно оборванное уздой во властной руке... да что же это, думал я, что это значит?

Ранней весной мне позвонил работавший тогда на Центральном телевидении в программе "Доброе утро" Володя Стефанов, предложил приехать для участия в передаче о казаках, я приехал. Сошлись мы с первого рукопожатия, с первого, что называется, взгляда, дружим и нынче, а тогда взаимная симпатия и общая любовь к малой родине, к Кубани, он родом из Приморско-Ахтарска, настолько одухотворили нашу беседу, что, вернувшись домой, я до глубокой ночи отвечал потом на телефонные звонки по межгороду... откуда только мне не звонили! С каким волнением, как подолгу звонившие со мной разговаривали.

Иногда, жалея явно тощий казачий карман, я пытался напомнить: пощадите, мол, свой семейный бюджет! Звоните ведь не из соседнего дома – из Владивостока, с края земли.

– Да что такое деньги, ай бросьте! – радостно упрекал меня незнакомец.– Жаль, что про это вы не успели: казаки всегда считали, что деньги – помет дьявола. Я, можно сказать, всю жизнь ждал эту передачу, а, знаете, сколько мне? Наверняка вдвое больше, чем вам!

– А голос у вас, дай Бог вам здоровья, совсем молодой...

– Да потому что я – казак, я, наконец, дождался, вы понимаете?!

Как не понять!

Но любопытное дело: сразу же после нашей со Стефановым передачи утренние звуки настолько усилились, что я уже явственно различал и цокот копыт и как бы даже треньканье сбруи, и какой-то глухой стук, который казался мне ударом приклада о землю, а то и клацаньем затвора... разыгралось воображение?

Решил, что да, это оно – воображение, о котором часто говорим: мол, *больное*.

Разве непонятно, что на этой атаманской должности был я не в своей тарелке, нет – не в своей!

И я покорно слушал все эти шумы, стуки, цокот, погрякиванья...

Теперь мне стало казаться, что к моменту моего пробуждения во дворе у нас, на Бутырской, перед моим подъездом собирается некое конное воинство, выстраивается, чего-то ждет...

"Ладно-ладно, – обращался я мысленно к этому воинству. – Потерпите маленько, обождите!"

Поднявшись, чаще всего я о нем забывал и вспоминал только тогда, когда по казачьим делам оказывался перед входом в какое-нибудь учреждение... Тогда я вдруг ощущал, что за спиной у меня замерло это неизвестно как переместившееся сюда конное воинство: незримо сопровождало меня, а теперь будет ждать, когда я выйду обратно.

Иногда, перед тем как войти в подъезд учреждения, я оборачивался и даже ладонь, бывало, приподымал: мол, оставайтесь тут – ждите, мол!

Считал, что это как бы некая игра, которая меня, безусловно, поддерживала...

Так как дни были наполнены суетой, о сопровождении своем, об этом странном звуковом конвое, я, случалось, не вспоминал и чуть ли не стыдился этого, когда поутру снова вдруг слышал лошадиное фырканье...

"Ах ты! – думал. – Как же я вчера мог забыть о вас!.."

Несколько раз, когда звуки были особенно отчетливы, я порывался тут же быстренько одеться и спуститься во двор... мало ли?

Может, найдется какое-либо чисто бытовое объяснение всем этим звукам. А, может, может...

Но именно это меня и сдерживало: ну, едет крыша – и пусть себе потихоньку едет. Тихо-о-онечко!..

Незаметно.

А выскакивать начнешь, может случиться, что она обвалится уже с грохотом, нет-нет!

Так и не вышел я ни разу раньше положенного по предстоящему делу...

Но вот прошло полтора десятка лет.

В Майкопе, в половине восьмого утра мне позвонил Николай Затолокин, мы с ним теперь в одном Православном казачьем братстве во имя Архистратига Михаила. Знает, что ложусь рано и рано встаю.

– Леонтьич? – спрашивает. – А ты никогда не слышал про донской казачий разъезд?

– Н-нет вроде: а что за разъезд такой?

И Коля взялся рассказывать:

– Это где-то в районе Вешенской на Дону. Ночью стал появляться казачий разъезд из семи человек. В той ещё, царской форме… Сидят, допустим, рыбаки у костра, а они вдруг появляются и старший, урядник, спрашивает: чем, мол, тут занимаетесь? Зачем собрались?.. Да вот, мол, отвечают: рыбачим! А он: не время, ребяты, не время, а ну – айда по домам! То вот так на реке появятся, то где-то в другом месте. Иногда на дороге его встретят, этот разъезд: несутся как бы по воздуху, сантиметрах в тридцати от земли, а цокот ясно слыхать. И урядник опять: куда идете? Куда едете? Чем занимаетесь?.. Всем, конечно, не по себе: кто уходит, а кто и бежит. А потом нашлись ребята похрабрей: а вы кто такие? – спрашивают. Долго рассказывать, урядник говорит. Ну, да ладно: отправили нас на разведку, а были мы сильно уставши, решили отдохнуть и уснули. И сонных нас красные порубали. Никто нас не похоронил, никто не отпел... Так вот с тех пор и маемся! Эти и говорят: станица недалеко, обождете, пока мы за батюшкой съездим? Давай, урядник говорит: обождем. Привезли они батюшку, поговорил он с урядником, записал себе все имена. Отслужил потом по ним панихиду – перестал разъезд ночью появляться... ты никогда не слышал, Леонтьич? Тут в Майкоп приехал донской казак, который этот разъезд видал, найду его, позвоню тебе – ты не против?

Я трубку положил и вдруг пришло это воспоминание времен московского моего атаманства: а вдруг тогда было что-то похожее?.. Тоже собирались погибшие казаки, кто не был похоронен, не был отпет. И сколько их было, сколько! Ведь это я хорошо ощущал: целое воинство.

Но я к ним так тогда и не вышел...

Всё-таки – почему?!

1990 год: поздние всходы

Первое, что я сделал, когда меня в 90-м «кликнули» атаманом московского Землячества казаков, – отправился на Ордынку хорошенько рассмотреть, что осталось от находившейся издревле в столице казачьей слободки: ну, как же, как же – прежде остального надо восстановить связь времен.

Трудное дело!

Как оказалось, неподъемное.

На пустынном подворье церкви Успения Богородицы, стоящей на уголке Полянки и 1-го Казачьего переулка, нашел расшатанный деревянный ящик и через обросшую многолетней грязью старинную кованину в проемах окон позаглядывал сквозь давно немытые стекла внутрь – там виднелись хорошо знакомые очертания печатных станков. Говорили, что работавшая тут много лет типография уже начала переезжать, контора теперь находится в другом месте, но с вывозом оборудования хозяева пока не спешат.

Как неопытный танцор от печки, от церкви начал потом свой обход былых казачьих владений. По 1-ому Казачьему зашагал внутрь слободы в сторону Ордынки, обошел петлявшие 2-ой и 3-ий Казачьи, а потом и всю слободу, но ничего «казачьего» кроме этих надписей на табличках с названиями переулков так и не нашел… Ничего ровным счетом! Никто не слышал о живших тут казаках ни в домах старой, в два этажа постройки, ни в многоквартирных теперь коттеджах, здесь и там сохранившихся под натиском ещё довоенного, основательного многоэтажного жилья и скорого – послевоенного…

Набрел сперва на израильское консульство с многочисленными, как когда-то стальные «ежи» под Москвой, металлическими загородками перед табличкой, извещавшей о днях и часах приема, постоял возле разверстого котлована с надписью на краю, что, мол, такая-то организация ведет тут строительство здания телекомпании НТВ, позадирал голову перед массивными громадами представительств бывших среднеазиатских республик: Узбекистана, Таджикистана, ещё, теперь уже не помню, каких…

Обойти слободу ещё разок?

Как это бывает, – на счастье…

Пошел наискосок между домами, ко всему вокруг снова приглядываясь и будто

вслушиваясь в отголоски прошлого, которое, казалось мне, не могло бесследно исчезнуть…

Посреди одного из просторных дворов, стоявших друг к дружке лицом кирпичных зданий, две пожилые женщины сидели на низкой скамеечке возле старых ковров, ворохом наброшенных на почерневший от времени стол для пинг-понга, и я решил воспользоваться минутой их отдыха от домашних забот.

– Извините, что отвлекаю вас, но вдруг как раз вы-то мне и поможете, – уважительно поздоровавшись, начал на полушутливой просительной ноте.

Дружелюбие сработало как почти всегда безотказно.

– Что же вы будете стоять? – чуть ли не обеспокоенно заговорила старшая, очень почтенного возраста, но явно из тех, кто и в этом возрасте пытается натиску лет не поддаваться. – Если не очень спешите, присаживайтесь рядком, а мы, что от нас зависит…

И долго я просидел потом с ними на этой низкой скамеечке…

Выдавал я себя, да простится мне этот не такой большой обман, за историка-любителя. Что на ту пору знал, взялся о Замоскворечье рассказывать: мол, недаром неподалеку отсюда и Ордынка, и чуть подальше Татарская улица, а здесь – три сразу Казачьих переулка: была слобода, одна из нескольких, населенных выходцами с дальних окраин набиравшего силу Московского княжества. Так вот, они, живущие тут нынче, помнят ли хоть что-то о казаках и, если помнят, то – что?

– Я-то почти всегда – о казаках, когда мужа покойного вспоминаю, – сказала старшая.

– Казак был? – спросил я, конечно же, с надеждой.

– Боже упаси! – воскликнула она чуть не со страхом.

– А почему тогда, извините, казаков вспоминаете?

– Муж был крупный ученый, – стала она рассказывать. – Работал на военных… был тогда одним из главных разработчиков артиллерийских снарядов. В конце двадцатых годов. В начале тридцатых. Испытания проводили недалеко от Москвы, и он всегда с полигона приезжал – ну, как выжатый лимон, в самом деле. Всегда энергичный, бодрый… сколько у него наград было. А с испытаний вернётся: на себя не похож. Гляжу, чем-то мучается… страдал страшно! Однажды разрыдался, я ладони от лица не могла оторвать… Боренька! – прошу. – Ну, объясни, что с тобой? Может, чем-то смогу помочь… А он: никто мне не поможет. Никто!.. А глядеть на это я больше не в силах. На что глядеть, спрашиваю?

Из тех, кого давно называют старухами, в ком якобы давно угасли все обуревающие мир страсти, она заволновалась вдруг так, что приподнятые руки задрожали и упали на колени, в давно выцветших глазах блеснули слезы.

– Извините, – невольно сказал я. – Извините, пожалуйста.

– Мы с вами ни при чем, – сказала она, слегка успокоившись. – Дело прошлое: теперь об этом обо всем чуть не на каждом перекрестке. А тогда!.. Муж само собой подписку давал. О неразглашении государственной тайны. А тайна-то…

Опять замолчала, и мне пришлось потихоньку напомнить:

– И в чем она?

– Он мне рассказал в конце концов. Дело в том, что многие снаряды не разрывались. А у них был план, было правительственное задание. Ждать было некогда, и за таким снарядом сразу шел человек… или двое-трое. Приносили его и тут же начинали разбирать. И снаряды часто взрывались: или ещё в руках у этих людей или уже потом, когда они начинали их развинчивать, или что там… Никто почти не оставался в живых, а если оставались – оставались такими калеками… Донские казаки.

– Казаки? – пришлось воскликнуть. – Донские?!

– Специально возвращали на полигон из тюрем, из лагерей… Когда гибли те, что брали, он говорил, из «пересылки» в Москве. Потому что лучше них не было работников… шли и приносили эти снаряды. Кто-то взрывался у них на глазах… их же товарищи, а то, рассказывал муж, и родственники, а они снова шли и тоже взрывались. Потому что был план, его нельзя было нарушать. Однажды муж своей волей прекратил испытания, и его тут же обвинили во вредительстве, чуть не «загремел», как тогда говорили… Что ему было делать? Понимаешь, он говорит, отважней их нет, других я не могу брать – дело станет. Крики, плач… С другими. Охрана начинает понукать, бить

прикладами, а потом стрелять. Сперва – в воздух. А эти… Донские казаки. Перекрестился, говорит, и – пошел… вы понимаете? Муж, я знаю, оттого рано умер, что постоянно мучился… Вся грудь в орденах, а душа под орденами… Скончался от разрыва сердца. Сразу после войны: скоропостижно.

…Конечно же, у каждого из нас в памяти есть события, к которым по той или иной причине мы, участники их или свидетели, постоянно возвращаемся. И есть якобы случайное, вроде этого моего, почерпнутое из мимолетного разговора с кем-нибудь печальное знание, которое тоже годами не отпускает. Оно то уходит на второй или третий план сознания, вроде бы совсем пропадает, а то потом в какой-то момент внезапно вдруг возникает, да так ярко и так осмысленно…

Часто видится мне – уже как будто сверху, с высоты прожитых лет – на низенькой скамейке сидящая весенним днем посреди испепеленной временем казачьей слободы и мирно беседующая наша троица, и тут же, как внутренний взрыв, вспыхивает некий тугой эмоциональный толчок: какое там «возрождение казачества»? О чем мы?!

Короткая беседа с вдовой разработчика снарядов, у которой по вполне понятным причинам я не стал тогда спрашивать ни имени-отчества, ни фами-лии, на долгие годы стала для меня неким духовным топливом, на котором работали грустные размышления о том, что когда-то с казачеством произошло и что происходит нынче.

Странное дело, странное…

Эти снаряды, которые взрывались тогда в руках у казаков, все продолжали теперь взрываться во мне: иногда, казалось бы, в самый неожиданный миг – он мне потом надолго запоминался.

Так было однажды во время вечера в Доме литераторов, посвященного «Тихому Дону»…

Я был одним из устроителей, но как заядлый, «с дореволюционным стажем», заднескамеечник в неблизких рядах тихонько сидел в зале сбочка и с неким, уже давно не покидавшим меня грустным сомнением посматривал и на «батьку Мартынова» в белом кителе за столом «президиума» на сцене, и даже (о, простится мне это!) на блиставшую как всегда, неувядающую Элину Быстрицкую, как вдруг безмолвный удар, осветивший события давних лет, как будто разрешил во мне некий затянувшийся, теперь уже давний спор…

«А не отправились бы вы куда подальше, ребятки! – пошел немой монолог. – Все, кто уже столько лет морочит нам голову – все-все!.. Шолохов ли написал великий роман или не Шолохов – да какое по большому счету имеет это значение, если на самом деле это не книга – это щит, прикрывший от истребления народную элиту: казачество! Как говорил когда-то о казаках Велимир Хлебников: «дворяне Земли»!.. И пусть не Шолохов, пусть Крюков … пусть, как теперь некоторые считают, – Серафимович… Не все ли равно: написал это русский человек, в руках у которого не писательское перо было – меч духовный…»

Как это случается, вслед за этим личным открытием, для кого-то другого, что вполне естественно, значения не имеющим, тут же пришло другое: «Да почему же ты сдаёшь Старика?!.. Ну, наклепали на него, каких только собак не навешали, но глаза-то его ты помнишь?.. Смотрели столько лет на тебя из Вешенской эти печальные задумчивые глаза – ведь не из дыма-коромыслом, не из пира-горой, который «молодым писателям» пропаганда, предательница наша, тогда устроила. В час подлого безвременья смотрели на вас на всех будто из глубины времен…»

«Отстаньте вы от него! – пришло. – С одним вы носитесь, как дурень с писаной торбой: с американцем Ричардом Бахом, которому, видите ли, голос с небес, на берегу Тихого океана нашептал его «Чайку по имени Джонатан Ливингстон»… А почему чуть раньше, в другом краю – на Тихом Дону честный молоденький писатель не мог расслышать плача Божией Матери по невинно погибшим и все продолжающим погибать?.. Да ведь духовный щит, который удалось ему поднять тогда над Россией, на самом деле и есть – щит Господний»

Никому другому невидимое это маленькое происшествие со мной, это событие моей внутренней жизни, в несколько секунд возвело тогда во мне некое подобие духовной крепости, со стен которой я потом терпеливо наблюдал и все, пока Бог дает, продолжаю наблюдать и слушать и все эти несмолкающие крики пытающихся унизить Писателя, и ритуальные заклинания записных патриотов,

ряды которых надежно скреплены все теми же бывшими функционерами ЦК ВЛКСМ и ЦК КПСС, для того нас давным-давно взахлеб поившими в Вешенской, чтобы никто из нас, незапланированных, не дай Бог не сподобился тогда по душам поговорить с Михаилом Александровичем. Что делать!..

Сколько было о Шолохове в те годы снова писано и снова говорено, но меня всё больше интересовало одно: верующий он был?.. Ну, не может быть, что – безбожник!

Размышления эти часто возникали тоже как бы вторым планом, что делать: я ведь вольный художник, а не настырный исследователь. Но иногда это подступало к душе так настойчиво, что впору было родным Михаила Александровича писать на Дон либо разыскать в Москве: мол, подтвердите.

В такие минуты особенно сожалел, что так и не познакомился с сыном Шолохова, Михаилом Михайловичем: а ведь была у меня такая возможность, была!

В самом начале девяностых, когда я ещё «казаковал», оставаясь у «батьки Мартынова» заместителем «по культуре и внешним связям», в Краснодаре проходил совет атаманов. Поселился я не вместе со всеми, не в гостинице – давно живущий в кубанской столице родной брат Валерий как бы на полушутке сказал, что «не поймет» меня, если не поживу у него. Потому-то в Дом офицеров, где должен был состояться совет, я примчался чуть не последним. Зал уже был набит как добрая подсолнечная шляпка бывает набита семечками, и все же, торопясь к месту, где сидели москвичи, я невольно приостановился, увидав такой знакомый затылок – ну, чисто шолоховская «потылица»: и прическа, и уши, и даже полуповорот головы над плечом…

Надо будет обязательно подойти, мелькнуло: Шолохов-младший, преподававший в Высшей школе милиции кандидат философии, в то время «атаманил» в Ростове: были, считай, коллеги, считай – сподвижники… Но разве на таких многолюдных и шумных сборищах живешь по своему плану? Уж непременно кто-нибудь навяжет тебе совсем иной, обстоятельства так закрутят, что выберешься из них, наконец, как в детстве, бывало, из омутка выплывешь: почти без сил.

Пришлось довольствоваться тем, что уже в Москве позвонил хорошо знакомой Наталье Калининой, дочке писателя Анатолия Степановича Калинина, автора знаменитого «Цыгана», начинавшего когда-то в нашей Отрадной литсотрудником районки «Советское казачество». Наташа, мол, не могла бы у папы узнать: Михаил Александрович был – верующий?

Тут, пожалуй, надо сказать, что Наталья, профессиональный переводчик с английского, в свое время имела, как говорится, неосторожность ступить на отцовскую стезю: начала писать прозу. Это сам Анатолий Степанович и рассказал мне об Отрадной, когда позвонил однажды в редакцию «русской советской прозы», которой я тогда заведовал в издательстве «Советский писатель», и по-дружески попросил самому прочитать дочкину рукопись и честно сказать: стоит ли с ней «соваться» в большую литературу?

Я прочитал, решил – стоит, пытался, как мог, Наталье подсобить…

Но не такая уж русская и не совсем советская «проза», несмотря на благорасположение «заведующего», по-прежнему Дон встречала в штыки, по-прежнему… «Русская Вандея», чего там!

Наташа всё видела и все понимала, но в голосе её, когда теперь позвонил, тем не менее слышался, слышался холодок…

– Если он шестилетним мальчиком пел в церковном хоре в Москве, – начала почти строго. – Если часто об этом и очень тепло вспоминал, когда с папой встречались… то, как вы думаете?!

И не оставлявший сомнений как бы поучительный, даже слегка высокомерный, пожалуй, тон её прозвучал для меня не земною – небесной музыкой…

Потому-то однажды я решился.

В Союзе писателей России шла встреча с «героями Шолохова», как было объявлено, и с его родственниками… Может, у меня такая «планида» – запаздывать?

Когда пришел туда, каждый из гостей был окружен плотным кольцом почитателей Михаила Александровича. Кого-то видел впервые, зато других – в основном чиновников из правления Союза «на Комсомольском» – знал слишком хорошо, и задавать вопрос, не только для меня сокровенный, при этих литературных завсегдатаях, только и ждущих банкета в конце каждого подобного торжества, очень мне не хотелось.

Переходил от кружка к кружку и мучился, а потом вдруг пришло: да в чем дело?

Попрошу сейчас слова у начавшего вести вечер Юрия Серафимовича Мелентьева, самого, пожалуй, приличного из непотопляемых этих функционеров, недавнего ещё министра культуры СССР: перед первым Большим кругом Союза казаков России звонил ему, просил помочь с общежитием для тех, кто приедет из провинции – отозвался он очень горячо. Попрошу слова и прямо так и начну: почему никогда не говорим о главном? О православной вере Михаила Александровича, которой, несмотря ни на что, он не изменил, о явной Божией помощи ему… как там встарь? «Не мне, не мне, но имени Твоему…» Уж он ли это не понимал?

И я все тянул и тянул руку, но министр, как и разведчик, видимо: и в отставке продолжает тянуть профессиональную лямку…

Явно подбадривая меня взглядом, Юрий Серафимович четко давал очередное «слово» исходя из «табели о рангах», а может, – согласно заранее заготовленному списку, и они там один за другим подолгу толкли и толкли воду в ступе.

А во мне вдруг опять будто сдетонировал заряд, вызванный давним теперь, предавним взрывом снаряда в руках у донского казака на секретном том полигоне под Москвой...

Волной подняло из кресла, толкнуло к двери, распахнуло створки…

– Куда ты?! – посочувствовал мне в спину Мелентьев. – Хотел дать слово первому атаману…

Но я уже осторожно прикрыл дверь.

…Участковый милиционер, к которому я забрел в один из своих походов по бывшей казачьей слободе, тогда, в 90-ом, оказался сибирским немцем, мы по душам разговорились, и он вдруг тряхнул ладошкой, рывком поднялся из-за стола:

– Чего уж!.. Скажу вам правду: вы опоздали. Все, что там было или что ещё можно освободить, уже расхватали: что под магазин, что – под офис. Что вы хотите: центр Москвы. Вот только при церкви…

Достал из сейфа ключи, позвал за собой, и мы с ним долго ходили по длинному, с высокими потолками, просторному зданию рядом с храмом: потом уже я узнал, что устроитель церкви, богатый купец, выговорил себе право полвека занимать этот дом под собственное жилье, и только после он должен был отойти под нужды причта.

– Вот и займете тут одну из комнат под ваше правление, или как там оно у вас, – советовал мне добрый человек, которому я, как всякий казачок-хвастун, само собой успел рассказать: когда-то уже давно теперь сподобился, мол, написать роман о «ментах» – «Пашка, моя милиция», за что получил от министра МВД и грамоту, и почетный знак «Отличника»…

Но не это, не это наверняка произвело на него столь выгодное для меня благотворное влияние – скорее всего откровенный рассказ о живших в Кузбассе, высланных в Сибирь в начале войны «морозоустойчивых» немцах, со многими из которых был не только хорошо знаком – крепко дружил.

И молоденький участковый распахивал передо мной одну дверь за другой:

– Посмотрите, какое богатство, посмотрите! И никто пока сюда…

– Вы уж, и правда, никому не показывайте! – попросил я не только на дружеской – прямо-таки на братской ноте.

И точно также, как сказал бы мой старый товарищ, хирург Витя Райх, неоднократный герой моих сибирских писаний, новый доброжелатель мой, построжав лицом, чуть не с оттенком обиды произнес:

– За кого вы меня?..

Но вовсе не желание «расширить жилплощадь» атаманского правления Московского землячества казаков за счет будущего церковного прихода заставило меня обивать пороги Патриархии в Чистом переулке – вовсе не оно, нет.

Время это, как многое, запомнилось мне отрывочно, но некоторые детали до сих пор помнятся ну, до того ярко!

Нынче отец Матвей (Стаднюк) – настоятель церкви Богоявления, которая чуть ли не больше известна в Москве как никогда не закрывавшаяся Елоховская: старая интеллигенция шла туда послушать её великолепный хор, с которым пели и знаменитый в ту пору «бас» Пирогов, народный артист, и всеобщий любимец «тенор» Козловский… Думаешь задним числом: а, может, многие из москвичей на самом-то деле шли туда не только для того, чтобы усладить свой слух – шли помолиться?

Но в то, о котором речь, время отец Матвей исполнял в Патриархии некие обязанности, которые включали в себя и решение о передаче церкви Успения Богородицы мирянам.

Для начала он и раз, и другой вернул все принесенные мной прошения, потому что они якобы не так были составлены, потом, когда я привел их в должный порядок, последовал другой этап:

– Для Господа едино, будут ли ходить в храм Божий кавалеристы, о которых вы так печетесь, или другие верующие, – негромко наставлял меня отец Матвей, и я невольно прикладывал ладони к груди:

– Не кавалеристы, батюшка, – казаки! Эта церковь всегда принадлежала казакам, жившим в слободе рядом. Ведь недаром и стоит она на углу переулка, который называется 1-й Казачий. А там есть ещё и 2-й Казачий, и третий…

Но в следующий мой приход отец Матвей снова упрямо называл казаков «кавалеристами»…

Может быть, из-за своего украинского происхождения он испытывал некую антипатию к казакам и для этого были свои невольные причины, как говорится?

За несколько лет перед этим, в Польше, я впервые услышал о живущих там потомках «коронных» казаков. Дело было в Гайнувке под Белостоком, где мне помогли, наконец, найти могилу Василия Карповича Карпенко, мужа родной сестры бабушки по материнской линии, моей крестной, – одним словом, деда, хоть и не кровного, воевавшего в «казачьих частях» и погибшего за год до конца войны, в марте 44-го…

После того, как на братском кладбище в центре городка положил на его могилу цветы, с корреспондентом «Правды» Олегом Лосото, помогавшим мне в поисках, и с партийным секретарем Белостокского воеводства – стыдно мне, стыдно, что фамилия его затерялась в записной книжке и в моем рассказе «Славянский ответ» он был назван потом только по имени, Миколай, – так вот, зашли с ними в православный храм заказать молебен о упокоении души раба божия Василия и поставить свечу, а после, когда вместе залюбовались несколько необычной красотою церкви снаружи, Олег вдруг сказал мне:

– На архитектурном конкурсе, который проходил тут несколько лет назад, этот проект был назван лучшим и получил престижную премию. Но ты ви-дишь первую и последнюю церковь, которую по нему построили. Православные иерархи решили больше таких не возводить…

Конечно, я удивился: мол, почему? Слишком дорого?

Лосото кивнул в мою сторону и дружески подмигнул Миколаю:

– Объяснить ему?

И Миколай рассмеялся:

– Можно, можно!..

Выпито нами вместе было уже достаточно, отношения позволяли, и Олег заговорил прямым текстом:

– Не то, что слишком дорого, нет… Она имеет явно современную, скажем, – европеизированную форму и такую церковь и легче у православных отобрать, и проще потом под костел приспособить…

– Отбирают? – спросил я. – Католики?

– То так! – сочувственно подтвердил Миколай. – Так.

– Надо его познакомить с поэтом Виктором…

И снова мне приходится извиняться…

В одной из статей обо мне, опубликованных в преддверии «круглой даты», 70, майкопская журналистка Валерия Ломешина, человек творческий и с фантазией, написала, что география моих творческих интересов – Северный Кавказ, Москва, юг Западной Сибири – напоминает старинный адыгский стол на трех ножках, анэ, который перед гостем ставят и нынче – теперь уж, правда, больше ради экзотики… Но при нынешнем, всё усложняющемся в России быте невольное продолжение скифских традиций обходится всё дороже: не только в смысле материальном. На три дома, считай, разбросаны нужные бумаги, на три дома разложены настольные книги – при характере, явно отличном от натуры записных архивариусов, где тут уследить за порядком!

Только и помнится, что фамилия польского коллеги – на «эс»…

– Хороший поэт? – спросил я у Лосото.

– Это само собой, но дело не в этом, – стал объяснять Олег. – Он коронный казак и теперь возглавляет комитет, который отстаивает православные церкви, не дает их захватывать…

– А что значит «коронный казак»?

– Когда Хмельницкий договорился с Москвой, часть его казаков осталась

верными польской короне…

Сжатыми кулаками Миколай потряс возле груди:

– Кревь казацка и польска кревь… о, то серьёзные люди!

– Представляешь, каково ему теперь, Виктору? – продолжал Олег. – Да и не только ему. Им всем.

– И много их, коронных казаков?

Лосото не без грусти улыбнулся:

– Не так много. Но ведь Миколай сказал: люди особенные.

– Твердо, твердо! – поспешил поддержать Миколай.

– Представляешь, как у них душа рвётся?

Я только руками разводил:

– Да-а, слушай! А я ведь и не знал о них. О коронных казаках…

Лосото опять грустно улыбнулся:

– Я тоже сперва не знал.

Невольно вспоминая тот наш разговор в Гайнувке под Белостоком, я потом думал: мало ли!.. Может, у отца Матвея – свои, прошу простить, заморочки. Что там ни говори – «западенец»! И это так или иначе припоминается о Хмельницком – шевченковский стих: «Богдане, Богдане! Неразумный ты сыну! Зачем москалям продал Украину?»

Однажды в зимнюю пору опаздывал к назначенному отцом Матвеем часу, уже на уголке Пречистенки и Чистого переулка поскользнулся на припорошенной снегом наледи под водосточной трубой, упал на правую руку, которая почти всегда была без перчатки, носил её по привычке в левой, и хорошенько раскровянил себе ладонь.

Приводить себя в порядок – безнадежно опоздать, и я на ходу то носовой платок к руке прикладывал, а то потом кровь слизывал и всё мчался и мчался. Прибежал тютелька в тютельку, небольшая очередь, зная порядки отца Матвея, понимающе меня пропустила.

В очередной раз вроде бы незаметно слизнул кровь – отец Матвей спиной ко мне уходил к столу. Но вот обернулся и скучно так, почти тоскливо сказал:

– Опять вы!.. А я ведь уже сказал, что для Господа едино: или остальные миряне, или – ваши кавалеристы.

И я – «взрослый дядька», казачий атаман – неожиданно для себя горько заплакал и быстро пошел к двери...

Вскорости в Патриархии я вдруг узнал, что отец Матвей Стаднюк – близкий родственник писателя Стаднюка, автора широко известного романа «Война»… да только ли, только ли!

Стаднюк тогда ещё оставался секретарём Союза писателей СССР, и я понесся к нему как на крыльях.

– Иван Фотиевич! – по сыновьи просительно начал ещё от порога. – Только вы сможете помочь, только – вы!

Рассказать тут ещё одну маленькую историю?

В начале семидесятых на Рижском взморье, в доме творчества в Дубултах мы познакомились с поэтом Григорием Поженяном и настолько сошлись, что в душевных разговорах между нами не стало запретных тем, и как-то Григорий Михайлович – Гриня, Гриша, Григор – в своей несколько экзальтированной манере, чуть не на громком крике, заговорил:

– Да, папа у меня армянин, а мама еврейка, но у меня есть и русская мама, ты это знаешь, которая спасла меня во время войны. Я фронтовик, что ты хочешь, а это каста особая. С Иваном Стаднюком мы – идеологические противники. Но оба – фронтовики. Считай, окопники. И я никогда не продам Ивана. И твердо знаю, что он меня тоже никогда не продаст!

Лет через десяток я оказался в одном купе с Иваном Фотиевичем: в мягком вагоне ехали на Дни литературы в Кузбассе. На столике лежал свежий номер «Огонька», я попросил у Стаднюка, с которым только что познакомились, разрешения полистать журнал, первым делом наткнулся вдруг на большую подборку грининых стихов и простосердечно воскликнул:

– О, как хорошо!.. Анатолий Владимирович чуть не на разворот Поженяна дал!

Иван Фотиевич молча пошевелил губами, как будто что разжевал, потом на особенной какой-то ноте негромко сказал:

– Софронов – фронтовик. А фронтовики люди особые. Мы с Поженяном поразному думаем. О многом, скажу… Но он фронтовик. И я его никогда не сдам. Как и он меня…

Братцы, братцы!..

Или – отцы?

Отцы наши!..

Как же мы все вместе сдали страну?!

Может, они теперь уже *оттуда,*

с горних высей, потихоньку наблюдают за нами за всеми, снова договорившись…

Но как быть нам?

Терпеливо ждать, пока не присоединимся к ним?

Моему поколению осталось уже недолго.

А детям нашим и внукам?

Но мы сейчас о другом…

Опять долго жевал тогда губами Иван Фотиевич. И глаза его были печальны, и, казалось, само широкоскулое лицо было скорбно.

– Это хорошее дело – казаки, – сказал. – Ты держись. Молодцы вы!.. Да только вот что: помочь тебе ничем не смогу.

– Уверили, что родня, – пришлось мне вздохнуть.

– Что правда, то правда, – и чуть горько, но вместе с тем как бы уже гордясь и своим характером, Иван Фотиевич продолжил. – Только он из всех наших Стаднюков… не скажу, самый вредный. Но самый несговорчивый, это точно. Бывает, себе перечит, и правда. И только сам с собой и может договориться – мы все это знаем, и никто его никогда ни о чем не просит. Слово тебе даю: бесполезно.

Потом уже, когда моя «разведка» в Патриархии стала работать ещё тоньше, ещё тщательней, доброжелатели из священников потихоньку сообщили «подпольную кличку» отца Матвея: то ли «тянульщик», то ли «резинщик» – как-то так, теперь уж не помню… да и зачем о добром человеке, зачем это помнить.

Поднаучили меня и строению речи в беседах с ним: знаю, мол, как это не-просто, понимаю, каких усилий вам стоит, вовсе не тороплю, да что вы – сколько угодно готов спокойно и терпеливо ждать.

– Ваши бумаги на подписи у Святейшего, – сказал он, наконец. – Ещё чуть-чуть обождите, ещё чуть…

И я потерял было бдительность:

– Недельку-две?

Отец Матвей внимательно посмотрел на меня и еле слышно сказал:

– Два-три месяца.

И я поехал на Кубань, «до черкесов»: то, что не брошу начатый накануне перевод адыгейского романа как бы входило с моей стороны в условия «атаманства»…

О, это непростое занятие!..

Начиная с того, что само это слово – «перевести» – автор и переводчик уже толкуют по-разному.

Подстрочный перевод небольшой повести моего адыгейского кунака был так небрежен, а вся «фактура» её на фоне стремительных перемен в России и на Кавказе так безнадежно устарела, что мне ничего больше не оставалось, как крепенько надо всем этим поразмышлять и написать роман – а как же, само собою уже роман, – заново.

Легко, однако, сказать.

Даже это маленькое предложеньице, конечно же, с головой выдает во мне застарелого сибиряка. Ну, да ведь не самое ли это интересное в нашем деле: *сопромат,* который я никогда как предмет не изучал, но всю, так получилось, сознательную жизнь, преодолением *сопротивления материала* занимался, и это всегда было самое, какое только может быть для настоящего профессионала, увлекательное, непреодолимо увлекательное занятие. Тем более такого щедрого и благодатного по природе и такого трагического из-за поворотов народной судьбы материала, как история адыгов… Братья!

Даст ли мне Господь время высказать вам все благодарные слова за все то, что мне за это время открылось и чему самые благожелательные из вас и самые мудрые меня научили?

Ведь всю жизнь мы только учимся говорить правду: разве это не так?

Куда деваться: «Сказание о Железном Волке» из материала заказчика, суконным языком выражаясь, выковано было, образно говоря, конечно же, на нашем мастеровом, чумазом Запсибе, но вовсе не кунак, совсем теперь от гордости раздувшийся, был настоящим его *давальщиком*: все вы, кто одалживал мне редкие книги или что-то удивительное, почти фантастическое, рассказывал; все вы, с кем часами расхаживал по аллеям санатория «Кавказ», где подолгу тогда работал, собирал в лесу мелкую грушу-дичку или в два кулака яблоки в заброшенных, посреди уремного леса, черкесских садах; с кем сидел за беседой у пастушеского костра в горах под Фиштом или на скамеечке в парке над Белой – спасибо вам, мудрые адыгейцы, спасибо, достойные черкешенки!

Всем, всем.

Но снова мы отвлеклись…

Вернувшись в Москву, я сразу же

позвонил отцу Матвею, и по тону его, каким он сказал, что через три дня я смогу забрать у него подписанное Святейшим свидетельство о передаче церкви Успения Божией матери казакам, понял, что оно уже лежит у него на столе.

Положил трубку, и во мне вдруг возникло странное и счастливое ощущение чего-то сокровенного, объединившего вдруг времена и судьбы, в том числе – и мою собственную… Ощущение это с благодарностью помню до сих пор. С безмолвной печалью улыбался, а в голове проносилось: ну, вот, мол, вот!.. Богородица и это управила, с возвращением казакам когда-то посвященной Ей церкви. И Шолохову, Михаилу Александровичу, почти мальчишке тогда, конечно же, именно Она помогла поднять щит духовный над бедным своим народом, всё погибавшим от снарядов, которые продолжали взрываться в руках у него на истерзанной недругами, и нами самими, простодырами, нашей грешной земле…

2009–2010, Майкоп

Н.П. Смирнов

Отрадная – край мельниц и пуганых мельников

(Из воспоминаний о 1930-х гг.)

Я хочу написать о моей родной станице Отрадной, где я родился и вырос, но прожил всего-навсего 21 год, после чего «меня расстали с ней на всю жизнь». Но до сего дня у меня только светлые воспоминания о том времени.

Много лет назад учениками Отрадненской средней школы на так называемой площади станицы был разбит парк. В центре была еще не закрытая очень красивая отрадненская церковь, с большим позолоченным куполом в окружении четырех малых куполов по краям, высокой колокольней, устремленной ввысь своим конусом. Золотые кресты с цепями сияли на солнце и были видны издалека. До 1931 года церковь стояла в самом центре площади станицы и являла собой именно украшение площади.

Парка еще как такового не было. С южной стороны площади был лишь небольшой бульвар в пять рядов деревьев. В посадке нового парка в 1930 году, за оградой церкви, за её алтарём, в числе учащихся нашей школы (которая находилась слева от памятника 100-летию станицы) принимал участие и я. Высаженные нами ряды саженцев теперь превратились в толстые вековые деревья, украшающие современный парк. Тогда же перед центральными воротами в ограде церкви, перед входом, мы, будущие комсомольцы-энтузиасты, со старшими активистами и футболистами разбили стадион. С одной стороны сделали несколько рядов скамеек, напротив церкви, перед входом в ограду, на котором играли день и ночь в футбол. Часто возникали разговоры: верующим этот футбол не нравился – прямо напротив храма. Выходящим из двора церкви после службы людям приходилось обходить футбольное поле, где «бесилися», как говорили старушки, «черти бесштанные», «бессовестные антихристы». Старушки проклинали нас. Но эти проклятия на футболистов никак не действовали, некоторые из них старались иной раз попасть мячом в какую-нибудь старушку, что было самым настоящим хулиганством. Но мы считали, что этими выходками мы, как воинствующие атеисты, принимали активное участие в «антирелигиозной кампании», «генеральной линии», а сама идея разбивки стадиона напротив центрального входа действующей церкви была как бы утверждением нашей правоты в «борьбе с опиумом для народа». Так в то время нас воспитывал комсомол, а мы были фанатиками того времени.

После закрытия церкви купол сняли и убрали колокольню. Теперь здесь был кинотеатр, а на месте стадиона продолжили посадку деревьев и получился сплошной парк.

Давнишняя традиция отрадненцев ходить на гору, любоваться станицей с высоты птичьего полета, до сих пор всеми свято соблюдается, несмотря на то, что многие видели её уже сотни раз. Я сам, когда через восемнадцать лет разлуки оказался в Отрадной, первое, что сделал, – так это пошел на гору.

Мне еще мой отец рассказывал, как они в молодости со своими друзьями всегда ходили на эту гору, чтобы полюбоваться прекрасным видом станицы, что зафиксировано на одной фотографии времен 1910 или 1912 года (эта фотография находится в музее Отрадной). И став взрослым, уже со своей компанией, очень часто ходил туда. Последний раз был в 1990 году, когда приезжал в Отрадную, и видел все тот же висячий мост,

и на том же месте возле моста роща. А правый берег – высокая гора, под которой бежит Уруп. Не очень далеко от этой рощи, ниже по течению Урупа, была первая отвод – протока части русла реки через сады к водяной (без мотора) мукомольной мельнице Сорокина, которая работала только до зимы. Муки делалось много; станица большая и был большой привоз зерна с хуторов. Мельница славилась качеством муки, быстротой помола и невысокой платой за помол. Успешно работала мельница до самых морозов, пока позволял уровень воды.

Ниже по течению был второй отвод – протока, тоже через сады станичников в небольшую рощу хозяина мельницы Мальцева, в два раза больше сорокинской, двухэтажной, с большим широким деревянным колесом десяти метров в диаметре, на лопасти которого вода попадала внизу, под колесом, под небольшим уклоном, для увеличения силы. В этих протоках на всем их протяжении летом все купались.

Мальцевская мельница работала круглый год. Она была престижнее других мельниц. Ее оборудование и «вальцы» позволяли молоть муку высших сортов, из которой выпекали куличи ко дню великого праздника Святой Пасхи.

Перед мельницей была довольно обширная площадь, мощенная булыжником, на которой всегда в очереди на помол стояли обозы с мешками зерна. Люди жили и спали под бричками, варили на кострах еду, поэтому возле мельницы всегда было шумно и весело. Через площадь, напротив, за хорошим высоким забором, стоял хозяйский дом – большой и красивый, с хозяйственными постройками и жильем для работников. Перед самым домом был цветник и небольшой сад фруктовых деревьев, в тени которых стояла дачная плетёная мебель, и всегда были какие-нибудь гости. Кроме мельницы у хозяев было большое стадо коров, в горах – отара овец, в степи – большая пасека и по-над Урупом – большущий фруктовый сад.

Хозяйкой была сестра моей матери, тетя Полина, потом ставшая Сазоновой, женой хозяина второго в Отрадной маслозавода. Её первый муж Мальцев умер в 1918 году, простудившись, когда делал прудку по отводу Урупа в протоку ранней весной.

Рядом с двором Мальцева углами сходились заборы, за которыми было хозяйство Медведева – хозяина пивного завода, который до сих пор цел и выпускает пиво. История этого завода интересна. В 1920 году, когда на Кубани кончилась война, хозяин пивзавода, не стал его разрушать. Даже заряженные солодом чаны и все запасы льда и ячменя хозяин завода предложил Красной Армии. Ну, вроде как подарил. Взамен этого попросил для себя и жены только маленький флигелек – домик, возле большого хозяйского дома, который он также предложил командованию. Начальство воинской части посчитало этот факт заслуживающим внимания, приняло этот дар от Медведева, выдало ему «бумагу» – вроде как охранную грамоту. Медведева потом никто не трогал, его сын впоследствии был призван в ряды Красной Армии, отслужил, потом работал в торговле и умер в 1975 году в Симферополе. Сам Медведев с женой тихо и мирно прожили в том флигельке до смерти. Две дочери вышли замуж за младших братьев моей матери, которые работали на мельнице у Мальцева до тех дней (1929 год), когда тетку мою раскулачили, отобрали мельницу и дом.

Еще ниже по течению, среди садов протоки от мальцевской мельницы, недалеко от берега, был второй пивзавод хозяина Гржибова. Хозяин завода имел в то время собственный автомобиль, в войну его не трогали, сам он не убегал от красных, во времена НЭПа процветал со своим пивзаводом, разъезжал по Отрадной на своем автомобиле, посещал ресторан (кстати сказать, тогда в Отрадной был отличный ресторан с музыкой, которая представлялась двумя хорошими ресторанными баянистами. Один из них играл на баяне, с ножными басами – специальная установка одних басов для ног: нажимая на педали с мехами ногами, баянист, играя руками, дополнял, усиливал аккомпанемент, его звучание, создавая иллюзию того, что вроде играл оркестр баянистов). При ликвидации НЭПа хозяин бежал на своем автомобиле. Завод закрыли, потом растащили. Ресторан закрыли и в его помещении и рядом с ним, в доме с подвалом, была отрадненская милиция. Во время войны, в 1943 году, она сгорела, на этом месте потом построили красивое двухэтажное здание райкома КПСС.

Еще ниже по течению, за большим мостом через Уруп, через фруктовые сады, была отвод-протока к еще двум водяным мельницам хозяев Тютюнникова и Чередниченко, которые конкурировали с мельницами Сорокина и Мальцева. Все эти хозяева были раскулачены в 1929–1930 годах. Я отлично помню всех их еще с 5-8-летнего возраста, когда был учеником школы и музыкантом струнного и духового оркестров.

Все они были заказчиками моего отца – лучшего портного Отрадной.

Сплошной массив фруктовых садов вдоль Урупа был довольно широк. Река подходила к самым садам. Этот массив был разделен на две половины протоками от Урупа к четырем водяным мельницам. Со временем Уруп смыл эти сады. Не стало и самих проток. После войны, в местах, где осталась часть садов, проложили новую улицу, которая теперь упирается в бывшую площадь напротив старого кладбища, рядом с которым находился маслозавод хозяина деда Замуры. Он был очень богат и очень скуп. Зимой и летом ходил в рыжих от времени, страшных от заплат сапогах, в таких же заплатанных и перемазанных маслом штанах, в черной промасленной куртке, в черном от сажи кожаном замусоленном картузе. Он был и хозяином и работником на своем заводе. Держал только одного рабочего – моториста на дизеле, а все остальное по выжимке подсолнечного масла делал сам. Был он в станице своеобразным пугалом. «Не плачь, а то дед Замура идет». Свою семью держал впроголодь. Его сын Шурка учился со мною в школе. Однажды, не вытерпев, сбежал из дома. В конце-концов, он попал в армавирскую тюрьму. Замура и его жена, после раскулачивания, во время голода 1932 года, умерли.

Про его богатства все знали, но никак не могли обнаружить захоронения ценностей. Во время войны завод был взорван.

На этой бывшей кладбищенской площади, которая была также и отличнейшим пастбищем для телят и свиней, построили потом камнерезную фабрику, и площади не стало. А раньше она отлично просматривалась с высоты горы, с которой была видна и ярмарочная площадь, раза в четыре больше кладбищенской, отделенная от центра второй речкой – Тегинь, за мостом которой и начиналась ярмарочная площадь. На этой площади проходили знаменитые ярмарки, которые длились по нескольку недель. Товар привозили со всего района и от соседей из Невинномысской, Урупской, Лабинской, Баталпашинской.

До войны на этой площади был один магазин и располагалось «Загот-зерно» с тремя-четырьмя сараями-ссыпками, посередине было место выпаса телят и гусей, а украшением этой площади была знаменитая паровая мельница Айвазова, так она называлась в отличие от водяных мельниц, потому что круглогодично были слышны «ухи – вухи» большого вертикального дизеля с огромным маховым колесом семь метров в диаметре, которое наполовину уходило в специальный разрез в полу – машинного зала, не очень быстро крутилось, нагоняя ветерок от вращения, защищено было барьером, чтобы никто не свалился случайно в его разрез.

С другой стороны этой ярмарочной площади был второй маслозавод – хозяина Сазонова (он-то и стал вторым мужем моей тетки). После раскулачивания они уехали в Абхазию, а на базе этого маслозавода сделали первую в Отрадной МТС.

Мельница Айвазова долгое время была настоящим украшением ярмарочной площади. Большое краснокирпичное трёхэтажное здание в два корпуса выделялось на фоне пустыря. После раскулачивания ее передали организованному в Армавире «Мельтресту», она долго работала как госпредприятие. Перед мельницей была обширная площадь, покрытая булыжником. Здесь очередь мукомольщиков была намного больше, чем у мальцевской мельницы, так же было людно и шумно.

Направо, на север, за мельницей, начиналось шоссе на Армавир, налево – шло шоссе на Спокойную. Это был самый оживленный перекресток. За пустырем, на север, стояла частная ссыпка из красного кирпича, которую почему-то называли магазин с ударением на вторую букву «а». Этот магазин после коллективизации разобрали на кирпичи, хотели построить в Отрадной Народный дом. Только после войны на том, заложенном еще в 1929/30 году, фундаменте, несколько переделанном, построили в станице гостиницу или промкомбинат, который функционирует и сейчас. Ярмарочная площадь после войны перестала существовать. На месте бывшего базара сделали павильон для сельхозвыставки. Бывшее «Заготзерно»

теперь застроилось, построили автовокзал, насадили аллеи деревьев, всю площадь-выгон застроили разными хозяйственными и другими постройками. Вместо одного магазина там стало их не меньше пяти.

В здании айвазовской мельницы расположена семенная лаборатория. И узнается это когда-то высокое краснокирпичное здание только по шоссе, круто поворачивающему на север.

На Отрадненской ярмарочной площади во время революционных праздников устраивались скачки, или соревнования казаков по всем видам конно-военного спорта. Это зрелище можно было наблюдать все годы до начала коллективизации, когда не стало ни хороших лошадей, ни настоящих казаков-джигитов: лошади были обобществлены в колхозное стадо, а самих казаков на север и в калмыцкие степи разогнали.

Во все времена на Кубани была одна трудноразрешимая проблема – проблема топлива. Печки в домах топили кто чем мог: шелухой от семечек или отходами от конопли (костра), собирали разный хворост, покупали солому, делали кизяки.

До войны почти половина станицы была из хат, исключение составляли несколько зданий школ, дом старой почты и райисполкома, который был в бывшем здании старого кредитного товарищества. Эти здания были кирпичные. Старый домик, бывший во времена моей пионерии, где мы дежурили как пионеры, избы-читальни, где после был райземотдел, затем райколхозсоюз, стал потом детской музыкальной школой (ныне школа искусств).

Уже ставший старым красивый парк (перекресток улиц Красной и Первомайской) с памятником 100-летию Отрадной украшает центр станицы. Красив и чист этот центр, и трудно даже представить себе, что когда-то здесь была, как говорят, тусовка для молодежи – знаменитый отрадненский бетон, так его тогда называли, – этот единственный на всю Отрадную кусочек бетонированного тротуара, где по вечерам толпилась отрадненская молодежь до киносеанса и после.

Массовой в те времена в Отрадной была художественная самодеятельность: хор, драмкружок, духовой оркестр. Я до сих пор помню фамилии некоторых руководителей оркестра: Г. Дмитриева, Кияшко, С. Ильина, Г. Еремина, братьев Помазовых, М. Вайцера, А. Баканова и др. Помню эстрадного самодеятельного артиста Н. Остроушко, который с большим успехом исполнял на сцене рассказы М. Зощенко и певца-баритона отрадненского жителя Савина. Из этих замечательных артистов вырос поистине талантливый человек, которого знают все в Отрадненском районе, – Ларион Сапрыкин.

В Отрадненском парке на Аллее Героев есть портреты семи Героев Советского Союза, среди них есть портрет Николая Сулина, которого я помню как активиста-комсомольца тридцатых годов. Он был известен всей Отрадной. И в какой еще станице Кубани есть аж семь Героев Советского Союза!

В конце своего повествования хочу просто от чувств, переполняющих мою душу, сказать: уж если хвалить кулику свое болото, то надо хвалить его до конца, что я и сделал.

Л.А. Соколова

Память и памятники

Исторические памятники, запечатлевая навеки образы великих людей, подсказывают живущим на земле идеалы, воздействуя на их эмоции, являются мощным средством воспитания.
В.А. Соловьев

Более полувека отделяет нас от даты кончины Вячеслава Матвеевича Ткачева (1885–1965) и 130 лет от даты его рождения, но память о его героической и трагической судьбе возвращает нас к отдельным событиям, связанным с именем кубанского казака – известного летчика периода Первой мировой войны, Георгиевского кавалера, главкома ВВС Юга России периода Гражданской войны, русского офицера, отказавшегося воевать на стороне немецких фашистов в годы Второй мировой войны и вернувшегося в 1944 г. на Родину, несмотря на неизбежность тюремного заключения для него – генерала Белой Армии.

Панихида у могилы летчика В.М. Ткачева. Краснодар. 2000 г.

В Государственном архиве Краснодарского края хранится личный фонд Вячеслава Матвеевича Ткачева (Р-1559, опись № 1, объём 89 единиц хранения). Многие краеведы, журналисты, писатели обращались к архивным документам фонда в процессе исследовательской работы. И только немногие из них знали о точном месте захоронения Вячеслава Матвеевича.

Осенью 1992 года в крайгосархив приехал из Москвы летчик-испытатель Александр Васильевич Махалин. В те годы еще не было ни сети Интернет, ни архивных сайтов, дающих информацию о составе фондов государственных архивов краев и областей. Он обратился в архив с целью найти могилу Вячеслава Матвеевича Ткачева.

В дирекции Славянского кладбища города Краснодара по регистрационной книге было установлено место захоронения: участок 2, квартал 1, ряд 2, могила № 82. Следуя указанным координатам, Александр Васильевич обнаружил металлическое надгробие с красной звездой на скромном пирамидальной формы железном памятнике. Кладбищенская табличка перед пирамидкой указывала, что это был памятник майору Советской армии К.К. Ткачеву, похороненному в 1970 году. И на табличке значился литерный № 82а. Надгробие было одно, но позади пирамидки почти вплотную прочно стоял православный металлический крест, выкрашенный такой же голубой краской, как и надгробие майора Ткачева К.К., возможно родственника Вячеслава Матвеевича Ткачева. В опавшей листве с большим трудом удалось найти другую табличку – с именем Вячеслава Матвеевича Ткачева и номером могилы 82 без литеры. Александр Васильевич был шокирован таким, как он выразился, «небрежением кубанцев» к захоронению своего земляка – прославленного казачьего летчика, совершившего в 1913 году на самолете «Ньюпор» перелёт из Киева в Екатеринодар, а затем в годы Первой мировой войны за боевую доблесть получившего Георгиевские награды, известного русского авиатора и настоящего патриота Родины… С этим возмущенным чувством, переполнявшем его, он пришел в Государственный архив Краснодарского края.

Новость о сохранившемся личном фонде летчика В.М. Ткачева сгладила неприязненные чувства москвича. А получив в читальном зале опись архивного фонда Р-1559 и затем несколько дел с рукописями В.М. Ткачева по истории русской авиации, он пришел в восторг, эмоции до слез переполнили закаленного и опытного летчика, он с огромной благодарностью к архивистам и нескрываемой болью (речь шла о невнимании кубанских казаков к могиле выдающегося авиатора) решительно сказал: «Я буду ездить в Краснодар до тех пор, пока не добьюсь достойной дани от наших современников памяти В.М. Ткачева».

В состав архивного фонда Р-1559 включены письма Александра Васильевича Махалина о предпринятых им усилиях, о хождении по кабинетам разного уровня чиновников, включая руководство ВВС России и Президента Адыгеи (в станице Келермесской, на малой родине В.М. Ткачева, ничем и никак не было отмечено имя выдающегося земляка). Особенно Александр Васильевич обеспокоился в середине 1995 года, когда ему довелось побывать на парижском авиасалоне. По давно установленному правилу он поехал на русское кладбище в Сент Женевьев де Буа под Парижем, чтобы поклониться могиле русского летчика Евгения Владимировича Руднева (1886–1945), одно время служившего помощником В.М. Ткачева. На месте могилы Руднева Александр Васильевич с ужасом обнаружил свежее захоронение русского писателя М., умершего 26 марта 1995 года в Париже. Из публикации в газете «Московский комсомолец» от 11 июня 1995 года он узнал, что свободных мест на кладбище в Сент Женевьев де Буа давно уже нет, и новых русских покойников погребают в могилы умерших 30-50 лет назад русских эмигрантов «первой волны». Тревога о сохранении могилы В.М. Ткачева заставила Александра

Васильевича активизировать свои действия. Он поднял всех, кому дорога еще была память о В.М. Ткачеве, и в Москве, и в Краснодаре.

Тяжелый перестроечный период имел и положительную сторону. Люди с сильным характером хоть и не надолго, но поверили в саму возможность демократии. В кабинеты высокого начальства можно было войти без предварительной записи. Да и хороших людей оказалось в то время достаточно в коридорах власти.

По краевому телевидению был показан сюжет, снятый на месте захоронения. Активно подключились к решению проблемы наши известные писатели и краеведы: Виталий Петрович Бардадым, Виктор Александрович Соловьев и Виктор Андреевич Жадан – преданные истории родной Кубани люди, ныне уже покойные, но заслужившие вечную память и бесконечную благодарность кубанцев за возвращение из архивных документов имен наших дедов и прадедов, за мужество и непоколебимую стойкость в защите памятников истории и культуры Кубани. Огромное значение имела поддержка патриота-писателя Виктора Ивановича Лихоносова – низкий поклон ему за безграничную любовь к русской старине и российской истории и многие ему лета и успехов в творчестве! Откликнулись певец-педагог, председатель Русской общины Кубани Вадим Вадимович Евдокимов и писатель Иван Николаевич Бойко. Спохватились, разумеется, и казаки. Промашка вышла, но ведь только с 1990 года кубанское казачество стало возрождаться и ещё какое-то время было в зачаточном состоянии…

Тем не менее, старт был дан достаточно стремительный. К 1995 году был сделан заказ на изготовление скульптурного памятника, но в силу различных обстоятельств достойный памятник на восстановленной могиле был открыт только к 115-летию со дня рождения Вячеслава Матвеевича Ткачева в 2000 году. Новое достойное надгробие было установлено рядом и Константину Константиновичу Ткачеву.

В разное время летчик-генерал русской авиации В.М. Ткачев и майор Советской армии К.К. Ткачев были бесстрашными защитниками Отечества и оставались верными раз и навсегда принесённой присяге. Родная кубанская земля не делит своих сынов на белых, красных и зеленых. «Из земли создахомся и в тую же пойдем…», – пел в заупокойных молитвах над могилами Ткачевых протоиерей Алексей Касатиков. И молились вместе с ним об упокоении усопших со свечами в руках кубанские казаки, кубанские поэты и москвич Александр Васильевич Махалин.

Летчик-испытатель Махалин исполнил свой долг памяти перед летчиком Ткачевым, которого считал образцом офицерской чести, русского патриотизма и выдающимся авиатором. Земляки-кубанцы сумели, не обидев «вечных соседей генерала русской авиации», сохранить могилу В.М. Ткачева и спасти свою честь.

Немного раньше, за год до открытия памятника В.М. Ткачеву на Славянском кладбище, была открыта мемориальная доска на фасаде дома № 82 по улице Шаумяна (ныне Рашпилевской) в городе Краснодаре, где в полуподвальной комнатушке с 1959 по 1965 год жил старый, но несгибаемый генерал. Здесь продолжал он работать над книгой, с надеждой оставить потомкам достоверные сведения по истории русской авиации. Уже на склоне лет в переписке со своей любимой женой он отказался уехать к ней во Францию. Все надеялся получить в Краснодаре квартиру с удобствами и привезти домой свою Дину, чтобы вместе быть до конца жизни. Не получилось…

В день торжественного открытия мемориальной доски 23 сентября 1999 года шесть истребителей в плотном строю выполнили над Краснодаром фигуры высшего пилотажа, а на тротуаре возле дома с мемориальной доской в числе почетных гостей принимал воздушный парад главком ВВС России генерал-полковник Дейнекин. Звучал гимн России, грянул оружейный салют…

И.И. Буряк

Долгая дорога к дому

Корни. Университеты

Алексей Николаевич Жигайлов родился 25 января 1936 года в городе Карачаевске Ставропольского края. В страшный 1933 год его семью – бабушку и деда Виноградовых и Жигайловых-старших спасли от голодной смерти кунаки-карачаевцы. В ущелье Учкулан они нашли работу. Дед стал машинистом паровой машины. Со своих

горных огородов и пастбищ, карачаевцы, отрывая от себя, выделяли нехитрые продукты переселенцам.

Фотожурналист А.Н. Жигайлов

В зимнюю стужу беременную Ольгу Сергеевну Жигайлову доставили в родильный дом Микоян-Шахара (первое название Карачаевска). В распадке кавказских гор, у слияния Теберды с Кубанью, будущий фоторепортёр пронзительным голосом впервые заявил о себе.

Вскоре после рождения А.Жигайлова на серебряном руднике случилась авария: в чреве паровика сгорела труба. Остановились все работы. Директор пообещал смельчаку дополнительный отпуск. Дед Алексея в меховых одеждах устранил поломку, но схватил жёсткое воспаление лёгких. После его похорон все Жигайловы вернулись в родную станицу Передовую.

Отец, Жигайлов Николай Петрович, на второй день войны был призван на фронт. В начале 1942 года погиб в боях за Москву.

Мать, оставшаяся с четырьмя малолетними детьми и престарелой бабушкой, работала колхозной кухаркой. Голод и холод постоянно гуляли в её турлучной хате. У порога стояли шахтерские чуни – одна пара калош на всю семью для выхода на улицу. Нищета долгие годы длинным шлейфом плелась за осиротевшими Жигайловыми…

В 1952 году Алексею исполнилось 16 лет. Колхозный бригадир объявил его матери, что её сыну пора бросать учёбу, пришла пора колхозной работы – быть чабаном. Это заявление резко изменило судьбу А.Жигайлова. Получив паспорт, он устроился буровым рабочим в Урупскую геологическую партию.

В 1953 году поступил в Краснодарскую спецшколу ВВС № 12. Учился в ней в 8 и 9 классах, был в составе комитета комсомола, ротным запевалой, правофланговым, помощником командира взвода. В 1955 году было объявлено о сокращении Вооруженных сил СССР. Спецшколы авиационной и артиллерийской направленности ликвидировали, курсантов отправили в родительские дома.

Десятый класс А. Жигайлов закончил в 1956 году в станице Передовой. Лето закончилось тремя экзаменационными сессиями. Алексей сдавал экзамены в трёх учебных заведениях. Выбрал учёбу на географическом факультете МГУ. В доме студента на Ленинских горах обосновался на семнадцатом этаже. По утрам из жилой комнаты наблюдал восходы солнца над Москвой. Первые выезды на учебную практику в Подмосковье озадачили начинающего географа. Хотелось общения с толпами народа, быть там, где проходят главные события.

Казачья кровь горяча. Взял академический отпуск. И в новом 57-м, как пелось студентами-комсомольцами, «несмотря на потасовку, он достал себе путевку», – не на Канары, конечно, а в шахтерский забой, в Донбасс. Очередной взрыв метана. Временный запрет на работу под землёй. Стал воспитателем рабочих в общежитии. Позже – возвращение в университет и перевод на журфак.

Призвание – семья

Студенческие будни – это не только лекции, семинары, диспуты и тусовки. Это время первой любви. Неизвестные вчера люди вдруг становятся половинками друг друга. Незнакомка из подмосковной Вереи, студентка пищевого института, встречала с подругой Новый год на Ленинских горах. Рядом жил Алексей. Гостья университета надолго задержалась в доме студента. В новогоднюю ночь 2008 года Алексей и Эльвира отметят свою золотую свадьбу.

Первенец Эдуард родился у них на 2-м курсе, дочь Людмила – на последнем. Студенческий бюджет постоянно трещал. Днём Алексей учился, а по ночам разгружал

вагоны или спускался к метростроевцам в подземелье. В то время пробивали тоннель Ленгоры – Университет. Отец мало уделял внимания сыну. Эдуард протестовал: в детсаде устраивал разборки с аспирантскими наследниками.

На выходе из шахты после ночной смены Алексей сделал свой первый эксклюзивный снимок: лоси у МГУ. Солидный гонорар московской прессы прекратил его ночные работы. Созрело твердое решение идти дорогой газетного репортёра.

Удачный старт был взят в 1961 году. В МГУ открыли Интернациональный студенческий театр (ИСТ).

Задолго до премьеры А. Жигайлов отснял на фотоплёнку национальные сценические программы 30 стран. Предложил снимки редакциям. Так его авторские фотографии заполонили страницы «Известий», «Комсомольской правды», «Огонька», «Смены», «Советского Союза», «Юности», «Советской женщины». Информационные каналы ТАСС и АПН передали театральные снимки зарубежным читателям.

Алексей первые газетные материалы делал в учебных аудиториях, на спортивных площадках, во время массовых гуляний, в знаменитом Актовом зале МГУ, в который приезжали мировые знаменитости на встречи со студентами.

Героями съемок начинающего фоторепортёра стали первые космонавты планеты – Юрий Гагарин, Герман Титов, Никита Хрущев с членами Политбюро на трибуне Мавзолея, вождь Кубинской революции Фидель Кастро, президенты Индонезии и Мали: Сукарно и Мобидо Кейта, ректор МГУ Иван Петровский, лауреат Нобелевской премии Нильс Бор и Лев Ландау.

«Террорист» у Мавзолея

В двух шагах от Кремля, на тогдашней улице 25 Октября, в то первое космическое лето 1961 года находилась фотослужба ТАСС. Жигайлова здесь уже достаточно хорошо знали, и проходить практику журфак направил его сюда. Здесь он изведал и горечь журналистской ошибки, и радость удачи.

Тем летом на Волге, уже навсегда изменившей очертания берегов, у города, который весь мир узнал как Сталинград, вступила в строй гигантская ГЭС. На фоне плотины соорудили скульптурную группу строителей станции. Собкор Фотохроники ТАСС Николай Суровцев прислал фотографию монумента, не назвав его автора. Юному практиканту Жигайлову предстояло его выяснить. Милые дамы из союзной редакции объяснили, что это можно сделать по телефону. Увы, телефон оказался «испорченным»! Наутро две центральные газеты вышли с внушительного размера тассовскими снимками монумента, ошибочно называя его автором Е. Вучетича. До сих пор ясно звучит в памяти Жигайлова голос руководителя Фотохроники Николая Кузовкина:

– Как же вы подвели меня, Алёша!..

А 15 августа Москва принимала космонавта № 2 – Германа Титова. Из фотохроники, обойдя ГУМ, инициативный Алексей попал на бурлящую Красную площадь с Гагариным, Титовым и членами Политбюро на Мавзолее. Извлёк солидный телевик (F = 300 мм) и навскидку, через площадь, успел дважды «нажать». Съёмку прекратил солидный подзатыльник охраны. Плёнка пролежала 45 лет. И пригодилась.

На распутье

Начав журналистскую стажировку в фотослужбе ТАСС, Жигайлов возвратится сюда через четверть века уже матёрым фотографическим волком в 80-х-начале 90-х. А в студенческую пору «бури и натиска» Алексей штурмовал сразу несколько вершин: агентства, журналы, газеты. Вместе с молодыми Геннадием Копосовым и Львом Шерстенниковым приглянулся он известному фотомастеру из «Огонька» Семёну Фридлянду. Но не имел солидной прописки. Без нее работу в Москве не давали.

Тогда всё перевесило сотрудничество с мощно стартовавшим в начале 60-х Агентством печати «Новости» с его 45 журналами, 10 газетами, собственным издательством, телевизионной студией и фирменным дайджестом «Спутник». Коллектив из семи тысяч советских и зарубежных сотрудников украшали многие яркие фотографические имена. На 10 лет увлекла выпускника МГУ мощная орбита АПН: 5 лет – по Сибири, 5 лет –по Северному Кавказу.

Сибирь, какая она?

В 1964 г. Правление Агентством печати « Новости» выдало Жигайлову А.Н. удостоверение собственного фотокорреспондента АПН по Сибири. Город Новосибирск

на 5 лет стал местом его жительства. Служебные командировки от Ямала до Алтая. В этот год страна сменила лидера. Политбюро возглавил Л.И.Брежнев. Творческая работа в Сибири была жизненной удачей. Это была судьба. Она проверяла начинающего журналиста.

XX столетие взорвало прежний мир экранами кино и телевидения. Чудеса кибернетики визуально сближали народы континентов. Печатная пресса вынуждена была сокращать свои словесные изыски, уступать место иллюстрациям. Жигайлов в студенческие годы интуитивно почувствовал общественную «жажду снимка». В своих курсовых и дипломных работах обозначил закономерности создания жанров – газетной фотоиллюстрации и журнального фотоочерка. В Сибири стал исполнителем собственной теории.

В Академическом городке ему предстояло ещё и другое, когда пригодилась и физика, и математика, и школа, и геофак. Без всего этого там было делать нечего. Объем служебной работы был такой, что коллега, литературный корреспондент, всё чаще и чаще говорил:

– Иди и пиши!

Алексей писал и делал снимки. Он оказался в эпицентре освоения природных богатств, которые восхищали человечество. Начинал с того, что много слушал и молчал, пытаясь понять суть сибирских преобразований. А через пару лет, фотографируя очередных гостей, мог при необходимости, как заправский сотрудник, рассказать о проблематике многих НИИ, задавать корректные вопросы докторам наук.

Все полезные ископаемые, которые держат Россию – нефть, газ, уголь, водные ресурсы, никель, золото и алмазы – добывают сибиряки. Несметные богатства не дают покоя мировому сообществу. Интеллектуальным вызовом Западу стал стремительно построенный в 1959 году Академический городок Сибирского отделения АН ССР. Он вырос на берегу Оби вблизи Новосибирска. Более половины академических институтов отделения разместили в Золотой долине. Из обжитых районов страны сюда одновременно переехали более 15 тысяч семей учёных: академиков, докторов наук, рвущихся в научные баталии молодых светил.

Новые научные коллективы включились в исследовательскую работу. Ежегодно стали выставлять для использования в народном хозяйстве до 200 эксклюзивных технологических разработок. Союзные министерства строили вблизи Академгородка новые проектные институты, КБ, СКБ, ОКБ.

Возникла проблема поиска квалифицированных специалистов, понимающих язык академиков и директоров заводов. На просторах всей Сибири и Дальнего Востока ученые искали талантливых школьников. В Золотой долине (месторасположения Академгородка) открыли физико-математическую школу-интернат. Родители отправляли в них своих чад на поиск жизненного счастья. Детвору учили кандидаты наук и академики. Председатель Сибирского отделения АН СССР Михаил Лаврентьев лично возглавил поиск молодой смены. На летних каникулах он собирал мальчишек, чтобы они защищали свои фантастические проекты. Местный университет заполонили победители зональных олимпиад. С третьего курса студенты половину своего рабочего времени проводили в научно-исследовательских лабораториях. Получая диплом, они чётко вписывались в обойму новых рабочих мест, как в НИИ, так и на опытных производствах. Академики-новосёлы потрясали своими открытиями. Назовём только трёх фотогероев Жигайлова.

Академик Михаил Лаврентьев

Почти двадцать лет Сибирское отделение АН СССР возглавлял второй по масштабу (после Игоря Курчатова) организатор отечественной науки, «отец» нашей вычислительной техники, вице-президент АН СССР Михаил Лаврентьев. В институте гидродинамики вместе с членом-корреспондентом АН СССР Богданом Войцеховским он решал проблему укрощения взрыва, управления его энергией. В Академгородке взрывчатка сваривала несовместимые металлы. Учёные передали промышленникам новый вид гидромолота, способного без токарно-фрезерной обработки штамповать суперсложные детали для отечественного машиностроения.

На одном из снимков А.Н. Жигайлов запечатлел историческую встречу президента Франции генерала Шарля де Голля с Михаилом Лаврентьевым. Рукопожатием они подтвердили будущие совместные проекты учёных России и Франции.

Академик Герш Будкер

В личном сейфе арестованного Берия нашли досье на Герша Будкера. Талантливого исследователя от репрессий спас Игорь Курчатов. Академик Будкер создал Новосибирский институт ядерной физики. Он поселился в Академгородке со всем своим штатом, ранее работавшим в Москве. Труды физиков Сибири многосторонни: новые методы ускорения элементарных частиц, термоядерный синтез, изучение частиц-пришельцев из космоса.

В Новосибирске впервые в мире зажгли в лаборатории искусственное солнце-плазму с фантастической температурой – 100 миллионов градусов. За её стенами работал ускоритель со встречными пучками элементарных частиц. Будкер «добыл» новую физическую субстанцию-античастицу. Взглянуть на неё потянулись коронованные особы, президенты стран и великие учёные. Ядерщики Академгородка будили мировое сознание.

Академик Андрей Трофимук

Академик Андрей Трофимук стал научной легендой во время фронтового лихолетия, когда в Предуралье открыл башкирскую нефть. Он был абсолютно убеждён, что за Уральским хребтом её запасов больше. Исследуя нефтегазоносный океан Западной Сибири, он указал конкретные места её поиска. Полвека назад на берегу таёжной речки Конда ударил первый сибирский фонтан жидкого топлива. Древняя Югра подарила геологам более 100 месторождений. Нынче Россия приближается к ежегодной добычи полумиллиарда тонн сибирской нефти.

А. Трофимук предрёк более богатые запасы нефтегазоносного сырья далее к востоку – между Енисеем и Леной.

Работавший фоторепортёром в западносибирском регионе, Алексей Жигайлов стал свидетелем строительства новых автодорог и железнодорожных путей. Среди тайги и гнилых болот. Чахлые причалы на Оби и ее притоках Шаим, Мегион, Сургут, Уренгой, Усть-Балык, Самотлор превращались в красивые города. От транссибирской железнодорожной магистрали из Новосибирска по Оби шли бесконечной чередой баржи, груженные трубами, сборными домами, вездеходами, бурильными установками, подъёмными кранами. А. Трофимук сдвинул топливный баланс планеты.

В Академгородке кипели гражданские страсти. В 30 клубах постоянно проходили встречи и диспуты самых продвинутых интеллектуалов. Возглавил подобную работу знаменитый клуб «Под интегралом». На берегах Оби собирались известные барды и те люди, кого позже назовут борцами за права человека. В их числе бывал здесь и певец Александр Галич. Тусовки часто продолжались на квартирах учёных.

Один заокеанский гость как-то сказал: «У нас-самая демократичная страна. Но почему самые демократичные лаборатории оказались в Академгородке?» Ответ прост: наука, как и любое творчество-дитя демократии. Она предопределяет общественное пробуждение. Хрущёвская оттепель и ее демократические преобразования начались в сибирских просторах.

Дорога к дому

Заняла она полвека. В 1969-м – назначение в Краснодар собкором АПН по Северному Кавказу – в родные края. Впереди была вторая «пятилетка» в АПН и годичная «экскурсия» в «Правду»; десять лет предстояло отдать в Москве спецкору в издательствах «Плакат» и «Космос»; три года – «Известиям» и, наконец, с 1987-го – снова фотослужба в ТАСС.

Первой памятной съёмкой на Кубани стала совместная работа с тассовским фотокором Евгением Шулеповым. Накануне полёта «кубанского казака» Виктора Горбатко собрали коллеги родню космонавта у его сестры и матери – и вся большая семья с восторгом наблюдала 12 октября 1969 года первый кубанский прорыв в космос. Ну, чем не репортаж в журнале «Америка» – семьи астронавтов смотрят высадку на Луну…

Люди особенные уникальны умом, хозяйской хваткой, хитринкой, редкой смекалкой. Созидая, они увлекают за собой других, вместе и сообща делают замечательные дела. На Кубани Алексей Николаевич мчался к тем, кто давал наивысшие урожаи, преображал свои станицы и посёлки. Родная земля вдохновила его на творчество. По информационным каналам он постоянно отправлял свои репортажи зарубежным читателям. Был участником зональных фотовыставок. Охотно иллюстрировал календари и книги. Темы выстраивались в запоминающийся калейдоскоп. Вот

идёт рубка деревьев, растущих на скалах. Вертолёт трелюет длинные хлысты. Сбрасывает их на поляне у реки. Чабан на травянистом берегу горной речки находит скелет кита. Зенитные и ракетные батареи расстреливают градовые облака. Репортёр караулит на лесной опушке переселенцев – пятнистых оленей. Ломает себе голову как на служебную фотоплёнку снять загадочное кирлиановское свечение живой материи. Все земляки от рядового до прославленного академика были под прицелом» его телеобъективов.

Кубань бурлила подобно Сибири. Шло освоение плавней целины. Трудились 30 тысяч людей. Крупнейшая строительная организация «Главкубаньрисстрой» досрочно в 1972 году перекрыла реку Кубань. Родилось Краснодарское водохранилище. Был создан запас воды для питания 215 тысяч гектаров рисовых систем. Новые гидросооружения защитили от наводнений более полумиллиона гектаров используемых угодий. В сельскохозяйственный оборот вошли десятки тысяч гектаров новых земель. Лозунги приобретали реальные очертания: ежегодный кубанский каравай приближался к 10 миллионам тонн зерна. В 1980 году было собрано 1 миллион тонн риса. Алексей Жигайлов был там, где происходили главные события.

После Второй мировой войны противостояние двух мировых цивилизаций – США и СССР шло и на земле, и в космосе, в материальном, и в духе. Огромную известность Алексею Жигайлову принесли съемки по мотивам международного проекта «Род человеческий», в котором приняли участие все звёзды мирового фоторепортажа, в том числе легендарный фотограф Роберт Капа (основатель Международного центра фотографии (ICP) в Нью-Йорке и один и создателей французского фотоагентства «Magnum»).

Защищая честь своей Родины, Алексей Николаевич успешно вступил в спор с прославленным американцем, который показал русский народ в образе крестьянки с серпом в руках. В США уборку зерна ведут крупные отряды комбайнов. На Кубани, перенасыщенной сельскохозяйственной техникой, это воспринималось вдвойне обидно. «Ответ Чемберлену» последовал немедленно. Весь мир обошли по каналам АПН вертолётные снимки А. Жигайлова «Жатва на Кубани». Два отряда – полтора десятка «Нив» и «Колосов» утюжили колхозные поля. Геометрия убранных рядков доказала, что кубанцы обошли по урожайности США, «переплюнули» зарубежную культуру земледелия. Снимок украсил первую обложку юбилейной книги «Сельское хозяйство СССР».

Пройдет 17 лет после первого старта кубанского космонавта. Фоторепортёр А. Жигайлов за это время войдет в обойму его друзей. Они вместе сделают еще один шаг к родительскому дому, к малой родине, к реабилитированному, наконец, сегодня российскому патриотизму.

В августе 1986 года одна тысяча земляков, покинувших в разные годы станицу Передовую, собрались на родине в едином для всех отпуске. Гости откликнулись на письма детей из школы, которую окончили. Алексей Жигайлов и его одноклассники Анатолий Рязанцев, Альберт Швырев, Василий Слащев, Иван Воронцов, Борис Выродов стали организаторами клуба земляков «Отчизна». Станица в годы войны приютила 128 детей из блокадного Ленинграда и спасла жизнь 19 еврейским детям, оставшимся в немецко-фашистской оккупации.

Через два месяца после знаменитой летней встречи передовцев лётчик-космонавт СССР В.В. Горбатко впервые приехал вместе с Алексеем Жигайловым в Отрадненский район. В райцентре высокому гостю вручили ленту «Почётный гражданин Отрадненского района». В станице Передовой Виктора Васильевича встречала многотысячная толпа местных жителей. Его именем назвали новую улицу. Колхозные пчеловоды вручили космонавту подарок – спаренный улей с работающими пчёлами. В.Горбатко стал Почетным представителем станичного клуба земляков «Отчизна».

После этих встреч первый кубанский космонавт трижды принимал в Звёздном городке станичные делегации. Сам ещё пять раз навещал станицу.

Завязалось тесное общение с Балтийским судостроительным заводом. Рабочие с Невы опекали Смоленский детский дом, занесённый ветрами войны в ту станицу. Известный русский писатель и публицист Гарий Немченко продюссировал три телевизионных фильма о событиях в Передовой и районе, показал их по Центральному телевидению.

Казачество возрождается

Как и земляческий патриотизм, долго оставалась под спудом энергия казачества. Сегодня решены ещё не все казачьи вопросы. Слышны усмешки о «ряженом казачестве». В наши дни мужчина, надевая казачью форму с лампасами, по сути, этой формой поднимает казачий флаг. Он ищет братьев по духу. У Жигайлова ручеек родовой казачьей крови уходит вглубь времени уже на 350 лет. Кубань, тихий Дон с Хопром в Запорожье. В 1649 году при Богдане Хмельницком служил Иван Жигайло в Переяславском полку – в тех самых местах, где через пять лет запорожцы присягнули на верность Московскому царю.

Но не за генеалогическую древность Алексей Николаевич попал в словник энциклопедии «Казачество» и в книгу «Казачество-щит Отечества». Его портрет размещён в ней наравне с атаманами казачьих войск. Многие годы творческих усилий А.Н.Жигайлов посвятил учреждённой в Москве в 1990 году общественной организации «Союз казаков России». Трижды в «Окнах ТАСС» он выставлял казачьи фотографии. Тема постоянно пользовалась успехом в редакциях московских и зарубежных журналов. Прошли авторские фотовыставки «Казачество возрождается». Центральные и местные газеты широко публиковали казачьи снимки.

В 1997 году Алексей Николаевич в составе походной станицы столичных казаков побывал в Белоруссии, Польше, Чехии, Австрии, Германии, Ираке и Иордании. Поездку по центру Европы совершил в казачьей форме. Такое право он получил как фотокорреспондент «Союза казаков». В его членском билете сказано, что А.Н. Жигайлов имеет чин войскового старшины. Награжден почетным знаком «За возрождение казачества», медалями «10 лет Союза казаков», «Атаман Платов», «Алексей–человек Божий». Газета «Правда» назвала Жигайлова певцом казачьего движения. Газета «Тассовец» назвала его ведущим летописцем казачьего возрождения среди тассовских фоторепортеров.

Монстры Каспийского моря

Уже на кромке века в стенах тассовской фотослужбы А.Н.Жигайлов, как и подобает маэстро фотожурналистики, «пробил» и осуществил две(снабдив вторую профессиональным комментарием) воистину эксклюзивные съёмки. На первой – уничтожение (по ОСВ-2) наших самолетов-носителей ядерного оружия. Вторая серия снимков – с Каспия.

В период холодной войны американский спутник – шпион заснял на Каспийском море передвижение некоего гигантского объекта-военного «Лохнесского чудовища». Это была конструкторская модель будущего ракетоносца «Лунь» – 100-метрового экраноплана с взлётным весом 500 тонн. С крейсерской скоростью 650 км/час, идущего с метра над водой (неуловимо для радаров) при шторме 4-5 баллов и способного перелететь гидроплотины и другие крупные объекты. В разработке таких аппаратов США отставали от нас на 10-15 лет.

В 1993 г. в Россию прибыла группа из 20 заокеанских экспертов-специалистов, которым, по выражению Б.Н. Ельцина, «у нас было что показать». Они хотели получить ответы на технический вопросник из 200 пунктов и посмотреть экраноплан в движении. Им был показан «младший брат» «Луня» – десантный экраноплан «Орлёнок». Снимал эту акцию только тассовский фотокор А. Жигайлов.

После отъезда американцев, в США сбежала группа инженеров специального конструкторского бюро «Суда на подводных крыльях». Недаром лидер делегации Бёрт Рутан при встрече в Нижнем Новгороде в кабинете губернатора "наставил рога" Борису Чубикову – генеральному директору этого СКБ. Вскоре Сенат США выделил 15 млрд долл. (ежегодно) на подобную программу. Сейчас США располагают экранопланом более чем в 10 раз мощнее российских. После посещения президентом В.В. Путиным военных учений на Каспии эту российскую и мировую программу намечено значительно расширить.

Вера жива делом

Алексей Николаевич не состоял в коммунистической партии, не держал в храме свечку. Но для него дорога к храму, как и дорога к дому, начиналась с уважения. Уважения к прошлому, которое «принадлежит Богу». Уважения к труду колхозницы-матери и воинскому подвигу отца, отдавшему жизнь за родину, как миллионы партийных и беспартийных, верующих и

неверующих. Уважения к ушедшим дедам и прадедам.

Станица Передовая на берегу Урупа (приток Кубани) когда-то была передовой казачьей заставой. Разрушилась хата под соломенной крышей, где подрастали два брата и сестра Алексея. В гражданскую войну сожгли дом одного деда, а дом другого деда стал гостиницей, библиотекой, кинотеатром – с хозяином расправилось ОГПУ, семерых дочек разогнали.

Заглянем в стоящий рядом дом, в котором Алексей Николаевич устраивает своё новое родовое гнездо. Исколесив Россию и десятки зарубежных стран, он пенсионером вернулся в родовую станицу. На собственном подворье открыл фотовыставку «Дорога к дому». Это его отчет перед земляками – по каким дорогам шел, что видел, что чувствовал… на ней побывали тысячи людей. Её посещал космонавт В.В. Горбатко, писатель В.И. Лихоносов, историк-кавказовед, доктор исторических наук В.А. Кузнецов, руководители края, депутаты, студенты, школьники, священники, археологи. Гости Кубани, журналисты неоднократно проводили выездные творческие семинары. Выставочные работы наполнены положительной энергией. Образные решения сюжета духовно подпитывают зрителя, несут в себе большой эмоциональный заряд. Вокруг просторного дома А. Жигайлов навесил крышу под прозрачным шифером. Возвёл своеобразный выставочный павильон. Посадил редкие эксклюзивные деревья, газоны и цветники. Нашел место казачьему куреню, сеновалу и плавательному бассейну. Этим летом под вишнями взметнулась к небу четырехметровая часовня во имя Святого апостола Андрея Первозванного. Почему здесь?

Православная церковь России до 1917 года делала очень много, чтобы сохранить христианские святыни на Кавказе. Атеистическое воспитание скрывало такую информацию. Близкое знакомство с кубанскими краеведами, историками и археологами дало новые знания. Алексей Николаевич опубликовал в журнале «Родная Кубань» статью «Забытая христианская цивилизация».

Чувство восторга и удивления вызвало то, что Андрей Первозванный посещал родные места. Это стало главным импульсом творчества. Вместе с земляком, художником Ильей Карповым, Алексей Николаевич нашел спонсоров, получили разрешения, подобрали строительные материалы. Новостройка состоялась.

Теперь авторы показывают свое творение гостям станицы. Часовня красиво вписалась в природный ландшафт. Над крестообразной купелью (баптистерием) с родниковой водой возвышается огромная свеча, внутри которой пластически изображены лик Божьей матери с Богомладенцем и в полный рост-первый ученик Христа. Мозаика выполнена в традициях византийской иконографии. Над строением возвышаются позолоченный купол и крест. Церковный уголок тематически дополнил фотовыставку. Среди ее работ демонстрируются снимки христианских древностей. Главный из них – Лик Христа. Его съемка – самое знаменательное событие в духовной жизни Алексея Николаевича. В 2000 году ему стало известно о чудесном Лике Христа, обнаруженном высоко на скалах в Карачаево-Черкесии. Трехметровый Лик весьма схож с изображением лица на Туринской плащанице – и совершенно идентичен изображению Спасителя на одной из величайших христианских реликвий – Эдесском убрусе (плат, платок), хранившимся долго в Константинополе и ставшем известным как Спас Нерукотворный.

Поднявшись на горы с источниками, А. Жигайлов сфотографировал Лик. Знаток Византии, доцент Сергей Малахов (Армавир), прокомментировал находку. «Московский Комсомолец» опубликовал изложение материала. Тут же это сообщение повторили каналы телевидения. Множество православных паломников немедленно устремились к величайшей находке. Дорогу им указал фоторепортер.

По мнению хозяина, в регионе хорошие перспективы не только у православного туризма. Если в Геленджике внимание отдыхающих со всего побережья привлекают три дольмена, то в соседнем Мостовском районе на Малой Лабе их около тысячи!

В центре Кубани на рубеже XIX–XX веков обрели мировую известность многочисленные раскопки скифских курганных погребений – знаменитое «золото скифов», прославившие имя археолога Н.И. Веселовского.

25 августа 1982 года газета «Советская Россия» опубликовала фотоматериал Э. Жигайлова – младшего о фантастической

находке в Адыгее. Лемех тракторного плуга поднял из земли метровый бронзовый котел, внутри которого находилась 76-сантиметровая золотая скульптура оленя с серебряными рогами и изваяние кабана.

Интереснейшие возможности для «супертуризма» XXI века с его техническими возможностями (подводные смотровые галереи, подлодки, акваланги) хранят около Темрюка ушедшие под воду после природной катастрофы греческие города и поселения с развалинами храмов Боспорского царства.

Станичники Передовой уверены, что со временем обретут широкую известность пять целебных источников в её окрестностях.

Когда первый раз в столице Белой Олимпиады была выдвинута кандидатура Сочи, вертолетная съемка города и будущих олимпийских угодий в Красной поляне, выполненная тассовцем А.Жигайловым, обошла многие издания мира (октябрь 1990 г). Он первым среди кубанцев своим делом проголосовал за будущую зимнюю Олимпиаду.

Сегодня энтузиасты и подвижники края стремятся согласовать новые туристические перспективы Кубани с масштабными проектами Федеральной программы. У Черного моря развернулась невиданная олимпийская стройка. Ежегодно 15 миллионов россиян штурмуют морское побережье. Здесь можно хорошо отдохнуть. Власти с трудом справляются с колоссальной нагрузкой. Соседствующие с морем предгорья могут превратиться в разгрузочные туристические анклавы. В горах нужны подъездные дороги и современная инфраструктура. На арену выдвигается транзитный турист. Он с удовольствием часть отдыха проведет в девственных лесах и нетронутых ущельях, поднимется на альпийские нагорья, спустится в пещеры и с горными и студеными водами придет к морю.

После Олимпиады 2014 года жаждущие впечатлений сибиряки, уральцы и волжане поставят вопрос о строительстве с Урала в низовья Волги через Северный Кавказ новых железнодорожных путей и автострад. Международное автомобильное кольцо вокруг Черного моря откроет им дорогу как в Европу, так и в азиатские страны. Транзитный туризм станет главным двигателем местного сельскохозяйственного производства Алексей Николаевич голосует за федеральные дороги, чтобы они проходили мимо его дома к большой цивилизации. Фотовыставка "Дорога к дому" ждет новых зрителей.

Казаки покоряют Москву

Пару лет назад родилось ее дочернее продолжение. В Москве, впервые за 160-летнюю историю русской фотографии Манеж покорила династия кубанских фотокорреспондентов. В Центральном выставочном зале после громких выступлений российских маэстро изобразительного искусства Коненкова, Эрзи, Ильи Глазунова, Александра Шилова, Зураба Церетели огромную выставочную площадь отдали потомкам кубанских казаков Алексею и Эдуарду Жигайловым. Они демонстрировали фотовыставку «Backinthe USSR».

Отец – ветеран главных пропагандистских организаций Советского Союза, сын-один из ярких фотокоров «Правды». В 250-сюжетной панораме семейный дуэт показал историю триумфа и падения СССР (1961–1991) – от Гагарина до Горбачева. Зафиксировали и «восхождения на престол» Ельцина. Жигайловы взяли с недавних газетных и журнальных полос ещё «кипящие сгустки общественной жизни» и подарили им «жизненную вечность» в фотоискусстве.

Поздравляя успешных выпускников, профессор МГУ, декан факультета журналистики Я.Н.Засурский подчеркнул, что лично вручал именитой семье пять дипломов: в 1964 году – Алексею Николаевичу. И еще два – журналистам центральной прессы: Татьяне Хорошиловой и Ирине Назаровой – их невесткам. Он подвел в Манеже итог мастер-класса для сопровождавших студентов:

– Поблагодарим Алексея Николаевича и Эдуарда Алексеевича за великолепный урок истории. Счастье, что они реализовали себя в творчестве. Это памятник XX веку и искусству фотографии. Это и учебник для наших студентов.

И.Г. Подсвиров

Рыцари ушедшей эпохи

Общеизвестно, что русская классика, начиная с произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, а затем советская литература оказали мощное

влияние на развитие ряда национальных культур и литератур народов Кавказа, в том числе и казачьей литературы, вобравшей в себя уникальный опыт межнационального общения. Не будь этого, мы бы не имели созвездия таких имён, как Коста Хетагуров, Илья Сургучёв, Расул Гамзатов, Кайсын Кулиев, Алим Кешоков, Давид Кугультинов, Абдуллах Охтов, Фазиль Абдулжалилов, Бемурза Тхайцухов, Виктор Лихоносов, Гарий Немченко. Обнаружилось и небывалое доселе явление: на равных правах с мужской славной когортой выступили в разных жанрах и горянки – Раиса Ахматова, Фазу Алиева, Халимат Байрамукова, Лейла Бекизова, Кельдыхан Кумратова и многие другие, всех не перечислить.

Роль толкователей и переводчиков произведений национальной литературы приняли на себя лучшие русские прозаики, поэты и критики, благодаря чему она вышла на арену не только России и союзных республик СССР, но и зарубежных стран. Это был подлинный расцвет художественного творчества, плодотворного взаимообогащения культур. С распадом Советского Союза многие связи оборвались, средства массовой информации, литературные журналы и альманахи оказались в замкнутом пространстве или в руках отдельных эгоистических группировок, что отнюдь не способствует объективному выявлению и пропаганде одарённых авторов. Они есть, но малоизвестны широкому читателю, вынуждены задыхаться в условиях территориальной, языковой и национально-клановой ограниченности.

Недавно я прочёл сборник повестей и рассказов писателей Северного Кавказа «Дорога домой», изданный в Москве Фондом социально-экономических и интеллектуальных программ в конце 2011 года. Этот сборник составил и любовно выпестовал известный прозаик и публицист Гарий Немченко. Отбор сделан настолько профессионально и строго, что в нём нет ничего лишнего, случайного. Представлены произведения, разные по темам и уровню философско-художественного осмысления, но составляющие единое целое. В сборнике звучат романтические, грустные и трагические, порой невыносимо-жёсткие ноты современного и прошлого бытия, органично вплетающиеся в объёмную картину. Главное достоинство рассказов – в любви к родине, вере в добрые начала человека, одухотворённого надеждой на лучшие времена. Несмотря на трагизм современного положения, книга пробуждает светлые чувства. Назову авторов этой удивительной симфонии: Иса Капаев (Карачаево-Черкесия), Гарий Немченко (Москва – Майкоп – Краснодар), Рамазан Хуажев (Адыгея), Светлана Макарова (г. Краснодар), Муса Ахмадов (г. Грозный), Эльдар Гуртуев (Кабардино-Балкария), Абдуселим Исмаилов (Дагестан), Евгений Листопадов (г. Нальчик), Аланка Уртати (г. Москва), Станислав Филиппов (г. Краснодар), Мадина Хакуашева (г. Нальчик).

Когда на презентации сборника «Дорога домой» в присутствии официальных лиц была высказана мысль о материальном награждении составителя и авторов, кто-то в шутку, а может, и всерьёз предложил поставить памятник Гарию Немченко в Майкопе, где он много лет жил и работал, или в станице Отрадной на Кубани, где родился. Я тоже выступил и сказал, что грустно будет видеть сидящего убеленного сединой и увенчанного славой Немченко у гранитного памятника себе с сумой нищего. Шутка обернулась весьма полезной дискуссией о назревшей необходимости морального и материального стимулирования тех литераторов, которые в творчестве и общественной деятельности стремятся возрождать лучшие традиции отечественной и мировой культуры.

Гарий Немченко являет собой пример бескорыстного и постоянного служения национальным литературам Кавказа, о чём свидетельствуют предыдущие подготовленные им сборники, а также его собственные книги «Газыри» (Майкоп, 2006), «Счастливая черкеска» (Владикавказ, 2008), «Вольный горец» (Майкоп, 2010), документальный роман «Бригадир» (г. Воронеж, 2011) и другие. В одной из книг он приводит афоризм А.С. Пушкина: «Переводчики – почтовые лошади просвещения». Гарий Леонтьевич чувствует и себя одной из таких выносливых «почтовых лошадей». Более того, он настолько вжился в дух черкесской, адыгской и осетинской жизни, что как-то обмолвился: иногда он, русский, осознает себя черкесом, в том понимании, в каком классики XIX века нередко называли все народы Кавказа черкесами, удивляясь их самобытности, отваге и смелости.

Талантливо и с блеском Немченко перевёл на русский язык два романа адыгского прозаика Юнуса Чуяко – «Сказание о Железном волке» и «Милосердие Чёрных гор, или Смерть за Чёрной речкой», получившего звание Народного писателя и Государственную премию России. По этому поводу выдающийся адыгский поэт Нальбий Куёк справедливо заметил, что Немченко «внёс весомый вклад в адыгскую литературу» и с недоумением воскликнул: «Но тогда почему не звучат в его честь фанфары, где номенклатура, которая просто обязана быть здесь и низко поклониться за отличную работу?» Поэт Адыгеи сам же и ответил на это: Гарий Немченко так и остался «седым мальчиком», не умеющим заботиться о себе и подобно былинному Микуле Селяниновичу «пеше идущим с котомкой за плечами… У Микулы в котомке – вся тяжесть земли. Микула хранит землю, а писатель – свет души человека. И веру в свой народ…» Присоединяюсь полностью к этим мудрым словам с одним лишь добавлением: Немченко к тому же существенно обогащает образы и стилистику текстов тех авторов, которым посчастливилось овладеть его вниманием и принять в свои «толмачи». По причине душевной и творческой щедрости писателя, запальчивого увлечения множеством собратьев по перу, к сожалению, его собственное литературное дело по достоинству не оценено. Хотя напомню, что рассказы Гария Немченко высоко ценили такие признанные русские прозаики и переводчики, как Юрий Казаков и Юрий Нагибин.

...Как-то незаметно неунывающему, вечно заботившемуся о благополучии кавказских национальных литератур Гарию (Гурию) Леонтьевичу Немченко исполнилось 80 лет. Мне кажется, он впервые оглянулся назад и пришёл в состояние некоторой творческой растерянности. Так многое ему удалось сделать, но ещё больше не сделано. А предательское время с космическим ускорением, с безразличием к человеческим заботам вдруг напомнило о юбилее, когда следует (и лучше бы раньше!) подводить если не окончательные, то строгие итоги.

Хранитель традиций, в частности, по кровному казачьему братству близкая родня с адыгским народом, он, помнится, однажды шутливо наставлял меня: «На тропе к вершине не иди впереди горца. Будь первым за чужим плечом». Сам же не всегда следовал этому мудрому адату (завету). Шагал впереди всех и вёл за собою соплеменников, считая любого живущего на Кавказе своим талантливым родственником. Во многие романы и сказания своих авторов Немченко вложил всю отзывчивую душу, её пламень и свет, личный жизненный опыт и познания. И, к сожалению, обделял себя возможными собственными ненаписанными сочинениями. А ведь он художник слова изумительный.

Правда, у Гария Немченко есть отрадное утешение: зато, говорит он, российская и зарубежная литература имеет возможность познакомиться с творчеством современных литераторов Кавказа. Он убеждён: «Бог всё видит, и каждое доброе слово, каждый добрый поступок навеки запечатлеваются в горних высях. И не важно, чьё поставлено имя».

Романтик и созидатель. Певец дружбы народов… Поздравляя с юбилеем, Гария (Гурия) Леонтьевича Немченко, пожелаем ему духовного и телесного здравия, вдохновенной работы за писательским столом. Будем ждать его новых книг!

Небесный свет любви к человеку несёт в своей чувствительной и отзывчивой душе и знаменитый русский писатель Виктор Иванович Лихоносов, живущий на Кубани. На заре литературной молодости он отправил в журнал «Новый мир» рассказ «Брянские», замеченный А.Т.Твардовским и тут же опубликованный в 1963 году. С той поры началось стремительное восхождение Лихоносова в большую литературу. По отзывам критики, его рассказы и повести отличаются свежестью восприятия и особой музыкальной тональностью. В различных издательствах одна за другой выходят книги: «Что-то будет» (1966), «Голоса в тишине» (1967), «На долгую память» (1969), «Люблю тебя светло» (1971), роман «Когда же мы встретимся?» (1978) и другие.

Этапным периодом в творчестве Лихоносова явился роман «Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж» (1986) – лирико-эпическое сказание о судьбе стародавнего казачества, ставшее литературным памятником Екатеринодару (Краснодару) и удостоенное Государственной премии. Будучи главным редактором литературно-исторического журнала «Кубань», писатель открывает новые имена и заодно упорно гранит свое самобытное слово. В последнее

время он опубликовал лирические «Записи перед сном» (этюды-воспоминания о современниках) и философско-историческое повествование «Через пятнадцать лет» о русской трагедии на Кубани.

В апреле 2011 года Виктору Ивановичу исполнилось 75 лет, и он поневоле ужаснулся: «Зачем я старый?!» Но слово и дух его по-прежнему молоды, искрятся неистраченной любовью к людям, окружающему миру и к прошлому страны.. Минуло ещё пять лет. К 80-летнему юбилею на родной земле следовало бы ознаменовать изданием собрания сочинений крупнейшего писателя современности, но опять та же чиновничья «номенклатура», о которой с грустной иронией говорил поэт Нальбий Куёк, проявила глухоту к запросам читателей. Странно. Выпускается множество рекламных, никому не нужных книг, красочно оформленных графоманских томов, на что находятся средства, а вот для Виктора Лихоносова и Гария Немченко денег нет.

И таково положение во многих местах. Например, в Карачаево-Черкесии земляки чтут выдающегося писателя черкесской литературы Абдуллаха Нашховича Охтова (1909–1971), автора классической повести «Камень Асият». Он родился в интернациональной семье: отец – черкес, мать – карачаевка. На его родине, в Хабезском районе, недавно был открыт ему памятник. Это замечательно. Но избранные произведения Охтова, с научной биографией и новыми серьезными комментариями, до сих пор не изданы.

И чего мы хотим от нынешней молодёжи? Она не знает настоящих творцов слова, в Интернете и по телевидению ей навязываются сомнительные «образцы» новомодных авторов типа Ерофеева и Устиновой, в то время как подлинная литература якобы не находит спроса. На мой взгляд, настала пора основательно заняться как прошлым художественным наследием, так и значительными накоплениями последних десятилетий, отсеять зерно от плевел и с помощью заинтересованных переводчиков, литературоведов, историков, истинных ценителей прекрасного дать дорогу как забытым, так и молодым талантам. Утраченные связи и традиции должны быть восстановлены. В этой связи нельзя не вспомнить исторические труды безвременно ушедшего из жизни Кази-Магомета Алиева. Исследуя в книге «В зоне «Эдельвейса» (Ставрополь, 2005) сложнейшие моменты истории, учёный и писатель строго придерживался принципа – «истина и только истина». И на этом пути добился всеобщего признания. Истинное и талантливое заслуживает всемерной поддержки государства, общественных организаций и меценатов.

Уместно вспомнить ещё двух замечательных писателей, уроженцев Северного Кавказа – Андрея Терентьевича Губина и Григория Анисимовича Федосеева, оставивших заметный след в нашей отечественной литературе. О встречах с ними и раздумьях об их творчестве я написал в книге «Первые и последние». Роман Губина «Молоко волчицы», впервые напечатанный в Ставрополе в 1967 году и потом неоднократно переиздаваемый при жизни автора в Москве и за рубежом, имел оглушительный успех у читателей. Это эпическое произведение охватывает события на протяжении почти двух веков, включая Гражданскую войну, коллективизацию и раскулачивание, Великую Отечественную войну, вплоть до шестидесятых годов минувшего столетия. Его действие завязывается в одной из терских станиц Предгорья – в Ессентукской, где родился автор. На фоне ледников и зубчатых скал Главного Кавказского Хребта, вознёсшего в небеса, в обитель богов, Шатгору – Эльбрус, “легендарную гробницу Прометея”, “серебряное седло кочующих облаков”... Здесь рождались, любили и умирали казаки, древнее и воинственное рыцарство, кровно породнившееся с соседними народами. Нелёгкая выпала им доля – охранять на кордонных линиях великое пространство между Каспийским и Чёрным морями, между Тереком и Кубанью.

Созданный с толстовским размахом (Губин боготворил Толстого), роман населён множеством действующих персонажей, включая горы, балки, реки, леса, овраги и степи, весь растительный и животный мир, окружающий казаков. Наряду с ними одухотворённая природа – не менее важное действующее лицо, в её разнообразии, бесконечных проявлениях. Единое целое – природу и человека разделить невозможно. В центре повествования судьба простого казака Глеба Есаулова, отчаянно защищающего право на жизнь и личное счастье. Писатель разъясняет: “Предлагаемый роман

в пейзажах не о битве рас и континентов, а о более длительном и грандиозном – о природе человека, о его “своей рубашке” – собственности, из которых высшая, бесценная – сама жизнь, рубашка-кожа, дыхание”.

Губин полагал, что для воплощения большинства творческих замыслов такому писателю, как он, “требуется долголетие”. Поэтому он уверял земляков, что собирается встретить “не только новый век и новое тысячелетие, но 2017 год, мне будет только 90, вполне реально”. В долголетии он видел залог исполнения творческих задач: ему хотелось проверить, так ли он описал в одном романе, пока неопубликованном, последствия поступков героев и к тому же узнать, куда попадут некоторые из них, – в ад или на небеса. Не больше и не меньше.

Написанные ранее вещи – романы, повести, поэмы, пьесы, киносценарии, которые он надеялся позже “отшлифовать”, довести до совершенства, отступали на задний план и больше не волновали его. Отшельника, интеллектуала, выпустившего в молодости книгу «Афина Паллада» о гениях мира – писателях, учёных, философах, увлекал, захватывал сам процесс писания, процесс творения. В опьянении вечно ускользающим, недостижимым идеалом Губин не заметил, как безвозвратно прошла его жизнь. На исправление, доработку, очищение рукописей от посторонних напластований и примесей не осталось ни дней, ни здоровья (а ведь наступила пора открытости, снявшая многие запреты!) И Андрей Терентьевич осознал свою ошибку: он не соизмерил человеческие возможности с движением Небесных Светил, не учёл разницы между своим и космическим бытиём. Он думал, что художник вечен, но это всего лишь иллюзия. Когда ему открылась истина, было уже поздно что-то менять.

Но он – поэт, а поэту свойственны заблуждения. Смолоду писатель был эпикуреец, величал себя «Одиссеем благородным». Он много путешествовал по миру, плавал на кораблях, влюблялся в красивых женщин. В нём бурлила гремучая смесь казачьей и французской крови. Дед его матери, выходец из Франции, в пушкинские времена воевал на Кавказе в составе русских войск, отличился при взятии Арзрума и поселился в терской станице. Поэтому писатель решил прибавить к своему литературному имени родовую фамилию: Андрей Тристан Губин. Исследуя родословную, он обнаружил, что в Атлантическом океане есть остров Тристан-да-Кунья и что бабку французского художника Гогена звали Флора Тристан. Но Андрей Терентьевич не кичился родословной.

Последний роман «Светское воспитание», по его же признанию, написан… электронной машиной в форме вымышленного жизнеописания – автомифологии и утерян возле краеведческого музея “профессором К.” По случайности рукопись найдена им, Андреем Губиным, который, будучи посредником, снимает с себя ответственность за содержание странного произведения. Разумеется, это художественный приём, рассчитанный на усыпление цензуры. Автор романа всё-таки не кто иной, как ироничный Андрей Терентьевич.

Чиновников от литературы встревожило, что писатель в философско-историческом, художественном осмыслении пошёл дальше своего первого романа «Молоко волчицы». Он опередил многих современников и развивался как художник мирового масштаба. В ту пору его новый роман мог встать рядом с лучшими произведениями отечественной и западной литературы. А значит – Губин покушался затмить некоторых официально признанных столичных мэтров.

Наследие Андрея Губина очень обширно. Неопубликованные и правленые рукописи, которые нужно собрать, ждут своего часа. Многое из архива разворовано или уничтожено, многое разбросано по разным адресам. И всё равно надо подумать о новом издании произведений писателя, с более тщательным отбором, научным редактированием и комментариями, с обстоятельной статьей о его жизни и творчестве.

Еще один, не менее знаменитый писатель – Григорий Анисимович Федосеев, родившийся на Верхней Кубани, в станице Кардоникской в 1898 году. Он заявил о себе в литературе в 1949 году публикацией записок «Мы идём по Восточному Саяну» в «Сибирских огнях». В этом журнале вышел и его роман «Смерть меня подождёт», а в журнале «Дон» в 1966 году – повесть «Злой дух Ямбуя». Свою исповедальную повесть «Последний костёр» писатель так и не увидел в печати. Она была опубликована уже после его смерти – в первом номере «Сибирских огней» за 1969 год и тогда же –

в «Роман-газете». Отдельной книгой повесть вышла в Москве в 1971 году. Книги писателя были известны и за рубежом – в Германии, Франции, Англии. В 1989-1990 годах издательство «Молодая гвардия» выпустило в свет собрание его сочинений в трёх томах. На этот раз Григорию Анисимовичу повезло (посмертно): его основные произведения успели выйти до краха и обнищания книжных издательств.

Молодость будущего писателя совпала с братоубийственной Гражданской войной на Кубани. Федосеев был свидетелем и участником трагических кавказских событий. Он вёл о них подробные дневниковые записи. Потом «завихрило» его, оторвало от станицы, как ольховый лист от ветки. Уход Федосеева из станицы положил начало его долгим скитаниям. За перевалами, по ту сторону ледников – в Абхазии и Грузии, затем в Муганской степи Азербайджана и в горах Армении ходил он в учениках с геологами. После учёбы в политехническом институте освоил специальность изыскателя и подался дальше. След его затерялся на востоке страны – в Саянах. Казалось, он вычеркнул из памяти, как страшный сон, как наваждение, события Гражданской войны. Старался не вспоминать ни друзей, ни врагов.

В 1963 году Григорий Анисимович получил печальное известие: на берегу Зеи, у непогашенного костра, погиб его друг эвенк Улукиткан. Он не смог выехать на похороны, но в 1964 году отправился в посёлок Бомнак и на могиле Улукиткана вместе с соратниками установил памятник, какие обычно сооружают геодезисты на горных вершинах. В смерти друга Григорий Анисимович увидел тайный знак. Надо было спешить, как можно скорее завершать намеченное. На одном дыхании в 1967 году он заканчивает лучшую свою повесть «Последний костёр», посвящённую памяти Улукиткана.

В повести поэтически воспроизведена жизнь человека тайги, одновременно счастливая и трагическая. Судьба Улукиткана – это и судьба Федосеева. По сути автор – духовный двойник мудрого эвенка, и порою трудно различить, где Федосеев рассказывает об Улукиткане, а где – о себе. Писатель несколько отступает от привычного для него дневникового повествования и обращается к иносказанию, к метафорическим средствам изображения. Создаётся обобщенная метафора-символ: история, рок и застигнутый неотвратимыми событиями человек (и в целом человечество) в период грозных потрясений. Вопрос о том, как уцелеть в обезумевшем мире и при этом не потерять человеческого достоинства, не превратиться в хищного зверя или в жалкую улитку, становится для героев Федосеева мерой жизни и смерти, доминантой их поведения.

Все названные мною писатели и их герои – это рыцари ушедшей эпохи и наших смутных дней. Сегодняшнее общество, на мой взгляд, испытывает острую потребность в благородных кавказских рыцарях и в Одиссеях, в «седых мальчиках», в лириках и мужественных героях, способных встать на защиту попранных чести и достоинства. Разуверившись во многом, люди, особенно молодёжь, нуждаются в нравственной опоре, и этой опорой может служить классическая и талантливая современная литература.

Г.Л. Немченко

Родное гнездо

Этюды о моих учителях

По длинному коридору бесшумно пронеслась ласточка, над ступеньками, ведущими на второй этаж, взмыла, и через несколько секунд опять уже появилась у нас за спиной, промчалась над головами у ребятишек, защебетала, снова шмыгнула в лестничный пролёт.

– Вырваться не может, бедняжка… Со знакомой мне с давних пор категоричностью, когда в голосе у него звучит строгость, а в карих глазах под крепкими надбровными дугами с косматыми бровями прячется еле заметная усмешка, он сказал:

– Может. Только не хочет.

– Почему?

– Потому, что она здесь живёт.

– В школе?

– Эту пристройку мы уже без тебя поставили? Без тебя. А, помнишь, сколько гнёзд было на старом торце? Наверно, помнишь. И пока строили, они тут лепились, и после... Хотели мы сперва что-либо придумать, а потом… Что ты с ними поделаешь? У них инстинкт. Они родились и выросли в этих гнёздах. Учились летать на этом месте, где теперь коридор…

А ласточка снова косо пронеслась над нашими головами, и теперь стремительный лёт её в затихшем после звонка школьном

коридоре показался мне исполненным какого-то особого смысла…

* * *

Как любопытно, оглядываясь на события прошедших лет, возвращаясь к полузабытым образам детства, замечать вдруг, что они, давно существующие теперь не сами по себе, а как бы только в нас, в нашей памяти, – как они странным образом изменяются, как по новому озаряет их время, как перемещает оно свет, и тени…

Мы тогда учились в шестом.

Был осенний вечер, холодный, с первым морозцем. Розовые и жёлтые хризантемы, которые поближе к зиме мама обычно пересаживала в глиняные горшки да в старые, с проржавевшим дном кастрюли, уже стояли рядком на полу. Чёрные стёкла веранды, отражавшие тихий свет керосиновой лампы, слегка запотели.

С другом моим Борисом Павловым мы «резались» в шахматы, сидели не дыша, табуреткой боялись скрипнуть, потому что было уже поздно, и в любую минуту мог вернуться из командировки и «разогнать» нас мой отец, в любой момент могла проснуться и выглянуть из комнаты мать...

Ох, эти, тайком отвоёванные у родителей ночные часы, в которых каждая секунда сопровождается двойным перестуком твоего сердца!..

– Ну, ходи, хватит!

– Тише ты!...

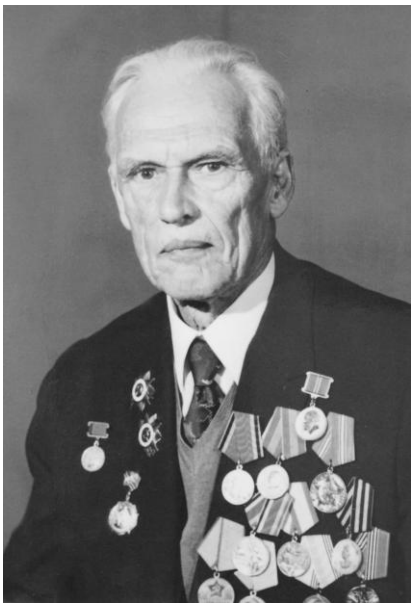
И вдруг властно скрипнула калитка, кто-то быстро пошёл под окнами, рванул дверь.

Мы оба замерли.

На пороге, запыхавшись, стоял Иван Фёдорович Садовенко, наш учитель русского языка.

Из-под куцей шубейки без рукавов выглядывали надетые на белую исподнюю рубаху подтяжки, обут он был в растоптанные опорки от валенок, в которых на босу ногу обычно ходил дома. В правой руке учитель держал огрызок красного карандаша, в искалеченных пальцах левой руки подрагивала раскрытая тетрадь.

Резко тряхнул головой, и смоляные с нередкой проседью волосы рассыпались, как всегда, как-то странно, рассыпались надвое, и одна половина чуба ещё как будто горбилась, а вторая косо упала набок — в такие минуты было похоже, что на голове у него сидит сизая птица с подбитым крылом.



Садовенко Иван Федорович,
заслуженный учитель РСФСР,
учитель русского языка и литературы
СШ № 1 в ст. Отрадной

– Что, разбойники, удобно устроились? В шахматишки поигрываем? Тут у него хватает внимания! А вот в классе написать «карусель» через «о»!.. Покажешь отцу, несчастный двоечник!

Рядом с шахматной доской шлёпнулась на стол моя исчёрканная красным тетрадь.

Снова хлопнула дверь.

И почти тут же, держась за сердце, с испуганными глазами на веранду заглядывает мама.

– О, Господи. Что случилось?

На дворе уже резко скрипит калитка.

– Что случилось, спрашиваю?!

– Да Иван Фёдорович… приходил.

– Так поздно?

И надо ему, действительно, чуть не в полночь бежать полураздетому за три квартала!

Потом я как-то следом за ним шёл по улице, и вдруг он свернул с тротуара, шагнул на дорогу. Посредине лежал в грязи большой початок, и он нагнулся, поднял его за белый хвостик из кукурузенья, и так понёс его в руке, словно кролика за уши, спокойненько пошёл себе дальше, к своему дому, и я попробовал отстать, мне было почему-то стыдно: хотя бы вытер да спрятал в карман или под полу, а то так понёс у всех на виду.

Потом как-то неделю мы жили в степи, сгребали сено на дядькином покосе, а покос этот был рядом с делянкою Садовенко, и однажды рано утром он окликнул меня и, когда я подбежал, попросил:

– А ну-ка, может, у тебя лучше получится...

И я помогал своему учителю стянуть на предплечье сшитый им самим нарукавник со специальной пазухой, куда он засовывал конец косья. Какие глупцы мы тогда были!

Даже эта горькая, продиктованная только что отгремевшей войной рационализация вызвала тогда у меня подозрение: конечно, мол, приходится хитромудрствовать, если ты такой жадный!

А эти тетрадки с ниточками, которые он завёл во всех классах? Один конец ниточки белым кружочком бумаги должен быть приклеен к внутренней стороне задней обложки, другой таким же кружочком – к прямоугольнику промокашки. Чтобы та не терялась. Чтобы всегда была под рукой.

Или вечные его придирки к почерку? Всё лето после шестого класса я просидел над прописями, о которых к концу года благополучно забывают уже перваки!

А потом идут годы.

И как-нибудь, в один из коротких и нечастых своих наездов в родную станицу ты встретишь его, учителя своего, на улице, поздороваешься, поймаешь на себе чуть хитроватый взгляд, но значение ему придашь только потом, может быть, вечером, когда вспомнишь эту короткую встречу, когда ты кивнул ему лишь мимоходом, лишь на секунду оторвавшись от разговора с московским другом, который приехал вместе с тобой взглянуть на кубанские красоты...

В другой приезд ты догонишь его на улице, чуть не силой отберёшь у него тяжёлую канистру с керосином, пойдёшь рядом, отвечая на несложные его вопросы, рассказывая о своём житье-бытье. Через десяток-другой шагов почувствуешь, какая эта канистра тяжёлая, тебе захочется сменить руку, и только тут ты вдруг что-то поймёшь... Вспомнишь, может быть, совсем не ко времени, как мать говорила тебе ещё несколько лет назад:

– А ты бы сходил, проведал Ивана Фёдоровича, – всё-таки он столько с вами здоровья... Ему теперь, говорят, заслуженного присвоили.

– Угу, мам, если время останется...

А оно бежит и бежит.

И однажды ты ловишь в себе какую-то чёрточку, ловишь, может быть, вырвавшееся вгорячах неравнодушное слово, сказанное с той интонацией, которая когда-то была обращена к тебе самому, и вдруг до тебя дойдёт чьё это слово, и чья это интонация...

И пусть твой почерк не сделался лучше – как знать, может быть, упорство, робко проклюнувшееся в тебе тем летом, когда мяч под твоим окном хлопал особенно звонко, и гол оса ребят звучали веселее обычного — может быть, это оно заставляет тебя сегодня не отрываться от недописанной строки, от неясной ещё до конца мысли?..

Прибирая на своём рабочем столе, однажды ты вспомнишь о тетрадках с промокашкой на ниточке. Сперва это покажется тебе смешным, но воспоминание это почему-то не исчезнет бесследно, оно станет приходить к тебе всё настойчивей, и одно за другим всплывут у тебя в памяти и какой-то казалось, уже окончательно позабытый жест учителя, и взгляд его, и его настойчивый голос, и слова, смысл которых, наконец, дойдёт до тебя столько лет спустя, дойдёт – и все эти окрашенные грустью по давно ушедшему детству воспоминания превратятся теперь в осознанную жажду навести порядок, может быть, не только на письменном столе и разумно устроить не только какую-то часть своей работы, но свою жизнь...

Мне ярче помнится одно.

Другу моему, только что окончившему академию, морскому артиллеристу, капитану первого ранга Борису Евстафьевичу Павлову чаще припоминается, наверное, другое. Но у нас есть один общий исток, из которого берут начало наши размышления об уроках детства. Имя этому истоку – школа.

* * *

До девятого класса математику преподавал нам завуч Георгий Иванович К. Был он высок и длиннолиц, одевался, несмотря на то, что годы шли послевоенные, всегда с иголочки и одеколонился настолько крепко, что одно время мы завели в школе вполне благонамеренную с виду игру, в которой завуча надо было найти с завязанными глазами по запаху.

Нрава он был не то, чтобы крутого, но очень вспыльчивого, «заводился», как теперь любят говорить, «с полоборота», и каждый раз перед алгеброй или геометрией дежурный по классу непременно запасал три, а то и четыре куска мела – в приступе гнева математик наш имел обыкновение разбивать его об пол у себя под ногами. Одинаково ловко он швырял в нас книжками и тетрадками, иногда, трепеща страницами, в воздух взмывал классный журнал, а однажды из угла в угол пролетел брошенный его рукою довольно внушительных размеров сом, ещё не совсем заснувший, – ребята наши притащили его на урок зоологии.

Бывший пехотный офицер, предпочтение отдавал он жаргону кавалерийскому, и девчонки наши частенько плакали от обиды. Иногда класс дружно восставал, математика «доводили», и тогда, сделав страдальческое лицо, он вдруг неестественно вытягивался и уходил, задрав тяжёлый подбородок и волоча ногу, а мы глядели ему вслед, готовые тут же, как только захлопнется за ним дверь, снова начать горячий спор: притворяется он всё-таки или правда контуженный?..

После одного из таких уходов Георгий Иванович к нам больше не вернулся, его перевели в младшие классы.

Математике стал учить нас только что закончивший в тот год институт Алексей Сергеевич Колесник.

Колесник Алексей Сергеевич, заслуженный учитель РСФСР, народный учитель СССР, учитель математики СШ № 1 в ст. Отрадной

Не знаю, было когда-нибудь потом или не было, чтобы он заметно повысил голос, – я этого, по крайней мере, не помню. В памяти, оставшейся от тех лет, он видится и неприступно строгим, и насмешливо улыбающимся, видится и весёлым, и опечаленным, только кричащим, потерявшим над собою власть никогда. Таким я не могу его представить, даже призвав на помощь воображение.

Может быть, это странно – я давно уже забыл, чему равна, предположим, сумма катетов, зато великолепно помню ту обстановку располагающего к размышлению спокойствия, ту атмосферу строгой, без скидок доброжелательности, которые царили у нас в классе на уроках Колесника.

Тогда он любил стоять у подоконника спиною к улице. Густеющие брови сомкнуты, карие глаза смотрят как будто бы чересчур внимательно, и только где-то в уголках губ промелькнёт лукавство:

– Ну-с? Звучи!

Сомкнутые руки опущены и лишь большие пальцы пройдутся иногда один вокруг другого.

– Не знаешь?

Пальцы зашевелятся. Заходят быстрее и замрут. Спрячется еле заметная усмешка.

– А ты хорошенько подумай и будешь знать. Мы никуда не спешим. Ты подумай.

Он был одинаково строг и одинаково справедлив, и в разговоре с каждым из нас, будь ты кандидат в медалисты или последний двоечник, всегда поддерживал тон взаимного уважения и всегда обращался только к лучшему в нас, таких не безгрешных, и, – теперь я хорошо это понимаю – старался пробудить в каждом то, может быть, самое главное чувство, каким должен обладать всякий свободный человек и из чего потом исходит многое другое – чувство собственного достоинства.

Математика мне давалась с трудом, и если, грубо говоря, так и не пригодилась мне потом формула площади круга, то наверняка пригодилась приобретённая на уроках тригонометрии уверенность в том, что хорошенько подумавши, можно разобраться во всяком деле, и наверняка пригодилось оставшееся от уроков Колесника ощущение делового спокойствия, с которым ты можешь быть выслушан – и правда,

сколько раз я вспоминал потом об этом спокойствии, сидя на взвинченных порой до предела и потому часто бестолковых «рапортах» на большой стройке! Сколько раз потом, сталкиваясь с обманом или несправедливостью, вспоминал о неукоснительно правом суде, которым судил нас учитель...

Так уж, наверное, устроен человек: понятые, наконец, через много лет уроки детства однажды в трудную минуту дадут тебе уверенность в том, что на свете всегда будет жить правда, обязательно будет жить – хотя бы до тех пор, пока далеко от тебя, в маленькой станице спиною к подоконнику перед тридцатью парами глаз будет стоять среднего роста человек с сомкнутыми над переносьем густыми бровями, пока он будет внимательно вглядываться в лица, пока будет негромко произносить своё слегка насмешливое:

– Ну-с? Звучи!

Впрочем, тогда мы всё-таки считали его сухарём. За сухость мы принимали сдержанную его настойчивость, немногословность его, точность и обязательность. Был ли частично виноват в этом он сам, в тот год впервые севший за учительский стол и вовсе не спешивший нам открываться? Виноваты ли были отблески большой войны, ещё озарявшие тогда лица многих из наших учителей? Или причина была в нас самих, понимавших тогда поэзию, например, как полёт лёгкой и непременно весёлой фантазии? И школьным стихам, которые пишут чуть ли не поголовно, и немудрящей туманно-лирической философии, которую мы тогда исповедовали, претила категоричность теорем.

Почему же теперь, когда я бываю дома, в станице, меня тянет заглянуть в кабинет математики, который стараниями Колесника открыт в нашей школе больше десятка лет назад, почему вдруг нравится смотреть на эти разборные шары и пирамиды, на все эти диаграммы рядом со школьной доской и хитроумные пособия на подоконнике?

На полке здесь стоит за многие годы собранная им библиотека по математике. Есть и редкие книги. Раньше он приносил их в школу — кому– либо из своих коллег или подающим надежды старшеклассникам. Теперь он сам уносит их домой только на время.

Здесь развешаны на стенах динамические чертежи, которые он применил одним из первых в республике – опытом его пользуются теперь не только на Кубани. Здесь собраны материалы краевых педагогических чтений, непременным участником которых вот уже около двадцати лет является и он сам. Здесь подшивка журнала «Математика в школе», в котором напечатаны и его статьи.

Человек, преданный своему делу без остатка, он принадлежит к той несгибаемой гвардии, которая блюдёт заповедь: «Учитель ты до тех пор, пока учишься сам».

Обременённому тысячью больших и маленьких забот, которые взваливает тебе на плечи ежедневная текучка, легко ли такую заповедь блюсти?

Как-то в субботу мы договорились о встрече на выходной день, и я с самоуверенностью твёрдо вступившего в свои права отпускника предложил:

– А давайте так: кто первый проснётся, тот позвонит...

Он слегка наклонился ко мне, спросил, улыбнувшись еле заметно:

– В четыре утра, что ли?

– Вы спите до четырёх?

– Нет, – сказал он с полушутливой твёрдостью. – Я не до четырёх сплю. Я с четырёх работаю.

Через несколько лет разлуки со школой заглянувший в кабинет математики и раз, и другой сначала невольно, а потом я вдруг начал понимать, что же это потянуло меня туда снова и снова...

Не атмосфера ли творчества? Не тот ли высокий дух бескорыстной самоотдачи, не та ли вдруг здесь, в этом кабинете открывшаяся мне поэзия, которая непременно сопровождает всякую беспокойную мысль, всякий углублённый поиск?..

Как много мы открываем для себя лишь много лет спустя! В шестьдесят третьем я получил из школы коротенькое письмо – приглашение приехать к десятилетию нашего выпуска. У меня как раз намечалась командировка, и я выкроил время, заскочил, что называется, на денёк. По дороге думал, что окажусь ещё, чего доброго, в одиночестве, но наших собралось вдруг неожиданно много, пришли все, кто жил в станице, поприезжали издалека, и было весело, и, как всегда в таких случаях, чуточку грустно, – в общем, праздник

получился настоящий. По традиции пошли в свой класс, стали рассаживаться за партами, и тут выяснилось, что многие уже не помнят хорошенько, где сидели раньше, пошли споры, и утихомирить пришлось Колеснику:

– Спокойно, товарищи бывшие ученики, спокойно. Сейчас я вас всех рассажу так, как вы сидели в десятом...

Мы подчинились не без некоторого недоверия, но вскоре притихли, и я вдруг тоже понял, что да, сижу на своём месте, так и есть: вот Римма Золотухина, когда-то из наших девчат самая тоненькая, пытается протиснуться за парту как раз наискосок. Села впереди Лида Лымарева.

Тогда я отнёс этот случай за счёт того, что выпуск наш у Алексея Сергеевича – первый, да и класс у нас был вообще особый – поневоле запомнился.

А через несколько лет такую же историю с оттенком гордости за свой, конечно же, особенный класс, рассказал мне мой младший брат:

– Представляешь, Алексей Сергеевич даже запомнил, кто где сидел!

Я тогда грешным делом подумал: ишь, хитрый – записывает! А потом приподносит ребятам как подарок.

И сестру, которая училась ещё позже, я однажды спросил уже нарочно: а что, Колесник, небось, рассаживал вас на традиционном вечере?

Она радостно откликнулась:

Да что ты!.. У нас же был такой класс – пришлось ему, бедному, хлебнуть. Так он до сих пор, действительно, забыть не может!

Молодец, подумал я, что записывает, – и правда, молодец.

А потом, как-то однажды при встрече не вытерпел, сказал учителю об этой своей догадке. Показалось, он слегка повеселел, и всё же лицо его осталось непроницаемым. Зато услышавшая наш разговор Маргарита Николаевна, жена его, тоже математик, рассмеялась:

– Когда ему там записывать!.. Просто у Алёши голова так устроена – всякую подробность годами помнит. Не забывай, что учитель – это у него вторая профессия...

До этого мне почему-то казалось, он из тех, кого из-за школьной парты на скамью офицерского училища пересадила уже война, но в тот раз я узнал, что в авиацию он пошёл ещё в мирное время, по тому самому знаменитому призыву, что в сорок первом уже самостоятельно преподавал курсантам штурманское дело, а в сорок втором после неоднократных рапортов добился, наконец, отправки на фронт и воевал потом до конца.

Не знаю, с тех пор мне это кажется удивительным, что в строгой, не забавы ради тренированной его памяти и лица моих однокашников, и тех, кто учился потом, прочно запечатлены после замаскированных аэродромов и временных переправ, и что рыжие вихры и смоляные макушки, и глаза то послушные, а то дерзкие – всё это следует за обрамлёнными разрывами зенитных снарядов кадрами зелёной земли, смазанной высотою и скоростью манёвра...

Однажды мне просто повезло.

Я уже собирался уезжать и мимоходом зашёл в школу, дождался звонка. Алексей Сергеевич вышел из класса в коридор, и вид его показался мне слегка необычным. Лицо, как всегда в последнее время, усталое, но глаза под косматыми бровями радостно поблёскивают, и весь он как будто помолодевший — и подбородок выше, и шире плечи.

Наверное уловил в моём взгляде любопытство:

– Ты понимаешь, был у меня вчера проездом мой фронтовой товарищ. Двадцать шесть лет не виделись, только открытки да письма...

У него было «окно», и мы пошли в тот маленький кабинет, который сколько себя помню, в школе всегда занимали завучи, сели на диване.

Наверное, весь он был во власти впечатлений от вчерашней встречи, и на меня, случайно завернувшего, тоже как будто ложился отсвет дружбы двух старших товарищей — он и со мною был сегодня не то, чтобы мягче и теплее обычного, нет, это была какая-то особая доверительность, и я почувствовал её, и был благодарен, и ей-Богу меня расстрогало, когда среди разговора он вдруг взял мои пальцы и приложил к твёрдому бугорку под челюстью почти у самого уха.

– Чуешь, сидит ещё?.. Несколько попали в меня, я без памяти, а другими осколками парашют в клочья. Остальным можно прыгать, но они решили сажать машину. Из-за меня. Она уже горела как факел, кое-как

шлёпнулась на землю, они меня на ходу в люк выбросили – как мешок. Потом сами попрыгали, и как видишь – вот он я …

Стал рассказывать о своём друге, и я слушал, притихнув, слушал, словно боясь спугнуть внезапно прорвавшееся чувство. Пытался представить, как холодным ноябрьским утром, когда на зелёных холмах за нашей станицею стлался белесый туман, на стареньком школьном «Москвиче» мчался он в Минеральные Воды. Как, не зная, куда девать себя, долго ждал запоздавшего с самолёта. Как не увидел друга среди тех, кто вышел на перрон, бросился к справочному бюро: «Девушка, будьте так добры, объявите: нет ли среди прилетевших из Свердловска Болотова?

В зимнем полупустом аэровокзале здесь и тут динамики хрипло повторили фамилию бывшего техника-лейтенанта, и Колесник стоял потом, лихорадочно вглядываясь в лицо всякого, кто спешил к справочному бюро.

Он так никого и не дождался.

Он уже шёл мимо длинного ряда замерших на стоянке такси, когда услышал название своей станицы и оглянулся. Двумя руками держа развёрнутую карту Северного Кавказа, рядом с шофёром стоял бывший его техник.

– Дорога тут, видимо, хорошая, через три часа, глядишь...

Представляю, как у него забилось сердце, когда он окликнул:

– Саша!

Тот потом оправдывался:

– Опоздали – что ж, думаю, теперь надо навёрстывать. Чемодан в багаж не сдавал, так я в аэропорт не стал заходить, где тут, спрашиваю, можно схватить машину?

Потом они почти сутки просидели за разговором.

На следующий день в классе на столе Колесник увидел стопку дневников, в которых он должен был выставить отметки из тетрадей. Тетради он оставил дома – не проверил впервые в жизни.

Он немного помолчал, глядя на эту стопку, потом сказал:

– Дежурного я попрошу раздать дневники. Придётся мне извиниться перед вами, ребята. Своего домашнего задания на этот раз я не выполнил. Дело в том, что в гостях у меня был друг, с которым мы не виделись очень долго. Ещё с войны. Вы умеете дружить. Умеете ценить дружбу, поэтому, я думаю, поймёте меня правильно...

Может быть, теперь они обрадовались этим словам только лишь потому, что учитель счёл нужным ничего перед ними не скрывать, что он извинился, но, как знать, – многим из них не припомнится ли это потом, когда, повзрослев, задумаются они над прочностью духовного в человеке?.. Не станут ли тогда слова учителя ещё одним подтверждением непреходящей ценности старой дружбы?

Мне, уже повзрослевшему и кое-что научившемуся ценить, увиделась за этой встречей нерастраченная душевная щедрость.

Я и раньше знал, что у Колесника большая переписка с однополчанами и с работниками военных архивов – он пишет историю своего авиаполка. Но только теперь я понял отчётливо: заставило его взяться за перо то, что называют памятью сердца. И в те часы, которые он отрывает ото сна, рукою его водит верность своим старым товарищам, верность общей опалённой жестоким огнём молодости.

* * *

Нынче у моего учителя есть не только награды, которые он принёс с войны. Терпеливый труд, одухотворённый у него ежедневным творчеством, отметили недавно орденом Октябрьской революции. Он тоже теперь носит звание заслуженного учителя школы РСФСР.

Прибавило ему гордости признание? Наверное, да. Однако об этом можно только догадываться. А заметным кажется мне в нём то другое, что бывает только с мужественными людьми: беспощаднее он стал прежде всего к себе самому.

Теперь, когда я пишу эти строки, мне кажется, может быть, прежде всего для самого себя как можно чётче определить те чувства, которым я раньше не искал названия, разобраться в тех, иногда смутных, как видения детства, ощущениях, которые тебя, уже взрослого связывают с постаревшими твоими учителями...

Спрашиваю себя: что меня, сегодняшнего, тоже занятого своими делами и заботами, о встрече с ними заставляет думать и с непонятным волнением, и почему-то – с надеждой? Или я, как и раньше, убеждён, что

Иван Фёдорович Садовенко может ответить на все вопросы? Что Алексей Сергеевич Колесник посоветует, как жить дальше? Или мне, побыв с ними рядом, ни о чём, может быть, так и не спросив, но как будто всё равно научившись у них чему-то незримому, легче будет во многом разобраться, оставшись потом с собою наедине?..

Мягко шлёпаются о землю начинающие тяжелеть яблоки. Тугой ветер зашуршит листвой, качнёт на горячей траве солнечные блики. А ты сидишь, вслушиваясь то ли в этот сызмала знакомый тебе сухой шелест кубанского лета, то ли в неторопливые слова:

– Странно, что двоечники чаще шлют письма? Давай разберёмся, в чём тут секрет. Предположим, Иванов – Петров был отличник, всё на лету схватывал. Разве же он не понимает, что своими успехами обязан прежде всего не Алексею Сергеевичу, а себе самому? Моя доля в нём очень маленькая, и гордится он собой – если не чрезмерно – скорее всего, справедливо. А давай теперь разберёмся с двоечником. Лучше скажем, с тем, кто плохо учился. Его фамилия Сидоров. Может быть, ему, Сидорову, трудно давалось? Может быть, сам себя в то время ещё не сознавал. Вот и приходилось биться над ним и биться, и это всё у него невольно откладывалось где-то, откладывалось. Может быть, он и помнить этого не хотел, ему казалось, забыл и думать, а оно у него где-то лежит, хранится... А потом вдруг один момент – и всплыло это всё. И проросло. И проклюнулось.

И ты невольно думаешь: а правда! Ранней весной, бросивший зерно в борозду пахарь ждёт урожая уже в середине лета. А сколько воды утечёт, пока, наконец, даст всходы, посеянное учителем? Сказанное им слово не один десяток лет может пролежать где-то в тайниках нашей памяти, и вдруг какой-нибудь нечаянный случай, лучом скользнувший по прошлому, вновь вызовет это слово к жизни, и оно, казалось, уже бесследно пропавшее, не только обретёт былую силу, но и станет как бы ещё весомее и значительней.

А он уже размышляет о другом:

– Бывает, слышишь: вот, мол, сегодняшняя молодёжь – никакого сладу. И мы, глядишь, повторяем, поддавшись, учителя. А что на поверку? На поверку чаще выходит другое: это не молодёжь такая плохая. Это мы бываем такие беспомощные. Безнадёжно отставшие. И она понимает это – на то она и молодёжь. Понимает и отвергает таких наставников. Знаешь, когда люди станут похитрей да заживут побогаче, они придумают тесты, чтобы отличить настоящего учителя от случайного. И первый вопрос в них будет: а что вы думаете о сегодняшней молодёжи?..

Как-то он сказал:

– А знаешь, нашей школе повезло с учителями. И не только в том смысле, что они дают ученикам хорошие знания, нет. Повезло ещё и в другом: они и коллеге своему помогают стать на ноги. Ты не помнишь, как в параллельном классе я поставил однажды двадцать две двойки?.. Впрочем, почему это ты должен помнить? Это надо мне... Представляешь себе: двадцать две! Где-то буквально в первый месяц работы или во второй. Вопрос задал самый простой, должны были дома выучить. Поднимаю первого-не знает. Садись, «два». Поднимаю второго – «два». Третий не знает – я и ему «два». А потом... Разве остальные лучше этих трёх первых? Я тогда, видимо, справедливость с чем-нибудь другим перепутал. Может быть, с упрямством? Двадцать первый не знает – я и ему. Потом двадцать второй... В общем, не знаю, кого в тот раз звонок спас: оставшихся семерых неспрошенных или меня? А потом жду. Наверное, кто-либо из коллег скажет: а как же это, товарищ Колесник понимать? Ведь не может быть, чтобы не видели в журнале этого ужаса. Знаю, видели. Я однажды вошёл в класс во время перемены, а Юлия Филипповна как раз сидела над раскрытым журналом и смотрела на мою «справедливость»... И она только сказала: «Извините». И улыбнулась, как будто это она была виновата, а не я. А больше никто ничего не сказал, и только потом я понял, что это было и благородней всего по отношению ко мне, и больнее всего, и полезней. Мне предложили всё решать самому, а такое решение помнится дольше. Как видим, до сих пор.

И я тогда подумал: любопытная с нашими бывшими учителями происходит история. Одних ты благополучно перерастаешь, как бы оставляешь позади и при встрече с ними чувствуешь себя иной раз словно попавший в музей, бережно сохранивший живые реликвии давно прошедшего твоего детства... Другие живут, не

останавливаясь, – ты их попробуй, догони.

И нравственный их поиск будет тебе примером ещё и завтра, и будет всегда...

Может быть, дело в этом?

* * *

Сочинения твои она называла одними из лучших. Единственным твоим рассказом, который сама прочитала на школьном вечере, восторгалась. Хвалила твои стихи. А послушать её, выходило, что и Маяковского декламировал ты куда как хорошо, и в «Парне из нашего города» сыграл просто потрясающе...

Харланова Юлия Филипповна,
заслуженный учитель РСФСР,
учитель русского языка и литературы
СШ № 1 в ст. Отрадной

А сам ты уже через два-три года студенческой жизни в большом городе осознаёшь задним числом: как всё было прескверно!

Осознаёшь, и в тебе вдруг поселится превосходство над своею учительницею: конечно, откуда ей, по нашим быстротекущим временам такой старомодной, верно было судить и о том, и о другом, и о третьем?

И только через несколько лет, уже счастливо переболев всеми теми болезнями, которые в ранней молодости сопутствуют самоутверждению, ты вдруг с мучительным стыдом однажды поймёшь: да ведь всему она, учительница твоя, хорошо знала цену. И похвала её – это был аванс, от щедрого сердца выданный тебе на будущее. Всего лишь аванс.

Тихонько, словно всё ещё прислушиваясь к чему-то давно замолкшему, опять ты будешь сидеть на низком диване рядом со старинною голландскою печью, и возвращение в эту уютную гостиную с корешками знакомых книг за стеклом шкафа, с неприменным жасмином или розами в бронзовом подцветочнике на тяжёлой, с кистями скатерти станет для тебя заодно как бы возвратом к прозрачным, ничем ещё не замутнённым ощущениям юности...

Сколько мальчишек и девчонок, давно теперь ставших взрослыми, сидели в этой гостиной до тебя! Сколько их собиралось тут после! Нынче я с удивлением замечаю, что воспоминания, связанные с уроками литературы, всегда уносили меня не в класс – вели сюда, в гостеприимный дом моей учительницы.

Здесь мы собирались на дополнительные занятия, бывало, репетировали здесь драму, тут занимался школьный литературный кружок.

Долгими зимними вечерами, когда на маленькую нашу станицу опускалась хрупкая тишина, с замиранием сердца сидели мы на стульях, на диване у старинной «голландки», а на столе остывал нетронутый чай. Тихонько потрескивали дрова, и в доме, казалось, ещё пахло и свежими яблоками, и последними осенними цветами.

Она читала Фета, голос её звучал и вдохновенно, и вместе с тем робко:

Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна,
Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далёких
Одинокий бег.

Надо было только немножко помолчать, и тебе почудится вдали переливчатый звук затихающего колокольца... И души твоей непременно коснётся робкое ощущение волшебства.

Это в те вечера мы научились понимать и горьковатую прелесть лермонтовского стиха, и тонкую печаль тургеневской прозы, это здесь нам впервые открылся смысл чеканных четверостиший Блока, здесь впервые мы были очарованы загадочными героями Грина и колдовскими пейзажами Паустовского.

Иногда я думаю о том, что моя учительница должна быть счастлива, посвятив себя беззаветному преподаванию и той красоты, и того мягкосердечья и добра, которыми полна русская литература... И думаю ещё о том, что благословенна должна быть судьба писателей, в разных концах необъятной России имеющих этих страстных, не помышляющих о награде проповедников.

Перебираю в памяти картинки прошлого.

Вижу мою учительницу рядом с нами в кузове мчащегося на «воскресник» в колхоз грузовика – не очень ловко устроившуюся и оттого особенно стеснительную. В «базарный» день, когда, кажется, что всё в станице движется только к ярмарочной нашей площади и обратно, вижу её, неторопливо идущей с реки... Утро сырое, туманное, и одну ладонь она держит у горла, под воротником плаща, а в другой руке у неё небольшой букет полевых цветов. Рядом с нею степенно вышагивает полный достоинства Кирилл Иванович, муж её, и мать моя снова и снова оглядывается, и в глазах у неё – и удивление, и робкая зависть.

Вижу её и совсем недавно объясняющей матери один мой не очень, может быть, продуманный поступок: стояла тогда перед мамой как будто бы в чём-то очень виноватая, и только спустя год я узнал – мама тогда «делилась» с нею, а она утешала, успокаивала... странно! Мы уже давно выросли, а они, учителя наши, как будто и нынче за нас в ответе, и они по-прежнему толкуют наши поступки, и матери наши до сих пор идут к ним за помощью.

Размышляя о непреходящем обаянии своей учительницы, однажды я подумал, что дело тут, пожалуй, в глубокой человечности её и в совестливости, в бессребреничестве и в доброте, и что это и есть как раз те самые свойства, без которых немыслима была бы русская литература.

Случайное ли это соответствие? Или когда-то, ещё в молодости, решив стать преподавателем словесности, Юлия Филипповна Харланова сделала единственно верный для себя выбор?

Пытаясь осмыслить и это, и многое другое, что связано с судьбами моих учителей, я вновь чувствую себя робким учеником... И не случайно эти свои записки я назвал этюдами, потому что они – это первая попытка, это самое начало осуществления того, о чём я сам имею ещё не очень точное представление, но о чём всё чаще нынче думаю, что властно зовёт и что, если, как говорили в старину, Бог даст, я сделаю непременно, о чём обязательно напишу.

Вглядываясь в размытые пока очертания будущей книги, я раздумывал о родной своей станице, о разноречивых судьбах моих героев, мысленно сталкивал их, заставлял задумываться, искать правду, и неожиданно для меня самого эти поиски привели моих героев к их школьным учителям. Сначала это показалось мне странным, а потом я подумал, что ничего удивительного здесь нет, что так оно и должно быть, ибо к ним, к учителям, и приводит всякий духовный поиск, потому что они – это совесть станицы, они – неугасающий её дух, ибо они – и горячие проповедники справедливости и добра, и самые первые их защитники, в каждом из нас начинающие борьбу за них задолго до того, когда об этом задумаемся, наконец, и мы сами...

* * *

Над предгорьями нависла жара. Густое марево дрожит над отяжелевшими садами. За станицей идут и идут машины, и по горячей асфальтовой дороге вслед за ними стелется бензиновый дух, смешанный с парным запахом молодой пшеницы.

Для одних настала пора кипучей работы. Для других – время каникул, время летних отпусков...

Мы с Алексеем Сергеевичем сидим за домом под навесом из виноградника. На столе рядом с учителем лежат книги, папки с бумагами. Мне немножко неловко, что снова оторвал его от дел, и, кивнув на стол, я шутливо говорю, что в такую пору интересней, конечно, не сидеть за книгами, а валяться на песчаном берегу где-нибудь в Лоо или Гантиади.

Сдвинув косматые брови, он улыбается:

– Хорошее дело. Надо бы хоть раз в жизни, да всё время... время туда не удаётся. А, знаешь, о чём я мечтаю? Мне бы дня на три-четыре – в Челбасскую, в родную мою станицу. Туда, где материнский воздух... я так это называю. Ты никогда не задумывался: почему в родных местах мы набираемся сил особенно быстро? Я думаю, вот почему: там мы снова становимся маленькими, какими были когда-то очень давно. Там к тебе

опять приходит ощущение, что всё ещё впереди.

И мне вдруг невольно вспоминаются ласточки, которые стремительно носятся по пустынным сейчас коридорам школы...

Вот и ещё один урок. Пожалуй, сегодня мне яснее стал смысл этих коротких слов: родное гнездо.

В.В. Тёр

Лёла и Шунь
(Невыдуманная история)

Хрупкая, как стеклянная ёлочная игрушка, Елена Сигизмундовна, Лёла (она просила так себя называть близким людям) приходила пообщаться со мной, редактором районной газеты, на любимые, набившие оскомину темы – о качестве хлеба и об экологии окружающей среды. Её речь, пересыпанная бесконечными «извольте», «будьте так добры», «извините» и так далее, выдавали в ней даму старого света. И действительно, Лёла как-то назвалась «питерской» и, как будто, чего-то испугавшись, прикрыла лицо ладошкой. «Сколько же ей лет и чего она так побаивается?» – донимали меня вопросы. Шло время, и как-то неожиданно Лёла пригласила меня в гости, «На чай». «Познакомлю вас с письмами мамы моего любезного друга, Шуни, извините, Александра Николаевича Смирнова, генерал-лейтенанта, кибернетика…» – сказала.

Проживала Лёла в глухом, покрытом зарослями акации, сельском домишке. В комнате, а она оказалась единственной в нём, было тепло и уютно. Из обстановки – старенький столик (без обычной клеёнки), три-четыре стула, расшатанный табурет, на котором стояло ведро с водой, железная, на сетке, кровать – вот всё, пожалуй, из её убранства. Посередине комнаты сама хозяюшка – Лёла, тонкая, как стебелек, с альбомом в руках, точно девочка-гимназистка из далёкого, почти забытого времени.

Слушая Лёлу, я внимательно рассматривал пожелтевшие фотографии из альбома. Особо заинтересовала одна, на которой был запечатлен статный подпоручик морской авиации, слева, на боку у него, красовался кортик. Краюха хаты-мазанки, деревянная, явно «барская», лавочка, редкие на земле камешки, а в глубине снимка – степь и степь… На обратной стороне карточки прочёл: «3-го апреля 1916 г. Одесса. Маме».

Елена Сигизмундовна (справа) с мамой и соседской девочкой. 1970-е годы

– Это и есть мой друг, Шунь – от имени Шура и отчества – Николаевич, – пояснила Лёла. – Он участвовал в Первой мировой войне, летчик. Улыбается уголками губ. Перевязка на левой руки… Согласитесь, милый человек.

Подпоручик А.И. Смирнов. 1916 г.

Глаза Лёлы светились.

– Я служил в Одессе. Мне показалось, что я знаю изображенные на этом снимке места на западной окраине Одессы, – поддержал начатую беседу с хозяйкой.

– Шунь берег фото и мамины письма, у меня каким-то чудом сохранились два из них. Лёла подала листочки. Написанные на хорошей бумаге, они довольно-таки неплохо сохранились, разве только на сгибах обветшали. Но прочитать написанное оказалось далеко не простым занятием – и «бегущий» почерк, и орфография были особенными, из прошлого. К почерку предстояло «приноровиться».

«Петроград. 2.XII/1917 г.». Бегло просматриваю строки, нахожу знакомые слова: «Шура получает хлебный паек и нам его пока хватает… Мука, кот(орая) у нас есть, храним… невольно все мои заботы переходят на Шуру. Работает он как вол... и поздно ночью, когда все спим, он сидит и пишет до 2-х часов... К ночи всегда даю стакан молока. С хлебом… плачу я за молоко деньги – более 300 р. Знаю, что хоть этим поддержу здоровье своего сына»… Значит ли это, что офицер Александр Смирнов, Шунь, из Одессы, театра боевых действий, вернулся в восставший Петроград?

Автор письма – мама – подробно делится семейными новостями, обеспокоена подскочившими ценами на продукты питания. И в череде строк вдруг читаю те, которые в ту пору вслух боялись даже произносить: «При обыске в нашем доме были все арестованы и через 4 дня расстреляны. У Ким (…) нашли пишущую машину, полевой бинокль, детские краски и кавказское оружие… Шуру спасло… то, что…. Пришел… (поздно)…».

Декабрь 1917-го… Обратимся к известным письменным источникам той поры, например, поэтессы Зинаиды Гиппиус (1869-1945): «Все население Петербурга взято «На учёт». Всякий, так или иначе, обязан служить «государству» – занимать место если не в армии, то в каком-нибудь правительственном учреждении… Платят за это ровно столько, чтобы умирать с голоду медленно, а не быстро».

Бывший офицер, бывший дворянин Смирнов тоже состоял на учете и, можно предположить, что если работал допоздна, то где-то служил, получая жалкие крохи от властей. Люди же действительно были на грани голодной смерти в глодающем Петрограде (неработающие граждане получали – вдумайтесь только – 25 граммов хлеба в день). Они уже не представляли серьезной опасности для власти. «Голодными легче управлять, чем сытыми», – эти циничные слова принадлежат вождю революции Льву Троцкому.

В эту же самую пору, в ледяной квартире Питера голодный поэт Александр Блок (1880–1921) писал поэму «двенадцать». За окном – свирепые порывы ветра, метель, безмолвное пространство. В снежном мареве виднеется измятый плакат «Вся власть Учредительному собранию». Мельтешат человеческие фигурки: плачет старуха, оглядываясь по сторонам, семенит в рясе священник, зябнет на перекрестке буржуй в шубе. А что его-то выгнало на ледяную улицу? По указанию новых властей несет дежурство, охраняет покой сограждан, которые и носа не кажут из квартир: и холодно, и страшно, и квартиру могут ограбить… Жутко… «Стоит буржуй, как пёс голодный, / Стоит безмолвный, как вопрос», – пишет Блок.

Не избежал этой участи и Александр Николаевич. 9 января 1918 года он записал в дневнике о том, что «Закончил статью «Интеллигенция и революция», а «завтра – проклятое дежурство (буржуев стеречь)». Это еще что: придется за кусок хлеба в пустой аудитории читать лекцию… Новую повинность придумывают в Питере для поэта А. Блока. И не только для него одного. По мысли тогдашних питерских властей, с буржуями можно делать все – выбрасывать из квартир, грабить, гнать на дармовую работу и убивать, убивать… бывших офицеров, дворян. Новые представители – управленцы нуждались в жилье, которого катастрофически не хватало; была нужда в одежде, обуви… Вспомните горесть блоковской старушки при виде плаката: «такой огромный лоскут… / Сколько бы вышло портянок для ребят, / А всякий – раздет, разут…»

Отложил я в сторону одно письмо, взялся за второе. Мама Смирнова – уж неизвестно кому – писала, поставив во главу его известное выражение на английском и на русском языках: «Ничего, кроме правды». Это даже не письмо, а исповедь обреченного человека: «Наш век – век ужаса. Брат идет на брата, отец убивает своих детей, сын уничтожает мать и проч. Злость теперь охватила все, и мы, если немного забывшись, мгновенно откроем глаза, то видим вокруг себя только одно: зло и зло. Добро же мы видим только в исповедальной. Сколько молодых и хороших сил гибнет, и гибнет невероятно, благодаря царству зла. Когда же

этому придет конец, и какая причина всему этому?» Привожу отрывок письма дословно, правда без «Ъ» (ер), принятого тогда в правописании. Этими вопросами, уверен, задавались тогда тысячи, миллионы русских людей Москвы, Петрограда, других городов святой Руси, ещё не осознавшие до конца трагедии века. А где-то на её рубежах продолжалась война, названная Отечественной, первая мировая…

Смирновы пережили неслыханную трагедию. В условиях большевистских репрессий сын сберёг письма матери, как свидетельства пережитого, – им скоро исполнится целых 100 лет! Письма эти, согласитесь, по сути, – документы прошедшей эпохи.

Когда казнили одних, а других питерцев ссылали на край света, Смирнова новые власти сберегли – в боевых пилотах была нужда, особенно в имевших блестящее техническое образование. Не тронули, к счастью, и семью. В 20–30 годы прошлого века Александр Николаевич служил в Ленинградском техническом бюро (Остехбюро). Участвовал, по скупым сведениям, в конструировании новых, советских, типов самолётов, участвовал в испытаниях машин в сложных, в том числе полярных, условиях.

– Проживая в Петрограде, – вспоминала Лёла, – я нередко прогуливалась в Летнем саду, у памятника Петру Первому. Рядом, на площадке, играли в ручной теннис крепкие парни. Одному из них я и приглянулась. Мы познакомились, подружились. И хотя у него, а это был Александр Николаевич Смирнов, была своя семья, мы часто вместе проводили время. Поверьте, ничего дурного в наших отношениях не могло быть и речи. Привечали меня и его приятели. Вот… – и Лёла подала мне небольшую, размером в её ладошку, фотографию, на которой едва угадывались три фигуры. Подпись на обороте: «Кача – Севастополь, апрель 1931 г. Обрыв на берегу Черного моря высотой 34 метра, у которого упал мальчик, играя с Димой – мальчик остался жив. У подножия обрыва – Дима, Лёла и летчик Болотов, участвовавший в кругосветном перелете», – прочитал. Снимок и приведенная дословно подпись к нему Смирнова, Дима – его сын.

Лёла пояснила: участники советской экспедиции в 1933 году отправились на пароходе «Челюскин» по северному морскому пути, чтобы пройти за одну навигацию от Мурманска до Владивостока. В феврале 1934-го «Челюскин» был раздавлен льдами в Чукотском море, и члены экспедиции зимовали на льду, пока не были спасены полярными летчиками. За этот подвиг М.В. Водопьянов, С.А. Леваневский, Н.П. Каманин, А.В. Ляпидевский, В.С. Молоков, М.Т. Слепнев, И.В. Доронин первыми в стране получили звание Героев Советского Союза. Все эти пилоты были знакомы с А.Н. Смирновым, они общались не только с ним, но и с другими пилотами Остехбюро, работая над усовершенствованием пилотируемых машин, особенно в полярных условиях.

Тот 1934 год оказался, однако, трагическим для всех жителей Ленинграда – вскоре после встречи с героями-лётчиками был убит Сергей Миронович Киров – первый секретарь обкома ВКП (б), убит предательски в затылок, ревнивцем Николаевым. Его и близких, в том числе жену, вскоре расстреляли. По уже ставшей питерской традиции эта печальная участь постигла и 36 «бывших белогвардейцев», а к весне 1935 года из Ленинграда выслали восвояси около 100 тысяч жителей. Большая часть из них принадлежала петербургской интеллигенции. «… Душа Петербурга отлетела вместе с изгнанниками, а они, рассеянные по чужбине, тосковали по своему городу, как по земле обетованной», – написала в своей книге «Загадки Петербурга II. Город трёх революций» (С.-Петербург, 2015) Елена Игнатова. По клевете сослуживцев, в 1935 году 45-летний начальник военного аэродрома и особого отдела по военным изобретениям генерал А.Н. Смирнов был уволен из Красной Армии. Где, в каком звании обретался он последующие 12 лет, история умалчивает. Ничего не сказала на этот счёт и Лёла. Можно только догадываться, как тяжко сложилась его судьба, вглядываясь в сосредоточенное, печальное лицо на снимках 1947-го года. С этого времени Смирнов уже проживал на Кубани, в предгорной станице Отрадной. Работал инспектором районного отдела образования, учителем физики в средней школе № 1. И продолжал исследования в области кибернетики. Рядом с ним была… Лёла. Тонкая, хрупкая, верная подруга.

– Жили голодно, – вспоминала Лёла. – Шунь работал много, не гнушался никакой работы, выполнял даже контрольные,

курсовые для студентов-заочников… А жили с ним мы душа в душу.

Семья его, к счастью, осталась в городе на Неве, Шунь уберег её, избавил от «кировского потока». Связь с детьми не терял, поддерживал, как мог это делать ссыльный в глубинке…

Александр Николаевич тосковал по родному городу; читая газеты, он следил за новостями, мечтал о встрече с родными. Стоически переносила его душевную боль Лёла. На многое способна влюбленная женщина! Страх за судьбу Шуни, как ржавчина, разъедал душу, подавлял светлые чувства – это трудно передать на словах…

А годы шли, перекатывались как река Уруп на каменистых выступах. Умер Сталин. Расстреляли Берию. У власти Хрущев. Наметились перемены в экономике. Ранее репрессированные получали свободу. С одним из таких обреченных встретился в Отрадной Александр Николаевич, поговорил начистоту. «Стучитесь – и вам откроют», – тот посоветовал ему. И Смирнов написал в ЦК партии одно, другое письмо, стал упорно добиваться восстановления в правах. И настал день, когда ему вручили особый конверт с особым письмом. Как свободный человек, Александр Николаевич вместе с Лёлой «закатился» на Черноморское побережье. Счастливые, они купались в море, загорали на пляже, сфотографировались вдвоём – на память. А вскоре он, полный надежд, уехал в Ленинград. В своем письме в Отрадную от 23 декабря того же 1956 года Смирнов, Шунь, писал: «Дорогая моя маленькая, любимая Лёлечка! Сейчас воскресенье, 10 часов утра, – мои мысли с тобой, в Отрадной… И далее: «…Вчера получил твое письмо с двумя ответами из редакции «Известия» и ВЦСПС. Интересно, чем кончится эта переписка? … Второй раз был в ЛНИИ (быв. Остехбюро)…» В конце письма сообщал, что бывшие коллеги чрезмерно восхваляли его и приглашали работать в научно-исследовательский институт на вакантную высокооплачиваемую должность. Поблагодарив их за участие (правда, с большим запозданием), он решил продолжить хлопоты по военной стезе – ему уже 66, пора бы подумать и о будущем.

В своей картотеке на имя А.Н. Смирнова (1890–1963) бывший сотрудник Отрадненского музея, Заслуженный работник культуры Кубани М.Н. Ложкин записал: «Необоснованные обвинения с А.Н. Смирнова сняты, восстановлен в рядах генералитета советской армии». Я сохранил его выписку – теперь это ценный исторический документ!

…Мы простились с Лёлой. О себе она рассказала совсем немного. В молодые годы работала вожатой, в последние – секретарем в прокуратуре. Досмотрела маму. Шунь ушёл из жизни, и в Ленинграде не осталось никого из близких, кто бы написал письмо, позвал в гости. «Я в таких летах, когда накопленное богатство раздаривают, сказала она и на прощанье передала на сохранение письма питерской дворянки Смирновой к сыну (1917–1918), фотографии. Пятнадцать лет храню память о трудной и благородной любви двух одиноких сердец, нашедших однажды своё пристанище в кубанской станице Отрадной, где так много солнца, подземных ключей и цветов.

Примечания:

1. *Гиппиус 3*. Живые лица: Стихи. Дневники. Кн. 1-2. Тбилиси, 1991.

2. Александр Блок в воспоминаниях современников. М., 1980.

VII. РЕЦЕНЗИИ И БИБЛИОГРАФИЯ

С.А. Голованова

Проблемы интеграции Северного Кавказа в состав России
(Историографический обзор новейших исследований)

В 2015 году членами Кавказоведческой школы, преподавателями кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирской государственной педагогической академии были подготовлены и выпущены в свет три монографии. Коллектив Кавказоведческой школы, руководителем которой долгие годы оставался профессор Виталий Борисович Виноградов, последовательно отстаивает свои научные позиции о положительном потенциале русско-северокавказских взаимосвязей, результатом которых было формирование такого основополагающего принципа в их отношениях как «российскость». «Российскость», по определению С.Л. Дударева, есть «особая социокультурная, ментальная и т.п. сфера, внутри которой происходит взаимодействие, взаимовоздействие и синтез различных этно-культурных элементов при интегрирующей роли русской государственности и цивилизационно-культурной составляющей» [1]. Рецензируемые монографии, на наш взгляд, являются весомым научным «прорывом», доказывающие теоретическую состоятельность явления «российскости».

Заметным событием в изучении северокавказского просветительства стала монография «Феномен северокавказского просветительства в преломлении судьбы и творчества Адиль-Гирея Кешева» О.В. Ктиторовой [2]. Монографическое исследование Ольги Васильевны посвящено актуальным проблемам российско-горского межкультурного диалога и развития северокавказского просветительства. В работе автор удачно совместил теоретическое осмысление закономерностей процесса развития северокавказского просветительства с конкретным историческим исследованием биографии и творческого наследия Адиль-Гирея Кешева.

Историография по просветительству в целом и отдельным его представителям на Северном Кавказе обширна, однако, как замечает автор, открытыми остаются вопросы об общих закономерностях просветительства как феномена, о типологических связях между национальными версиями просветительства.

В современной историографии утверждается точка зрения, что в регионе присутствовали две альтернативные линии развития просветительства– российская и восточная. Рассмотрев жизненный путь и вклад в реализацию просветительских идей Умара Мекерова и Татлустана Табулава, автор приходит к выводу, что для Северо-Западного Кавказа восточная линия развития просветительства проявилась очень слабо. О.В. Ктиторова пишет: «Ни в коей мере не умаляя значение восточно-мусульманского направления культурного развития народов региона, следует признать, что для значительной части этносов Северного Кавказа оно было вторичным, возникшим на основе российского просветительского импульса» [3].

В работе предложена авторская периодизация северокавказского просветительства. На наш взгляд, исторически обоснованной является взаимосвязь между северокавказским просветительством и присоединением региона к Российской империи, что повлекло серьезную трансформацию социокультурных условий существования горцев. Исходя из этого, выделяются два периода: конец XVIII – середина XIX в., когда российско-горские отношения расширяясь, включают культурно-образовательные элементы; середина XIX – начало XX в. – период становления соответствующих общегосударственным механизмам организационных форм и усложнения механизма северокавказского просвещения [4].

О.В. Ктиторова разделяет точку зрения большинства исследователей, что северокавказское просветительство принадлежит к идейно-культурным течениям общеевропейского типа, как по историческим условиям возникновения, так и по генеральным задачам. Вместе с тем, отмечается, что для него характерен ярко выраженный личностный аспект, а на этническом уровне вовлеченность в культурно-образовательное развитие региона деятелей адыгейского, абазинского, ногайского, черкесского,

кабардинского, балкарского, осетинского, чеченского, ингушского и дагестанских народов [5].

Ярким представителем северокавказского просветительства является Адиль-Гирей Кешев. В первую очередь автор обращает внимание на досадное искажение его этнической принадлежности в исторической литературе, утвердившее восприятие его как адыгского просветителя. Проанализированные сохранившиеся в источниках данные биографии убеждают в его принадлежности к роду абазинских князей Кечевых, поэтому вполне обосновано утверждение, что он был абазинским писателем и просветителем [6].

Биография Адиль-Гирея Кешева типична для северовкавказских просветителей. Родился он в 1837 или 1840 г. в ауле отца, находившегося либо в районе Прикумья, либо Зеленчуков. Воспитание, которое он получил в родном ауле, как показала автор, Адиль-Гирей впоследствии отразил в своих произведениях. Содержательная сторона детской субкультуры северокавказских народов, являлась неотъемлемой частью в целом мужской составляющей этнокультурной действительности региона [7]. В 1850 г. Адиль-Гирей поступил на учебу в Ставропольскую мужскую гимназию, в которой на его мировоззрение и дальнейшую судьбу большое влияние оказал Я.М. Неверов. В работе проведен серьезный анализ гимназического периода жизни абазинского просветителя, из которого следует, что он не только продемонстрировал «одаренность, способность и усердие в науках», но и заявил о себе как о талантливом писателе. В 1860 г. Адиль-Гирей стал студентом факультета восточных языков Петербургского университета. Однако, как отмечает автор, воспитанный в духе прогрессивного демократического мировоззрения, он не смог принять введение консервативных установок в процесс обучения после антиправительственных выступлений студентов в 1861 г. и по личному заявлению, он был отчислен. Возвращение в Ставрополь с определением в Губернаторскую канцелярию, ознаменовал новый этап в жизни абазинского просветителя. Должность переводчика, а затем преподавателя татарского языка в Ставропольской гимназии не смогли удовлетворить творческой природы Адиль-Гирея. Следующим важным шагом в его биографии стал переезд во Владикавказ, где ему предложили должность редактора нового периодического издания «Терские ведомости». О.В. Ктиторова считает, что его заслугой как редактора, было привлечение к работе талантливых современников, представителей северокавказских народов, высокий профессионализм и качество публикуемых в газете материалов. Сам Кешев продолжал заниматься научной деятельностью, что отразилось в его газетных публикациях.

Большой интерес представляет третий раздел монографии, рассматривающий просветительские принципы и идеи в творчестве абазинского писателя Адиль-Гирея Кешева. О.В. Ктиторова провела серьезный исторический анализ его литературных произведений. Одной из центральных тем в его творчестве занимала проблема русско-горских взаимоотношений. Кешеву удалось точно схватить имевшие место в горской среде ментальные образы казаков, солдат, крестьян и других групп российского социума, сложившиеся в собирательный облик русского человека. Вместе с тем, в восприятии восточнославянского населения в горской среде в середине XIX в. отмечен элемент дистантности и чуждости» [8]. Объясняется это тем, что существовало идеализированное представление о своей родной культурной среде, укорененное в этноцентрических установках [9]. «Как любой этнический стереотип, – отмечает О.В. Ктиторова, – горский взгляд на русских искажен, отличается гиперболизацией отдельных сторон, наиболее значимых с точки зрения русско-адыгских и русско-абазинских отношений», но за этим субъективным и не всегда привлекательным образом иной культуры, проглядывается искренний интерес к социуму, взаимодействие с которым во второй половине XIX в. будет постепенно нарастать и укрепляться» [10].

Не менее важной темой в его произведениях является положение женщины в горском обществе. Женские персонажи, созданные писателем, открывают различные аспекты женского пространства в северокавказской культуре. Но так как Хан-Гирей, являясь носителем горской культуры, в то же время прикоснулся к российской ментальности, для его творчества характерно пограничное (периферийное) восприятие горской реальности, что обусловило смелость и нестандартность суждений [11]. Он

отошел от традиционного горского взгляда на роль и статус женщины, что подкреплено анализом его произведений.

Завершим рецензирование монографии О.В. Ктиторовой ее выводами по проблеме аккультурации. «Тесное, интенсивное взаимодействие представителей двух мировоззренческих систем на личностном уровне, – отмечает она, – не только взаимообогащало носителей горской и российской культур, но и создавало проблемы сохранения своей внутренней идентичности и связи со своими соотечественниками» [12]. А.-Г. Кешев и его литературные герои, пережившие пограничное межкультурное состояние, испытали этнокультурный разрыв с собственным социумом. Автор подкрепляет свой вывод словами самого Кешева, который писал, что «современное состояние Кавказа создало значительный круг людей, которые отбились от родной почвы и не пристали к чужой» [13].

Монография Е.В. Великой и Н.Н. Великой «Мирные формы интеграции Северо-Восточного Кавказа в состав Российской империи (1801–1859 гг.)» [14], посвящена экономическим, социально-политическим, культурным формам интеграции народов Северо-Восточного Кавказа с Россией, менявшим облик региона.

Рецензируемую монографию можно разделить на две части: в первой рассматриваются основные методологии и категории исторической науки, используемые при исследовании событий первой половины XIX в. на Северном Кавказе. Во второй – конкретно-исторический материал, раскрывающий интеграционные процессы в экономике, сфере здравоохранения, образования и культуры, специфику социально-политического развития Северо-Восточного Кавказа в период утверждения здесь российской государственности. Мы не ставили перед собой цель подробно анализировать второй раздел работы. Отметим широкий комплекс исторического материала, позволивший авторам обоснованно показать два уровня взаимодействия сторон: «правительственный» (правительство – население Северо-Восточного Кавказа) и «народный» (восточные славяне и другие этнические группы региона) [15].

Авторы монографии обозначили проблему соответствия выбранного методологического подхода и используемых базовых понятий/терминов. В частности, широко используемых терминов «царизм», «колониальный гнет», «эксплуатация», «антиколониальное» «национально-освободительное», «народно-освободительное» движение горцев, которые составляют терминологический аппарат формационно-классового подхода.

Критически осмыслен цивилизационный подход, базирующийся на таких понятиях, как «северокавказская (горская, кавказская) цивилизация, «культура», «религия». При этом, как отмечают авторы, упор делается на различиях, а не на сходстве двух миров.

В последние годы набирает популярность концепция модернизации, базирующаяся на северокавказском материале. Исходя из того, что основными понятиями данной теории являются «индустриализация», «урбанизация», «секуляризация» и т.д., авторы приходят к выводу, что в рассматриваемый период перехода к индустриальному, урбанизированному обществу в регионе не происходило, а имели место только преобразования и реформы, которые вряд ли можно считать модернизацией.

Актуальными и востребованными являются попытки рассматривать взаимодействие народов и культур северокавказского региона с точки зрения теории фронтира. На наш взгляд, с этим согласны и авторы, права Э.А. Шеуджен, которая считает, что с момента вхождения Северного Кавказа в состав России фронтир теряет смысл и может рассматриваться как искусственное построение.

Исследование Е.В. Великой и Н.Н. Великой базируется на концепции российскости, разрабатываемой Кавказоведческой Школой, основанной профессором В.Б. Виноградовым, с 90-х гг. XIX в. Для данного подхода ключевыми понятиями являются: «взаимодействие», «взаимовоздействие», «синтез», «интеграция». Как отмечают авторы, «в отличие от тех исторических подходов, которые в качестве действующих субъектов на Кавказе рассматривают только Россию или исключительно великие державы, «делившие» Кавказ, парадигма «российскости» обращает внимание на взаимное тяготение народов России и Северного Кавказа, на взаимодействие и взаимовоздействие» [16]. Концептуально важным представляется предложение рассматривать

российскость «и как важнейшую составную часть самосознания, приобретение и утверждение которого происходило на основе общей государственности, признания России свои отечеством, интеграционных процессов, выработки общих культурных черт и др.» [17].

В монографии проделана серьезная работа критического осмысления ряда терминов, используемых в научных исследованиях историков кавказоведов. Авторы отстаивают введенный В.Б. Виноградовым для событий первой половины XIX в. понятие «кризис», вместо широко используемого, но дискуссионного термина «Кавказская война», поясняя, что он понимается как изменение, разрыв (традиций и тенденций), перелом, тяжелое переходное состояние, связанное с тем, что исчерпаны возможности функционирования прежних социальных институтов и отношений. На наш взгляд, данный термин наиболее адекватно отражает суть, происходивших на Северном Кавказе событий. Однако вряд ли северокавказское научное сообщество в скором времени примет его в свой научный арсенал.

В работе поднят целый ряд концептуальных проблем. В частности о «колониальном дискурсе» в историографии. Авторы считают продуктивной мысль о типологическом разделении империй на колониальные и континентальные, к последнему типу отнесена Россия. Впервые представленные и проанализированные в полном объеме Манифесты и Указы российских императоров (от Петра I до Николая I), подтверждают характеристику России как неколониальной державы, и раскрывают основные цели и мотивы деятельности России. Авторы приходят к выводу, что в документах «красной нитью проходят две главные идеи: подданные должны верно служить императору и государству, а императоры должны обеспечить мир, порядок, безопасность и торжество законов. При этом не делалось никаких различий между областями России, сильно отличавшимися друг от друга». Главной идеей «совместничества» является, прежде всего, мир, порядок и стабильность на южной окраине страны. Лояльность новых подданных для власти стояла на первом месте. Различия в социальной, политической, религиозной сферах такой роли не играли.

Событийный анализ, подкрепленный серьезной источниковой базой, приводит авторов к выводам, что российское правительство осознавало специфику Северного Кавказа по сравнению с другими регионами, а сам «процесс утверждения Российской империи на Северо-Восточном Кавказе не был прямолинейным. Российской администрацией допускались политические просчеты, сказывались накаленная социальная обстановка, распространение антироссийских настроений идеологами мюридизма, позиция местных верхов, не желавших отдавать свои прерогативы новым управленцам и др.» [18].

В 2015 г. вышла в свет коллективная монография, посвященная этноконфессиональной ситуации на Северном Кавказе в контексте интеграции региона в состав России [21]. В авторский коллектив вошли доктора исторических наук Н.Н. Великая и С.Л. Дударев, кандидаты исторических наук С.Н. Ктиторов и А.А. Цыбульникова.

Первый раздел монографии посвящен исследованию пережитков домонотеистических верований в контексте духовно-религиозных представлений и социальных практик народов Северного Кавказа (с древнейших времен до наших дней). Авторы раздела доктора исторических наук Н.Н. Великая, С.Л. Дударев актуальность обращения к данному вопросу объясняют возникшим симбиозом, с одной стороны христианства и его кавказской подосновы, а с другой стороны – ислама, христианства и язычества. По верному замечанию авторов, полностью изжить элементы домонотеистических верований не удалось ни в период христианизации, ни в эпоху исламизации региона. Анализ ранних религиозных представлений показал, что у народов Северного Кавказа формировались типичные религиозные культы, характерные для эпохи первобытности. При всей культурной самобытности автохтонных этносов Северного Кавказа, историческая ретроспектива выявила общие закономерности существования у них погребальных культов, тотемизма, анимизма, демонологии, зоолатрического культа, семейно-бытовых культов и др., формирования пантеона политеистических богов у осетин, балкарцев, карачаевцев, чеченцев и других северокавказских народов.

Отдельный параграф посвящен распространению христианства у народов Северного Кавказа в период с I в. до 1917 г. Авторы обозначают несколько этапов

христианизации автохтонных народов, каждый из которых имеет специфические особенности. Следует отметить, что процесс христианизации проходил с разной степенью успешности: прерываясь, возобновлялся вновь. Первый этап охватывает период с IV в. по XVI в.: распространение христианства шло из Византии, Грузии, Тмутараканской Руси, делали попытки распространения католицизма генуэзцы. Однако с падением Византии и Алании, народы Северного Кавказа оказались оторванными от остального христианского мира. В результате, как показали авторы, с одной стороны, дохристианские традиционные верования вытеснили христианство, с другой стороны, наблюдался процесс адаптации христианских обрядов и христианских святых к культам и в соответствии политическим воззрениями северокавказских народов [21]. Следующий этап христианизации проходил в рамках XVI-XVII в. Этот процесс был обусловлен установлением связей народов Северного Кавказа с Московским государством и началом интеграции в состав России, что повлекло за собой выделение нового направления распространения христианства на Северном Кавказе – русского, российского [22]. Для этого этапа была характерна добровольность смены религии, однако этот процесс не носил массового характера. В период XVIII в. – первой половины XIX в. распространение христианства среди народов Северного Кавказа было одной из составляющих в политике Российского государства. Авторы разделяют мнение ряда исследователей, что склонение горцев к христианству было связано с установлением союзнических отношений и приведением их в российское подданство.

Отдельно в работе рассмотрена деятельность Русской православной церкви. Авторы приходят к выводу, что в регионе, где значительную часть населения составляли мусульмане, церковь действовала «достаточно осторожно, не насаждая христианские догмы и не возбуждая своими действиями ненависть у представителей других конфессий», что позволяло официальному православию и официальному исламу мирно сосуществовать в регионе [23].

Серьезное внимание авторы уделили распространению и утверждению ислама у народов Северного Кавказа. С привлечением широкого круга письменных, этнографических, археологических источников, и учетом новейших научных публикаций, проведен серьезный анализ особенностей исламизации северокавказских народов в период с VII в. по начало XX в. В работе рассмотрены три волны проникновения ислама в регион: с VII в. – со стороны Арабского халифата; с XIII в. – с территории Золотой Орды; с конца XV в. – из Турции и Крымского ханства. Можно выделить несколько ключевых моментов, на которые обратили внимание авторы. Во-первых, процесс исламизации региона растянулся на несколько столетий; во-вторых, поверхностность постижения глубинных основ мусульманского вероучения; в-третьих, утверждение синтезированной веры и борьба с ней сторонников «чистого ислама», в рамках т.н. шариатского движения; в-четвертых, утверждение суфийской формы суннизма. Подводя итоги авторы отмечают, что, несмотря на глубокие корни, пущенные на Северном Кавказе, ислам так и не стал на Северном Кавказе религиозной системой универсалистского типа, которая могла бы объединить полиэтничное кавказское мусульманство [24]. По мере интеграции северокавказских народов в культурно-конфессиональное пространство России, формировался и укреплялся, как именуют его современные авторы «российский ислам». Феномен российского ислама авторы видят в том, что он «лоялен к российской государственности и толерантен к другим конфессиям. Его миротворческий потенциал огромен и позволял как в прошлом, так и в настоящем избегать многих правовых конфликтов, четко разграничивать дела светские… и духовные» [25].

Безусловно, отклик у читателей найдет серьезный научный анализ возрождения религиозных традиций в новейший период, который по периодизации авторов, выделяется в пятый этап эволюции религиозных верований у народов Северного Кавказа. Он характеризуется очищением ислама и христианства от языческих традиций, но одновременно, по мнению авторов, это сопровождается опасностью распространения фундаментализма в наиболее воинствующей форме [26]. Отмечается так же сохранение в современной обрядности народов региона пережитков традиционных верований, которые, будучи включенными в систему части социальных практик, воспринимаются как

олицетворение народных обычаев. На интереснейшем историческом материале раскрываются элементы архаических верований и культов, которые проявляются при совершении свадебных, «детских» и похоронно-поминальных обрядов.

Второй раздел монографии, анализирующий конфессиональную историю некоторых субэтнических групп и народов Северного Кавказа, подготовлен Н.Н. Великой. В первую очередь рассмотрены особенности христианства у северокавказского казачества. Большую группу составляли казаки-старообрядцы, которые представлены тремя группами: сохранившими религиозные представления, принесенные в регион до раскола (гребенские казаки); спасавшимися от преследований после раскола; оказавшимися в регионе в результате переселенческой политики [27]. Обращено внимание на взаимоотношения светских и духовных властей с местным старообрядчеством. Отмечено, что старообрядцы держались достаточно обособленно от других казачьих групп, в частности православных, более поздних переселенцев, а иноверное окружение способствовало консервации культурно-бытовых особенностей старообрядцев.

Официальное православие начинает укреплять свои позиции в регионе с конца XVIII в. с переселением черноморских казаков. Именно с этого момента увеличивается число построенных храмов, появляются первые монастыри, с начала XIX в. проходит урегулирование церковно-административного управления.

Исследователь подробно останавливается на деятельности Армяно-Григорианской церкви, которая играла «роль мощного объединительного фактора, сглаживавшего этнографические различия армян – переселенцев из разных мест» [28], грузинской православной церкви («термин «грузинские церкви», встречающийся в источниках, объясняет автор, означал, что эти православные церкви обслуживали грузинскую паству, и служба здесь отправлялась на грузинском языке). Римско-католическое христианство начинает свою миссионерскую деятельность с 30-40-х г. XIII в., но успеха не имела. Ситуация меняется в XIX в., когда в регионе появилось компактно проживающее католическое население (поляки, чехи и др.), в основном оно проживало в городах, и именно здесь строились костелы.

Конфессиональные аспекты миграционной политики российских властей на Северо-Западном Кавказе в середине XIX в., рассмотрены в третьем разделе монографии А.А. Цыбульниковой. Анализ имеющейся историографии и введение в научный оборот новых архивных материалов, позволил автору прийти к вполне обоснованным выводам. Основной целью правительства во второй половине XIX в., подчеркивает автор, было окончательное умиротворение региона и установления в нем военно-политической и социально-экономической стабильности при полном контроле ситуации российской администрации. В качестве одного из методов данного контроля исследуется система принудительных миграций славянского и автохтонного (преимущественно кавказского населения). Результаты эффективности использования инструментария контролируемых миграций А.А. Цыбульникова анализирует с точки зрения геополитических интересов России в регионе. Исходя из этого, вполне логичными и обоснованными представляются выводы по последствиям государственной миграционной политики. В качестве основных, выдвигаются следующие положения:

– изменился этноконфессиональный облик региона – славянский компонент значительно увеличился, кавказский снизился. Но произошло это не за счет геноцида или внешней депортации по этноконфессиональному признаку, а за счет свободы эмиграции;

– оставшаяся в регионе масса кавказского населения перемещена на легко контролируемые территории, дисперсно расселена небольшими анклавами в преобладающей массе славянского населения;

– была поставлена под контроль и практически пресечена волна кавказской реэмиграции;

– предгорные и горные районы были заселены полифункциональным по своей специфике казачеством;

– пограничная приморская зона была полностью освобожденная от неблагонадежного этноконфессионального компонента и заселена лояльным, преимущественно славянским населением;

– российским властям удалось заставить Османскую империю принять кавказских эмигрантов, оказать им посильную помощь и расселить вдали от российской границы [29].

При существующих в современной историографии неоднозначных оценок по вопросу принудительных миграций, принципиально важной является позиция автора, который считает, что «исход горцев с Северного Кавказа был не более чем актом свободного волеизъявления ряда этнических групп, вызванным объективными обстоятельствами в виде вхождения территорий их проживания в культурно-правовую зону другого государства (при всех плюсах и минусах этого неоднозначного процесса)» [30].

Четвертый и пятый раздел монографии, автором которых является С.Н. Ктиторов, посвящены конфессиональной инфраструктуре городов Кубани и Причерноморья (середина XIX – начало XX в.) и этноконфессиональному диалогу в пространстве Предкавказского города (на примере Армавира). Впервые в отечественной историографии проводится комплексное исследование процессов формирования и выявления специфики конфессиональной инфраструктуры городов Кубани и Причерноморья второй половины XIX – XX в. Главной структурообразующей характеристикой городских центров региона автор выделяет их полиэтничность. Она, пишет автор, неотъемлемая черта урбанизма, который для северокавказского региона был и остается наиболее действенным средством интегрирования в универсализм, важным условием для формирования «российскости» [31]. В условиях быстрорастущих центров Предкавказья рождалась новая ментальность городских жителей, для которой были присущи такие качества, как: открытость, терпимость, самостоятельность, социальная активность, тяга к образованию. При этом отмечается национальная специфика городских центров: для городов Кубани было характерно преобладание этнически однородного восточнославянского казачества и военного населения, тогда как в Черноморской губернии наблюдалась этническая неоднородность населения. Этническая неоднородность, приходит к выводу С.Н. Ктиторов, стала главным фактором формирования поликонфессионального многообразия культурной среды городов региона. На примере городов Кубани и Причерноморья показано, что в них в равной мере могли отправлять свои религиозные потребности православные русские, армяне, приверженцы Армянской Апостольской церкви, немцы и эстонцы, являвшиеся лютеранами, немцы и чехи – католики, евреи – иудеи, северокавказские горцы, татары и персы, исповедовавшие ислам. Важным гарантом благополучного существования этой многоэтничной среды, живущей в соответствии с традициями сотрудничества и мирного существования, подчеркивает С.Н. Ктиторов, являлась российская власть.

На примере города Армавира С.Н. Ктиторов рассматривает различные аспекты этноконфессионального диалога, аргументируя это тем, что в конце XIX – начале XX в. в Армавире формируется исключительно гетерогенный многонациональный состав жителей, быстро вовлекавшийся в разнообразные формы взаимодействия. Подтверждением данного тезиса служит интереснейший исторический материал, раскрывающий религиозную жизнь русского, армянского, мусульманского, католического населения города. В качестве яркого примера межэтнического и межконфессионального взаимодействия, следует отметить деятельность Николаевской церкви города Армавира, прихожанами которой в дореволюционный период были не только великороссы, малороссы, белорусы, но и местные греки, грузины, армяне, болгары, румыны, сербы и ассирийцы [32].

В заключение отметим, что рецензируемые монографии продемонстрировали высокий научно-аналитический уровень исследования культурной, политической, экономической, конфессиональной интеграции Северного Кавказа в состав России. Хочется надеяться на их объективную научную оценку историками-кавказоведами, так как они не только представляют материал для размышлений, но и открывают новые перспективы дальнейшего исследования интеграционных процессов.

Примечания:

1. Основные этапы всемирной истории/ под ред. В.Б. Виноградова и С.Л. Дударева. Армавир, 2009. С.194–195.
2. *Ктиторова О.В.* Феномен северокавказского просветительства в преломлении судьбы и творчества Адиль-Гирея Кешева. Армавир-Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2015. – 232 с.
3. Там же. С. 58.
4. Там же. С. 42.
5. Там же. С. 58–59.
6. Там же. С. 83.
7. Там же. С. 97.
8. Там же. С. 142.
9. Там же. С. 147.
10. Там же. С. 154.

11. Там же. С. 157.
12. Там же. С. 172.
13. Там же. С. 177.
14. *Великая Е.В., Великая Н.Н.* Мирные формы интеграции Северо-Восточного Кавказа в состав Российской империи (1801-1859 гг. / Под ред. проф. С.А. Голованова. Армавир: РИО АГПУ, 2015. – 252 с.
15. Там же. С. 219.
16. Там же. С. 27.
17. Там же. С. 27.
18. Там же. С. 150.
19. Там же. С. 218.
20. Этноконфессиональная ситуация на Северном Кавказе в контексте интеграции региона в состав России (конец XVIII – начало XXI века) / Под ред. проф. С.Л. Дударева. Армавир: Дизайн-студия Б., 2015. – 262 с.
21. Там же. – С. 38.
22. Там же. – С. 42.
23. Там же. – С. 260.
24. Там же. – С. 73.
25. Там же. – С. 76.
26. Там же. – С. 102.
27. Там же. – С. 142.
28. Там же. – С. 154.
29. Там же. – С. 188–189.
30. Там же. – С. 190.
31. Там же. – С. 193.
32. Там же. – С. 191–210.

А.Х. Карданова

Новое исследование о русском населении Карачаево-Черкесии

[О монографии Соловьевой Н.Г. Русское население Карачаево-Черкесии (вторая половина XIX – первая треть XX в.). Черкесск: РГБУ КЧИГИ, 2015. – 379 с.]

Безусловно, научное исследование, подготовленное кандидатом исторических наук, старшим научным сотрудником отдела археологии и истории Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований Соловьёвой Натальей Георгиевной станет значительным вкладом в разработку истории казачества. Исследование привлекает сразу внимание постановкой недостаточно подробно изученных и исследованных вопросов истории казачества. Особое внимание обращает на себя тот факт, что автор широко привлекает материалы фундаментальных исследований с их анализом отечественной историографии, которые помогают автору глубоко и объективно раскрыть поднятые в монографии вопросы. Заслугой автора является и то, что он приводит в работе богатый этнографический и фольклорный материал, впервые введённый в научный оборот.

Российская история во второй половины XIX – первой трети XX века, складывалась в условиях трансформации общества, модернизации производственных и общественных отношений, ломки государственных устоев и строительства нового государства, основанного на принципах социалистического развития, что безусловно отразилось на историческом, социально-экономическом и культурном развитии всех регионов страны, в том числе и современной Карачаево-Черкесии. Выявление общероссийских тенденций развития и специфики развития современной Карачаево-Черкесии во второй половине XIX – первой трети XX в. через призму жизнедеятельности русского населения являются объектом данного научного исследования.

Многонациональность – отличительная черта государственного строя России как в монархический период, так и в годы советской власти. Эта особенность характерна и для современной Карачаево-Черкесии, в которой в обозначенный хронологический период проживали (и сегодня живут) народы – носители разных культур: абазины, карачаевцы, ногайцы, русские, черкесы и др. В данном труде предпринята попытка исследовать социально-экономическое и культурное развитие русского населения в динамике общего развития многонационального региона.

Под понятием «русское население» в работе подразумевается всё население, владеющее русским языком, активно использующее его в обиходе и не входящее в состав горского населения. В архивных и иных достоверных источниках российской истории XIX века к ним относили как «русских-казаков», так «русских-иногородних»: украинцев, белорусов, литовцев, эстонцев, немцев и других, прибывших и осевших на территории современной Карачаево-Черкесии позже казаков. Данное определение объекта исследования не противоречит употребляемому ранее в историографии, архивных материалах, периодической печати пореформенного периода термина «русское население» Северного Кавказа.

Автор ставит перед собой задачу показать роль русского населения в решении сложнейших проблем в области экономики, социального и культурного развития народов современной Карачаево-Черкесии. Сегодня, когда необходимо сохранить и развивать национальную самобытность всех этносов, составляющих основу российского государства, определение и исследование

всех аспектов национальной самоидентификации русского населения Карачаево-Черкесии в переломный период истории страны отвечает реальным запросам современности.

Начиная с первой половины XIX века стали появляться работы, рассматривающие различные вопросы истории народов современной Карачаево-Черкесии. В этот период появляются труды абазинского просветителя Кешева (псевдоним Каламбий) [1], адыгского просветителя и учёного Ш.Б. Ногмова [2], адыгского историка и этнографа Хан-Гирея [3] и др.

Для исследователей истории народов Северного Кавказа XIX века одной из сложных тем являлась Кавказская война. Значительный материал по истории Кавказской войны и по казачеству содержится в работах не только известных авторов второй половины XIX – начала XX в., в частности Ф. Щербины [4], но и у целого ряда «официальных» историков царской России [5]. В эти годы появляются работы, специально посвященные трагедии переселения народов Северо-Западного Кавказа в Турцию. Судьба переселенцев-горцев показана в работах Я. Абрамова [6], А. Берже [7] и др.

В конце XIX в. появляются работы, в которых рассматривается ряд вопросов, заявленных в данном исследовании.

В 1883 году вышла книга Ф.А. Щербины «История земельной собственности у кубанских казаков». Автор подробно освещает вопросы наделения кубанских казаков землей, особенности ведения хозяйства в казачьих станицах, наличие высокого процесса частновладельческих земель у кубанских казаков. В своих выводах Ф.А. Щербина подчеркивает наличие ряда общих черт в поднятых им вопросах у населения центральной России и русского населения Северного Кавказа и казачества.

В 1898 году вышел четвёртый том «Кубанского сборника» под редакцией Ф.А. Щербины и А.С. Собриевского, в котором ряд авторов: М.П. Борчевский, Я.К. Васильев, К.Т. Живило исследовали экономическое развитие Кубанской области в конце XIX века [8]. В 1899 году А.Н. Дьячков-Тарасов исследовал Сентинский храм [9], расположенный на территории Карачаево-Черкесии.

В эти же годы появляются исследования, посвященные вопросам становления образования в Кубанской области, в частности, начального образования среди горцев. Более подробно эти вопросы рассмотрены в монографии Н.Ф. Блюдова «Начальное образование в Кубанской области». Е.Д. Фелицыным была завершена работа по созданию топографической карты Кубанской области [10].

Проблемам иногороднего населения Кубанской области посвящена работа Л.М. Мельникова «Иногородние в Кубанской области» [11]. Значительную помощь при рассмотрении ряда вопросов исследуемой проблемы автору оказали статистические данные о населении Кубанской области, всеобщей переписи населения 1897 года.

В эти же годы появляются работы, посвященные горцам Кубанской области, в частности черкесам [12].

Значительный материал содержится по истории как Северного Кавказа, так и современной Карачаево-Черкесии, в так называемых «записках» – рассказах путешественников, которые бывали на Северном Кавказе проездом и записывали воспоминания людей, чьи предки жили на данной территории. Такие сведения содержатся, в частности, в работах В.А. Потто [13], Д. Семёнова [14], Г. Вивчаря [15]. Однако в работах этих и многих других дореволюционных авторов не проводилась взаимосвязь между социальным и экономическим развитием народов современной Карачаево-Черкесии, опускались причинно-следственные связи их исторического развития. Историю карачаевцев, черкесов, абазин, ногайцев они рассматривали совершенно изолированно от общего хода развития Российской империи [16].

После Октябрьской революции народы Северного Кавказа, в том числе народы современной Карачаево-Черкесии, получили возможность обучаться в вузах страны, заниматься научной, исследовательской, творческой деятельностью. В 20-30-е годы XX столетия появились труды У. Алиева [17], И. Тамбиева [18], А.Х. Джанибекова, Т. Табулова и др., в которых рассматриваются различные вопросы экономического, социального, культурного развития народов Карачаево-Черкесии.

Большой вклад в изучение истории, этнографии, языков и литератур, культуры народов Карачаево-Черкесии внёс Карачаево-Черкесский научно-исследовательский

институт (сегодня КЧИГИ) и его сотрудники.

Значительную роль в разработке ряда проблем по истории казачества сыграло переиздание исследований, заметок путешественников, опубликованных в XIX в. В них рассматривается ряд вопросов, касающихся истории казачества [19].

В современной исторической литературе нашли освещение лишь некоторые вопросы истории русского населения современной Карачаево-Черкесии, которые в основном носят справочный или публицистический характер.

Авторы «Очерков истории Карачаево-Черкесии» в 2 томах [20] по мнению исследователя не уделили достаточного внимания истории русского населения области.

В «Истории народов Северного Кавказа (конец XVII в. – 1917 г.)» [21] более подробно освещена историческая роль русского населения в развитии северокавказского региона.

Весомым вкладом в разработку истории казачества на перекрестке двух веков стали сборники статей: «Казачество в Октябрьской революции и гражданской войне» [22]; «Казачество в революциях и гражданской войне» [23]. В них вошли доклады и сообщения, прочитанные участниками всесоюзных научных конференций «Казачество в Октябрьской революции и гражданской войне» и «Казачество в революциях и гражданской войне».

В содержащихся в сборниках материалах подводятся итоги многолетней работы историков по проблемам казачества, рассматриваются важные узловые проблемы, выдвигаются вопросы, требующие дальнейшей научной разработки. Вместе с тем в статьях получили отражение положения, носящие дискуссионный характер.

Ряд современных авторов поднимают вопросы положения русского населения на Северном Кавказе на перекрестке российской истории. Г.С. Денисова, В.П. Уланов в своей работе сделали подробный анализ трансформации социокультурного статуса русского населения на Северном Кавказе, О.В.Матвеев в своей работе дает подробную картину мира кубанского казачества [24].

Свой вклад в разработку истории Кубанского и Донского казачества внесли краснодарские и ростовские учёные (А.И. Козлов, Г.С. Денисова, В.П. Уланов и др.) [25].

О традициях, обрядах и календарных праздниках казачества повествует в своей работе П.С. Федосов [26].

В 90-е годы XX столетия появились научные исследования, раскрывающие отдельные вопросы исторического развития народов Северного Кавказа и Карачаево-Черкесии, в том числе работы А.Л. Станиславского и И.Я. Куценко.

Работа А.Л. Станиславского посвящена событиям Гражданской войны. Автор четко прослеживает позицию кубанского казачества в переломный период исторического развития России, по какую сторону баррикад стояли казаки в этот сложный период и чем это было обусловлено [27].

Книга И.Я. Куценко «Кубанское казачество» стало первым монографическим в современной историографии исследованием истории кубанских казаков. Автор на основании широкого круга источников прослеживает динамику становления, роль и судьбы военно-служивого казачьего сословия.

Значительное внимание в исследовании уделено вопросам политики Российской империи, которую она проводила по отношению к Кавказу, в частности, к Черкесии. Это была политика «выжженной земли», связанная с событиями Кавказской войны. Создание кордонных линий, возникновение станиц и хуторов в ходе Кавказской войны и после её завершения кардинально изменили картину расселения проживающих здесь народов. Оставшиеся на своей территории всего 3-5% горского населения расселялись царской администрацией исходя из военно-стратегических соображений.

В силу исторических обстоятельств русское население современной Карачаево-Черкесии оказалось в среде иноязычного населения с четким определением места их постоянного проживания. Обстоятельства эти были связаны с событиями Кавказской войны.

В начале XX века, с установлением советской власти на Кубани, Баталпашинский отдел, куда в основном входили русские населённые пункты, перестал существовать. В провозглашенную Карачаево-Черкесскую автономную область вошла часть русского населения бывшего Баталпашинского отдела.

Постоянные административно-территориальные изменения наложили определённый отпечаток на историческое развитие русского населения.

Несмотря на трагические последствия Кавказской войны, автор находит позитивные ростки во взаимоотношениях между горцами и казаками и «иногородними», которые в последующие годы окрепли и превратились в дружбу между народами современной многонациональной Карачаево-Черкесии.

Автор дает интересный материал по взаимовлиянию и взаимообогащению как в области общей культуры, так и материальной культуры, в частности народов современной Карачаево-Черкесии.

Вопросы экономического развития исследуемого региона в обозначенных хронологических рамках автор рассматривает в нескольких параграфах работы – это и процесс распределения земельных угодий после окончания Кавказской войны и в более поздний период, это и культивирование и обработка широко распространенных сельскохозяйственных культур, это и развитие животноводства, это и появление основных отраслей перерабатывающей промышленности, в основном через кустарные предприятия, это и становление розничной торговли и т.д.

Интересный материал представлен в работе по общественному самоуправлению в станицах, по семейному быту казачества и русского населения современной Карачаево-Черкесии.

С привлечением большой источниковедческой базы автору удалось глубоко проанализировать вопросы, связанные с событиями Первой русской буржуазно-демократической революции: роль русского населения в распространении революционных идей в Баталпашинском отделе, состояние социально-экономического и политического положения в отделе накануне революции; влияние революционных событий в центральных районах страны на формирование революционного движения в национальных районах страны, в частности, в Карачае и Черкесии.

Революционный подъем выявил многие причины упадка промышленности, сельского хозяйства в стране. Автор исследования показывает этот процесс на материале Баталпашинского отдела. Ухудшение экономического состояния населения во многом усилил приток как русского населения Баталпашинского отдела, так и горцев в ряды борцов, выступавших за изменение существующего строя в стране.

В исследовании подробно рассматриваются вопросы, связанные с установлением советской власти в Баталпашинском отделе после победы революции в октябре 1917 года: роль русских и горских революционеров в пропаганде революционных идей среди населения Баталпашинского отдела; установление советской власти в отделе; события Гражданской войны, прервавшие процесс установления советской власти на Северном Кавказе, в частности, в Карачае и Черкесии. Закончилась Гражданская война, советская власть была восстановлена в стране и ее регионах. О взаимодействии русского населения и горцев Баталпашинского отдела, а затем и Карачаево-Черкесии в решении совершенно новых проблем в области экономического, социального, культурного строительства автор раскрывает в нескольких параграфах работы.

Сложности восстановительного периода, перегибы в колхозном строительстве, создание новых очагов промышленности в Карачаево-Черкесии нашли отражение в данном исследовании.

Анализ, проделанной автором работы, дает достаточно оснований сказать, что представленное исследование станет весомым вкладом в разработку истории одного из многонациональных регионов России – Карачаево-Черкесии, на сложном историческом этапе развития страны – перекрестке XIX–XX вв.

Примечания:

1. *Каламбий.* На холме // Русский вестник. Ноябрь, 1861. Т. 36.
2. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. Нальчик, 1947.
3. *Хан-Гирей.* Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов // Русский вестник. Январь, 1842. № 1.
4. *Щербина Ф.* История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910 (1913). Т. 1, 2.
5. *Дубровин Н.Д.* История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871–1887. Т. 1–6; *Короленко П.* Черноморцы. СПб., 1874; *Толстов В.* История Хопёрского полка Кубанского войска. Тифлис, 1900.
6. *Абрамов Я.В.* Кавказские горцы // Дело. 1884. № 1.
7. *Берже А.* Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. 1882.
8. *Борчевский М.П.* О сплаве брёвен по рекам нагорной полосы Кубанского войска. 1896 // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1898. Т.4; *Васильев Я.К.* Значение рек Кубанской области в лесном хозяйстве. 1895 // Кубанский сборник.

Екатеринодар, 1898. Т. 4; *Живило К.Т.* Опыт исследования о состоянии пчеловодства в некоторых станицах Кубанской области в 1894 году // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1898. Т. 4.

9. *Дьячков-Тарасов А.Н.* Сентинский храм и его фрески // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1899. Т. 5.

10. *Щербина Ф.А.* История земельной собственности у кубанских казаков // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1883. Т. 1; *Блюдов* Н.Ф. Начальное народное образование в Кубанской области // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1883. Т.1; *Фелицын Е.Д.* Карта Кубанской области // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1883. Т. 1.

11. *Мельников Л.М.* Иногородние в Кубанской области // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1900. Т. 6; *Шамрай В.С.* Историческая справка об иногородних в Кубанской области по документам, извлечённым из дела Кубанского войскового архива // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1901. Т. 7.

12. *Короленко П.П.* Записки о черкесах: Материалы по истории Кубанской области // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1908. Т. 14.

13. *Потто В.А.* Несколько дней на Кубани: Из путевых заметок 1853–1856 гг. // Военный сборник. 1861. Т. XVIII. № 3; *Потто В.А.* Кавказская война: В 5 томах. М., 2007.

14. *Семёнов Д.* Отечествоведение. Россия по рассказам путешественников и учёным исследованиям: В 2 т. СПб., 1871.

15. *Вивчарь Г.* Казачество и адыги. Мемуары моих дедов и прадедов. Майкоп, 1997.

16. Очерки истории Карачаево-Черкесии. С древнейших времён до Великой Октябрьской социалистической революции. Черкесск, 1967. Т.1.

17. *Алиев У.Д.* Карачай. Карачаевская автономная область (историко-этнологические и культурно-экономические очерки). Ростов-на-Дону, 1927.

18. *Тамбиев*. Рабство и феодализм в дореволюционном Карачае // Революция и горец. 1932. № 4.

19. Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Кавказ. Том IX. Под общей редакцией П.П.Семенова. Изд. Надыршин. М., 2008; *Надеждин П.П.* Кавказский край: природа и люди. Адапт. изд. Краснодар, 2010; *Щербина Ф.А., Фелицын Е.Д.* Кубанское казачество и его атаманы. М., 2008.

20. Очерки истории Карачаево-Черкесии. С древнейших времён до Великой Октябрьской социалистической революции. Черкесск, 1967 Т. 1; Очерки истории Карачаево-Черкесии. Советский период. Черкесск, 1972. Т. 2.

21. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988.

22. Казачество в Октябрьской революции и гражданской войне: Материалы Всесоюзной научной конференции, 12–13 ноября 1980 года / Отв. ред. акад. И.И. Минц. Рук. авт. кол. А.И. Козлов. Черкесск, 1984.

23. Казачество в революциях и гражданской войне: Материалы 2-ой Всесоюзной конференции / Под общ. ред. Акад. И.И. Минца. Отв. ред. А.И. Козлов. Черкесск, 1988.

24. *Денисова Г.С., Уланов В.П.* Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов-на-Дону, 2003; *Матвеев О.В.* Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX в.): категории воинской ментальности. Краснодар, 2005; *Михайлов И.В.* Территория проживания: Карачаево-Черкесская Республика. Ставрополь, 2004.

25. *Козлов А.И.* Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, теория). Ростов-на-Дону, 1995; *Денисова Г.С., Уланов В.П.* Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов-на-Дону, 2003.

26. Казачество: традиции, обряды и календарные праздники / Автор-составитель П.С. Федосов. Ставрополь, 2009.

27. *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России: Казачество на переломе истории. М., 1990.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКАК – Акты Кавказской архивной комиссии

АНИИ – Адыгейский научно-исследовательский институт

АО – Археологические открытия

АОАОР – Архивный отдел администрации Отрадненского района

ВИ – Вопросы истории

ИАА – Историко-археологический альманах

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края

ГА КЧР – Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ГАСК – Государственный архив Ставропольского края

КГИАМЗ – Краснодарский историко-археологический музей заповедник им. Е.Д. Фелицына

КСИА – Краткте сообщения института археологии

КСИИМК – Краткие сообщения Института материальной культуры

ОИАМ – Отрадненский историко-археологический музей

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

РГИА – Российский государственный исторический архив

МАДИСО – Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии

МАК – Материалы по археологии Кавказа

МИА СССР – Материалы и исследования по археологии СССР

СА – Советская археология

СЕВ – Ставропольские епархиальные ведомости

СМАА – Сборник материалов по археологии Адыгеи

СОНИИ – Северо-Осетинский научно-исследовательский институт

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреева Ольга Вадимовна – инженер, краевед (г. Медногорск, Карачаево-Черкесская республика)

Бабич Александр Владимирович – главный специалист отдела информационно-поисковых технологий и использования архивных документов КГУ КК «Государственный архив Краснодарского края»

Бамбурина Ирина Владимировна – главный специалист Архивного отдела администрации муниципального обоазования город Армавир

Буряк Игорь Игоревич – журналист, поэт, ветеран ИТАР-ТАСС

Гетманская София Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Г. Краснодар. ГБНТУК КК «Кубанский казачий хор» (г. Краснодар); e-mail: ribkosn@mail.ru

Голованова Светлана Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир)

Громов Владимир Прокофьевич – атаман Кубанского казачьего войска с 1990 по 2007 г. Казачий генерал, депутат Законодательного Собрания Краснодарского края (г. Краснодар).

Демидов Александр Васильевич – старший преподаватель Анапского филиала Сочинского государственного университета, г. Анапа; e-mail: demidov_alex_03@mail.ru

Дозорова Людмила Владимировна – магистрант I курса исторического факультета, ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: dozorowa.liud@yandex.ru

Завьялов Сергей Львович – краевед, эксперт Кубанского управления Росохранкультуры (г. Краснодар)

Заубидова Ирина Хасамбиевна – заместитель директора-главный хранитель фондов РГБУ «Государственный Карачаево-Черкесский историко-культурный и природный музей-заповедник им.М.О. Байчоровой» (г. Черкесск)

Казанков Владимир Иванович – краевед, член Отрадненского районного общества историков-архивистов во имя святого преподобного Нестора Летописца, (ст. Бесскорбная); e-mail: vl.kazankov56@mail.ru

Карданова Ася Хусиновна – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории и археологии КЧР Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР (г. Черкесск)

Кияшко Никита Витальевич – член Комиссии по канонизации святых Екатеринодарской епархии Русской Православной Церкви (г. Москва); kiyasshkonv@gmail.com

Корсакова Наталья Александровна – старший научный сотрудник Краснодарского государственного историко-археологического музея заповедника им. Е.Д. Фелицына (г. Краснодар)

Ктиторов Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории, председатель Армавирского городского общества историков-архивистов (г. Армавир); ktitorovsn@rambler.ru

Кузнецов Владимир Александрович – доктор исторических наук, Заслуженный деятель науки Северо-Осетинской АССР, заслуженный деятель науки РСФСР (г. Минеральные Воды)

Лукаш Сергей Николаевич – доктор педагогических наук, профессор кафедры ТИПиОП ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир)

Лысенко Николай Федорович – профессор, кандидат сельскохозяйственных наук, директор ГБПОУ КК «Вознесенский техникум пищевых производств» (ст. Вознесенская)

Малахов Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир), с.н.с. Института истории и археологии РСО-Алании (г. Владикавказ).

***Малахова Анастасия Сергеевн*а** – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права НЧОУ ВО «Армавирский лингвистический социальный институт»

Немченко Гарий Леонтьевич – русский писатель, публицист, переводчик, общественный деятель, член Союза писателей с 1964 г., Лауреат премии ВЦСПС и Союза писателей СССР, премий им. Николая Островского, «Казачий златоуст», «Образ», имени А.С. Пушкина, Заслуженный работник культуры Республики Адыгея, автор около 50 книг прозы (г. Москва)

Немченко Сергей Гариевич – краевед, председатель Отрадненского районного общества историков-архивистов во имя святого преподобного Нестора Летописца.

Нестеркин Андрей Иванович – пенсионер, духовное чадо о. Виктора Райша (г. Сургут)

Новичихин Андрей Михайлович – кандидат исторических наук, заместитель заведующего Анапским археологическим музеем по научной работе (г. Анапа); e-mail: yazamat03@mail.ru

Пелих Валентина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент (г. Армавир)

Пелих Алексей Леонидович – доктор исторических наук, директор ГБПОУ КК «Армавирский механико-технологический техникум», профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир)

Петров Владимир Николаевич – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (г. Краснодар)

Подсвирова Любовь Фёдоровна – заведующая отделом Государственного музея Л.Н.Толстого, Заслуженный работник культуры РФ (г. Москва).

Подсвиров Иван Григорьевич – писатель, член-корреспондент Международной Академии информатизации (г. Москва).

Пьянков Алексей Васильевич – ведущий научный сотрудник ООО «Западно-Кавказская археологическая экспедиция» (г. Краснодар); e-mail: a.v.pyankov@rambler.ru

Пылков Олег Сергеевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник МБУК «Армавирский краеведческий музей» (г. Армавир)

Радичко Любовь Викторовна – учитель истории и обществознания МБОУ СОШ № 16 ст. Отрадной Отрадненского района Краснодарского края, член Отрадненского районного общества историков-архивистов во имя святого преподобного Нестора Летописца.

Росликова Валентина Ивановна – доктор географических наук, главный научный сотрудник Института водных и экологических проблем Дальневосточного отделения РАН (г. Хабаровск)

Русанов Константин Викторович – краевед-пенсионер (г. Харьков, Украина); e-mail: construsanov@yandex.ru

Самовтор Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, главный специалист ГКУ КК «Государственный архив Краснодарского края», председатель первичной организации Российского общества историков-архивистов ГКУ КК «Государственный архив Краснодарского края» (г. Краснодар)

Сидякина Анна Геннадьевна – научный сотрудник муниципального Историко-краеведческого музея Усть-Лабинского района (г. Усть-Лабинск); angensid@gmail.com

Симонянц Иван Васильевич – аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир)

Слуцкий Аркадий Иосифович – кандидат педагогических наук, ассоциированный старший научный сотрудник сектора исследований истории культуры народов Юга России филиала Российского научно-исследовательского института культуры и природного наследия им. Д.С. Лихачева (г. Атланта, США)

Смирнов Николай Прокофьевич (1916–1995) – уроженец ст. Отрадной, проживавший в ней до 1937 г. Автор неопубликованных воспоминаний о жизни станицы в 1920-х – 1930-х гг.

Соколова Любовь Александровна – главный хранитель фондов КГУ КК «Государственный архив Краснодарского края» (г. Краснодар).

Соловьёва Наталья Георгиевна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории и археологии КЧР Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почёта» института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР (г. Черкесск); e-mail: soloviova_n31@mail.ru

Тёр Виктор Васильевич – журналист, Заслуженный журналист Кубани (ст. Ленинградская)

Фесенко Светлана Алексеевна – студентка ГБПОУ КК «Армавирский юридический техникум» (г. Армавир)

Хабекирова Хабиба Адамеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований (г. Черкесск); e-mail: h.habeckirova @yandex.ru

Хачатурова Евангелина Анатольевна – зав.отделом археологических фондов КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына (г. Краснодар)

Храбрых Валерий Константинович – войсковой атаман ТКВ (1998-2002 гг.), председатель Северо-Осетинской региональной общественной организации «Культурный центр Терского казачества» (г. Владикавказ).

Шишканова Антонина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, Заслуженный деятель науки КЧР, Заслуженный работник высшего образования КЧР. Ведущий научный сотрудник отдела языков Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований Правительства КЧР; e-mail: shishkanova.2013@yandex.ru

Юрченко Татьяна Васильевна – главный хранитель Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына (г. Краснодар); e-mail: kgiamz@mail.kuban-net.ru

Яковлев Сергей Юрьевич – канд. истор. наук, начальник Архивного отдела администрации муниципального образования г. Армавир

Отрадненские
историко-краеведческие
чтения

Выпуск IV

Материалы Международной научной конференции,
посвящённой 130-летию
со дня рождения краеведа
Петра Митрофановича Галушко

Научный редактор С.Н. Малахов
Составитель С.Г. Немченко

Издательско-полиграфическое предприятие:
ИП Шурыгин Виталий Евгеньевич
г. Армавир, ул. Каспарова, 7.
Тел.: (86137) 7-56-96, (928) 2954-928.

Подписано в печать: 01.08.2016 г. Формат 60х90/8.
Гарнитура Times. Бумага офсетная. Тираж 250 экз.
Печать трафаретная цифровая. Усл.печ.л. 40,3. Уч.изд.л. 40,8.